

Василий Осипович
КЛЮЧЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕВЯТИ
ТОМАХ

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ I

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ II

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ III

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ IV

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ V

СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КУРСЫ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КУРСЫ

СТАТЬИ

МАТЕРИАЛЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

Василий Осипович
КЛЮЧЕВСКИЙ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КУРСЫ

МОСКВА „МЫСЛЬ“ 1989

ББК 63.3(2)
К52

Редакция литературы
по истории СССР

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
В. Л. ЯНИНА

Послесловие
доктора исторических наук
Р. А. КИРЕЕВОЙ

Комментарии составили
доктор исторических наук
Р. А. КИРЕЕВА,
доктор исторических наук
В. А. АЛЕКСАНДРОВ,
кандидат исторических наук
В. Г. ЗИМИНА

К $\frac{0503020000-017}{004(01)-89}$ Подписное

ISBN 5-244-00072-1
ISBN 5-244-00413-1

© Издательство «Мысль». 1989

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕКЦИЯ

I

(фрагмент)¹

Осень 1888 г.

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ И СТЕПЕНЬ ИХ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ.
ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.
ЗАВИСИМОСТЬ ЗАДАЧ И ПРИЕМОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ
ОТ СВОЙСТВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И СОСТОЯНИЕ ИХ РАЗРАБОТКИ.
ОСОБЫЕ ЗАДАЧИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.
ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Древнерусское *бытописание* как основной источник русской истории. Его отличие от позднейшей *историографии*. Его главные отделы или виды: 1) летописание, 2) хронография, 3) агиография и 4) повествование. Сравнительное значение каждого отдела для изучения русской истории.

ИСТОЧНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. Задача исторической критики — обработка исторических источников. Первый вопрос, являющийся при обзоре источников русской истории, — вопрос об их состоянии, т. е. о степени их научной обработки; затем следуют вопросы, касающиеся их качеств: обильны ли они или скудны, дают много или мало пищи историческому размышлению; на это отвечают неохотно и неуверенно. Недостаток знакомства с источниками — главная причина ее недостаточного научного интереса. То, что рассказывается по источникам разработанным, представляет мало любопытного для ума и воображения, скользит по поверхности жизни, не отвечает на серьезные вопросы о ее ходе и смысле, а где искать ответов на такие вопросы и можно ли где их найти — не знают. Тесная сфера исторического сознания. Тот народ знает свою историю, где ход и смысл родного прошедшего есть достояние общего народного сознания и где это сознание прошлого есть привычный акт мышления. Мало, чтобы отечествен-

ную историю излагали в книгах, преподавали в школах и с кафедр; надобно, чтобы ее выводы и предания передавались одним поколением другому вместе с детскими сказками и житейскими уроками матери и няни. Наша история еще покоится на архивных полках и едва начинает двигаться оттуда и только к рабочему столу ученого: как ей далеко еще идти до детской аудитории няни!

Это понятно: давно ли мы изучаем свою историю? Сто лет с чем-нибудь — не больше. Ведь могут найтись долговечные русские люди, которым больше лет, т. е. которые старше своей русской истории, точнее — историографии. Чуть не до половины прошедшего века мы *не изучали своей истории, а просто запоминали свое прошлое*. Но помнить прошлое и знать историю — не одно и то же. Помнить прошлое — значит знать, что было, и по бывшему гадать, не повторится ли и впредь нечто подобное. Знать свою историю — значит понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет будущее. Вот почему знаток прошедшего не всегда историк. Для первого события минувшего — случайности, грядущие явления — неожиданности, иногда лишь напоминающие собою нечто бывавшее прежде; для второго все минувшее — только слагаемые той суммы, которую мы называем настоящим, а будущее — только ряд неизбежных следствий настоящего. Первый не идет дальше чтения и запоминания строк древних хартий и документов; второй силится читать и между строками, стараясь угадать, о чем они смолчали.

Эти ученые усилия начались у нас около половины XVIII в., и начались частью по почину чужих, сторонних людей, немцем и русским академиком Байером (ум. в 1738 г.) в сочинении на латинском языке о варягах и призвании русских князей и немцем же, русским историографом Миллером, развившим в своей академической речи о происхождении «народа и имени руссов» мысли своего предшественника и соотчича (1749 г. 6 сент.). С тех пор стал на очередь и доселе не сходит с нее знаменитый и шумный вопрос о происхождении русского народа и государства. Три-четыре поколения — слишком короткий век для науки, даже для одной лишь ветви ее, какова история России по отношению к истории всеобщей. Вот почему мы не имеем основания ни унывать, ни смеяться, как бы ни был скуден запас наших познаний в области нашей истории и как бы ни были элементарны и наивны эти познания. Всему свое время. Не только основные факты нашего прошедшего не уяснены достаточно историческим исследованием и мышлением — самые источники

нашей истории не разработаны научной критикой и даже далеко не все приведены в известность, не попали в каталог. Во многих важных вопросах нашей истории историк вынужден еще терпеливо сидеть сложа руки в ожидании, когда покончит свою пыльную инвентарную работу архивариус.

Разборка и критическая разработка источников — работа, стоящая на ближайшей очереди в изучении нашей истории. Наша историография еще надолго должна оставаться преимущественно исторической критикой. Вы знаете, что такое *историческая критика*. Это предварительная очистка исторического источника от портящих его примесей с целью сделать его годным к научному употреблению. Эта порча бывает двоякая и объясняется самым свойством исторического источника как научного материала.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА. Исторические источники — это или письменные, или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ. Вещественными памятниками называются самые предметы, бывшие в употреблении людей, служившие их потребностям и, следовательно, наглядно представлявшие их быт, обстановку, вкусы, стремления и страдания. Этими памятниками ведает археология, у которой *своя критика* с особыми приемами. Историческая критика в принятом смысле ведает собственно словесными памятниками письменности, в которых рассказываются события или изображаются отношения минувших времен. Они передают житейское явление (событие, мысль, чувство) словом, а не наглядным знаком или художественным образом. Неверное отражение действительности в таком памятнике происходит от двух причин: или испорчен текст его, и потому неверно передает[ся] мысль его автора, или самая мысль автора намеренно или ненамеренно неверно передает действительность. Критика, направленная к восстановлению подлинного текста памятника, называется *филологической*. Критика, имеющая целью определить угол преломления действительности, степень уклона авторской мысли от действительности, может быть названа *фактической*. Таким образом, историческая критика — это или *критика текстов*, передающих исторические факты, или *критика фактов*, воспроизводимых текстами.

Везде ли историческая критика как вспомогательная наука должна быть одна и та же, применять ко всякому

материалу однообразные приемы и ставить себе одинаковые задачи, или может быть особая, местная историческая критика, например французская, русская, подобно тому как есть особая, местная история Франции, России и т. д.? Вы, может быть, удивитесь, если я отвечу на этот вопрос в последнем смысле и буду настаивать на необходимости местных особенностей исторической критики. Эта необходимость вытекает из тесной связи задач и приемов исторической критики со свойством исторических источников, а эти источники не везде однородны.

На Западе историческая критика продолжительными усилиями выяснила и поставила себе точно определенные задачи и выработала до педантизма твердые приемы. Но заметьте, такой определенности и выработки она достигла, работая со времени возрождения наук и искусств над источниками истории античного мира, а эти источники — довольно своеобразный исторический материал. Все это почти исключительно памятники литературные, если изъять из них эпиграфику, значение которой как исторического источника оценено сравнительно позднее. Притом и из литературных произведений древнего мира уцелели только лучшие: посредственное большей частью погибло вследствие слабого распространения в письменности. В этих произведениях встречаем либо философские размышления или деятельность поэтической фантазии античного человека, либо изображение политических движений и столкновений античных обществ. На всех них лежит резкая печать личной мысли, индивидуального творчества: все это — писатели, а не исторические документы. По ним превосходно изучены высшие процессы, наиболее напряженные проявления жизни классического мира. Менее ясно отразился в них политический строй древних обществ, а на будничную жизнь — частный быт и хозяйственные отношения древнего мира — в них сохранились лишь отрывочные указания и намеки. Сравнение с лесом, освещаемым первыми лучами восходящего солнца. Эти литературные памятники античного мира задали много работы исторической критике и своим текстом, и своим отношением к действительности; зато они же дали ей строгую выправку и точные правила. Во-первых, нужно было восстановить и истолковать текст древнего автора, испорченный временем и средневековым невежеством и по своему строю столь непохожий на речь новых народов. Далее, в изображении событий, отношений и лиц у древнего оратора или историка надобно было выделить все, что привнесено в него языческим суеверием древнего

человека, предрассудками и страст[ями], духом партии, к которой принадлежал автор как гражданин, наконец, личным углом зрения писателя как мыслителя. Катон Младший и Цицерон у Моммзена. Наконец, собрать рассеянные у авторов черты будничного домашнего быта грека и римлянина и экономического положения античного общества, установить внутреннюю связь и хронологическую последовательность этих отрывочных разновременных указаний и составить из них цельную картину с правильной исторической перспективой. Таким образом, *реставрация и интерпретация древнего текста и определение точки зрения автора, его житейских отношений и литературных тенденций, восстановление действительного вида и истолкование внутреннего смысла исторического факта и, наконец, выделение и подбор черт античного быта*—вот три задачи, в разрешении которых историческая критика приобрела такой мастерский навык, работая над произведениями классической литературы.

Эти три задачи с соответствующими им приемами имеют общеобязательное значение в обработке всякого исторического материала; но они должны видоизменяться сообразно с особенностями последнего. Я заметил, что письменные памятники древнего мира, на которых историческая критика вырабатывала свои приемы, все запечатлены индивидуальностью, суть произведения личного творчества. Теперь перейдите к источникам русской истории. Почти до конца XVII в. господствующее, даже подавляющее значение между ними имеют два рода памятников—это *летописи* и *акты*. Летописи—памятники, несомненно, литературные, но большей частью это писания без писателей; в большинстве случаев мы не знаем, кто и когда их составлял, с какой целью и при каких обстоятельствах. У некоторых проскальзывают в рассказе местные и личные сочувствия и отвращения. Летопись любит вдруг прервать нить рассказа и в эпически задумчивом отступлении бросить взгляд на ход и значение мировых явлений. Но этот взгляд лишен индивидуального отпечатка, потому что совершенно одинаков у всех летописцев—у новгородского XIII в., как и у московского XV в. Акты—не литературные произведения. Итак, основные источники древнерусской истории—*безличные* произведения письменности. Вот первая их особенность, благодаря которой ряд критических приемов, необходимых при изучении памятников личного творчества—литературного, должен получить несколько своеобразное применение. <...>

1891 г.

ЛЕКЦИЯ

II

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ.
ТРУДНОСТЬ ПРОЧТЕНИЯ. ТРУДНОСТЬ ЛЕКСИКИ. ИЗУЧЕНИЕ ЛЕТОПИСЕЙ.
ТРУДНОСТЬ ИХ ПОНИМАНИЯ. ЗАДАЧИ КРИТИКИ ЛЕТОПИСЕЙ

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ. Я укажу те специальные приемы исторической критики, которые вызываются особенностями наших исторических источников. Эти особенности заключаются прежде всего в тексте наших древних памятников, который задает не меньше работы исследователю, чем текст античных памятников; только текстуальные трудности наших памятников происходят от других причин, не тех, какие затрудняют понимание античных текстов. Понимание последних затрудняется: 1) мудрованиями старинных, особенно средневековых, читателей, которые позволяли себе исправлять древний текст, где его плохо понимали, сокращали или дополняли, где находили это нужным; 2) литературной своеобразностью античных писателей, из коих у каждого свой стиль, своя литературная манера, у иных очень изысканная.

ТРУДНОСТЬ ПРОЧТЕНИЯ. Совсем другие причины затрудняют понимание наших древних текстов. Это: 1) неумение их прочесть, и это неумение одинаково свойственно как нашим древним книгописцам, так и новейшим ученым, которые принимались за издание памятников, и последние грешат этим едва ли меньше первых. Ни наши древние книжники, ни новейшие издатели не заботились достаточно о правильном чтении рукописей, отсюда частые искажения в позднейших списках и изданиях. Приведу один пример. В южнорусской летописи по Ипатьевскому списку, как он издан Археографической комиссией, под годом 6636 (1128) читаем известие: «Посла князь Мстислав с братьею своею многы кривичи четырьми путыи». Читая дальше, приходишь в недоумение. Братья Мстислава пошли из Турова, Владимира Волынского, Городна—какие там кривичи? Это страна волян и дреговичей. Еще страннее то, что целью похода были города Изяславль, Борисов, Дрютск, Логожск—все города Полоцкого княжества, т. е. кривского племени². Из некривских городов посланы были

«многы кривичи» на кривичей же. Нетрудно догадаться, что неверно прочитаны были слишком слитно написанные слова: «Посла братью с вои многы на кривичи» и «посла с братьею своею вои многы на кривичи».

Другой пример: один князь в XII в. во время похода на половцев «зая грады их подънови», как читаем в печатном издании летописи.

ТРУДНОСТЬ ЛЕКСИКИ. Другая причина трудности понимания древних наших памятников заключается не в грамматике или стилистике, т. е. не в литературных особенностях писателей, а в лексиконе, т. е. в нашем отношении к древней русской лексике. Наш современный литературный язык составилась довольно искусственно, его элементы подбирались и комбинировались довольно случайно и капризно. Писатели или литературные школы, устанавливавшие этот язык, находились под влиянием двух языков: книжного церковнославянского и разговорного русского; вообще держались грамматики последнего, заимствовали очень много из лексикона первого, но зато много утратили из лексического запаса народной речи. В этом отношении наш литературный язык вышел значительно обдерганным. Освоившись со многими терминами южнославянского болгарского языка, наша книжная речь забыла значение соответствующих слов чисто русского происхождения. Лексика, заимствованная из книжного церковного языка, которым писала Древняя Русь, вытеснила из оборота огромный запас туземного русского языка, и этот запас не был принят в состав литературной речи.

Другим условием, усиливавшим это затруднение, было быстрое изменение значения слов нашего книжного языка. Я не умею сказать вам, почему, но при самом легком наблюдении над развитием русского языка можно заметить: во-первых, утрату обильного лексического запаса народной речи; во-вторых, необыкновенную быстроту, с какой в книжном употреблении у нас менялись значения слов, переходивших от одного смысла к другому, синонимическому. Это явление, замечаемое в развитии нашего языка, можно назвать *игрою синонимики*.

Я не знаю, есть ли это особенность нашего языка, но эта черта характеризует его на пространстве нескольких веков. Может быть, эта игра синонимики происходит оттого в нашем литературном языке, что в последние века мы испытали несколько быстрых приливов массы чуждых понятий, заносных идей, для которых не находили тузем-

ных, доморощенных форм выражения, благодаря чему с умыслом слишком злоупотребляли словами, задерживая их смысл. Как бы то ни было, по той или другой причине происходит плохое понимание языка древнерусских источников. В нашей историографии вы встретите множество забавных, а иногда и не лишенных грусти недоразумений и ошибок, происходящих от этого недостатка.

Напомню несколько примеров. Так, в первой статье Русской Правды толкователи совсем не понимали, зачем рядом стоят два однозначных, как думали, выражения: «брату чадо» и «братню сынови». Оказывается, что «брату чадо» не сын брата, а греческие слова «двоюродные братья» — дети родных братьев (дети двух братьев)³.

Далее, сколько затруднений производила для толкования одна статья Псковской Правды, где употреблен термин «пословица»⁴. Пословица — поговорка — ее теперешнее значение⁵. Но при таком толковании терялся смысл статьи, которую никому не удавалось объяснить. Если принять другое значение этого слова: условие, согласие, договор, сделка, то смысл статьи становится ясным. Новгородская летопись под 1367 (6875) г. говорит: «Не беша пословици псковичем с новгородци», т. е. не было ладу у псковичей с новгородцами⁶.

Другая статья Псковской Правды говорит об арендаторе рыбного участка, который «заложил весну»⁷. Один исследователь после многих усилий так объяснил наконец это слово: арендатор заложил своему хозяину свою часть весеннего урожая. Потрудитесь в русском сельском хозяйстве отыскать весенний урожай, который и в XV в., несомненно, не существовал. Вот до чего мог договориться плохо знакомый с языком самый усердный толкователь! Между тем каждый крестьянин знает, что значит запереложить весенний улов, т. е. не эксплуатировать, бросить его. Итак, «заложить» тогда имело не то значение, что теперь.

В 1281 г., рассказывает Волынская летопись, мазовецкий князь Кондрат, воюя со своим родным братом Болеславом, выпросил у брата Владимира его рать на подержание, т. е. на прокат, и повел ее на Болеслава, на любимый его город Гостинец. Летопись рассказывает, что в разных местах полки осадили город, «сташа около города, яки борове велицеи»⁸. Один историк, недолго думая, решился написать: «Стали около города, как свиньи». «Борове» — это темный еловый лес, и смысл данного места не только понятен, но и поэтичен. Грозные полки с длинными копьями, как леса темные.

Владимир Мономах в своем поучении к детям сообщает любопытную историческую черту, не нашедшую себе места в современной летописи. Мономах говорит: «А в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходих первую зиму»⁹. Легко различить здесь цели похода. Две зимы подряд Мономах ходит на Ходоту. Ходота — какой-то старшина вятичей, любопытное лицо, свидетельствующее о том, что в первой половине XII в. у вятичей существовал какой-то свой старшина, независимый от киевского князя. Легко заметить, что в первую зиму Мономах предпринимает другой поход к Корьдну, т. е. к известному поселению Корден, или Корьднь, город у вятичей. Другой историк передает в своем пересказе это место так: Мономах две зимы ходил на туземных князей вятичей — на Кордна и на Ходоту¹⁰. Так город превратился в князя, и Корьднь оказывается целью уже двух походов, а не одного.

Приведем третий пример, свидетельствующий о нашем равнодушии к древней грамматике. Знаменитая Волынская летопись, как известно, начинается с 1201 г. повествованием о волынском князе Романе, который здесь описывается в поэтически преувеличенных героических чертах. Между прочим, летопись замечает, что, как только стала известна смерть Романа в половецких степях, один хан, которому много досталось от Романа, тотчас послал с известием в Обезы своего гудца, т. е. песенника или музыканта¹¹. В подлиннике читаем дательный самостоятельный [падеж], и, как назло, все называют этого гудца Орев, а его имя Ор или, скорее, Орь.

Итак, наша филологическая критика, изучающая исторические источники, должна быть обращена к разрешению двух главных задач: 1) к *правильному чтению древних рукописей* и 2) к *изучению языка древних памятников*, т. е. древней терминологии.

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕТОПИСЕЙ.

Изучение исторического материала, содержащегося в древних памятниках, также требует особых приемов. Припомним, в каком периоде представляется античная жизнь у классических писателей, собственно у историографов. Там она изображается в движении; но так как до нас не дошло письменных памятников ежедневного быта, то чрезвычайно трудно представить себе античную жизнь известной эпохи статически, в вертикальном разрезе. Между тем полное понимание жизни известного народа в известное время требует ее изучения и в движении, и как

она представляется в разрезе. Если хотите изучать движение Древней Руси, вы должны обратиться к летописям. Но летописи в большинстве [случаев] памятники не личного, а коллективного творчества; ведь это свод местных записей прошедшего, переданный через несколько рук, они очень слабо отражают в себе движение жизни. У летописцев есть, как известно, свой определенный взгляд на события, который драматизирует рассказ. Но этот взгляд также не личный, а один и тот же у всех летописцев, так что при разборе летописей нет места для применения одного приема высшей исторической критики — определения угла зрения писателя. Есть один летописный угол зрения, который определить легко, но нет угла зрения киевского, суздальского, волынского или летописца XII, XIII или XIV вв. Проявления личного взгляда летописца на лица и события чрезвычайно редки, и в коротком обзоре летописей их легко пересчитать.

ТРУДНОСТЬ ИХ ПОНИМАНИЯ. Понимание собственно летописного рассказа затрудняется разнообразными условиями. Прежде всего способом сводки местных летописей, которые сводились в общую летопись чрезвычайно неодинаково. Сводчик из всех летописей, которые лежали перед ним, брал за основание одну и сначала выписывал из нее целиком, а потом брал из другой, прибавляя, что находил удобным; легко заметить в них хронологическую перебивку. В иных летописных сводах не всегда события отмечены точной датой, сводчик не стеснялся с непоследовательностью хронологических дат: августовские события рассказывались прежде июньских, потому что в таком порядке они попадали на его глаза при своде. В такой перебивке не могли уцелеть указания летописи на свойство и происхождение событий.

Еще одно техническое затруднение усиливает эту путаницу: в порядке изложения событий наши древние летописцы держались неодинакового летосчисления. В первые века [летописцы] предпочитали употребление мартовского года, но некоторые стали избирать год сентябрьский. Чем дальше, тем более стали склоняться к употреблению года сентябрьского. Начальная летопись по Ипатьевскому списку аккуратно считает год мартовским; в XIII—XIV вв. встречаются одновременно различные летосчисления, иной считает год с сентября, иной продолжает считать с марта. Теперь представьте себе положение сводчика в конце XIV в.; он сводит летописи разных

счетов и не всегда догадывается, что летосчисление в них различное; один переписывает из одного года в предшествующий, другой — в последующий. От этого происходит трудность разобраться в порядке событий. Один умный сводчик XVI в. угадал это неудобство и признался в том, какие затруднения он испытывал вследствие этого.

В 1534 г. какой-то сельский грамотей в Ростовской земле составил по разным летописям и хронографам русский летописец. Рукопись этого единственного сборника дошла до нас с перебитым порядком листов. Перебитых листов не сумели подобрать да так и переплели их. Археографическая комиссия так и напечатала их. В подлиннике можно разобраться, смотря по краям листов. На одном из первых листов, попавших не на свое место, приводится одно из частных оглавлений из сказания или жития тверского князя XIV в. Михаила Александровича. Так как в этом заглавии упомянуто имя тверского князя, то издатели и всю летопись назвали Тверской, тогда как эта летопись общерусская, лишь составленная в Ростовском уезде. Этот сводчик приводит иные сказания и статьи целиком и часто цитирует свои источники. Он не чужд и критических приемов, не прочь иногда усумниться в известии. Он и указывает нам на то затруднение, в которое привело его различие летосчислений в древних летописях. Рассказывая о бое, который был между русскими князьями в 1195 г., он замечает: «Пишет же в новгородском летописци лето весною починает, а осень и зиму глаголетъ: тоя же осени и зими; аз пишу по индикту начало, и сего ради не согажается леты с иными летописци, точию времена месяцем в лете изсматрай, и после коего начала лету пишет, того и лета»¹². Смысл этой критической заметки такой: в новгородской летописи год начинается весною, а когда события происходили осенью и зимою, то это было в ту же осень и зиму, а я начинаю год индиктом, т. е. с 1 сентября, и отношу их к тому же году, который начался этим первым сентябрем. Если бы вообще в древних сводах мы встречали подобные заметки, то они вывели бы нас из многих недоумений относительно их исторического материала.

Итак, главное затруднение при критической обработке древних летописей — *редакционная техника древних летописных сводчиков.*

ЗАДАЧИ КРИТИКИ ЛЕТОПИ-
СЕЙ. Критическая обработка исторического материала, заключающегося в летописных сводах, должна преследо-

вать три основные задачи: 1) указать источник летописи, т. е. есть ли это свод или подлинная первичная летопись; 2) восстановить хронологическую связь событий, перепутанную благодаря редакционным приемам древних сводчиков; 3) указать в правильной хронологической последовательности событий их внутреннюю историческую связь, которая только тогда и становится уловимой, когда события, переданные летописью, будут расположены в правильном хронологическом порядке.

Итак, *источники, хронологическая последовательность и внесение исторического смысла*— вот три самые трудные задачи исторической критики наших летописей.

Несколько иные затруднения представляют критике древние акты, под которыми разумею как частные сделки, так и правительственные документы.

ЛЕКЦИЯ

III

АКТЫ. ТРУДНОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ. ЗАДАЧИ КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВ

АКТЫ. Под актами, как уже сказано, я разумею памятники правительственной деятельности и частные юридические сделки. По-видимому, в этих актах не может встретиться никаких затруднений. Если, читая летописи, мы должны, так сказать, по крупницам собирать намеки на быт известного времени, на ежедневные житейские отношения, то в актах должны встретить только готовые бытовые черты, по которым можно нарисовать полную картину житейских отношений, господствовавших в известное время; здесь нет надобности выбирать и очищать мелкие, разорванные черты, а остается только брать целиком все содержимое в актах. Это так. Но и акты представляют несколько опасностей для изучающего по ним быт известного времени.

ТРУДНОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ.

1) В актах мы встречаем обычные, заученные формулы юридических отношений; акты писались, как пишутся и теперь, по известным, принятым формулам. Этой формулой, собственно, и закреплялось известное отношение, но каковы эти формулы? Они часто отличаются отсталостью. Формулы в актах создаются из первых частных

случаев, которые удалось обобщить в канцелярии. Создавшись раз, формулы водворялись в актах известного рода и по известному консерватизму канцелярии, говоря проще — по их неповоротливости, живут целые века. Между тем отношения меняются, житейская практика поэтому все больше удаляется от заученных формул, и акты перестают быть отражением действительности, делаются анахронизмом. Так, принимать формулы известного времени за отношения действительности — значит очень часто ошибиться на много времени, на несколько поколений.

Приведу один случай. В нашем гражданском праве остается еще в значительной степени вопросом происхождение и развитие кабальной крепостной зависимости, известного древнерусского вида холопства. Эта крепостная зависимость, надо думать, возникла в XVI в. либо в конце XV в., но акты, крепости, которыми укреплялась эта зависимость, самые договоры лиц, вступающих в холопские отношения с их господами, появляются только с самого конца XVI в. В первых дошедших до нас кабалах мы встречаем уже установившуюся формулу договора, которая и повторяется с чрезвычайным однообразием и в половине XVII в. Вот эта «пошлая» форма договора («пошлая» в смысле правовая, обычная). Я приведу заемную кабалу 1646 г., и вы попытаетесь сделать по ней юридическое определение холопства: «Се яз Иев Ерофеев сын Новгородец, вольной человек (значит, не бывший холопом.— В. К.), с женою своею Офросеньею («е» вместо «и» по новгородскому выговору.— В. К.), Онаньиною дочерию, да с детми своими, с сыном Прокофьем, да с сыном Иваном Иевлевыми детми, занял есми у Матвея Васильева сына Мотягина (новгородский помещик.— В. К.) денег пятнадцать рублей московским числом (т. е. по московскому числу, так как новгородский счет рублями был иной.— В. К.) ноября с 20 числа нынешнего 155 года, да впредь на год по 20 ж число. А за рост мне, Иевку, с женою своею и с детми, у государя своего, у Матвея Васильевича служити по всея дни во дворе. А полягут денги по ороце, и мне, Иевку с женою своею и с детми, також у государя своего, у Матвея Васильевича служити по вся дни во дворе по сей служилой кабале».

Далее следуют послухи.

Теперь по этой крепости попытаемся юридически определить кабальное холопство. Вольные люди, одинокие или с семействами, брали деньги взаймы на год и обязывались этот год служить во дворе у кредитора, исполняя службу во дворе взамен уплаты роста по займу.

Зависимость продолжалась дольше года, если холоп не уплачивал долга по его прошествии. Следовательно, [он] мог прервать зависимость, уплатив по истечении года долг; а когда деньги не уплачивал через год, зависимость продолжалась неопределенное время. Надеюсь, и вы так определите кабальную зависимость по этому акту. Определив так, загляните в законодательство о холопах, и вы увидите, что в вашем определении нет ни одной верной черты. Во-первых, кабальная зависимость завязывалась обыкновенно без займа денег. Во-вторых, заключив договор, кабальный холоп лишался права разорвать укрепленную им зависимость не только через год, но и через несколько лет. Он не мог разорвать эту зависимость, уплатив долг, потому что и долга не было. Зависимость продолжалась до смерти господина и разрывалась смертью последнего без уплаты долга, хотя бы даже при заключении сделки был сделан заем.

Итак, по установившейся формуле кабальной крепости в XVII в., даже в конце XVI столетия, нельзя составить себе верного юридического определения кабального холопства. *Эта формула — анахронизм*, но анахронизм этот любопытен, ибо указывает на то, как первоначально завязывалось холопство. Эта формула была некогда действительным выражением отношений первой половины XVI в., от которой до нас не дошло крепостей, но в духовных грамотах дошли распоряжения о кабальных холопах. Из них видно, что кабальная зависимость всегда завязывалась займом на известное время (здесь — на год); по истечении этого срока кабальный холоп мог разорвать зависимость; если он ее не разрывал до смерти господина, она продолжалась и по смерти господина.

Итак, 100 лет спустя, когда кабальное холопство совершенно изменило свое право, формула кабальной крепости повторяется неизменно от того времени, когда кабальное холопство только завязывалось и когда оно было полукрепостным, разрываемым по воле холопа. Крепостная зависимость — ведь это такая зависимость, которая не разывается по воле зависимого лица.

Укажу на другой, более важный ряд памятников, которые страдают этой же отсталостью формулы. Это договорные грамоты князей XIV в. Там великий князь московский заключает договоры со своими братьями — родными, двоюродными, князьями тверскими, рязанскими; все договариваются как братья старшие, младшие или ровня, а на самом деле мы знаем, что в XV в. действительные отношения князей сошли с основания родства и

перешли на почву материального перевеса сил. Но эти формулы родственных отношений между князьями, которые не помнили, в каком они колене родственники, живо указывают на то время, когда впервые устанавливались взаимные отношения удельных князей, потомков Всеволода III,—на XIII в., хотя от этого века до нас не дошло ни одной договорной грамоты.

2) Другую опасность представляют акты, особенно частные сделки, исключительностью отношений, в них устанавливаемых. Встречая подобные акты, нельзя не спросить, что это—действительно исключительные отношения или нормы, т. е. отношения, уже обобщившиеся? Если это нормы, то это факт, характеризующий действительность известной минуты, если же исключительные отношения, то очень часто это пророчество будущей нормы, которая потом войдет в силу и станет правом. Эта опасность представляет наибольшие затруднения.

Вопреки общему мнению, до нас дошло много частных актов от темных (как их принято у нас называть) удельных веков, от XIII и особенно XIV в., только эти акты пока разбросаны по разным углам, где их не замечают. С этими актами чистая мука: что ни акт—то новость, факт, которого нельзя доказать никакими параллельными или однородными явлениями.

О юридическом и хозяйственном быте удельных веков из летописи, очень сухой и молчаливой, мы знаем очень мало. Какой акт, особенно о поземельных отношениях, ни возьми, становишься в затруднение определить, что это—нормальное ли явление или капризы двух соседей. Единственный способ выбраться из этого затруднения—посмотреть вперед и назад, особенно вперед.

Приведу один наглядный пример такого исключительного явления. Известно, что поместья по юридическому своему существу не наследовались и не отчуждались. Фактически они передавались родственникам прямым (нисходящим) или боковым; точно так же фактически они переходили из рук в руки. Так установились фактическое наследование поместий и некоторые формы фактического отчуждения (мена, сдача). Менялись поместьями лица, которые затруднялись отбыванием воинской повинности, или сдавали их на известных условиях в более боевые руки: вдовы сдавали братьям [поместья] своих умерших мужей и т. п. Но до последней минуты действия поместного права закон запрещал два вида распоряжения поместьями—продажу и завещание или, если угодно, три вида: заклад, завещание, продажу (заклад часто перехо-

дил в продажу). В конце XVII в. был издан очень важный закон, укреплявший поместья за детьми помещиков и завершавший сближение поместий и вотчин,—это известный закон *21 марта 1684 г.*¹³ Поместье умершего служилого человека полностью должно было переходить к его детям, хотя бы эти дети по своей службе и не имели претензий на это поместье, и не только детям, но и внучатам и правнукам. Как видите, этот закон закреплял за нисходящими [родственниками] поместья, но он не расширял право распоряжения поместьями, т. е. не давал ни новых прав отчуждения, ни прав завещания. Как [вы] отнесетесь теперь к следующему документу, который сейчас приведу¹⁴...

Очевидно, пеня, или неустойка, есть сумма капитализирования [из] процентов арендной платы, из арендной платы, как из роста 10 руб. Как поступить с этим актом? Можно сказать, что Вельямису, симбирскому мурзе, закон не писан, а можно подумать, что это есть явление, указывающее на начинавшийся переворот в поместном праве. Вы видите одно: помещик присваивает себе небывалое право распоряжения, отдачи земли в бессрочную, продолжительную аренду и в аренду крепостную.

Теперь я прошу припомнить известный закон о единонаследии [1714 г.]. Что в этом указе поражает историка прежде всего? Это установление одинакового порядка наследования для обоих видов землевладения—поместного и вотчинного, и в этом порядке наследования открыт довольно широкий простор для завещателя.

Итак, на поместья распространяется право завещания, которого они не имели. Первая статья закона гласит: «Все недвижимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, также и дворов, и лавок не продавать и не закладывать, но обращаться оным в род»¹⁵. С одной стороны, на поместья распространяется право завещания, а с другой—с поместий, как и с вотчин, сняты некоторые права распоряжения, прежде им принадлежавшие, например право отчуждения. Сличите это со сделкою Вельямиса, и вы увидите, какое место в развитии поместного права надо дать сделкам подобного рода. Государь ничего не имел против предоставления права завещания, тем более что оно касалось только вопроса о семейном удобстве, и без завещания поместья переходили к нисходящим [родственникам]. Но вы видите, как приняли помещики этот закон 1684 г., укреплявший поместья за детьми и вообще за нисходящими [родственниками]. Указ, укреплявший только право владения, они поняли как указ,

предоставлявший им всевозможные права распоряжения. Тогда и пошли усиленные сделки по отчуждению поместий. Закон 1714 г., начинающийся непонятным для нас запрещением, и был вызван желанием противодействовать этому добровольному обезземелению помещиков, которые, пользуясь законом 1684 г., присвоили себе право распоряжения [поместьями] и под давлением богатых людей начали терять поместья, закладывая их и просрочивая закладные, продавая и т. п.

Таким образом, этой сделке о бесконечной аренде надо придавать значение нормального явления, бывшего отступлением от закона, становившимся вразрез с общим строем изданных законов о поместьях, пока указ 1714 г. не положил этому предела и наконец в царствование Анны правительство [не] решилось превратить поместья в вотчины¹⁶. Вот две главные опасности, какие представляют акты.

ЗАДАЧИ КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВ. Теперь сделаем обзор специальных задач критики русских исторических источников. Я отмечу две самые главные из них. Ближайшие специальные задачи изучения наших исторических источников, как я их понимаю, таковы:

1) Разработка и систематическое издание актов правительственных и частных. Археографическая комиссия, начавшая издавать акты в 1830-х годах, издавала их без всякой системы, и теперь накопилось их настолько много, что разобраться в них необычайно трудно; прибавьте к этому многочисленные акты, изданные в журналах, отдельных сочинениях да в трудах ученых архивных комиссий разных губерний. Следить за всеми этими изданиями становится невозможным; очевидно, все это вызывает необходимость разобрать изданные и неизданные источники и накопленный материал издать по плану в каком-нибудь систематическом порядке.

2) Различные роды актов имеют свое построение, свою технику, свои условные приемы, т. е. свои формулы, как и свое специальное юридическое и (хозяйственное) экономическое содержание. Поэтому второй специальной задачей нашей критики я считаю изучение техники и специального значения разных родов актов как исторических источников, т. е. изучение того, какого рода материал можно извлечь из тех и других актов.

Теперь мы сделаем обзор историографии с целью увидеть, как эти приемы изменялись в критической

разработке наших исторических источников. А для того чтобы удобнее следить за критической техникой, в беглом очерке представим, какого рода памятники имеют господствующее значение в разные века нашей истории и какие имеют значение второстепенное.

ЛЕКЦИЯ IV

ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ. ЗАДАЧА КУРСА. ПОРЯДОК ОБЗОРА ИСТОЧНИКОВ.
ЛЕТОПИСИ. НАЧАЛО ИХ ИЗДАНИЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. М. СТРОЕВА

ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ. Указав специальные задачи критики русских исторических источников, я еще раз попрошу вас оглянуться на их главные разряды: это—памятники либо литературные, либо деловые; те и другие освещают жизнь с разных сторон. *Летописи* занимают главное место среди литературных памятников за большую половину нашей истории; они передают явления, которые, так сказать, плывут по поверхности жизни, давая ей тон, направляя или своим течением указывая то направление, какое принимает жизнь. *Памятники деловые*, канцелярские, напротив, воспроизводят или регулируют явления ежедневной жизни, сохраняют фон картины. По-видимому, одни памятники проверяются другими, и эта проверка дает возможность составить себе общее впечатление, уловить самый, так сказать, темп жизни; ведь цель исторического изучения достигается, как скоро мы уловим этот уровень. Беда в том, что памятники того и другого рода в нашей истории встречаются, но не сопровождают [друг друга], встречаясь лишь на короткое время. Летописи начинают замолкать уже около того времени, когда начинает внятно говорить канцелярия. Отдельные акты появляются очень рано, но мало что вносят в общую картину. Летописи становятся уже второстепенным источником к концу XVI в. И только с половины, много с начала этого столетия появляется непрерывный поток канцелярских памятников. Да и при своей встрече они не дают возможности составить себе полное и отчетливое впечатление. Причиной тому—преимущественно бесцветный тон или неразговорчивость наших позднейших летописей. В XVII в. эти летописи замирают, сменяются мемуарами,

записками современников, которые идут сплошной массой по всему XVIII в. Но записи людей XVIII в. — плохая замена древних русских летописей. Это обыкновенно записки людей, вращавшихся в тесном кругу интересов, уменьшавшемся еще тем, что горизонт мысли и наблюдательность этих авторов мемуаров еще уже того круга жизни, в котором они вращались. Отсутствие наблюдательности, житейского глазомера — существенно характерная черта всех авторов русских записок XVIII в. Этот недостаток я и имел в виду, указывая на то, что главной специальной задачей критики русских исторических источников должно служить изучение техники и специального значения разного рода памятников. Надобно восполнять одни другими, даже пользуясь их недостатками.

ЗАДАЧА КУРСА. Цель предлагаемого теперь короткого обзора русской историографии [заключается в том, чтобы] видеть, как у нас понимали в разное время задачи исторической критики и сообразно с тем какие критические приемы прилагались к источникам нашей истории.

Русская историография, разумея под ней не одни ученые исследования, но и связные повествования об отдельных событиях, принадлежащие их современникам, началась давно. В нашей историографической литературе они являются даже несколько раньше, чем прерывается летопись. Древняя русская историография знала [уже] некоторые критические приемы и выработала некоторое умение обращаться со своими источниками. Пример этого я указал в одном летописном сборнике XVI в., который у нас называют Тверскою летописью.

Так, рассматривая перемены в понимании задач исторической критики, мы уясним, в каком порядке шла разработка наших исторических источников и какой степени обработки достигли те либо другие из них; следовательно, нам станет ясно, какие из этих источников требуют дальнейшей обработки.

ПОРЯДОК ОБЗОРА ИСТОЧНИКОВ. Здесь возникает не лишенный методологического интереса вопрос: в таком ли порядке шла разработка наших исторических источников, в каком эти источники открывались в нашей письменности? От разных веков нашей истории до нас дошли неодинаковые исторические памятники: от иных веков дошли преимущественно памятники литературные — летописи, сказания, жития; от дру-

гих нам остались памятники, преимущественно юридические, разного рода правительственные грамоты, частные сделки. Но так как различные памятники освещают быт времени не с одних и тех же сторон, ставят на первый план различные житейские отношения, то при обзоре хода критической разработки источников важно себе уяснить, как в хронологическом порядке чередовались источники и в таком ли порядке следовала за ними историческая критика; вы увидите потом, что этот вопрос имеет некоторое значение.

Отсюда рождается особая методологическая задача критики разных исторических источников: в каком порядке и в каком подборе всего удобнее изучать эти источники—это имеет особенное значение для начинающего изучать нашу историю; исследователь, искусившийся в деле критики или, по крайней мере, мнящий себя таковым, может изучать их в каком угодно порядке, подходить к ним и сзади и спереди. Приступающий же к изучению их, начинающий свой критический искус должен держаться известного логического порядка. Этот порядок изучения или этот подбор исторических памятников можно назвать *перспективой* исторических источников. Я вообще думаю, что большая ошибка—игнорировать эту перспективу. Мне кажется, что в привычке игнорировать ее всего сильнее сказывается неумение обращаться с источником.

Представляю один частный пример. Изучая летописи на пространстве веков, как двигалось летописное дело в Древней Руси, вы осваиваетесь с приемами и летописными взглядами древнерусских летописцев. Это известные приемы и известные церковно-исторические взгляды. Переступая половину XV в., вы входите в Московскую летопись, и приемы изложения, и выбор явлений, и способ понимания явлений здесь совсем иные; от летописца не пахнет ни нравственным ригористом, ни проповедником, от летописи идет запах канцелярии. Однако и канцелярия цепляется еще за приемы древнего летописного изложения, и вы видите, что иногда в ущерб точности воспроизведения события. Это происходит не оттого, что она хочет исказить события, а оттого, что она не умеет выражаться литературно. Изучая эту летопись, вы встречаете новый ряд памятников, чисто канцелярских; это *разрядные книги*, которые появляются с конца XV в. Это официальные погодные записки придворных церемоний и правительственных, преимущественно военных, назначений с планами походов. Читая эти разрядные книги, вы живо вспоминаете современную им летопись. Летописи и

разрядные книги—две сестры, только одна старшая (разрядные книги), а другая переодета в литературный костюм и поэтому сама на себя непохожа. Очевидно, московские летописи XVI в. нельзя изучать, не глядя в разрядные книги. Вот одно основание для подбора памятников. В XVI в. параллелизируется один ряд [памятников]—литературный, а другой—чисто канцелярский. Чтобы установить эту перспективу источников, я и должен сделать беглый обзор этих источников по тем группам, какие означены в испытательных правительственных программах, т. е. *летописи и хронографы, сказания и повести, жития святых, записки и письма, акты*.

ЛЕТОПИСИ. Приступая к изучению нашей истории по источникам, мы прежде всего беремся за древнюю летопись и не расстаемся с ней до конца XVI в. В ходе древнерусского летописного дела надо строго различать два процесса: 1) самое летописание, его порядок и 2) порядок сведения летописей. До нас почти не дошло подлинных летописей, мы имеем перед собою, за немногими исключениями, только летописные своды; притом надо строго различать два рода летописных сводов, которые имеют неодинаковое качество: а) своды древние, первичные, составленные из подлинных летописей, и б) своды вторичные, т. е. своды сводов.

НАЧАЛО ИХ ИЗДАНИЯ.

Мысль собрать и издать русские летописи возникла давно, еще в конце царствования Петра. В 1722 г. был издан указ, в силу которого из монастырских и других церковных архивов велено было прислать летописи, хронографы и прочие сим подобные повествования в Москву, в Синод, [который], сняв копии с присланных рукописей, подлинники должен был возвратить на прежние места. «И для осмотра и забрания таковых книг послать из Синода нарочных»¹⁷. Тогда собран был значительный запас летописей, но Синод не решился издавать их, боясь, как бы раскольники не воспользовались ими для своих злокозненных умыслов.

Как известно, Екатерина II любила отдыхать на древних летописях от своих философских увлечений. Она даже пыталась составить свой свод русских летописей и начала писать записки по русской истории, где и описала несколько княжений¹⁸. Она в 1778 г. и 11 августа 1791 г. повторила указ Петра Синоду о собирании из монастырских архивов древних летописей и других, «до истории

касающихся сочинений». Поощряемые ее благосклонным вниманием Русская академия наук и Синод при участии любителей (Щербатов и др.) принялись за издание летописей. Издание это не руководилось никаким планом, предварительным разбором и сличением списков и редакций; просто печатались отдельные списки летописей, которые почему-либо казались любопытными. Достопримечательно, что в 1767 г. издана была *Начальная летопись*, но не по какому-либо древнему списку, а по *Кенигсбергскому XVI в.*, правда любопытному, но очень позднему. Зато в 1769 г. издана была *Царственная книга*. Это превосходная летопись, цельная, подлинная, не свод, описывающая несколько лет царствования Ивана Грозного (1534—1553)¹⁹. Но чрез несколько лет нашли нужным издать *Царственный летописец*—памятник, с изданием которого во всех отношениях можно было бы повременить. Кажется, и начали его издавать только потому, что он был с картинками. Это—политический памфлет, составленный во второй половине XV или в начале XVI в. и прикрытый летописной формой. Рассказ в нем начинается с 1114 г., т. е. с княжения Мономаха, и продолжается до 1472 г., до времени, когда Иван III покончил с Новгородом. Эта летопись особенно любопытна за последние годы. Во всей летописи проводится одна мысль: указать на давнюю и тесную связь русского владетельного (царствующего) рода с византийским и доказать, что первый есть исторический преемник последнего.

Впрочем, надо прибавить, что среди летописей, изданных в XVIII в. Академией наук и частью при здешней (московской) Синодальной библиотеке, одно издание имеет большую цену: Академии удалось в 1767—1792 гг. издать в восьми томах летописный свод по *Никоновскому* списку, называемый нами просто *Никоновскою летописью*²⁰. Этот свод начала было переиздавать Археографическая комиссия, но потом приостановила издание.

В первый раз начали думать о научном и систематическом плане издания летописей, если не ошибаюсь, в начале настоящего столетия²¹.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. М. СТРОЕВА. Первым и настойчивым проповедником мысли о необходимости систематического ученого издания летописей был археограф и библиограф Павел Строев²². Он уже в начале 20-х годов [XIX в.] сравнительно хорошо издал один из летописных сводов Московского времени—*Софийский временник*²³.

Этот Строев пересмотрел множество частных и монастырских библиотек и стал высказывать мысль о необходимости предпринять общий обзор старинных книг в империи. По его почину и под его руководством и организовалась от Академии наук в 1828 г. Археографическая экспедиция. Строев составил обстоятельный и хорошо обдуманный план экспедиции. В этом плане любопытна одна подробность, о которой так кстати можно упомянуть. Он предлагал взять с собою в спутники одного из студентов Московского университета, чтобы воспитать себе преемника, архивиста, будущего археографа. Студент должен был ездить с ним два года и потом уступить место другому. Строев составил даже смету ежегодных расходов, какие потребовал бы этот будущий археограф²⁴. Может быть, полюбопытствуете знать, как тогда ценилась подобная работа. Строев предлагал назначить на год прогонов студенту на 8 тыс. верст 400 руб. ассигнациями, на необходимые ежедневные расходы—1 руб. 50 коп. ассигнациями (значит, 548 руб. ассигнациями в год), на платье, которое в дороге скорее носится,—100 руб. ассигнациями, на прочие мелкие расходы—60 руб. ассигнациями—итого 1108 руб. ассигнациями в год, т. е. на серебро—с небольшим 300 руб. Строев обратился с расспросом через Общество истории и древностей российских к Совету Московского университета; Совет не ответил... Тогда из Дерпта предложили Строеву в спутники даром одного молодого дерптского ботаника, который, кстати, собирал бы по России растения. Строев согласился с уверением, что он не будет мешать экспедиции, а будет даже полезен ей, он будет упражнять экспедицию в немецком языке и учить ботанизировать.

Так положено было основание обстоятельному изучению неизданных памятников нашей истории.

ЛЕКЦИЯ

V

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.
ПЛАН ИЗДАНИЯ ЛЕТОПИСЕЙ.

НАЧАЛО ИЗДАНИЯ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ.

Я. И. БЕРЕДНИКОВ. НОВГОРОДСКАЯ IV ЛЕТОПИСЬ.

ПСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ. ИЗДАНИЕ МОСКОВСКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. Мы видели, как по мысли П. М. Строева задумана была в 1828 г. Археографическая экспедиция с

целью осмотреть все находящиеся в России древлехранилища, преимущественно церковные, т. е. монастырские²⁵.

Павел Строев подобрал себе спутника и товарища. Это был Я. И. Бередников, кончивший курс в Московском университете, где он особенно занимался изучением русской истории под руководством Каченовского²⁶.

Строев и Бередников в шесть лет успели объехать Северную, Восточную и часть Центральной России и осмотреть некоторые правительственные, большею частью монастырские, библиотеки, выбирая из них акты и литературные источники нашей истории.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ. В 1834 г. Строев задумывал продолжить осмотр архивов Южной и Западной России, как вдруг получил предписание состоять членом новоучрежденной в 1834 г. при департаменте Министерства народного просвещения Археографической комиссии под председательством директора департамента князя Ширинского-Шихматова. Археографическая комиссия учреждена была при департаменте с целью издать все материалы, собранные Археографической экспедицией за шесть лет ее странствований. Делу дан был совершенно неожиданный исход.

Археографическая экспедиция организована была Академией наук, которая и предполагала с течением времени издать основные источники нашей истории. Теперь ведение дела передавалось Министерству народного просвещения, учреждению, собственно хозяйственному, а не ученому, и во главе дела становился не главный археограф, осматривавший архивы, а директор департамента, который был известен десятком од да парой похвальных слов. Археографическая комиссия учреждена была 24 декабря 1834 г. Ей экспедиция Строева сдала собранные материалы и отдала отчет в издержках ученого путешествия. Оказалось, что экспедиция, которая должна была исполнить свое дело в 10 тыс. руб. и получить на издержки 60 тыс. руб., израсходовала 54 тыс. руб., сделавши сбережение в 6 тыс. руб.

Таким образом, дело осталось незаконченным. Археографическая комиссия начала свою деятельность изданием актов, собранных экспедицией. В 1836 г. и вышел первый том той серии актов, которая носит заглавие Акты Археографической экспедиции (ААЭ. СПб., 1836, 4 тома), и в 1838 г. [комиссия] продолжила издание сборником, получившим название Актов юридических (АЮ. СПб., 1838, 1 том), затем [были изданы] Акты исторические

(АИ. СПб., 1841—1842, 5 томов), Дополнение к Актам историческим (ДАИ. СПб., 1846—1872, 12 томов) и др.

Акты Археографической экспедиции — очень важный сборник преимущественно правительственных узаконений и распоряжений, Акты юридические — сборник частных сделок или грамот.

ПЛАН ИЗДАНИЯ ЛЕТОПИ- СЕЙ. П. М. Строев осмотрел много и летописных сборников. Археографическая комиссия задумала издать все важные летописи, хранившиеся в архивах, которые [он] осмотрел. Но сам Строев не принял прямого участия в этом предприятии: недовольный ходом дел, он вышел в отставку. Бередников остался главным работником и пользовался указаниями Строева. В 1837 г. (по правилам [от] 18 февраля) предпринято было правительством систематическое издание — *Полное собрание русских летописей* [ПСРЛ], возложенное на Археографическую комиссию²⁷.

Довольно трудно теперь войти в план, который первоначально имела в виду комиссия, приступая к этому делу. Строев был одним из первых ученых, высказавших мысль о сборном составе дошедших до нас древних летописей, т. е. о том, что они все суть летописные своды, а не первичные летописи. После, развивая эту мысль, нашли, что летописи не однородные своды, но или своды первичные, или своды вторичные, т. е. своды сводов. Таким образом, в полном запасе летописей письменности отразились все моменты летописного дела в древней Руси, на этом, казалось бы, и должен был основаться самый план издания летописей.

НАЧАЛО ИЗДАНИЯ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. Кажется, первоначально задумано было издание летописей в порядке исторического развития летописного дела, предполагалось сперва издать первичные своды, но комиссия внесла в этот план соображения о местном происхождении разных сводов и времени списков и этим соображением значительно изменила первоначальный план. Она начала свое дело не с древнейших летописей, а с древнейших списков и даже не с первого тома издания, а прямо с третьего; именно в 1841 г. были изданы три новгородские летописи, составившие третий том Полного собрания русских летописей. Первая из этих летописей (*Новгородская I*) издана была по пергаментному списку XIII—XIV вв. и, следовательно, представляет древнейший список летописи. Летопись *Новгородская II* сходна с I как с одним из своих главных источников, но сама представляет один из поз-

днейших, вторичных сводов. Летопись *Новгородская III*— летопись церковная, рассказывает о построении храмов, о смене епископов и т. д. Она составлена уже в XVIII в. и есть свод третичный.

После новгородских была издана по древнейшим Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам летопись *Начальная*. Эта летопись (по спискам Ипатьевскому и Лаврентьевскому, потом переизданном особо в 1872 г.) составляет два первых тома Полного собрания русских летописей.

Так Археографическая комиссия отступила от первоначального плана, который она, кажется, имела, в сторону группировки летописных сводов по местному происхождению и старшинству списков. Очевидно, первые два тома представляют то, что комиссия считала южными, киевскими, летописями.

При таком отступлении комиссия издала летописи в следующем порядке. В первых трех томах поместила своды древнейшие, первичные; это: 1) *Начальная летопись* с продолжением по двум древнейшим спискам, Лаврентьевскому и Ипатьевскому,—это летописные своды XIII—XIV вв.; 2) *Волынская летопись* XIII в. (вторая половина II т. ПСРЛ) и 3) *Новгородский свод* XIV в. с продолжением до половины XV в. по позднейшему списку (до 1444 г.).

Я. И. БЕРЕДНИКОВ. Вот все древнейшие своды, которые комиссия приняла в свое собрание; значит, она исчерпала не весь запас древнейших сводов. Она прошла полнейшим молчанием отрывок из той летописи, которая получила название *Якимовской*. Отрывок этот, даже в том виде, как его приводит В. Н. Татищев, есть, несомненно, уцелевшая часть Новгородской летописи XI в. Но издатель летописи Бередников был скептик, недаром учился он у Каченовского (род. в 1775 г.). Когда Археографическая комиссия обрабатывала свой материал, направление Каченовского только что начинало падать. Я. И. Бередников учился в Московском университете, когда это направление только что получило силу, в 1820-х годах. Это направление, известное под именем скептической школы, очень любило последовательно отвергать многие памятники. На Бередникове оно оставило сильные следы. Он был суровый скептик и не прощал древнему писцу ни одного промаха без того, чтобы не заподозрить все его произведение: выцвела рукопись—подделка; встречается непонятное слово—подделка. Скептицизм свой он распространял даже на такой памятник, как *Остромирово евангелие*. Он реши-

тельно был того мнения, что это подделка, и писал одному из своих знакомых во время работы, что Остромирово евангелие не относится к той древности, как думают. «Я боюсь сказать,—пишет он,—что это новейшая подделка, может быть даже XVIII века, на то есть резоны», какие—неизвестно. С такой [же] робостью, подозрительностью относился Бередников и к летописям. Может быть, потому же не находим в этом сборнике (ПСРЛ) любопытного летописного свода, изданного потом князем Оболенским под именем *Летописец Переяславля Суздальского*. Это вообще большею частью сокращенное изложение Начальной летописи с ее продолжением. Свод очень древний, по крайней мере продолжение Начальной летописи прекращается на 1214 г. Составитель свода был суздальский книжник, современник Всеволода III или сына его, Ярослава.

Рассказывая о событиях 1175 г., летописец, пользуясь случаем, обращается с мольбою к недавно убитому князю Андрею Боголюбскому: «Андрею, княже великий... молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца»²⁸.

К этому любопытному своду приходится нередко обращаться, потому что в нем уцелело или вставлено множество мелких черт, которых не находим в Лаврентьевском списке летописи. Там можно встретить отрывок из былины Владимирова времени о пирах Владимира, отрывок, сохранивший еще свежие черты богатырского эпоса и свидетельствующий о том, что цикл этих былин ходил на Севере уже в начале XIII в.

НОВГОРОДСКАЯ IV ЛЕТОПИСЬ. Далее, за древними киевскими и новгородскими сводами, комиссия в четвертом томе поместила продолжение новгородской серии—летопись, названную *Новгородской IV*. Но это не местная летопись и не первичный свод, она составлена по самым разнообразным летописным записям, в том числе и южнорусским. Основным источником [для нее] служил древний Новгородский свод. Довольно разнообразные списки этой летописи XV и XVI вв. доходят до 1496 г. Этот свод не весь есть сшивка летописных сводов, более древних. С 40-х годов XV в. он постепенно превращается в первичную летопись, переставая быть сводом. Летописец, которому принадлежит рассказ об этом времени, вероятно бывший составителем самого свода,—новгородец; узнаем даже его политический образ мыслей, партию, к которой он принадлежал.

Рассказывая о походе 1471 г., он является сторонником «меньших» людей — новгородской демократии в ее борьбе с новгородским боярством. В одном месте рассказа он замечает: «И бысть на лучшии люди молва, яко те приведоша великого князя на Новгород; а то бог сердцеведец и суди им, зачинающим рать и обидящим нас»²⁹. Самостоятельный рассказ этого летописца продолжается до 1472 г., т. е. до времени падения его родного города.

Разнообразие источников, которыми пользовался составитель свода в рассказе до 40-х годов XV в., — главный [показатель] подлинности, которая отличает этот свод. Одно и то же событие в нем излагается под двумя разными годами, потому что составитель черпал сведения из двух разных источников, из которых один держится летосчисления мартовского, а другой — сентябрьского. Напротив, события разных лет помещаются иногда под одним годом. Путаница увеличивается еще благодаря тому, что составитель свода начинает описание каждого года тем, что рассказывается в новгородском своде, хотя бы это совершалось в конце описываемого года. В Новгородской IV летописи этим событием открывается год часто без пометы месяца или времени года; вот почему следствие у него нередко предшествует своей причине. Вообще у него незаметно следов критической разборчивости, даже какая бывала у других тогдашних составителей, живших в пору зарождения критических приемов русских летописцев.

Забавно, например, недоразумение, которое встречается у него в рассказе под 1317 г. Известно, что московский князь Юрий Данилович в борьбе с князем Михаилом Ярославичем Тверским ездил в Орду и женился там на сестре хана Узбека — Кончаке. Возвращаясь с нею на Русь, он встретился с тверским князем близ Твери и был разбит. Тверской князь взял в плен не только княгиню, но и, вероятно, татарского посла, который пришел с ней из Орды. Княгиня в Твери умерла. Некоторые думали, что княгиня умерла естественной смертью, но другие распустили слухи, очевидно желая помочь Юрию, что княгиня отравлена в Твери. Составитель свода и не мог справиться с этими известиями. Он пишет: «Брата его Бориса и княгиню его яша руками и в Тфери умориша, а Кончака ведоша на Тферь, и умре тамо»³⁰; княгиню Кончаку [он] принял за татарского посла, и, встретив в различных сводах различные известия о смерти княгини, он соединил их вместе. Таким образом, вышло, что тверичи уморили

княгиню Юрия и даже его брата, и тут же, рядом, что Кончака умерла естественною смертью в Твери.

ПСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ.

Окончив серию новгородских летописей, Археографическая комиссия занялась изданием двух чисто местных летописей—*Псковской I* и *II*, очевидно, по соседству с новгородскими. Эти летописи (I и II) изданы притом комиссиею в обратном хронологическом порядке: по происхождению Псковская I летопись гораздо позднее II. Псковская летопись оканчивается описанием Смуты во Пскове в эпоху самозванцев. Псковская II летопись издана по Синодальному списку XV—XVI вв. С начала XV столетия эта летопись, несомненно составленная не позднее начала XVI в., становится гораздо подробнее Псковской I летописи и вовсе не пользуется последней как своим источником, а скорее наоборот (Псковские I и II летописи составляют IV и V томы ПСРЛ). С некоторыми перестановками в пяти первых томах можно найти план, соответствовавший ходу летописного дела,— Киев, Новгород, Псков. Обойдены только Ростов с Владимиром.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКИХ ЛЕ-

ТОПИСНЫХ СВОДОВ. За псковскими летописями комиссия издала летописные своды Московского времени—это две *Софийские летописи*, названные так потому, что основные списки их находились в древней Софийской библиотеке Новгорода Великого, теперь находящейся в составе библиотеки Петербургской духовной академии. (*Софийская I* и *II* летописи составляют V и VI томы ПСРЛ), *Воскресенская летопись* (VII и VIII томы ПСРЛ) и так называемая *Тверская летопись* (XV том ПСРЛ). К этим сводам Московского времени надо присоединить *Никоновскую летопись*, которая была издана еще в прошлом столетии (СПб., 1767—1792, в 8 частях) и которую Археографическая комиссия предприняла было переиздать, но ограничилась лишь одним томом (IX том ПСРЛ), оставив для нее следующие предположенные томы (X—XIV), до сих пор не вышедшие³¹.

Эти своды московского времени по плану комиссии и должны были завершить собою Полное собрание русских летописей. Так как они представляют собой очень важный источник для истории не только Московского периода XV и XVI вв., но и для изучения древнего периода, сообщая черты древней Начальной летописи, не записанные в

других летописных сводах, то будет нелишним остановиться несколько подробнее на этих позднейших сводах и на их отношении к древнейшим.

ЛЕКЦИЯ VI

СОФИЙСКИЕ ЛЕТОПИСИ. ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ. ТВЕРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ.
ОБЗОР МОСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. ХОД ЛЕТОПИСНОГО ДЕЛА

СОФИЙСКИЕ ЛЕТОПИСИ.

Софийская I летопись составлена в конце XV в. и в первоначальном своем составе прерывается на 1471 г., по другим спискам к ней присоединено продолжение, идущее по одним — до 1509 г., по другим — до 1523 г. *Софийская II* летопись сходна с первой, но с 1392 г. начинает расходиться с ней, образуя особый летописный сборник, частью пополняющий Софийскую I летопись. По списку XVII в. этот рассказ сборника идет до 1534 г. и особенно обстоятелен с половины XV в.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЛЕТО-

ПИСЬ. Обширная *Воскресенская летопись*, названная так потому, что список ее найден в Воскресенском монастыре, основанном патриархом Никоном, составлена в конце XVI в., и рассказ ее идет до 1541 или 1560 г. Никоновская летопись, сохранившаяся также в списке Воскресенского монастыря, принадлежала патриарху Никону, от которого и получила свое название. Она имеет по источникам и по изложению близкое соприкосновение с Воскресенской, только составлена позднее, уже в XVII в., и доходит до 1630 г.

ТВЕРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ. Так

называемая *Тверская летопись* представляет любопытный и своеобразный сборник. В издании ее Археографической комиссией вкралось некоторое недоразумение, вследствие которого она и получила свое название. Эта Тверская летопись совсем не Тверская, а есть очень любопытный сборник. Составлен он в первой половине XVI в. каким-то книжником Ростовской области, он сам о себе говорит в сборнике под 1019 г.: «Не бо бех кианинь родом» («киянин» в смысле образованного книжного человека)³².

Этому селянину, который, очевидно, имел большое желание стать киянином, по изящному и замысловатому изложению удалось составить своеобразный сборник, пользуясь более древними летописными сводами; на некоторые из них он и сам указывает, ставя цитату под иными рассказами: «Нов», «Влад». Источниками, по которым он составил свой сборник, были: хронограф, откуда он заимствовал введение к русской летописи, расчислив хронологию от сотворения мира, с некоторыми известиями церковноисторического характера; далее — Начальный летописный свод, из которого он выпустил почти все вставные рассказы, например рассказ об ослеплении Василька; затем древний Новгородский свод, так называемая Новгородская I летопись; потом *Владимирский полихрон*, т. е. Суздальский свод XII—XIII вв., который мы читаем в древней летописи по Лаврентьевскому списку. Издатель замечает, что эта летопись, т. е. так называемая Тверская, составлена кем-то по повелению тверского князя Бориса Александровича около половины XV в. Этот Борис, тесть московского великого князя Ивана III, повелел будто бы летописцу описать княжение предка своего, тверского князя Михаила Александровича, известного соперника московского князя Дмитрия Донского. Поэтому и сам летописный сборник назван Тверской летописью. В этом и состоит недоразумение: никакой Тверской летописи никогда князь Борис Александрович не заказывал. Дело вот в чем: эта так называемая Тверская летопись есть сжатый, сокращенный свод вторичного состава, в котором при описании событий XV в. встречаем известия, заимствованные из разных местных летописей, в том числе и из Тверской, которая, несомненно, велась в XIV и XV вв.

Рассказав о смерти князя Михаила Александровича, последовавшей в самом конце сентябрьского 1399 г., т. е. в августе, и о вступлении на тверской престол князя Ивана Михайловича, составитель сборника сообщает еще краткие известия о 1400—1402 гг., а затем вдруг встречаем отрывок из какого-то особого сказания, которому издатели придали свое заглавие: «Предисловие летописца княжения Тверского». Читаем его и находим, что это отрывок из особого сочинения действительно о князе Михаиле Александровиче Тверском, но совсем не летописного характера; это скорее житие или повесть, написанная чрезвычайно витиевато. Автор и говорит во введении, которым начинается отрывок, что князь Борис «повелел ми есть написати от слова честь премудраго Михаила,

боголюбиваго князя»³³. Итак, князь Борис³⁴ заказывал похвальное слово или особую повесть о своем предке, а вовсе не летопись. Описывая время отца Михайлова³⁵, соперника Ивана Калиты, повесть рассказывает известный эпизод с Шевкалом, или Щелканом, который вместе с татарами был убит в Твери во время восстания 1327 г. Любопытно, что здесь рассказ о Шевкале существенно отличается от рассказа в других летописных сводах, и в том числе от того рассказа, который в своем месте приведен самим составителем этой так называемой Тверской летописи. Сочинение, из которого в летописи приведен небольшой отрывок и в котором почти ничего не говорится о князе Михаиле Александровиче, и есть то сочинение, которое было заказано какому-то тверскому литератору князем Борисом. Вслед за этим отрывком, несладко прерванным, составитель возвращается к продолжению летописного рассказа о событиях в русской земле и начинает с княжения Ивана Михайловича, т. е. с сентября 6908 (1309) г.; так как отец его, Михаил, преставился 27 августа 6907 г., следовательно, [рассказ начинается] вступлением на княжеский престол Ивана Михайловича [на следующий, т. е. 6908, год]. Этот год вновь описывается почти теми же словами, которыми описывался раньше. Далее, летописный рассказ, идущий за этими [словами], действительно сообщает о Твери много любопытного, черпая [материал] из Тверской летописи. Но наш свод продолжается дальше смерти Бориса, умершего в 1461 г., и оканчивается 1499 г. Отсюда очевидно, что князь Борис не заказывал Тверской летописи. А из того, что сборник очень часто заимствует известия из местной Тверской летописи, никак нельзя давать ему название Тверской летописи.

Итак, летопись Тверская есть общерусская летопись вторичного состава, сборник, составленный каким-то ростовцем в первой половине XVI в. и остановившийся на 1499 г.

ОБЗОР МОСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. Все упомянутые сейчас летописные своды вторичного состава можно назвать летописными сборниками Московского времени. Они составлены не по первичным летописям, а по первичным летописным сводам. По своему составу они являются летописными энциклопедиями историко-литературных источников древней Руси, стараясь совместить в себе весь летописный запас, который накопился под руками составителя. По характеру

источников легко различить в их составе три части: 1) *первую* часть составляет Начальная летопись; 2) *вторую*—свод более поздних, следовавших за нею местных летописных сводов: *южнорусских* XII и XIII вв., которые нам известны по древнему Ипатьевскому списку, Суздальского свода XII, XIII и частью XIV в., известного нам по Лаврентьевскому и другим спискам, частью *новгородских* сводов, которые также сделали [в них] свои вклады; 3) *третью* часть составляют летописи Московского времени.

Каждая из этих частей имеет для нас свою цену, несмотря на позднее происхождение. Когда изучаете первоначальную летопись, нельзя обойтись одними древними списками, а должно обращаться иногда к Софийской, Воскресенской, Никоновской и так называемой Тверской летописям.

Очень любопытно, что в той редакции Начальной летописи, которую встречаем в позднейших сводах, есть известия о древнейшем времени Русской земли, которых не находим в древних списках—Ипатьевском и Лаврентьевском. Значит, составители сборников пользовались какими-то другими списками или сводами Начальной летописи, которые были полнее известных нам по спискам Ипатьевскому и Лаврентьевскому. Даже Тверская летопись, наиболее краткий сборник, сообщает о временах Владимира Святого любопытные известия, которых нет ни в Лаврентьевском, ни в Ипатьевском списках, например о том, как Владимир развелся с Рогнедой, постригшейся в монастырь. Любопытные известия о борьбе новгородцев с Рюриком, о заговоре или восстании Вадима знаем по редакции летописного Никоновского свода.

Местные летописи XII, XIII и XIV вв. сведены в разных сборниках неодинаково. В разных сводах преобладают те или другие местные известия: в Софийском—из новгородских, в Воскресенском—из новгородских и тверских источников, только в Никоновском заметно стремление к некоторой равномерности в сообщении разных местных известий—тверских, рязанских, нижегородских. Все эти своды постепенно переходят от механической сшивки летописей к их ученой обработке; их ученые приемы очень любопытны.

Мы видели, что составитель Тверской летописи не чужд был критических приемов. Он один из первых догадался, что необходимо располагать известия в правильном хронологическом порядке, обращая внимание на то, какого летосчисления держится летопись—

мартовского или сентябрьского. Составитель Воскресенской летописи, который назвал свой свод Софийским временником, предпослал ему особое введение, в котором старался поместить ученый аппарат, необходимый для правильного понимания летописного состава. Софийский временник имеет три оглавления, генеалогическую роспись русских удельных и великих князей, роспись князей литовских и перечень русских городов, упоминаемых в летописном рассказе. В числе источников Воскресенской и Никоновской летописей, принадлежащих к числу основных памятников нашей истории за Московский период, встречаем источник, который доселе не был замечен, — официальные *разрядные* записи. Воскресенская летопись о военных походах во время Ивана III и Василия Ивановича иногда с подробностью перечисляет, какие территориальные полки были двинуты в поход. Очевидно, это указывает на то, что составитель пользовался разрядными книгами.

Таков состав Полного собрания русских летописей, изданного Археографической комиссией.

ХОД ЛЕТОПИСНОГО ДЕЛА. Я

сказал, начиная обзор этого издания, что при изучении древних русских летописей необходимо различать летописание от собирания летописей или от сведения их в сборники. Все описанные мною летописи суть своды, но по ним можно восстановить ход самого летописания в древней Руси, потому что своды черпали [материал] из разных первичных летописей, обыкновенно щадя в них местные черты и тем указывая на то, откуда то или другое известие было заимствовано. Если по сводам восстановить ход летописания в древней Руси, оно представится в таком виде. Летописание началось повествованием о древнейших временах в Русской земле, составленным около половины XI в., и продолжалось летописью киево-печерского инок, писавшего в конце XI и начале XII в. Затем кроме летописи, продолжавшейся в Киеве, появляются еще летописи в Чернигове, Новгороде Великом, на Волыни, в Смоленске, Полоцке. Это все летописи XII в. Вы видите, что они писались в главных политических княжеских центрах тогдашней Руси. К ним примыкает во второй половине XII в. и летопись Владимирская, Владимиро-Клязьме. Это новый центр, первый в Северо-Восточной Руси. Впрочем, здесь был и другой центр, который немножко позже подал свой голос в хоре летописей: с конца XII в. появляется след летописи

Ростовской, которая, впрочем, жила сначала во Владимире-на-Клязьме. С XIII в. [составлялся], может быть, летописец Переяславля-Залесского. Немного позже, именно во второй половине XIII в., появляется Тверская летопись. Продолжает свою повесть новгородский летописец, который даже называет себя под 1230 г. В позднейших списках Новгородской I летописи встречаем известие о смерти одного юрьевского архимандрита (Юрьевский монастырь под Новгородом Великим), сопровождаемое замечанием летописца, который просит у почившего молиться перед богом за себя, «мне, Иоанну попови». В харатейном списке вместо этого имени читаем: «Тимофею пономареви»³⁶. Вероятно, это либо составитель, либо переписчик летописи. Но в тех летописях, которые прочтете в издании Археографической комиссии за XIII, XIV и XV вв., почти не слышать ни киевского, ни черниговского, ни полоцкого летописца. Очевидно, политические центры, как и центры книжного образования, все переместились на Северо-Восток.

Наконец, с половины XV в. в летописных сводах получает господство летопись Московская. Эта летопись заметно отличается своим характером и воззрением от своих предшественниц. Любопытны те признания, какие встречаются в летописях Московского времени. В Софийской II летописи (VI т. ПСРЛ) сохранены признания московского летописца, вызванные разными событиями; это очень строгий повествователь с мрачным и недоверчивым взглядом на людей, их деяния и пружины, которые двигают эти деяния³⁷.

Как вы знаете, летописные своды, начиная с первого стремления стать сводом всех исторических источников, превратились в историческую хрестоматию. Вот почему в них появляется все больше отдельных памятников, помещаемых целиком. Во вторичных сводах их уже целая куча, господствующее значение между ними получают жития и сказания об особенных событиях. Летопись в своем движении забирает попутно и другие второстепенные источники, как река свои встречные притоки. По мере того как двигается летопись, подвигаетесь и вы в изучении исторических источников Древней Руси. Те же самые жития и сказания встречаете в особых исторических сводах, отличающихся от летописей, которые даже только частью касаются отечественной истории и составляют, собственно, изложение всеобщей истории. Эти любопытные своды носили в древней Руси греческое название хронографов. Этим хронографам я придаю после летопис-

ных сводов важнейшее значение в ряду исторических источников. И так как они составлялись по образцу и на основании византийских хронографов, то я и предположу их обзору несколько замечаний относительно византийской историографии средних веков.

ЛЕКЦИЯ VII

ХРОНОГРАФ. ИОАНН МАЛАЛА. ГЕОРГИЙ АМАРТОЛ.
ПРОДОЛЖАТЕЛЬ АМАРТОЛА. КОНСТАНТИН МАНАССИЯ. ИОАНН ЗОНАРА

ХРОНОГРАФ. Хронографом или гранографом, как говорили наши старинные книжки, называлось в древнерусской литературе изложение всемирной истории от сотворения мира. Изложение это читалось древнерусскими книжниками в двух видах: или это была *переводная византийская летопись*, излагавшая события всемирной истории, и преимущественно византийской, или это было компилятивное, *составное изложение явлений всеобщей истории*, сделанное русскими грамотеями на основании византийских хронографов. Таким образом, древняя Русь знала хронограф двух видов: *византийский переводный* и *русский составной — компилятивный*. И в переводном, и в составном изложении древнерусская письменность была знакома, собственно, только с четырьмя византийскими хронографами, именно: 1) Иоанна Антиохийского Малалы, 2) Георгия Амартола, 3) Константина Манассии и 4) Зонары. Я сделаю краткий обзор каждого из этих четырех византийских хронографов.

ИОАНН МАЛАЛА. 1. *Иоанн Малала* («что на языке сирском — ритор, вития») составил хронограф, который не дошел до нас в подлинном цельном виде, поэтому остается спорным даже самое время жизни автора. Хронограф этот сохранился в единственном списке, который составляет собственность библиотеки университета в Оксфорде. Рукопись не имеет ни начала, ни конца. В ней летописный рассказ прерывается на одном эпизоде из 36-го года царствования императора Юстиниана, на 563 г. Так как события Юстинианова времени Малала описал особенно живо и подробно, как будто очевидец, то возникло мнение, что он был современником этого царствования, жил приблизительно около

половины VI в. Но есть указания, которые заставляют думать, что он жил значительно позднее, что большая живость рассказа о событиях царствования Юстиниана происходит не от того именно, что автор был их современником, а от свойства того материала, которым он пользовался.

В нашей письменности хроника Малалы появляется очень рано. В обзоре летописей я указал на своеобразную редакцию Начального летописного свода, которую представляет летопись *Переяславская*. Эта летопись, вообще более краткая сравнительно с Лаврентьевским списком, приводит много любопытных, по Лаврентьевскому списку неизвестных данных из истории переяславского княжения. Летопись издана по списку XV в., находящемуся в Московском архиве Министерства иностранных дел. В рукописи, где находится эта летопись, помещается и древний, по-видимому болгарский, перевод хроники Иоанна Малалы. Любопытно, что здесь есть то начало, которого недостает в подлиннике по рукописи Оксфордского университета. К сожалению, в этом списке перевод прерывается гораздо раньше царствования Юстиниана, на времени императора Вителлия. Во всяком случае текст, с которого переведена хроника по нашему списку, был полнее и исправнее того, который находится в Оксфордской библиотеке и издан в нынешнем столетии (*Corpus scriptorum Historiae Byzantinae* с предисловием Диндорфа, в 1831 г. в Бонне). Вот почему западные издатели хроники Малалы сделали большую ошибку, не проверив изданного ими текста по славянскому переводу, сохранившемуся в нашей рукописи.

Хроника Иоанна Малалы входит как один из основных источников в состав каждого древнерусского хронографа. Из нее, правда, заимствовано немного, но она имела значение не только для состава древнерусского хронографа, но и как источник, влиявший на некоторые другие памятники древнерусской истории. В хронике Иоанна Малалы есть одна особенность—это склонность повествователя описывать наружность и характер лиц, о которых он рассказывает. Трудно сказать, из какого источника заимствовал он эти описания. Так, в нем описывается наружность апостолов, многих святых, византийских императоров. Эти описания, или литературные портреты, были подмечены в древней Руси, и она воспользовалась ими для церковных целей, именно для иконографических. Вы знаете, что древнерусским иконописцам руководством для изображения ликов святых служили

особые иконописные учебники, которые излагали типичные, стереотипные черты изображений известных святых; эти руководства носили названия «*подлинников*». В «подлинниках» описывается наружность некоторых апостолов и святых, целиком заимствованная из хроники Малалы. Трудно сказать, когда стал известен Малала в древнерусской письменности. Может быть, его читал составитель Начального летописного свода, который, впрочем, никогда не называет его по имени. Может быть, знаком был с ним волынский летописец XIII в., у которого в рассказе есть одна черта³⁸, взятая, по-видимому, из этого хронографа, черта, очень любопытная,—это греческий каламбур, очень удачно переданный по-русски; Иоанн Малала рассказывает об одном наводнении, случившемся в городе Эдессе от разлива речки, которая протекает [через] этот город, Скирта (σκιρτάω — прыгать, плясать). Это наводнение разрушило несколько домов и погубило много людей. Когда бедствие миновало, жители припомнили, что и прежде бывали такие несчастья с городом. Здесь хроника прибавляет, что раз после такого наводнения нашли в городе плиту с такой громкой надписью: Σκιρτὸς ποταμὸς σκιρίησεν καὶ ὁ σκιρτήματα πολίταις (игра слов: Скирт пропляшет дурную пляску с гражданами³⁹). Волынский летописец, описывая нашествие угров на Галич под 1229 г., рассказывает, что угры осадили город, но Днестр неожиданно разлился и затопил венгерский лагерь, приведя в беспорядок венгров, которые частью были перебиты, а остальные убежали. Летописец припоминает наводнение, описанное в другом месте, и говорит: «Инии же избьени быша, инии язвени быша... яко инде глаголетъ: Сқырт река злу игру сыгра гражаном, тако и Днестр злу игру сыгра угром»⁴⁰. Вы видите, что греческий каламбур у летописца даже удвоился со введением в него угров. Но этот самый рассказ Малалы воспроизведен и в хронике Георгия Амартола, откуда, может быть, его и заимствовал наш волынский летописец.

ГЕОРГИЙ АМАРТОЛ. 2. *Георгий Амартол* жил, по-видимому, несколько позднее Малалы, около половины IX в. О нем также имеем очень мало сведений. Несомненно, он был монах. По одному замечанию в хронике видно, что он некоторое время жил в египетской пустыне и был сподвижником тамошних аскетов. Египетский аскетизм наложил глубокий отпечаток на рассказ Георгия Амартола. Само его прозвание есть следствие этого влияния: повествователь назвал себя

грешником. Хроника Амартола была самым любимым чтением по всеобщей истории в древней Руси; ее очень много читали и в византийском обществе, чем объясняется большое количество списков этой хроники, дошедших до нас как в византийской, так и в славянорусской письменности. Хронограф этот был переведен на болгарский язык вскоре после крещения болгар, лет через 100 после смерти Амартола.

В нашей письменности есть также несколько списков Амартола; лучший из них, мне известный, относится к XIV в. и хранится в библиотеке Троице-Сергиевой лавры. Это пергаментная рукопись с лицевыми изображениями самого Амартола и византийского императора Михаила III, на времени которого прерывается рассказ хронографа. Рассказ этого хронографа начинается от сотворения мира и идет до 842 г., до того года, когда умер последний византийский император — иконоборец Феофил и когда его вдова Феодора вместе с сыном Михаилом в первое воскресенье великого поста торжественно восстановила иконопочитание. На этом торжественном восстановлении православия и кончается рассказ.

Эта хроника имела огромное влияние на древнерусское летописание. Как известно, Амартола хорошо знает наш составитель Начального летописного свода, который из него приводит несколько выписок и неоднократно ссылается на него. В хронике Амартола нет ни одного события, которое бы близко соприкасалось с нашей историей. Но наш начальный киевский летописец, или составитель свода, внимательно изучал Амартола и с большим толком им пользуется, заимствуя у него и толкование исторических событий. Правда, летописец не везде повторяет мнения Амартола. Так, он с ним расходится в оценке книжного образования; Амартол — аскет и очень косо смотрит на книжную ученость, видит в ней только источник гордости; наш летописец не разделяет этого взгляда, он не нахвалится книгами, видит в них источник только мудрости⁴¹. Но Амартол имеет огромное влияние на историческое мирозерцание древнерусского летописца, и, если хотите изучать это мирозерцание, начинайте с чтения хронографа Амартола. Он жил в эпоху последних иконоборческих гонений, и это положило глубокий отпечаток на его воззрения. Он горячо проводит иконопочитание, чрезвычайно мрачно смотрит на либеральные религиозные замашки иконоборческих императоров и горячо отстаивает монастыри, которые [они] ненавидели. Аскетический взгляд при таких неблагоприятных внешних обсто-

ятельствах приводит Амартола к мрачному взгляду на ход мировых явлений. И этот мрак еще усиливается вследствие мистицизма, которым проникнута мысль Амартола: для него ход мировых событий—только обнаружение безустанной борьбы двух борющихся где-то за историческими кулисами начал—добра и зла. Эта самая черта характеризует и историческое мирозерцание древнерусских летописей. Из этого воззрения вышла и та особенность рассказа Амартола, что он вводит в свою хронику множество эпизодов, питающих мистическую веру в чудесное, в откровения загробного мира. Эти воззрения древнерусские читатели воспринимали внимательно, и они вошли даже в легендарную письменность.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ АМАРТОЛА. Еще важнее [то, что] хроника Амартола известна была древнерусской письменности не в первичном виде, она всегда неразрывно соединялась в греческом тексте и славянских переводах с одним из своих продолжений. Таких продолжений было несколько, и они доводят рассказ до 1081 г. Но древнерусская письменность знала только первое из этих продолжений, которое было составлено каким-то византийским логофетом, т. е. статс-секретарем. Рассказ этого логофета начинается с того момента, на котором прерывается хроника Амартола, и доходит до 948 г. В литературном отношении продолжение логофета далеко уступает Амартолу, но оно не менее последнего имеет значение в ряду источников нашей истории. Из этого продолжения наш Начальный летописец заимствует почти буквально рассказ о двух нападениях Руси на Царьград—в 866 и 941 гг. Притом продолжение это легло в основание хронологической системы нашей Начальной летописи. Продолжение хроники начинается описанием царствования Михаила III с 842 г. Это царствование и принято было составителем русского Начального летописного свода за исходный пункт в хронологическом распорядке событий в Русской земле. Мы не понимаем, как сделан этот распорядок составителем русского свода. Михаил начал царствовать в 842 г. Начальный свод под 6360 г., т. е., следовательно, под 852 г., пишет: «В лето 6360 наченшию Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семь бо уведохом, яко при семь цари приходиша Русь на Царь-город, якоже пишется в летописаньи Гречьстем. Темже отселе почнем и числа положим». Но почему наш составитель Начального летописного свода принимает 852 г. за начало царствования Миха-

ила III, остается неизвестным. И это, очевидно, не описка, вследствие которой 6360 явилось вместо 6350. Описывая потом нашествие русов на Византию, которое [летописец] относит к 866 г., он прямо говорит, что это было в 14-е лето царствования Михаила III. Итак, в хронологии расчет нашей Начальной летописи обнаруживает ошибку на 10 лет.

Как Начальная летопись пользуется продолжением хроники Амартола при описании обоих нападений русских на Византию? Первое, которое, как известно, было при Аскольде и Дире, описывается почти дословно по хронике; второе — нападение Игоря в 941 г., кончившееся поражением русов, — изложено также по хронике, но с некоторыми поправками, из которых видно, что победа досталась грекам после больших усилий. Рассказ продолжателя о походе 866 г. в основных чертах подтверждается свидетельством современника и очевидца этого события. Это подтверждение мы находим в двух известных беседах патриарха Фотия, произнесенных им по поводу этого нападения. Эти беседы — один из любопытных источников нашей истории, открытый знаменитым знатоком Византии, преосвященным Порфирием, открывшим и знаменитое евангелие, изданное Тимендорфом. Он не подтверждает только одной черты рассказа хроники, что причиной поражения была буря, поднявшаяся на море, буря, когда воротившийся император вместе с патриархом «погрузили в море ризу божией матери». Он говорит только, что русы отступили и сняли осаду, как только [греки] обошли [с ризой] по той стороне города, которую осаждали русы. О буре же и разгроме кораблей [продолжатель Амартола] не упоминает⁴².

КОНСТАНТИН МАНАССИЯ.

3. Хронограф *Константина Манассии* также дал много материала для древнерусских хронографов. Манассия жил около половины XII в., был придворным византийским историографом и поэтом. Его хронограф — очень своеобразный образчик византийского витийства и версификации, но не поэзии. Эта хроника излагает всю историю от сотворения мира до 1081 г., до смерти императора Никифора Вотаниата, написана в стихах, заключая в себе 6784 стиха; исторические факты тонут [в ней] в море стихотворного витийства, откуда чрезвычайно трудно их выловить. Однако Манассия оказал заметное действие на русскую летопись, хотя сообщил очень мало исторических сведений⁴³. Русские книжники заимствовали у него неко-

торые витиеватые изречения, частью манеру изложения, когда им приходилось размышлять об исторических событиях и когда они хотели размышлять по возможности красноречивее. В древнерусских летописях и в отдельных повествованиях иногда можно встретить целые выражения, прямо взятые из этого хронографа⁴⁴.

ИОАНН ЗОНАРА. 4. Наконец, очень важное значение имеет хроника *Иоанна Зонары*, секретаря императорского кабинета при Алексее Комнине (1080—1118), т. е. в конце XI и начале XII в. Потом, покинув придворную службу, [он] ушел на Афон, постригся и занялся изучением канонического права и истории. По той и другой отрасли он оставил сочинения, имевшие большое значение в древнерусской письменности; по каноническому праву—толкование церковных правил, вошедшее в Кормчую, по истории—изложение событий всемирной истории до своего времени, до смерти Алексея Комнина (от сотворения мира до 1118 г.)⁴⁵.

ЛЕКЦИЯ VIII

РУССКИЕ ХРОНОГРАФЫ. ЭЛЛИНСКИЙ И РИМСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ.
ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ХРОНОГРАФА.
ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИИ ХРОНОГРАФА.
ИСТОЧНИКИ ХРОНОГРАФА ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

РУССКИЕ ХРОНОГРАФЫ. Из обзора византийской хронографии мы видели, что она дала древнерусскому летописанию: во-первых, историческое миросозерцание, запас общих исторических воззрений; во-вторых, несколько известий о событиях в отечестве, в России, и, в-третьих, наконец, особый прием изложения, или привычку изучать и излагать местные события в их хронологической связи с византийскими. Вооружившись этими средствами, полученными от византийского хронографа, древнерусская историография делает самостоятельные опыты—не только переводит византийские хронографы, но по их образцу и из их материала составляет свои. Переводные византийские хронографы, судя по их уцелевшим спискам в древнерусской письменности, читались только знатоками и не были распространены в массе читающего общества—знак, что [они] не

отвечали ни уровню развития, ни кругозору, ни объему древнерусского мышления. Зато это общество усердно читало хронографы не переводные, а составленные среди южных славян или на Руси. Эти хронографы по количеству списков образовали очень заметный отдел в составе древнерусской исторической письменности. В настоящее время их списков насчитывают сотни. Эти хронографы русского состава, составленные из византийских, имеют очень важное значение среди древнерусских исторических источников именно теми тремя средствами исторического понимания и изложения, которые русская историография усваивала и распространяла через свой хронограф у византийской. Кроме того, благодаря спросу, который существовал на них в древнерусском читающем обществе, интересу, который они возбуждали применительно к потребностям читателей, [хронографы] подвигали историческое сознание их, вместе с тем отражая в себе это движение. Поэтому составные хронографы чрезвычайно изменчивы в своем составе. Однако эта изменчивость, как можно заметить, подчинена известному направлению. Состав их изменяется вместе с ростом исторической любознательности общества и расширением его кругозора, это особенно [заметно] на отделе русских статей о России. Поэтому составные хронографы, или хронографы русской редакции, являются вдвойне любопытными как русский исторический источник. Во-первых, в них мы находим много русских сказаний о событиях на Руси. Они пополняют запасы русских летописных известий о России. Во-вторых, [хронографы] поддерживали методологическую связь русского бытописания с византийским и помогали первой устанавливать связь событий отечественных с ходом мировой жизни. В-третьих, [в хронографах] явственно отражается движение русской исторической мысли и исторических воззрений.

Изучение этих хронографов значительно облегчается превосходным исследованием о них, составленным покойным Андреем Поповым, — «Обзор хронографов русской редакции» (2 вып., М., 1866—1869) с приложением к нему «Изборника славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» (М., 1869). Труд А. Попова чисто библиографический: это исследование о списках, редакциях, источниках. Исследование нигде не переходит к критике самих источников или исторического материала и не приводит древнерусских хронографов в связь с движением древнерусской исторической мысли. Но библиографический обзор исследовате-

лем ведется так тщательно и по такому обдуманному плану, что облегчает эту окончательную работу над хронографом как историческим источником.

ЭЛЛИНСКИЙ И РИМСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ. Древнейшей редакцией составного русского хронографа, какую можно уследить в древнерусской письменности, является так называемый *Эллинский и Римский летописец*; в рукописи он носит заглавие, подробно указывающее на его источники: «Летописец Еллинский и Римский. Сии книги списаны не из единех книг, но от различен истинных и великих (великих) по исправленью многу Моисеева истинная сказания и от четырех царствий и от пророчества Георгиева (т. е. Временника Георгия Амартола.— В. К.) поистине изложена и от Ездры, и от Истирии (?), и от азмат, азматских (т. е. Песнь песней.— В. К.), и патаукиха (πεντάτευχος — пятикнижие.— В. К.) и еще же от Иоаннова гранографа иантиохийского»⁴⁶.

Этот летописец в первой редакции можно относить к XV в., вторая [появилась] в XVI в. В древнейших списках состав его строго византийский, т. е. он черпает [материал] исключительно из библейских книг и византийских хронографов, нам известных: Малалы, Амартола, Манасии, реже Зонары. Статей же славянских и русских в древних списках Эллинского и Римского летописца нет совсем. В редакции XVI в. являются уже и русские вставки, но они приставлены здесь чисто технически, просто как дополнение к хронографу. Они не только не источники для него, но и не имеют органической связи с его изложением.

Этот Эллинский и Римский летописец с библейско-византийским составом и лег в основание позднейших составных хронографов, в которые внесена уже значительная примесь славянских и русских источников. Эллинский и Римский летописец дал канву русским составным хронографам, послужил для них прототипом. Этому составу с участием славянских и русских источников и было усвоено в древней письменности название *хронограф*, или, собственно, *гранограф*. Если встречаете в рукописях заглавие над сборником по всеобщей истории «*гранограф*», то помните, что это название относится, собственно, к русскому составному хронографу с примесью славянских и русских источников. Сборник во второй редакции носит в большей части списков двойное заглавие: «*Гранограф сиречь Летописец*»⁴⁷. Это не одно и то же. Гранограф не

есть ошибка переписчика по незнанию греческого языка, это совершенно особое заглавие. Можно, пожалуй, улыбнуться на то значение, какое придавал составитель древнерусского хронографа этому заглавию: грань — начальство, власть, государство. «Сего ради и книжица сия Гранограф счинися, зане вся начальства, царства же и государства в ней кратко описует. Грань убо начальство граф же (γρᾱφῆ) — описание, и обое сложив во единокупие речется Гранограф, еже есть началств описание»⁴⁸. Рассказ [ведется] по царствам попережку — Греческое, Сербское, Великое княжение русское, или Московское. Итак, это не летописец, не хронограф, а описание царств. Откуда взяли древнерусские книжники такое значение грани, как царства, догадаться довольно нетрудно⁴⁹.

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ХРОНОГРАФА. Хронограф собственно, или гранограф, в древнерусской письменности имеет несколько редакций. Древнейшая из них относится к 1512 г. Подобно своим образцам, она состоит из 208 глав⁵⁰. Этот хронограф кончается падением Византийской империи; падение Царьграда в 1453 г. составляет конечный пункт в изложении древней редакции: в глазах древнерусского историка течение всемирной жизни прерывается этим несчастьем⁵¹. Источниками этой редакции служат те же библейские книги и византийские хроники, которые лежат в основании Эллинского и Римского летописца, преимущественно Манассия, но среди них видное место отводится летописям сербской, болгарской и русской. Русские статьи начинаются краткими сказаниями: «О словенском языке и о русском» из Начальной летописи, «О пришествии Руси на Царьград» по Амартолу, «О призвании варягов» и т. п. Эти известия, заимствованные из хроники Амартола и из Начальной русской летописи, все рассыпаны среди византийских в синхронистической связи с ними. Этот прием, внушенный византийским хронографом, получил широкое применение и был, собственно говоря, источником больших затруднений для русского бытописателя. Синхронизм [был] неудачен, [а] хронология ошибочна. Составитель часто не знает, какой южнославянский или русский князь был современником известного византийского царя, и делает крупные хронологические промахи. Чем далее движется рассказ хронографа, тем чаще попадают известия славянские и русские, и, наконец, рассказ обрывается статьей «О взятии Царяграда от безбожного Турского царя Амурата, еже бысть в лето 6961», статьей русской, в

конце которой автор делает патриотическое обращение к Русской земле⁵².

Как составлен был хронограф этой редакции? Для ответа на этот вопрос А. Попов прибегает к такому приему: он выделяет все вставочные славянские и русские статьи и смотрит, что же осталось? Остались библейская история, составленная по библейским ветхозаветным и новозаветным книгам, и выписки из византийской истории, изложение византийской истории по византийской хронографии⁵³. Предисловие хронографа указывает, что он составлен каким-то греческим собирателем древних летописцев, который работал над своим трудом в 984—990 гг. Первая соблазнительная догадка та, что византийская основа хронографа с выделением из него славянских или русских приписей должна быть переводом какого-либо древнегреческого хронографа. Но источники этого хронографа не соответствуют [этому] предположению. Предисловие говорит, что неизвестный греческий собиратель кончил работу в 990 г., а изложение византийской истории по хронографу обрывается на 1081 г., на смерти императора Никифора Вотаниата. Припомним, что 1081 год есть конечный хронологический пункт рассказа хроники Константина Манассии, которая и приведена в этом хронографе почти целиком. Далее [в нем] есть некоторые заимствования из Амартола и Зонары, писателя XII в. Значит, греческое предисловие хронографа взято из какого-то другого источника и не соответствует составу хронографа, который им начинается. Это бросает свет на то, что хронограф первой редакции есть сложная компиляция, составленная первоначально, может быть, на юге и потом перешедшая оттуда на Русь. Хронограф составлен был по переводным византийским историческим сочинениям. Но несомненно, что, перенесенный на русскую почву, этот хронограф обрусел, в него внесены [были] русские источники, а переводные подвергались русскому пересмотру.

Всего яснее указывают на это русские глоссы в переводном византийском сочинении, например: «перпер — полтретья [2¹/₂] рубли русская» и др.⁵⁴ Эти глоссы внесены в переводные статьи византийского происхождения. Древнерусская летопись дала очень много материала хронографам этой редакции. Синхронистическое изложение русских событий в связи с византийскими кончается на 1451 г.⁵⁵ и не идет далее летописи, из которой наш хронографист черпал все известия.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИИ ХРОНОГРАФА. В XVII в. явились две новые редакции этого гранографа. Одна из них, *вторая* по счету, появляется в 1617 г., другая редакция, *третья* по счету,—между 1620—1646 гг. В основу их легла древняя (XVI в.) редакция гранографа, только некоторые ее статьи сокращены, другие опущены и заменены новыми, но запас источников, из которых вторая редакция черпала [материал], значительно расширился, и расширение это лишило древнерусский хронограф его первоначального византийского характера. До сих пор русский составной хронограф целно отражал в себе древнерусский православно-византийский исторический кругозор. Вот его состав⁵⁶:

1. Библейская история от сотворения мира.
2. Эпизоды из классической истории с особым развитием двух сказаний: о Трое и об Александре Македонском.
3. Византийская история во второй своей половине с синхронистическим изложением истории южных славян и русских.

ИСТОЧНИКИ ХРОНОГРАФА ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ. В XVII в. хронограф теряет такой склад. В него прежде всего проникает *западноевропейская* история через Польшу при посредстве польской всемирной хроники *Мартина Бельского*⁵⁷ (ум. в 1575 г.). В 1534 г. в Польше появляется первое издание этого сочинения, выдержавшего множество изданий⁵⁸. На русский [язык] хроника Бельского была переведена в том же столетии, в 1584 г. (с третьего издания 1564 г.), в Западной Руси, и в том же году появляется список этого перевода, написанный в Москве. Хроника Мартина Бельского, польский гранограф, составлена по другим, но однородным с русским гранографом источникам. И построение, и мирозерцание их сходны: рассказ идет от сотворения мира, продолжается Палеей и Новым заветом, но в изложении древней истории дано преобладающее место западной половине — Римской империи. Это облегчило русскому составителю пользование хроникой. Он сличал хронограф древней редакции с этой хроникой, следил по главам, выбирал иную главу из хроники Бельского и вставлял ее на соответствующее место взамен византийской или славянской статьи, прежде помещавшейся на этом месте. Так, оставшись недовольным сказанием о Трое в древней редакции хронографа, сказанием славянского происхождения, он выбросил его и поместил пере-

вод об этом из хроники Бельского. Но составитель много взял из хроники Бельского и совершенно новых данных, которые не содержались в прежнем хронографе. Так впервые здесь открывается обширный и новый prospect на западноевропейскую историю, папство, открытие Америки. Среди этих заимствований хронограф впервые берет и историю западных славян, Чешского и Польского королевств, которая и стоит наряду с известиями о славянах южных.

Так хронограф XVII в. впервые вбирает в свой кругозор все славянство⁵⁹.

Другим западным источником в этой редакции является хроника *Конрада Ликостена*—это любопытное собрание разных необыкновенных явлений в природе и в жизни человека. Вот почему этот сборник носит название: «*Prodigiorum ac ostentorum chronicon, quae praeter naturae ordinem, motum, in operationum et in superioribus et his in inferioribus mundi regionibus, ab exordio mundi usque ad haec nostra tempora, occinduntur...*» Составлен он был, как и хроника Бельского, в XVI в. в Базеле, в 1557 г. Имя автора—Ликостен, перевод подлинной немецкой фамилии Wolfhart (ум. в 1561 г.). На русский язык хроника его переведена в 1599 г. Наша хроника заимствовала отсюда известия о необычайных физических явлениях и знамениях.

Но и русский отдел во второй редакции хронографа заметно растет и расширяется. В русских статьях, касающихся древних событий в нашей земле, появляются попытки исторической критики и исторических толкований. Это—зародыш тех сказаний, которые, расширяясь, наполняют нашу историческую письменность XVII в. и переходят в XVIII в., ложась тяжелым камнем на плечи первых критиков русской истории⁶⁰. Так, здесь появляются изложения древних сказаний «О начале Русских князей» и др. Эти сказания еще робко приподнимают покров, который прикрывает начало нашей истории. Сказание упоминает о Гостомысле, о происхождении Рюрика, но еще мало знает о нем, дает историческое толкование терминов *славяне* и *русы* (по списку хронографа 1679 г. «От князей скифских: Словена и Руса»)⁶¹.

Другая новость этой редакции: рассказ хронографа не прерывается на падении Византии, а продолжается изложением русской истории до Михаила Федоровича. Всемирная история, обрываясь на падении Византии, теряла связь с русской, и хронограф продолжался уединенным изложением судеб Русской земли. Припомним, что в

XVI в. в русской письменности, т. е. в сознании русского образованного общества, Русская земля стала рассматриваться как преемница и прямая продолжательница политических и церковных судеб Византии (третий Рим). Это воззрение нашло себе прямое отражение в составе русского хронографа новой редакции. Этому отделу, теперь прицепленному к истории Византии, и суждено было получить широкое развитие в дальнейшей обработке хронографа.

И само по себе любопытно видеть, по каким источникам составлен этот рассказ о судьбе Русской земли. До Ивана Грозного (1453—1534) он только излагает [материал] по русским летописям; с начала же царствования Грозного помещен цельный пространный рассказ, который отличается любопытными приемами изложения, содержит группировку однородных явлений и ряд отдельных общих характеристик. Любопытна характеристика Ивана Грозного. Она показывает, как известные исторические взгляды в нашей литературе имеют свои корни в письменности очень древнего времени. Составитель статьи, характеризуя Грозного, разделяет его деятельность на две эпохи: первая—блестящее время царствования, завоевания Казани и Астрахани—«Он же убо имый разум благообычен и бысть зело благоумен, еще же и во бранех на сопротивныя искусен, велик бе в мужестве и умеа на рати копием потрясати, воиничен бо бе и ратник непобедим, храбросерд же и хитр конник; той убо варварския страны, аки молния борзо обтече, и вся окрестныя устраши, и пригордыя враги покори. Бысть же и во словесной премудрости ритор, естествословен и смышлением быстроумен, доброзрачен же и благосерд в воинстве, еще же и житие благочестиво имый, и ревностью по бозе присно препоясая, иже благонадежныя победы мужеством окрестныя многонародныя царства прият, Казань и Астрахань, и Сибирскую землю. *И так Русския земли держава* пространством розливашеся и народи веселием ликовашу и победныя хвалы к богу возсылаху: царская бо храбрость и мужество его—земли светлость, а народом живущим на ней—великая радость. И тако неколико лет благовременно поживе». Но все изменяется со времени учреждения опричнины. Сам царь становится непохожим на себя: «И потом аки чюжая буря велия припаде к тишине благосердия его, и *не вем како превратися многомудренный его ум на нрав яр*, и нача сокрушати от средства своего многих, такоже и от велмож синклитства своего, во истину бо сбытхся еже в притчах реченное: яко

парение похоти переменяет ум незлобив. Еще же и крамолу междоусобную возлюби, и во едином граде едины люди на другие поусты, и прочая опричиненныя нарече, другие же собственны себе учини, земщиною нарече. И сицевых ради крамолств сына своего болшаго царевича Ивана, мудрым смыслом и благодатию сияюща, ако незрелый грозд дебелим воздухом отрясе, и от ветви жития отторгну»⁶².

Автор сам не знает, как объяснить такую перемену. Сличите эту характеристику с изложением истории Ивана Грозного у Карамзина, и [вы] увидите, что схема изложения у того и другого одинакова. Взгляд историка начала XIX в. ничем не шире взгляда автора статьи начала XVII в.

Так мы замечаем, что составной древнерусский хронограф постепенно изменяет свой состав, но вместе с тем замечаем и движение древнерусского исторического мирозерцания.

ЛЕКЦИЯ IX

ХРОНОГРАФЫ ОСОБОГО СОСТАВА.

ХРОНОГРАФ СЕРГЕЯ КУБАСОВА. ХРОНОГРАФ ПАХОМИЯ.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ РУССКОГО ХРОНОГРАФА.

ДРЕВНЕРУССКИЙ СБОРНИК. ПРОЛОГ И ЧЕТЫ-МИНЕИ. ТОРЖЕСТВЕННИКИ.

ЖИТЕЙНИКИ И ПАТЕРИКИ. СБОРНИКИ СМЕШАННОГО СОСТАВА

ХРОНОГРАФЫ ОСОБОГО СОСТАВА. Славяно-русский составной хронограф, т. е. хронограф, собственно так называемый, руководясь византийскими образцами, усвоил себе строго определенные рамки, в которые вставил чрезвычайно разнообразное и притом подвижное содержание. Менялся подбор статей, расширялся или суживался запас исторических сведений, но порядок, в котором располагалось содержание, оставался один и тот же.

Однако с XV в. делались попытки пересмотреть состав хронографов, установить другие рамки и изменить порядок статей, оторваться от южнославянской основы. А. Попов и назвал такие своеобразные своды по всеобщей истории *хронографами особого состава*.

Эти хронографы также развиваются с течением времени в направлении, совершенно одинаковом с развитием регулярных, собственно хронографов. Две попытки соста-

вить такой хронограф А. Попов нашел в двух рукописях, из которых одна принадлежит к XV в., а другая — к XVI. В первой из них совсем нет русского отдела, во второй в конце появляются незначительные извлечения из Начальной летописи о призвании варягов, о походе Игоря на Царьград. Обе эти попытки представляют древнюю редакцию хронографа с особым составом.

ХРОНОГРАФ СЕРГЕЯ КУБАСОВА. В XVII в. было сделано несколько таких попыток⁶³. Самую замечательную из них представляет так называемый хронограф Сергея Кубасова. Список этого хронографа некогда хранился в библиотеке Московского университета, а потом исчез куда-то⁶⁴. Вообще этот хронограф — большая редкость в древнерусской письменности. Попов знал два [списка], третий [находится в собрании] Барсова.

Сергей Кубасов, тобольский сын боярский, составил хронограф, по порядку изложения совершенно отличный от древнерусского гранографа. Он распадается на две совершенно самостоятельные части, из коих каждая носит особое заглавие; первая озаглавлена: «Гранограф сиречь Летописец от сотворения света» в 244 главах (до падения Царьграда). Это обыкновенный хронограф с несколько измененным изложением статей сравнительно с гранографом древней редакции, откуда и черпал[ся материал]. С. Кубасов не знал еще гранографа второй редакции, нет [у него] западных и польских источников. Но в изложении этого отдела [он] выделил все статьи русского происхождения, т. е. все русские известия перенес во второй отдел хронографа, который носит особое заглавие: «Летописец сиречь Помянник Словенскаго языка и Русскаго рода, откуда начаяся и како бысть и до чего дойде». Так, этот отдел — цельное изложение русской истории, оторванное от всемирной. Эти известия о Русской земле с IX в. начинают собой второй отдел хронографа⁶⁵. [Изложение] продолжается с царствования Ивана Грозного особым оригинальным сочинением, оканчивающимся рассказом о соборном избрании на престол Михаила Федоровича⁶⁶. Сочинение это носит особое чрезвычайно длинное и витиеватое заглавие: «Повесть книги сея от прежних лет о начале царствующаго града Москвы и о корени великих князей Московских и о пресечении корени царскаго от Августа царя и о начале инаго корене царей и о настатье царя Бориса и о приходе богомерзкаго еретика Гришки Отрепьева Разстриги на царствующий град и о начале его

и убиении его и о мятежи во царствующем граде и о пришествии Литвы и о разорении царствующаго града Москвы от безбожных Ляхов и о взятии царствующаго града Москвы собранием и попечением всего православнаго Российскаго християнства, и о избрании на царствующий град Москву и на все Российские государства царя Михаила Федоровича, и возрасте и о мужестве и о нравах прежних царей царствующаго града Москвы. Написана бысть сия книга в лето 7134 июля в 28 день».

Повесть сначала дает общий очерк царствования Ивана Грозного, продолжается более подробным рассказом о царствовании Федора и переходит в витиеватое изложение событий Смутного времени. Долго считали эту повесть — с заключением ее, характеристиками царей Ивана, Федора, Бориса, царевича Федора, Ксении и Расстриги — сочинением самого С. Кубасова, который называет себя в конце хроники тобольским сыном боярским. Это мнение произошло от недоразумения. В повести рассказывается, как по смерти царя Бориса войско его, осаждавшее отряд самозванца в Кромах, предалось на сторону последнего, перехватало своих воевод и связанными выдало их самозванцу («И начаша воинстии людие умы своими колебаться семо и овамо... И согласишася все воинство купно, и оружия своя воздвигоша, и на воевод царевых напрасно нападоша, и поймав в град Путивль связанных поведоша до онаго мнимаго царевича»)⁶⁷. Некоторые из них согласились служить последнему, но другие отказались, в числе их был один воевода большого полка, князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский.

Повесть о Смутном времени, вставленная в этот хронограф, заканчивается довольно нескладными виршами:

Начало виршем — мятежным вещем.

Сих же разумно прочитаем

И слагателя книги сея потом уразумеваем

Изложена бысть сия летописная книга

О похождении чюдовскаго мниха,

Понеже бо он бысть убогий чернец

И возложил на ся царский венец

Царство великие Росии возмущил

И диадиму царскую на плечах своих носил;

(Значит, ему принадлежит повесть о чудовском мнихе. — В. К.).

Есть бо то воочию нашею дивно

Предложим писанием, чтоб вовеки незабытно

И наши приклады в книги сей имаем

И того в забытии не оставляем;

Тогда бо мятежные времена были

И славные роды отечества своего отступили,

Мы же сему бывшему делу писание предлагаем
 И предидущий род воспоминанием удивляем,
 По сем предние слоги углядаем
 И трудолюбца дела сего познаваем,
 Есть же книги сей слагатаи
 Сын предиреченного князя Михаила роду Ростовского
 сходатай,

Понеже бо он сам сие существенно видел,
 И иные его вещи от изящных бесприкладно слышел.
 Елико чего изыскал
 Толико сего и написал,
 Всяк бо что разумеваает,
 И дела толикие вещи не забывает.
*Сие писание в конец преити едва возмогах,
 И в труде своем никоея ползы обретох.
 Труды же и тщание многогрешного раба Тобольскаго
 сына боярскаго Сергия Кубасова⁶⁸.*

Итак, это повесть о чудовском мнихе, составленная сыном упомянутого князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского. В современных актах мы встречаем боярина князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, которому очень не повезло в царствование первого царя новой династии. Этот Иван Михайлович и есть составитель изложенной повести, написанной довольно нескладно, витиевато, но очень ценной по подробностям из истории Смутного времени⁶⁹.

ХРОНОГРАФ ПАХОМИЯ. Совершенно такой же состав придал своему хронографу и архиепископ астраханский *Пахомий* (ум. в 1655 г.), который в письме, вставленном в виде предисловия, излагает даже самый порядок его составления. Архиепископ Пахомий «для своею нужды» решил составить «летописиц», собирав его из книг св. писания, из летописцев и «от историк»; сначала он стал набрасывать выдержки на столбцы, как обыкновенно писались акты в приказах. Сделав выдержки, он обратился к одному мастеру, писцу иеромонаху (Мисаилу), которого и попросил переписать эти столбцы в книгу для удобства составителя и читателей. Летописец Пахомия был окончен вчерне в 1650 г. Он также разделен на две особые части: на общеисторическую и русско-историческую⁷⁰. Русские известия отделены от византийских и сосредоточены в особом отделе⁷¹.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ РУССКОГО ХРОНОГРАФА. Несколько других списков хронографа XVII в. представляют его в таком же составе, и, следя за ними, можно заметить, что русский историче-

ский отдел, постепенно увеличиваясь, закрывает общесторическую часть, образуя около двух третей в составе хронографа.

Составные древнерусские хронографы со своим русским историческим отделом непосредственно примыкают к источникам нашей истории. Этот отдел в хронографах растет с замечательной последовательностью и настойчивостью. Первоначально в Эллинском летописце русские известия, т. е. известия из русских источников, появляются в виде робких приложений к византийской истории без органической с нею связи; в другой редакции хронографа эти статьи получают уже тесную связь с византийской историей, являются не рядом, а в самом составе византийской хроники, в синхронистическом изложении с византийскими событиями. В хронографе XVII в. русская история делает еще шаг вперед, переступая за рамки византийского хронографа, или, лучше сказать, раздвигая их. Она разрывает свою связь с судьбами Византии со времени падения последней и продолжается в одиноком изложении до первого царя новой династии — Михаила.

Чем далее, тем более это русское продолжение византийского временника растет и расширяется. Наконец, в хронографах особого состава по спискам XVII в. русская история образует вполне самостоятельный и даже господствующий отдел. Русские известия до падения Царьграда хронограф выделяет из изложения византийской истории и переносит в русское продолжение хронографа, образуя начало особого отдела, который постепенно расширяется и наконец заслоняет собой отдел общеисторический. Вот последовательность, в какой развивался состав хронографа. Я думаю, что в росте и постепенном расширении русского исторического отдела в составе хронографов отражаются любопытные повороты исторического мирозерцания древнерусских книжников, работавших над изложением всемирной истории. Если бы кто предпринял исследование о составе древнерусского хронографа в связи с движением древнерусского исторического мирозерцания, то это исследование послужило бы очень хорошим дополнением к труду А. Попова, который ограничил свою задачу чисто библиографическим разбором памятников.

Первоначально это мирозерцание витало за пределами отечества, игнорируя его, было вполне приковано к библейскому и византийскому Востоку, его судьбами питалась русская историческая мысль, там сосредоточива-

лись все ее идеалы, которыми она вдохновлялась. Потом она стала понемногу обращаться и к Русской земле, постепенно вбирая ее в свой кругозор, и течение ее жизни тонкой, но очень заметной струей вводила в широкий поток мировых судеб и церковно-вселенских событий. Когда же этот поток с падением Византии пресекался, русская струя осталась одинокой, ее продолжение из исторического притока обратилось в целый исторический бассейн. Вселенский свет, озарявший Русскую землю лишь отблесками, теперь переместился в пределы последней, и Русская земля осталась единственной исторической приемницей Византии. Но, став самоувереннее, русская историческая мысль не перестала быть любознательной. Отпав от православного византийского Востока, она повернулась к еретическому романо-германскому Западу, перестала им гнушаться и при помощи польско-латинских хроник и космографий пыталась составить ясное представление о западноевропейском мире, даже исторически сосчитаться родством со своими западноевропейскими родичами, известия о которых впервые появляются в хронографе XVII в.

Так представляется в древнерусском хронографе движение всемирной истории. Хронограф не особенно обилен источниками русской истории, но эти источники очень прозрачны; в них особенно хорошо отразилась сама древнерусская мысль, черпавшая из хронографа свои исторические познания.

По своим источникам и по концу русского исторического отдела, развитием которого завершилась выработка древнерусского хронографа, он последовательно примыкал к двум различным или разновременным типам или разрядам русских исторических источников. Источники русского исторического отдела до Ивана Грозного — преимущественно летописи, и ими хронограф примыкает к древним летописным сводам. Но вторая часть этого русского исторического отдела, разрабатываемая постепенно, превращается в сборник исторических сказаний или записок о Борисе Годунове, о Дмитрие, царевиче Углицком, о первом самозванце, о Скопине-Шуйском и т. д. По этим сказаниям, которые [содержатся в] русском историческом отделе XVII в., хронограф примыкает к древнерусскому сборнику, [к] первым опытам русской *историографии* — запискам или монографиям XVI—XVII вв.

ДРЕВНЕРУССКИЙ СБОРНИК.

Сборник — характерное явление древнерусской

письменности⁷². В каждом рукописном собрании, уцелевшем от древней Руси, значительная часть рукописей, если не большинство,—непреренно *сборники*. Можно даже сказать, что сборник был преобладающей формой древнерусского книжного дела. Эта форма была завещана ему частью византийской и южнославянской письменностью, частью создавалась самобытно средствами древнерусской книжности и вызвана была потребностями древнерусского читающего общества, неизбежно возникавшими при рукописном способе распространения литературных произведений.

Видное место занимал сборник в письменности Византии в последние века ее самостоятельного существования. Наша древняя письменность оставила нам сравнительно немного крупных оригинальных произведений, составленных по одной цельной программе. Гораздо более любили в древней Руси форму краткой статьи, слова, поучения, небольшого рассказа. Эта форма более приходилась по силам и древнерусским писателям, и древнерусским читателям. Огромное количество оригинальных древнерусских произведений носит характер более или менее краткой статьи. Эти статьи были слишком малы, чтобы каждая из них могла составить отдельную рукопись, и удобство читателя заставляло соединять их в сборники в том или другом порядке или подборе, смотря по книжным средствам и потребностям писца и читателя. Форма сборника, господствовавшая в древнерусской письменности, проникала иногда в самый состав даже цельных литературных произведений. Памятники, первоначально цельные по своему содержанию и литературной композиции, иногда теряли под руками позднейших редакторов свой первоначальный вид, разбиваясь на отдельные статьи или осложняясь новыми прибавочными статьями, и, таким образом, принимали характер сборника. Так и первоначальные летописи в позднейшей письменности путем вставок и сшивок превращались в летописные своды. Многие жития наших древних святых из кратких записок разрастались в сложные литературные здания, строившиеся по частям и в разные времена.

По своему составу и содержанию древнерусские сборники были чрезвычайно разнообразны, и их довольно трудно распределить на какие-либо разряды. Впрочем, некоторые разряды выделяются сами собой своим определенным планом, который легко запомнить.

ПРОЛОГ И ЧЕТЬИ-МИНЕИ.

Первообраз древнерусского сборника—это *Пролог*. Про-

лог есть сборник, расположенный по церковному месяцеслову. Он имел тесную связь с богослужением. В нем под каждым числом помещалось житие святого этого дня, нередко текст поучения, так или иначе связанного с празднованием памяти святого, какой-либо нравоучительный рассказ и т. п. Постепенно Пролог расширялся: вместо короткого жития являлось длинное жизнеописание, вместо короткого поучения — целый сборник поучений; например, в день памяти Иоанна Златоуста помещался целый ряд его поучительных слов, но порядок расположения статей оставался прежним. Когда Пролог так разрастался, он становился *Четью-Минею*. До нас дошло несколько таких Четьи-Миней. Неполный экземпляр Четьи-Миней домакарьевского состава содержит в себе еще очень мало древнерусских произведений. Четьи-Миней Макарьевские представляют уже целую энциклопедию древнерусской письменности. Это была отважная попытка совместить «все книги, чтимые на Руси». И от XVII в. дошло до нас несколько Четьи-Миней, имеющих такую же связь с богослужением. Они получили готовую систему в церковном месяцеслове, по порядку которого они расположены⁷³.

ТОРЖЕСТВЕННИКИ. К ним примыкают другие сборники, особенно часто встречающиеся в письменности XVI в. Они составлялись либо из слов и поучений, либо из житий и сказаний, связанных с церковными праздниками и расположенных в календарном порядке последних. Это были так называемые *Торжественники*, которые обыкновенно соединяли в себе оба указанных разряда литературных произведений — и ораторские, и исторические, располагая по календарю рядом с поучениями и жития святых. Как Торжественник есть упрощенная Четья-Минея, так *Трефологион* представляет [собою] выборку из служебной Минеи — службы на праздники господни в календарном порядке, иногда исключительно службы русским святым.

ЖИТЕЙНИКИ И ПАТЕРИКИ. Можно указать и несколько других разрядов сборников, в которых замечается также одна известная, но уж независимая от месяцеслова цель. Таковы особенно любимые древнерусским читающим обществом *Житейники*. Это специальные сборники древнерусских житий святых. Часто в них встречается и определенный подбор. Например, сборники местного происхождения, совмещавшие в себе

жития святых и сказания известного города или края и потому называемые иногда *Патериками*. С таким составом встречаем сборники ростовского происхождения, вологодского, новгородского и др.

СБОРНИКИ СМЕШАННОГО СОСТАВА. Наконец, есть сборники смешанного состава, в которых не находим никакого определенного плана, ни заметной цели и которые совмещают чрезвычайно разнообразный литературный материал⁷⁴. Они наиболее любопытны и особенно возбуждают внимание изучающего. Эти сборники смешанного состава — чистая загадка, и потому разбираешь их с особенным любопытством. В них-то иногда и встречаются любопытные неизвестные статьи. Изучение этих сборников, наверное, еще обогатит запас источников нашей древней истории. Постепенно эти сборники смешанного характера, расширяясь, теряют всякий определенный состав, преследуя одну заметную цель — совместить все, что занимало мысль древнерусского человека. Подобные сборники превращаются в древнерусскую хрестоматию самого разнообразного состава. Вот в этих-то сборниках мы и встречаем очень крупный и важный отдел древнерусских источников, именно исторические монографии или повести либо об отдельных лицах, либо об отдельных событиях: это — жития и сказания.

ЛЕКЦИЯ

Х

ЖИТИЯ СВЯТЫХ. ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ СЕРЕДИНЫ XVI в.
КАНОНИЗАЦИЯ МАКАРИЯ КОЛЯЗИНСКОГО. ЖИТИЕ САВВЫ КРЫПЕЦКОГО.
СОСТАВ ЖИТИЙ. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАХОМИЯ. РАЗВИТИЕ АГИОГРАФИИ В XVI—XVII вв.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ. В любом собрании древнерусских рукописей, большом и малом, возьмите первую попавшуюся на глаза рукопись — в большинстве случаев это будет один из тех сборников XVII в., которые были описаны, — и раскройте совершенно случайно этот сборник: статья, на которой вы его раскроете, в большинстве случаев — житие древнерусского святого. Нередко попадают сборники, преимущественно или исключительно составленные из житий древнерусских святых, но в таком случае и не смотря на эту рукопись без ошибки скажу, что она не ранее половины XVI в.⁷⁵

В рукописях более раннего времени житие древнерусского святого — большая редкость. С этого же времени она — самый видный элемент в их составе. Откуда взялось такое агнографическое богатство? Как накопилось и чем вызвано было усиленное движение русской агнографии⁷⁶?

ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ СЕРЕДИНЫ XVI в. Жития древнерусских святых усердно составляются, чрезвычайно быстро распространяются и теснят собою другие русские исторические источники вскоре после двух церковных соборов, бывших на Руси при митрополите московском Макарии, усердном собирателе памятников древнерусской письменности. Созванные на собор в 1547 г. пересмотрели предания русской церкви, вспомнили церковных подвижников и государственных деятелей и память некоторым установили чтить церковным празднованием. [Но этим дело] не ограничилось. По мысли царя, внушенной Макарием, епархиальные архиереи должны были произвести в своих епархиях обыск о великих новых чудотворцах, пользуясь указаниями местных [лиц], и разыскивать обращавшиеся в местном обществе между читателями их «жития каковы и чудеса». Собранный агнографический запас они привезли на следующий собор 1549 г., который их «свидетельствовал», рассматривал и по рассмотрении установил всецерковное чествование тем святым, жития и каноны которых были представлены. Канонизация собора 1547 г. установила всецерковное чествование двенадцати русским святым и девяти — местное чествование (по месту их жизни или посмертного успокоения). Собор 1549 г. установил всецерковное чествование семнадцати русским святым, подвизавшимся в Русской земле, и трем, пострадавшим в Литве за православие (литвины при дворе Ольгерда)⁷⁷.

Так два собора установили всецерковное чествование, или канонизировали целый сонм русских святых. Такое предприятие — небывалое в русской церкви. Русские святцы до половины XVI в. были очень скудны отечественным содержанием. В них среди святых восточной церкви чрезвычайно редко попадалось имя русского подвижника. Церковное чествование памяти этих подвижников устанавливалось русской иерархией в очень редких случаях. Так, в XI в. установлено было чествование памяти князей Бориса и Глеба. Тогда же, по-видимому, получило начало празднование памяти князя Владимира, Ольги и т. д., в XII в. — памяти преподобного Феодосия Печерского, в XIV в. причислен был к сонму святых митрополит Петр, в

XV в.—митрополит Алексей. Вот, кажется, и все русские святые, признанные церковной властью до XVI в. Но кроме того, многие святые праздновались местно, там, где они действовали, не пользуясь общим церковным празднованием. В XVI в. русская церковь впервые предприняла собрание преданий и памятников по возможности обо всех деятелях русской церкви и установление им церковного празднования. Чем вызвано было такое предприятие? Очевидно, около половины XVI в. в русском обществе с особенным вниманием стали относиться к своим церковным историческим воспоминаниям и отечественным церковным деятелям. Это внимание действительно становится заметным около времени описанных соборов. До них русское церковное общество, по-видимому, не особенно дорожило церковными деятелями прежних времен. Русская церковь, кажется, еще продолжала считать себя ученицей церкви восточной.

КАНОНИЗАЦИЯ МАКАРИЯ КОЛЯЗИНСКОГО. В XV в. под знаменами Василия Темного в борьбе его с дядей Юрием и двоюродным братом Дмитрием Шемякой хаживал в походы один скромный по происхождению служилый человек, по прозвищу Василий Кожа, дворянин-землевладелец Кашинского уезда, значит, по-видимому, перешедший на московскую службу из среды тверских дворян. Сын его, Матвей, постригся в Кашинском монастыре под именем Макария и построил со своими учениками, иноками, с ним ушедшими из Кашина, монастырь в верстах 20 от Кашина, в пустынном месте, недалеко от Волги, где была вотчина другого дворянина, Ивана Коляги⁷⁸. Основатель этого монастыря преподобный Макарий скончался в 1483 г. и в начале XVI в., по открытии мощей, причислен был к лику местночтимых святых. Церковный собор в 1547 г. в числе других причислил к лику общих повсеместно чтимых святых и этого Макария Колязинского. Но книжные люди того времени за несколько лет до собора смотрели на Макария Колязинского, как и на других русских подвижников недалекого прошлого, совершенно простым взглядом. В 1531 г. был собран собор для суда над известным ученым своего времени, а раньше политическим дельцом Вассианом Косым, из рода Патрикеевых. Допрос обвиняемого, веденный митрополитом Даниилом, благодаря характеру инока-князя превратился в ученый диспут, чрезвычайно любопытно изложенный в протоколах этого собора. Вассиана обвиняли за полемику против монастырского земле-

владения. Между прочим, митрополит поставил ему такую вину: «Да ты же, де, Васьян, говорил про чюдотворцов: «Господи! Что ся за чюдотворцы? Сказывают, в Колязине Макар чюдеса творит, а мужик был сельской». На это Вассиан дал такой ответ: «Аз его знал, простой был человек, а будет ся чюдотворец, ино как вам любо и с ним, чюдотворец ли сей будет, не чюдотворец ли». Митрополит [далее говорил] о благородстве духовном, не телесном, т. е. генеалогическом, которое бог предпочитает: («Даде убо им... власть, иже не от похоти плотския, ни от похоти мужския, но от бога родишася»). На эти соображения Вассиан отвечал: «Ино господине, ведает бог да ты и с своими чюдотворцы». Он не чтит и мощей митрополита Ионы и на соборе сказал: «Яз не ведаю, Иона чюдотворец ли...»⁷⁹

ЖИТИЕ САВВЫ КРЫПЕЦКО-ГО. Вскоре после упомянутых соборов написано было житие одного псковского святого нового времени — Саввы, основателя Крыпецкого монастыря. Автор жития (инок Василий), напоминая о недавних церковных соборах, говорит, что с того времени церкви божие в Русской земле не вдовствуют памятьми святых и Русская земля сияет православием, верой и учением, «якоже второй великий Рим и Царствующий град: тамо бо вера православная испроказися Махметовою прелестию от безбожных Турок, zde же, в Рустей земли, паче просия святых отец наших учением»⁸⁰. Здесь видно совсем другое отношение к недавней русской церковной старине. Очевидно, во взгляде русского общества на отечественную церковь и ее деятелей совершился около времени канонизационных соборов крутой перелом, который стоит в теснейшей связи с событиями XV—XVI вв., совершившимися на Востоке и в Русской земле. Он связан с падением Царьграда и с воззрением на русскую церковь [как] на прямую преемницу церкви восточной, греческой⁸¹. Напомним, что в древнерусском хронографе конечной хронологической гранью, на которой прерывается движение всемирной истории, служит падение Константинополя. Далее XV в. не продолжается рассказ хронографа древней редакции 1512 г., но потом понемногу нарастает, и все разрастается новый отдел русской истории. Он особенно растет с царствования Грозного и в начале XVI в. выделяется из хронографа византийского, образуя особый отдел, который в хронографе особого состава оттесняет византийский. Оба эти явления в древнерусской литературе

связаны друг с другом, оба идут из одних и тех же источников. Русский отдел отделяется в хронографе, вырабатывается и обособляется одновременно с русской агиографией. Итак, движение древнерусской агиографии стоит в тесной связи с тем новым взглядом русского общества на вселенское положение русской церкви после падения Византии, который оказал такое действие на состав древнерусского хронографа.

СОСТАВ ЖИТИЙ. Древнерусское житие не только довольно важный русский исторический источник, но это и очень сложная и очень искусственная литературная форма, очень сложная композиция. Форма эта не сразу установилась в нашей древней письменности. Разумеется, ее образцом была византийская агиография. В нашей письменности очень рано появляется значительный запас переводов греческих житий святых, которые были любимейшим чтением древнерусского грамотного общества. О размере этого литературного запаса можно судить по тому, какое место занимают переводные жития в составе Четвы-Минеи митрополита Макария, этой энциклопедии древнерусской письменности, сборнике, по мысли собирателя, «всех книг, чтомых на Руси». В этих Четвы-Минеях, собрание которых закончено в 1552 г., наглядно отражается состав литературного материала, которым питались люди того времени. По этому сборнику можно судить, как любили читать и как много читали люди, бравшие Казань, многие из которых оставили имя в нашей литературе. Достаточно назвать главнокомандующего этой армии — самого царя и князя Андрея Михайловича Курбского. В этих Четвы-Минеях Макария, по моему счету, 1300 житий, из них 40 русских, некоторые из последних представляют обширные повести.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ. Первые опыты русской агиографии появляются одновременно, если даже несколько не раньше первых опытов русского летописания⁸².

Одному и тому же имени приписывается древнейшая русская летопись и принадлежит древнейшее житие, а именно Нестору, который в конце XI или в начале XII в. составил обширное житие Феодосия Печерского. Он же написал и сказание о князьях Борисе и Глебе. В обоих памятниках легко заметить приемы византийской агиографии, но обоим нельзя отказать в значительной выработке литературного стиля. Тогда же появляется сказание о тех

же князьях, написанное монахом Иаковым. К XI в. я отношу два сказания о князе Владимире: одно в форме жития, другое в форме похвального слова Илариона и Иакова. Но после такого быстрого расцвета, сопровождавшего зарождение русской агиографии, [последовала] продолжительная остановка развития: в продолжение двух веков было очень мало опытов, причем [известны] такие, которые в литературном отношении далеко уступают перечисленным ранее.

От XIII в. до нас дошли жития Авраамия Смоленского (начало XIII в.), Варлаама Хутынского (краткое, с конца XIII в.), новгородского боярина, основателя Хутынского монастыря (ум. в 1192 г.), Александра Невского, от XIV в.—житие митрополита Петра, написанное ростовским епископом Прохором. Житие Авраамия Смоленского напоминает житие Феодосия, написанное Нестором, и вполне отличается уже искусственным складом, а в житии Варлаама Хутынского встречаем лишь короткий рассказ, как бы историческую записку. Житие Александра Невского совсем незнакомо с житийным стилем. [Это] совсем особое произведение с широким размахом и с большою начитанностью в светской литературе, единственный по своеобразным приемам памятник древнерусской агиографии. Житие Петра—сухой, сжатый рассказ. Очевидно, средства и приемы агиографии падают на Севере, поддерживаясь на прежней высоте разве только по Днепру, в Смоленске.

Вообще XIII и XIV века—глухое время в древнерусской агиографии, как и в древнерусской литературе вообще. С XV в. она начинает оживляться. Почин делу дан был митрополитом Киприаном, сербом, составившим новое житие митрополита Петра. Этот опыт был продолжен иноком Троице-Сергиева монастыря Епифанием, который в первой половине XV в., вскоре после смерти Киприана, составил два жития: Стефана Пермского и преподобного Сергия Радонежского, своего учителя. Епифаний—необыкновенно размашистый стилист, который не щадил литературных средств, чтобы характеризовать в похвальном слове своего святого. Он не любит рассказывать и размышлять просто, но облекает часто одну и ту же мысль в несколько тавтологических оборотов. [Так, он] набирает для характеристики нрава Сергия 18, для характеристики Стефана 25 эпитетов, причем почти все разные («плетение словес»). Для того чтобы дать столько разных эпитетов, необходимо некоторое воображение и свободное обращение с русской лексикой.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАХОМИЯ.

Но собственно литературную форму и приемы агиографического изложения установил у нас другой серб, выписанный с Афона в XV в.,— Пахомий. [Он] приехал [на Русь] в княжение Василия Темного (ок. 1440 г. поселился в Троицком монастыре) и писал еще в 70-х годах XV в. Это было необыкновенно плодовитое перо. Власть церковная и светская заказывала ему работы по прославлению русских святых, а он, не видевши ни одного из них, мало знакомый с русской церковной и монастырской жизнью, необыкновенно легко и развязно описывал жизнь русских подвижников по старым житиям или рассказам очевидцев; за это ему щедро платили. Это был едва ли не единственный и во всяком случае первый нам известный русский литератор, который получал гонорар за свои произведения.

В одном житии XV в., написанном другим автором, прямо замечено, что архиепископ новгородский Иона вызвал Пахомия в Новгород написать жития местных новгородских угодников и щедро вознаградил «искусного в книжных слогах» серба за его литературные труды множеством золота, серебра и соболей. Пахомий был выписан с Афона, который был тогда средоточием греко-славянской образованности. По-видимому, он проникся взглядом, господствовавшим в афонских славянских монастырях, что славяне для обороны своей церкви и народности должны усиленно развивать свою письменность. Этот взгляд был высказан Пахомием в сказании о нашествии Батыя. Замечание это гласит: «Бяху угри первое в православии крещение от грек приемше, но не поспевшим им своим языком грамоту изложить, римляном же яко близъ сущим, приложиша их своей ереси последовати» (Венгры первые приняли православие от греков, а так как они не успели изложить учение своим языком, то римляне по близкому соседству и совратили их в свою ересь). Такой взгляд Пахомий искренне или неискренне проводил и в своих сказаниях о русских святых, восторженно возвеличивая их, и настаивал на необходимости подражать их деяниям. Пахомий написал не менее восемнадцати канонов, два или три похвальных слова святым и не менее десяти житий, но из последних только три можно считать оригинальными произведениями, остальные—новые редакции или просто украшенные переложения прежде написанных жизнеописаний. В его произведениях незаметно особенного литературного таланта, но он прочно установил в нашей письменности постоянные однообраз-

ные приемы для жизнеописания святого и для его прославления в церкви и дал русской агиографии много образцов того ровного, несколько холодного и монотонного стиля, которому было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности. Правда, он писал под надзором светской или церковной власти, и потому многое, что неудобно было распространять, он опускал в своих сказаниях. Это умаляет цену его житий как исторических источников. В летописи есть любопытное указание, как Пахомий составил свое слово о перенесении мощей митрополита Петра в 1472 г., когда шли работы по перестройке Успенского собора, открыли и должны были переместить гробы митрополитов, похороненных в этом соборе. Отыскался и гроб митрополита Петра, который пострадал от пожара. Летописец мрачно говорит о Пахомии: «А в слове том написа, яко в теле обрели чюдотворца неверия ради людскаго, занеже кой толко не в теле лежит, тот у них не свят; а того не помянут, яко кости наги источают исцеления»⁸³.

РАЗВИТИЕ АГИОГРАФИИ В XVI—XVII вв. Со времени Пахомия чрезвычайно размножились русские агиографические произведения, представляющие близкое подражание образцам, которые дал Пахомий. В продолжение XVI и XVII вв. наша письменность может насчитать до 200 житий русских святых, которые, будучи переработанными, излагались по несколько раз, образовав труднообозримую массу редакций — до 250—300⁸⁴.

Чем дальше от половины XV в., тем более русская агиография вслед за монастырями удалялась от городских центров, где составилось большинство прежних [житий], и продолжала свое развитие в пύстыни, по монастырям Северо-Восточной Руси, здесь возникшим⁸⁵. Благодаря этому дальнейшему развитию жития являются довольно ценным историческим источником для тех углов Русской земли, которых почти не захватывает летопись XV и XVI вв. и очень слабо захватывают юридические памятники XVII в.⁸⁶

ЛЕКЦИЯ XI

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОРМА ЖИТИЙ. ЖИТИЕ И ЦЕРКОВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ.
НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЖИТИЙ.
ОТНОШЕНИЕ АГИОГРАФА К СВОЕМУ ТРУДУ. ВЗГЛЯДЫ АГИОГРАФА.
ЖИТИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТИЛЬ ЖИТИЯ. УПАДОК АГИОГРАФИИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОРМА ЖИТИЙ. Надо уметь обращаться с древнерусскими житиями святых как с историческим источником.

Исторический материал в этих житиях является не в простом сыром виде: его надо отделить от примесей, которые в них вносились литературной обработкой. Жития древнерусских святых по своей литературной форме, установившейся к XVI в., могут быть причислены к художественным назидательным произведениям древнерусской литературы.

Напомним, что художественными мы называем литературные произведения, форма которых рассчитана на впечатление, какого не может произвести само по себе его содержание. По свойству этого впечатления художественные литературные произведения бывают двоякого рода: одни действуют на воображение и на эстетическое чувство, другие — на чувство нравственное и на волю. Первого рода произведения принято называть поэтическими, вторые — ораторскими. Жития и принадлежат к произведениям второго рода, т. е. к ораторским. Житие рассказывает жизнь благочестивого человека, память которого церковь чтит особым празднованием. Значит, по своему содержанию житие — церковно-историческое воспоминание, и только. Но церковь не историческая аудитория, и для нее научная любознательность без практического нравственного приложения есть праздное любопытство, не более.

ЖИТИЕ И ЦЕРКОВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ. Житие святого было органически связано с церковным богослужением, и этой связью [объясняется] его литературный склад. Существенную часть в церковной службе святому составлял канон в честь него из нескольких (девяти) песен — *ирмосов*. На шестой песне этого канона помещалось обыкновенно два песнопения, посвященные памяти святого; песнопения эти носят технические названия *кондака* и *икоса*. Кондак — греческое *хон-*

τάχιον и κόνταξ—пергаментный свиток, в техническом богослужебном значении—небольшой гимн в честь святого; он обыкновенно кратко в повествовательной форме передает основные черты жизни святого, главных его подвигов. Икос повторяет эти черты, прославляя святого, начиная каждый его подвиг особым возгласом: «Радуйся!» Эти кондак и икос послужили литературным первообразом жития, дали ему литературную программу.

Древнейшие жития в самой простой своей форме не что иное, как распространенные кондаки и икосы, в которых сжатое изложение главных биографических черт сопровождается прославлением святого, обыкновенно с тем же возгласом икоса: «Радуйся!» Такое литературное сродство с кондаком и с икосом объясняется тем, что эти жития обыкновенно читались в церкви на шестой песне канона вслед за кондаком и икосом. Такое церковное употребление житий нередко отмечалось в самих рукописях. Так, например, древнее житие митрополита Петра, составленное ростовским епископом Прохором, в некоторых рукописях носит такое заглавие: «Преставление Петра, митрополита всея Руси, а се ему чтение», т. е. чтение на шестой песне канона святителю. Некоторые древние жития и помещались прямо в прологах либо службах после шестой песни канона вслед за кондаком и икосом.

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЖИТИЙ. Церковное употребление и литературное сродство житий с кондаком и икосом указали задачу жития—задачу нравственно-назидательную. Таким образом, житие получило специальное значение—стало видом церковного поучения. С житием стало неразлучным лишь представление о святой жизни⁸⁷. Только такая жизнь заслуживала жития, поэтому не всякая биография есть житие, и житие не должно непременно быть простой биографией; можно написать житие без всякого биографического содержания, если только оно представляет [собою] назидание⁸⁸. Но, став видом церковного поучения, житие отличалось от простого поучения; одна и та же задача церкви—нравственное назидание—разreshалась различно: житие проводит это назидание не в отвлеченном анализе, а в конкретных явлениях индивидуальной жизни⁸⁹.

Эта задача и создает две существенные особенности жития: 1) известный подбор биографических черт и 2) прославление святого с целью вызвать подражание его подвигам. Составитель жития из описываемой жизни выбирал только такие черты, в которых осуществлялась

общая схема христианского идеала; черты, в которых не светился этот идеал, были лишними для составителя жития.

Далее житие должно было оканчиваться похвальным словом святому, чтобы расположить волю слушателей подражать ему. В дальнейшем историческом развитии обе эти особенности первичных проложных житий разрослись в особые части биографии⁹⁰; первая особенность — известный подбор биографических черт — вызвала длинное предисловие к житию, в котором прямо высказывается основная мысль жития и правила, которыми руководился агиограф в подборе биографических черт. Разумность этого подбора заключалась в том, что жизнь святого не должна пройти бесследно, а должна оставаться вечным образцом, светочем⁹¹. Раньше панегириком заканчивалось проложное житие, теперь [предисловие] отделилось от него и развилось в особое пространное похвальное слово святому, которое обыкновенно повторяло биографические черты, изложенные в житии. Таким образом, житие расчленилось на три особые части, к которым скоро примыкает четвертая. Святой чествовался церковью и по смерти как ходатай за живых. Это ходатайство проявлялось в загробной деятельности святого. Он не умирал и по смерти, ибо, как говорит приведенное место летописи, «кости наги источают исцеления». Эта загробная деятельность святого и стала содержанием четвертой части жития, заключающей посмертные его чудеса. И эта часть всегда оставалась без конца, потому что заключительная деятельность святого бесконечна. Поэтому каждое житие святого никогда не представляло законченного творения.

Таким образом, первичное агиографическое зерно, положенное в церковных песнопениях, разрасталось в ветвистое дерево, в сложную литературную композицию. Кондак и икос стали церковным словом в исторических лицах, конкретной биографической иллюстрацией христианского идеала. Благодаря такому литературному развитию житие разрослось в сложное архитектурное здание, в котором каждая часть имеет свое особенное назначение и впечатление всех этих частей сводится к одной цели — к усиленному действию на волю.

ОТНОШЕНИЕ АГИОГРАФА К СВОЕМУ ТРУДУ. Эта задача жития возлагала сложные нравственные и литературные требования и на агиографа. В древнерусских житиях мы часто встречаем признания авторов, своего рода исповедь, которая вскрывает отноше-

ние древнего агиографа к своему делу и его взгляд на литературное и дидактическое значение жития. Списатель жития, приступая к работе, обыкновенно переживал внутреннюю борьбу с самим собою: любовь к святому, «яко огнем», распаляет и томит его помысел, «нудя глаголати и писати», возбуждает «желание несытно» писать о святом и чаяние мзды «делателю пишущему», но удерживает собственное душевное недостоинство, нечистота многострастного сердца, худость и «невегласие» ума. Он боялся не обрести потребных словес, подобных деяниям святого, ибо чудные дела «светлого языка требуют». Года три он так промучается, «аки безделен в размышлении, недоумением погружаясь и печалию оскорбляясь, желанием побеждаясь», наконец, примется писать житие по плану. Но тут, среди работ, подвернется ему бес «с развратным помыслом»: начинает мучить мысль, как это он покажет свое писание людям, которое не принесет хвалы святому, только на автора привлечет посмех и поругание. Он бросит свое дело на половине, но потом опять его мысль ободрится, точно проснется ото сна, и вновь переживет несколько приливов уныния и бодрости, пока наконец не явится к нему в легкой дремоте святой и не похвалит его намерение. Тогда он опять принимается за труд с сердечной радостью и оканчивал, «аки сладкого брашна напитываемый»⁹².

Иногда надобно было принять более энергические меры, чтобы побудить писать житие. Любопытные признания читаем в конце жития преподобного Александра Ошевенского, подвизавшегося в Каргопольской стране в XV в. (ум. в 1479 г.). Списатель говорит, что он принялся было за дело, но потом его поразило сомнение в подлинности чудес святого, и он бросил свое творение. Раз, после вечернего песнопения, забылся он у себя в келье и видит себя в большом неведомом храме. Входит в храм преподобный Александр с малым прутом в руке и обращается к списателю с гневными словами: «Зачем берешься за дело не по силам, а, взявшись, зачем его не кончаешь?» — «Не прогневайся на меня, отче, за медленность», — сказал списатель со слезами, — стар я и не могу стерпеть такой страсти; если оскорбишь меня, я уже не назову тебя отцом и убегу из твоей обители». — «Полно, не прекословь, пади ниц», — возразил святой. Списатель повалился на помост, святой его знаменовал трижды без боли. В ужасе проснулся списатель и чувствует, что свело ему правую руку, три пальца еле сгибаются в крестное знамение, а два нижних совсем неподвижны. После он

исцелился у гроба преподобного и скоро кончил начатую работу.

Из этих признаний видно, в какое напряженное настроение должен был приводить себя древнерусский агиограф, чтобы достойно исполнить предпринятую литературную работу. Этим напряженным настроением определялось и его отношение к историческим явлениям и лицам, о которых он рассказывает.

ВЗГЛЯДЫ АГИОГРАФА. Взгляд его на эти явления и лица церковно-моралистический, и агиограф с начала до конца держится дидактического тона. Он — оратор, учитель; для него в описании явлений важны только те черты, в которых прямо выступает христианский идеал; отступления от последнего, очень часто поучительные, для агиографа не имеют значения. Агиография — литературное средство непосредственного созерцания христианского идеала в исторических лицах и житейских подвигах⁹³. Значит, такой взгляд на задачу жития представляет непосредственное проявление христианского идеала, выраженного в житии преподобного Сергия, составленном Епифанием: «Яко же нелепо и не подобает жития нечистивых пытатьи и писати, сице не подобает жития святых муж оставляти и не писати». Жития располагают слушателей и читателей к усвоению известных нравственных побуждений.

В житии Варлаама Важского и находим указание, чего именно искал в агиографии древнерусский читатель: «Святых бо жития зряще, в чувство своих дел приходят, страх божий вселяют в душу, бесстрашие отгоняют, злых прещение, благих приятие вводят; свет бо есть святых жития и просвещение душам нашим». Задачей агиографии перед такими требованиями было извлечь из описываемой деятельности практические уроки жизни, нравственные примеры, а не исторические факты. В древнерусском житии исчезает историческая обстановка. Автор жития мало интересовался происхождением святого, условиями жизни, средой, которая его окружала, его материальной обстановкой. Все это само по себе, как факт, не имело отношения к его житию как к нравственному примеру; вот почему писатель не тяготился скудостью сведений о святом и без всякого смущения говорил: «А из какого града или веси и от каковых родителей произошел такой светильник, того мы не обрели в писании, богу то ведомо, а нам довольно знать, что он горнего Иерусалима гражданин, отца имеет бога, а мать — святую церковь, сродни-

ки его—всенощные многослезные молитвы и непрестанные воздыхания, ближние его—неусыпные труды пустынные».— Вот и вся генеалогия святого.

ЖИТИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ. Теперь легко видеть, чем житие отличается от исторической биографии. Историческая биография воспроизводит прежде всего частные, индивидуальные черты известного лица. Житие, напротив, берет из индивидуальной жизни только то, что подходит под общий тип, т. е. в чем непосредственно отразился общий христианский идеал. Житие относится к исторической биографии так, как иконописное изображение к портрету. Этими особенностями житий и следует руководствоваться при изучении их исторического содержания. Не все биографические черты в житии суть исторические факты. Жития, составленные в высоком стиле, сообщают очень мало конкретных данных. Но житие становится особенно любопытным по прекращении жизни святого, лучшая часть биографии—чудеса. Там, где начинается легенда, появляются и живые исторические черты. Чудо получало значение только при известных обстоятельствах, его старались записать точнее, ибо точность записей с указанием обстоятельств и свидетелей распространяла славу святого далеко за пределы его обители, а все это увеличивало его авторитет. Вот почему трудно отыскать в запасе древнерусских исторических источников материал более любопытный, чем эти многочисленные посмертные чудеса, сказания о которых сопровождают жития. Эти сказания о чудесах велись на пространстве целых веков и представляют наглядную летопись обители и ее подвижников.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТИЛЬ ЖИТИЯ. Легко заметить, что на такой литературной высоте житие могло держаться только при достаточном запасе литературных средств. В таком стиле составлялись жития только по главным литературным центрам, где всегда было достаточно литературных сил; а так как эти силы обращали свое усиленное внимание преимущественно на описание либо князя, либо какого-нибудь высокого иерарха русской церкви, то в высоком стиле редко описывалась жизнь простых святых, мужиков сельских, подобно Макарию Колязинскому, как выразился о нем Вассиан Косой. Между тем с половины XIV в. в Северной Руси среди лесных дебрей стали основываться во множестве новые обители. Основатели этих обителей оставляли после себя

благоговейную память среди братии и в окрестных селениях. Эта братия по смерти такого пустынножителя старалась сберечь черты его жизни. К этому побуждало не только уважение к святому, собравшему эту братию, но и ее материальная выгода. Чем надежнее закреплялась память святого в окрестном населении, тем более обеспечивался непрерывный наплыв богомольцев, а следовательно, усиливался прилив материальных средств в хозяйство братии.

УПАДОК АГИОГРАФИИ.

Между тем память этого основателя иногда долго не вносилась в святцы. В его житие нельзя было вносить обычных приемов, какие были вызваны непосредственным влиянием церковного богослужения; ничто не заставляло избегать простых житейских подробностей, не подходивших под принятые в житиях обобщения. Все это освобождало писателя от тех строгих требований, какие налагало на агиографа церковное употребление жития. В этих пустынях было мало литературных сил. Иногда в монастыре не оказывалось ни одного грамотного монаха. В житии Ефрема Новоторжского рассказывается, что когда потребовалось написать ему службу, то в обители не нашлось ни одного монаха, который бы умел читать. «Благоискусные мужи града Торжка» и сложили ему службу. Все это повело к падению литературного стиля житий Северной Руси, которое особенно стало заметно с XVI или с половины XV в., с начала усиленного распространения монастырской колонизации в лесах Северной Руси. Этот упадок стиля вызван удалением монастырской жизни от книжных центров. Строгий стиль жития падал, упрощался по мере распространения монастырской жизни, и приемы его упрощались. В этих житиях биографическое содержание получало решительное преобладание над ораторским, что и делало их особенно верным историческим источником, восполняющим недостаток наших сведений о распространении русской народности в заволжской Северо-Восточной Руси...

Эти новые редакции житий можно назвать учеными. Искusstвенный стиль падал и в другом направлении; во многих монастырях, которые возникали в Северо-Восточной Руси с половины XIV в., чувствовался недостаток наличных литературных сил для достойного изображения основателя или подвижника монастыря, как только этот основатель или подвижник долго по смерти не пользовался признанием церкви. Это избавляло биографа

от обязанностей строго держаться тех приемов житий, которые налагала на него церковная служба. Мы видим уже отступление не только от литературных приемов древних житий, но даже от обязательного для житий церковнославянского языка. Таких простых биографий уцелело очень немного, потому что с течением времени находился книжник, который (особенно после церковного прославления святого) перерабатывал эту простую биографию в искусственное житие.

Так, три раза была описана жизнь одного довольно загадочного подвижника, спасавшегося в Клопском монастыре под Новгородом в первой половине XV в. и известного в наших святцах под именем преподобного Михаила Клопского. Одна из этих редакций представляет образчик такой простой, неумелой биографии, написанной как будто под скорую диктовку. Начало этой биографии и потом конец затрагивают эпизод из борьбы Василия Темного с Дмитрием Шемякой. Жизнеописание прямо начинается с неожиданного появления клопского инока, хотя и неизвестно какого происхождения, потому что он тщательно скрывал свое имя («Иного отечества сын», т. е. не новгородского; «А пришел канун дни честнаго рожества Иоанна в ночь. И поп Макарий, покадив церковь на девятой песни, да пошел в келью. И прииде в келию аже келия отомчена»)... Далее рассказывается, как в Клопский монастырь приехал посадник новгородский Иван Немир, бывший вождем противомосковской партии, благословиться у блаженного старца и вступил в разговор с Михаилом... Затем Михаил пророчески описал падение Новгорода и завоевание его Иваном III.

Жития принадлежат, как известный запас исторических источников, к труднейшим для исторической критики памятникам древнерусской письменности. В этом отношении я их и поставил наряду с летописцами и хронографами.

Остальные литературные источники не представляют трудностей, и предварительное знакомство с ними можно получить из любого курса истории русской литературы⁹⁴.

ЛЕКЦИЯ XII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЛЕТОПИСИ. АКТЫ. СУДЕБНИК 1497 г.
ИСТОЧНИКИ XVI в. ДЕСЯТНИ. ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Цель этого беглого обзора русских исторических источников — выяснить, в каком порядке они выступают и в каком соседстве идут, чтобы можно было составить перспективу русских исторических источников. Я хочу указать на этот порядок древнерусских исторических источников, для того чтобы иметь перед собой самый вопрос о такой перспективе.

ЛЕТОПИСИ. Следует стать на половине XI в., первом хронологическом пункте, с которого становится заметным появление древнейших источников нашей истории. Это время, когда писалась Повесть временных лет, первая вступительная часть Начального летописного свода. У древнего русского грамотея того времени какой был под руками материал для отечественной истории? Я не говорю об уцелевших договорах с греками. Перед книжником было уже два исторических эпоса, один из них начинался с древнейших сказаний и имел главным своим предметом борьбу с греками, походы на Византию. Это древнейший слой исторического эпоса, оставивший явные следы в Начальном летописном своде и даже уцелевший в поэтическом былинном изложении. Изданное Е. Барсовым «Слово», уже приурочившее борьбу с греками ко времени Владимира, есть отзвук этого древнего эпоса, который можно назвать эпосом наступательным. Но у книжника половины XI в. под руками был начаток зарождающегося нового эпоса, предметом которого была борьба со степными соседями Руси, сначала печенегами, а потом сменившими их половцами. Время княжения Владимира описывается уже на основании этого эпоса, отрывок которого рассказывается и в других древнерусских летописных сводах. Мы знаем этот эпос так, как он сохранился в народной памяти, дошедши почти до нашего времени. Итак, вот дошедшие источники нашей истории, которые были под руками составителя Повести временных лет около половины XI в.

Как только переступаем вторую половину XI в., встречаем Киевскую летопись, которая и идет в первом ряду южнорусских летописей XI, XII и начала XIII в. Мы знаем разнообразные обработки этого летописного свода, древнейшие из которых представляют списки Лаврентьевский и Ипатьевский. Как Начальная летопись, так и ее летописные продолжения вместе с различными сказаниями и повестями, в них вошедшими, дают превосходную картину общего хода дел на Руси, даже указывают на местные подробности, черпая их из этой же местной Киевской летописи, Черниговской, Смоленской, Полоцкой, Волынской и т. д. К XIII столетию постепенно исчезают срединные центры книжной и политической жизни, и изучающий остается с летописями русских окраин: с одной стороны, летопись Волынская (XIII в.), с другой — Новгородская, которая становится все более содержательной, и, наконец, свод, составленный из местных летописей — Владимирской, Ростовской, Переяславской, к которому потом примыкает и Московский. Политические и книжные центры исчезают, живут одни окраины. Наконец исчезает и Волынская летопись. Когда исчезает Волынская летопись, северо-восточная летопись остается главной собеседницей изучающего, последнему приходится тяжело. Это ощущение усиливается с конца XIII в.

АКТЫ. Время после нашествия татар до половины XIV в. — самое глухое по характеру исторических источников. Летопись представляет возможность составить понятие лишь об общем ходе дел, [она] становится скуднее, а других источников не имеем. Эти последние появляются с конца XIII, другие с XIV в., и то понемногу. Но в конце XV в. они достигают уже очень значительного запаса, который можно поставить рядом с летописями; но они рисуют жизнь совсем с другой стороны: это акты, правительственные распоряжения, или частные сделки, или политические договоры (например, [договор] Новгорода с князьями, древнейший из которых относится к 60-м годам XIII в., и князей друг с другом, которые появляются с XIV в., как имеющие политический характер), духовные грамоты князей.

Далее появляются многочисленные акты о частных случаях юридической практики. Их можно разделить на два разряда: правительственные распоряжения, устанавливающие известные права и отношения, и акты, восстанавливающие и закрепляющие нарушенные права и отноше-

ния. Первого рода акты — *жалованные* грамоты князей XIV и XV вв., ими утверждались различные имущественные права, податные, судебные и другие льготы; второго рода акты — *судные* грамоты. Они также очень разнообразны: судебные списки, следственные протоколы, докладные списки, правые грамоты, бессудные грамоты, т. е. решения в пользу известной стороны без суда, на основании неявки противной стороны (их не следует смешивать с несудимыми грамотами, которые принадлежат к числу льготных, освобождающих от подсудности известному лицу или учреждению).

Эти и подобные грамоты появляются все в большем количестве по мере приближения к концу XV в., значительная часть захватывает XIV в., большая часть их не издана. Все они отражают известные частные случаи, закрепляют известные частные отношения, известную текущую юридическую минуту — и только. Когда изучите их в достаточном запасе, то увидите, что каждая из них устанавливает какое-нибудь частное юридическое отношение.

СУДЕБНИК 1497 г. Тотчас перейдите к Судебнику 1497 г., и вы поразитесь прямым сходством Судебника с изученными грамотами, мозаической выкладкой порядка отношений из частных случаев, которые в Судебнике являются в виде общих норм. Судебник — общий конспект этих грамот. Здесь начинаем ценить эти грамоты, узнаем, что они не частные случаи, это — тогдашнее законодательство, которое иначе и не устанавливалось. Так мозаический подбор понятий или отношений и отразился в Судебнике, некоторые даже целиком вошли в Судебник, только очищенные от частного случая. Итак, эти грамоты удельных веков суть памятники княжеского законодательства преимущественно по гражданскому праву.

ИСТОЧНИКИ XVI в. Как только переступаем в XVI в., здесь становится трудно возвращаться в общество, все усложняющееся, все прибавляющем новых членов с особым характером. Источники становятся очень разнообразны, и литературные источники с трудом борются по своему интересу с источниками канцелярии. Среди литературных источников первенствуют московские летописные своды, которых в XVI в. накопилось целых три: Софийский, Воскресенский и Никоновский. Хронографы пытались связать русскую

летопись с общим ходом человеческой истории и к византийским хроникам прилагали все более расширяющийся отечественный отдел.

Зато канцелярия дает материалы, определяющие не известные юридические моменты, а целый государственный порядок. Одни материалы рисуют порядок управления—центрального и отдельно областного. Центральное управление изображается в записных книгах московских приказов. Здесь первое место занимают *разрядные книги*, раздельно изображающие течение дворцовой и придворной жизни (дворцовые разряды) и течение военной жизни (книги разрядные военного ведомства, ежегодные росписи мобилизации). Разрядные книги появляются раньше всех других. Первая попытка [их составления] относится к началу XVI в., они даже со второй половины XVI в. включаются в летопись. Воскресенская летопись целые походы рассказывает по разрядам.

Записные книги приказов—отдельные уложения по ведомствам приказов. Первая и не особенно удачная попытка свести накопленный материал является во втором Судебнике. Эти записные книги приказов представляют не центральное управление в его складе, а отдельные акты в действии. Областное управление рисуется в уставных грамотах со второй половины XV в., [они] сменяются потом грамотами губными и откупными. Вместе с картиной управления [в них] встречается материал, рисующий состав местного общества. Одни из таких правительственных актов изображают нам главный класс Московского государства, на который тогда было обращено особенное внимание правительства,—служилых людей.

ДЕСЯТНИ. Со второй половины XVI в. появляются списки служилых лиц по уездам, которые принято на архивном языке называть вообще *десятьями*. Это территориальные списки по уездам, которые составлялись от времени до времени по особым смотрам или разборам (книги разборные) и представляли [собою] перечисление всех наличных служилых лиц уезда с обозначением денежного и поместного окладов, служилой годности, т. е. всего боевого прибора, людей дворовых, которых служилый человек выводил с собою [из] поместий и вотчин. В известном подборе и при достаточном терпении можно по ним нарисовать и боевой строй, и размещение служилых людей так, что останется очень немного спорных вопросов.

ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ. С другой стороны, описывается местное общество в различных поземельных книгах, писцовых, дозорных, приправочных, переписных. *Писцовые книги* описывают в городе с уездом все наличное количество поземельных средств, которые могли подлежать налогам, т. е. земельные участки, доходные статьи, леса и всякие другие угодья. *Дозорные книги* только дополняют писцовые, а *приправочные*—это книги с поправками писцовых, становившиеся с течением времени необходимыми, так как описи производились через более или менее значительные промежутки. *Переписные книги*—полный каталог поземельных и торгово-промышленных средств государства, по отношению к городу—полная перепись торгово-промышленных средств, по отношению к уезду—кадастр.

Писцовые книги постепенно, с половины XVII в., уступают свое место переписным. Переписные книги перечисляют не столько поземельные и торгово-промышленные средства, сколько трудовые силы, не земли и угодья, а лица, тяглое население. Если писцовые книги со своими поправками есть перечень поземельных и торгово-промышленных средств, т. е. опись капиталов, то переписные книги—перечень трудового населения, трудовых сил. Не заглядывая глубоко [в последние], чувствуете, что земля отходит здесь на задний план, а выступает вперед крепостная душа. Переписные книги—предвестницы будущих ревизских сказок, свидетельницы полного экономического крушения государства: до сих пор источником государства был капитал, и этот капитал оказался несостоятельным, недостаточным. Государство стало переходить от капитала к труду. Переписные книги откровенно представляют страшное экономическое крушение, испытанное государством на рубеже XVII и XVIII вв. и выразившееся в установлении *подушной подати*.

Вот беглый обзор новых исторических источников XVI и XVII вв., которые изображают не общий ход дел, не движения и понятия, но состав материальных средств и государственных отношений в половине XVII в. Эти источники как будто сливаются своими результатами в двух превосходных попытках изобразить материальное состояние государства, из которых одна принадлежит немцу Олеарию, другая—московскому подьячему Котошихину. Перечисленное количество материалов находит здесь средоточие и вместе служит способом проверки этих описаний. Если принять во внимание, как незнакомы были им, особенно иностранцу Олеарию, средства, то нельзя не

спросить, каким образом они могли составить такие цельные и довольно верные картины государственного порядка? Ответ на это один: цельное и полное изложение зависело вовсе не от таланта или особой наблюдательности автора, а от того, что сам государственный порядок так резко бросался в глаза, что изображение его не составило особого труда.

Предметом дальнейшего изложения будет указание на связь ошибок и неполноты в нашей историографии с неполнотой и неправильностью изучения наших исторических источников.

Русская Правда в нашей древней письменности встречается в различных редакциях с большими вариациями текста и даже с неодинаковым количеством и порядком статей. Но любопытно, что если не обращать внимания на мелкие различия, то все списки Русской Правды можно разделить на две редакции: в первой—немного статей, и они все краткие, во второй—статей гораздо больше, и некоторые из них изложены пространнее, более развиты. Можно сделать еще одно наблюдение, самое важное для изучения Русской Правды: если взять древнейшие списки Правды, то окажется, что они попадают в древних летописных сводах, а пространные списки—только в древних кормчих. Эта разница прежде всего задает вопрос, почему Правда краткой редакции является в памятниках литературных, а Правду пространной редакции находим в памятниках, имевших практическое значение, каковы были древние кормчие, служившие основанием церковного судопроизводства, являвшиеся вообще источниками церковного права. Первый ответ, какой можно предложить на этот вопрос, разумеется, тот, что практическое значение в суде имела Правда пространной редакции, а Правда краткая не имела такого значения, по ней не судили. Я склонен более к тому предположению, что краткая редакция есть сокращение пространной, сделанное тем или другим составителем летописного свода. В летописях Правда помещается обыкновенно после борьбы

Ярослава с братом Святополком, когда он отпустил домой помогавших ему новгородцев, причем дал им какой-то устав. Летописцы, думая, что этим уставом была Русская Правда, обыкновенно и помещают ее вслед за этим известием; не желая выписывать всю, они сами ее сокращали. Вот почему кормчие, как юридические своды, имевшие практическое значение, помещали пространную Правду, не сокращая ее.

Древнейший список пространной Правды находим в Новгородской кормчей XII столетия (так называемый Синодальный список). Эта кормчая писана в конце XIII столетия при новгородском архиепископе Клименте и во время княжения в Новгороде князя Дмитрия Александровича (сына Александра Невского). Климент посвящен был в епископы в 1276 г., умер в 1299 г.; кн. Дмитрий умер в 1294 г.; значит, кормчая могла быть написана в 1276—1294 гг. Список названной мною редакции, помещенный в Софийской кормчей, древнее и всех списков краткой редакции. Наши кормчие, как известно, перевод византийского Номоканона, который заключал в себе свод церковных правил и законов, касавшихся церкви. За этими правилами и законами следовали некоторые добавочные статьи или специальные своды, составленные в позднейшее время. К числу их, например, принадлежит Прохирон—свод, составленный при императоре Василии Македоняnine в VIII в. Все эти статьи помещались как приложения и в наших переводных кормчих, но кроме этих статей наши кормчие помещали в приложении русские статьи или славянские переделки византийских статей. В числе русских статей, которые служили прибавлениями к кормчим, является и пространная редакция Русской Правды. На этом-то и основано мое предположение, что Русская Правда составлена была для потребностей церковного судьи, который в древнейшее время обязан был разбирать множество обыкновенных, не церковных дел. Близкое к кормчим значение в древнерусском церковном суде имели систематические сборники статей церковно-юридического содержания, называвшиеся Мерилами праведными. Это не кормчие, но в них помещались дополнительные к кормчим статьи греческого и русского права: они служат важнейшим руководством при изучении церковного права. В этих Мерилах праведных также помещалась Русская Правда пространной редакции, что также поддерживает мысль об особенном значении этой именно редакции Русской Правды. В библиотеке Троицкого Сергиева монастыря есть одно такое Мерило очень

старинного письма, если не ошибаюсь, самое древнее из русских Мерил. Из этого Мерила праведного и взята Русская Правда по Троицкому списку, которую мы будем читать. Список этот той же самой редакции, какую представляет список Софийской кормчей, только отличается от последней расположением статей. Итак, мы станем читать Русскую Правду по древнейшей редакции, которая имела деловое, практическое значение, судя по тем памятникам, в которых мы ее встречаем, т. е. по кормчим и Мерилам праведным.

Обращаясь к чтению, я должен объяснить цель его. Для обогащения сведениями по истории русского права не может, конечно, иметь большого значения знакомство с одним из многочисленных памятников древнего права, притом с таким памятником, который с сомнительной верностью отражает это право. Цель нашего изучения — педагогическая, техническая: каков бы ни был взятый нами памятник, он труден; изучая его, мы сделаем попытку изучить один из труднейших исторических памятников.

ПЕРЕВОД И ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ ПРОСТРАННОЙ РУССКОЙ ПРАВДЫ (по Троицкому списку)

1. *Суд Ярославов об убийстве. Русский закон.* Если свободный человек убьет свободного, то мстить за убитого [отцу или сыну] брату родному, или брату двоюродному, или племяннику от брата; если же некому будет мстить, то взыскать за убитого 80 гривен кун, когда это будет княжой боярин или один из княжеских дворцовых приказчиков (дворецкий или конюший). Если же убитый будет простой обыватель Русской земли, или княжой слуга дворовый, или купец, или боярский дворовый приказчик, или судебный пристав, или церковный человек, или обыватель Новгородской земли, то взыскать за убитого 40 гривен кун.

Заглавие «Суд Ярославль Володимеричъ» относится лишь к первой статье, потому что вторая статья начинается словами: «По Ярославе же...»

«Правда Русьская» — сказано в отличие от предшествовавших памятников византийского права, помещавшихся в кормчих или в Мерилах праведных.

«Брату чадо» — надо читать как одно слово — «братучадо». Именительный падеж единственного числа — «братучадо», именительный падеж множественного числа — «братучада». В иных памятниках встречаем форму — «двою братучада», т. е. дети двух братьев родных по отноше-

нию друг к другу, или двоюродные братья. По-видимому, это не русский книжный термин, а южнославянский. Я встретил это слово в сербской кормчей XIII в.; оно соответствует греческому *εταδελφος*. Однако *ἀνεψιός* значит и племянник; *ἀνεψιός* — первоначально только «двоюродный брат», но потом и оно получило значение «племянника». И у нас придавали форме «братучадо» значение племянника, точнее, племянницы в форме «братучадая». В первоначальном смысле форма «братучадо» является в некоторых переводных памятниках XV в., где оно соответствовало греческому *εταῖρος* — товарищ. В Русской Правде этот термин имеет свое настоящее значение — двоюродный брат. Для означения дальнейшего родства, т. е. братьев троюродных, четвероюродных и т. д., прибавлялись числа, говорили: второе братучадо, третье братучадо и т. д. То же встречаем и в народной терминологии: братья родные, братья в первых, т. е. двоюродные братья, братья во вторых, т. е. троюродные, и т. д.

2. Но после Ярослава собрались сыновья его — Изяслав, Святослав и Всеволод с советниками своими Коснячком, Перенегом и Никифором и отменили смертную месть за убийство, а установили выкуп деньгами, во всем же прочем, как судил Ярослав, так решили судить и сыновья его.

Съезд, о котором говорится в этой статье, был, вероятно, в 60-х или в начале 70-х годов, потому что один из трех упомянутых здесь князей — Святослав — умер в 1076 г., один из указанных здесь бояр — Коснячок — в 1068 г. был киевским тысяцким; вот почему мы при трех князьях встречаем трех бояр — все трое [были] тысяцкие.

«Паки» в Русской Правде имеет значение некоторого противоположения, ограничения, оговорки.

3. *О убийстве.* Ежели убьют княжого боярина, напав на него разбоем, а убийцы не сыщут, то вирную пеню — 80 гривен — платит то общество, в округе которого будет поднят убитый; если же то будет простолюдин, то платится пеня в 40 гривен.

4. Какое общество начнет платить дикую (повальную) виру, заплатит ее во сколько лет может, а платит ее, когда нет налицо убийцы. Если же убийца из того же общества и окажется налицо, то общество или помогает ему, так как и он приплачивал за других по общественной раскладке, или же платит повальную виру, т. е. плату по мирской раскладке, в 40 гривен, а головничество платит все сам убийца, внося в виру только свою долю по раскладке. Но и за убийцу, вкладывавшегося в вирные платежи общества за других, общество платит по раскладке только тогда, когда он совершил убийство в драке или на пиру явно.

5. *О нападении разбоем без ссоры.* Кто станет нападать разбоем без ссоры, за такого разбойника общество не платит виры, но выдает его князю со всем, с женой и с

детьми и с имуществом, для продажи в рабство на чужую сторону.

6. Кто не вкладывался в платеж повальной виры за других, тому и общество не помогает в уплате виры за него самого, но он один ее платит.

Статьи с 3-й по 6-ю представляют много затруднений при кажущейся простоте изложения. Эти затруднения проистекают от приема кодификатора, с каким он приступил к изложению этих статей. Начав говорить об одном, он вспоминал про другое и тут же помещал, что вспоминал. Так, например, в 4-й статье кодификатор хочет определить порядок уплаты общественной виры. Едва зашла речь о воре с общества, а не с убийцы, как составитель Правды вспомнил, что общество платит не зараз, а в несколько лет. Рядом с этим возникло представление о воре с общества при участии убийцы. Пришлось объяснить, что значит дикая вира, когда она была возможна и т. д. Так в этой 4-й статье явился целый ряд придаточных предложений, затемняющих смысл всей статьи.

«Виревную платити». Другие списки читают «вирное», т. е. разумеют виру, плату за убитого. Сравни нем. wege, также сложное wergeld. Это — плата, взимавшаяся за убийство со всей верви.

«Верьвь». Этот термин толкователи понимают в смысле сельской общины, ссылаясь на древний обычай измерять землю вервью — веревкой. Но ведь вервью называлась и городская община, не связанная общинным землевладением, и какая связь между орудием измерения земли и названием общины, какая жила на этой земле? Притом это слово в смысле земской общины встречалось бы в наших древних памятниках, кроме Русской Правды. Вервь в Русской Правде не веревка, а сербское «върва» — толпа («вървление» — столпление). Итак, върва, вервь — то же, что малороссийское «громада», «сельский мир»; но и это значение не первоначальное. В сербских памятниках встречаем слово «вървник» — родственник, у хорутан — сват. Итак, слово «вървник» означало члена общины, в то время когда члены общины были связаны кровным родством, это была родовая община. Отсюда объясняется этимология слова «вервь». Вервь, конечно, орудие связи, но первоначально означала родственный союз (сооуз — оужик — родственник). Итак, дело не в веревке для измерения земли, а в первоначальном значении, в каком употреблялось слово «вервь». Вервь — союз, вървник — союзник именно по родству. В Русской Правде это слово «вервь» употреблялось не в первоначальном, а в производном значении, в смысле мира, громады. Итак, кодификатор Русской Правды, может быть, знал, как назывался людской союз на Юге, но не хотел знать, как назывался он на Руси. Итак, вервь — округ, громада, мир; но какой — городской или сельский? В 21-й статье Академического списка Русской Правды читаем, что Изяслав взял с дорогобужцев 80 гривен за убийство его старого конюха. Дорогобуж — небольшой городок в Киевской земле. Значит, под вервью разумеется здесь город весь или не весь: это был городской мир или община. Если же совершалось убийство в селе, то виру платила волость. Чтобы судить о размерах верви, можно привести указание Новгородской летописи 1209 г. Новгородцы разгневались на своего посадника за его неправды, в числе которых было и то, что он виры всякие взимал с купцов. Значит, купцы в Новгороде представляли из себя отдельную общину — вервь. Мы знаем, что в Новгороде было «купецкое сто», которым и была вервь. Название верви для городского или сельского общества взято не из русского языка, а перенесено с славянского Юга. Древняя Русь знала слово «вервь» как веревку, но не как союз. Толкователи Русской Правды и сблизжают потому слово

«вервь» с южнославянским научным термином «задруга». Южнославянские юристы, а с их слов и мы называем задругой союз нескольких родственных семей, живущих вместе одним хозяйством, с общим имуществом. Задруга состояла из нескольких родных или двоюродных братьев, вообще из нескольких боковых родственников, с их нисходящими. Таким образом, задруга отличалась от семьи в тесном смысле слова; ученые эту последнюю естественную семью — отца и жены с детьми — в отличие от задруги — родственного товарищества — называли «инокоштиной». Оба термина пошли из сербской литературы; но ни задруги, ни инокоштины не знает сербский народ. Задруга как союз родственников, живший общим хозяйством, встречается в древних южнославянских памятниках, но с иным названием. Этот союз в одном памятнике (в Дубровнике) XIII в. называется *communitas fratrum simul habitantium*. В законнике Душана задруге дано иное название. Этот законник определяет юридическую ответственность родственников, живущих вместе. В одной статье его читаем: за всякое преступление отвечает брат за брата, отец за сына, родственник за родственника; которые же отделены от преступника, живут в своих домах и не участвовали в преступлении, не платят ничего, исключая того, кто участвовал в преступлении: за того платит *дом* (кукя). Эта статья и заставляет исследователей поставить вопрос: не есть ли наша вервь сербская задруга?

Но дорогобужцы, о которых идет речь в 21-й статье Академического списка, разве представляют собой то же, что сербский дом — кукя? Отчего нет упоминаний об этой верви ни в современных Правде памятниках, ни в следовавших за ней? В грамоте смоленского князя Ростислава 1150 г. «оброк вирный» взимался с погостов и городов, а погост, как и город, — не родственный союз. У сербов ответственность за преступление падала на всех, живших в *доме*, а у нас она могла падать на союз, совершенно иначе построенный. Наша вервь не была союзом принудительным; если бы член сербского *дома* отказался от общей виры, он бы должен был выделиться из родственного союза — кукы, основать свой особый дом: он не может жить в куке, не платя за других; а у нас можно было жить в обществе, не участвуя в общественных платежах, как видно из дальнейших (за третьей) статей Русской Правды. Богишич не так давно доказал, что сербская семья и задруга в сущности одно и то же; они различаются лишь статистически, количеством родственников-работников: более обширный родственный союз назывался «кукя задружна», более тесный — «кукя инокошна». Сербская семья держалась не на юридическом принципе общего семейного имущества, которое не считалось личной собственностью отца, и, таким образом, не отличалась от задруги, в основе которой лежит уговор родственников жить сообща, одним хозяйством. До сих пор в наших памятниках древнего права не отыскано ни малейшего следа такого принципа. Начиная с Русской Правды, отец, безусловно, является собственником семейного имущества, и это ясно подтверждается статьями Русской Правды о наследстве. Значит, если не было основания, не могло быть и здания, на нем построенного; если не было взгляда на семейное имущество как на собственность всех членов семьи, то не могло быть и семьи в сербском смысле этого слова. Так объясняется значение слова «вервь». Когда иноземный кодификатор стал описывать русский союз, связанный ответственностью за преступления своих членов, и не нашел подходящего термина, он вспомнил, что в южнославянских землях таким союзом является кукя. Но это ведь один дом, вмещающий в себе несколько семей, тогда как на Руси этот союз территориальный, охватывающий несколько домов и даже поселений. Притом же кукя — союз родственный. Вероятно, это и заставило кодификатора Русской Правды назвать русский общественный союз сербским термином

«вервь», который, заключая в себе понятие о родстве, может быть, тогда уже смутное давал представление о массе: «вервь» в сербском языке значит и «веревка» и «громада».

4—5-я статьи. «*Дикая вира*» объясняется как вира за брошенный труп, причем самое слово «дикий» производится от греческого недост. глагола «*ἐδίκην*», неопр. *δίκη*ν—бросить. Затем этот термин сближается с «дивий» — «*ἄγριος*». Но трудно объяснить сопоставление термина «дикий» в таком значении со словом «вира». Проще объясняется смысл этого выражения первоначальным значением слова «дикий». Дикий зверь — значит животное неприрученное, не домашнее, принадлежащее всякому, кто его поймает. Дикий — ничей, общий, никому в частности не принадлежащий; дикая вира, таким образом, — общая, падавшая не на отдельное лицо, а на всех; вира повальная. Дикая вира платилась в двух случаях: 1) она вызывалась убийством, виновник которого не был отыскан; 2) она вызывалась убийством, виновник которого принадлежал к платившему виру обществу и был ему известен. Русская Правда дает косвенное указание, что и в этом последнем случае убийца не выдавался, потому что он раньше участвовал в платеже дикой виры (ср. 6-ю статью). Вместо того чтобы платить дикую виру, общество иногда откупалось от нее определенной суммой. Существование такого откупа во времена Русской Правды подтверждается одним замечанием грамоты смоленского князя Ростислава 1150 г. Перечисляя доходы, с которых шла десятина в пользу епископа, князь указывает в своем перечне округ с чрезвычайно странным доходом. Это — Дедичи, с которых князь получал дань и виру 15 гривен. Соседство виры с данью показывает, что это прямой и постоянный налог, который в совокупности с данью не равнялся даже и простой вире. Здесь, вероятно, является вира в смысле откупа, за который князь предоставил Дедичам самим ведать и судить дела уголовного порядка.

«*Выдавать и всего*» (5-я статья). Здесь под «всего» разумеется не семья только, но также имущество разбойника. На это указывают слова «*поток и разграбление*» — ссылка и конфискация. «*Поточити*» — от «*теку*» — выгнать, сослать; разграбление — расхищение чужой собственности, совершавшееся по закону, по приговору суда. В таком смысле употреблялось на языке Русской Правды слово «грабеж»; оно не употреблялось тогда в смысле отнятия чужой собственности с ведома хозяина и против его воли. Эти термины Русской Правды вполне соответствуют выражению одного норвежского закона: *De jure Norwegico homicidium celans puniebatur et exilio et confiscatione bonorum*.

7. Вот пошлины вирные, какие были при Ярославе. Сборщику виры дать 7 ведер солоду на неделю, сверх того, барана или полоть мяса либо деньгами 2 ногаты (5 кун); в среду — куну да в сырную неделю — сыр; то же в пятницу, в скоромные дни — по 2 курицы на день; сверх того, 7 печеных хлебов на всю неделю; 7 мер пшена, столько же гороху, 7 головок соли. Все это идет сборщику виры с помощником. Лошадей при них четыре; им давать овса, сколько съедят. Сверх того, с виры в 40 гривен сборщику виры — 8 гривен и 10 кун перекладного; а приставу — 12 векош да гривну ссадного.

8. Если вира будет в 80 гривен, то сборщику виры — 16 гривен и 10 кун перекладного да 12 векош — приставу, а

при первом дознании ссадного — гривну, при самом взыскании — 3 гривны.

Перекладная гривна. Пошлина за перекладку лошадей, за прогоны чиновнику при разъездах для взыскания виры.

Ссадная гривна. Как известно, доводчик вызывал на суд свидетелей, на которых ссылались стороны во время суда, получая за это двойные прогоны против того, что получал он за вызов свидетелей до суда. Но если стороны, сославшись на свидетелей во время суда, мирились до их вызова, то доводчик, приготовившийся ехать за свидетелями, брал (по уставной соловецкой грамоте 1548 г.) «*ссадное*», как бы пошлину за то, что его напрасно заставили сесть на лошадь и потом слезть с нее. Может быть, подобный смысл имела ссадная гривна и в Русской Правде. Это — пошлина метельнику-доводчику в том случае, когда он приезжал по делу об убийстве, которое оказывалось не подлежащим платежу виры (ср. статью 15-ю).

9. *Головничество.* За убийство дворового княжого слуги, или конюха, или повара — 40 гривен.

10. За княжого дворецкого или конюшего — 80 гривен.

11. За княжого приказчика сельского и земледельческого — 12 гривен; за княжого наемного рабочего — 5 гривен, столько же и за боярского приказчика и наемного рабочего.

12. За ремесленника и ремесленницу — 12 гривен.

13. За простолюдина и холопа — 5 гривен, за холопку — 6 гривен.

14. За дядьку и кормилицу — 12 гривен, будут ли они холопы или свободные.

15. *Об убийстве без улик.* Кого будут обвинять в убийстве, не имея прямых улик, тот должен представить 7 свидетелей, которые под присягой отведут обвинение от ответчика; если же ответчик будет варяг или другой иноземец, то достаточно двух свидетелей. Не платится вира и тогда, когда найдут одни кости или труп человека, про которого никто не знает, кто он и как его звали.

16. *О платеже за отвод обвинения в убийстве.* Кто отведет от себя обвинение в убийстве, тот платит следовательно гривну отводного, а обвинитель платит другую гривну да 9 кун помочного за обвинение в убийстве.

17. Если ответчик, которого истец обвиняет в убийстве, станет искать свидетелей и не найдет, тогда велеть ему оправдаться посредством испытания железом; точно так же и во всех подобных тяжбах о воровстве, когда нет прямых улик. Принуждать ответчика к испытанию железом против его воли, если иск не менее $\frac{1}{2}$ гривны золота; если же он меньше, но не меньше 2 гривен кун, то испытывать водой; если же иск менее 2 гривен кун, то (ответчику или истцу) должно принести присягу за свои деньги.

Поклеп (статьи 15—17-я). Теперь это слово значит «напрасное обвинение», «клевета»; на древнерусском языке поклепом называлось обвинение по подозрению без очевидных улик. За отсутствием «лица», или поличного, обвинение это приходилось оправдывать косвенными доказательствами. Поклепом, однако, не следует еще считать всякий иск, хотя слово «иск» значит «искание лица или поличного» (отсюда — улика); поклеп — это иск по подозрению без прямых, очевидных доказательств. Этот термин происходит от глагола «клепать», который сначала значит «обвинять», а потом — «обвинять ложно». Но раньше юридического значения глагол «клепать» употреблялся в смысле «ковать», и русский язык знает еще и теперь такое значение (заклепка). В старинном переводе XIII в. Слова Григория Богослова (XI в.) мы встречаем много древнерусских вставок. В одной из них мы находим такое выражение: «всуе съзреброклепчи сребро клеплеть», т. е. напрасно ковац кует серебро. Это древнейшее значение слова дает нам и его юридическое объяснение. Обвинитель заковывал обвиняемого в железо, арестовывал его или просил судью произвести арест. Арест — вот первоначальное юридическое значение слова «поклеп». Ту же смену значений находим и в латинском слове «clausa»: «claudere» значит «ковать», «арестовывать»; «clausula» — просьба, которой оканчивалось исковое прошение, «clausa» значит также и «юридическая придирка», «клевета».

Истцами в Русской Правде называются обе стороны — истец и ответчик; отсюда выражение «оба истцы» («обои истцы»). Вероятно, этот термин происходит от слова «исто» — капитал и означает тяжущихся об известной сумме.

Правда — здесь разумеется в смысле суда божья как судебного доказательства. Древнерусский процесс испытания раскаленным железом нам мало известен; чаще и больше говорится об испытании водой (утопавший оправдывался). Самым легким видом суда божья была «рота», т. е. клятва. Иски не менее $\frac{1}{2}$ гривны золота доказывались посредством испытания огнем или раскаленным железом; иски от $\frac{1}{4}$ гривны золота до 2 гривен кун доказывались испытанием водой; иски ниже 2 гривен кун — ротой.

Послухи — здесь свидетели, которые представляли собой один из видов суда божия. Они вызывались для того, чтобы «роту принести» — клятвой очистить ответчика от взводимого на него поклепа.

Помочное. В Русской Правде есть статья (99-я статья по Троицкому списку), которая излагает помочные таксы — «оуроци судебнии». Урок — такса, уреченная, определенная законом сумма. А «кому помогут, — читаем в этой статье, — платит 4 куны». Платеж этот идет отроку или метельнику, т. е. судебному приставу (помощнику верника). Итак, были тяжбы, где платил кто-то, получивший помощь от суда; это — тяжбы поклепные. Помощь же состояла, всего вероятнее, в вызове ответчика на суд и в собрании улик против него по просьбе истца. Этот термин уцелел до позднейшего времени. В актах Юго-Западной Руси XV—XVI вв. мы встречаем указание, что истец платил помочное судье, когда дело решалось в его пользу. Если ответчик очищался, отклонял от себя обвинение в убийстве, то платил приставу «сметную», оправдательную гривну.

18. Кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью меча, тот платит 12 гривен продажи за эту обиду.

19. Если же он обнажит меч, но не поранит, то платит гривну кун.

20. Кто кого ударит палкой, или чашей, или рогом, или тупой стороной меча, тот платит 12 гривен пени. Если

же потерпевший, не стерпев, в отместку сам ударит мечом обидчика, этого в вину ему не ставить.

21. Если кто порежет руку, так что рука отпадет или засохнет, или отрубит ногу, или глаз выколет, или нос отрежет, за то платит полувирье—20 гривен, а раненому за увечье—10 гривен.

22. Кто отрубит у кого какой-нибудь палец, платит 3 гривны пени князю, а раненому—гривну кун.

23. Суд о побоях. Если явится в суд человек в крови или с синяками, то ему нет нужды ставить свидетелей; обвиняемый платит 3 гривны пени. Если же на лице не будет знаков, то он должен представить свидетелей, которые обязаны показать в одно слово с истцом; тогда зачинщик платит 60 кун истцу. Если же истец придет со знаками побоев, а явятся свидетели, которые докажут, что он сам начал драку, то побои засчитать ему за взыскание с него как с зачинщика.

24. Кто ударит кого мечом, но не убьет до смерти, платит 3 гривны пени, а раненому—гривну за рану, да еще что нужно на лечение. Если же до смерти убьет, платит виру.

25. Если кто толкнет другого от себя, или рванет его к себе, или по лицу ударит, или нанесет удар жердью и двое свидетелей покажут это, виновный платит 3 гривны пени; если же обвиняемый будет варяг или колбяг, то должно поставить против них полное число свидетелей, которые и должны принести присягу.

Полная видока (к статье 25-й): видоки—свидетели; здесь двойственное число, в коллективном, собирательном смысле, как в 6-й статье—тиуна княжа, т. е. тиунье княжее.

26. О холопе. Если скроется холоп и хозяин явит об этом на торгу и до третьего дня никто холопа не приведет, а хозяин на третий день встретит его, то он может прямо взять своего холопа, а кто укрывал его, заплатит три гривны пени.

27. Кто сядет на чужого коня. Кто сядет на чужого коня без спросу, платит 3 гривны пени.

28. У кого пропадет конь, оружие или одежда и он о том заявит на рынке и после опознает пропавшую вещь у кого-нибудь в округе своего же города, тот прямо берет свою вещь да взыскивает с укрывателя 3 гривны за неявку вещи.

Заклич и заповедь. Заповедь—исковая явка, публикация о пропаже вещи. Эта явка делалась на рынке, где помещался и суд; она выражалась термином: «а закличют на торгу».

29. Кто без явки отыщет, что у него пропало, т. е. украдено, коня, одежду или скотину, тот не говори: «Это мое», а скажи ответчику: «Иди-ка на очную ставку, объяви, от кого получил, с тем и стань с очей на очи». Кто не оправдается, на того перейдет вина воровства; тогда истец возьмет свое, а ответчик ему платит и за то, что тот потерпел с пропадавшей вещью.

30. Если это будет конокрад, его выдать князю для продажи в рабство на чужбину; если же он украл из амбара, заплатить ему 3 гривны пени князю.

31. *Об очной ставке.* Если по ссылке на очную ставку ответчиками будут являться обыватели одного с истцом города, истец ведет дело до последней ссылки. Если же будут ссылаться на обывателей городского округа, то истец ведет дело только до третьей ссылки, и третий ответчик, заплатив истцу деньги за его вещь, с этой вещью ведет дело до последней ссылки, а истец ждет конца дела, и, когда дойдет до последнего ответчика, он все платит: и дополнительное вознаграждение истцу, и убытки третьего ответчика, и пеню князю.

32. *О татьбе.* Кто купит на рынке что-нибудь краденое — коня, одежду или скотину, тот должен привести на суд двух свободных свидетелей или таможенного сборщика; если при этом окажется, что он не знает, у кого купил вещь, тем свидетелям идти за него к присяге, истцу взять свою вещь, а с пропавшим при вещи — проститься, ответчику же проститься с заплаченными за нее деньгами, потому что он не знает, у кого купил вещь. Ежели после он разузнает, у кого купил, взыщет свои деньги с этого продавца, который заплатит и хозяину вещи за пропавшее при ней, и пеню князю.

33. *О холопе.* Кто опознает своего украденного холопа и задержит его, тому идти с этим холопом до третьей очной ставки покупателя с продавцом; у третьего ответчика взять его холопа, а ему дать краденого — пусть идет с ним до последней ссылки: ведь холоп не скот, про него нельзя сказать — «не знаю, у кого купил», но по его показаниям должно идти до последнего ответчика и, когда будет найден последний ответчик, краденого холопа вернуть его хозяину, третьему ответчику взять своего холопа, а убытки ему платит виноватый.

34. Князю платить пени 12 гривен за покражу холопа.

35. *Об очной же ставке.* А из одного городского округа в другой ссылки на очную ставку быть не может, но ответчик должен представить свидетелей либо таможенного сборщика, при которых он купил краденую вещь.

Тогда истец берет свою вещь, а со всем прочим, что потерял, он должен проститься, ответчик же должен проститься с заплаченными за вещь деньгами.

Свод (к статьям 29—35-й). Это слово объясняют как отвод от себя подозрения в краже. Но в статье 29-й встречаем выражение, обращенное к обоим тяжущимся сторонам, — «сведитесь», т. е. сойдитесь на очную ставку. Значит, свод — очная ставка. Очная ставка совершалась посредством ссылки обвиняемого в краже на того, от кого он приобрел краденую вещь. Эта ссылка и вела за собой очную ставку первого с последним. Когда ссылка оправдывалась, второй ответчик в свою очередь должен был показать, от кого он приобрел краденую вещь, и, если он указывал продавца, происходила вторичная очная ставка. Так свод продолжался до того ответчика, который уже не мог показать, от кого приобрел он вещь. Этот последний ответчик признавался татем. Весь этот процесс назывался сводом; но сводом назывался и каждый его момент, каждая очная ставка; отсюда выражения — третий свод, конечный свод.

36. *О татьбе*. Кого убьют у амбара или на каком другом месте воровства, за это не наказывать, как за убийство собаки; если же продержат вора живым до рассвета, отвести его на княжеский двор — в суд; если же вор окажется убитым, а сторонние люди видели его вживе связанным, то убийца платит за это 12 гривен пени.

37. Если накроют вора, кравшего скот из хлева или что-либо из амбара, с того вора взыскать пени 3 гривны и 30 кун; если же крало вместе несколько воров, с каждого взыскать по 3 гривны и 30 кун.

38. *О разысканной пропаже скота*. Если скот, овцы ли, козы ли, или свиньи были украдены на поле, уличенный вор платит 60 кун пени; ежели воров было много, с каждого взять по 60 кун.

39. Если украдут снопы с гумна или молоченый хлеб из ямы, сколько бы ни было воров, взять с каждого по 3 гривны и 30 кун пени. Если при этом украденное окажется налицо, хозяин возьмет свое да взыщет еще с вора по $\frac{1}{2}$ гривны за каждый год, если украденное (скот) пропадало у хозяина много времени.

«У него же погибло» (к статье 39-й). Эта вторая половина статьи вряд ли имеет в виду то, о чем говорится в первой половине. Ведь речь о вознаграждении хозяина за убыток, какой потерпел он от покражи вещи, и о возвращении этой последней как поличного. Но можно ли было разыскивать снопы через несколько лет? Тут имелся в виду, конечно, скот, как и в 38-й статье, как и дальше говорилось о нем же (статья 40-я).

40. Если же украденное в наличности не будет, вместо него истец получает урочную плату: за княжого коня — 3 гривны, за людского — 2 гривны.

41. *Урочная плата за покражу скота.* За кобылу — 60 кун, за вола — гривну (50 кун), за корову — 40 кун, за трехлетку (кобылу или корову) — 30 кун, за двухлетку — $1\frac{1}{2}$ гривны (25 кун), за теленка — 5 кун, за свинью — 5 кун, за поросенка — ногату, за овцу — 5 кун, за барана — ногату, за жеребца неезженного — 1 гривну кун, за жеребенка — 6 ногат, за коровье молоко — 6 ногат. По этим урочным ценам платят истцам за украденный скот вместо поличного, когда воры будут простые свободные люди, которые платят за воровство пеню князю.

42. Если же воры будут холопы княжеские, боярские или монастырские, которых не наказывают пеней князю, потому что они несвободные люди, за холопью кражу платить удвоенное вознаграждение.

По этим статьям (41—42-й) можно определить рыночное отношение гривны кун к нашим рублям, если сравнить прежние и нынешние цены на скот. Я беру средние цены южных губерний за 1882 г. Средняя цена рабочей лошади в этом году — 55 руб.; цена вола [была] та же (55 руб.); корова дойная стоила 43 руб.; за овцу платили 3 руб.50 коп. По цене лошадей гривна кун равнялась 46 руб. [(55×50):60=45,82], по цене волов — 55 руб., по цене коров — 54 руб., по цене овец — 43 руб.; средняя цифра — приблизительно 50 руб. Итак, простая вира = $40 \times 50 = 2000$ наших руб.

43. *О долговом иске.* Если заимодавец потребует уплаты долга, а должник станет запираться, заимодавец обязан представить свидетелей, которые пойдут к присяге, и тогда он взыщет свои деньги; и ежели должник уклонялся от уплаты много лет, он заплатит еще 3 гривны вознаграждения за убытки, причиненные этим заимодавцу.

44. Если купец поверит другому деньги для покупки товара или для оборота из барыша, то поручителю не взыскивать своих денег посредством свидетелей, присутствие свидетелей здесь не требуется, но ответчик пусть идет к присяге, если станет запираться.

Присягу при передаче денег для оборота другому приносил, очевидно, не поручитель денег, а принимавший их. Это было «товарищество на вере» — один давал деньги в оборот другому, и закон стоял на стороне того, кто оказывал услугу. Иначе бы возникли странные злоупотребления; закон говорит: не верь тому, кто станет запираться в принятом на себя поручении; а так как это было товарищество на вере, то не нужны были и свидетели. Так, в 101-й статье Псковской Правды мы читаем: «А кто имет на ком торговли искать, или поруки, или именного чего, ино того судити на того волю, на ком сочат (ищут. — В. К.), хочет на поле лезеть, или оу креста положит». Значит, получивший поручение решал дело, а не поручитель. Обвиняемый мог выйти на поединок с поручителем или предоставить ему поцеловать крест, что заменяло поединок. Русская Правда довольствуется присягой получившего поручение; речь идет не о преступлении против поручителя, а о неосторожной доверчивости последнего.

45. *Об отдаче имущества на хранение.* Кто передаст кому-нибудь свое имущество на хранение, свидетели при этом не нужны; если хозяин начнет искать больше, чем сколько отдал, то хранитель имущества должен идти к присяге, говоря: «Ты мне лишь столько отдал, не более». Ведь ответчик добро делал истцу, что хоронил его имущество.

46. *О росте.* Кто отдает деньги в рост, или мед в настав, или хлеб в присып, тот обязан иметь при этом свидетелей; и как он уговаривался, так ему и брать рост.

Рез—проценты с денег, отданных в рост. «В треть»—на два-третий, т. е. 50%. Доказательство этому находим в договорной грамоте великого князя Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским. По этой грамоте князья должны были платить ордынский выход, причем доля удельного князя равнялась одной трети. «А если мы перестанем платить дань хану, то мне,—говорит великий князь,—два жеребья дани, а тебе—треть», т. е. третий жеребий. Если так, то «треть» и в данном случае можно понимать как третий—отдавать деньги в рост на два-третий; значит, например, на каждые 2 гривны приходилось платить третью, т. е. 50%. Плата на 4—5-й=25%; на 5—6-й=20% и т. д. Значит, под выражением «в треть» нельзя разумеать треть капитала, как думают некоторые. Росты в древней Руси достигали иногда очень больших размеров: так, в XVI столетии встречаем недельные росты выше 100% по годовому расчету.

47. *О месячном росте.* Месячный рост при краткосрочном займе брать займодавцу по уговору: если же долг не будет уплачен в течение целого года, то рассчитать рост с него на два-третий (50%), а месячный рост отменить. Если не будет свидетелей, а долг не превышает трех гривен кун, то займодавец должен идти к присяге в своих деньгах; если долг больше трех гривен кун, то сказать займодавцу: «Сам виноват, что так раздобрился—отдал деньги без свидетелей».

48. *Устав Владимира о росте.* По смерти Святополка Владимир Всеволодович созвал в селе Берестове свою дружину—тысяцких Ратибора Киевского, Прокопия Белгородского, Станислава Переяславского, Нажира, Мирослава, Ивана Чудиновича (боярина Олега Черниговского). На этом съезде постановили: кто занял деньги с условием платить рост на два-третий, с того брать такой рост только 2 года и после того искать лишь капитала; кто брал такой рост 3 года, тому не искать и самого капитала.

49. Кто берет по десяти кун роста с гривны в год (40%), такой рост допускать и при долгосрочном займе.

51. Если купцу, уже задолжавшему многим, по неведению поверит товар в долг купец иногородный или иноземный и тот потом станет отказываться платить ему, а при

принудительном взыскании станут мешать уплате «первые заимодавцы», такого несостоятельного должника продать на рынке и прежде всего заплатить долг сполна приезжему купцу, остаток же поделить между туземными заимодавцами; ежели (вместо того) проданный окажется в долгу у казны, то сперва полностью уплатить казенный долг, а остаток пустить в раздел; но к разделу не допускать кредитора, который брал с должника высокие проценты.

52. Заложившийся работник за побег от хозяина становится его полным холопом. Если же он уйдет искать денег, заявив о том хозяину, или убежит без спросу, чтобы принести князю либо в суд жалобу на хозяина за обиду, за то не отдавать его в неволю, но дать ему управу по закону.

53. Если пахотный наймит потеряет походного коня своего хозяина, он не обязан платить за это; если же наймит, получающий ссуду, возьмет у хозяина плуг и борону, то за пропажу¹ их он должен заплатить²: но он не платит за хозяйскую вещь, им взятую, если она пропадет без него, когда хозяин пошлет его на свою работу.

54. Если украдут скот у хозяина из хлева, наймит за то не отвечает; если же скотина пропадет у наймита во время полевой хозяйской работы, или оттого, что он не загнал ее на двор и не затворил там, где велел ему хозяин, или во время работы наймита по своему хозяйству — во всех этих случаях он платит за пропажу.

55. Если в таком случае хозяин обидит наймита, подвергнет несправедливому взысканию и назначит слишком высокую цену за пропавшую вещь, а в уплату за нее отымет у наймита данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это он обязан возвратить наймиту, а за обиду заплатить пени 60 кун. Если хозяин отдаст своего наймита в заработок другому хозяину за взятую у последнего вперед плату, эту плату он должен отдать назад, а за обиду заплатить 3 гривны пени. Если же он совсем продаст его как своего полного холопа, то наймит свободен от всех долгов, а хозяин платит за обиду 12 гривен пени. Если хозяин бьет наймита за дело, он за то не отвечает; если же он побьет его пьяный, сам не зная за что, без вины, то должен платить за обиду (наймита), как платят за оскорбление свободного.

¹ «Лошадь с плугом и бороной по связи с следующей статьей».

² «Взыскание с закупа *орудье свое* — значит, [закуп], не дворовый работник, а [имеет] свое хозяйство».

57. Если наймит украдет что-нибудь на стороне, то хозяин его может поступить с ним как хочет: может, когда отыщут вора, заплатить за лошадь или другое что, им украденное, и затем взять себе наймита в полное холопство, может и продать его, если не хочет за него платить, и тогда он должен заплатить наперед за то, что взял наймит чужого, будет ли то лошадь, вол или какая-нибудь вещь, а остаток от вырученных за наймита денег взять себе.

97. Дети разных отцов, но одной матери (бывшей за двумя мужьями) наследуют то, что каждому оставил его отец. Если второй муж растратит имущество первого, отца своих пасынков, то его сын после его смерти должен вознаградить своих единоутробных братьев за растрату, сделанную его отцом, сколько ее покажут свидетели, а что затем у него останется из отцовского наследства, тем он владеет.

105. А срочный работник (отданный в срочную работу за долг) не холоп, и [его] не должно обращать в холопство ни за прокорм, ни за приданое (ссуду под работу). Если работник не дослужит срока, он обязан вознаградить хозяина за то, чем тот одолжил его; если же он дослужит до срока, то ничего не платит.

112. Если кто купит чужого холопа, не зная того, настоящему господину взять своего холопа, а покупщику взыскать деньги с господина под присягой, что он купил холопа по незнанию. Если же откроется, что он купил заведомо чужого холопа, то [он] теряет свои деньги.

Псковская Правда известна в единственном списке, какой сохранился в сборнике из библиотеки кн. М. С. Воронцова. Сборник этот, судя по его бумаге, сфабрикованной в 1638 г., мог быть написан в половине XVII в. Находящийся в нем список Псковской Правды есть копия с какой-то древней, и притом очень ветхой, рукописи: уже переписчик XVII в. не был в состоянии воспроизвести некоторые строки оригинала. Этим объясняются пропуски и неясности, какие встречаются в Псковской Правде. Заглавие памятника указывает на время и частью на процесс его составления.

«Ся грамота выписана... на вече в лето 6905». Переписчик пропустил здесь цифру десятков—7; надо читать не 6905 (1397), а 6975 (1467) г.

Грамота составлена была «по благословению отец своих попов всех 5 соборов»; это также указывает на время составления памятника. Соборы в Пскове были корпорациями, соответствовавшими союзам, на какие распадалась вся Псковская земля. Псков, подобно Новгороду, делился на несколько «концов», служивших административными центрами для отдельных частей земли; по крайней мере в XV в. [они] были распределены по концам главного города, части последнего непосредственно примыкали к земле. Новгородская «пятина» начиналась у «конца», которому была приписана; так было и во Пскове. По такому же типу здесь было устроено и церковное

управление. Приходские церкви и монастыри, городские и сельские, смыкались в союзы, которые избирали своими центрами какие-нибудь приходские церкви в городе Пскове: каждый такой союз и назывался «собором». Целью его было отправление богослужения совместно всем духовенством союза и раскладка тягла в пользу новгородского владыки. Налогов в его пользу было два: 1) поголовный, «поплешный»; 2) корм, т. е. плата на содержание владыки во время приезда его во Псков. Существовала определенная норма для состава собора: он заключал в себе обыкновенно 100 или около 100 священнослужителей и, таким образом, походил на купецкое «сто», отличаясь от последнего, между прочим, тем, что обнимал собой также и загородное духовенство, сельское и пригородное. Каждый собор выбирал себе главу, который назывался соборным старостой, подобно старосте кончанскому; его обязанностью было смотреть за порядком повседневной соборной службы и вообще наблюдать за благочинием собора². Древнейшим собором в Пскове был Троицкий, около главного храма Троицы, возникший еще до XIV в. Второй собор основан был вскоре после разрыва Пскова с его старшим братом; он учрежден был при Софийском храме в 1357 г. Вслед за ними постепенно составлялись остальные соборы: пятый был основан в 1462 г. около церквей Похвалы Богородице да у св. Духа за Довмонтовой стеной; последний собор был учрежден в 1471 г.³ Значит, Псковская грамота, которая знает только 5 соборов, была составлена в промежутке между 1462 и 1471 гг. Вот почему цифру 6905 и надо считать опиской переписчика.

Итак, грамота была составлена в 1467 г. Но в ней, однако, много статей, принадлежащих более раннему времени: они, по-видимому, с достаточной полнотой перечислены в заглавии.

«Ся грамота выписана из великого князя Александровы грамоты и из князь Костянтиновы грамоты». Кто были эти князья Александр и Константин? Относительно первого из них одни думают, что это был Александр Невский, но другие, и в числе их Мурзакевич, отвергают это мнение. Да и в самом деле, очень подозрительно участие Александра Невского в составлении псковского кодекса, предоставляющего городу Пскову и его землям важные политические и судебные льготы. Притом мы знаем, что после [Александра] Невского новгородцы жаловались на него Ярославу Тверскому в своей договорной грамоте 1265 г. с этим последним: «Брат твой Алек-

сандр деял насилие на Новгороде»⁴. Это насилие, бесцеремонное обращение Александра Невского с новгородской стариной-пошлиной, надо отнести и ко Пскову. Всего скорее под именем князя Александра в заглавии Псковской Правды надо разуместь известного тверского князя Александра Михайловича, который в 1327 г., истребив татар в Твери, должен был от татарского отряда и от Калиты бежать во Псков, где и нашел себе радушный прием. Из Пскова, гонимый митрополичьим проклятием, он удалился было в Литву, но, воротившись, княжил во Пскове до 1337 г.⁵ Едва ли какой-нибудь другой князь жил так душа в душу с псковичами, как этот Александр Михайлович. Надо думать, что он и дал судную грамоту Пскову. Что же касается до Константина, то почти несомненно это был Константин Дмитриевич, брат великого князя московского Василия Дмитриевича. Константин два раза княжил во Пскове и оба раза не подолгу — в 1407 г. и в 1412 г. Есть одно летописное указание, которое делает почти несомненным предположение Мурзакевича, хотя он и не заметил этого указания. В 1476 г. наместник великого князя московского во Пскове заспорил с псковичами о порядке судопроизводства, требуя такой судебной пошлины, какой не полагалось по псковской старине. Псковичи выбрали посольство и, собрав старинные грамоты, послали в Москву с жалобой на захват наместника. Великий князь Иван III, заглянув в эти грамоты, сказал: «То грамоты не самих великих князей» и, следовательно, не обязательны для наместника; так он отвергнул в них законодательный авторитет. Значит, это не могли быть грамоты Александра Невского, но такой пренебрежительный взгляд на составителей псковских грамот понятен по отношению к Александру Тверскому и Константину Дмитриевичу, бывшим в ссоре с московскими князьями.

«Ся грамота выписана... и изо всех приписков псковских пошлин». Сверх грамот двух князей, сидевших во Пскове и носивших в местном смысле великокняжеский титул, Псковская Правда упоминает о «приписках псковских пошлин». Грамоты были законодательными актами, которые основывались на псковских пошлинах, т. е. на юридических обычаях Пскова, но сверх актов княжеского законодательства существовали во Пскове еще вечевые узаконения, которые прибавлялись ко княжеским законам; это и были «приписки псковских пошлин». Статья 108-я Правды указывает, как делались такие прибавки: «А о чем нет статьи в этом своде псковских обычаев,

посадники должны о том доложить господину Пскову на вече и недостающую статью составить». Последние 12 статей Правды, следующие за 108-й, и были такими вечевыми приписками⁶.

Итак, Псковская Судная грамота состоит из источников, относящихся к XIV и XV вв.; некоторые статьи в ней были прибавлены, вероятно, прямо при самом составлении грамоты в 1467 г.

Памятник в заглавии называется «ся грамота», но, по-видимому, в судах он носил более обычное название Псковской Правды. На это указывает и статья 4-я этого памятника: «судити, взирая в Правду», и договорная грамота литовского князя Казимира со Псковом 1440 г., где мы читаем: если торговый человек Литовской земли совершит преступление в земле города Пскова, то «аже вчиниться пеня нашим (т. е. гостям литовским в Пскове.— В. К.)... коньчати по Псковъской Правде и по целованию»⁷. Сколько можно судить по указаниям, данным в заглавии памятника, Псковская Правда вытекала из туземных источников, хотя эти источники, говоря несколько изысканно, были профильтрованы княжеской властью. Впрочем, здесь легко заметить присутствие статей, вышедших из туземного законодательства, источником которого была власть веча. Самый характер памятника не оставляет сомнения, что княжеская власть мало что изменила во псковской пошлине, не примешав к ней или примешав очень мало норм, установившихся в княжеской Руси.

Наконец, следует заметить, что Псковская Правда представляет много затруднений литературного свойства: статьи невразумительны главным образом потому, что неясно выражены заключающиеся в них мысли: кодификатор, очевидно, не был тонким юристом и выражал свои мысли первыми формулами, какие навертывались на ум, и так как нормы, ими обозначавшиеся, были всем хорошо известны, то кодификатор и довольствовался легкими намеками, не развивая их. Псковская Правда трудна также и потому, что дошедшая до нас ее копия очень неисправно воспроизвела оригинал.

ПЕРЕВОД И ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ ПСКОВСКОЙ ПРАВДЫ

1. Вот дела, подлежащие княжескому суду. Если обокрадут запертую клеть, или сани, покрытые полостью, или воз, увязанный ремнями, или лодью, заделанную

лубом, или ежели украдут хлеб из ямы, либо скот из запертого хлева, или сено с непчатого стога,—все эти дела подлежат княжескому суду и пени за каждое такое дело—9 денег; а за разбой, наезд и грабеж пени—12 гривен, из них 9 гривен городу Пскову, 18 денег в пользу князя, 1 деньга из 4 денег посадничьих ему же.

«Воз под титягою». В церковнославянских памятниках XIII и XIV вв. встречается слово *тяго*, родительный падеж *тяжесе*—ремень. Очевидно, корень этого слова тот же, как в глаголе *тянуть* (стягивать). Мурзакевич переводит слово «титяга»—кожаная запона. «Лодью под полубы»—понятнее было бы «под лубы». Луб—лубяная настилка, на которой сидят и ходят люди или гребцы (ср. палуба).

«Сено сверху стога имать»—разумеется из стога с нетронутым овершьем: «имать» вместо «имают», соответственно «украдают». Чтение Мурзакевича—«имать то все суд княжой»—неудобно, потому что так в старину не говорили⁸. Все перечисленные здесь случаи соответствуют, таким образом, краже со взломом.

«Наход»—наезд, нападение с целью грабежа.

«9 гривен, а княжая продажа—19 денег да 4 деньги князю и посаднику». Денежный счет во Пскове в XV в. уже значительно уклонился от счета Русской Правды, и старая гривна кун, упавшая в весе и потому измельчавшая, сменилась единицей более крупной и постоянной—рублем. В псковских летописях находим указание на отношение единиц рубля к их целому: в 1467 г. хмель во Пскове продавали по полтине и 10 денег за зобницу (четверть Псковской кади). Но другая Псковская летопись в соответственном месте говорит, что тогда продавали зобницу хмеля по 120 денег. Итак, рубль=220 деньгам (120 денег=полтине+10 денег; 110 денег= $\frac{1}{2}$ руб.). По одному случаю под 1407 г. Псковская летопись также говорит: «а кун на полтину по 15 гривен», т. е. 30 гривен кун на рубль, так уменьшился вес гривны кун. Значит, в каждой гривне кун было $220:30=7\frac{1}{3}$ деньги. А мы знаем, что за покражи, перечисленные в разбираемой статье, взималось 9 денег, т. е. $7\frac{1}{3}$ деньги, или гривна да $1\frac{2}{3}$ деньги. Сосчитаем, какую часть гривны кун составляют эти $1\frac{2}{3}$ деньги; гривна кун= $7\frac{1}{3}$ деньги, т. е. $22/3$ деньги; $22/3:5/3=4\frac{2}{5}$, почти 5, т. е. $1\frac{2}{3}$ деньги есть одна пятая часть от $7\frac{1}{3}$ деньги, от гривны кун. А в 38-й статье Троицкого списка Русской Правды читаем: «аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, или свиньи, 60 кун»⁹. Это—гривна (50 кун) да 10 кун, т. е. $\frac{1}{5}$ часть ее. Ту же $1+\frac{1}{5}$ гривны находим и в Псковской Правде; она знает ту же норму, но переводит ее на современный ей счет.

Итак, 9 денег есть пеня, соответствовавшая 60 кунам Русской Правды. Но здесь в 1-й статье Псковской Правды перечислены те виды кражи, которые по Русской Правде наказывались и не 60-кунной пеней. Так, за покражу клетки взималось прежде не 60 кун, а втрое больше; Псковская же Правда подводит под одну норму все случаи кражи со взломом, которые Русская Правда строго различает. Можно рассчитать и пени за разбой, наезд и грабеж. $19\text{ денег}=19:22/3=57/22=2$ гривнам и $4\frac{1}{3}$ деньги. Отсюда складывается все, что взималось за разбой по 1-й статье Псковской Правды, имеем: 9 гривен+2 гривны $4\frac{1}{3}$ деньги+4 деньга=11 гривен+ $8\frac{1}{3}$ деньга или 12 гривнам 1 деньга. Эта 12-гривенная пеня, также известная по Русской Правде, например, в 27-й и 41-й статьях Академического списка, в 60—62-й статьях Троицкого списка. Но в той же 41-й статье Академического списка читаем, что при продаже в 12 гривен князю оставалось лишь 10 гривен; 20% с 10 гривен, т. е. 2 гривны, вычитались из 12 гривен в пользу судейских

агентов князя. Подобный же вычет, только по несколько иному расчету, делает и Псковская Правда. Вся пеня—12 гривен=88 деньгам ($7\frac{1}{3} \times 12$); 20% с 88 денег=17,6 деньга, круглым числом—18 денег; 20% от этой суммы=3,6 деньга, круглым числом—4 деньга; 18 денег+4 деньга=22 деньгам, ровно 3 гривны ($22:7\frac{1}{3}=3$). Вычитая эти 3 гривны из всей пени, получим 9 гривен; это шло в пользу города Пскова (вместо князя по Русской Правде). Остальные 3 гривны, или 22 деньга, делились таким образом: 18 денег (т. е. 20% со всей пени)—князю или, точнее, его наместнику; из 4 денег (т. е. 20% с 18 денег) 3 деньга—посаднику и 1 деньга—тому же княжескому наместнику; с предыдущими 18 деньгами это и составит 19 денег княжеской продажи. Этим объясняется и появление в тарифе продаж за разбой лишней 23-й деньга (12 гривен+1 деньга) вместо 22. Одна и та же деньга засчитана в двух тарифах, т. е. обозначена дважды¹⁰.

2. А у псковского наместника новгородского владыки свой суд, и в тот суд не вмешиваются ни князь, ни городские судьи, а наместник владыки не судит дел, подлежащих суду князя.

«Владычню наместнику»—церковными делами во Пскове управлял наместник новгородского архиепископа, сначала посылавшийся из Новгорода, а потом избиравшийся во Пскове.

«Ни судиям»—судьи—товарищи князя на суде, посадники и сотские.

3. Кто будет выбран в посадники, тот присягает на том, что будет судить по Правде, согласно с присягой, а городскими доходами не пользуется, судом не будет ни мстить никому по вражде, ни дружить по родству, правого не осудит, а виноватого не оправдает, никого не погубит ни на суде, ни на вече недобросовестным обвинением.

«Городскими кунами»—здесь разумеются городские доходы и судебные пошлины, идущие в пользу города.

«Отчитись»—считаться родством с отчичем, родственником, на суде дружить ему по родству.

«Погубить на суду»—обвинить ложно в простом уголовном преступлении; «погубить на вечи»—ложно обвинять в политическом преступлении, которым ведало вече.

«Без исправы» могло означать: 1) не поставив дела прямо или право, не изложив дела, как оно было. В древнеславянских рукописях наречие «прямь» или «премь» означало «правильно»; сравни теперешнее «впрямь»; 2) не дав обвиняемому возможности исправиться, оправиться, оправдаться¹¹.

4. Князь с посадником на вече не судят; суд происходит только у князя в передней на основании Псковской Правды, согласно с присягой. А не станут они судить по той Правде, будь им за то бог судья на втором пришествии Христовом; а в тайные сделки с тяжущимися не входить ни князю, ни посаднику.

«Тайных посулов не имати»—сулить—обещать посул, гонорар чиновнику, который поможет на суде открыто той или иной тяжущейся

стороне; такой посул допускался законом. Посул тайный—это тайная сделка тяжущегося с судьей или его помощником; как таковая она записалась законом.

«*Ни князю, ни посаднику*»—на вече суд по обыкновенным делам не производился, вече ведало только дела политические; обыкновенные же дела судил совет из князя, посадников и сотских.

«*Посадник, посаднику*»—эти формы надо отметить как доказательство, что все эти три статьи составлены до XV в. или в самом начале его, ибо со второго десятилетия XV в. во Пскове уже являются два посадника степенных, которые входили оба в состав судебной коллегии. Сравни статью 12-ю.

5. Кого из своих слуг князь назначит наместником в пригород, тот присягает на том, что будет добра хотеть Пскову и судить справедливо, как присягал.

Статья в рукописи не дописана. Эта статья, может быть, новая, составленная в то время, как Псковская Правда получила свой окончательный вид. До 1467 г., до окончательной редакции Правды, из 12 псковских пригородов князь мог назначить наместников только в 7 пригородов. Так как в нашей статье нет оговорки об этом, то ее можно считать новой¹².

6. Посадник, сложивший с себя посадничество, обязан сам окончить начатые им судные и другие дела по должности, а новый посадник, который сядет на его место, не может перевершать дел, решенных его предшественником.

«*Посадник слезет степени своей*»—посадник, выбранный на должность во время вечевых собраний, стоял на степени—на возвышенном помосте со ступеньками, откуда делались вечу доклады. Слезать со степени—отслужить свой срок, мы бы сказали «сложить с себя должность».

«*Орудия и судове*»—судове—судебные дела. Словом «орудия» в церковнославянских и древнерусских юридических памятниках передавалось греческое [слово] *τὸ πρᾶγμα*—всякое дело. Орудовать—иметь до кого дело в суде¹³, мы говорим—оборудуй мне это дело. Рядом с термином «судове» «орудия» означают дела не судебные, [а] административные.

«*Судове пересужати*»—перерешать дела в кассационном или апелляционном порядке; пересуд—суд по апелляции, вторичный суд.

7. Вора, совершившего кражу в крому, а также конокрада, заговорщика и поджигателя казнить смертью.

«*Кримскому татю*»—здесь ошибка переписчика, уже не понимавшего древней топографии Пскова; надо читать не кримскому, а кромскому. Кром—центральное укрепление во Пскове, находившееся при слиянии реки Псковы с Великой. Кром обнимал собою самую внутреннюю часть Пскова—детинец и был по преимуществу торговым местом; в крому помещались лавки, там находился торг, соответствовавший московскому гостиному двору; вот почему кража в крому, где было много лавок и мало жилых зданий, наказывалась строже, чем кража на посаде. Что касается до объяснения Энгельмана, то надо заметить, что казенные здания по преимуществу находились в детинце. Так же

напрасно переводит Мурзакевич «храмской вор»; это вовсе не естественное образование прилагательного: говорят «храмовой», а не «храмской». притом в древней Руси вместо «храмовой» обыкновенно говорили «церковный»; слову «кромской» соответствует по суффиксу «посадский». *Переветник*—толкование Устрялова неверно, потому что «перевет» значит устройство тайной государственной измены; заговор и отличается от «крамолы» тем, что последняя ведется *открыто*, как мятеж. В церковнославянских памятниках встречаем слово «*привештавати*», которым передается латинское выражение «*seditionem excitare*»—подговаривать к мятежу. Отсюда переветчик—*заговорщик*.

«*Живота не дати*»—разумеется «живот», жизнь, отнять¹⁴.

8. Вора, крадущего на посаде, за две первые кражи не лишают жизни, а, собрав достаточные улики, наказать, смотря по вине; если же он попадетсЯ в третьей краже, уличив его, казнить смертью, подобно вору, совершившему кражу в крому.

«*Крам, крамскому татю*». Крам объясняют в смысле «кром», «кроме»: но при 7-й статье эта оговорка лишняя; притом же «кром» не значило «кроме»; в таком значении встречается слово «кромь» или «кроме» с родительным падежом (нас кроме), а не с дательным, как здесь. Вместо «крам» я предлагаю читать «прям», [т. е.] прямо, соответственно. Предлогом «прям» или «прем» с дательным [падежом] передавалось в древних переводных памятниках греческое выражение *ἐκ τῆς αὐτῆς χώρας*—«несть, прямы ему на земли человек». «Прям» [происходит] от «прем»—*gestus*. Здесь кончаются статьи, определяющие границы юрисдикции, и статьи об уголовных преступлениях. Далее встречаем несколько статей по уголовному праву, но ближайшие касаются права гражданского¹⁵.

9. В случае спора о полевой земле или о воде, если окажется на той земле двор или пашня (признаки действительного владения) и ответчик пашет ту землю или пользуется той водой не менее 4-х лет, то он может сослаться на соседей, не менее 4-х человек; и ежели соседи, на которых он сошлется, скажут: «Говорим право, как перед богом, что человек, на нас сославшийся, бесспорно пашет ту землю или владеет той водой не менее 4-х лет, а соперник его в те годы не вчинал суда против него и не заявлял притязаний на его землю или на воду»,—в таком случае земля или вода свободна от спора и владелец ее не обязан присягой подтверждать свое право, а истец теряет свой иск, если в те годы не вчинал дела и не заявлял своих притязаний.

«*Ниви рострадни*»—в церковнославянских памятниках «страда» [не] имеет значение «страдания»; на древнерусском языке «страда»—сельская работа, «страдати»—пахати, отсюда «розстрадати»—распахать. «Лес страдный или срамый»—лес на земле, которую можно распахать для посева; «лес леший», напротив, на такой земле, которую пахать нельзя, которая годна только под лес. Слово «нива» надо сближать с одним из древнейших корней в нашем языке, сравни *nix*, *nivis*—нива, озимое поле.

«*Земля ополная*»—земля полевая, не луг, не лес и не болото.

«*Как прав перед богом*»—это юридическая формула, не совсем верная грамматически, под ней разумеется выражение «пусть свидетели скажут, говорим право, как перед богом».

«*Чист и то человек*»—«и» здесь не нужно; это «и» часто без нужды встречается в Псковской Правде.

«*Чист человек*»—здесь разумеется очищение права собственности, устранение спора о владении.

«*Супротивен*»—соперник.

«*Ни его судили*»—судить значило: 1) разбирать судебное дело; 2) вчинять иск, против кого судиться; здесь надо принять последнее значение.

10. *Суд о неудобной земле.* В случае спора о земле, неудобной для обработки, если двое представят крепости, по которым границы смежных владений не сойдутся, так что одна земля окажется в межах обоих владельцев, и тяжущиеся возьмут межевщиков, которые проведут им межи владений по грамотам того и другого, а они, став в судной палате, заявят, что этим межеванием довольны, в таком случае предоставлять тяжущимся решать спор поединком.

Перевод 10-й статьи облегчается актом, полагающим решение подобного дела почти в тех же выражениях. В 1483 г. Псковский Снетогорский монастырь вчинил иск против целой компании сябров, совладельцев-товарищей, которые сообща владели землей по р. Перерве. Эти сябры были прихожане св. Егория и еще целого монастыря Гремячинского на Гремячей горе. Снетогорскому монастырю принадлежала шестая часть р. Перервы, приобретенная им для проезда. Суд происходил на сених перед князем Пскова Ярославом, двумя степенными посадниками и перед сотскими (вот состав господа—высшей судебной палаты во Пскове.—В. К.). У Снетогорского монастыря сябры отняли эту шестую часть. Истцы, т. е. старцы Снетогорского монастыря, положили пред господой «грамоты купчие» на принадлежавшую им полосу в р. Перерве. Судьи спросили сябров, зачем они отняли землю у старцев. Сябры отвечали: «То... у нас не Перерва река, а в той реке у нас вода копаная, а вся вода наша: а игумену Тарасью и старцем снетогорским в той воде у нас шестой части нет, и мы им потому и проезда не дадим». «Да положили и свои грамоты перед осподою». Значит, юридический казус состоял в том, что сябры оспаривали у Снетогорского монастыря $\frac{1}{6}$ часть канала, проведенного ими по земле, $\frac{1}{6}$ часть которой до прорытия канала принадлежала монастырю. Сябры думали, вероятно, что, улучшая землю каналом, они тем самым приобретали право на всю землю. Прочитав грамоты, судьи дали их сотскому Клименту и послали его с [княжим] боярином Четом «воды в Перерве реке досмотрети». Те досмотрели, «да и на луб выписали (план сняли.—В. К.) и перед осподою положили, да и велись по лубу» (т. е. указывали пальцем межи по плану.—В. К.). Суд спросил обе стороны: «Снимаете ль с межников межничество?»—«Снимаем, господине». (Снять с межников межничество значило сказать, что они правильно сняли межи на луб, или на план, и тяжущиеся этим планом довольны.) Следствие закончилось этим вопросом о межничестве; началось судоворование. Суд спросил старцев снетогорских: «Есть ли у вас, стариков, кто, кому то ведомо, что вам в Перерве реке шестая часть проезда

деля?» Старцы указали старика Терентия Кудатова, на него сослались и сябры; таким образом, это была общая ссылка обоих истцов на одного старожилу. По допросе последнего кончилось дело. Старцев снетогорских «оправихом», сябров «повинихом и дахом» Снетогорскому монастырю правую грамоту («судницу» по 12-й статье Псковской Правды). Так кончается грамота. Тогда межники посланы были выделить $\frac{1}{6}$ часть р. Перервы на проезд Снетогорскому монастырю¹⁶. Разбираемая статья Псковской Правды отличается от только что изложенного дела тем, что представляет окончить дело полем, т. е. судебным поединком.

«А зайдут грамоты за грамоты», т. е. если межи по одним грамотам зайдут за межи соседа по другим.

11. Кто из тяжущихся одолеет своего соперника, за тем утвердить спорную землю по его грамоте.

12. А кто будет побит на поединке со своими грамотами, тому в иске отказать и грамоты его признать недействительными, а оправданной стороне выдать на ту землю правую грамоту, а судебных пошлин на князя и на посадников со всеми сотскими взять 10 денег.

13. Кто станет требовать возвращения отчужденной земли по праву выкупа, а ответчик представит грамоты, свидетельствующие о давнем владении, тогда спор решается по желанию предъявителя таких грамот; он может вызвать истца на поединок, может и предложить истцу показать под присягой, по какому сроку давности он выкупает землю (т. е. какой срок для выкупа был установлен при отчуждении).

«Земли отнимати выкупком». Выкупок — это право выкупа, для которого, как видно из 9-й статьи, не было установлено определенного срока давности. Эта 9-я статья, говоря о сроке 4- или 5-летнем, не дает права заключать о точно определенном сроке земской давности, утверждающем право собственности на владемую землю. Срок мог быть назначаем произвольно самими участниками сделки при самом отчуждении, и суду в такого рода тяжбах о праве выкупа отчуждаемой земли важно было доискаться, какой именно срок был назначен в сделке. При решении этого вопроса суду и нужны были старые грамоты, о которых говорит статья 13-я¹⁷.

14. Кто представит ко взысканию простую домашнюю расписку на умершего и по ней станет искать на его душеприказчиках отданного на хранение имущества — денег, платья, вещей из убора или какой-нибудь иной движимости, а умерший сделал предсмертное распоряжение своим имуществом, написал духовное завещание и положил его в городской архив, [то] на душеприказчиках не искать без расписки, формально удостоверенной и обеспеченной залогом, ни хранения, ни займа — ничего, о чем не сказано в завещании. Если же будет представлена такая залоговая расписка, по ней искать можно. Точно так же, кому умерший при жизни отдал свое имущество

на сумму, передача которой по закону должна быть обеспечиваема залогом и распиской (ст. 30-я), а у душеприказчиков такой расписки умершего на того человека не окажется, они не имеют права искать ничего: ни займа, ни торговой ссуды, ни хранения¹⁸.

Во Пскове различались два акта передачи имущества: 1) «Доски» — это домашний счет или частная расписка, не удостоверенная формально, а удостоверение это состояло в том, что копия с акта клалась в общественный архив — «в ларь» при Троицком соборе; 2) «Запись» — это формальный акт, копию с которого отдавали «в ларь» Троицкого собора.

«Съблюдене» — соответствует «поклажнаю» Русской Правды и означало отдачу имущества на хранение.

Слово «крута» употреблялось обыкновенно в смысле украшения, убора на иконах (оклад, риза, привески) или на людях (серьги, кольца и т. п.). Сравни «крута каличья».

«Животное» — относящееся к животу, к движимому имуществу.

«Порядня» — распоряжение или договор.

«Рукописание» — духовное завещание.

«Приказники» — душеприказчики, а может быть, и наследники и вместе душеприказчики.

«Зсудие без заклада» — ссуда без заклада. Взыскание имущества, отданного на хранение, здесь обуславливается наличием заклада или записи, а не как в Русской Правде (по доверию).

«По записи или по закладу» — надо читать: «по записи и по закладу», ибо запись обыкновенно обеспечивалась залогом.

15. Но близкие родственники умершего: отец, мать, сын, брат, сестра — могут и без расписки, обеспеченной залогом, искать друг на друге, но не на чужих людях, и наоборот, как имущества, отданного умершим кому-нибудь из них, так и имущества, у него взятого кем-нибудь из них.

Комментаторы ошибаются, полагая, что порядок взыскания изменялся, смотря по тому, есть завещание или нет; завещание только облегчало этот порядок, не изменяя его. Здесь идет речь о порядке исков относительно имущества умершего в кругу его родственников: по отношению к стороннему лицу нужен был форменный акт, по отношению к родственнику достаточно было присяги; закон предоставлял решение дела самим родственникам.

16—17. А кто отдаст свое имущество на хранение, уезжая в чужую землю, или во время пожара, или когда по грехам земляки поднимутся на него всенародно, и потом он потребует своего имущества, а принявший его на хранение запрется, в таком случае истцу надо заявить свой иск в течение недели по приезде с чужой стороны, или после пожара, или после разграбления народом его дома; если ответчик и тогда будет запирается по-прежнему, предоставить ему решить дело, как он хочет: сам ли примет присягу, либо выйдет на поединок с

истцом, или же истцу предоставит присягнуть, положив у креста спорную вещь.

Речь идет об отдаче имущества на хранение по необходимости, например при пожаре.

«Род ополчится». Род — земляки, сограждане; значит, здесь разумеется обычная в вольных городах древней Руси народная вечевая расправа, сопровождавшаяся разграблением дома провинившегося гражданина. В начале 17-й статьи Мурзакевич вставил «а кто». Но здесь не нужна вставка, надо только слить обе статьи, вставив в начале 16-й статьи на пустом месте: «кому ехать в чужу землю»¹⁹.

18. Точно так же, если переходящий рабочий, нанимающийся пахать землю из известного снопа или пасти скот, будет искать хранения или своих снопов, суд, рассмотрев дело, отдает его решение на волю ответчика: хочет, сам присягает, или выйдет на поединок с истцом, либо истцу предоставит поцеловать крест и взять, чего ищет²⁰.

Слово «закупень» известно из Русской Правды; это сельский рабочий, нанимавшийся обрабатывать чужую землю со ссудой и получавший от хозяина участок земли за работу. Вот почему у закупня могли быть «верши» — снопы хлеба; впрочем, верши у закупня могли явиться и в том случае, если он арендовал землю из снопа, т. е. выговорив себе известную долю жатвы.

19. Кто ищет отданного на хранение имущества по домашней записке, не помня за давностью, когда и что именно давал хранить, тот теряет иск.

20. Кто будет просить суд вызвать кого-либо к ответу, обвиняя его в побоях или в грабеже без прямых улик, князь с посадниками и сотскими расследует, есть ли у истца свидетель. И ежели по розыску окажется, что дело случилось, где истец ночевал или обедал, и свидетель был единственным ночлежным или обеденным товарищем истца, суд спрашивает и самого истца, где его били и грабили и кому они с товарищем о том заявили, и, на кого истец укажет, того вызвать на суд; и если тот, на кого была сделана ссылка, скажет на суде по совести, как перед богом, что истец действительно заявлял ему о побоях и грабеже, а свидетель на суде в одно слово покажет с истцом, спор решается тогда по воле ответчика: он может идти на поединок со свидетелем или дать последнему поцеловать крест и взять сумму иска.

«Иночай». — В древнерусском языке есть слово «иночь», так называлась одна жена язычника-многоженца по отношению к другой или покойная жена другоженца по отношению к живой. Отсюда «иночьи дети» — дети от первой жены по отношению к мачехе; отсюда же «иночим» — первый муж второбрачной жены по отношению ко второму²¹. От такого значения слова «иночь» шли два производных:

1) «Иночь» — соперница по милости у одного и того же мужчины, ἡ ἀντιζήλος, «о иночи ея» — περί ἀντιζήλων αὐτῆς. Сирах 37, II (XV в.); 2) «Иночай» — человек, находящийся в одинаковом положении с другим к третьему товарищу, и притом единственный (сравни «инок»).

«Изведется» — доведется по расследованию.

«Позовница» — судебная повестка о явке в суд²².

21. Если ответчиком, которому придется состязаться со свидетелем, будет старик, или малолетний, или увечный, или священник, или монах, он имеет право выставить за себя на поединок наемного бойца; но свидетель не имеет на это права, кто бы он ни был.

22. Если свидетель, на которого сошлется истец, в суд не явится или, явившись, не покажет в одно слово с истцом, т. е. не скажет всего или скажет лишнее, того суд не признает свидетелем, а истцу отказывает в иске.

23. Если истец сошлется на свидетеля, а ответчик, вызванный в суд, и со своей стороны выставит свидетеля, говоря: «Истец сам бил меня с тем человеком, которого теперь призывает в свидетели», то суд допускает и того свидетеля, на которого сошлется ответчик во время самого разбирательства.

«Послух, которого на суде наимают».— Не видно, чтобы суд выбирал между послухами обеих сторон; напротив, послухи обеих сторон именно и решают дело. Здесь идет речь о послухе ответчика, которого суд принимает, несмотря на то что он назван был послухом во время самого судебного разбирательства²³.

24. Если же ответчик, которого обвиняют в разбое, со своей стороны не укажет свидетеля, то судьи все-таки шлют с суда приставов расследовать дело на месте, а ответчику, не сославшемуся на свидетеля, не отказывают в иске за то, что он не сослался (судьям²⁴ во Пскове тому нечего дивиться)²⁴.

25. Если по зову пристава, посланного вызвать на суд ответчика, последний не явится на церковный погост слушать повестку или, явившись, спрячется во время чтения повестки, чтобы ее не слушать, тогда пристав должен прочесть ее на погосте при священнике. Если же ответчик, выслушав повестку, не примет назначенного в ней срока явки и не явится на суд, тогда суд дает в 5-й день по истечении срока новую грамоту на него с приказом пристава и истцу привести ослушника на суд силой.

«Позовник» — судебный пристав, ездивший с позовницей. Арестовать ответчика посылался позовник вместе с истцом; этим объясняется множественное число: «позовником».

26. Истец²⁵, получивший такой указ на своего ответчика, [должен] задержать его²⁵ и представить на суд по указу, но при этом не мучить, не бить его, а ответчику при задержании не отбиваться от истца; если же он станет сопротивляться с оружием в руках и совершит убийство, то будет судим как убийца.

Истец в этой статье назван «огр^амочий». Так истца называет только Псковская Правда.

27. Если во Пскове, либо в пригороде, либо в сельской волости на рынке, на пиру или на улице побьют кого, но побитый не будет ограблен, и если это насилие видело много людей, и если из этих очевидцев человека четыре или пять, став перед нами, судьями, скажут: «Да, этого бил тот», тогда бывшего выдать на их совесть битому да с него же взыскать пеню в пользу князя. Если же потерпевший будет взводить на обидчика обвинение и в грабеже, то для привлечения ответчика к суду он должен выставить одного ответственного свидетеля, потому что в таком случае дело может решиться поединком.

«А ставши перед нами» — любопытная обмолвка, заставляющая предполагать, что законодательные акты писались на вече; проекты вечевых законов составлялись той же господой, которая была высшим судебным местом во Пскове.

«Того человека их душа выдати» — надо читать «на их душу выдать». Вероятно, пропущено [слово] «головою». Это значит, по их клятвенному показанию присудить ответчика к платежу.

«Ходить» Энгельман переводит «обвинять», «уличать»²⁶, но в 29-й статье есть выражение «изгодит своего истца»; вероятно, и здесь «ходить» значит «годить», вызывать повесткой, назначая срок — годину — за побор обиженному, как «угодить» — значит попасть вовремя, в срок.

28. Кто представит ко взысканию домашнюю заемную записку, обеспеченную залогом (который должник признает своей вещью, отпираясь от самого займа), дело решается по воле предъявителя записки с залогом: он может сам присягнуть и взять долг, может предоставить ответчику поцеловать крест, и если тот поцелует, то ему отдается залог; но в долговом иске с залогом не допускать решения спора поединком, а сумма долга, обозначенная в залоговой расписке, не оспаривается.

1) Заем по Псковской Правде мог быть сделан под обеспечение залога с написанием форменного заемного акта, засвидетельствованная копия которого оставалась в городском архиве — «в ларе» Троицкого собора. 2) Заем мог совершаться под обеспечением залога, но без удостоверенной формально записки, только по расписке домашней — по доске. 3) Заем мог совершаться под обеспечение залога, но без формального акта и без домашней расписки. Во всех этих случаях, т. е.

при обеспечении займа залогом, заемные деньги взыскивались. Но заем мог быть совершен без залога, только по расписке; тогда деньги не взыскивались: такого рода заем рассматривался законом как частная сделка, основанная на доверии кредитора к ответчику. По формальному заемному акту, обеспеченному залогом, взыскание совершалось по этому самому акту, копия которого служила *бесспорным* доказательством займа. Домашняя же расписка, хотя и обеспеченная залогом, вовсе не считалась таким доказательством: принималась в расчет только сумма займа, в ней обозначенная²⁷.

29. Кто займет деньги под залог крепостных актов или какой-нибудь вещи, от которой ему нельзя отказаться (но не даст домашней закладной расписки), а потом сам потребует возврата долга, как отданного на хранение, не вчинив иска или вызвав займодавца в суд по срочной повестке, займодавцу не отказывать в иске долга на том основании, что у него нет закладной расписки с обозначением заемной суммы; но верить ему на слово, сколько покажет, и решать спор по воле того, кто представит заклад: он может сам присягнуть и получить деньги, может предоставить должнику поцеловать крест и взять заклад.

«*Грамоты*» —разумеются крепостные акты, которые принимались в удостоверение заемного обязательства без расписки. Они не обеспечивали долга, ничего не стоя сами по себе, но удостоверяли факт займа, так как от них не мог отказаться должник.

«*Изымает... из невесты*» —начаянно, не вчинив иска, не оповестив позвницей. Здесь сам ответчик ищет на кредиторе своего залога, не признавая его обеспечением займа, а объявляя вещь, отданной на хранение. Это тот же случай, что и в 28-й статье, только с переменной ролей: должник является там ответчиком, а здесь —истцом.

30. Можно давать взаймы без залога и без законно удостоверенной расписки не более рубля, а больше —нельзя. Кто будет искать судебным порядком долга свыше рубля по одной домашней расписке, не обеспеченной залогом, такой расписки ко взысканию не принимать, а ответчика, который не признает долга, от иска освободить.

31. Кто предъявит ко взысканию домашнюю расписку, обеспеченную вещественным залогом, платьем, доспехом, конем или чем иным из движимого имущества, а этот заклад не стоит искомого долга и ответчик от него откажется, говоря: «Я тебе этого не закладывал и у тебя ничего не занимал», тогда заклад пусть остается в руках истца, ответчик свободен от взыскания.

Здесь речь идет о залоге, от которого должник мог отказаться и которым обеспечивался самый долг, т. е. о вещи, которая сама по себе имела ценность. Это и выражено в термине «*назрячее*», т. е. нечто такое, стоимость чего очевидна.

32. Кто поручится за должника, а заимодавец станет искать долга на поручнике, должник же, за которого ручался последний, предъявит заимодавцу расписку в уплате, говоря: «Я тебе, брат, заплатил долг, обеспеченный этою порукой, вот у меня и расписка, в которой написано, что истцу не искать занятых денег ни на самом ответчике, ни на его поручителе», суд не принимает во внимание такой расписки, если в городском архиве не окажется ее копии, а предоставляет заимодавцу ведаться с поручителем, ручавшимся за его должника.

33. Порукой обеспечивается долг только до рубля, а в займе больше рубля порука не служит обеспечением.

34—35. Если псковитина обокрадут во Пскове, или в пригороде, либо в сельской волости, он должен заявить об этом старостам, или ближайшим соседям, или другим сторонним людям; а если кража случится на братском пиру, то—пировому старосте или гостям, а хозяин, в доме которого случилась кража, за то не отвечает. Псковитину не вызывать ответчика из волости во Псков к вольной присяге, а вести ему ко кресту, на кого заявит он подозрение, там, где случилась кража. Точно так же и пригорожанину или селянину не вызывать псковитина, заподозренного в краже в церкви или на торгу, в пригород или в село, а приводить к присяге там, где произошла кража.

«*Старосте пировому*»—здесь речь о пирах по складчине прихожан известной церкви, о *братчинах*. Участники складчины—братчики—выбирали себе пирового старосту; «*государь пировой*»—тот из братчиков, в доме которого на пиру случилась кража.

«*Вольная рота*»—присяга, которая по воле ответчика приносилась или им, или истцом. Обе эти статьи надо слить в одну. В них сверх некоторых пропусков еще перемешан порядок слов, вероятно, потому, что переписчик неправильно переносил в текст слова, вставленные в подлиннике на полях. Вторую половину статьи, по-видимому, надо читать так: «А государю пировому вины в том нет; а псковитину из волости во Псков на вольную роту не звать; весть ему в роте, на кого ему нелюбовь, где татьба учинилась. Також и пригорожанину или селянину псковитина, что и в церкви или на торгу (учинил татьбу), на пригороде (и в селе) не звать, вести ему к роте псковитина, где татьба учинилась».

36. Если в иске о долге по домашней расписке (не больше одного рубля, см. статью 30.—В. К.) истцом явится женщина, или малолетний, или старуха, или больной, или увечный, или монах, или монахиня, такие истцы могут для поединка нанимать за себя подставных бойцов, против которых и ответчики вправе ставить своих наемных бойцов, если не хотят выходить на бой сами; но

эти наемники только бьются, крест же целовать пред поединком обязаны сами тяжущиеся.

37. Если тяжущимся присужден будет поединок, истец, победивший ответчика, взыскивает с него, чего на нем искал; но с убитого взыска нет, а победитель только снимает с него доспех и одежду, в которой тот вышел на поединок. Если поединок состоится, побежденный платит и пеню князю, и приставную пошлину обоим приставам по 6 денег каждому; когда же дело кончится мировой, ответчик платит приставам только по три деньги, а пеня князю с него не взыскивается, если истец по мировой откажется от взыскания того, чего искал²⁸.

«Ожь истец чего не возможет» — по статье 52-й надо читать: «чего истец не возьмет».

38. Кто по домашним счетам станет искать денег, отданных для торговых оборотов, а ответчик предъявит расписку об уплате, в которой также говорится о торговой ссуде, но копии с расписки в архиве при Троицком соборе не окажется, такой расписки суд не принимает (а решает дело порядком исков о торговых ссудах).

Этот порядок указан в статье 101-й.

39. Если мастер-плотник или простой сельский работник отживет срок, на который был нанят, или отработает условленную плату, а хозяин откажется заплатить ему, то наемник может искать своей платы и без письменного условия, огласив публично на рынке отказ хозяина.

Эту статью следует читать, применяясь к статьям 40, 41 и 44-й.

40. Если работник, нанятый для дворовой работы на срок, отойдет от хозяина, не отжив срока, заплатить ему по расчету зажитого времени, а в случае неуплаты искать ему занятых денег в течение года, сколько бы он ни жил у хозяина, 5 или 10 лет, искать ему платы за все зажитые лета, если из нее он ничего не брал прежде, но иск вчинять не позднее года по уходе от хозяина, а если пройдет больше года, такие работники лишаются права иска²⁹.

41. Если плотник, нанятый сдельно, отойдет от хозяина, не кончив условной работы, и станет искать наемной платы на хозяине, говоря: «Я тебе отработал все, на что нанимался», а хозяин возразит: «Нет, ты не отработал всего, на что я тебя нанимал», дело решать по письменному условию тяжущихся, а если его не будет, хозяин пусть

или сам присягнет, или предоставит истцу взять искомую плату под присягой.

42. Землевладелец, желающий прекратить аренду снятой у него полевой или огородной земли, как и рыбной ловли, обязан заявить об этом съемщику около Филиппова заговенья; тот же срок обязателен и для съемщика, не желающего продолжать аренду, а другого срока не полагается для прекращения аренды ни с той, ни с другой стороны. Если же съемщик, которому отказано в продолжении аренды, будет настаивать на том, что ему отказано после срока, допустить его до присяги, и если он присягнет, то удерживает за собою аренду до следующего срока, а владелец, не доказавший своевременности своего отказа, лишается на тот год половины обычной арендной доли или рыбного улова с арендуемого полевого, огородного или рыболовного участка.

«Изорник» (*изорати*—пахать)—крестьянин, обрабатывавший снятый участок обыкновенно с подмогой от владельца (покрытой) исполу с уплатой второго снопа урожая (сравни со статьей 63-й).

«Кочетник» правильное «котечник»—рыболов; «котцы»—рыболовные снасти вроде жохов.

«Не доискался четверти», т. е. «половины»—обычной арендной платы изорника, составлявшей половину всего урожая.

«Исада»—рыбный затон. Статья говорит, очевидно, о потере владельцем дохода наступавшего, а не истекшего года, потому что огородная или рыболовная часть истекшего арендного года ко времени просроченного отказа, после 14 ноября (день апостола Филиппа), могла быть не только получена, но и съедена владельцем.

43. Если рыболов—арендатор или рабочий, который ловит хозяйскими снастями исполу, запустит весенний лов, он должен заплатить с своего участка владельцу, сколько досталось последнему из улова той весны с другого такого же участка того же затона³⁰.

«Заложить весну»—не воспользоваться весной, пропустить или запустить весенний лов; сличи выражение «запереложить поле».

«Исполовник», очевидно, рыболов же, потому что статья говорит только об исаде и весеннем улове (весеннего урожая, о котором говорит составитель хрестоматии, в русском хозяйстве не бывает)³¹. Котечник был арендатор—хозяин, имевший свои котцы (котцы), свой рыболовный инвентарь, и плативший владельцу условленную часть улова (меньше половины), тогда как рыболов-исполовник был арендатор-рабочий, который за пользование хозяйским инвентарем платил со снятого участка обыкновенно половину добычи, подобно изорнику, пахавшему с покрытой.

«Чата» или «чета»—1) церковнославянское [слово] *отряд*—*τάγμα*, *στέιρα*; 2) доля, участок, отсюда *четник*, как назван котечник в статье 42-й (съемщик четы—участка в затоне).

44. С чьей стороны ни последует отказ продолжать аренду, со стороны ли владельца или съемщика полевого,

огородного или рыболовного участка, владелец может и без письменного условия, посредством публичной огласки на рынке искать на съемщике своей ссуды зерном и скотом, денежного долга, как и всякого немолоченного арендного хлеба, пшеницы яровой или озимой, подробно обозначая в иске, чего именно он ищет.

«Покруты и сочити серебра»—следует читать: «покруты сочити и серебра». Серебро и вершь (хлеб в снопах) не виды покруты, а особые предметы иска; вершь не давалась в ссуду, а получалась владельцем как арендная плата. Следовательно, покрутою называлась собственно ссуда зерном на семена, скотом, вообще рабочим инвентарем.

45. А кто без такого точного обозначения будет искать торговой или какой другой ссуды, также долга по поруче, имущества, отданного на хранение, или наследства, тому в иске отказать.

46. У кого хозяин найдет свою пропавшую вещь, а тот скажет: «Я купил эту вещь на рынке, только не знал, у кого купил»,—ответчику дать присягнуть на том, что он действительно купил вещь на рынке, а не приобрел по сделке с вором. Если же истец не согласится на присягу ответчика, а не будет улик в том, что ответчик украл вещь сам или приобрел по сделке с вором, истец теряет свой пай (т. е. дополнительное вознаграждение по статье 32-й Троицкого списка Русской Правды.—В. К.).

«Знает»—узнает или познает.

«Пословица»—не молва, как объясняет Мурзакевич, и не подозрение, как переведено в хрестоматии, а соглашение, сделка; с таким значением встречается это слово в Новгородской летописи и в княжеских договорах XIV в.³²

47. Кто купит краденое на чужой стороне или в своем округе, только не на рынке, или кто найдет потерянную вещь и отыщется ее хозяин, дело решать тем же порядком, как и иск о краденном, купленном на рынке.

«Ино тот судить»—надо читать: «ино тот суд судить».

48. Когда ищут на волостелях возврата неправильно взятого вознаграждения за судебное содействие и обнаружится, что волостель силой снял с истца платье или свел у него лошадь, то, хотя бы волостель и заявил на суде: «Я ведь сделал в счет обещанного мне вознаграждения, снял с истца платье или свел у него лошадь», сделавший это судится, как за грабеж³³.

49. По судебным делам—для вызова в суд—ездить и княжеским людям, и подвойским, а прогонов брать по 1 деньге за 10 верст, все равно, сколько бы их не ехало,

двое или трое, брать по одной деньге. А не поедет за такую плату княжеский человек или подвойский, истец может послать с повесткой кого угодно, кто согласится ехать за те же прогоны³⁴.

50. За написание повестки, бессудной или приставной грамоты княжеский писец получает, сколько в состоянии дать ему истец; а запросит писец больше того, что под силу истцу, можно написать грамоту и на стороне, а у князя к ней только приложат печать; а откажут в этом у князя, можно приложить печать у св. Троицы; право князя этим не нарушается.

«Князь» — княжая канцелярия.

51. Если съемщик полевого участка станет запираяться в получении ссуды от землевладельца и скажет ему: «Я у тебя в селе жил просто, не имея усадьбы, а в обязательства по земле и ссуде с тобой ни в какие не входил», в таком случае владелец должен поставить сторонних людей, четверых или пятерых, в свидетели, и, если они скажут по совести, как перед богом, что ответчик имел в том селе оседлость (усадьбу), тогда отдать на волю истца — хочет, сам поцелует крест и взыщет свою ссуду, хочет, положится на совесть ответчика (предоставив ему поцеловать крест). Но если владелец не представит свидетелей, которые бы показали, что съемщик действительно имел в селе оседлость, в таком случае первый не может искать на втором своей ссуды.

Иск о ссуде допускался только по удостоверении свидетелями, что ответчик имел в селе усадьбную оседлость, а не жил простым рабочим, «седел», а не «живал», т. е. факт оседлости считался одним из доказательств или презумпцией ссуды. Это значит, что съемка земли крестьянами *очень редко* не соединялась с покрутой, а покрута *никогда* не давалась без съемки.

52. При обвинении в краже и разбое, если истец не докажет своего иска, и князь не получает своей пени.

53. Если сын захочет отделиться от отца или матери, он не имеет права при этом требовать приходящейся на его долю части семейного имущества.

Это запрет семейных разделов без согласия родителей-стариков — знак, что семейное имущество считалось при жизни родителей их личной собственностью. Русская семья — не сербская задруга.

54. В иске о краденой вещи, если тот, у кого она окажется, докажет судебным порядком или покажет под присягой, у кого он ее купил, истец имеет уже дело с тем, на кого отведено обвинение, а тот, кто отвел его от себя, делается поручителем за нового ответчика.

«Или у креста поставить своего истца» — хозяин искомой вещи может заставить ответчика показать у креста, у кого купил ее, если он не может назвать никого, кто присутствовал при этой покупке. Менее вероятным кажется такое объяснение, что ответчик требованием присяги должен заставить продавца сознаться в том, что продал краденую вещь ему.

55. Если вещь, которую ищут как украденную, окажется в составе имущества, полученного по наследству от отца или по завещанию от кого-либо, и это известно соседям или другим сторонним людям, из которых человека четыре или больше покажут на суде по совести, что ответчик действительно получил спорную вещь по наследству от отца или по завещанию, в таком случае ответчик не обязан и присягать по требованию истца, который теряет свой иск; но ответчик должен подтвердить под присягой, что вещь досталась ему по наследству, если не найдется и четырех человек, которые бы показали это по совести.

56. В подобном же иске, если вещь окажется у человека, который купил ее на рынке, только не может указать продавца, но о покупке этой знают люди, пользующиеся доверием, из коих четверо или пятеро скажут на суде по совести: «Да, мы видели, как он покупал на рынке эту вещь», — ответчик, у которого найдутся такие свидетели, освобождается от суда без присяги, а кто не найдет таких свидетелей, обязан присягой подтвердить свое показание, и тогда истец теряет свой иск.

60. По показанию вора никого не привлекать к суду, а кого он обговорит, у того на дому произвести обыск, и, если найдут что-нибудь личное, осудить и его, как вора же, а если не найдут ничего, он свободен от суда.

61. Судебных приговоров князь и посадник не должны отменять; но судебные решения и частные сделки, которые будут опротестованы, как неправильно составленные, можно отменить судебным же порядком, расследовав дело³⁵.

62. Кто станет искать на ком по домашней расписке или по закладной записи и потом согласится взять лишь часть пени, представив на то доказательства, или даже только потребовать присяги, этого истцу в вину не ставить, потому что он может отказаться и от всего иска, не требуя оправдательной присяги от ответчика.

63. Если съемщик полевого участка в срок откажется от продолжения аренды или землевладелец в том ему откажет, то съемщик отдаст землевладельцу половину

всего, что получил в истекший арендный год со своего участка.

64. Приставы, посылаемые звать ответчика в суд, или арестовать, или освободить его от ареста, берут прогоны по деньге за 10 верст, кто бы они ни были, княжи люди, или городские подвойские, или вольнонаемные.

65. Но пристав, посланный вынимать поличное, получает двойные прогоны, которые платит тот, кто будет уличен в краже; если же у обвиняемого не найдут поличного, прогоны и пошлину придверникам судебным взыскать с того, кто посылал пристава.

66. Если княжеский или городской пристав в обеспечение своих прогонов возьмет у одной из тяжущихся сторон коня или что-нибудь другое, он должен передать взятое на сбережение стороннему человеку; а когда такого не найдется (и пристав оставит вещь у себя), он должен сам возвратить ее, если та сторона выиграет дело, а прогоны взять со стороны проигравшей.

67. Но если сам истец, приехав с приставом, силой возьмет что-нибудь у ответчика в обеспечение уплаты долга, а потом не докажет своего иска, судить за это, как за грабеж, а иск о грабеже ценить в рубль, да с обвиненного взыскать и прогоны приставу.

68. Посаднику, ни степенному, ни старому, нельзя быть в суде ходатаем по чужому делу; он может ходатайствовать только по своему делу да по делам церкви, при которой он состоит старостой.

69. И всякий другой человек с правительственной властью не может ходатайствовать в суде по чужим делам.

70. А скопом и за церковную землю прихожане не допускаются в суд; дело о церковной земле ведут одни церковные старосты³⁶.

71. Одному ходатаю не позволять вести в одно время двух дел (не допускать второй тяжбы до конца первой).

72. Кому откажут по духовной участок земли, рыбную ловлю или что-нибудь другое только на пользование и при этом передадут самые крепости на отказанное имение, а он его продаст и будет в том уличен, он обязан выкупить проданное имение, а свой доход с него сам у себя украл. Помимо своей воли, сам того не замечая, он лишил себя дохода, отчуждая незаконно имение, с которого его получал (речь [идет] не о штрафе за кражу, который есть единовременная пеня).

ОТЗЫВ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ
С. Ф. ПЛАТОНОВА «ДРЕВНЕРУССКИЕ
СКАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ
О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ XVII в.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»

Тему, избранную г-ном *Платоновым*, можно признать рискованною в некоторых отношениях. Литературные произведения, которые могли служить источниками для истории Смутного времени, не только многочисленны, но и очень разнообразны по своим литературным формам, по месту и времени происхождения, по взглядам их составителей на описываемые события, наконец, по целям и побуждениям, которыми вызывалось их составление. Это разнообразие и обилие материала подвергали исследователя опасности лишить свое исследование надлежащей ценности и полноты, затрудняли подбор и группировку данных, порядок изложения и выбор самых приемов изучения. Автор не скрывал от себя этих затруднений, и они заметно отразились на его труде. Поставив себе задачей «систематический обзор» литературных произведений великорусской письменности XVII в., посвященных изображению и обсуждению событий Смутного времени, автор, однако, сам сознается в предисловии, что ему не удалось выдержать «единообразного приема» ни в общем порядке изложения, ни в исследовании отдельных произведений. Лучшей системой обзора своего материала он считал «систему хронологическую», но отсутствие точных сведений о времени составления многих сказаний о Смуте заставило его отказаться от такого порядка изложения. Он принял более сложное деление своего материала, разбив разбираемые им памятники на три отдела, из коих

один образовал произведения, составленные до окончания Смуты, другой—важнейшие произведения времени царя Михаила, третий—произведения второстепенные и позднейшие, причем в числе второстепенных разобрана автором одна повесть о убиении царевича Димитрия, составленная, по-видимому, также до окончания Смуты. Притом «автор иногда находил более удобным давать отчет в одном месте о разновременных произведениях в силу их внутренней близости и зависимости одного от другого»¹. Поэтому обзор произведений, составленных до окончания Смуты, он начал подробным разбором так называемого *Иного сказания*, состоящего из разновременных частей, и в связи с пятой его частью разобрал служившее ей источником повествование о Смуте хронографа второй редакции, составленного после Смуты.

В таком распорядке материала есть одно неудобство: он помешал автору воспользоваться в надлежащей мере именно той особенностью разбираемых им памятников, которая всего более могла придать единство и цельность его труду. Он замечает в предисловии, что среди разбираемых им памятников часто встречаются произведения публицистические и морально-дидактические. Я думаю, что можно сказать даже больше: на всех этих памятниках заметны более или менее явственные следы политической окраски, все они в известной степени тенденциозны. В этом отношении Смута произвела заметный перелом в древнерусской историографии: она вывела древнерусского повествователя о событиях в родной земле из того эпического бесстрастия, в какое старался, хотя и не всегда удачно, замкнуться древнерусский летописец. Это понятно: Смута поставила русских людей в такое непривычное для них состояние, которое против их воли тревожило их чувства и нервы и через них будило мысль. В этом возбуждении можно даже заметить некоторое движение: чувства удивления и тревоги, вызванные первыми симптомами Смуты, потом переходят в политические страсти и, наконец, когда миновала Смута, превращаются в спокойные политические мнения. Итак, пробуждение и развитие политической мысли под влиянием Смуты—вот вопрос, который составляет центр тяжести избранной автором задачи и разрешение которого могло бы сообщить цельность его исследованию. В разборе некоторых произведений он отмечает, к каким партиям принадлежали, каких политических мнений держались их составители, но благодаря принятому автором распорядку материала эти отметки не складываются в цельную картину. Можно

даже заметить у автора наклонность убавлять цену, какую имеет для историка эта публицистическая тенденциозность литературных памятников Смутного времени. Обличительная повесть протопопа Терентия о видении 1606 г. очень любопытна как энергический протест против пороков современного ей русского общества и особенно обнаружившейся в нем падкости к «мерзким обычаям и нравам скверных язык», тем не менее автор отказывает ей в значении исторического источника². Обо всех сказаниях, составленных до окончания Смуты, исследователь замечает, что они «или вовсе не дают фактического материала для историка», или дают сведения, нуждающиеся в строгой критической проверке³. Нет исторического источника, который бы не нуждался в критической проверке. Притом что называть *фактическим материалом для историка*? Исторические факты не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты, и очень важные, точно так же требующие критического изучения. Значение, какое приобретало в обществе Смутного времени Иное сказание, политическая роль, едва ли не впервые доставшаяся тогда русскому перу, — это само по себе такой важный факт, который стоило бы усиленно подчеркнуть в исследовании об источниках истории Смутного времени. Повесть Терентия была представлена патриарху, по царскому приказу всенародно читана в московском Успенском соборе и повела к установлению шестидневного поста во всем царстве. Повесть о нижегородском видении 1611 г. ходила по рукам в первом подмосковном ополчении. Сам король Сигизмунд признавал досадную для него силу направленной против него русской патристической письменности и в 1611 г. жаловался московским боярам на то, что об нем тогда *писали на Руси*⁴.

Можно заметить и другие пробелы в исследовании г-на *Платонова*, имеющие некоторую связь с указанным. Если в повествовательной письменности о Смутном времени отразились политические партии и мнения, тогда боровшиеся, методологическое удобство требовало бы, чтобы в критическом обзоре этой письменности было объяснено происхождение этих партий и мнений, равно как и значение их в ходе Смуты. Благодаря тому что это требование оставлено без ответа, исследуемые автором исторические источники являются оторванными от исторической почвы, из которой они вытекли, и его критика не исчерпывает всего материала, какой они ей дают. Приведем один пример. Пресечение московской династии

сопровождалось важной переменой в московском государственном строе: наследственная отчина Даниловичей стала превращаться в избирательную монархию. Как относилось русское общество первой половины XVII в. к этой смене государей *по божьему изволению* государями *по многомятежному человеческому хотению*, как выразился державный московский публицист XVI в. царь Иван в грамоте, посланной им к королю Стефану Баторию, и тот или другой взгляд на различие и значение обоих этих источников власти входил ли в программы политических партий того времени? Автор не возбуждает вопроса об этом, хотя и из его изложения видно, что в разбираемой им письменности можно кое-что найти для ответа на этот вопрос. Так встречаем в ней следы несочувствия к избирательной власти. Нижегородское видение 1611 г. не желает царя, поставленного народом «по своей воле»; *рукопись Филарета* считает совершенно правильным воцарение князя Василия Шуйского, возведенного на престол московскими приверженцами без совета всей земли, без участия Земского собора⁵.

Далее автор замечает в предисловии, что литературный характер произведений о Смуте очень разнообразен. Среди них встречаются *повести*, или *сказания*, *жития*, *летописцы*, *хронографы*, *видения* и один *плач*. Все это довольно выработанные в древнерусской письменности литературные формы, различавшиеся выбором предметов, приемами изложения и даже способом понимания изображаемых явлений. Эти особенности необходимо принимать в соображение при критической оценке произведений, облеченных в ту или другую из этих литературных форм, особенно в такую, в которой явления отражались под наибольшим углом преломления. Таковы, например, *видения*, которых довольно много сохранилось в древнерусской письменности и которые производили особенно сильное впечатление на древнерусского человека. *Видение* — обыкновенно резкая обличительная проповедь с таинственной обстановкой, вызванная ожиданием или наступлением общественной беды, призывающая общество к покаянию и очищению, плод встревоженного чувства и набожно возбужденного воображения. Можно было бы ожидать, что автор выскажет свое суждение об этих формах, о том, как надобно критику обращаться с ними, и даже укажет, насколько изменился их стереотипный склад под влиянием новых политических понятий и тенденций, которые проводили в этих реформах публицисты XVII в. К сожалению, в книге г-на Платонова не нахо-

дим ни такого суждения, ни таких указаний, которые были тем нужнее, что в Смутное время и частью под его влиянием произошел глубокий перелом в древнерусской историографии. Известны приемы изложения и мирозерцание древнерусских летописцев и составителей «сказаний». Это мирозерцание и эти приемы и стали заметно изменяться с начала XVII в. Автор отмечает в разбираемых им памятниках любопытные новости. Повествование хронографа второй редакции о Смутном времени уже не тот простой погодный перечень отдельных событий, механически сцепленный моралистическими размышлениями, какой обыкновенно встречаем в древнерусских летописных сводах: это ряд очерков и характеристик, в которых повествователь пытается уловить связь и смысл событий, выдающиеся черты и даже скрытые побуждения деятелей. Повествователь вдумывается в естественные причины явлений, не вовлекая в людскую сумятицу таинственных сил, которыми у летописца направляется жизнь людей и народов. Исторический взгляд секуляризуется. Новые приемы и задачи повествования побуждают искать новых литературных форм, изысканных заглавий. Князь Хворостинин пишет повествование о Смуте под заглавием: «Словеса дней и царей», но это повествование — такой же ряд общих очерков и характеристик, как и повесть хронографа; из него узнаем не столько о лицах и событиях, сколько о том, как повествователь смотрел на лица и события. По мысли новгородского митрополита Исидора, дьяк Тимофеев в начале царствования Михаила составляет *Временник*; но это далеко не временник старого летописного склада, а скорее историко-политический трактат: составитель его больше размышляет, чем рассказывает о случившемся. Он знает приемы научного изложения и требования исторической объективности и умеет их формулировать; под неуклюжей вычурностью его изложения просвечивают исторические идеи и политические принципы. Все такие проблески политического размышления и исторического прагматизма, рассеянные в сказаниях о Смутном времени, можно было бы соединить в особый цельный очерк, который составил бы главу из истории русской историографии, изображающую один из переломов в ее развитии. Такого очерка, кажется, требовала бы самая задача исследования, посвященного критическому изучению источников нашей истории, и он мог бы повести к возбуждению вопросов, не лишенных научного значения. Укажем на возможность одного из них.

Раскрывая причины означенного перелома в развитии

русской историографии, исследователь неизбежно остановит свое внимание на том интересе, с каким относились к Смутному времени русские хронографы XVII в. Статьи об этом времени, написанные самими составителями хронографов или другими писателями, занимают видное место в составе русско-исторического отдела этих хронографов. Замечательное исследование Андрея Попова о хронографах русской редакции дало возможность проследить, с какой последовательностью и настойчивостью рос этот отдел в их составе. Первоначально известия, заимствованные из русских источников, являются в этих хронографах робкими прибавками к византийской истории без органической связи с нею. Потом эти известия приводятся в более тесную связь с византийской историей, являются не механическими приставками к ней, а ее составными частями в синхронистическом изложении с византийскими событиями. В хронографах XVII в. русская история делает еще шаг вперед, выступает из установившихся рамок хронографа или, говоря точнее, расширяет их. Со времени падения Византии она разрывает свою связь с судьбами последней и продолжается в одиноком изложении до царствования Михаила Федоровича. Чем далее развивался, все осложняясь, состав русского хронографа, тем более расширялось и это русское продолжение византийской хроники, пока наконец в так называемых хронографах особого состава русская история не выделилась в самостоятельный и притом господствующий отдел: в повествовании до падения Царьграда русские известия исчезают, вырываются из изложения византийской истории и переносятся в русское продолжение хронографа, образуя начало особого русско-исторического отдела, который, постепенно расширяясь, закрывает за собою отдел общеисторический. В этом росте русско-исторического отдела хронографов позволительно видеть отражение поворота, какой совершался в мирозерцании русских книжников, работавших над изложением всемирной истории, которую древнерусские люди изучали по хронографам. Что особенно любопытно, в одно время с этим обособлением русско-исторического отдела и в общеисторический отдел, питавшийся до тех пор почти исключительно библейскими и византийскими источниками, с возрастающим обилием вливаются струи из источников западноевропейских, латинских хроник и космографий. Так с двух сторон расширялся кругозор русской исторической мысли. Был ли связан с этим расширением указанный перелом в русской историографии? Мы видели, что статьи о Смут-

ном времени в хронографе второй редакции, составленном вскоре после Смуты, были одним из первых памятников, если не первым из памятников, в которых заметны и новые приемы исторического изложения, и новый взгляд на исторические явления. В какой мере были внушены эти приемы и этот взгляд знакомством с новыми историческими источниками и новыми историческими мерами, какие открывали русскому мыслителю XVII в. польская *Всемирная хроника* и латинская космография? Вот вопрос, изучение которого, кажется, не было бы лишним в исследовании об историографии Смутного времени.

Но если г-н *Платонов* допустил некоторые пробелы в изучении того, что разбираемые им памятники дают для истории русской политической мысли и историографии в XVII в., зато он старался извлечь из них все, что находил в них пригодным для «истории внешних фактов» Смутного времени. Эти памятники так разнообразны и так много их еще не издано, рассеяно по рукописям разных древлехранилищ, что едва ли кто решится упрекнуть автора за неполноту его критического обзора, в которой он сам сознается⁶. Впрочем, он очень заботливо отнесся к рукописному материалу: из приложенного к исследованию перечня видно, что ему пришлось пересмотреть более ста рукописей разных библиотек. В предисловии он перечисляет вопросы, какие он ставил себе при изучении каждого памятника: он старался «определить время его составления и указать личность составителя; выяснить цели, какими руководился составитель, и обстоятельства, при которых он писал; найти источники его сведений и, наконец, характеризовать приблизительную степень общей достоверности или правдоподобности его рассказа»⁷. Такая критическая программа вполне соответствует основной задаче автора указать, что есть в памятнике пригодного для истории внешних фактов, и исследователи Смутного времени, несомненно, будут благодарны г-ну *Платонову* за его указания, которые помогут им выяснить происхождение и фактическое содержание многих сказаний о том времени, равно как и степень доверия, какого они заслуживают. В разборе большей части памятников, по крайней мере главных, автор обращал особенное внимание на состав их и источники, и здесь благодаря критической чуткости и тщательному изучению и сличению текстов и редакций ему удалось добиться новых и надежных выводов. Многие памятники, как, например, *Иное сказание* и *Временник* Дьяка Тимофеева, еще не были разобраны в нашей литературе с такою обстоятель-

ностью, как это сделал г-н *Платонов*. Вообще тщательная разработка критико-библиографических и библиографических подробностей составляет, по нашему мнению, самую сильную сторону исследования г-на *Платонова*. При чтении в его книге страниц о жизни князей Хворостинина, Катырева-Ростовского и Шаховского внимание невольно останавливается на умении автора мозаически подбирать мелкие данные, рассеянные по разным источникам, и складывать их в цельный очерк, а его привычка точно обозначать источники, из которых он черпает свои сведения, облегчая проверку его выводов, вместе с тем дает возможность видеть, чего стоила ему каждая такая страница: он подобрал в приказных книгах и обозначил в примечании до 60 мест, где упоминается имя князя И. М. Катырева-Ростовского, чтобы на основании этих упоминаний написать в тексте исследования 5 строк о жизни князя Катырева в 1626—1629 гг.⁸ Биографии трех названных писателей XVII в. можно считать ценными вкладами г-на *Платонова* в биографический словарь русской историографии. Все это при основательном знакомстве автора с чужими трудами по избранному им предмету заставляет признать его исследования плодом неторопливой, обдуманно и отчетливо проведенной работы.

Но, внушая доверие к выводам о происхождении, об источниках и составе памятников, исследование г-на *Платонова* не всегда достаточно убедительно в оценке и характеристике этих памятников как исторических источников. Причина этого в некоторой неопределенности критической мерки, прилагаемой к ним исследователем. Мы уже имели случай заметить, что критика автора недостаточно полно захватывает содержание разбираемых им произведений как источников для истории Смуты. Основывая свою оценку на качестве и количестве «фактического материала», какой дает памятник историку, автор не вводит в состав этого материала политических мнений и тенденций, проводимых в памятнике, считая их только «литературными», а не историческими фактами и, таким образом, смешивая или отождествляя не вполне совпадающие понятия исторического факта и исторического события или происшествия. Трудно согласиться с автором, когда он говорит о келаре Авр. Палицыне и дьяке И. Тимофееве; что оба эти писателя, «не только описывая, но и обсуждая пережитую эпоху, нередко выходили из роли историков и вступали на почву публицистических рассуждений», как будто вдумываться в исторические явления, описывая их,— значит выходить из роли истори-

ка: суждение не тенденция, и попытка уяснить смысл явления себе и другим не пропаганда⁹. Некоторая шаткость точки зрения чувствуется и в других суждениях автора. В связи с пятой частью *Иного сказания* он подробно разбирает тождественные с нею статьи хронографа второй редакции о событиях 1607—1613 гг.¹⁰ Он очень основательно доказывает мысль, высказанную еще А. Поповым, что эти статьи принадлежат составителю хронографа, следовательно, отсюда перенесены в *Иное сказание*, а не наоборот. Но он не соглашается с отзывом А. Попова, который признал эти статьи «оригинальным цельным сочинением неизвестного русского автора», т. е. составителя хронографа 1617 г. Он не признает цельности этого сочинения, потому что в нем связные очерки лиц и событий разрываются бессвязными и краткими летописными известиями. Но если даже признать, что эти летописные заметки вставлены в повествование самим составителем его, а не стороннею рукой, то ведь сам г-н *Платонов* заметил, что эти вставки часты только в начале повествования, идущего с 1534 г., и что, чем более повествователь приближается к своему времени, к началу XVII в., тем менее у него кратких заметок и тем более связан его рассказ. Значит, повествователь, меньше зная о времени, которого не помнил, не умел связно изложить заимствованных сведений. Автор, кажется, смешивает цельность состава, принадлежность сочинения одному перу с литературной стройностью изложения. Он не признает и оригинальности произведения, потому что составитель его «не просто сочинял свои показания, а руководился литературными источниками». Едва ли автор написал здесь то, что хотел сказать: он очень хорошо знает, что быть оригинальным историческим повествователем не значит *сочинять* показания, не руководствуясь источниками; иначе редкого историка можно признать оригинальным. Таким образом, не видится достаточного повода к полемике с А. Поповым, особенно когда сам автор признает, что на разбираемом повествовании хронографа «лежит весьма заметный отпечаток оригинальности слога и взглядов»¹¹.

По той же причине читатель едва ли останется вполне доволен разбором *Нового летописца* в книге автора. Обращаясь к разбору этого памятника, одного из важнейших источников для истории Смутного времени, г-н *Платонов* замечает, что «до сих пор ничего не сделано», для того чтобы осветить его происхождение. К сожалению, и колеблющиеся соображения автора недостаточно освеща-

ют происхождение памятника. Он ставит вопрос: не есть ли Новый летописец свод данных, официально собранных при патриаршем дворе для истории Смуты? Этот вопрос внушен автору догадкой Татищева, что Летописец составлен патриархом Иовом или его келейником, а также свидетельством патриарха Гермогена, что он записывал «в летописцах» некоторые события своего времени. Наблюдения над текстом памятника приводят г-на Платонова к заключению, что Новый летописец отличается «внутренней цельностью» повествования: он весь проникнут единством взгляда на события, что указывает на труд одного автора; в нем нет и следа личных симпатий и антипатий составителя, что указывает на позднее происхождение памятника, когда успели уже свеяться непосредственные впечатления Смуты. Однако из дальнейших наблюдений автора над памятником оказалось, что на одни и те же события и лица Новый летописец смотрит совершенно различно, что об одном и том же лице он в одном месте говорит официально-спокойно, а в другом иначе. Таким образом, в Летописце не оказывается ни единства взгляда, ни личного бесстрастия составителя, не оказывается, следовательно, и внутренней цельности. Автор объясняет это излишнею зависимостью составителя от различных источников, которыми он пользовался, его неумением слить «разнохарактерные части своего свода в цельное литературное произведение». К этому автор прибавляет еще, что некоторые статьи Нового летописца по своей отделке и законченности «имеют *все* признаки отдельных сказаний». Кажется бы, все это значит только то, что Новый летописец есть механическая сшивка статей, написанных в разное время разными лицами, или «свод разнохарактерного литературно-исторического материала», как выразился сам автор. Однако через несколько страниц, сводя итоги своих наблюдений, автор отказывается признать Новый летописец летописью, слагавшеюся постепенно, трудом нескольких лиц, и останавливается на том мнении, что «по всем признакам» он был обработан с начала до конца около 1630 г., и притом одним лицом. Сам автор считает нужным сознаться, что приведенные им данные «не решают категорически вопроса о происхождении памятника»¹². Он не мог решить этого вопроса, ограничившись данными одного списка Летописца, на котором он преимущественно основал свои соображения в уверенности, что этот изданный список «счастливо» воспроизвел первоначальный текст памятника¹³. Трудно оправдать такую уверенность в издании, как известно очень

неисправном, и еще труднее винить автора за то, что он не принял на себя действительно «громадного труда» сличения всех многочисленных списков этого памятника, сохранившихся в наших древлехранилищах. Но пожалеть об этом можно. Списки Летописца отличаются значительными вариантами в тексте и составе памятника. Три печатных издания имеют различные начала и концы. Из трех списков, случайно попавшихся нам в руки, один сходен с печатным Никоновским, другой начинается летописным рассказом о разгроме Новгорода в 1570 г., а третий — перечнем бояр, «кто из оных были изменники» с 1534 г. Может быть, изучение списков памятника помогло бы уяснить его происхождение; нашлось же в списках краткой редакции Повести 1606 г. указание на время составления этого сказания.

Наконец, едва ли можно признать прочно установленным принятый автором взгляд на повествование о Смуте, внесенное в состав известного Столяровского списка хронографа. Автор соглашается с г-ном Маркевичем, который считает это повествование довольно полною разрядною книгою частного происхождения, поэтому г-н *Платонов* думает, что этот памятник до сих пор зачислялся в ряды литературных произведений лишь «по недоразумению»¹⁴. Итак, это памятник нелитературный и неофициальный. Можно опасаться, есть ли достаточно оснований для такого приговора. Правда, в рассматриваемом повествовании часто встречаем известия, облеченные в форму разрядной записи или росписи. Но известно, как много в московских летописях XV и XVI вв. подробных выписок из разрядных книг, что не мешает им оставаться летописями и даже литературными произведениями. С другой стороны, известия летописного склада иногда вносились в разрядные книги для связи и в пояснение военно-походных или придворно-церемониальных росписей. Но надобно отличать разрядную книгу с летописными вставками от летописи с разрядными вставками. Оба свода сохраняли свои типические особенности в композиции и приемах изложения и имели особые цели. Если среди разрядных росписей помещались известия, не имеющие к ним прямого отношения, обнаруживающие намерение составителя изобразить общий ход дел, значит, имелось в виду составить не канцелярскую книгу для деловых служебных справок, а историческую, литературную повесть для назидания любознательного читателя. Таких известий очень много в рассматриваемом повествовании, и из них даже без разрядных выписок составила

бы довольно обстоятельная и любопытная повесть, по крайней мере до воцарения Михаила. Что касается до отсутствия риторики и «всякой попытки к построению стройного литературного изложения» у неизвестного повествователя, то не видно, почему его изложение кажется автору в литературном отношении ниже, например, летописи по Воскресенскому списку или ниже Нового летописца, с которым, заметим кстати, у него были и общие источники: как Летописец, несомненно, пользовался разрядными росписями, так и некоторые известия неразрядного характера у неизвестного повествователя напоминают рассказ Летописца, изображая одни и те же моменты сходными чертами. Итак, есть некоторые основания видеть в рассматриваемом памятнике не разрядную книгу, а летопись, составленную по разным источникам, преимущественно по разрядным росписям, не без участия и личных наблюдений, и воспоминаний составителя. По свойству главного источника и по тону изложения, простому, но вместе сдержанному и форменному, трудно предположить, чтобы эта летопись предпринята была по частному почину, а не по официальному поручению. Легко может быть, что вопреки мнению автора мы имеем здесь перед собою памятник не только литературный, но и официальный.

От разбора отдельных памятников перейдем к общим итогам исследования г-на *Платонова* и укажем, что им сделано по избранному предмету и что еще остается сделать. В предисловии к своему труду он замечает, что «историко-критическое изучение сказаний о Смуте во всей их совокупности составляло до последнего времени невыполненную задачу в русской историографии». Без преувеличения можно сказать, что по отношению к ранним и основным сказаниям автор успешно разрешил принятую на себя задачу и тем восполнил один из заметных пробелов в нашей историографии: он осмотрительно разобрался в обширном и разнохарактерном материале, впервые ввел в научный оборот несколько мализвестных памятников, как *Временник* Тимофеева, и удачно распутал несколько частных вопросов в историографии Смуты или подготовил их разрешение. Изучающий историю Смуты найдет в его книге достаточно указаний, чтобы знать, что каждое из основных сказаний о Смуте может дать ему и чего там не нужно искать. Автор не оставил без внимания и памятников второстепенных и позднейших, обстоятельно разобрав те из них, которые отнесены им к разряду биографических и не лишены литературной

цельности и самобытности¹⁵. Но позднейшие компилятивные памятники, равно как и местные сказания о Смуте, характеризованы автором кратко или только перечислены с указанием их источников. Неполнота этого перечня оправдывается обилием таких памятников и трудностью собрать их. Между тем и эти компиляции, составившиеся в продолжение XVII в., не лишены научного значения во многих отношениях. Во-первых, самая многочисленность их показывает, как долго и с каким напряжением поддерживалось в русском обществе внимание к эпохе, столь обильной необычайными явлениями. Потом в них можно встретить отрывки более ранних сказаний, до нас не дошедших. Наконец, эта компилятивная письменность знакомит нас с ходом историографии в XVII в., с ее приемами и любимыми темами, с усвоенным ею способом пользоваться источниками и объяснять исторические явления. Укажу в пояснение на одну рукопись (из библиотеки Е. В. Барсова). По своей основе это список хронографа третьей редакции, относящийся ко второму разряду ее списков по классификации А. Попова¹⁶. Г-н *Платонов* справедливо заметил, что в списках хронографа XVII в. нет возможности установить какие-нибудь точные типы компиляций, потому что каждая рукопись имеет свои отличия¹⁷. Рукопись, о которой говорим, представляет попытку переделать последнюю часть хронографа третьей редакции, изменив состав, какой она имеет в списках второго разряда. Она начинается прямо 151-й главой, рассказом о нашествии крымского хана на Москву в 1521 г., но не потому, что предшествующие главы в ней были утрачены—их и не было. Первые листы списка заняты подробным оглавлением, которое точно соответствует главам, в нем помещенным. В рассказ о нашествии хана составитель вставил видения «праведного нагоходца» Василия-блаженного и других благочестивых людей города Москвы, по-своему описал последние дни и смерть великого князя Василия, руководствуясь известным летописным сказанием¹⁸. Вообще рассказ о временах великого князя Василия и царя Ивана здесь подробнее, чем в списках 2-го разряда третьей редакции хронографа. Смутное время описывается в этих списках по второй редакции хронографа, *Иному сказанию* и *Сказанию* А. Палицына; в нашей рукописи встречаем извлечения еще из *Сказания*, *еже содеяся*, из Соловецкого хронографа и каких-то нам неизвестных источников¹⁹. Так, в рассказе о голоде при царе Борисе встречаем любопытные черты, каких не находим в других сказаниях о том времени. По одной

подробности можно догадываться, где составлена эта переделка: грамота о воцарении Василия Шуйского здесь приведена по тому ее списку, какой был прислан в Тверь к воеводе З. Тихменеву, с пометой 19 июня 114 г.²⁰ Собрав подобные указания списков хронографа, можно будет судить о том, где и как перерабатывались в XVII в. сказания о Смуте.

Особенно нуждается в пополнении обзор местных сказаний, сделанный г-ном *Платоновым*²¹. Эти сказания служат важным дополнением основных общих источников для истории Смуты. Так, в Новом летописце есть краткий рассказ о поражении Лисовского под Юрьевцем²². В списках пространной редакции жития преподобного Макария Желтоводского находим любопытное подробное сказание об этом эпизоде.

Впрочем, указанные пробелы не мешают признать книгу г-на *Платонова* ценным вкладом в русскую историографию, вполне заслуживающим искомой автором премии. Такую цену придают сочинению г-на *Платонова* в высшей степени серьезное отношение автора к своей задаче, основательное изучение материала, критическая наблюдательность и новизна многих выводов.

ИСТОРИОГРАФИЯ

НАБРОСКИ ПО ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ

I

[*Не ранее 1876 г.*]

Я знаю, Вы очень недовольны, что все эти ученые усилия разъяснить варяжский вопрос я назвал явлениями патологии. Вы видите в этом неприличное ученому человеку пренебрежение к почтенным трудам своей братии. Нет, я очень почитителен к ученым своим собратиям, но я привык к некоторой разборчивости в так называемых исторических вопросах. Я думаю, что могут прийти в голову вопросы, не лишенные интереса с какой-либо стороны и вместе лишенные всякого интереса со стороны научной. В книгах, которые так сильно Вас занимают, я не нашел ничего, кроме бескорыстных и обильных потом усилий разрешить один из таких вопросов. Иногда общественная или ученая мысль с особенной любовью обращается к сухим, бесплодным мелочам в области знания, как иногда¹ является особенный аппетит на черствое и кислое. А ведь такой поворот в умах есть несомненно симптом общественной патологии.

Я, собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманской и славянской, и это равнодушие выходит из научного интереса. В тумане ранних известий о наших предках я вижу несколько основных фактов, составляющих начало нашей истории, и больше их ничего не вижу. Эти факты, которые приводят меня к колыбели нашего народа, остаются те же, с тем же значением и цветом, признаю ли

¹ *Далее зачеркнуто: желудок.*

я теорию норманистов или роксоланистов. Поэтому, когда норманист или роксоланист начнут уверять, что только та или другая теория освещает верным светом начало русской национальности, я перестану понимать того и другого, то есть становлюсь совершенно² равнодушен к обоим.

Погодин с братией уверяет, что без известной саги, объясненной по-ихнему, не поймешь начало русской народности и Русского государства. Иловайский с предшественниками своими уверяет, что эта легенда изображает совершенно превратно начало нашей народной и государственной жизни и что узлы вопроса об этом начале разрешаются легко и просто, как скоро мы предположим, что Русь—это славяне, роксолане, водворившиеся на Днепре вокруг Киева. Другие не понимают первых страниц истории нашего народа, если Рюрик и его преемники были не из мордвы или Хазарии и т. п.

Вы можете понять, что здесь есть нескладница: вы еще не настолько погрузились в ученость, чтобы приобрести тот ученый ум, который умеет мудрено понимать простые вещи, предоставляя³ тяжелую обязанность поступать наоборот⁴ столь пренебрегаемому им здравому рассудку. Я ничего не имею против специальных исследований о происхождении имени Русь и о роде-племени первых русских князей. Я охотно готов читать разыскание о том, славянскому или скандинавскому племени принадлежало имя Русь, славянин или немец был дед кн[язя] Владимира и откуда взяты его мать, бабушка и т. д. Большой поклонник физиогномики, веруя⁵ во влияние темперамента на историческую деятельность лица и в связь темперамента с наружностью, я даже сам с удовольствием занялся бы исследованием о том, блондины или брюнеты преобладали в роде первых русских князей. Я решительно порицаю насмешливое отношение к ученой пытливости, обращенной на подобные вопросы,—но только⁶ если она ограничивает научное значение своих разысканий пределами этнографической номенклатуры или генеалогической химии. Но⁷ когда исследователь подобных вопросов идет прямо в область настоящей, научной истории и⁸ говорит, что он разрешает именно вопрос о происхождении рус-

² Далее зачеркнуто: к ним.

³ Далее зачеркнуто: право.

⁴ Далее зачеркнуто: своему предку.

⁵ Далее зачеркнуто: связь силы.

⁶ Далее зачеркнуто: до тех пор пока она не идет далее.

⁷ Далее зачеркнуто: если ученый заходит с подобными вопросами.

⁸ Далее зачеркнуто: уверяет.

ской национальности и Русского государства, будет жаль, если он не остановится на границе и не вспомнит, что национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или другого князя и не от того, на балтийском или азовском поморье зазвучало впервые известное племенное название.

Вот одна, и для меня самая важная, сторона⁹ недавней полемики по варяжскому вопросу. Еще не отваживаясь судить, насколько правильнее¹⁰ разрешается возбужденный вопрос о славянском происхождении Руси, я считаю себя вправе сказать, что он не совсем правильно поставлен. Неправильность эта¹¹ происходит, во-перв[ых], от недостатка скромности¹², недостатка умения исследователей ценить значение¹³ своих работ, во-вт[орых], от недостатка в них прагматизма, умения находить настоящее место и взаимное отношение истор[ических] фактов.

Итак,—повторяю еще раз—я совсем не против вопроса о происхождении имени Русь и первых русских князей, совсем не против пользы¹⁴ исследований подобных вопросов, а только против того положения, что в этом вопросе ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни.

Я никак не мог убедить себя в этом, хотя и соблазняла меня легкость подобного¹⁵ разъяснения важ[ных] исторических¹⁶ вопросов. И вот что именно мешало мне прийти к такому успокоительному заключению.

Новые теории о происхождении Руси выступают с так[им] шумом и такими мужеств[енными] физиономиями, как будто они вверх дном¹⁷ ставят все основные факты, которыми открывается наша история. Когда я попытался воспроизвести эти настоящие исторические факты, которыми действительно знаменуется начало нашей национальности и нашего государственного быта, и потом сопоставил с ними эти новые теории, я нашел, что¹⁸ первые остаются в том же положении, какое заняли они под игом

⁹ Далее зачеркнуто: в.

¹⁰ Далее зачеркнуто: или, вероятнее, новые теории от старых.

¹¹ Далее зачеркнуто: заключается главным образом в не[скромности].

¹² Далее зачеркнуто: в нежелании видеть настоящее.

¹³ Далее зачеркнуто: вопроса.

¹⁴ Далее зачеркнуто: подобных разысканий.

¹⁵ Далее зачеркнуто: объяснения начала нашей жизни.

¹⁶ Далее зачеркнуто: жизни.

¹⁷ Далее зачеркнуто: поставили.

¹⁸ Далее зачеркнуто: они.

норманистов, которое, вероятно, сохраняют и¹⁹ при нашествии всех будущих теорий. Перечислю эти факты и поставлю рядом с ними выводы, наприм[ер], г. Иловайского.

Сущность теории г. Иловайского, развитой в целом ряде статей, и догматических и полемических, можно выразить в следующих положениях:

1) Русью или правильнее Росью в обширном смысле назывались почти все восточнославянские племена, в IX в. обитавшие в бассейне верхнего и среднего Днепра. Поляне, северяне, дреговичи и проч[ие] суть только ветви этого племени. Прежде²⁰, с I в. нашей эры приблизительно, оно было известно под именем антов или роксолан, издавна обитавших в Восточной Европе, в странах приазовских и приднепровских. Название этого племени произошло от имени, которое носили многие реки Восточной Европы и в корне которого скрывается понятие реки вообще. Впоследствии Русью в тесном смысле стала называться та ветвь роксоланского племени, которая соединила остальные ветви в одно государственное целое, именно — поляне. Раз[ыскание о начале Руси, с.] 259²¹, Ист[ория России, с.] 17 и сл.

2) Варяги не имеют никакой этнографической связи с Русью. Это скандинавские дружины, нанимавшиеся на службу у киевских русских князей.

Из этих двух положительных выводов вытекает²² отрицательный:

Русь — вовсе не пришлое скандинавское племя, и сказание о призвании князей из несуществовавшего племени варягоруССов вымышлено книжниками: скандинавских князей между русскими славянами никогда не существовало.

Далее 3) Рось — поляне под предводительством своих племенных князей (приблизительно с IX в.) — начала из Киева объединение родственных ей племен восточных славян вверх и вниз по Днепру, налагая на них дань. Поднимаясь вверх, она распространила свои завоевания до Новгорода; спускаясь вниз, покорила угличей и тиверцев (последних, кажется, не вполне)²³, а притоками нижнего

¹⁹ Далее зачеркнуто: под всеми будущими учеными игами.

²⁰ Далее зачеркнуто: оно.

²¹ Над цифрой позднейшие карандашные приписки В. О. Ключевского: и 263 и 269.

²² Далее зачеркнуто: вывод.

²³ Над зачеркнутыми: восточными.

Днепра и Азовского моря рано проникла²⁴ на берега²⁵ последнего, бывшие колыбелью всего племени и где еще оставались значительные его поселения. Здесь она подчинила себе обитавшее по обоим берегам Боспора Киммерийского слав²⁶ [янское] племя черных болгар, освободив их от хазарского ига; так возникла около половины IX в.²⁷ русская Тмутараканская²⁸ область, бывшая потом особым княжеством.

Рядом²⁹ с этим положением, объясняющим, как началась наша история³⁰, идет разбор того, как произошла легенда, изображающая это начало совсем иначе. Наша история завязалась в Киеве, а легенда сложилась на другом конце Руси, в Новгороде. Сказание о призвании князей из-за моря составилось здесь в начале XIII в. под влиянием, во-перв[ых], тогдашнего обычая³¹ н[о]в[го]р[о]дцев призывать к себе князей и, во-вто[рых], деятельных торговых сношений с заморской Ганзой.

Забудем норманскую и всякую другую теорию³², примем выводы, сейчас изложенные, и посмотрим³³, какие перемены произойдут в наших представлениях о начале нашей истории.

Во-первых, мы освобождаемся от массы противоречий³⁴, неясностей и неразрешимых вопросов, которыми наполнили первые страницы нашей истории Погодин и его предшественники. Где жила скандинавская Русь, как водворилась она в Новгороде, как так быстро заговорила по-славянски³⁵, откуда явилась она в пределах нашего отечества до летописного призвания и т. п.³⁶—с удовольствием можно забыть все, что в течение века написано обо всех этих загадках, оставшихся неразгаданными и доселе.

Во-вторых, встречаем ряд новых противоречий и³⁷ вопросов, созданных новой теорией. Укажем наиболее важные и резкие, с первого взгляда бросающиеся в глаза.

²⁴ Далее зачеркнуто: утвердилось.

²⁵ Далее зачеркнуто: Азовского моря. откуда.

²⁶ Далее зачеркнуто: едино [племя].

²⁷ Далее зачеркнуто: основала здесь.

²⁸ Далее зачеркнуто: владение, ставшее.

²⁹ Над зачеркнутым: в связи.

³⁰ Далее зачеркнуто: стоит критика легенд[ы].

³¹ Над зачеркнутым: города.

³² Далее зачеркнуто: возьмем.

³³ Далее зачеркнуто: что.

³⁴ Над зачеркнутым: недоразумений.

³⁵ Далее зачеркнуто: что за.

³⁶ Далее зачеркнуто: обо всем этом.

³⁷ Далее зачеркнуто: ряд.

1) Если легенда о призвании князей не скрывает в себе никакого исторического факта, не заимствована даже из старинного народного предания и сложена книжниками из современных явлений новгородской жизни XII—XIII вв., то зачем она так резко расходится с последними? Князья призывались тогда с приднепровского Юга, чаще всего из Киевской Руси, откуда, по Ил[овайскому], пришли они в Новгород и в³⁸ IX в., а легенда призывает их из каких-то варягов Руси, которых никто не знал в Новгороде в XIII в.

2) При всем беспристрастии надо сказать, что имена первых князей остаются неславянскими и после объяснений г. Иловайского. Как бы чувствуя это, автор обращается к тому общему соображению, что в те времена языки³⁹ славянский и германский еще не разошлись так далеко, как теперь⁴⁰, и иные слова и имена трудно присвоить исключительно одному из них⁴¹. Но отсюда следует, конечно⁴², что тогда⁴³ немецкие слова и имена были понятны славянам, а не наоборот.

3) Объединительное движение с юга, из Киева, вверх по Днепру не подтверждается ни *одним*, даже легендарным, свидетельством источников: это чистая догадка, выведенная из гипотезы о туземной Киевской Руси. Напротив, обратное движение, с севера, из Новгорода, вниз по Днепру, описано в летописных известиях об Олеге, которые до занятия последним Киева отличаются такою же простотою и так же чужды сказочных примесей, как одно из них — о дани на содержание варяжского гарнизона в Новгороде, — которое сам г. И[ловайский] считает одним из наиболее достоверных в Начальной летописи⁴⁴. Ср. сказание в ж[итии] Клим[ента].

4) Появление сейчас упомянутого варяжского гарнизона в Новгороде г. И[ловайский] относит к концу IX в. Признавая известие о нем одним из наиболее достоверных, он, однако ж, старается отодвинуть появление варягов в России как можно далее от начала ее истории и в других местах говорит о приездах норманских наемников только в XI и XII вв.⁴⁵

³⁸ Далее зачеркнуто: VIII.

³⁹ Над зачеркнутым: наречия.

⁴⁰ Над зачеркнутым: но отсюда следует.

⁴¹ На полях сноска: Раз[ыскания, с.] 303.

⁴² Слово позднее вписано В. О. Ключевским карандашом.

⁴³ Далее одно неразборчивое слово.

⁴⁴ На полях сноска: Раз[ыскания, с.] 239.

⁴⁵ На полях позднейшая карандашная сноска: ib., [с.] 278. на-
прим[ер].

5) Гипотеза о происхождении болгаро-русского Тмутараканского княжества очень приятна: она так легко объясняет некоторые темные известия XI и XII вв.—хотя вся она основана единственно на статье Игорева договора с греками, обязывающей русского князя не пускать на Корсунь черных болгар. Г[осподин] И[ловайский]⁴⁶ видит в этом прямое указание на зависимость черных болгар от Игоря; другой этого вовсе не увидит: Святослав также обязался грекам не пускать на Дунайскую Болгарию неприятелей⁴⁷. Несмотря на это, я охотно принял бы гипотезу о Тмутаракани. Но тогда я не знаю, что отвечать на одно возражение. По мнению г. И[ловайского], Русь уже при Олеге владела берегами Боспора Киммерийского, занимала города Корчев и Тмутаракань⁴⁸. Эта Тмутараканская Русь преимущественно была знакома с морем, ходила грабить каспийские берега, торговала с Византией; она помогала и Руси Днепровской в морских предприятиях. В договорах Олега и Игоря с греками находим условия о положении в К[онстантинопо]ле русских купцов из Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка и др., а о купцах из Корчева или Тмутаракани нет ни слова. Неужели русские купцы из Ростова ездили в Царьград, а русские купцы с берегов Боспора не ездили?

II

[1876 г.]

После диссертации Погодина* интерес к варяжскому вопросу ослабел: утомились ли самим спором или смутно почувствовали его научное бесплодие, только он до того потерял цену, что ученый, предпринявший историю России по строго прагматической программе, нашел возможным и научным повторить некоторые шлёщеровские и погодинские положения и, ничего не прибавив к ним, ничего не уяснив лучше прежнего, обойти спорный факт, как неважный для науки. Известный турнир Костомарова и Погодина* также готов был пройти бесследно для науки, оставив лишь в памяти читающего общества невиданную картину ученого поединка, судебного процесса из-за научной тяжбы.

Отрывки исследования о варягах, изданные г. Гедеоно-

⁴⁶ Далее зачеркнуто: говорит.

⁴⁷ Далее зачеркнуто: греков. На полях сноска: «Ист[ория России], с.] 56.

⁴⁸ На полях сноска: *ibid.*, 35 [с.].

вым*, составили новую эпоху в развитии спора. За ними следовала целая литература, которую уже теперь становится трудно прочитать, еще труднее изучить и понять. Появились сочинения Щеглова, Иловайского, Ламбина, Васильевского, Куника, новые статьи Погодина и — наконец — книга Забелина*.

Когда читаешь все эти труды и сравнишь их с прежними, прежде всего подумаешь: то же и о том же, те же приемы и результаты. Но это не совсем верно: есть значительная перемена. Прежде господствовало критическое направление в исследовании вопроса: одна сторона разбирала источники, чтобы отстоять летописную легенду; другая, опровергая ее, обращалась к другим источникам, чтобы доказать другое, чаще — чтобы приурочить легенду к другому выводу. Теперь в большинстве исследований господствует творческое направление: торопливо покритиковав спорные известия, спешат составить из них новое сказание о начале Руси, иногда прямо противоположное летописному, или же дать последнему такое толкование, которое делает сагу на себя не похожей. Вообще можно сказать, что легенда о призвании перестала служить средоточием исследований; ученые вступили в полемику с летописцем, перестав быть его комментаторами, и хотят не только доказать, что он написал неверно, но и указать ему, что он должен был написать. Геденон служит переходом: наполовину он еще критик, а наполовину уже постройитель, реставратор исчезнувшего факта. Только г. Васильевский держится в положении строгого критика, защитника падающего кредита легенды.

Рядом с этой особенностью новой литературы вопроса обозначается и другая: это значение филологии, какого она не имела прежде. Сближения форм, сравнение слов, толкование имен — вот на чем строятся преимущественно новые гипотезы. Личные имена князей и частных лиц первых веков, чуть не вся географическая номенклатура пересмотрена и истолкована с разных точек зрения.

Когда мы, сидевшие и учившиеся под опекой¹ норманской гипотезы, прочитали все эти изыскания, мы узнали одну поразившую нас новость. Этой новостью не был исторический факт, которым открывается наша история. Совсем нет: это было состояние ученой мысли у нас, которого мы не подозревали. Мы думали, что с тем запасом сведений о начале нашей истории, которым

¹ Слово написано В. О. Ключевским карандашом поздней текста отрывка: сению.

располагает наука, ничего нельзя сделать больше сделанного прежними критика[ми]. Ученость и строгость последних, остроумие и насмешливость некоторых, специальная и бесплодная работа над вопросом — все это запугало нас. Мы боялись сделать новую догадку, поставить² факты в новую комбинацию, не сделанную прежде; мы считали это праздной игрой в гипотезы после массы потраченных знаний и усилий со стороны исследователей, для которых вопрос вовсе не был полем для такого развлечения.

Этой робости нельзя отказать в сочувствии: это было своего рода ученое целомудрие или, лучше сказать, ученая дисциплина. Она основывалась на том правиле, что не следует сбивать с толку других, уверяя их в том, в чем не убежден сам, и не следует убеждаться в том, что не имеет достаточных оснований. Но в интересе беспристрастия надобно сознаться, что наша скромность создавала странное положение в науке гипотезе норманистов. Мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней, как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол как ненужный, но требуемый приличием обряд. Так плотник, прежде чем приступить к работе, постукает без всякой цели по дереву, которое собирается³ рубить. Потом мы рассказывали, как будто и нет спора, о варягах с братией.

III. ЗНАЧЕНИЕ ВАРЯЖСКОГО ВОПРОСА

[1890-е годы]

Байер и Миллер сделали первые приступы к ученому решению варяжского вопроса. Кое-что выяснили. И постановка, и решение этого вопроса страдали важными методологическими недостатками. Ученые академики-иностранцы взялись за него поневоле: это был один из тех начальных и самых капитальных из тех¹ вопросов нашей истории, в котором их историческая ученость соприкасалась с историей страны, куда они призваны были гастролировать своими знаниями, разрабатывая ее нетронутую историю. Незнакомые или мало знакомые с языком этой страны и с туземными источниками ее истории, они охотно ухватились за этот вопрос, который надеялись

² Далее зачеркнуто: со [поставить].

³ Над зачеркнутым: будет, намере[н].

¹ Слово написано над строкой.

удовлетворительно разрешить по знакомым им источникам скандинавским, латинским и византийским. В этом состояла их первая ошибка. Как можно было ставить и решать вопрос русской истории, не зная, как он стоит в основном русском историческом памятнике, в Начальной русской летописи? Но эта летопись тогда была еще оч[ень] мало известна даже русским книжным людям. Ни Лаврентьевский, ни Ипатьевский списки ее не были еще найдены. Байер слышал про снятую по заказу Петра I копию Кенигсбергского списка конца XV в. и считал ее автором преп[одобного] аббата Феодосия Печерского, будто бы современника Владимира Мономаха. Он не знал, что даже в этом сравнительно позднем списке нет и помину о Гостомысле, к[ото]рого он вводит в сказание о призвании князей, а Синописис — не летописец.

Не знакомые с Начальной летописью, русские академики-иноземцы впадали в другую ошибку: они не могли уяснить себе, с чем они имеют дело в этом сказании: с народным преданием, поэтической сагой или с известием какого-либо другого рода. А ведь приемы историч[еской] критики разнообразятся по происхождению и свойству критич[еского] материала. Теперь, когда состав Начальной летописи достаточно изучен, видно, что сказание о призвании князей не народное предание, а только составленная по народному преданию ученая теория русского книжника начала XII в. Такие теории и тогда составлялись так же, как и гораздо позднее, в ученые времена: темные факты старины истолковывались применительно к современным или недавним явлениям, с ними однородным. Это и помогло составителю Начального летописного свода поставить у порога нашей истории мирное призвание и водворение заморских князей в нашей земле. Если не сам Сильвестр Выдубицкий, то отцы его сверстников знали и помнили подобные мирные призывы и приходы варягов, бывавшие еще при Ярославе I, и до самой смерти Ярослава в Новгороде содержалась наемная варяжская дружина, получавшая плату за свои сторожевые услуги. В XI в. также призывы не сопровождались захватом власти наемниками, превращением условленной наемной платы в принудительную дань с нанимателей, как с покоренных. Но даже составитель Начальной летописи, уже не понимавший таких превращений, не мог скрыть следов подобного захвата, донесенных до него из IX в. преданием. Да, именно таким случаем и начинается ряд варяжских сказаний, занесенных в Начальную летопись: «имаху дань варязи из заморья», за что их и прогнали туземцы,

вероятно недовольные своим превращением из хозяев-наемников в данников, как потом хотели прогнать и Рюрика из боязни стать его «рабами», по выражению летописи. Но Рюрик удержался на месте и из варяжского бродяги-кондотьера превратился в родоначальника русской династии. Из двух моментов таких варяжских историй, *призыва* по найму и *захвата* власти наемниками, русские люди XI—XII вв. по недостатку аналогичных современных явлений уже не понимали второго, не раз повторявшегося в IX и X веках, и, затирая его в своих варяжских воспоминаниях, усиленно подчеркивали первый, им более знакомый. Под влиянием такого неполного, одностороннего взгляда на дело и сложилось несколько идиллическое летописное сказание о призвании князей, которых звали будто бы для того, чтобы они «владели и судили по праву» призывавших. Ученый и степенный книжник XII в., привыкший к гражданскому порядку и дороживший благами княжеского управления, превратил следствия захвата в причины призвания князей, скандал княжеской² узурпации покрыл политической программой народного договора с князем.

Байер и Миллер комментировали сказание о призвании просто как темное историческое известие, не вдаваясь в объяснение его происхождения и характера. Не зная происхождения и состава нашей Начальной летописи, они не могли и знать, что между ними и летописным сказанием стоит их же собрат по профессии — ученый русский книжник начала XII в. и такой же решительный норманист, как и они. Потому им следовало начинать изучение вопроса не с того, что случилось с варягами-Русью на новгородском Севере около половины IX в., а с того, почему русские книжные люди 2¹/₂ столетия спустя так представляли себе случившееся. Потому же они брали и вопрос не целиком, а частично, пытались выяснить себе не столько самое событие, скрывавшееся в сказании о призвании варягов-Руси, сколько племенное происхождение этих последних. И при такой односторонней постановке вопроса они пытались решить его независимо от нашей Начальной летописи, не принимая в соображение или принимая недостаточно ее взгляд на это дело.

А в ее взгляде заметно некоторое колебание: то она как будто считает варягов одним из немецких племен Северной Европы, когда в перечне народов Афетова колена ставит варягов, как и Русь, рядом с свеями,

² Над строкой: пиратской.

урманами, Русь, агняне, то решительно принимает варягов за родовое, общее название всех этих племен и с Русью, когда, рассказывая о призвании князей, говорит: «И пошли за море к варягам, к Руси, потому что так звались эти варяги—Русью, к[а]к другие, т. е. варяги, зовутся свеями, а другие урманам, англянами и проч. (Лавр[ентьевская летопись, с.] 4 и 18—19). И это колебание необходимо было принять в расчет: оно наводит на мысль, что название варягов у нас узнали от них самих, а не из других каких-либо источников и объясняли его по-своему. Потом возражали против этого, что названия, соответствующие этой русской форме *варяг*, в скандинавских и византийских памятниках появляются не раньше XI в., у Снорро Стурлезона (ум. в 1241 г.)—*vaering*, у Кедрина (до 1057 г.³)—*Вараѡѡс*. Но и наша *Повесть временных лет* писана около половины XI в., а Начальный летописный свод составлен в начале XII в., и нет никакой необходимости думать, что эти заморские пришельцы уже в половине IX в. назывались у нас варягами. Но, колеблясь в этнографической классификации варягов, наша Летопись не сомневается в их племенном неславянском происхождении, и не могла сомневаться. Она решительно противопоставляет варягов славянам (Лавр[ентьевская летопись] с. 19 и 28: «Тии суть люди Ноугородьци... А язык словенский и русский одно есть...»). Знал составитель летописи варягов по позднейшим приливам их в XI в., даже после Ярослава (Шимон Патерика Печерского). Русская Правда по списку Оболенского: «Варяг крещения не имеа». Язык их, если бы он был славянский, помешал бы противопоставлять их славянам.

Немцы-академики решили вопрос о племенном происхождении варягов согласно с Летописью, но социальное их положение определили односторонне, как *hominesobiles, socii in bellis et s*⁴ (Байер). Летопись в своих рассказах выводит их еще и купцами, проходящими в Византию или оседавшими по русским городам, а так[же] беспокойными бродячими искателями добычи и наемного труда.

Следствия обеих методологических ошибок, затруднявшие разрешение варяжского вопроса: 1) Не касаясь факта, скрытого в сказании о призвании князей, сосредоточивали внимание на решении побочных вопросов, которые без выяснения этого факта и не могли быть разре-

³ Над строкой: 1034.

⁴ Воины благородного происхождения (лат.).

ны удовлетворительно; 2) Дали опасное филологическое направление историческому вопросу, превратили его в комментарий слов, а не событий; 3) Не положив критического изучения летописного сказания в основу исследования, подорвали доверие к своим выводам, которые оттого получили вид их субъективных тенденциозных догадок, а не толкований исторических взглядов русских книжных людей XI—XII вв.; 4) Сказочно-грубым изображением призвания (начало статьи Байера)* задели щекотливое национальное чувство и надолго лишили русскую историческую мысль способности с научным спокойствием отнестись к вопросу. *Игровой вопрос.*

Как излагать начальные факты нашей истории в среднеучебном заведении, покрывая летописные сказания авторитетом книжных людей XI и XII вв.?

IV. ВАРЯГИ—РУСЬ

[1890-е годы]

Этот вопрос более ста лет занимает исследователей русской истории и доселе остается не вполне разрешенным. Причина этого заключается в сбивчивости известий о варягах и Руси, какие сохранялись в наших древних памятниках. Начальная летопись считает Русь варяжским племенем, а варягов то признает общим названием разных германских народов, обитавших в Северной Европе, преимущественно по *Варяжскому* (Балтийскому) морю, каковы шведы, готы, англты, то как будто видит в них особое племя, принадлежащее к числу этих народов наравне с Русью. В летописных сводах XVI в. появляется сказание о призвании первого русского князя из *Прусской* земли.

Гедеонов. Русь по Балт[ийскому] морю, [с.] 39 и сл., с остр[ова] Рюгена, [с.] 52. Варяги от Полабского warang (меч), смешанное их происхождение скандинаво-славянское, [с.] 154—168.

Известия о Руси в IX в.: Берт[инские] летописи 839 г., Фотия в Беседах и Послании Заб[елина], [с.] 432 и 436, Никиты Пафлагонского, ib., [с.] 433 пот, в житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского*, известие аль-Катиба о Русе 844 г., Гаркави*, [с.] 63, Хордадбе, ib., [с.] 49. Русь—славяне. Из всех этих известий видно, что *Рось в IX в. народ или класс*, недавно, около половины IX [в.], покоривший вост[очно]славянские племена, с скандинавской примесью, сильный на море торговлей и наездами. Ср. Сол[овьева т. 1, с.] 104. Происхождение слова неизвестно, но то, что им обозначалось, д[овольно] явно выступает в иноземных известиях IX в.

ОБЗОР¹ ИСТОРИОГРАФИИ С ЦАРСТВОВАНИЯ И[ОАННА] ГРОЗНОГО. ИСТОРИОГРАФИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

1891, 1895 гг.

[§] 1. Господство летописи в древнерусском бытописании до конца XVI в. Слияние с хроногр[афами] в XVII в. Летописные приемы и самое *миросозерцание летописца* в *повестях* и *сказаниях* об отдельных событиях и лицах. Летописные эпизоды.

Это *повествование* нельзя назвать историческим, которое отличается от летописного и порядком² изложения, и самой задачей рассказа. *Хронологическая последовательность* явлений в летописи; она устанавливает порядок и связь событий; отсюда сопоставление различных по происхождению и характеру, но *одновременных* явлений; *синхронизм*—главная опора летописца и даже в некоторой мере указатель *разума* жизни: одновременность различных по происхождению явлений для летописца не совпадение случайностей; он ищет в них общей цели, одинакового смысла. В историческом повествовании хронологическая последовательность как руководящий прием изложения заменяется *прагматическим подбором* явлений с целью установить их причинную связь, генетическое отношение. Для этого³ собирание материала и его критическая разборка, научный аппарат. Различие приемов от разницы

¹ *Наверху*: Взгляд летописца. П. С. Л., [т.] 4, [с.] 118—119.

² *Над строкой*: приемами.

³ *Ниже приписка*: Карамз[ин] о летописце и историке. [т.] 1, р. XXV.

задач. Летописец *наблюдает* жизнь, отмечая текущую минуту; историк *изучает* общежитие, восстанавливая минувшее. Летописец ищет поучительных *явлений*, каких бы ни б[ы]ло; историк добывается достоверных *фактов*, складывающихся из однородных явлений⁴. Поэтому и историческое *размышление* существенно отличается от летописного. Историография изучает происхождение и действие явлений, спрашивает, откуда все пошло и как идет; предмет его изучения — рост общежития, механика исторического процесса. Летопись, напротив, ищет в явлениях не начальных, а *конечных* причин; она из св. писания, из боговдохновенного источника знает, откуда и как потекла человеческая жизнь; генезис общежития для нее богооткровенная истина, а не научная задача. Точно так же и механизм исторического процесса для летописца не составляет загадки⁵: для него это не развитие и действие исторических сил⁶, строящих людское общежитие, а борьба двух начал, добра и зла, борющихся за человека. Это борьба идет позади исторической сцены, но ее ход сказывается в переменах сценической обстановки, которой окружен предмет борьбы — человек. Сопоставление⁷ явлений по цели, не по генетической связи: ист[ори]к разделяет одновр[еменные] с один[аковыми] следствиями и различ[ными по] происхожд[ению]; одновременные неурожай и война для историка и летописца. Для ист[орика] нет *целей*, а только *следствия*, прагмат[ический], не телеол[огический] подход. Противопол[ожные] точки зрения: один на начало, не видя конца, другой только конец, зная начало. Непрерывный прогресс с неизвестным концом и временная драма, эпилог которой знает летописец наизусть. Стр[ашный] суд миров[ой] генер[альный] расчет ликвид[ация?]. Моралист-повествователь⁸.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

§ 2. Итак. Граница между летописанием и историографией слагается⁹:

1) из цели или задачи, какую ставит себе тот и другой род бытописания, и 2) из приемов повествования¹⁰.

⁴ *Над строкой:* Урок и знание.

⁵ *Над строкой:* видеть пружины.

⁶ *Над строкой:* Курс *, [с.] 111.

⁷ *Над строкой:* Изучение перемен.

⁸ *Помета:* Друг[ая] тетр[адь], р. 1, § 2.

⁹ *Над строкой:* обозначается.

¹⁰ *Помета:* Другая тетр[адь], р. 1—3, з.

Задача летописца — удержать в памяти людей текущие события; цель историографии — восстановить в сознании людей смысл минувшего.

Потому летопись наблюдает *текущую* жизнь, стараясь изобразить ее в порядке ее движения; историография объясняет *прошедшее*¹¹, воспроизводя минувшие явления в их внутренней связи, в непрерывном сцеплении причин и следствий, чтобы и таким способом уследить рост жизни.

По роду и связи явлений, не по порядку *событий*¹². Летописное мышление обращено на разрешение вопроса, как, в каком порядке идет жизнь; цель мышления исторического уяснить, *почему* она так идет. *Основание летописного метода*¹³ — хронологическая последовательность событий, у историка — прагматическая связь явлений.

Более углубленного разграничения обоих родов бытописания нам и не понадобится для изучения первых опытов русской историографии.

Но точка зрения, самый взгляд на происхождение и смысл человеческой жизни, на скрытые силы, ее производящие и направляющие, могут быть одинаковыми¹⁴ у летописца и историка: оба могут быть провиденциалисты, моралисты и т. п.¹⁵

ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

§ 3. Даже источники у того и другого иногда одинаковы. Историк может рассказать о своем времени по непосредственным наблюдениям собственным или своих современников, очевидцев или участников событий (Тацит). С другой стороны¹⁶, древнейшие русские летописные своды составлены много спустя *post factum*, по первичным летописям и другим памятникам.

§ 4. В этих летописных *сводах* и надобно искать зачатков русской историографии. Сводя свои источники, сост[авитель]¹⁷ свода уже не *наблюдает*, а *изучает*. Непосредственные наблюдения современников для него не

¹¹ *Далее зачеркнуто*: стараясь воспроизвести.

¹² *Далее зачеркнуто*: цель.

¹³ *Над строкой*: Методолог[ическая] руковод[ящая] нить у летописца.

¹⁴ *Над строкой*: сходны.

¹⁵ *Абзац позднее был заключен Ключевским в скобки, а на полях*: знак вопроса.

¹⁶ *Сноска Ключевского*: Проблески ист[орической] мысли в памят[никах] лет[описного] бытопис[ания] в самой лет[описи]. Немного летописей в соб[ственном] смысле в подлин[ом] виде.

¹⁷ *Над зачеркнутыми*: он.

живые впечатления, а отдаленные воспоминания, надгробные надписи, а не рассказы о живых людях. О давних делах, изучаемых им по чужим рассказам, он знает больше самих рассказчиков: те¹⁸ говорят ему, как эти дела шли, а он умеет еще рассказать, к чему они *привели*. Потому минувшее для него уже предмет не только любознательности, но и размышления, и, описывая его с целью¹⁹ летописца, он невольно и незаметно для самого себя становится на рубеже между летописанием и историографией, усвая новые *приемы* изучения и изложения.

§ 5. *Ранние* и робкие *попытки* такого повествования встречаем в *Волынской летописи*, своде XIII в. Летописные рамки стесняют составителя, и он не раз пытается вырваться из них, разрывает хронологический порядок событий и подбирает их по внутренней причинной их связи: Ип[атьевская летопись, с.], 544²⁰. Он подвергает некоторой обработке, группирует материал, доставшийся ему от первых летописцев, и, собираясь излагать его, бросает предварительный общий взгляд на предпринимаемый рассказ, наперед характеризует его содержание, дает читателю нечто вроде программы. Таким образом, он чувствует потребность заменить погодный перечень событий прагматическим их изложением и, разрывая хронологическую нить летописи, пытается сплести из нее сложную ткань исторического процесса: Ип[атьевская летопись, с.], 501²¹. «Начнем же сказати бесчисленные рати, и великие труды, и частые войны, и многие крамолы, и частые восстания, и многие мятежи, из млада бо не бы има (Романовичам Дан. и Вас.) покоя».

Следы подобной обработки летописного материала находим и в другом летописном своде, известном под неправильным названием *Тверской летописи*. Этот свод составлен в Ростовской области в 1534 г.²²

[МЕМУАРЫ]

§ 6. Трудность перехода от летописи к историографии: это переход не только от одного способа повествования к другому, от наивного к научному, но и перелом мышл[ения]; для этого надобно одно мирозерцание

¹⁸ Над зачеркнутым: они.

¹⁹ Далее зачеркнуто: и приемами.

²⁰ Над строкой: г[од] 1254.

²¹ Над строкой: г[од] 1227.

²² Далее почти лист оставлен чистым, затем помета: Перед сим переход к истор[иографии]. Др[угая] т[ет]р[адь], р. 3. Мемуары.

заменить другим, и это еще труднее. Переходная форма повествования — *записки или мемуары о своем времени*, а также *переписка*. Современники и участники описываемых событий — уж не летопись. Связь и порядок явлений не летописные — не просто хронологическая последовательность, но²³ отношение к²⁴ личному существованию. Автор прямо или скрытно — не только главное действующее лицо повествования, но и судья. Но [это] еще не *историография*: господствующий интерес биографический²⁵; источник — не изучение, а наблюдение, как у лет[описца]; цель — не внутренняя причинная связь явлений, а их внеш[няя] связь с известной личной жизнью. Мемуарист еще не историограф, но уже ист[орический] мысл[ите]ль.

В древнерусской письменности записки совр[еменни]ков или их переписка вызывались исключительными явлениями, какие приходилось переживать²⁶, или исключительными *положениями*²⁷, в какие становились некоторые лица. Те и другие — спутники и симптомы коренных исторических переломов. Появление записок в XVI в. Политическая борьба, сопровождавшая образование Московского государства, и развязка, какую дал ей Грозный. Участники необычайной борьбы пытались объяснить ее происхождение или оправдать свой образ действий.

Кн. А. М. Курбский. Биографические сведения. Устр[ялов*, с.] VIII и сл., XIX. *Ист[ория] князя вел. Московского* — до 1578 (XXVIII). Мысль XXIX. Время и цель написания — слова автора *ib.*, [с.] 89. Связь с перепиской (1563—79). [с.] 250. План истории по главам²⁸.

§ 7. Мы заметили проблески исторического, не летописного] размышления и раньше Смутного времени в летописных] сводах и в мемуарах, также в полемике царя Иоанна с кн. Курбским; но у них оно имело другой характер, проникнуто полемической тенденцией. Их мысль возбуждалась политическим спором, а не исторической любознательностью; тот и другой искали подходящих справок чаще в чужой, чем в родной, старине и искали их не столько с целью уяснить себе самому известный исторический факт, сколько доказать или навязать другому свою политическую доктрину²⁹.

²³ *Над строкой*: по связи с.

²⁴ *Над строкой*: лицу, влияние.

²⁵ *Над строкой*: единич[ная] жизнь, личные впечатления.

²⁶ *Над строкой*: Курбский.

²⁷ *Зачеркнуто над строкой*: Котоших[ин].

²⁸ *Помета*: Дальше р. 9, § 7. — Степенная книга и хронографы 2-й ред[акции] и особого состава § 8 [§ 8 в рукописи отсутствует].

²⁹ *Абзац позднее заключен Ключевским в скобки.*

У писателей нач[ала] XVII в. заметна уже историческая вдумчивость: они стараются *понять, что было, а не доказать, что должно быть*. Конечно, эта вдумчивость в значительной степени вынуждена была в них исключительным положением, в какое Смута поставила их вместе со всем русским обществом. Смутное время оказало и на них то действие, какое обыкновенно производят поворотные эпохи на пробуждение исторической мысли в своих наблюдателях и участниках. Писатели, пережившие неожиданные и поразительные явления Смутного времени, тоже не раз спрашивали себя с мучительным недоумением: отчего и как могло все это случиться? Общественный порядок, колеблясь и распадаясь, и к ним повертывался своей изнанкой, обнаруживая закулисные потаенные свои пружины, и они начинали догадываться, что кроме сил, пародирующих на поверхности жизни обществ, есть еще в этой жизни малозаметные условия, которые в мирное время не привлекают к себе общего внимания, но которые своей незримой работой сворачивают общества со старых путей, вырабатывают *перевороты*. Они невольно приучались всматриваться в механику людского общежития, следить за связью причин и следствий, ценить дела и деятели не по впечатлению, какое они производят на *нервы* людей, а по действию, какое они производят на людские *отношения*. Словом, исключительные явления делали мемуаристов Смуты историками поневоле³⁰.

§ 9. 1. Смутное время можно назвать поворотной эпохой в нашей истории. Самые глубокие и прочные основы госуд[арственного] порядка поколебались; государи быстро сменялись или др[уг] с др[угом] боролись; некоторое время страна оставалась совсем без г[осу]д[а]ря; общество распадалось на враждебные друг другу классы. Освободившись от уз предания и привычки, умы размышлялись и принялись строить свои порядки, небывалые или несбыточные. Чтобы выйти из хаоса, наконец выбрали государя, который был всем люб, и решили вернуться к старине и восстановить порядок. Порядок восстановили, но старины не вернули: все само собой пошло как-то по-новому; из-под старых обычаев вырастали новые нужды; жизнь, видимо, входила в новое русло; за эпохой *смут* следовала эпоха *реформ*.

Такие поворотные моменты в истории производят на переживающих их людей впечатление, очень благоприятное для успехов историографии. В спокойное время люди

³⁰ Далее помета: Выше р. 4, § 9. Над строкой: 3 окт[ября] 1891].

расположены смотреть на свой быт как на что-то понятное само по себе, простое и неизменное. Об нем не думают, и его даже не замечают, как не замечают своего дыхания, пока оно идет ровно и нормально. Но когда жизнь замутится и на общество падут невзгоды, когда люди увидят, что добытые ими блага погибли, а надежды разбились, они начинают спрашивать себя: отчего и как это случилось? Отчего никто этого не предвидел и не предупредил? Тогда, припоминая пережитые бедствия и вдумываясь во вскрывшиеся их причины, они начинают понимать, что они не знали склада своего общества и его жизни, что эти вещи вовсе не простые и понятные сами по себе, а требуют изучения. В минуты общественных потрясений житейский порядок поворачивается к людям своей оборотной стороной, изнанкой, и им становятся видны его швы и составные части, вся его мудреная постройка. Люди начинают ясно видеть, что для своевременного предупреждения таких неожиданных потрясений общественного порядка или для поправления их разрушительных следствий необходимо знать, как возник и складывался этот порядок, а *зарождение охоты размышлять о происхождении и составе общественного порядка и есть пробуждение исторической мысли*. Так непредвиденные общественные потрясения возбуждают интерес к истории, как *неожиданные болезни поддерживают интерес к медицине*. Где предел историографии переходной?³¹

Более³² серьезными опытами [русская] историография обязана Смутному времени. События этой эпохи потрясли столь же глубоко русские умы, как и моск[овский] государственный порядок³³. Общественные потрясения обыкновенно оказывают возбуждающее действие на историческое мышление. Они заставляют людей, их переживших, невольно оглядываться на пережитые бедствия и спрашивать себя: отчего и как они произошли, почему не были предусмотрены и предотвращены и что нужно сделать, чтобы предупредить их повторение? Такими вопросами и начинается историческое мышление: они заставляют людей всматриваться в состав общества, в жизнь, отправления и связь его составных частей, в действие, оказываемое на них разными влияниями и обстоятельствами, — словом, наблюдать и изучать исторические процессы³³. Так человек, потерпевший физическую

³¹ Помета: Друг[ая] т[етрадь], р. 7. I.

³² Помета: к § 9.

³³⁻³³ Этот текст позже был зачеркнут Ключевским. Далее помета: стр. 4 взамен здешнего [т. е. начало § 9].

боль от своей оплошности или неумелости, потирая³⁴ ушибл[енное] место, невольно перебирает в своем уме ряд своих поступков³⁵, подготовивших случившуюся неприятность, и таким образом привыкает³⁶ размышлять о связи причин и следствий. *Бедствия*³⁷ *гораздо больше*, чем книги и лекции, обучили людей истории³⁸.

2. Доживаемый нами век отличается³⁹ усиленным изучением истории. Наклонность к этому изучению вытекла из того же сейчас указанного источника. В прошлом веке усилиями отважных, но недостаточно наблюдательных умов создана была пылкая вера в зиждительную силу идей, в мирное торжество отвлеченного разума над предрассудками и привычками людей, над преданием. Но последовали факты, которые горько насмеялись над этими идеями; предание с своими неразумными привычками и предрассудками оказалось столь крепким, что об него разбился ждавший торжества разум и вещавшая мир вера в него нашла себе апостола-предателя в Наполеоне. Тогда люди, пережившие погромы революции и империи, припоминая, какими хорошими словами началось движение и какими плохими делами оно кончилось, и начали догадываться, что человеческие общества строятся и живут не тем разумом, которым мыслят философы; тогда и начали искать этого *исторического* разума, перебирая памятники и воспоминания прошлого. Под такими впечатлениями родилась европейская историография текущего столетия. Если идея этого исторического разума, говоря проще, *исторического закона* мелькала и прежде, то ее методологическая разработка принадлежит бесспорно науке нашего века.

Говоря по поводу Смутного времени⁴⁰ об условиях, содействующих пробуждению в обществе исторической любознательности, я не случайно напомнил вам о событиях, какие потрясли Европу в конце прошлого и начале текущего столетия. Эти события дали сильный толчок и русской историографии; под их влиянием воспиталась и историческая мысль Карамзина. Надобно припомнить, что Карамзин был едва ли не первый русский писатель, почувствовавший, что движение, начатое французской

³⁴ *Над зачеркнутым:* почесываясь.

³⁵ *Над строкой:* шагов.

³⁶ *Далее зачеркнуто:* учится.

³⁷ *Исправлено из:* Беды.

³⁸ *Помета:* § 10, 1.

³⁹ *Над строкой:* начался.

⁴⁰ *Над строкой:* XVII в.

революцией, кончится полным крушением идей, которыми оно было отчасти подготовлено, проповедью которых по крайней мере оно началось. Приверженец этих идей и близкий свидетель ужасов революции, он писал в свое время: «Век просвещения! Я не узнаю тебя; в крови и пламени не узнаю тебя!» Он один⁴¹ из тех многочисленных в тогдашней Европе мыслителей, которые, пережив политическое крушение своих любимых идей, т. е. идей XVIII века, теряли веру и в их внутреннюю логическую доброкачественность и из философов-либералов превращались в консервативных противников реформ, недостаточно подготовленных историей. Смутно почувствовав присутствие в истории таинственных сил, строящих людскую жизнь помимо воли и соображений отдельных людей, но еще не уяснив себе отчетливо ни их свойства, ни способа их действия, не постигнув логики исторического разума, К[арамзин] в значительной мере разделял в понимании исторических явлений моралистический взгляд древнерусского летописца, что положило на его труд несколько нравоучительный отпечаток. Недаром его называли первым русским историографом и последним летописцем.

Таким образом, К[арамзин] завершает своим трудом целый период в развитии русской исторической мысли. В этот период она вызывалась пробуждавшейся по временам потребностью уяснить себе такие явления нашего прошлого, которые могли дать русскому обществу практически полезные указания и уроки или внушить ему желательные чувства и стремления. Это было историческое размышление с народно-воспитательной целью. К[арамзин] только первый попытался провести такую задачу в цельном и художественном изложении всей нашей истории, осветить такой исторической мыслью все явления нашего прошлого. Еще не научное сознание, а поучение, назидание.

Такая историческая мысль родилась у нас именно в начале XVII в. под влиянием событий Смутного времени. Вот почему, заговорив об этой поворотной эпохе в нашей истории, я напомнил вам о Карамзине и европейских событиях, влиявших на направление его исторической мысли. Записки русских людей, современников Смуты, по окончании ее пытавшихся отдать себе отчет в ее происхождении и значении, и появление в 1818 г. *Истории государства Российского* Карамзина — это рубежи целого периода в развитии русской историографии⁴², отличающе-

⁴¹ Над строкой: стал.

⁴² Над строкой: след. за летописным].

гося своими особенностями, особыми задачами и приемами исторического изучения и размышления, не совсем похожими на те, каких держался древнерусский летописец, хотя им и родственными.

§ 10.1. Такое поучающее действие оказало на московские умы и Смутное время, которым началось для Московского государства XVII стол[етие]. Прежде всего оно возбuditельно подействовало на их политическое сознание, перевернуло их понятие о государстве. До того времени московский люд, не отдельные умы, возвышавшиеся над общим уровнем, а простой всенародный люд, понимал свое государство в первоначальном буквальном смысле этого слова, как хозяйство московских государей племени Ивана Калиты. Это хозяйство считалось фамильной вотчиной, наследственной собственностью Калитина племени, которое его завело и в продолжение трех веков расширяло и укрепляло. Люди, народ считались хозяйственной принадлежностью этой фамильной княжеской вотчины, высшие служилые люди—дворовыми личными слугами, низшие тяглые—поземельными работниками, городскими и сельскими, те и другие до XVI в.—слугами и работниками вольными по договору, а в XVI в.—невольными, обязанными слугами и работниками по долгу, по праву власти государевой. Династический интерес московских князей-хозяев был основным рычагом, приводившим в движение и направлявшим все отношения в этом вотчинном хозяйстве.

Смутное время значительно изменило этот удельный взгляд на государство, расширило и углубило его и даже несколько переместило самую точку зрения на предмет. Династия пресеклась, основной рычаг государства—династический интерес—перестал работать, а между тем государственная машина, разбиваемая своими и чужими, не остановилась, продолжала действовать. Оказалось, что в запасе был другой двигатель общественной жизни, оставался другой общественный интерес, способный приводить его в движение: этот запасный рычаг—всенародная воля, направляемая сознанием религиозно-народного единства и необходимости оберегать его всеми народными силами. Как скоро эти идеи проникли в сознание общества, государственный порядок представился ему в новом виде и в новом соотношении своих частей: фамильная московская вотчина стала национальным союзом русского народа во имя всенародного блага, московский государь-хозяин—верховным блюстителем этого блага, а его дворовые слуги и земельные работники—его

подданными⁴³. Таким образом, Смутное время заменило в общественном сознании *династическое* понимание Московского государства пониманием *национально-политическим*.

Этот новый взгляд на государство вместе с тяжкими испытаниями, вскрывшими прикрытый в спокойное время механизм общественного порядка, и произвел *поворот в историческом мышлении* людей, *переживших Смуту и пытавшихся осмыслить* пережитое. Поворот был таков. Древнерусский летописец, провиденциалист и моралист, созерцая таинственный план божественного мироправления, был равнодушен к местным особенностям политического быта и редко вводил их в свои соображения. В местной народной жизни его занимало отражение извечной мировой драмы — борьбы непримиримых начал добра и зла, провидения и дьявола. Эта борьба идет за человека, за его богоподобную душу, и летописец сосредоточивал свою мысль на судьбе этого спорного венца творения, на его нравственных подъемах и падениях как на главном содержании мировой истории, признавал неважными случайностями те местные исторические обстоятельства, в которых вращается человек, условия географические, политические, экономические и всякие другие. Мыслящие современники Смутной эпохи, размышляя о ней, не отрешались от привычного исторического взгляда старых летописцев; но он несколько осложнился в их мышлении. И провидение, и злое начало остались на своих местах и при своем деле — взаимной борьбе за человека; но они теперь получили значение исторических факторов высшего порядка, которые не вступают в дела человеческие прямо, а пользуются *земными средствами* действия. Эти земные орудия высших сил — людские доблести, недостатки, страсти. Так целям бож[ественного] провидения служит даже недосмотр⁴⁴ человеческий, ибо, по писанию, кого хочет бог наказать, у того отнимает разум. Надобно изучать эти земные орудия, чтобы постигнуть вскрываемые ими пути провидения и козни дьявола. Но эти орудия неземных сил, стоящих вне истории, сами подлежат условиям земного существования, т. е. находятся в области ведения географии, этнографии, политической экономии, психологии — словом, принадлежат к числу реальных явлений местной народной жизни, подчиненных действию исторической причинности. Надобно изучать эти явления в связи причин и следствий, чтобы разобрать

⁴³ *Над строкой*: «мир — народ».

⁴⁴ *Над строкой*: недоразумение.

сложные нити, соединяющие дела человеческие с таинственными силами, их направляющими. Тогда наблюдатели стали внимательно присматриваться и к местным формам политического быта, изведав недавним опытом, какое значение имеют они для индивидуального нравственно-религиозного существования, для жизни души человеческой, всегда бывшей и оставшейся главным средоточием древнерусских исторических воззрений. Новый взгляд на государство помог этому усиленному вниманию к местн[ым] услов[иям] жизни. *Несть власти* еще не от бога. Следов[ательно], государство есть богоучрежденный церковно-народный союз для достижения целей общего блага, духовного и материального. Материальное, земное благоденствие невозможно вне государства, как вне церкви невозможно душевное спасение. Но ошибки и пороки людей, особенно правителей, могут так испортить этот союз, что он будет только мешать, а не помогать и материальному благоденствию, и душевному спасению. Сколько народных бед приключилось, сколько христианских душ погибло напрасно, едва все благочестивое царство великороссийское не было приведено под власть папы в ляхское нечестие—все оттого, что Грозный и Годунов допустили или не предотвратили некоторых не порядков в русском государстве, давших врагам его возможность возмутить христианский покой! Читая записки русских современников о Смутном времени, поражаешься, как новизной, тем напряженным интересом, с каким они, объясняя происхождение Смуты, ищут причин ее именно *в органическом расстройстве государственного порядка*, в неправильном направлении политических отношений. В этих записках мы едва ли не впервые наблюдаем превращение *русского бытописателя из моралиста-обличителя* в политика-мыслителя.

Так совершился переход русского бытописания от летописи к историографии—акт, может быть, самый трудный из всех, какие приходилось совершать русскому бытописанию. Потому он и требует особенного внимания. Переход этот обозначился двумя важными успехами исторического мышления: 1) ходом событий внушен был новый взгляд на государство как на церковно-национальный союз, в самом себе, в своем существе заключающий свои интересы, свои задачи, свои условия существования, независимые от лиц или династий; 2) найдена была видимая, доступная изучению связь между таинственными силами, правящими миром, и фактич[еским] ходом этого *мироуправления*, вследствие чего истори-

ческий процесс введен был в реальные условия человеческой жизни и утратил в новом сознании характер непрерывного чудотворения, какой он имел в старом, летописном мышлении.

* * *

Обилие повестей и сказаний о Смуте, написанных ее современниками. Кажется, никакая другая эпоха нашей истории не возбуждала в людях, ее переживших, такого желания еще раз пережить ее в воспоминаниях. Два разряда записок о Смуте: 1) подлинные воспоминания современников, 2) своды или переработки записок, заметок современников и современных документов, составленные позднее, только с участием воспоминаний и взглядов составителя-современника. 3-й разряд — «видения», памфлеты, воззвания. В памятниках 1-го разряда имеем дело прямо с наблюдателем-очевидцем; в памятниках 2-го разряда между ними и наблюдателями — составитель, который не во всем описываемом сам был наблюдателем.

Важнейшие [памятники] 1-го разряда:

1) Временник дьяка *И. Тимофеева*, составленный по мысли новгор[одского] митр[ополита] Исидора в 1616—1619 гг.

2) Сказание об осаде Троицкого монастыря поляками келаря *А. Палицына*, составленное в 1620 г.⁴⁵

3) *Словеса дней и царей* и святителей московских кн. *Ив. Хворостинина* — записки о Смутном времени, составленные 1619—1625, когда автор умер (Плат[онов *, с.] 202).

4) *Повесть*⁴⁶ о Смутном времени, составленная в 1626 г. кн. *И. М. Катыревым-Ростовским*. Первая жена — дочь Федора Ник. Романова, ум. в 1611 г. Сторонник Романовых, член высшего боярства, воеводствовал по городам. Умер большим моск[овским] дворянином (Плат[онов, с.] 214—15). С ц[арствования] Иоанна Грозного до избрания Михаила. Краткий, но содержательный и стройный рассказ спокойного, образованного и даровитого повествователя. Лучшая повесть о Смуте в литературном отношении⁴⁷.

Важнейшие памятники 2-го разряда:

1) *Новый летописец*.

2) *Рукопись Филарета*.

3) *Иное сказание*⁴⁸.

⁴⁵ *Над строкой*: писалось в течение Смуты.

⁴⁶ *Над строкой*: [Платонов, с.] 283.

⁴⁷ *Далее*: Изб[орник *, с.] 283. Весна, [с.] 297. Для образца, [с.] 290 т. и 313.

⁴⁸ *Далее несколько строк оставлены чистыми*.

[КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ КУРСА ИСТОРИОГРАФИИ О ПАЛИЦЫНЕ, ХВОРОСТИНИНЕ]

10 окт[ября] 1891 г.]

Авр[аамий] Палицын. *Сказание о осаде*. Состав. Повесть о всем Смутном времени: начинается смертью царя Ивана Грозного и оканчивается рассказом об освящении церкви Сергия в д. Деулине в 1619 г. (86-я глава). Сборник разновременных сказаний. История осады—ядро сборника и почти его половина (гл. 7—57), стр. 50—187. Окончено составление сборника 1620 г. (Плат[онов, с.] 176).

Недоверие некоторых исследователей к показаниям Авраамия: легендарная эпопея и собственный панегирик; не летопись и не история в нашем смысле, а *полная легенда* (Забелин. Минин и Пожар[ский *], с.] 221). Отдельные неточности от разных причин: 1) не всему описываемому был очевидцем—как составлена история осады (стр. 52 и 53); 2) безопасность чудесного в Сказании и естественность этого для той эпохи; 3) деятельное и не всегда прямое участие автора в событиях Смуты—король—келарь (Забел[ин, с.] 242), отношения к Сигизмунду и поездка с посольством (ib., [с.] 236); умолчания и вымыслы. Источники. [с.] 99. 118.

Важное значение Сказания в развитии историографии. Отношение к пережитому времени—*попытка вдуматься* в смысл и происхождение совершившегося. Цель Сказания—*«киих ради грех попусти г[оспо]дь бог праведное свое наказание»* на русскую землю. Изложение грехов в первых 6 главах; о начале беды—7 и сл. Погоня за популярностью. Доносы холопов на господ. *Трехлетний*

неурожай. Благотворительность Бориса из имений опальных бояр. Спекуляция хлебом ([с.] 10 f. прочесть и 11 i.); связь явлений: отказывали своим, чужим досталось ([с.] 12 i.). Скопление преступников беглых на Северской Украине. Развитие кабального холопства при ц[аре] Федоре (ср. Забел[ин, с.] 201). Отпуск холопов на волю во время голода и у опальных господ с запретом принимать; оказалось беглых холопов на Украине более 20 тыс. ([с.] 14). Ржаные просвиры. Заботы Бориса о своем доме и голод ([с.] 16). Возвышение откупов для милостыни — смешение клятвы с благословением ([с.] 17 f.) Брадобритие ([с.] 18). Заключение ([с.] 18 f. и 19): всю Европию прельсти. Подбор однородных данных: расстройство общества и разрушение нравственной дисциплины — причины Смуты. Наблюдательность и понимание организации жизни — истинно исторический взгляд на явления. Картина бед¹ при Шуйском (39 и сл.).

Дьяк И. Тимофеев².

Кн. И. А. Хворостинин. Биография (Пл[атонов, с.] 183). Кравчий при Лжедим[итрии] I ставил на стол еству пред царя (Котош[ихин*, с.] 21. А[кты] Исторические, [т.] 2, стр. 423). Покаяние. Воеводство при Михаиле; кн. С. Шаховской: «превозношался многим велеречием, мняся превыше всех ч[е]л[ове]к учением божественных догмат превзыти». В споре с Ш[аховским] «люте свирепствовал». В разуме себе в версту не поставил никого — в грамоте 1623 г. Будто Гермоген ему: «ты боле всех потрудился во учении» (Пл[атонов, с.] 191 и Знамен[ский*, с.] 240).

«Словеса дней³ и царей и святителей московских; предложение историческое; написано бе ко исправлению и ко прочитанию благочестие любящих, составлено Иваном Дуксом». Взгляды, не факты. Самооправдание — цель. Ряд характеристик, начиная с Б[ориса] Годунова.

Новое покаяние и отношение к отеч[ественной] церкви и жизни (С[обрание] Г[осударственных] гр[амот и договоров, ч.] 3, № 90. Сол[овьев, т.] 9, [с.] 460. Голубцов, [с.] 76 п.).

Кн. Хворостинин — прадед русского западничества, неясный силуэт типа, который с тех пор будет жить в нашем обществе, от времени до времени выступая в разных видах и каждый раз все с более определенными чертами умственными и нравственными: во 2-й половине XVII в. в

¹ Над строкой: Реализм черт.

² Далее несколько строк в рукописи оставлены чистыми.

³ Над строкой: ок. 1619.

виде *латиниста*, приверженца польско-латинской школы, во 2-й половине XVIII в. в виде *вольтерианца*, космополита-скептика, при Александре I под именем *либералиста*, туманного и нетерпеливого поклонника западноевропей[ейских] политических форм, в 30—40-х гг. текущего столетия под собственным званием *западника*, восторженного и ученого почитателя зап[адно]европейской мысли и науки, преимущественно шеллингианской и потом гегелианской философии, наконец, в виде современного *интеллигента*, осторожного и даже боязливого, а потому неясного в речах приверженца всевозможных течений западноевропейской мысли и жизни. Одна общая черта особенно резко всегда выступала в этом типе при всех его исторических модификациях: случайные ли обстоятельства или личные усилия помогли западнику сознать недостатки, отсталость своего отечества и превосходство Запада; первое употребление, какое он делал из этого сознания, состояло в том, что он проникался пренебрежением к первому и как бы физическим влечением к последнему. Он смотрел на быт и склад своего отечества как на личное неудобство, как на случайную неопрятную обстановку, среди которой ему временно пришлось остановиться на пути в какой-то лучший мир, где у него нет ни родных, ни знакомых, но где давно каким-то образом поселились его ум и сердце. Такой сибаритский взгляд на отечество и его отношение к Западу приводил к двоякому выходу из неудобного положения, в каком чувствовал себя западник: он или сам стремился перенестись в любимый чуждый ему мир, или мечтал этот мир с его полит[ическими] и другими удобствами перенести на родину. Отсюда два пути, которые избирал западник или предлагал для решения вопроса о своем отношении к отечеству: личная *эмиграция* и народная *имитация*.

Первый путь противоречит не скажу патриотической обязанности, а простому нравственному долгу: каждый нравственно обязан служить своему отечеству, чем может, если чем-нибудь может. Но это вопрос политической морали, а не историографии. Второй путь имеет близкое отношение к историографии. Здесь вопрос ставится так: оставаться ли нам русскими или стать⁴ европейцами? Но такая постановка есть добродушное историческое недоразумение, вытекшее из невнимания к законам исторического процесса. Ставить такой вопрос в XVII или XIX в. так же несвоевременно, как молодому человеку в 20 лет

⁴ Далее зачеркнуто: западно.

несвоевременно разрешать задачу, какой ему лучше иметь голос, бас или тенор,—простите за [...] ⁵ сопоставление. Тенор будет петь тенором, даже если бы было доказано, что для него было бы культурнее петь басом. Если бы такой вопрос поставил 1000 лет назад Рюрик, стоя у колыбели русского народа, это было бы менее наивно, хотя столь же бесполезно: и он не мог бы направить жизнь этого народа на другой путь, не тот, которым он пошел после него. Как переставить вопрос.

⁵ *Далее одно слово неразборчиво.*

И. ТИМОФЕЕВ,
КН. ХВОРОСТИНИН И А. ПАЛИЦЫН¹

ДЬЯК И. ТИМОФЕЕВ — ([с.] 261)

Происхождение труда изложено пространно вслед за началом рассказа о Шуйском и повестью о М. Татищеве ([с.] 389 сл.). О последних годах Шуйского, признается, знает мало: был в плену в Новгороде ([с.] 396 i.). Из галиматьи, [с.] 400 m. м[ожно] лишь понять, что начало тушинской осады, скорое² нашествие Болотникова с дворянами³ (до вторжения поляков в 1609 г. — [с.] 401 i.)⁴ застало его в Москве, откуда царь скоро, при возможности, послал его в Новгород дьяком «сначаластвовать» с воеводами. Там он замедлил возвратом в Москву по недостатку средств до захвата Новгорода шведами: о всех купно преграда днесь ([с.] 401). Когда в земле помалу нача прекращатися зло, а шведы вся злая⁵ над Новгородом сделали (описание угнетений — [с.] 402 i, ср. 384 — жил, кажется, на Торговой), размышляя о случившемся, пришел к мысли писать. Борьба с мыслью картинно ([с.] 402 — 406). Писал тайно, в страхе от шведов, на лоскутах, отрывками по недостатку бумаги, перенося и прячаписание в разных местах, таясь и от русских ловителей⁶,

¹ *Над строкой:* Для х[арактеристи]ки Смуты [с.] 225 m. Гришку признали — [с.] 226 f. Побуждение — впечатление Смуты — 402 — 3.

² *Над строкой:* 1607 — 8.

³ *Над строкой:* «своевернии рабы».

⁴ *Сноска Ключевского:* Хотя ср. [с.] 400 m. и 410 f. о птице в клетке — тушинская осада. Что Болотников разумеется, ср. [с.] 584 — 5.

⁵ *Над строкой:* 1611.

⁶ *Над строкой:* сыщиков.

служивших шведам ([с.] 406—7). «Ныне же, егда оттуду свободи ны господь, аще живы будем, начнем *о исправлении* прежде написанного ударяти во двери могущих» ([с.] 407 f.). Значит, по начало главы о Шуйском, вероятно до [с.] 399, где опять начинается о Шуйском, как на [с.] 389, писано в Новгороде до освобождения (ср. [с.] 293 m. 360 f.), до конца разрухи ([с.] 377 m.), но уже по взятии Москвы в 1612 г. ([с.] 383), когда действовали «мирницы», иноземные посредники мира, англичане и голландцы, и шли переговоры с поляками и шведами ([с.] 383 f.). Понятно отсутствие порядка в изложении, о чем сам [писал] ([с.] 279). Глава о царствовании Шуйского ([с.] 389) писана в Новгороде еще, но по освобождении от шведов⁷—([с.] 396 i.), а статья о нем же ([с.] 399)—уже в Москве вместе с рассказом о ходе писания ([с.] 407 f.): «ныне же...» Этим объясняет начало статьи «о таборех» ([с.] 409): опять начинается с Гришкиной смерти.

«Пустой ум и медленноглагольный язык» только тень событий исповедовать мог ([с.] 445 f.); это о себе.

За статьей о Гермогене ([с.] 439). *Летописец* вкратце. После неясных сравнений и размышлений рассказ о поручении писать от м[итрополита] Исидора ([с.] 446 сл.) подтверждает прежде: *начал в конце шведской оккупации*, при царе Михаиле, во время переговоров о мире в Столбове. Следующее за тем *Зачало* ([с.] 448)—краткая х[арактеристи]ка царей Иоанна и Федора, составленная по рассказу о них в начале Временника, с очерком дальнейшей смуты и со ссылкой на какое-то подробное повествование, по-видимому, другого автора ([с.] 451 m.: довленими скажется ясно, не иже нами). Кажется, *это начало пересмотра* сочинения, что обещано было выше. Летописец и это *Зачало*, очевидно, вставлено не на месте потому, что дальше статьи, продолжающие рассказ Временника: *О крестном целовании Владиславу*—совсем темный рассказ о какой-то политической интриге в Новгороде каких-то властолюбцев и самописчего с клятвенной хартией—и *О вдовстве Московского государства* ([с.] 454), откуда видно, что конец труда писан уже по возврате Филарета из Польши, но далее—как будто еще до этого ([с.] 461 f.), и это вероятнее.

Служил после Новгорода и в других городах и собирал сведения для Временника ([с.] 465 f.). Но заключение Временника с обзором всей Смутной эпохи и восстановление порядка избранием Михаила, с похвалой ему и отцу

⁷ Над строкой: 1617.

по возвращении последнего, о чем говорится прямо ([с.] 468) (1619 г.).

Местных событий не описывает, как и начала царствования Михаила с новым нашествием королевича и перемирием, потому что не знает. Чего требует от писателя — сам нарушил ([с.] 470 м.).

Видел царевича Дмитрия в раке ([с.] 323 м.).

Язык. *Футынь* ([с.] 435). *Подражать* с винит. ([с.] 361 f.). Деспод, даты каландами ([с.] 333 м.), следы латинской конструкции; нерусские формы и слова — *жизньствовать*, *погонатай* ([с.] 303 м.), *ласковцы*, *донже*, *дондеже*, *от идеже*⁸ *стахом* ([с.] 324), *воздоброе* — за доброе, о зданиох, *владательство*⁹, *примилить*, *пицифи*, *слано и бритно* ([с.] 357 м.), *посполитое* (ср. житие Ф. Ртищева). Не малоросс ли или белорус? ([с.] 395). Жаль, если это приемыш русской историографии. Грамматики, чутья языка нет: *прижившею* вместо *прижитой* и т. п. Образец языка ([с.] 340 м. и 406 f.).

Изысканность языка и ораторское многословие в связи с безграмотностью иногда делают рассказ непонятным набором слов. *Самопищий* — *дьяк*; *призятьствоваться* — присвататься; *подоба* — сравнение: лишь бы не сказать, как говорят все ([с.] 279—80, 294). *Двоематерен* — Димитрий Ксения ([с.] 369 i.). *Тьма мрака разума*. Пафос ([с.] 315 i.). Как описан Иван-город ([с.] 422 i.). Хохлы, имущие на главах ([с.] 438 i.). Сравнения и примеры — болезнь авторского мышления ([с.] 442). Мысль прячется в хлам слов. Не выступает перед читателем просто, а сперва поломается и погримасничает. Привычка — не называть лица прямо, а прикрито, загадками. Частию, может быть, по робости. *Предходатай* — окольничий ([с.] 371 f.).

Суждения. Причина зла ([с.] 262 f. сл. 264 м.; ср. 462 сл.). Грозный — сам себе навежник¹⁰ ([с.] 272 i.). Опричина — начало Смуты ([с.] 271—2). Заговор Бориса с Бельским ([с.] 276 i.). Житие Никиты Переясл[авского] о царевиче Иване ([с.] 283 f.). Слухи о польской кандидатуре Ивана или Федора ([с.] 284 f.). О прозорливости царя Федора ([с.] 285); мнишество с царством соплетено ([с.] 289); освятованный царь — [с.] 292.

Ожесточение против Бориса¹¹ ([с.] 291 i., 293 м.). Смута — месть земли за кровь Дмитрия. Удача Бориса

⁸ Над строкой: abusque.

⁹ Над строкой: Крижан[ич].

¹⁰ Над строкой: заговорщик.

¹¹ Над строкой: Согл[асен] с Палищ[ыным].

оттого, что не было крепкого во Израиле: молчали все, как рыбы ([с.] 291). Разбор соображений Бориса, почему не хоронить царевича во Москве ([с.] 297). Цель рассказа о Б[орисе]—обличение его злобы ([с.] 319). Сперва козни для достижения царства, потом средства утвердиться на нем [с. 331].

Образец *изысканности*—бой с татарами под Москвой ([с.] 303 м.). Значение Оки в обороне государства (ib. f.).—Гуляй-обоз ([с.] 305 f.—перевести) 1591 г.

Кн. М. И. *Воротынский* и его заслуги ([с.] 307).

Больше размышляет о событиях и лицах, чем повествует. Беспристрастие в истории ([с.] 339 м.), в х[арактеристи]ке Бориса. Во всем винит робость современников перед Бор[исом, с.] (310 f., 312 f., 316 i.). Искание популярности Борисом ([с.] 311—12)—тацитовский лаконизм; смех облагодетельствованных ib. m.¹²

Угличан Б[орис] ссылает на *заход* солнца ([с.] 315)—Богд[ан] Бельский ([с.] 317). Много разгласия тогда царей ради ([с.] 318 i.).

Слух об отраве царя Федора ([с.] 324). Причины ухода Б[ориса] в Девиный монастырь ([с.] 325). Картины мольбы о принятии царства ([с.] 327 сл.). Неграмотность Б[ориса, с.] (330 i., 345 m.) и его коварство: от порицания к удивлению и панегирику работарию¹³, разумы следующих царей—тень его разума—оправдание противоречия ([с.] 330—1). Потом карикатура его походов (ib. m.). И ниже за злобами благодеяния Бориса ([с.] 339 m.). Х[арактеристи]ка его ([с.] 340).

Полотняная ставка—город Бориса и картина лагеря ([с.] 332). Против крестного хода ([с.] 334), патриарха ([с.] 335 f.) и иконы политической—одного Бориса ([с.] 337). Пострижение дочерей бояр из-за сестры ([с.] 338—9). Присяга Борису—рев жертвенного скота ([с.] 346 i.). Свои подбили Б[ориса] царствовать ([с.] 343).

Щелкаловы—первые окольные из дьяков ([с.] 353 m.). Соборная грамота о избрании Б[ориса] положена в раку св. Петра ([с.] 354). Мысль возвышать худородных у Б[ориса, с.] (356). Смута—от союза наших с врагами ([с.] 365). Лжедмитрий Б[ори]са поразил, как *комар льва*, *издали*: не он, а совесть его поразила ([с.] 366). Причины успеха самозванца ([с.] 366—7).

Вдумываясь в события, не заботился ни о полноте, ни о последовательности рассказа и старается ярче выста-

¹² Далее приписка: В курс о Борисе.

¹³ Над строкой: выдержка.

вить черты, наводящие на размышление о ходе дел человеческих¹⁴. За оглядкой на судьбу Бориса ([с.] 362 f.—364) общий взгляд на причину торжества чужих в Смуту ([с.] 365), причины успеха самозванца ([с.] 367), гибель семьи Б[ори]са и прекрасное место о Ксении ([с.] 369 сл.) по местам художественно и задумчиво и с новыми известиями, затем царств[ование] Гришки.

Церковный собор о крещении Марины ([с.] 372).

Картина разрушения служебного порядка раздачей чинов *не по отчеству* и заслугам и расхищение казны старых царей—сравнение со псами ([с.] 374 сл.) (при Лжедим[итрии] I).

Вред избиения поляков в 1606 г.: «всю землю их сами на ся сим всколебахом». Картина бед от того (не признает и Шуйского законным, как и других ненаследственных) ([с.] 376—7). Вслед за тем ответ на вопрос: от каких грехов разлился земля наша? ([с.] 377 f.). После перечня недостатков нравственных и политических ([с.] 378—9) приводит в связь события Смуты, ведя их от того, что мы попустили Б[ори]су столпы великие, которыми земля наша утверждалась, губить ([с.] 380—1): *прагматизм*. *Форма*: если бы не сделали того-то, не последовало бы того-то. Первый (Б[ори]с) второму учитель, 2-й 3-му, все—видя наше страшиство ([с.] 381) и все дальнейшие «безыменные скоты, не цари»; первые узурпаторы показали путь областным самозванцам ([с.] 382 i.), невеждам. К следствиям той же причины *молчаливого и робкого попустительства*—призыв Еллинов (шведов Делагарди—ср. [с.] 401 m.) для обороны: волкам волков от овец отгонять. Кто так безумен, как мы? ([с.] 382). Прежних наследственных зовет *самодержавными* в отличие от избирательных, как и Котош[ихин] [называет] Москву главой и сердцем царства (ib.). Отвлекаясь логикой событий от нити рассказа, он незаметно переходит по цепи следствий к своему времени—около миров Деулин[ского] и Столб[овского]—и говорит о ненадежности тех, у кого мы просили помощи для примирения с врагами ([с.] 383 и сл.—англичане и голландцы?), и описывает беды родины в последнее время шведской оккупации, уже во время переговоров чрез посредников ([с.] 384—5). Упрекает тех, которые все сваливали на божий суд, против коего ничего не сделать, а не [на] свою греховную слабость,—и хорошо опровергает ([с.] 386).

Шуйского резко порицает, называет нечестивым, ско-

¹⁴ Над строкой: Ниже 6.

толепным, мнимым царем, между прочим, за то, что сел не по общему всех городов людскому совету ([с.] 389 сл.).

Хвалит прежних *истинных* царей: знали, «какому роду какую честь и за что давать, худородным же ни» ([с.] 393).

Изворотливость в приемах: мало зная о конце царствования Шуйского, он заменяет рассказ о событиях плачем о них, испросив у читателя прощения за незнание. Рыдает о царе и царстве ([с.] 396). Хотя выше сказал, что сел без божия избрания, но здесь из жалости зовет его богопоставленным, разумея власть, не лица, и престол, оставшийся чистым от нелепостей сидевшего, и прежних царей. Осуждает низвергших царя за дерзость. Это — скорбь о падении власти. Его политический тезис ([с.] 397 f.). Взыщет бог и с мнящихся столпов — бояр, которые, сами не участвуя, попустили невеждам сделать это и стали свидетелями дела ([с.] 398) бесчестного безмолвными. — «Не в земли углубил Василий свою храмину» (не на земском избрании) ([с.] 400 i.); волей всей земли часто колет ему глаза: этим предкнулись о нем люди и возненавидели его: *отсюда все зло*.

Некоторых Смута обогатила, кто и нашим и вашим, но «сердцы горяху приложением ко Еллином паче своя веры» ([с.] 408—9). *Западники* первые.

Движение против Шуйского в статье о таборех ([с.] 409), как и везде, в общих резких чертах: наши честолюбцы быстрого возвышения и обогащения соединились с чуждыми, «не одни мельчайше, но и немало и синклитена чина и сановников» ([с.] 413). Не столько у царя в Москве осталось, сколько бегало ко лжецарю. Нет подробностей, но виден ход дел, и вскрываются пружины его, что ведет к постоянным отступлениям с оговорками возвратиться, «идеже от начатых препочихом» ([с.] 415). Не может справиться с потоком своих мыслей, вызываемых событиями в его много думавшей голове. О чем ни заговорит, сейчас подвернутся сравнения, тексты — и новое отступление вслед за оговоркой воротиться к делу.

Так много бед везде, что книга особь каждому месту может быть (о времени разброда тушинцев по областям 1609 г.), но все соединить воедино невозможно ([с.] 417). Картина разлива добычи по всему миру из Тушина (ib.), из всей земли в Тушино.

Если бы те же мысли и картины написаны были проще и правильнее, труд производил бы глубокое впечатление.

Стремление городов, отпавших от Шуйского, к самоуправлению и против «лучших людей» ([с.] 418).

Вече в Новгороде по поводу ухода кн. Скопина-Шуйского ([с.] 424).

Слух о виновности дяди-царя в отравлении кн. Ск[опина]-Шуйского ([с.] 429). Наветники у всех украли жизнь его; слух, что помышляли о возведении его на престол.

Сторонники Владислава склонили к своему плану Гермогена ([с.] 440 f.).

Первая притча, изображающая положение земли в междоусобии, не лишена художественности и дает несколько бытовых черт, особенно для рабовладения ([с.] 454 сл.). Время написания ([с.] 459).

Повесть кончается отрывочными заметками. Между прочим говорит о недостатке мужественной крепости и солидарности, уменя соединяться против нововводителей со властью ([с.] 462); «овии к В[остоку] зрят» ([с.] 463 f.). Это как будто у него *главная причина бед*. Михаил — как бы непосредственный преемник Федора ([с.] 461, ср. 485 m.).

Кн. И. ХВОРОСТИНИН — ([с.] 525)

Без конца и с пробелами в тексте. Наклонность к богословским толкованиям (о грехопадении — зло от непокаяния [с.] 526—7).

Повесть начин[ается] общим церковно-историческим очерком — от создания человека до просвещения Русской земли. Хотел было рассказать о деяниях пастырей наших (заглавие [с.] 530 f.), но по немощи удерживался, а дал «слово елико по силе». Начал с голода при Борисе.

Записки любопытны, как наблюдения современника, *многими мелкими чертами*. И он о некнижности Бориса, «но природное свойство целоносно имея» ([с.] 531). В числе анархических мер Бориса: *возведе работных на свободных* ([с.] 532). Клевреты самозванца с криками вломились во дворец Бориса по смерти его ([с.] 534). Злосоветник какой-то подал мысль удавить жену и сына Борисова — сам об этом говорил автору ([с.] 535 i.). *Беседа автора* (юноши некоего) *обличительная с самозванцем* по поводу его хвастовства увеселит[ельными] постройками ([с.] 537 сл.). *Не хотел изменить* Шуйскому, его преследовавшему, хотя соблазняли многотысячным обещанием ([с.] 546). Терпение Гермогена, отстаивавшего Шуйского («влачити его и поверзати» — [с.] 545). Как приверженцы Владислава оправдывали в Москве его кандидатуру ([с.] 547). Соппротивление Гермогена пострижению Шуйского. — Слово Гермогена в оправдание, будто он воору-

жает своих на польский оккупационный отряд, — *превосходное* ([с.] 550). Сторонники Сиг[измун]да не пускали к патриарху. Гермоген выбрал Филарета в посольство ([с.] 552). Картина вступления освободителей в Кремль в 1612 г. ([с.] 554—5) *хорошо написана*; автор был в ополчении и плакат у гроба Гермогена, его любившего и им почитаемого высоко.

Гермогена винили в соблазне, какой он делал, подстрекая людей к кровопролитию против поляков, поднял Рязань и Северу. *Воеводства в рязанских городах*, Хвор[остинин] хотел разъяснить это и обратился к рязанскому еп[ископу] Феодориту, который и внес ему собственноручную эпистолию к Феодориту от Г[ермоге]на. Первыми ее словами прерывается повесть ([с.] 556).

Но эта повесть имеет значение и как опыт *историографии*. «Предложение историческое». Автор — человек ученый: Гермоген при поучении, обняв, публично ему: «Ты более всех потрудился в учении».

Повесть состоит из общих очерков и характеристик, с несколько смелым размахом, и из попыток объяснить смысл событий. Она дает беспристрастную, светлотемную характеристику Годунова, как и И. Тимофеев: у обоих он хороший правитель и злой, властолюбивый политик¹⁵ (аще и лукав нравом и властолюбив, но зело и боголюбив — [с.] 532), о его сыне Федоре говорит кратко, но с восторгом, жестоко о самозванце, представляя его законопреступником, с мерзостью запустения в сердце, при остроте ума и учености книжной ([с.] 536 f.), каким-то *скоморохом*, несмотря на близость автора к нему, о Шуйском резко, как хитром властолюбце искони, порицает его *клятву всему миру* при воцарении: «*лукава* крест лобза, никто же от человек того от него требуя, но самовольне клятве издавса» ([с.] 542). Люди старого политического образа мыслей видели в такой присяге царя что-то *противное природе богопоставленной самодержавной* власти, дело интриги и честолюбивого расчета («хотя прославится на земли» — [с.] 542 f.). Следствие клятвы — «предаст его¹⁶ бог в неискусен ум, еже творити неподобная, — во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бе» ([с.] 543 i.). Затем краткая картина восстания южных городов и *усобицы социальной там* ([с.] 543).

Но в повести Хв[оростинина] есть и проблески *исторического мышления*. Он умеет обобщать отдельные явления

¹⁵ Далее приписка: Проч[итать].

¹⁶ Над строкой: Патиц[ын] (стр. 14) ниже.

и сводить их в факты, а факты причинной связью сцеплять в историч[еский] процесс, в целое движение, обозначая его характерными чертами, которые если еще и не годятся прямо для исторической картины, то могут служить для ее освещения, как впечатления мыслящего наблюдателя. Все это — первые, элементарные приемы историч[еского] изучения. Автор старается вдуматься и в смысл событий. Он остается на провиденциальной точке зрения, ищет этого смысла с помощью текстов писания, находит в событиях оправдание этих текстов, углубляется в таинственные слова пророка Иезекииля, чтобы истолковать судьбу Бориса и самозванца. Но при этом он вглядывается в *земные орудия провидения* — людские доблести, пороки, страсти, в характеры людей, которые у него не просто добрые или злые, а сложные составы, сплетенные из добра и зла: он и в Борисе находит доброе, и в противном ему честолюбце Шуйском умеет душою поскорбеть об униженном величии, и в благоговейно чтимом праведнике Гермогене отметить находившие на него среди треволнения людского приступы робости ([с.] 545). Наблюдая действие этих орудий, он чувствует нравственный источник Смуты: «Родоначалие¹⁷ владыческое прежде от земли нашея» ([с.] 531)... *всеместо* (Правящая родовая знать потеряла власть над землей).

Авр. ПАЛИЦЫН¹⁸

За какие грехи попустил бог наказание России: летописный мотив (Сол[овьев]. И[стория] Р[оссии с древнейших времен, т.] 3, [с.] 141).

1) Убиение царевича. Се первый грех.

2) Вся Россия положила ни во что его неповинную кровь (Б[иблиоте]ка, [с.] 475, ср. Сказ[ание, с.] 3 f.).

3) Заставили божью мать умолять Бориса на царство: «двигнут бысть той образ нелепо, двинута же и Россия бысть нелепо» ([с.] 477).

4) Надменное обещание при венчании: «никто же убо будет в моем царствии нищ или беден» (ib.). Хвалит его заботы об этом.

5) Преследование родственников царя Федора, Романовых и других вельмож. Поощрение доносов. Холопам отдавал имения господ и пр. ([с.] 478).

Энергическая внешняя политика и *подозрительное*

¹⁷ Над строкой: династия.

¹⁸ Над строкой: Ист[орическая] Б[иблиотека, т.] * XIII.

малодушие во внутреннем управлении: «И ради исправления земли ([с.] 478 f.) вокруг в странах славен и почитаем беяше, тако же и Россия благодарствоваше о нем за непощадение к зло деющим, но о сем зело вси скорбяще, иже *неповинно от полаты его разумнии истребляхуся и сильнии в рассуждении* далече отгоними бываху».

6) За гонение Романовых и «безумное молчание» ([с.] 479) *всего мира* (как и Тимофеев) — «еже о истине к царю не смеюще гла[гола]ти о неповинных погибели» — неурожай и голод. Милостыня царская, стечение голодающих и мор в столице (127 тыс. в 3-х скудельницах в 2 г[ода] 4 месяца — [с.] 481.). Нарушение крестоцелования Годунову и другим царям (стлб. 522).

7) Недостаток сострадания к голодающим и хлеб[ая] спекул[яция] (обилие хлебных запасов в Смуту — [с.] 481). Это — также *грех всей России*, чего ради от прочих язык пострада: не пощадили своих — и нас не пощадили враги ([с.] 482). Где нет связи полит[ической] или экономической между явлениями, там у него связь нравственная, *логика мировой правды*¹⁹.

8) К бедствиям физич[еским] и экономическим расстройство *социального* порядка, общественных отношений. Скопление беглых преступников в украинских городах; усиление рабовладения ([с.] 483 i.) и бродячие прогнанные холопы в голодное время; расстройство семей и разврат господ; бесприютные холопы опальных образуют шайки конных разбойников в украинских городах (больше 20 т[ысяч] этих воров потом оказалось в осаде в Калуге и Туле) ([с.] 482—4).

Рожь из царских житниц на просфоры худая и гнилая и со мздой (485), а иностранцам роскошный стол.

Заботы об укреплении и прославлении своего дома в голодные годы.

9) Для милостыни и строения церквей увеличил откупные цены кабаков и умножил откупа и сборы, особенно с крупных землевладельцев, и *так смешал* клятву с благословением ([с.] 487). Ненависть на царя за это *всего мира*.

10) Любовь Б[ориса] к иноземцам и перемена *нравов*. Роскошь в низших классах из подражания высшим: *все боярствоваху* ([с.] 488) в одежде и столе — за это голод. Стремление церковников в судьи и книгочии земские; прилив невежд в церковнослужение; святители не искали разумных и знающих, «токмо бы мало-мало по книзе псаломстей тек речию». Стройка *своих* церквей и их

¹⁹ Далее приписка: 10—11 прочесть 480.

убожество. *Яркая картина* домашней роскоши рядом с бедностью церквей: *держим утварь и конь паче св. икон* ([с.] 489 f.).

И восстал на Б[ориса] не кого он боялся, не кто-либо из погубленных им вельмож, не царь какой, но кого попустил бог — «смеху достойно сказание, плача же велика дело» ([с.] 490).

Лжедмитрий I — четвертую часть вселенной, всю Европию, в 2 лета «посланни прельсти», потому что обещался письменно «всю Россию привести к стрывеи антихристову под благословение» ([с.] 491). Обличение самозванца матерью, родными дядей и братом, Тургеневым и Колачником ([с.] 492). Все власти знали, кто он ([с.] 493 m.). Любит заострить фразу: «возлюбиле вси лесть, и донине всем то н есть» ([с.] 493 f., ср. 489 f.).

Роскошь одежд у свиты, бояр и пр. — точно все женихи ([с.] 494 f.). А поляки и в банях мылись из золота и серебра ([с.] 495). Еретики в храмах с жидами (ib.). *Тонкие наблюдения*: москвичи охали о дежавшихся пако-стях, «но *сребро* любезно собирающе» (торговое оживление от наплыва иноземцев — [с.] 496).

Произвольное толкование отношений к татарам ([с.] 497 i.).

11) По убиении Гришки Москва предалась пьянству, а *молебна в соборе не было* ([с.] 498). Беда продолжилась, потому что вся Россия «строительства божия к себе не смотрела, иное рассуждающе» ([с.] 498 f.). *Новый грех*: безумство и небрежение к промыслу; не поняли, что еще раз избавлены от католических сетей. Очерк прежних покушений папы на Россию ([с.] 499). *Душевное око* неосмотрительно имея, не благодарили — и скоро за безумством возмездие следовало.

Сильными, резкими чертами рисует развитие Смуты ([с.] 500 t.) (*двоемыслие* при царе Шуйском) из вопроса о царе в *междоусобие* — (см. [с.] 501 и особенно 502—5): картина взаимного ожесточения русских, приводившая в дрожь самих чужаков, которых за жалость русаки звали худяками и женками, — прямо в любое историческое сочинение целиком (прочитать с [с.] 502 до 508 i.). Таким вышло русское общество из школы московской XVI в. Вся беда от *своих*: они могли бы, ходя с ними, перебить в непроходимых местах, будучи в пятеро многочисленнее ([с.] 504 i.): «но такового смысла²⁰ добра не боретесе» (монах!). Поляки так дурачили их, что они сами наконец смеялись над своими бедами ([с.] 505 i.); сами женщины,

²⁰ *Над строкой*: догадки.

захваченные врагами, по выкупе к ним бегали—видимо, праведен гнев божий. Забвение *общего блага* из эгоизма—себе на горе ([с.] 506 f.).

12) *Особенно характерна черта*: «всяк же *от своего чину...*²¹ *выше* начаша восходити: раби убо господне хотяще быти...» ([с.] 505 f.). Недостаток патриотической солидарности—до нас далеко ([с.] 508 f.).

13) *Хвастовство* притв[орной] набожностью.

Итог. Поднимая со дна жизни явления, не замеченные другими наблюдателями, А[враамий Палицын] проводит черты такими глубокими рубцами, кладет одну краску гуще другой с такой неистощимостью воображения, что русская усобица разрастается в трагический факт человеческой растерянности. Разнообразие красок: вслед за текстом *предист в неискусен* ум творит слова: «хотя бы нам черт, только бы не тот» ([с.] 508). ([с.] 510—516)—*воображение*²² *утомляется* *расточительным* обилием ужасных реальных красок разрушения и вслед за сценами кошунства мораль: все это за то, что строили красивые церкви и дорогие иконы, а сами в пьянстве и блуде жили, на взятки строили святыню, как будто этого довольно, как будто богу все это нужно: «Храм—не стены каменны и древяны, но народ верных» (Златоуст). Затем живая и злая сатирическая картинка быта—жесточи и пренебрежении к бедному и низкопоклонства пред сильными и богатыми ([с.] 517—9—прочитать 518 г. сл.).

Особенно обличает строение церквей лихоимством (520—1). Колокола льют, чтобы гласом их славным быть, а о голосе бедных и обидимых к богу небрегут. И в заключение величавый *афоризм* (521): ни огонь, ни меч, ни вор не вытрут милости к нуждающимся в книгах жизни, а только гордая мысль: та может и с неба свести в ад, как фарисея. Неправедное имение, богу приносимое,—*Каинова мерзость*. Царь Ив[ан] В[асильевич] за разгром Великого Новгорода чем заплатил? Чрез год татары все разграбили, и Москве всемеро досталось горше, и за Волхов, насаженный доверху трупами... ([с.] 522 i.).

Подтверждает *Тимофеево* известие о намерении Годунова построить храм Воскресения по образцу (иерусалимского) (ib.).

Кончается жестким обличением жадности и грабительства и призывом к покаянию.

²¹ Над строкой: к «Смене» * 506 i.

²² Над строкой: Картинка 511 г.

В. Н. ТАТИЩЕВ

I. ТАТИЩЕВ¹

[1886, 1891 г.]

Нам предстоит рассмотреть движение русского исторического сознания во вторую половину XVIII в., т. е. в царствование Екатерины II.

Внешний блеск этого царствования, шум побед, слава огромных территориальных приобретений, широта внутренних преобразований—все это, без сомнения, отозвалось не в одних лирах русских Пиндаров Екатерининского времени: все эти явления не могли остаться без сильного действия на русские умы, на общественное сознание тогдашнего нашего общества.

Но, разбирая факты, которыми характеризуется наша умственная жизнь того времени, мы должны приписать господствующее в ней значение не этим громким и ярким явлениям внешней и внутренней политики правительства. Питательную и движущую струю в движении русской мысли составляет факт менее шумный и более глубокий. Никогда еще, даже и во время Петра I, русское общество не подвергалось такому сильному и многостороннему давлению иноземных идей; впервые оно вошло в такое тесное знакомство с литературой западноевропейского мира. Сила этого иноземного умственного влияния измеряется уже тем, что им проникнуты, от него не могут отрешиться даже те, которые борются с ним, которые боятся дурных его последствий.

¹ Написано карандашом.

Надобно, впрочем, заметить, что и в самой Западной Европе около половины XVIII в. умственная жизнь принимает направление, дотоле ею не испытанное; в ней получают господство идеи, никогда с такой силой не овладе[ав]шие умами. В чем состояла сущность этого умственного движения и как оно отразилось на умственной жизни русского общества — вот два вопроса, которые необходимо предварительно хотя бегло рассмотреть, чтобы понять и оценить происхождение, свойство и значение перемен, совершившихся в русском историческом сознании во вторую половину прошедшего столетия.

Характером и силой этого умственного движения XVIII век утвердил за собой гордое название философской эпохи или века Просвещения. Мысли, составившие сущность этого просветительного движения, родились, по крайней мере впервые высказаны были, в Англии еще в XVII в., вслед за конституционной борьбой Стюартов с английским народом. Творцами их были астроном и эмпирик-философ, Ньютон и Локк, первый со своим мех[аническим]² законом тяготения, второй со своим сенсуал[истическим]³ учением о человеческом познании⁴.

II. ТАТИЩЕВ¹

Материал. Татищев собрал громадную массу печатных и рукописных памятников для своего труда. Он сам признается, что имел под руками более 1000 книг, которыми мог руководствоваться. Здесь были и древние греко-римские историки, и географы, и произведения тогдашней европейской исторической и географической литературы, и разнообразные отечественные источники истории.

Общий план. Характер этих последних определил общий план труда Т[атищева]. Сперва он думал писать обыкновенным «историческим порядком, сводя из разных мест к одному делу, и наречием таким, как ныне наиболее в книгах употребляем», т. е. современным ему литературным языком. Но 1) свидетельства источников еще не были сведены и согласены, и невозможно было делать исторических выводов без предварительного выбора и проверки известий; 2) самые источники впервые извлекались из пыли частных и общественных архивов и затрудняли

² Слово написано над строкой карандашом.

³ Слово написано над строкой карандашом.

⁴ Полтора листа оставлено В. О. Ключевским чистыми.

¹ Написано карандашом.

историографу ссылки на них; сообщив² их свидетельствам литературно-историческое изложение, переменяв их порядок и наречие, по выражению Т[атищева], он подвергался опасности погубить вероятность, возбудить в читателе подозрение в произволе и вымыслах. Ученое благоразумие заставило Т[атищева] принять совсем иной план изложения, соответствующий первоначальной черновой работе, которой требовали источники. Он предположил разделить свой труд на 4 части: в первой изложить предварительные критико-библиографические исследования об источниках и этнографические разыскания о главных народах, населявших Россию до 860 г.; вторую должны были составить летописные известия о России с 860 г. до монголов, третью — до Ивана III и четвертую — до Михаила Федоровича. Излагая известия эти, он решил просто выбирать и сопоставлять их из разных летописей, не трогая текста и летописного порядка источника, составить, так сказать, сводный текст летописей, «не переменяя, ни убавляя в них ничего», по словам самого автора. Впрочем, потом, для удобства читателей и переводчиков, он изложил составленный та[ким] обр[азом] свод современным литературным языком: в таком виде он и появился в свет. Собственно ученую работу, критические изыскания, пояснения и выводы, он поставил в стороне от этого текста, в особых сопровождающих его примечаниях.

Порядок изложения. Сообразно с этим общим планом расположено и изложение³ автора. Из 49 глав первой части несколько посвящено исследованиям о начале письменности у славян, о языческих верованиях и принятии ими христианства, Иоакимовской и Несторовой летописи, о летописцах после Нестора и рукописях, по которым автор изучал летописи.

К этому прибавлена глава о летоисчислении⁴ в древнерусских летописях. Следующие затем (с 9-й) главы заняты известиями древних и новых писателей и собственными изысканиями автора о скифах⁵, сарматах, в которых он видит финнов, и славянах, к которым он причисляет гетов, фраков, даков, энетов, болгар волжских и даже хазар. В дальнейших частях — летописный свод с критическими примечаниями.

² Над строкой написано карандашом: облекши.

³ Над строкой карандашом: истор[ическое] повествов[ание].

⁴ Над строкой карандашом: время.

⁵ На полях написано карандашом: племена гуреции.

III. ТАТИЩЕВ

Характерное явление нашей научной жизни: практический делец Петровой школы—историограф. Не досужая любознательность, а практическая потребность вызвала труд. Русский исследователь встал впервые перед первыми источниками отечественной истории и внимательно подумал, как поступить. Начальная летопись во главе сводов: исторические представления русских киевских книжников XI—XII вв. (автор П[овести временных лет] Нестор и Сильвестр). Мы знаем начало нашей истории, как его представляли эти книжники. Как они? Их исторические воспоминания с совершенно пустого места: имаху дань—859 г. Раньше этого три народные сказания подслушаны и завязли в пам[яти]: 1) о нашествии волхвов; 2) об основании Киева; 3) о нашествии обров на дулебов. Нашествие хазар уже примыкает к непрерывному ряду исторических воспоминаний летописателей. Эти сказания в *песнях*, вероятно. Еще о приходе радимичей и вятичей «от ляхов», из Польши, но уже с ученой примесью. Два ига. Потребность осветить темное место: *Повесть временных лет*—ученый исторический трактат, чистая диссертация о происхождении Руси. Материал: живые остатки старого быта, песни, поговорки, византийский хронограф; связано критикой—в предании о Кие: *яко же скажут*—кто? Книжное творчество уже в XI в., и составитель свода продолжал его.

Т[атищев] поступил по примеру составителя Начальной летописи: он не тронул исторических представлений р[усских] книжников XI—XII вв., как те не трогали народных преданий своего времени, 2-ю часть начал *парафразой Нач[альной] летописи* и продолжал сводкой. «По потоце трие сынов Ноеви разделиша землю». «Сие начинаю сказание се...» Но как книжники тех веков старались понять народные предания с византийским хронографом в руках, осветить чужд[ым] светом темное место, с которого их воспоминания, так и Т[атищев] с ними. Книжная легенда [дошла] до него в осложненном виде: Иоаким[овская] летопись 1, 31. В текст свода не поместил, но не обошел, только указал источник вымыслов—прим. 7 к 32 на стр. 42. *Подбором древних и христ[ианских] известий о Вост[очной] Европе* попытка воссоздать *историческую* почву, на которой сели русские славяне. Отсюда ряд монографий—49 глав первой части. Тяжесть и цена работы—методологическая. Отсюда *первая теория* ученая на смену книжной легенде

о начале нашей истории. Неважно, что ее поздно узнали (изд[ание] началось с 1768, а труд уже готов в 1739). Важно не распространение ее в читающем обществе, а технич[еская] возможность ее возникновения в уме тогдашн[его] исследователя. Главные черты теории—выше. Заканчивает происхождением и видами человеческого общества: 1) сообщество семейное; 2) *родовое*—союз родителей и детей; 3) *домовное*—господина и слуг по *договору*, ибо общество насильственное, союз завоевателей и невольников лишен юридич[еского] основания, так как нет самого источника права—соглашения свободных воль: раб и холоп [с.] 530 NB; 4) *гражданство*—союз домовных сообществ для взаимной защиты и разделения занятий: [т.] 1, [с.] 530 и сл. Русский историограф, цепляющийся за вечно несущуюся вперед европ[ейскую] мысль и полит[ические] взгляды: [с.] 545 сл.

В примечаниях не историк, а наблюдатель вместе с читателем. Стереоскопически проводит перед ним летописи, смотря сам с боку: [т.] IV, [с.] п. 24, [т.] XII, [с.] п. 50; стр. 110.

Речь Попова: занятие историей [с.] 6—7. 10; изучение Байера: [с.] 16. Политич[еские] взгляды: Соловьев: Историограф. [с.] 32. Значение труда: *ib.*, [с.] 35. Польза истории: *ib.*, [с.] 18i.

Ссылка на Вольфа: Тат[ищев], ч. I, [с.] 1, 3 i. Исторический фактор—ум: § X, [с.] 26.

«РАЗГОВОР»*

Потребность синтеза частичных наблюдений и исследований. Важность соврем[енных] памятников такого рода.

Происхождение Разговора. Речь 16. Феофанова ученая дружина. Учено-литер[атурные] кружки. Вопрос о народном образовании. Переход в политические общества при Алекс[андре] I.

Энциклопедическое направление умов под влиянием рационализма в философии и политике. Лейбниц—Бейль и энциклопедисты.

Энциклоп[едическое] содержание Разговора. Предисл[овие], XXI сл. Трактат о пользе наук и план народных училищ (р. 161). Можно дешевле и шире.

Духовный облик образ[ованного] русского человека школы Петра:

1) Политический консерватор: не касаясь основ сущ[ествующего] государственного порядка, изучает его происхождение и склад, замечает недостатки и придумы-

вает средства исправления без мысли о перестройке. Эмендатор, не новатор, как и сам Петр;

2) Средство исправления — наука во всем тогдашнем ее объеме и для всего народа, без специализации и монополизации, решительно вся и решительно для всех, со школами без раз[личия] «для мужских и женских персон», по плану Татищ[ева].

IV. В. Н. ТАТИЩЕВ (1686—1750)¹

Вторым делом русской историографии XVIII в. было собирание и обработка материалов для полной истории России. В этом деле вместе с немцами-академиками поработали и русские люди, и им принадлежит не только инициатива этого дела, но и наибольшее количество сделанного.

Потребность в полной русской истории, составленной по первым научно обработанным источникам, родилась под влиянием преобразовательной деятельности Петра Великого из практических нужд, из умственных и нравственных стремлений, ею внушенных.

Как подействовала реформа Петра на умственную и нравственную жизнь русского общества — это вопрос очень важный, но еще далеко не выясненный в надлежащей степени. Если судить об этом действии по ближайшим сотрудникам преобразователя, особенно по их поведению после него, ответ на вопрос получится не особенно благоприятный. Большинство этих даровитых и деловитых людей страдало большими недочетами в своем образовании и не меньшими нравственными недостатками, решительно выводившими Петра из терпения. Не лучшее впечатление производит и масса русского общества, прямо захваченного реформой, увлеченного ее интересами. Неблагонадежные нравы этого общества довольно известны, а его умственное развитие можно характеризовать известным стихом Кантемира: «Ум незрелый, плод недолгой науки», — и это еще лучшее, что можно сказать про русскую интеллигенцию, выработавшуюся из реформы.

Нельзя, однако, думать, что реформа потерпела полную неудачу в этом отношении, т. е. в деле насаждения в России наук, образования. Известно, что ее ближайшей целью было распространение прикладных знаний, которые приносят прямую материальную пользу, делают народ

¹ *Над строкой:* Поиски Татищева в Швеции: Сол[овьев, т.] 18, [с.] 314.

промышленным, государство — сильным и богатым. В своем апрельском манифесте 1702 г. о вызове иностранцев в Россию Петр признается, что предпринял в государственном управлении «некоторые нужные и ко благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах». Но для достижения такой скромной, ограниченной цели Петр приводил в действие такие средства, внушал такие стремления, которые невольно будили умы, расширяли взгляды и понятия, поднимали мысль выше интересов материального житейского обихода. И если вы хотите видеть, как сильно было действие реформы в этом направлении, каких образованных дельцов могла она создавать, для этого достаточно познакомиться с биографией В. Н. Татищева. Это типический образчик петровского дельца, воспитанного реформой, проникшегося ее духом, усвоившего ее лучшие стремления и хорошо послужившего отечеству, а между тем не получившего от природы никаких необычайных дарований, человека, невысоко поднимавшегося над уровнем обыкновенных средних людей.

Именно это и усиливает его значение в русской историографии. Артиллерист, горный инженер и видный администратор, он всю почти жизнь стоял в потоке самых настоятельных нужд, живых текущих интересов времени — и этот практический делец стал историографом, русская история оказалась в числе этих настоятельных нужд и текущих интересов времени; не плодом досужей любознательности патриота или кабинетного ученого, а насущной потребностью делового человека.

Таким образом, Татищев вдвойне интересен, не только как первый собиратель материалов для полной истории России, но и как типический образчик образованных русских людей петровской школы*.

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1892 г.

ЛЕКЦИЯ

I

Г. З. БАЙЕР. ЕГО ТРАКТАТ О ВАРЯГАХ.
Г. Ф. МИЛЛЕР. СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.
РЕЧЬ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДА И ИМЕНИ РОССИЙСКОГО.

Г. З. БАЙЕР. Со второй половины 1725 г.¹ приглашенные русским правительством западноевропейские ученые стали съезжаться в Петербург. В числе их был *Готлиб Зигфрид Байер* (1694—1738), преподаватель классических древностей в Кенигсберге. Он родился в 1694 г., еще в гимназии усердно занимался латинским языком и предпочитал его немецкому; он сам признавался, что отвык мыслить по-немецки и думал по-латыни. Он усердно изучал Восток, его языки и древности и успел приобрести необыкновенную массу познаний в восточных языках. От усиленных занятий он стал страдать нервными припадками и ясновидением, впал в тоску². Блументрост пригласил его в Петербургскую академию на кафедру истории, но Байер выбрал древности классические и восточные и восточные языки. Он получал жалованье в 600 руб. с казенной квартирой. По расчету хлебных цен 1 рубль времени Екатерины I равен 8 руб., из этого можно заключить, что тогдашний оклад академика был значительно выше нынешнего (около 5 тыс. руб.). Байер хотел изучать китайский язык; Феофан Прокопович и Остерман помогали ему отчасти в этом деле. Но постепенно он стал интересоваться местной историей, только не хотел изучать русского языка. При Академии наук издавались ученые записки—«Комментарии»; Байер вел в них исторический отдел. Но доступное ему поле вопросов русской истории было очень

нешироко³. Байер занялся изучением иностранных источников начальной истории России — греко-латинских, немецких и скандинавских. Его труды по критической разработке этих источников оказали несомненную пользу русской историографии. В «Комментариях» с конца 20-х годов он поместил ряд специальных исследований по истории и исторической географии России, о происхождении и первоначальных жилищах скифов — «*De rursorum prima expeditione constantinopolitana*» (Comment., VI, 365) и много других. Самой важной из этих работ была его диссертация «*De varagis*»⁴. Недовольный порядками в Петербургской академии, Байер стал подумывать о возвращении на родину⁵; смерть в 1738 г. помешала этому.

ЕГО ТРАКТАТ О ВАРЯГАХ. Трактат о варягах, открывший длинный ряд исследований по этому вопросу, послужил краеугольным камнем целой норманской теории⁶. Байер ставит вопрос в довольно тесных границах. Он отправляется от сказания нашей Начальной летописи по Кенигсбергскому списку, который прямо цитует⁷, с которой он познакомился с помощью Паузе⁸. Он сосредоточил свое внимание на одном пункте — факте призвания князей из варягов. Байер так начинает свой рассказ: «Исстари русами владели варяги; потом их прогнали, Гостомысл начал править государством. Но вследствие неурядиц он дал совет призвать тех же варягов, и был призван Рюрик с братьями»⁹. Он прежде всего опровергает появляющееся в наших летописных сводах с XVI в. сказание о призвании Рюрика из Пруссии¹⁰; далее, он не согласился и с мнением Герберштейна о происхождении варягов от вагров, славянского племени из Голштинии. Он утверждал, что это простое созвучие. Опровергая эти мнения, Байер ставит тезис, что варяги были из Скандинавии и Дании¹¹; это были воины благородного происхождения, союзники русов, нанимавшиеся на военную службу к ним. Они же были царскими телохранителями, оберегателями границ, и по ним все шведы, норвежцы и датчане стали слыть за варягов. Здесь он сделал слабый намек на отношения Руси к варягам. Хотя русские летописцы ведут рассказ от Рюрика, но смутно помнят, что он происходит от прежних русских государей, варягов же¹². Байер далее излагает свои основания. Во-первых, он ссылается на рассказ Бертинской летописи о послах Руси в Константинополе (839), где послы названы шведами. Затем он обращается к скандинавским сагам и другим северным и западным

источникам и приводит из этих источников доказательства тому, что имена первых князей и их дружинников все скандинавские, только Синеуса не мог объяснить. Впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым¹³, но самый прием доказательства держится доселе. Таким образом, Байер приходит к выводу, что *варяги были скандинавы*. Относительно значения слова¹⁴ Байер принимает мнение одного скандинавского ученого, что *варяг*—от эстонского *varas*—разбойник, сопоставляя с ним русское *вор*¹⁵. Он старался успокоить русское самолюбие¹⁶ сравнением с греческими пиратами¹⁷, нередко основывавшими государства. Изучая скандинавские саги, он встретил вместе со словом «викинг» слово «*vaeringiar*»—наемные стражи, охранители, от корня *varda*—беречь, охранять: *Ajo, milites svionas...*¹⁸ Еще до Байера было высказано кем-то мнение, что *vaeringiar* значит *гвардия*. В таком значении они (варанги)¹⁹ являлись на службу византийских императоров. Так называли себя, по мнению Байера, сами скандинавские выходцы²⁰. Русь и привыкла прилагать это название ко всем выходцам из-за моря. Вывод Байера лег в основу учения *норманской школы*.

Г. Ф. МИЛЛЕР. Указаниями Байера пользовался молодой немецкий ученый, также приглашенный в Академию наук при ее открытии. Это был *Герард Фридрих Миллер* (1705—1783). Он родился в 1705 г. и кончил свое образование в Лейпцигском университете—отсюда его и вызвал в Петербург Блюментрост, президент Академии²¹. Молодой ученый был вызван в качестве академического студента (это учитель академической гимназии) с окладом жалованья в 200 руб. Он взял на себя преподавание латинского языка, исторической географии в открытой при Академии гимназии. Библиотекарь Академии и советник академической канцелярии Шумахер, всемогущий воротила, поручал Миллеру различные издательские работы. Он получил звание профессора Академии вместе с математиком Эйлером. Миллер хотел прочно устроиться, составил себе хорошо рассчитанный план жизни. Он хотел жениться на дочери Шумахера, чтобы наследовать его должность и заниматься изучением энциклопедии наук, чтобы подготовить себя к должности библиотекаря такой обширной библиотеки. По смерти отца он ездил за границу, но, вернувшись, увидал, что Шумахер на него более смотреть не хочет. Миллер сообразил тогда, что всего больше условий для успеха представляла ему разработка такой неведомой области

историографии, как начало русской истории. Байер поддерживал его намерение не без личного расчета; он ему советовал поспешить с изучением русского языка, чтобы потом сделать его своим помощником по разработке источников русской истории. Миллер предложил Академии наук издавать собрание памятников по русской истории, которое и стало выходить начиная с 1732 г. на немецком языке²². В этом сборнике помещались извлечения и переводы из летописей и других неизданных памятников²³. Для переводов он пригласил также немца Паузе, бывшего учителя в школе Глюка. В списке летописи, которым пользовался Паузе, так называемом Кенигсбергском, как и в некоторых других, заглавие — «Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря». При переводе Паузе допустил несколько грубых ошибок: так, в черноризце Феодосиева монастыря он увидел самого основателя монастыря, и этот промах долго повторялся в заграничной литературе.

СИБИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. В 1732 г. находился в Петербурге Беринг, возвратившийся из известной экспедиции, назначенной еще Петром Великим и снаряженной при Екатерине I. Тогда готовилась вторая камчатская экспедиция, между прочим для устройства плавания в Камчатку Ледовитым океаном вместо трудного сухопутного переезда через Сибирь. Миллер, наскучив академическими дрязгами, решил принять участие в этой экспедиции. Он провел вместе с натуралистом Гмелиным в путешествии 10 лет (от 1733 до 1743 г.) и возвратился в Петербург в 1743 г. Изучение сибирских архивов он начал с Тобольска, перерыл архивы во многих других городах, нанимал писцов для переписки интересовавших его документов и все эти материалы привез с собой в Петербург. Так составил известный портфель Миллера: более 30 фолиантов — запас, не исчерпанный еще и доселе²⁴. Миллер изучал также быт различных народов, встреченных им на пути. Вернувшись в Петербург, Миллер составил обширный план изучения русской истории и географии и представил его на рассмотрение в Академию. Миллер предлагал учредить при Академии особый департамент для сочинения истории и географии Российской империи, который должен был состоять под председательством историографа²⁵; последний должен был иметь при себе двух адъюнктов: один должен был помогать ему составлять самую историю и географию, другой — непременно из русских — должен

был по поручению историографа разъезжать по империи для собирания нужных сведений. При них должны были находиться один переводчик и два переписчика в качестве студентов, которые, обучаясь при Академии языкам и наукам, подготавливались бы к должности адъюнктов. Необходимая сумма для содержания этого департамента русской истории и географии исчислена в 3500 руб. Граф Разумовский, президент Академии с 1746 г., отклонил предложение Миллера. Миллеру и другому академику — Фишеру²⁶ была поручена разработка сибирской истории. «Описание Сибирского царства» Миллера печаталось в 1748—1749 гг. Этот труд показывает, что Миллер сделал большие успехи в изучении русских летописей и других исторических памятников. Первые шаги в этой области были соединены с большими трудностями²⁷. В 1747 г. Миллер возобновил свой контракт с Академией и назначен был *историографом* с переходом в русское подданство; вместе с тем он сделался ректором академического университета с освобождением от обязанности читать лекции.

РЕЧЬ «О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДА И ИМЕНИ РОССИЙСКОГО». 6 сентября 1749 г., на другой день после тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны, должно было состояться торжественное заседание Академии, для которого поручено было Миллеру и Ломоносову составить речи. Миллер написал на латинском языке речь «О происхождении народа и имени российского»²⁸. Эта речь, имеющая важное значение в русской историографии, надолго усеяла терниями путь Миллера. В 1734 г. в Академии было решено обратиться к сенату за разрешением издать русские летописи без всяких изменений. Сенат признал себя некомпетентным в этом деле и обратился к св. Синоду²⁹; «последний же объявил, что это только нанесет ущерб казенному капиталу, так как летописи полны лжи, и кто прочитает первый том, не купит уже второго». В таком положении находилась русская наука, когда Миллер готовился произнести свою речь. Некий Крекшин³⁰, оскорбленный Миллером, распустил слухи, что в рукописях Миллера находились места, позорящие русский народ. По академическим обычаям, речь Миллера была отдана на рассмотрение комиссии³¹, в состав которой входили Тредьяковский и Ломоносов. Тредьяковский поступил с большим тактом: он не нашел в речи Миллера ничего предосудительного. «Все предосуждение сделал сам себе сочинитель выбором столь спорной материи»³². Ломоносов нашел речь ночи подобной

и говорил, зачем автор упустил лучший случай восхвалить русский народ. Речь Миллера, уже печатавшуюся, велено было отобрать у него³³. По жалобе Миллера на пристрастие судей президент велел рассмотреть речь на генеральном собрании Академии, где автор мог бы защищать свои взгляды. Рассмотрение речи с диспутами продолжалось с октября 1749 по март 1750 г. и отличалось большой бурностью. Большинство академиков высказалось против речи, и она не была не только прочитана, но ее отобрали и постановили уничтожить, так как она предосудительна для России³⁴.

ЛЕКЦИЯ

II

Г. Ф. МИЛЛЕР И ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС.
ВОЗРАЖЕНИЯ АКАДЕМИИ. ДОВОДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА.
ДАЛЬНЕЙШАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛЛЕРА.
В. К. ТРЕДЬЯКОВСКИЙ. М. В. ЛОМОНОСОВ

Г. Ф. МИЛЛЕР И ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС. Миллер этой речью открыл длинный ряд ученых споров по так называемому варяжскому вопросу. Миллер в своей речи хотел, собственно, решить вторую часть вопроса—о Руси³⁵, но по своему задорному характеру он обострил выводы Байера, каждому положению придал форму, щекоотливую для русского самолюбия. Вот почему его речь возбудила такой шум в петербургском обществе.

Миллер доказывал в своей речи три главных тезиса³⁶. Первый из них основан на рассказе Начальной летописи о приходе славян с Дуная на Днепр. Это переселение совершилось, по мнению Миллера, уже в христианские времена, не раньше Юстиниана. Миллер доказывал, что славяне были прогнаны с Дуная на Днепр волохами-римлянами и поселились в стране, занятой финнами.

Второй тезис состоит в отождествлении варягов со скандинавами (у Байера варяги—это нарицательное, не собственное племенное имя).

Третий тезис состоит в тождестве руси с варягами. Стало, скандинавы дали Руси государей. Это—новая мысль.

ВОЗРАЖЕНИЯ АКАДЕМИИ.
Эти положения и вызвали³⁷ бурю. Причиной запальчиво-

сти этих возражений было общее настроение той минуты, когда была написана речь. Речь Миллера явилась не вовремя; то был самый разгар национального возбуждения, которое появилось после царствования Анны и которому была обязана престолом Елизавета Петровна. Минувшее десятилетие стало предметом самых ожесточенных нападков; даже церковные проповеди обратились в политические памфлеты, направленные против этого темного десятилетия. С церковной кафедры говорили, что хищные совы и нетопыри засели тогда в гнезде российского орла. Новое, национальное царствование началось среди войны со Швецией, которая кончилась миром в Або 1743 г. В это время готовиться сказать по случаю тезоименитства государыни на торжественном заседании Академии, что шведы дали Руси и народное имя, и государей, едва ли значило украсить торжество³⁸.

Академики, рассматривавшие речь по поручению президента, дали такой отзыв: во всей речи автор ни одного случая не показал, который служил бы к славе русского народа, а говорит только то, что служит к его уничтожению³⁹. Тредьяковский опять в длинной записке признал диссертацию вероятней даже всех других систем по тому же предмету и задался вопросом, кто такие были россы. Он собрал всевозможные известия о россах—всюду шарил, даже в Шотландии и Туркестане. Слово «росс» навело его на мысль, что оно произошло от слова «рази», следовательно, они были очень воинственны. У византийцев они звались россами от русских волос, у Страбона—от роксолан, у Прокопия—от глагола «рассеиваться». Но все это не удовлетворяет исследователя. Вдруг он разворачивает летопись и находит в ней известное место: «суть новгородцы варяжское племя, прежде быша словене»⁴⁰. Тредьяковский отбрасывает свои прежние догадки. Взгляд Миллера кажется ему весьма вероятным; он не одобряет только формы, в какой Миллер его выражает. Он говорит: нагая истина ненависть рождает⁴¹.

ДОВОДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА. С Ломоносовым разделаться было труднее. Его доводы не столько *убедительны*, сколько *жестoki*. Положения Миллера, по мнению Ломоносова, не только шатки, но и опасны: 1) они произведут соблазн в православной церкви⁴², потому что Миллер полагает поселение славян на Днепре и в Новгороде уже после времен апостольских, а русская церковь ежегодно вспоминает хождение апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к

славянам, где крест его и ныне высочайшим ее величества указом строится на том месте каменная церковь; 2) если, как утверждает Миллер, хождение это есть сказка, то что же сделать с орденом Андрея Первозванного? 3) Байер и Миллер так рассуждают: варяги, т. е. русь, произошли от скандинавов, а имя—от финского племени⁴³. Значит, шведы нам дали князей, а чухна—имя? Свое возражение Ломоносов заканчивает словами, что речь Миллера не может служить к чести Российской Академии и побуждать российский народ на любовь к наукам. Миллер действительно потерпел за речь. По крайней мере она была косвенным источником тех преследований, которым он подвергся. Теперь ему всё начинали ставить в строку. Он получал жалование профессора, но уже 18 лет, как ректор академического университета, не читал лекций; теперь отняли у него ректорство, президент предложил ему читать лекции по всеобщей истории. Наконец, Миллера разжаловали из профессоров в адъюнкты с жалованием в 360 вместо 1 тыс. руб. После ему возвратили и звание и оклад. Забавной интермедией к этой истории может служить пародия на речь Миллера, написанная Шумахером⁴⁴. В одном письме он касается речи Миллера и находит в ней много учености, но мало благоразумия. Если бы ему, Шумахеру, пришлось говорить речь, он сказал бы: Происхождение всех народов весьма неизвестно: каждый производит себя то от богов, то от героев. Так как я говорю о русском народе, то я прежде всего приведу мнения различных писателей, а потом выскажу и свое мнение. Такой-то думает и т. д. Я же, основываясь на шведских писателях, представляю себе, что русская нация происходит от скандинавских народов. Впрочем, откуда бы ни происходил русский народ, он всегда был народом храбрым, отличавшимся геройскими подвигами. По краткости времени коснемся только замечательнейших, отложив прочие до другого случая. Здесь он мог бы говорить о подвигах князей, царей, императоров и императриц. А Миллер хотел умничать—так ништо ему! *Nabeat sibi*, дорого заплатит за свое тщеславие⁴⁵.

Все это любопытно для характеристики ученой и нравственной обстановки, среди которой развивалась русская историография в XVIII в.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛЛЕРА. Деятельность Миллера продолжалась еще долго после этой злосчастной речи. Он представил план издания первого учено-литературного журнала в

России, то были «Ежемесячные сочинения», редактором которых назначен был Миллер⁴⁶. «Ежемесячные сочинения» начали выходить с 1755 г.⁴⁷ Миллер поместил в них множество своих специальных работ по русской истории, географии и этнографии. В первом году он поместил замечательную для того времени критическую статью о Несторовой летописи, о составе ее и значении как исторического источника. Она долго служила основанием ученых суждений об этом памятнике. Взгляд Миллера очень основателен; он говорит, что ни у одного славянского народа нет подобной летописи, да и во всей анналистической литературе нет памятника, столь древнего и важного; вот почему он считает необходимым издать летопись для обращения в народе. «Ежемесячные сочинения» прекратились в 1765 г., когда Миллер перешел на службу в Москву, а преемника ему по редактированию журнала в Академии не нашлось. Наскучив академическими интригами, Миллер охотно принял предложение на место главного смотрителя Воспитательного дома в Москве, но уже в следующем году он благодаря князю Голицыну стал начальником Московского архива иностранной коллегии. С этой минуты ожил этот архив, столь важный для русской истории. Здесь хранится не одна дипломатическая переписка московского правительства с конца XV в.; Посольский приказ заведовал и другими отраслями управления, и все документы по этим частям государственного управления также сохранились в его архиве, причем в замечательной полноте. Миллер почувствовал себя как дома в этой атмосфере. Он начал систематическое описание архива, продолженное его преемниками. Кроме того, он начал обрабатывать находившийся там материал; он хотел написать новую русскую историю начиная со времени самозванцев.

Ломоносов не спускал глаз с Миллера долго после речи и в Москве⁴⁸; он очень опасался работ Миллера, в каждом его произведении он видел занозливость и предосудительные речи, говорил, что Миллер замечает только пятна на одежде российского тела, не замечая ее украшений.

Первые статьи Миллера по новой русской истории были напечатаны еще в «Ежемесячных сочинениях»⁴⁹. Ломоносов подал записку и добился того, что Миллеру было запрещено продолжать его труды.

Екатерина благоволила к Миллеру и купила у него за 20 тыс. руб. его богатую рукописную библиотеку, которая присоединена была к Петербургской публичной библи-

отеке. Миллер умер в 1783 г. Важнейшие его сочинения: 1) «Речь о происхождении имени и народа российского»; 2) начатое им «Описание Сибирского царства» и 3) «Опыт новейшей истории России». После Татищева в XVIII в. никто не сделал больше по собиранию и предварительной обработке источников русской истории⁵⁰.

В. К. ТРЕДЬЯКОВСКИЙ. Академик профессор *Василий Кириллович Тредьяковский* (1703—1769), первоначально примкнувший к мнению Миллера по вопросу о варяжском происхождении Руси, потом перешел на сторону его противников, вероятно, под влиянием взглядов Ломоносова и Татищева. Роль Тредьяковского в Академии была очень печальна: он постоянно был «сатирически прободаем». Это происходило от полного отсутствия у него литературного таланта. В 1758 г. он написал три исторические диссертации. В этих трех диссертациях, тесно между собой связанных единством мысли, Тредьяковский примыкает частью к Татищеву, частью к Ломоносову. Он доказывает, что некогда, еще до немцев, в Пруссии господствовали славяне. Он потратил много учености, чтобы доказать свои положения; но о них можно сказать, что в них много пустоши, часто досадительной и для России предосудительной, как сказал Ломоносов о сочинениях Миллера. Для доказательства своих положений он дает полную волю воображению в области грамматики: Каледония—Хладония (холодная страна), скифы—от «скитаться», варяги—от «ворять», «предварять» (забегать вперед), сарматы—от «замарать» и пр. Легко понять, что эти исследования не могли оставить заметного следа в русской историографии.

М. В. ЛОМОНОСОВ. Более важное значение имели труды *Михаила Васильевича Ломоносова* (1711—1765)⁵¹. Нападки Ломоносова на Миллера не просто личного свойства: они вытекали из его патриотических взглядов⁵².

Ломоносов случайно должен был приняться за изложение русской истории—работу, ему наименее сподручную. И без того ученые его работы были чрезвычайно разнообразны; что он со вниманием относился к современному гигиеническому и экономическому положению народа, это доказывает его письмо к Шувалову о средствах к размножению и сохранению российского народа. Сами немцы признавали огромные таланты и ум Ломоносова, но они говорили, что с ним жить нельзя по его самолюбию⁵³. Он нашел себе покровителя в лице знаменитого тогда мецена-

та Ив. Ив. Шувалова. Последний (через посредство которого Вольтеру было предложено написать историю Петра Великого) задался мыслью создать историю России, составленную в патриотическом направлении. Разумеется, за такое дело естественнее всего было взяться первому уму и самому блестящему перу в России. Шувалов доложил об этом императрице, и она изъявила свою волю⁵⁴. После этого отказываться уже нельзя было. Поручение, очевидно, было официальное. До нас дошли отчеты Ломоносова Шувалову по исполнению этого поручения. Ломоносов тотчас вошел в сношения с Татищевым, который жил тогда в своей подмосковной деревне, махнув рукой на свой громадный труд. Ломоносов собрал важнейших писателей, древних и средневековых, у которых находились известия о России, и все это тщательно прочитал. В отчетах Шувалову он говорил о том, что прочитал и сколько выписок сделал. Пожилой ученый, очевидно, с трудом одолевал громадный и непривычный материал. Среди этих усиленных работ Ломоносов с горечью должен был покидать свои занятия в химической лаборатории⁵⁵, которые он притом считал очень полезными для России⁵⁶. В 1753 г. Ломоносов обещал окончить первый том своей истории, но кончил работу только в 1763 г. Он умер в 1765 г., а этот первый том вышел в 1766 г. Здесь находится прежде всего свод известий о России иноземных писателей, а потом рассказ по Начальной летописи до смерти Ярослава. Сохранилось известие, что Ломоносов приготовил еще две части, но, где они, неизвестно. Чтобы встать на дорогу Миллеру, Ломоносов приготовил сокращенный рассказ о Смутном времени, но он утерян.

Ломоносов приступил к обработке русской истории с тенденцией, подсказанной ему патриотическим настроением елизаветинского общества. Он хотел восполнить пробел в русской истории, он хотел сделаться русским Ливием, который «открыл бы миру древность и славу русского народа». Судьбы русского народа мало известны не по своему внутреннему качеству, а по случайному обстоятельству, потому что они не нашли до сих пор талантливого историка⁵⁷. Пока он оставался на почве начальной истории и имел дело с отдельными фактами, он показал свою силу: его критический очерк в некоторых частях и до сих пор не утратил своего значения. Но когда ему пришлось иметь дело с явлениями древней жизни, которую он начал обдумывать, только когда стал писать, он оказался просто повествовательным риториком.

ЛЕКЦИЯ

III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА.
 ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА.
 НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.
 СКЕПТИЦИЗМ ЗАПАДНИКОВ. ЛЮБОРУСЫ. СТАРОДУМЫ.
 СРАВНИТЕЛЬНО-АПОЛОГЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

М. В. ЛОМОНОСОВА. «Древней российской историей» Ломоносова завершились труды по русской истории в царствование Елизаветы. Этот труд по смерти автора не получил большого распространения в обществе и не оказал большого влияния ни на историческое сознание общества, ни на ход историографии. Он разве только поддержал до времени Карамзина потребность в художественном изложении русской истории. Довольно сухой рассказ этот не мог удовлетворять вкусов читающего общества времени Екатерины II. Гораздо большее значение если не в развитии русской историографии, то в развитии исторической любознательности, вкуса к историческому чтению имела сокращенная переделка этого труда (1760 г.) — «Краткий русский летописец»⁵⁸. Это очень любопытный опыт краткого учебного руководства. Изложив историю происхождения русского народа, Ломоносов дает здесь краткую таблицу русских государей. Перечень царей оканчивается Петром Великим. При имени каждого государя сообщаются главные события его княжения. Этот короткий перечень живо напоминает собой те конспекты по истории, которые готовит каждый гимназист к выпускному экзамену. К этому перечню присоединена родословная таблица российских государей. «Краткий российский летописец» Ломоносова во все царствование Екатерины был довольно распространенным школьным руководством по русской истории.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

М. В. ЛОМОНОСОВА. В исторических взглядах Ломоносова отразилось влияние господствующей идеи царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени. В этом взгляде сказалось сознание народной силы, а творцом этой силы был Петр; вот чем объясняется культ Петра, который характеризует то время⁵⁹. Созданию этого культа содействовал отчасти и

сам Ломоносов («Похвальное слово Петру» в 1755 г.). Это был последний момент союза между стремлением к самобытности и поклонением перед реформой Петра. В царствование Елизаветы еще не сопоставляли реформы Петра с той жизнью, которую она реформировала: тогда еще древнюю Россию не думали ссорить с новой. Патриотический подъем народного духа, разумеется, как он выражался в высшем обществе, нуждался в историческом оправдании. При таком взгляде на задачу историографии понятны приемы Ломоносова в изложении русской истории. Он хотел показать, что русская национальная гордость не случайное настроение какого-либо поколения, не имеющее почвы в истории. Русская история должна была обнаружить, что оно искони было присуще народу и проявилось его подвигами. Итак, чувствовалась потребность написать русскую историю, но еще не сознавали, что ее надо изучать и понимать. Ломоносов читал летописи без выписок⁶⁰; он хотел мгновенным вдохновением уловить дух русской истории. Это, очевидно, прием оратора или поэта. Потому и история Ломоносова вышла риторической, где размышления самого автора смело ставятся в ряд с историческими событиями. В отдельных местах, где требовалась догадка, ум, Ломоносов иногда высказывал блестящие идеи, которые имеют значение и теперь. Такова его мысль о смешанном составе славянских племен⁶¹, его мысль о том, что история народа обыкновенно начинается раньше, чем становится общеизвестным его имя; Ломоносов ясно рассмотрел, что волохи, напавшие на славян дунайских, были не кто иные, как римляне. Он думал, что Птолемеи ставаны (греческие скловинии, склавы) — это славяне⁶²; аланы — алазаны (самохвалы) — это славяне; греческие скифы — это греческая форма славянского племенного имени чуди, значит, греки взяли слово «скиф» у славян, значит, уже Геродот знал славян. Это, во всяком случае, большой шаг вперед сравнительно с филологическими догадками современника Ломоносова почтенного Тредьяковского. Но где требовалось цельное и связное изучение всего хода русской истории, там он механически связывал явления заимствованной со стороны исторической схемой: отсюда вышло сближение его русской истории с римской. Наконец, надо отметить в труде Ломоносова исторические догадки, внушенные автору веянием времени, так сказать патриотическим упрямством, и поэтому не имеющие научного значения. Ему никак не хотелось вывести Рюрика из Скандинавии, поэтому он, отовсюду собирая догадки, скомбиниро-

вал новую теорию: Рюрик был вызван из Пруссии, пруссы были славяне, Рюрик был варягорус, значит, варягорусы — славяне.

НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. Можно отметить разницу между двумя направлениями в способе обработки русской истории, которые обнаружились в царствование Елизаветы. Одного держались академики-немцы, другого — русские писатели. Первые собирали исторические документы и подвергали их тщательной исторической критике; они предпринимали ряд специальных критических исследований, не заботясь о большой публике. Писатели русские старались работать на глазах большой публики и старались представить в возможно популярном изложении весь ход русской истории. Мы увидим, что оба эти направления продолжали существовать и в царствование Екатерины. Я перехожу к изложению хода историографии в это время.

Это время отличалось значительными успехами образования и знания в умственном и нравственном развитии России преимущественно под влиянием просветительных идей. Есть показатель этих успехов: таков птенец Петра и делец Петровского времени Ив. Ив. Неплюев. Он дожил до времен Екатерины, т. е. до того времени, которое перестал понимать. Он сам рассказал Голикову о своем свидании с Екатериной, а Голиков записал его рассказ. Потеряв зрение, он поехал на придворный куртаг, чтобы лично просить у императрицы отставки. Екатерина очень дорожила им, она просила его по крайней мере указать на свое место человека с такими же достоинствами, как он сам. «Нет, государыня, — ответил он, — мы Петра Великого ученики, мы иначе воспитаны и иначе мыслим, а теперь воспитывают иначе...» При такой перемене в понятиях общества, разумеется, должны были произойти значительные перемены и во взглядах на задачи и прием исторического изучения. Писание истории должно было смениться изучением ее; украшенное повествование о прошлом или откровение свету славных дел предков сменилось потребностью уяснить себе самим ход своего прошлого; патриотическое самопрославление уступило место национальному самосознанию. Старое направление исторической мысли изменилось, притом возникли и новые направления. Переворот в пользу Екатерины, как известно, имел такое же патриотическое значение, как вступление на престол Елизаветы: оба были направлены

против господства немцев. Поэтому патриотическое настроение времени Елизаветы не могло погаснуть и в царствование Екатерины, но дипломатический патриотизм народной *гордости* теперь с успехами знания обратился в нравственный патриотизм *любви* к Отечеству. Согласно с этим, эпопея народных героев Ломоносова обратилась в панораму народных доблестей или национальных добродетелей, как тогда любили выражаться. По мере углубления исторической мысли в свой предмет обособлялись и кристаллизовались особые, даже враждебные направления, до того времени сливавшиеся в одно настроение.

СКЕПТИЦИЗМ ЗАПАДНИКОВ. В царствование Екатерины к обработке русской истории приступали с различными точками зрения; эти точки зрения указывались различными взглядами на историческое значение России в Европе. Одни ставили своей задачей историческое изучение русского национального характера, «врожденных» (т. е. исторически сложившихся) свойств русского народа. Это направление имело в виду народно-воспитательные цели. Историография должна вскрыть запас таких «врожденных» сил народа, которые бы ободряли общество, поощряли к деятельности отечественные умы и таланты, не давая места унынию. Это направление усвоило себе полемические приемы потому, что оно должно было бороться со скептицизмом тогдашних западников, указывавших на отсталость России от Западной Европы. Самый этот скептицизм западников конца XVIII столетия мешал им быть историками, и они не оставили важных трудов в русской историографии. Причина этого понятна. Отечественная история занимала их очень мало: у России еще нет исторического прошлого, а есть только будущее. Главное, на что должно быть обращено внимание мыслителей,—это постепенное увеличение запаса надежд и средств к их осуществлению.

ЛЮБОРУСЫ. Противники этого скептицизма называли себя *люборусами*. Как сталкивались эти два направления, показывает одна полемика, разыгравшаяся в конце царствования Екатерины на страницах «Зрителя» (в 1792 г.). Известный автор комедий Плавильщиков выразил взгляд люборусов в статье «Нечто о врожденных свойствах душ российских», напечатанной без его имени в «Зрителе». Статья была вызвана одним разговором в обществе о том, что такое национальный характер. Некий француз выразился, между прочим, что

подражательность есть врожденное свойство русских; он встретил сочувствие в молодых вертопрахах. Такой взгляд, говорит автор, есть плод русского воспитания: юноши знают Цезаря, Цицерона, но ничего не слышали о Рюрике, о Владимире. Автор раскрывает в русском обществе целый ряд свойств, которых нельзя найти у других народов: неустрашимая любовь к слову, скромность, мягкосердечие.

Против такого патриотического самодовольства восстал некий из Орла и послал в «Зритель» письмо, в котором сведены взгляды тогдашних западников. Орловский публицист тоже патриот, но смотрит на вещи с другого конца. «Неужели нельзя хвалить отечество, не соплетая чудес в его славу?» — спрашивает он. Прекрасное средство ободрить науки — говорить, что нам нечему больше учиться. Плавильщиков не оставил этого письма без возражения. С большим жаром настаивал он на том, что усвоение западной науки не должно мешать самобытности русского духа: «Не оружие, а сердца, души российские славны».

СТАРОДУМЫ. Рядом с этим направлением пробуждается *другое* направление. Любору-сы продолжали с прежним благоговением относиться к Петру и его реформе. Но стало возникать и недовольство этой реформой. Оно было вызвано, во-первых, наплывом иностранцев, призванных Петром [нашествие сатаны (Бирона) и аггелов его], во-вторых, привычкою к подражанию и, в-третьих, практическим, грубо утилитарным характером реформы. Спрашивали: заслуживает ли избранный образец подражания? Возникало скептическое отношение к Западу. Лучшим выражением этого скептического отношения были письма Фонвизина из-за границы⁶³. Уехав зоилом отечественных порядков, он за границей сделался их горячим поклонником. Если здесь, пишет он, раньше нас начали жить, зато мы можем дать себе такую форму, какую захотим. Тот, кто родится, кажется, счастливее того, кто умирает. Одной из причин недовольства реформой Петра было сожаление об утрате национальной самостоятельности и о материальном характере реформ; мысль возвратилась к дореформенной старине — началась идеализация ее. Это направление мы назовем историческим *стародумством*, стародумством в истории. Очень любопытное выражение его мы находим в записках княгини Дашковой⁶⁴. В 1780 г. она попала в Вену и была на обеде у графа Кауница, с которым имела разговор о Петре. Дашкова выступает с критикой реформы. Похвала

Петру иностранцев, говорит она, суть простое самовосхваление. Древняя Русь выработала цельную и самобытную культуру, которую предстоит изучить,— вот взгляд сторонников этого направления.

СРАВНИТЕЛЬНО-АПОЛОГЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. Между этими двумя направлениями стоит *третье*, как бы примирительное. Представительницей его была сама Екатерина. Она патристически настроена; она хочет защищать прошедшее России от клеветы, но не считает нужным жертвовать правдой. России нет повода краснеть за свое прошлое. Всякий беспристрастный наблюдатель согласится, что род человеческий везде имеет одинаковые взгляды, стремления и желания и для исполнения их употреблял одинаковые средства. Это было *сравнительно-апологетическое* направление в изучении истории русского народа. Легко заметить генетическую связь его с настроением Елизаветинского времени. Оно развилось, очевидно, под влиянием новых идей из дипломатического патриотизма того времени; его цель — защитить Россию от обвинений и клеветы. И у нас не все было хорошо, но вовсе не хуже, чем у других народов,— такова точка зрения Екатерины.

ЛЕКЦИЯ IV

НОВЫЕ ИДЕИ. А. И. МУСИН-ПУШКИН. ИЗДАНИЯ Н. И. НОВИКОВА

НОВЫЕ ИДЕИ. Мы знаем, чем вызывался и поддерживался интерес к изучению русской истории с начала XVIII в. Два мотива выступают особенно явственно: 1) чувствовавшаяся в административном мире потребность в исторических справках (Татищев); 2) раздражение щекотливого национального самолюбия, вызванное академическим решением вопроса о варягах — руси. Это национальное самолюбие по побуждению обороны стремилось сделать отечественную историю опорой для чувства народной гордости и потому хотело сделать русскую историю академическим похвальным словом в честь России (Ломоносов). Это течение в царствование Екатерины осложнилось новыми политическими и умственными идеями, которые тогда начали приливать с

Запада. Не лишним будет отметить одну особенность этих идей, которая не осталась без влияния на ход историографии. Эти идеи шли, как известно, из отвлеченных рассуждений; это были философские рассуждения, столь же далекие от западноевропейской, сколько от русской, действительности. Они были не выражением, а отрицанием исторически сложившегося порядка. Поэтому на их почве дружелюбно могли встретиться даже совершенно противоположные, враждебные друг другу самолюбия. Две идеи особенно были пригодны для этого: мысль о закономерности исторического процесса и мысль о необходимости и возможности перестройки человеческого общества на началах разума. Эти две идеи при первом взгляде кажутся исключаящими одна другую. Если историческая жизнь подчинена законам, то как можно перестраивать эту жизнь? Но эта несовместимость только видимая; обе идеи связаны внутренним согласием. Историческая действительность, по взгляду философов XVIII в., есть неразумная действительность, но она вовсе не есть отрицание исторических законов, она только искажение этих законов. Значит, разумная перестройка человеческого общежития есть восстановление не силы законов, а только правильного хода их действия. Русские публицисты едва ли усвоили эти идеи во всей их полноте; руководствуясь национально-патриотическим направлением своей мысли, они извлекли из них одно представление: что исторический ход событий есть ход закономерный, естественный, самобытный.

Легко понять, что это представление направилось против реформы Петра, т. е. против того же Запада. Это первый, но не последний опыт применения западноевропейского оружия против Запада же. Из этого-то представления и вышли те три направления, о которых я говорил в прошлый раз (русские апологеты, русские стародумы и воборусы).

Эти три направления представляют некоторую прогрессию в одном и том же направлении. Они были направлены в одну сторону, но взгляды их простирались неодинаково далеко. Если у нас были темные стороны, то они были и у других. Довольно мы гнулись под чужую мерку, пора нам жить самобытно, выработать свой характер. Да он уже и есть, но он закрыт привозной маской; чтобы открыть его, нужно начать изучение русской истории. Понятно, какое значение при такой точке зрения получили памятники русской истории: эти свитки хранят черты русского национального характера.

А. И. МУСИН-ПУШКИН. *Алексей Иванович Мусин-Пушкин* (1744—1817)⁶⁵ родился в 1744 г., в один год с Новиковым. Он получил образование в артиллерийском училище и состоял адъютантом при гр. Г. Орлове. Трудно понять, как и чем в людях, как Мусин-Пушкин, воспитывалась любовь к родной старине. Во всяком случае не тогдашней школы; там преподавалось все, кроме того, что касалось отечества. Может быть, здесь было влияние национально-патриотического направления времен Елизаветы, еще не угасшее в то время. С любовью к родной стране Мусин-Пушкин соединял не меньшую любовь к искусствам. По выходе в отставку он предпринял трехлетнее путешествие по Европе. По возвращении он несколько лет был церемониймейстером при дворе Екатерины, потом обер-прокурором св. Синода (1791), наконец, президентом Академии художеств (1794), которая была учреждена Елизаветой и преобразована Екатериной. Обладая значительными средствами, он принялся за собирание письменных и вещественных памятников отечественной старины. По смерти Петра Крекшина для окончания его записок о преобразователе был открыт кабинет Петра. Мусину-Пушкину сообщили, что все книги и бумаги Крекшина куплены торговцем Сопиковым. Мусин-Пушкин немедленно купил всю кучу, не разбирая ее. Здесь оказался древнейший из известных списков Начальной летописи — Лаврентьевский. В провинции он имел комиссионеров для покупки старинных рукописей. Когда стала известна страсть Мусина-Пушкина, многие дарили ему находившиеся у них рукописи, между прочим и сама Екатерина. Особенно обильный источник открылся Мусину-Пушкину с назначения его в обер-прокуроры св. Синода. Тогда под его рукой оказались часто знающие дело помощники из духовенства. По его настоянию Екатерина в августе 1791 г. издала указ об извлечении из монастырских архивов старинных документов. Между этими бумагами нашелся оригинальный список Русской Правды. В 1792 г. Мусин-Пушкин, вышедши в отставку, переехал в Москву; дом его на Разгуляе был всем известен. Между своими манускриптами он нашел «Слово о полку Игореве», сразу понял значение памятника и издал его в 1800 г. под заглавием «Героическая песнь о походе» и пр. Таким блестящим открытием завершились в последний год века усилия этого любителя старины.

Громадную коллекцию Мусина-Пушкина постигла печальная судьба. Мусин-Пушкин думал о том, что станет с библиотекой после его смерти. Лаврентьевский список он

поднес государю, который передал его императорской Публичной библиотеке, благодаря чему он и сохранился. Незадолго до нашествия французов он обратился к государю с прошением о присоединении его рукописной библиотеки к Московскому архиву иностранной коллегии. Но просьба его, к сожалению, не была тотчас исполнена; вскоре пришли французы, и, пока Мусин-Пушкин собирал в Ярославле ополчение, весь дом его с библиотекой сгорел дотла. Сам Мусин-Пушкин умер в 1818 г.

Цель его деятельности была не просто научная, а нравственно-патриотическая — «показать отцов наших почтенные обычаи и нравы». Это был антикварий-публицист, и таковы были они все. Ноты публициста звучали у него, как и у других, в самых специальных изысканиях. Он имел в виду только средства к устранению вредных последствий иноземного влияния.

Мусин-Пушкин издал Русскую Правду, Поучение Владимира Мономаха — оба памятника с примечаниями; ученые замечания постоянно прерываются жалобами на увлечение иностранным и пр.

Такое отношение к памятникам и такой взгляд на дело их изучения разделялись всеми тогдашними издателями памятников из русских. Этим и объясняется, почему в царствование Екатерины было так много изданий старых отечественных летописей: князь М. М. Щербатов, Н. И. Новиков, И. Н. Болтин и первые русские профессора в Московском университете: Поповский, по кафедре философии и риторики, и Барсов, профессор математики, а потом преемник Поповского. Издатели памятников в то время обыкновенно не подписывали своих имен, но, несомненно, в издательстве принимали участие все перечисленные лица. «Библиотеки русской истории» вышел только первый том в 1767 г. В нем был помещен Кенигсбергский, или Радзивилловский, список Начальной летописи, перешедший к нам после Семилетней войны. Изданию предпослана биография Нестора и предисловие⁶⁶, дающее подробные инструкции для издания памятников. Тогда же были изданы Никоновский список летописи, Царственная книга, летопись по Воскресенскому списку⁶⁷.

ИЗДАНИЯ Н. И. НОВИКОВА.

В 70-х годах за издание принялся *Николай Иванович Новиков* (1744—1818); он издал 10 книг «Древней российской вивлиофики», а в 80-х годах повторил это издание в 20 книгах с целым рядом дополнительных томов⁶⁸. Новиков предлагал план другого сборника под характерным

названием: «Сокровищница российских древностей». В 1771 г., вероятно при содействии Барсова, при Университете основалось «Вольное российское собрание», которое в издаваемых им трудах (6 частей. М., 1774—1783) также помещало немало древних памятников (например, оно издало разрядные книги). Таким образом, к концу столетия русское читающее общество получило значительный запас разнообразных памятников русской старины. По мере накопления этого материала предпринимались попытки полного изложения хода российской истории с той же точки зрения, какой руководились сами собиратели. Из них мы остановимся на Екатерине, Щербатове и Болтине.

ЛЕКЦИЯ

V

НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.
ЗАПИСКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНЫ П. М. М. ЩЕРБАТОВ.
ТЕОРИЯ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИССИИ ДВОРЯНСТВА.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ М. М. ЩЕРБАТОВА.
ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА О ВНУТРЕННИХ СОСТОЯНИЯХ. И. Н. БОЛТИН.
ПОДГОТОВКА РУССКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ. ЛЕКЦЕРК

НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. При первом взгляде на движение историографии времени Екатерины легко заметить одну характерную ее особенность: занятия отечественной историей становятся в это время решительно любительским делом. Им предаются люди разных состояний. К этому побуждала их одна практическая потребность. Сознывая себя руководителями России, они считали себя обязанными защищать ее от нареканий со стороны сторонних наблюдателей. Таким образом, они занимались историей с апологетико-полемическими целями. Из этих апологетико-полемических приемов особенно важен один: апологеты начинают колоть глаза врагам историей и состоянием их собственного отечества, говоря, что оно несколько не лучше истории и состояния России. Этот обычный аргумент вводит в изучение отечественной старины и настоящего России твердый принцип, развивает цельный взгляд на отношение России к Европе и к ее прошлому. Этот взгляд утверждается в обществе и литературе и дает тон позднейшим историографическим работам; под его влиянием воспитывалась и историческая мысль Карамзина. Так патриотическая тенденция, введен-

ная в изучение отечественной истории, привела к сравнительному изучению прошлого России и Западной Европы.

В 1761 г. Парижская академия наук командировала своего ученого члена, астронома аббата Шаппа (Шапп д'Отерош. 1722—1769. *Relation d'un voyage en Sibirie*. Paris, 1769) в Тобольск, чтобы наблюдать прохождение Венеры мимо солнца. По возвращении Шапп в 1768 г. издал описание своего путешествия. Здесь он пристрастно и резко изобразил быт страны, через которую он ехал, а также коснулся ее прошлого. Сочинение написано заносчиво и задорно, с французским легкомыслием и со множеством неточностей. Книга была осуждена и в Париже, например Дидеротом. Екатерина сочла своим долгом выступить с опровержением. В 1771 г. вышла в Амстердаме на французском языке книга анонимного автора «Антидот⁶⁹, или Разбор дурной, великолепно напечатанной книги...». Участие в этом издании Екатерины несомненно, хотя, может быть, «Антидот» и не весь написан ею. Автор бьет Шаппа принципом космополитизма, общепризнанным тогда. Шапп, мол, описывая в дурном свете быт русских, упустил из виду, что имеет дело с людьми, а люди везде одинаковы. Он сам говорит, что побуждением к написанию «Антидота» было для него то, что ни один народ не подвергается стольким нареканиям, как русские, между тем как легко доказать, что они стоят нисколько не ниже прочих европейских народов⁷⁰.

ЗАПИСКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНЫ П. Этот сравнительно-космополитический взгляд проведен Екатериной в ее «Записках по русской истории», которые в 1783 и 1784 гг. печатались в «Собеседнике российского слова». Записки эти, очевидно, только редактировались ею, а материал собирали Барсов, Мусин-Пушкин, Болтин. Автор преследует двоякую цель — ученую и педагогическую. Он хотел придать систематический вид своему сочинению и предпослал ему несколько историко-философических положений: что такое история, каково ее содержание и цель. История — слово греческое, обозначает «деяние», она учит добро творить и зла остерегаться. Для уяснения истории отечественной необходимо знакомство с иностранной. Кроме того, история должна произносить свой суд. Записки рассказывают о событиях в летописном порядке с очень редкими критическими замечаниями. Но важна система автора; он делит ход русской истории на несколько эпох: первая простирается до 862 г., до того

времени, когда начинается связный непрерывный рассказ летописи, второй—до 1224 г., до битвы на Калке, третий—до 1462 г., до Иоанна III, четвертый—до 1613 г., пятый—до днесь. Это почти то же деление, которое и позже соблюдала русская историография.

Важнее педагогическая цель книги: она написана для чтения юношества. Автор старается внушить читающему юношеству, что главная цель истории—показать, что человечество всюду руководилось одинаковыми идеями и страстями, которые только видоизменялись под влиянием местных особенностей. В этом-то общем потоке надо стараться уловить умоначертание каждого века. Другие любители проводили эту же сравнительно-историческую идею в более обширных сочинениях.

М. М. ЩЕРБАТОВ. Преемником Миллера в звании русского историографа был князь *Михаил Михайлович Щербатов* (1733—1790). Биография его покажет побуждения, какие заставили его приняться за изучение отечественной истории.

Князья Щербатовы шли от Михаила Черниговского и были отраслью князей Оболенских. Они нередко занимали высокие посты при московском дворе XVI и XVII вв. Некоторые были в Думе окольничими и даже боярами⁷¹. Может быть, этим обстоятельством обуславливается родовитая гордость нашего публициста⁷². Он родился в 1733 г., получил хорошее домашнее воспитание, поступил на службу унтер-офицером гвардии и в 1764 г. вышел в отставку капитаном. В 1767 г. он был избран ярославским дворянством депутатом в комиссию для составления проекта нового Уложения. Впоследствии Екатерина возлагала на него некоторые важные поручения (о злоупотреблениях по службе, различные следствия). Потом он был герольдмейстером, президентом Камер-коллегии и, наконец, сенатором. В этом звании он и умер в 1790 г.

В комиссии Щербатов стал очень замечен своей начитанностью, литературной обработкой речей и пылкой борьбой за честь и интересы русского дворянства. Начитанность его объясняется его чрезвычайным трудолюбием и любознательностью—после него осталась библиотека тысяч в 50 томов. И враги не отказывали ему в здравомыслии. Его речи о дворянстве, произнесенные в комиссии, составляли тогда предмет оживленных толков в Москве. Раз зашел спор в комиссии о законе Петра, по которому каждый дослужившийся до обер-офицерского

чина получал потомственное дворянство. Щербатов восстал против этого закона.

ТЕОРИЯ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИССИИ ДВОРЯНСТВА. Дворянское сословие, говорил он, пошло от предков, отличившихся личными доблестями на пользу Отечества; личные доблести в потомстве этих деятелей перестают быть личными качествами, случайностью, а посредством примера, предания, воспитания, общественного положения делаются наследственными качествами или по крайней мере семейным примером. Этот исторически воспитанный класс народа и должен стоять во главе общества. Когда Щербатову возражали, что если потомки доблестных предков становятся знатными людьми по рождению, то сами доблестные предки не были знатного происхождения⁷³. Щербатов «с крайним движением духа» восстал против попытки приписать русскому дворянству «подлое начало», низкое происхождение.

Эти речи выясняют перед нами тот интерес, который, не выступая в его сочинениях явно, все-таки направлял его интерес к прошедшему.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ М. М. ЩЕРБАТОВА. Щербатов писал много по разным вопросам права и текущей государственной жизни. Он был очень бойкий публицист в свое время. Некоторые из его сочинений до сих пор представляют живой интерес, например его «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого», «Рассуждение о голоде 1787 года». Многие изданы только в половине нынешнего века. Свою литературную деятельность он закончил знаменитой запиской «О повреждении нравов в России». Щербатов занялся изучением истории России также, вероятно, не без участия Екатерины, которая назначила его историографом, открыла ему доступ в архивы и библиотеки и поручила в 1768 г. разобрать архив Петра I. В 1770 г. появился I том его «Истории российской»⁷⁴ от древнейших времен». Рассказ его доведен почти до избрания Михаила (где остановился и труд Карамзина)⁷⁵. Щербатов приступил к своей работе без достаточной учено-технической подготовки⁷⁶ и потому допустил немало ошибок, за которые ему потом больно досталось; так, например, он не умел различить двух Переяславлей, Южного и Залесского, и пр. Таких ошибок можно найти обильный запас в его рассказе. Но для нас важны не они, а взгляд автора на

задачи русского историографа. Щербатов не просто излагает события, на каждом шагу он их обсуждает и часто сопоставляет их с событиями западноевропейской истории, которую он знал лучше русской. Его рассказ есть сравнительно-историческое изложение событий⁷⁷. Сравнением старается он подменить особенности русской жизни⁷⁸. Зато поражают его черты быта, которые бросаются ему в глаза при первых достоверных известиях летописи. Он очень жалеет, что не находит у летописца мифов, потому что они, заключая в себе зерно истины, могут служить важным пособием для древнейшей истории. Но больше всего его поражает самый факт отсутствия этих мифов: оно объясняется тем, что русский народ не постепенно переходил из грубого быта к высшей культуре, как западные, но, приняв христианство, вместе с тем вдруг смягчил свои нравы. Летописец-христианин игнорировал языческие предания. Далее, его поражает странный порядок престолонаследия в роде Ярослава — по старшинству. Он первый делает попытку объяснить это явление, хотя и без успеха; он не раз возвращается к нему, подходя к нему то с той, то с другой стороны. Наконец, ему показалось, что он нашел разгадку. В XI и XII вв. Россия направляла все свои силы на защиту своей самостоятельности против внешних врагов. Это вызывало необходимость иметь всегда на княжеском столе взрослого человека, а при обыкновенном порядке престолонаследия возможен наследник-ребенок; отсюда и такой порядок престолонаследия. Далее, он замечает быстрый поворот в русской истории с Андрея Боголюбского. С этой минуты (т. е. со смерти Юрия) все события направляются к одной цели: к сосредоточению народных сил, к политическому объединению и к установлению единодержавия. Он чуял здесь грань нового периода. Вот почему после рассказа о смерти Юрия Долгорукого он помещает очерк внутреннего состояния России: «Рассмотрение о состоянии России, ее законов и правлений». Это первая в нашей историографии попытка изобразить внутреннюю жизнь общества. Вообще Щербатов удачнее угадывал вопросы, чем разрешал их, — в этом его главная заслуга. Щербатов — человек умный и очень образованный, но без особенных дарований; история его написана тяжелым языком. Это вместе с отзывами Болтина помешало успеху его истории в обществе.

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА
О ВНУТРЕННИХ СОСТОЯНИЯХ. Но она оказала заметное

действие на труд Карамзина и Соловьева. Последний особенно ценил Щербатова, заимствовал у него заглавие, и оба—эту манеру заканчивать каждый отдел русской истории очерком внутреннего состояния и даже некоторые отдельные суждения. Для нас важно, что эта история вызвала полемическое сочинение Болтина, несравненно более важное.

И. Н. БОЛТИН. *Иван Никитич Болтин* (1735—1792) был почти сверстником Щербатова⁷⁹ и прошел служебную карьеру, довольно далекую от его ученых трудов. Он родился в 1735 г. в дворянской семье, которая принадлежала к старинному столбовому дворянству. Он получил домашнее воспитание, а потом поступил в конногвардейский полк в 1751 г.⁸⁰ В полку он приобрел товарища в графе Г. А. Потемкине, и впоследствии эта дружба была ему очень полезна. Выпешди в отставку после 18-летней военной службы, он сначала поступил в таможенную службу, потом был прокурором военной коллегии и, наконец, ее советником, в каком звании оставался до смерти (1792). Потемкин очень дорожил умом и обширными практическими сведениями Болтина. При заселении Новороссии Потемкин вызывал его в Крым для советов.

Болтин получил очень широкую подготовку для занятий по русской истории, хотя не думал писать в этой области. Он был одним из самых образованных и начитанных людей своего времени, притом совершенно в духе XVIII в.: он был умеренный вольтерианец. Если собрать выдержки из иностранных сочинений в его трудах, можно только удивляться его начитанности: это была ходячая библиотека. Он хорошо знал французских историков и публицистов XVI в.—Бодена (*Methodus ad facibus cognitione historiae*) и Беллярмина (*De romano pontifice*) и Потгигера (О рабстве у германцев). Но любимцами его были французские писатели XVIII в. и их родоначальник Бейль (умер в 1706 г.), словарь которого был ему отлично известен. Это—фундамент исторических и философских воззрений⁸¹ Болтина. Бейль был враг папства, а не христианства, только это делало возможным такое сближение. Другой любимый книгой Болтина был Вольтер «Опыт о нравах», и Болтин отлично понял основную мысль этого трактата. Вольтер выдвинул совершенно новый мир исторических фактов. Цари, полководцы, войны, сражения сменились обычаями, нравами, идеями, страстями, что—душа исторического процесса. Здесь

сделана была попытка выяснить механику всемирной истории и физиологи общежития; силы, работающие над историей, по Вольтеру,—климат, религия, образ правления. Особенную услугу оказала Болтину книга Мерсье («Tableau de Paris») — мрачная картина упадка нравов в мировом городе, т. е. чистый клад для наших апологетов; Болтин всегда прибегает к ней, когда является надобность⁸² сопоставить быт русский с западноевропейским.

ПОДГОТОВКА РУССКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ. Болтин отлично знал Россию: он изъездил ее вдоль и поперек во время своей служебной деятельности. С таким запасом знаний и наблюдений приступил Болтин к занятиям по русской истории. На поприще писателя он вызван был, как бы сказать, случайно.

ЛЕКЛЕРК. В царствование Елизаветы и Екатерины несколько раз приезжал в Россию (в 1759 и 1769 гг.) французский авантюрист *Леклерк* (1726—1798). Он был врачом при Кирилле Разумовском, потом лейб-медиком при цесаревиче и занимал другие видные посты. В то время когда в Европе читали *Екатеринин Наказ*, там очень интересовались Россией. Леклерк хотел воспользоваться этим интересом и, набрав кое-какие материалы, в 1775 г. вернулся во Францию, где с 1783 г. стал издавать большое сочинение под названием «Естественная, политическая и гражданская история России» в 6 томах⁸³. Сочинение это было вроде путевых записок Шаппа — легкомысленная французская книга. Потемкин, говорят, и подсказал Болтину мысль — двинуть боевой запас, хранившийся в письменном столе, против легкомысленного француза. Таким образом и появились «Примечания генерал-майора Болтина на книгу господина Леклерка» в двух больших томах, каждый — более 500 страниц.

ЛЕКЦИЯ

VI

ПРИМЕЧАНИЯ И. Н. БОЛТИНА НА КНИГУ ЛЕКЛЕРКА.
ВЗГЛЯД И. Н. БОЛТИНА. СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И. Н. БОЛТИНА. МЕТОД И ТЕНДЕНЦИЯ.
МЕТОД И. Н. БОЛТИНА. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О И. Н. БОЛТИНЕ

ПРИМЕЧАНИЯ И. Н. БОЛТИНА НА КНИГУ ЛЕКЛЕРКА. В 1788 г. Болтин выпустил

«Примечания на историю древней и нынешней России г-на Леклерка. сочинение генерал-майора Болтина в двух томах». Книга Леклерка отличалась необыкновенным задором и притязательностью, большим невежеством, незнанием не только с предметом, но и с языком русско-исторических памятников. Леклерк часто пускался в объяснения русских слов и текстов; пословицу «Воин воюет, а жена дома горюет» он перевел: «а жена дом палит»; пословицу «Все люди в избе, один черт на дворе» он перевел: «Честные люди живут в избе, один черт занимает дворец»⁸⁴. С таким историком было легко бороться. В трех первых его томах изложена с некоторой связностью история России до Петра; зато в остальных томах, носивших название «Естественная, нравственная, гражданская и политическая история новой России», собрана была всякая всячина. Здесь есть компилятивная статья о русской литературе, такая же о дворянстве, о населенности, географии, топографии, этнографии России—все это компилировано довольно неискусно. Болтин был прав, говоря, что книга Леклерка вовсе не история, а сельская лавочка, в которой можно найти и бархат, и помаду, и микроскоп, и медное кольцо.

Болтин предъявлял к историку большие требования: обилие материалов, критический их разбор и художественное изложение. Прочсть много памятников и не сделать больше ничего—этого слишком мало для историка. Он даже сам себя считал неспособным к написанию истории: он был собирателем материалов и потом их критиком, он не думал и не мог воспользоваться ими для цельной повести. У него был трезвый, холодный ум, практическая сообразительность и меткость взгляда—качества, делавшие из него хорошего критика. Тонкость его критики еще усиливалась его природным юмором, которому он часто приносил в жертву даже чувство литературного приличия⁸⁵. Главная сила Болтина в его критике. Чем его труды получают важное значение в ходе нашей историографии—это его текстуальный и реальный комментарий наших памятников. Некоторые термины, учреждения, черты быта древней Руси объяснены им так основательно, что с небольшими поправками его объяснения имеют силу и теперь (например, толкование терминов Русской Правды). В этом ему помогло внимательное изучение языка наших памятников. Эти комментарии составляют главный интерес и достоинство его сочинения против Леклерка. Разные археологические и этнографические вопросы, поднятые в XVII и XVIII вв., не имеют цены в глазах Болтина. Этим

объясняется его взгляд на центральный вопрос нашей археологии—на варяжский вопрос. Он склоняется ко мнению Ломоносова, но допускает, что первые князья были из Скандинавии, во всяком случае они были не немцы. Он даже смеется над важностью, которую придают этому вопросу. Русы, по его мнению, были, вероятно, кимвры, которые, смешавшись со славянами и варягами, утратили свои киммерийские черты. Теперь, говорит он, в нашем народе едва ли сохранилась хотя бы капля славянской крови. Мысль Болтина неохотно обращалась на вопросы такого рода; она любила держаться на почве достоверных исторических памятников.

ВЗГЛЯД И. Н. БОЛТИНА. В своей критике он приводит один цельный взгляд на ход нашей истории (может быть, первые); в связи с этим взглядом стоят и основные приемы его изучения. Наша жизнь развивалась, может быть, не лучше и не быстрее, но и не хуже, не медленнее, чем жизнь западноевропейских народов, и она развивалась естественно, без перерывов и скачков—вот основная мысль Болтина. Легко заметить полемическое положение его, направленное притом на два фронта: наружу—против господствовавшего в Западной Европе взгляда на Россию и внутрь—против взгляда, выраженного в известной речи канцлера Головкина после Ништадтского мира: трудами Петра мы из невежества на театр всемирной славы и, так сказать, из небытия в бытие произведены.

Из этой основной мысли вытекают приемы Болтина: чтобы правильно оценить *уровень* и темп нашей жизни в данный исторический момент, надо их сопоставлять с одновременным состоянием западноевропейской истории; чтобы правильно оценить *ход* нашей жизни, надо факты нашей древней истории сопоставлять с фактами современной русской действительности. Первый прием существенно полемический⁸⁶. Второй—существенно прагматический; он дает нам понять смысл древней истории и ее последовательность. Эти два приема он прилагает к объяснению тех явлений нашей жизни, на которые обращали его внимание Леклерк или Щербатов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.

Вопрос о происхождении крепостного права, кажется, впервые и был возбужден Болтиным. Любопытно, что самое законодательство не понимало и возможности такого вопроса, как будто крепостное право возникло по

каким-то твердым физическим причинам, было вполне естественным и необходимым явлением. Это происходило оттого, что в вопросе о крепостном праве соединены вопрос о холопстве и вопрос о крепостном состоянии крестьян, которые постоянно смешивались. Болтин первый вник в состав крепостного права, отделил крепостное состояние крестьян от холопства и попробовал объяснить происхождение его у нас. Первый источник этого состояния он видит в падении крестьянского права перехода. Он только смешивает ограничение этого перехода с полным его запрещением, которое он относит к концу XVI в., к царствованию Феодора. Крестьяне, по мнению Болтина, сначала были прикреплены к землевладельцу по земле; потом землевладельцы присвоили себе право переселять крестьян, а наконец присвоили и бесконтрольное пользование самой личностью крестьян, как холопами. Таким образом, крепостная неволя крестьян произошла из произвольного расширения землевладельцами своих прав над крестьянами, а расширение это произошло из запрещения перехода.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

И. Н. БОЛТИНА. Историко-критические приемы Болтина и даже его общий взгляд на ход нашей истории легко могут показаться тенденциозно патриотическими — так на него и смотрят некоторые исследователи. Они обвиняют его в пристрастной идеализации древней русской истории. Так кажется им потому, что Болтин доказывает, что и древняя Русь вовсе не была дикой и не уступала в культурности западным народам.

Указывая в древних памятниках и учреждениях следы этой древней культуры, Болтин обнаруживает замечательный исторический и критический талант. Так, он разбирает договоры русских князей X в. Это памятник автентичный; в нем отражается прямо действительный порядок, в нем нет личного взгляда летописца. Из этих договоров, говорит Болтин, явствует, что народ стоял уже на довольно высокой степени культуры — существовало государство, сословия, суд, промышленность, торговля, своего рода просвещение. Соловьев, разбирая это место Болтина, находит его рассуждение «знаменитым», потому что оно потом вошло в нашу историографию, и взгляд его с небольшими исправлениями удержался и впоследствии, когда уже забылось, от кого оно исходило.

МЕТОД И ТЕНДЕНЦИЯ. Быть может, Болтин заходил слишком далеко в этом и в

подобных рассуждениях. Но некоторые видят в них тенденцию, стремление к идеализации русской старины—справедливо ли это? Что такое эти приемы Болтина, которые усвоены были и некоторыми позднейшими исследователями? Что они—*метод* или *тенденция*? А есть ли разница между методом и тенденцией? Метод и тенденция—эти понятия часто принимаются одно за другое или противопоставляют их одно другому, последнее чаще всего; это, говорят, понятия, никогда не совпадающие. Разберем эти понятия.

Метод и тенденция, конечно, понятия различные, но непротивоположные. Метод есть совокупность приемов для раскрытия какой бы то ни было истины; тенденция—стремление доказать каким бы то ни было способом, что истина заключается только в этом, а не в другом мнении. Метод решает вопрос, не зная, в чем он состоит; тенденция предрешает вопрос, не зная, каким путем она его решит. Метод ищет результатов, тенденция добивается цели. Поэтому метод дает способ обнять предмет со всех сторон; тенденция стремится объяснить только одну сторону его. Метод имеет дело с умом, тенденция рассчитывает на волю; метод—необходимое орудие научного исследования, тенденция—ораторского убеждения. Ничего нельзя изучить, не зная, как изучать, но и ни в чем нельзя убедить, не зная, в чем убеждать. Методу не нужна тенденция, тенденция не может обойтись без метода. Но тенденция не разбирает методов—это дело науки.

МЕТОД И. Н. БОЛТИНА. Уяснив себе эту разницу, можно решить, что такое приемы Болтина. Главное место в составе метода Болтина занимает *аналогия*, т. е. сопоставление однородных и соизмеримых явлений для уяснения одного посредством другого. Соизмеримость явлений однородных определяется сходственностью условий, при которых возникают явления; условия сходственности очень разнообразны, отсюда разнообразие видов аналогий⁸⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О И. Н. БОЛТИНЕ. Болтин не изложил вполне цельного взгляда на ход нашей истории, не связал ее явлений в стройный, последовательный исторический процесс. Но он установил некоторые общие точки зрения и приемы, помощью которых указывал возможность и необходимость составить такой взгляд, восстановить такой процесс, и даже сделал нес-

колько попыток установить частично такой взгляд, восстановить отдельные моменты этого процесса. Здесь обозначены: 1) общая научная задача исторического изучения; 2) сравнительный его метод; 3) выбор его фактического материала; 4) приемы исторической критики и, наконец, 5) практические результаты такого изучения.

1. Историческое изучение прошлой жизни должно иметь целью объяснить, как вырабатывалась и складывалась современная действительность.

2. Историческая жизнь народа должна быть изучаема сравнительно с однородными явлениями или одновременным ходом жизни других народов.

3. Предметом такого изучения должны быть такие исторические факты, в которых выражается закономерное и последовательное движение, органический рост народной жизни, как-то: природа страны, законы, учреждения, занятия, нравы, обычаи, понятия, поверия и т. п.

4. Для извлечения такого материала из исторических памятников необходимо восстановить их подлинный текст и истинный смысл, а для того сличать списки и изучать язык их времени.

5. Так направленное изучение вскроет постепенное образование народного «умоначертания», самородные основы и недостатки национального быта и характера и укажет задачи дальнейшей жизни, что нужно сберечь и развивать в накопленном содержании и чем его исправить и пополнить из общечеловеческого запаса.

В этих приемах изучения заключалась целая методика народного самопознания, которую можно выразить так: наблюдайте других, чтобы лучше знать самих себя, помните, чем вы были, чтобы понять, чем вы стали, и, пока не всмотритесь в себя, не спешите походить на других.

ЛЕКЦИЯ VII

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.
ВОПРОС О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ.
ЗАПИСКА КНЯЗЯ М. М. ШЕРБАТОВА. «МЫСЛИ О РОССИИ»

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРИЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. Оценка изучен-
ных нами русских писателей второй половины XVIII в.,

как мы видели, значительно зависит от свойства их историографических приемов. Любимым из приемов была аналогия. Иногда сопоставляются явления одновременные, но возникшие не в одинаковой исторической среде; в основе этого сопоставления лежит мысль, что в известное время в различных обществах господствуют одинаковые условия; если же явления различны, значит, это происходит от различных местных условий. Иногда сопоставляются явления разновременные, но возникшие в одинаковой среде. Мысль этой второй аналогии та, что на явления в одном и том же обществе действуют однородные условия. Поэтому, изучая позднейшие явления, более доступные наблюдателю, получают возможность понять однородные явления в более раннее время. Таковы два главных вида аналогий. Болтин часто прибегает и к третьему приему, созданному французскими писателями XVIII в.,—к обсуждению явлений с точки зрения отвлеченного разума. В основе этого приема лежит мысль, что человеческое общежитие направляется определенными законами, не теряющими действия ни в какое время, потому что основная сила человеческого общества всегда одна и та же—человеческий дух. На этом же приеме держится и современное сравнительно-историческое изучение. Сопоставляя с этой точки зрения явления разных времен и разных условий, их сводят к общему источнику—к человеческому духу. Эта общность источника делает их соизмеримыми, поэтому прием этот состоит в сопоставлении явлений социологических с явлениями психологическими. Это, таким образом, *психологическая аналогия*. Ее особенно любят французы. К ней, например, прибегает Фюстель де Куланж, рассказывая о взгляде галльского населения на императорскую власть. Они благоговели перед римскими императорами, боготворили их единоличную власть. «Человеку свойственно,—говорит автор,—составлять себе религию из всякой идеи, наполняющей его душу». Здесь политические особенности масс объяснены индивидуальным свойством, свойством человеческого духа.

Различные причины обуславливают эту любовь наших писателей пользоваться исторической аналогией. Это происходит отчасти от условий их положения, отчасти от свойства специальных задач, которые они себе ставили. Полемизируя с иностранцами, они стали лицом к лицу с явлениями, малодоступными наблюдению,—с чертами умственной и нравственной жизни народа. Отсюда возникла для них потребность подыскивать аналогии, что придает

их сочинениям субъективный, тенденциозный вид; получается представление, что они подыскивали явления, доступные [их пониманию?]. Но такое представление вызывается только случаями неудачного применения исторической аналогии. В своей деятельности они выработали определенный взгляд на ход русской истории, который является последним выводом всей русской историографии XVIII в.

ВОПРОС О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ. В нем легко заметить влияние той двойственной связи, которую они себе ставили: они, во-первых, старались изучать явления прошедшего в причинной связи с явлениями современными; во-вторых, они в истории прошлого старались подыскивать материал для аналогии, для защиты родной старины против иностранцев. Первое привело их к сопоставлению древней России с новой, второе — к идеализации русской старины. Вот основные черты взгляда. Он вырабатывался во всем русском обществе XVIII в., он перешел и в XIX в. и имел большое влияние на ход русской историографии. Он поставил вопросы, которые послужили предметом продолжительных споров.

Выражение этого взгляда мы находим в двух полемических трудах Болтина, в записке Щербатова и в одной анонимной записке.

Болтин выражал этот взгляд разбросанно. Основа этого взгляда — взгляд на реформу Петра. Болтин недоволен ею, как переломом в исторической жизни, который оставил болезненное ощущение: «Мы стали непохожими на себя и не сделали теми, чем быть желали». Сообразно с этим Болтин хвалит русскую старину, не знавшую таких скачков; он приводит место из Монтескье, где говорится о значении старых, устойчивых обычаев; эта цитата избавляет Болтина от упрека в русском стародумстве. Отсюда у Болтина идет идеализация этих древнерусских устойчивых обычаев. Он доказывает, что древние русские люди жили уже в высокой форме общечития и хотя знали меньше нас, но их нравы были чище.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА. Совершенно на другой почве стоит Щербатов в своей записке «О повреждении нравов в России». Записка писана незадолго до смерти автора (во время фаворита Мамонова, 1786—1789 гг.) не для печати. Она стала известна очень поздно, впервые была издана, да

и то за границей, в 50-х годах этого века⁸⁸. Сочинение Щербатова начинается краткой и яркой картиной повреждения нравов в России в XVIII в., затем указывается общая его причина, которая заключается в развившейся жажде удовольствий.

Главное содержание этюда — изображение постепенного хода этого повреждения; это летопись пороков, прокрадывавшихся в русское (высшее) общество из этого источника. Точность хронологическая, как у старинного летописца; ход повреждения излагается по царствованиям. Для того чтобы это повреждение выступило ярче, для контраста Щербатов, изложив план своего сочинения, рисует идиллическую картину древнерусской жизни, выставя на первый план почет, которым пользовались тогда роды (т. е. аристократия). Начало порчи Щербатов ведет, разумеется, от реформы Петра. Щербатов называет ее нужной, но излишней, т. е. указывает на то, что она имела преувеличенный характер. Место древнерусской грубости заняли лезть и самство (эгоизм). Щербатов относится к Петру сдержанно; он признает его большие силы и громадные материальные успехи, достигнутые им, но он перечисляет громадные нравственные потери, которыми куплены были эти успехи. Порча продолжалась и при преемниках Петра. Он очень недоволен Екатериной. Он решается подсмеиваться над ней, несмотря на общий суровый тон, который выдержан в записке. Статья кончается соображениями о том, как можно исправить зло: Щербатов рисует идеал русского государя, который будет награждать добродетель без всякого пристрастия, *будет уметь разделять власть*: что принадлежит различным учрежденным правительствам и что на себя принять. Так вот тенденция автора! Он сын людей 1730 г.; он воспитан в традициях кружка верховников; он мечтает о том времени, когда Россия опять устроится в боярскую аристократическую монархию. Такова основная мысль его сочинения, которую он тщательно скрывает. Его картина порчи нравов нарисована очень тонко, но у него слишком сильно звучат две тенденциозные струи: во-первых, он сетует о падении аристократического строя в России; во-вторых, все явления он рассматривает только с моральной точки зрения.

Князь Щербатов и Болтин подходили к своему предмету с различных сторон, но встретились на одном общем взгляде. Щербатов — историк-стародум, Болтин — историк-философ. Один весь живет в старине, другой разбирает ее, ищет в ней общечеловеческих мотивов. У

Щербатова идиллическая картина древнерусской старины поставлена в стороне от изображения современной порчи нравов, подобно волшебному фонарю; Болтин хочет осветить русскую старину светом разума и знания. Таким образом, оба приходят различными путями к одному взгляду, что современная действительность мрачна. Но один хочет улучшить ее посредством возвращения к старому, другой — путем ума и науки, путем просвещения.

«МЫСЛИ О РОССИИ». Как будто в пополнение к этому взгляду в конце XVIII в. была написана другая записка (в начале 90-х годов). Автор неизвестен; судя по намекам в самой записке, это был какой-то русский сановник, живший за границей для поправления здоровья. Записка составлена на французском языке и переведена была и напечатана в 1807 г. в «Вестнике Европы» (изд. Каченовского, т. 31) под заглавием «Мысли о России». Центр тяжести у автора перенесен на древнюю Россию. Это идиллическая картина ее, приуроченная, по-видимому, к половине XVII в., по крайней мере самым светлым лицом в ней является царь Алексей Михайлович. Древнерусский быт представляет, по мнению автора, совершенно самородный, своеобразный порядок; главное — народ имеет свой собственный характер, может быть немного суровый для нашего времени, но прямой и честный. Все это падает с реформы Петра. Автор признает за ним творческое подражание, но не придает этому качеству большого значения. Автора не удивляет шум, возбужденный деятельностью Петра. Государь, которые тихо работают для общественного блага, не производят такого шума, как эти гиганты, — вот где причины славы Петра. Только то существо, политическое или физическое, имеет цену и прочное существование, которое живет собственными силами. Силы, привитые со стороны, могут увлечь народ, но не могут дать содержание его жизни. Надо вернуть народ к его природе, приучить его жить собственными силами, и этим путем, по мнению автора, идет Екатерина.

Сама по себе записка не имеет значения в нашей историографии; она только служит дополнением к записке Щербатова, так как обращает главное внимание на русскую старину, которой Щербатов касается лишь кратко.

Таковы были взгляды, которые послужили точкой отправления для историографии XIX в., и прежде всего для ее передового представителя. Ясно, какой интерес

должна представлять русская историография XIX в., которая нашла себе такое блестящее выражение в «Истории» Карамзина. В письме из Веймара (1791 г.) он отвергает народное перед общечеловеческим; он космополит-оптимист. Но когда ему пришлось стать лицом к лицу с русской историей, он точно так же счел себя обязанным решить вопрос об отношении древней России к новой, т. е. вернулся к постановке вопроса XVIII в. Во всяком случае заслуга историографии XVIII в. состоит в том, что она точно указала явления, которые прежде всего следовало изучить, указала их характер, отвлекла внимание от археологических вопросов и обратила его на вопросы юридические, экономические и бытовые. Ни Щербатов, ни Болтин не интересовались этими археологическими вопросами. Правда, в это время над теми же археологическими вопросами работал Шлёцер, иностранец, но мы увидим, что он, презрительно отзывавшийся о русской историографии второй половины XVIII в., сам находился под сильным ее влиянием.

ЛЕКЦИЯ VIII

КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ. ШТРУБЕ ДЕ ПИРМОНТ.
А. Л. ШЛЁЦЕР. Г. Ф. МЮЛЛЕР И А. Л. ШЛЁЦЕР.
ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

КРИТИКА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ. Писатели, с которыми мы до сих пор имели дело, были не профессиональные историки, а лишь любители отечественной старины, тем не менее они оставили ряд весьма важных работ, и прагматических и критических. Они собирали материал, издавали памятники с критическими примечаниями, обсуждали отдельные факты русской истории и, наконец, делали попытки цельного и связного изложения хода всей нашей истории. Они сделали несколько удачных опытов по критике памятников; таковы Судебник царя Ивана с примечаниями Татищева, Русская Правда, изданная Мусиным-Пушкиным с примечаниями, в которых нельзя не заметить руки Болтина. Но критика их отличалась своеобразным характером: она была главным образом фактическая, реальная, а не библиографическая, т. е. технико-филологическая⁸⁹. Больше занимались фактическим содержанием памятни-

ков, чем самими памятниками, их составом, происхождением, текстом. Это высшая критика дел. Брели факт исторический, как его давал исторический источник, но не разбирали качества самого источника, степени его чистоты и полноты.

Но одновременно с работами этих туземных исследователей шли труды иноземных ученых. Они преимущественно занимались критическим изучением источников. Этому причиной было, во-первых, положение дела, во-вторых, положение исследователей. Русской истории действительно нужна была критика источников, и иностранцы, приступая к занятию русской историей, живо чувствовали эту нужду. Во-вторых, это были ученые по профессии: им не нужна была публика, они не интересовались тем, что не найдут читателей⁹⁰. Они и поставили на очередь дело низшей критики слов. Притом одни занимались русской историей, так сказать, по долгу службы, официально, и много-много если под влиянием ученого честолюбия. Кроме того, приступая к русской истории, они, естественно, должны были заняться критикой источников по той причине, что существовали иностранные источники, занятие которыми было для них легче и приятнее всего.

ШТРУБЕ ДЕ ПИРМОНТ. Уже Миллер вступил на этот путь. Другой академик — *Штрубе де Пирмонт* (1704—1790)⁹¹, приглашенный на кафедру юриспруденции и политики в 1738 г. (из Ганновера), обратил свое внимание на источники по истории русского права. Свое вступление в Академию он ознаменовал французским трактатом о естественном праве. В 1767 г. он издал «Исследование о происхождении и развитии русских законов» на французском языке⁹². Он был знатоком северогерманского и скандинавского права и первый стал искать источников русского права в праве скандинавском. С этой точки зрения он разбирал и Русскую Правду. Это очень характерно; с какой бы стороны иностранный исследователь ни приступал к русской истории, он преувеличивал тот элемент, на котором сосредоточивал собственное изучение. В этом отношении все иностранцы походили друг на друга. Так же точно Шлёцер преувеличивал значение для русских законов византийского права. Биография Шлёцера тем интересна, что в ней мы можем увидеть, какое глубокое влияние условия деятельности иностранных исследователей клали на выбор предмета их работ, на ход их мышления и на результаты их деятельности.

А. Л. ШЛЁЦЕР. *Август Людвиг Шлёцер* (1735—1809)⁹³ родился в 1735 г. в каком-то маленьком княжестве (кажется, Гогенлоэ). Он был сын сельского пастора, рано осиротел и рано познакомился с нуждой. Живя в доме у мужа своей старшей сестры, школьного учителя, он ночи просиживал за классиками. Он вышел из детства близоруким. С десятилетнего возраста он добывал себе хлеб уроками. В Виттенбергский университет он поступил привычным к труду молодым человеком с расстроенными нервами и сознанием тяжести пройденного пути. Нервное расстройство вместе с пламенным воображением сделало бы его визионером, а при содействии сильно развитого самолюбия, пожалуй, и миссионером: у Шлёцера было чрезвычайно распухшее самолюбие. Университет указал ему и миссию. Из Виттенберга Шлёцер перешел в Геттингенский университет и здесь попал под влияние знаменитого Михаэлиса, который читал еврейские древности. Михаэлис считается основателем новой школы исторической критики. Чтобы изучить давно минувшую жизнь, надо изучить текст памятников как можно внимательнее. Надо изучить тогдашнее значение каждого слова (лексикология), смысл слов языка и родственных ему (сравнительное языковедение), надо изучить все стороны быта народа. Это была необыкновенно сложная филологическая и археологическая критика, которая еще усложнялась тем, что факты отдаленной еврейской старины Михаэлис старался сопоставить с характером и бытом современного Востока. Приемы эти при обдуманном употреблении могут дать превосходные результаты. Но школа эта страдала одним недостатком. Михаэлис изучал древние тексты помощью строя той жизни, из которой они вышли. Но ведь мы для того и изучаем памятники, чтобы через призму их рассмотреть явления жизни, их породившей, а он сквозь явления этой жизни старался рассмотреть и понять памятники. Здесь вводится у для определения *x*; научная цель делается средством для достижения самой себя. Из этой школы и вышел Шлёцер.

Став под обаяние учителя, молодой Шлёцер решил посвятить себя изучению библейского Востока, он не только не испугался обширности предмета, но старался еще расширить его. Для этого изучения он считал необходимым личное знакомство с теми странами. Поездка на Восток стала его мечтой, а по свойству его характера она скоро стала для него провиденциальным призванием⁹⁴. Но это путешествие требовало больших

средств, которых не было у Шлёцера, и он поставил себе целью скопить их. Михаэлис доставил ему место домашнего учителя в Швеции⁹⁵. В Упсале [в] 1756 г. он познакомился со знаменитым шведским лингвистом Ире. Стокгольмский купец, в контору которого поступил Шлёцер корреспондентом, дал ему возможность издать первые его труды, разнообразие которых показывает, что Шлёцер тогда бросался от одного предмета к другому (это были новейшая история шведской литературы и история торговли и мореплавания). Деньги накапливались, и Шлёцер составил уже план своего путешествия на Восток, план с чрезвычайно сложной подготовкой, составленный совершенно в духе школы Михаэлиса. Шлёцер прежде всего хотел изучить торговлю и промышленность, потом год изучать в Германии сельское хозяйство, затем в Геттингене математику и естественные науки, в Гамбурге изучать мореплавание, а затем поступить в какую-нибудь торговую контору в Смирне, а оттуда постепенно обойти пешком соседние края, особенно Палестину. Разумеется, жизнь разбила эти досужие мечтания. Это были 1750-е годы. Семилетняя война заставила его жить не там, где указывал план, а где это можно было сделать с некоторой безопасностью.

В Москве, где он жил домашними уроками, он продолжал разрабатывать свой восточный план; но случилось, что вместо Египта и Палестины он попал в Петербург.

Г. Ф. МИЛЛЕР И А. Л. ШЛЁЦЕР. Миллер был в постоянных сношениях со своим родственником геттингенским профессором Бюшингом. Этого родственника, содержавшегося на скудном профессорском жалованье, он уговорил прихожан петербургской Peterkirche призвать к себе в пасторы. Вместе с тем он поручил Бюшингу отыскать какого-нибудь молодого человека, который мог бы помогать ему в его многообразных ученых работах. Бюшинг обратился к Михаэлису, а тот указал, конечно, на Шлёцера. Миллер предлагал Шлёцеру помогать ему в работах и заниматься с его детьми за 100 руб. В этом предложении — искушение для самолюбия Шлёцера. Но он помирился со своей участью, вспомнив, что в одном романе, который он читал, герой, молодой маркиз, переодевшись, поступает на службу лакеем к отцу дамы своего сердца, для того чтобы иметь возможность постоянно находиться близ нее. Михаэлис убедил его, что из России он легче попадет на Восток. Как видим, учитель и ученик умели помечтать. Таким образом,

Шлёцер поступил на службу к Миллеру в виде слуги, чтобы быть ближе к даме своего сердца — к Востоку. (Шлёцер поступил к Миллеру в 1761 г.)

Шлёцер не мог ужиться с Миллером. Миллер получал 1700 руб. жалованья (тысяч шесть на наши деньги) и жил барином средней руки. Дом его представлял собой вавилонское столпотворение — частью лингвистический музей, частью учебный пансион, притон для приезжих искателей счастья из Германии, что для Шлёцера было очень удобно⁹⁶. Ему предстояла здесь двойная серьезная работа: во-первых, помогать Миллеру в его ученых трудах, прежде всего быть корректором издаваемой Миллером «*Sammlung russischer Geschichte*», для этого, собственно, он и был приглашен. Другая работа, которую он себе сам выбрал, была указана первой — изучение русских летописей.

Шлёцер ехал в Россию, раздраженный против Миллера, который на путевые расходы прислал ему всего 10 дукатов. Но Миллер, кажется, ласково встретил Шлёцера, хотя обращался с ним по-немецки⁹⁷. Шлёцер принялся за свою двойную работу. Миллер показывал ему громадный материал, который он думал опубликовать в своем издании, и говорил: «Вот, батюшка, здесь и для меня, и для вас, и для десятерых других работа на всю жизнь», но, когда Шлёцер протягивал руку к этому неисчерпаемому источнику, Миллер тотчас прятал рукописи в стол, говоря: «Не горячитесь, молодой человек, еще будет время. Не надо торопиться»⁹⁸.

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. Шлёцер скоро увидел, что он находится в положении Колумба, что перед ним область, которая сможет дать ему и деньги, и ученую славу в Западной Европе. Эту ученую пищу обещали ему преимущественно древние русские летописи⁹⁹. Этому выбору помогало движение в русской историографии в первые годы [царствования] Екатерины II.

Шлёцер принялся за изучение церковнославянского языка и был восхищен его богатством; вот на какой язык лучше всего перевести Гомера, говорил он. Видя трудолюбие своего подмастерья и не разглядев еще размеров его честолюбия, Миллер решил пристроить его в Петербурге адъюнктом при Академии на срок не менее пяти лет за 300 руб. ежегодно. Этого было мало Шлёцеру: он ценил себя недешево¹⁰⁰. Шлёцер страшно обиделся и отказался. Тогда рассерженный Миллер сказал ему: если так, то вам

больше делать ничего не остается, как с первым кораблем [отправиться] в Германию. Шлёцер заметался; открыв Миллеру свой план поездки на Восток ¹⁰¹, который не позволял ему долго оставаться в России, он стал просить у него домашних уроков или рекомендаций на место корректора при академической типографии ¹⁰². Миллер ответил, что все эти планы — чистейший вздор. Тогда Шлёцер обратился к библиотекарю Академии и правителю академической канцелярии злейшему врагу Миллера Тауберту. Тауберт принял его с распростертыми объятиями. Шлёцеру предложили место адъюнкта с жалованьем в 360 руб. на неопределенное время. Он принял место и прилежно принялся за изучение древних русских летописей ¹⁰³. Он увидел, что его надежды не будут обмануты, что из русской летописи можно сделать настоящее ученое открытие для европейской науки. Плохо зная еще русский язык, он скоро увидел, что во избежание крупных погрешностей необходимо составить родословную роспись русских князей. Он стал собирать родословные Ломоносова, Феофана Прокоповича. Особенно полезны были для него таблицы в рукописном Татищеве. Чтение летописей представляло для Шлёцера большие затруднения, но здесь его выручил датчанин монах Александро-Невской лавры Адам Селлий. Он долго занимался русскими историческими памятниками и оставил два труда: 1) *Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Russiae scriptis illustrarunt*; второй его труд дошел до нас только в переводе в «Вивлиофике» Новикова под заглавием: «Зерцало историческо-российских государей». Здесь перечислены все русские князья с годами их княжений, а главные события их княжений изложены в русском переводе виршами, должно быть так же и в оригинале ¹⁰⁴.

Тауберт доставил Шлёцеру из академической библиотеки Селлиев немецкий перевод одного из русских летописных сводов в двух фолиантах. Точность перевода сделала эти фолианты драгоценным пособием для Шлёцера в его занятиях русской летописью.

ЛЕКЦИЯ IX

А. Л. ШЛЁЦЕР И АКАДЕМИЯ НАУК. ТРУДЫ А. Л. ШЛЁЦЕРА.
ПРИЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ.
«НЕСТОР». ЗАКЛЮЧЕНИЕ О А. Л. ШЛЁЦЕРЕ

А. Л. ШЛЁЦЕР И АКАДЕМИЯ НАУК.

Вместе с местом адъюнкта Шлёцер принял обязательство обучать детей президента Академии графа Кирилла Разумовского¹⁰⁵. Разумовский хотел дать своим детям возможно лучшее воспитание, но этому мешала мать, которая видела в книгах язву. Разумовский решил удалить детей от матери, не удаляя их из Петербурга, нанял дом на Васильевском острове. Так устроился любопытный пансион Разумовского на Васильевском острове. Здесь кроме его троих детей учились дети других знатных людей. Штат преподавателей был большой; обер-инспектором пансиона, или института¹⁰⁶, был Тауберт, гувернером при детях — некто m-г Бурье, французский лакей, но человек начитанный, умевший писать по-французски почти без ошибок; ему же было поручено преподавание всеобщей истории. Шлёцер был приглашен преподавать латинский язык. Он вскоре заметил большой пробел в образовательной программе института: в пансионе не преподавали географии. География была введена в число учебных предметов института, и Шлёцер составил маленькое карманное руководство по этому предмету. Затем ему пришло в голову, что детям государственного человека, которым предстоит, может быть, занимать видное общественное положение, нельзя не знать своего отечества, и вот он начинает преподавать им отечествоведение, или статистику России. Вот где родилась русская статистика — на Васильевском острове, в 10-й линии¹⁰⁷. Тауберт, имевший разнообразные сношения с казенными учреждениями, доставлял Шлёцеру важные статистические данные, которыми пользовался тот для составления маленьких карманных рукописных книжек и по этому предмету, и [по] русской географии в таком же виде. Кроме того, Бурье вскоре отказался от преподавания всеобщей истории, находя его затруднительным для себя; Шлёцер начал преподавать и всеобщую историю и¹⁰⁸ при этом составлять свой учебник, приноровленный к потребностям русских учеников, собирался писать и русскую историю в виде учебника¹⁰⁹.

Место адъюнкта не удовлетворяло Шлёцера. Он думал или в Петербурге прочно основаться при Академии наук, или покинуть Россию; высшее профессорское жалованье, 860 руб., казалось ему слишком ничтожным. В 1764 г. он обратился к Академии с просьбой дать ему отпуск на три года за границу и вместе с тем просил сказать, находит ли Академия его труды по русской истории полезными. Он представил по требованию Академии два плана: план разработки русской истории и план распространения знакомства с историей в русском обществе. План разработки русской истории был¹¹⁰ [построен] на мысли¹¹¹ о предварительной критической обработке всех важнейших источников, особенно летописей и иноземных известий о России. Когда план этот был представлен в Академию, Ломоносов пришел в крайнее раздражение. Он увидел в нем, во-первых, прямую интригу против него со стороны немецкой партии, во-вторых, внушение немецкого нахальства. Когда немецкие члены Академии одобрили этот план, Ломоносов представил записку, где в очень резкой форме выразил свое мнение. Суждение иностранных профессоров по этому предмету, по словам Ломоносова, ничего не значит, ибо, как иностранцы, сами они о деле никакого понятия не имеют. Шлёцеру, говорил он, нужно еще много учиться, чтобы быть профессором русской истории¹¹², и, наконец, для него нет места в Академии. Ломоносова сердило, что Шлёцер хочет с ним соперничать¹¹³. Поднялись горячие споры между академиками. [Было] решено положить им конец мотивированным письменным голосованием. Ломоносов представил свое мнение на латинском языке. Шлёцер, занимаясь церковнославянским языком, тотчас принялся за составление русской грамматики с обильными словотолкованиями, и эта грамматика уже печаталась. Теперь Ломоносов добыл Корнелов Шлёцера и до крайности резко разобрал его¹¹⁴. Он находил в нем «суждения ругательные и позорные для чести России». Действительно, странно было слышать от ученика Михаэлиса такие словопроизводства, как боярин от баран, дева от Діев, князь от Knecht¹¹⁵.

Миллер в своем отзыве высказался решительно, что если Шлёцер не хочет оставаться в России, то его не следует допускать к изучению русской истории, так как, собрав документы, он мог напечатать их за границей и причинить неприятности России. Узнав, что Шлёцер недоволен ходом своего дела и собирается уехать за границу, Ломоносов представил в Сенат рапорт об опасности отъезда Шлёцера. Было приказано ему паспорта не

давать, а в его бумагах произвести обыск и отобрать неизданные исторические известия. Тауберт, который давал ему множество документов, рано утром прискакал и забрал их у него, посоветовав ему пересмотреть свои бумаги ввиду предстоящего обыска. Однако обыска у Шлёцера не произвели¹¹⁶.

Через отца одного своего воспитанника генерал-рекетмейстера Козлова Шлёцер подал записку Екатерине и просил разрешения разрабатывать русскую историю под ее покровительством. Отец другого его воспитанника личный секретарь Екатерины Теплов устроил это дело. Шлёцер предложил два плана: или отправить его на Восток для собирания коммерческих сведений, или оставить в России для разработки древней русской истории. Екатерина предпочла второе. Шлёцеру дали звание ординарного академика по контракту на пять лет.

Покровитель [Шлёцера] Тауберт вскоре после этого потерял значение при Академии. В 1767 г. Шлёцер уехал в отпуск в Германию и не вернулся более¹¹⁷.

Оттуда он заводил сношения с Академией и предлагал назначить его руководителем за границей русских молодых людей для изучения исторической критики с жалованьем в 1 тыс. руб. Академики обиделись: их младший сочлен хочет устроиться лучше их самих. Шлёцер отказался от звания русского академика и сделался профессором в Геттингене.

ТРУДЫ А. Л. ШЛЁЦЕРА. В России и за границей Шлёцер исполнил несколько работ по русской истории. Вместе с переводчиком Академии Башиловым он издал в 1767—1768 гг. Русскую Правду, Судебник царя Иоанна, две первые части Никоновой летописи. Он напечатал в 1769 г. на французском языке карманный Tableau—очерк русской истории и на немецком «Русскую историю до основания города Москвы (1147 г.)». Оба эти руководства были переведены на русский язык и долго служили для школьного употребления. Но, преподавая в Геттингене всеобщую историю и статистику, Шлёцер не переставал заниматься русской Начальной летописью. В 1800 г. он приступил к печатанию своего критического исследования о Начальной летописи; оно было окончено печатанием уже незадолго до его смерти, в 1809 г., в пяти томах. Русский переводчик слил их в три тома¹¹⁸. Сочинение это Шлёцер посвятил императору Александру, который в благодарность прислал ему бриллиантовый перстень при собственноручном письме, а

позже пожаловал орден Владимира и, наконец, по просьбе Шлёцера герб с изображением инокa, т. е. Нестора. Это сочинение имело большое влияние на ход нашей историографии в XIX в. Начиная с Карамзина и кончая Соловьевым, все русские историографы XIX в. смотрели на Шлёцера как на первоучителя, родоначальника своей науки и руководились его приемами. Вот почему это сочинение так важно.

ПРИЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ. На приемах его исторической критики легла печать общего мирозерцания Шлёцера. Трудно сказать, свойством ли ума объясняются его историографические приемы, или из свойств ума вышло его увлечение *статистикой*, которое имело влияние на его историографические приемы. Сочинение его написано историко-статистическим методом. В фактах его интересуют только размеры, цифры, количества. На явления экономической, хозяйственной жизни народа он смотрит не с методологическим интересом, не как на средство проникнуть в культурную жизнь народа, нет, он видит в них сущность исторического процесса. Вот почему народ, многочисленный независимо от степени своего развития, для него кажется важнее какого-нибудь маленького государства, которое достигало высокой степени культуры. Что такое Алкивиад перед Чингис ханом? Сельский староста, не более. Шлёцер совершенно был лишен чувства нравственно-культурного развития. Качество жизни, проявление личного совершенства, внутренние силы духа, своеобразность склада общественного и напряженность исторического движения — все это для него вещи малой цены. И мы ценим количественные данные; в *количествах* выражаются *отношения*, потому они для методологии пособия, средства для понимания жизни, а для Шлёцера они основания для ее оценки, сущность исторического процесса. Это своего рода теория экономического, лучше — статистического материализма. Этим, между прочим, объясняется и интерес Шлёцера к русской истории. Что могло приковать сухого немецкого статистика к истории страны, из которой он бежал с таким удовольствием? Причина тому была двоякая: 1) русская история была для него предметом его ученого честолюбия: открыть ученому миру богатство неведомых ему исторических памятников народа, начинавшего возбуждать общее любопытство. Единственная в своем роде историческая словесность во всем ученом свете. Но 2) — и это главное — история этого народа

поражала Шлёцера размерами сцены, на которой она разыгрывалась. Этот последний взгляд он выразил еще в своей ранней брошюре 1767 г. (еще петербургского времени) «Probe der rassistischen Annale...». Но это воздержание понятно: Шлёцер не был достаточно подготовлен к научному изучению истории России. Он сам признается, что не способен написать сколько-нибудь хорошую историю России для серьезных читателей. Но он имел превосходную подготовку к историко-критической работе; вот почему все его внимание сосредоточилось на критическом изучении русской истории. Выше было замечено, с каким пренебрежением Шлёцер относился к трудам туземных русских писателей, предшествовавших ему и ему contemporaries. Из русских писателей, занимавшихся русской историей, замечает он в своем Nestor'e, не было ни одного ученого-историка. Все, что написано в этой области туземными любителями, по его взгляду, замечательно дурно, недостаточно и неверно. Только одному изданию отдает он справедливость—это издание Русской Правды Мусина-Пушкина с товарищами¹¹⁹.

«НЕСТОР». План, основанный на его мнении о Несторе как основном и древнейшем источнике истории не только России, но и всего европейского Севера, изложен в одном из прибавлений, где он рассматривает вопрос о том, как надо далее вести изучение русской истории. Ее надо еще создать; чтобы поставить ее на достаточную высоту, понадобится лет 20. Это изучение должно начаться с Нестора; поэтому первым шагом в деле этого создания должно быть критическое издание Нестора. Над Нестором надо исполнить три главные операции. Они состоят в последовательном разрешении трех вопросов: 1) что в труде Нестора принадлежит действительно ему, а не его продолжателям и переписчикам. Это малая или низшая критика (критика текста); 2) что разумел Нестор под тем, что он написал (изучение археологии, языка и т. д.): лексическое, грамматическое и историческое истолкование Нестора; 3) правильна ли мысль Нестора, т. е. критическое изучение его самого¹²⁰; для этого надо принять в расчет степень образования и характер исторических воззрений Нестора. Шлёцер, собственно, предпринял разрешение только первого вопроса: как восстановить действительный, подлинный текст Нестора; все другие вопросы могут быть решены только после решения этой начальной задачи. Для этого нужно собрать все списки, сравнить их, разбить летопись на

главы или параграфы и, наконец, напечатать слово в слово. Очень трудный вопрос, как печатать? Что значит слово в слово? Значит ли это издать исправленный текст или каждый из списков порознь? Здесь Шлёцер делает несколько ценных замечаний, которые важны для нас потому, что ими, очевидно, руководствовалась Археографическая комиссия при издании летописи¹²¹. В основание надо положить наиболее надежный, т. е. самый древний, список, а из остальных выбирать только варианты. Но такое сводное издание не есть еще конец. Путем сравнения надо выделить все прибавки, пояснения, восстановить все пропуски, исправить все искажения; только над таким *очищенным* Нестором можно будет предпринять высшую критику. Этим планом руководился и сам Шлёцер в своем сочинении. Это — именно критическая очистка текста Нестора. У Шлёцера за границей было под руками 12 печатных и 9 рукописных списков. Это скудный запас, но Шлёцеру из-за границы трудно было доставать больше¹²². Прежде всего в черновой обработке он разбил текст Нестора на сегменты, т. е. на отдельные небольшие главы по содержанию. Все списки он распределил на три группы, или редакции, по степени их близости друг к другу. Каждый сегмент он выписывал из трех рукописей, которые казались ему наиболее типичными для каждой редакции. К каждому сегменту он приписывал варианты из других, наиболее близких списков. В каждом сегменте он путем сличения восстанавливал подлинный, очищенный текст Нестора. Потом этот текст он переводил на немецкий и, наконец, к переводу прибавлял комментарий. Вот общий план его работы: сличение текста по спискам, восстановление подлинного чтения, точный перевод и комментарий¹²³.

Работе предпослано длинное введение в древнюю русскую историю, где он говорит о Несторе, о его летописи, о других современниках и сборниках и т. п.

Разбирая текст Нестора таким образом до половины XI в., Шлёцер в разных местах исследования высказывает свои суждения о начале нашей истории. Эти суждения легли в основание целого ряда общих сочинений по нашей истории, появившихся в XIX в.

Как Шлёцер представляет себе начало нашей истории? Легко заметить источники этого взгляда. Это не результат научного исследования, а просто повторение взгляда Нестора, которое говорит то же самое и даже в сходных словах. Там, где взгляд Нестора мутился и требовал ученого комментария, Шлёцер черпал пояснения у Байера,

частью у Миллера. Трудно отыскать в изложении Шлёцера даже новый аргумент в оправдание этой теории. А самая эта теория была создана для объяснения того памятника, который Шлёцер называет летописью Нестора.

Итак, Шлёцер, разбирая текст Нестора для объяснения Нестора, понемногу усвоил его взгляды и проверял его им же. Так сказался методологический недостаток всей школы Михаэлиса. Шлёцер — критик, а не историк во всем своем исследовании, ибо он, собственно, не двинулся ни на шаг вперед сравнительно с самим Нестором в понимании фактов. Это произошло оттого, что он имел дело не с историей, а с историческим памятником. Взор его никогда не проникал до фактов; ему нужны были факты только для объяснения памятника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О А. Л. ШЛЁЦЕРЕ. Шлёцер оказал русской историографии две важные методологические услуги: 1) В самородную русскую критику Шлёцер внес правила, многие если не общепризнанные, то во всяком случае более надежные и полезные; 2) Шлёцер высказал очень много догадок о том, как надо читать и исправлять текст, и сделал много поправок в тексте летописи. Но основная точка зрения была им недостаточно проверена. Он думал, что имеет дело с одним лицом — с летописцем Нестором; кроме того, он видел в Несторе наиболее надежный источник для истории не только Руси, но и всего Севера. Но ведь этого ничего нет. Перед Шлёцером лежал не Нестор и не летописец, а ученая историческая диссертация, написанная в начале XII в., со всеми приемами диссертации. Нестор — это отдельные разбрызганные капли, перемешанные с примесями совсем не летописного свойства. Выписка из Амартола стоит рядом с народной песней и с личным мнением составителя. Это был не летописец и не баснописец, а ученый-исследователь.

Таким образом, Шлёцер не уяснил себе предварительно самого свойства своего памятника и прилагал к нему приемы, к нему не идущие¹²⁴.

И. Н. БОЛТИН

(умер 6 октября 1792 г.)

Сто лет прошло со смерти Болтина. Имя этого русского историка давно забыто, а его труды по русской истории перестали читать, кажется, даже раньше, чем перестали помнить имя их автора. Его тяжеловесные фолианты давно вышли из состава оборотной русской исторической литературы, которой питается русская любознательная публика, и отложены в запасный фонд русской историографии, до которого редко дотрагивается даже рука специалиста. Шлёцер своим критическим исследованием о Несторе, изданным в начале нынешнего столетия, отодвинул Болтина от внимания исследователей отечественной истории, а Карамзин своим блестящим трудом закрыл его от глаз читающей русской публики. Но в свое время Болтин пользовался известностью как знаток русской истории. Сам надменный Шлёцер, с немецким пренебрежением относившийся ко всем русским исследователям русской истории, для Болтина допускал исключение, признавая его единственным русским историком, кое-что смыслившим в истории своего Отечества. Пользуясь столетнею годовщиной Болтина, можно вспомнить этого историка, и не столько его самого, сколько его время, те условия, при которых вырабатывалась историческая мысль этого писателя, не самого блестящего, но одного из самых умных и приятных русских писателей XVIII в. На поминках говорят не столько о самом покойнике, сколько о том, что любил он, а Болтин больше всего любил Россию своего времени.

Он был сам виноват в том, что его учено-литературная

известность была так скоротечна. Прежде всего он сам слишком мало заботился о приобретении и упрочении такой известности. Он не был ученым-историком по профессии. Его практическая деятельность шла вдали от летописей и архивов: начав службу рядовым конногвардейского полка, он продолжал ее чиновником таможенного ведомства и кончил генерал-майором и членом военной коллегии. К этому надобно прибавить, что Болтин был деловитым и добросовестным служакой, а потому не располагал большим досугом. Но он находил время учиться, много читал и с особенным прилежанием собирал втихомолку сведения по русской истории, считая знакомство с родною стариной нравственным обязанностью образованного человека. Русскому образованному человеку того времени было гораздо труднее исполнить эту обязанность, чем теперь: тогда это не значило выслушать курс русской истории в высшем учебном заведении или прочесть несколько популярных сочинений по этому предмету. Тогда надобно было самому кропотливо собирать источники и разбираться в них, запасаться вспомогательными средствами для их чтения и истолкования, наводить мелочные справки; в то время, чтобы быть студентом русской истории, необходимо было стать для самого себя профессором этого предмета.

Правда, тогда существовали уже два важные пособия, значительно облегчавшие труд изучения отечественной истории. Одно из них состояло в появлении любительских собраний отечественных древностей. В наше время занимающемуся изучением русской истории открыто много казенных и общественных древлехранилищ, музеев и архивов, в которых собраны разнообразные памятники русской старины, письменные и вещественные; есть и частные богатые коллекции, любезные владельцы которых радушно делятся своими сокровищами с теми, кто в них нуждается. В прошедшем столетии собрания первого рода были неизвестны или труднодоступны, а последние очень редки. Было богатое собрание рукописей по русской истории у отца русской научной историографии В. Н. Татищева, но оно сгорело вскоре по смерти владельца в его подмосковском имении (умер в 1750 г.). Известный академик и историограф Миллер также скопил обильный запас рукописных материалов по русской истории, который был куплен императрицей Екатериной II и вошел в состав Московского архива Министерства иностранных дел. Много старинных рукописей и бумаг осталось после комиссара и подрядчика времен Петра I Крекшина, пытав-

шегося описать жизнь преобразователя и долго собиравшего материалы для его истории. Эти рукописи и бумаги были потом куплены А. И. Мусиным-Пушкиным и вошли в состав его драгоценной рукописной библиотеки, той библиотеки, гибель которой в московский пожар 1812 г. никогда не перестанет вызывать тяжелый вздох из груди всякого, кто не считает изучение русской истории бесполезным делом. Этот самый граф Мусин-Пушкин, церемониймейстер двора, а потом обер-прокурор св. Синода и президент Академии художеств, был типическим представителем образовавшегося в царствование Екатерины II кружка «любителей отечественной истории», как они сами себя называли.

Это коллекционное любительство и надобно признать вторым важным пособием, много содействовавшим успешному изучению русской истории во второй половине прошлого столетия. Немного странно ставить наклонность к собиранию памятников родной старины, спорт своего рода, в число научных исторических пособий наряду с географическими картами, указателями, словарями и т. п. Но эта наклонность у Мусина-Пушкина и его ученых друзей осложнялась такими качествами, соединена была с такими задачами, благодаря которым ее грешно было бы назвать простым спортом. Эта наклонность поддерживалась в них таким взглядом на дело и такою любовью к нему, которыми они умели до некоторой степени восполнять недостаток технических пособий и одолевать научные затруднения, какие ставил этот недостаток изучению отечественной истории. Их антикварский дилетантизм поддерживался побуждениями, не похожими на те, коими руководились Татищев и Миллер. Эти последние имели в виду цели практического или профессионального свойства. Первый из них, деловой человек суровой петровской школы, горный чиновник-золотоискатель, а потом губернатор, приведен был к собиранию и ученой обработке материалов для истории и географии России государственною нуждой, административною потребностью в исторических и географических справках. Для второго эта работа была делом по долгу службы, как русского академика и историографа по штатной должности с окладом. В любителях русской старины, подобных Мусину-Пушкину, можно заметить некоторую родственную связь с практическим взглядом Татищева на дело: и они видели в своем занятии служение на пользу Отечества. Но, как занятие добровольное, не положенное в число штатных обязанностей русского гражданина, оно соединено было с неприятно-

стями и требовало некоторой доли самоотвержения, гражданского мужества. Не говорим о том, что такой любитель-коллекционер на каждом шагу подвергался опасности потратить даром время и деньги, впасть в забавную погрешность по самой новости дела, по недостатку технических пособий. В образованном русском обществе того времени оставалось еще немало людей, не умевших растолковать себе смысла этого патриотическо-археологического донкихотства. Они видели в этом занятии досужую затею, привлекательную разве только по своей бесспорной ненужности, и, слыша о жертвах, приносимых этому странному делу, разводили руками с таким же комичным удивлением, с каким встретили бы мы газетное известие о спортсмене, решившемся проползти ничком от Москвы до Петербурга. Зато и наши спортсмены «родной старины» мстили своим насмешникам самым беспощадным христианским великодушием: они не только весело, без ненависти и злости шли по саркастическому терновнику, которым усыпали их плохо протоптанный путь, но даже находили досуг выражать сожаление о людях, которые принимали на себя неблагодарный и непосильный труд смеяться над ними. Так, Мусин-Пушкин, говоря в одном из своих ученых изданий о людях модного французского воспитания, тех самых людях, которые особенно ядовито глумились над любителями старины, и более всего отечественной старины, с непритворною жалостью скорбит о том, что, привыкши просыпаться за полдень, никогда не видали они красоты солнечного восхода и не испытали удовольствия слушать утреннее божие славословие. Это были превосходные живые сюжеты для тогдашнего водевиля; но они нисколько не боялись опасности увидеть в театре самих себя из партера на сцене. Такой счастливый характер, надобно думать, вырабатывался в них при помощи их своеобразного отношения к предмету своей охоты: в свою возню с манускриптами они вносили такой взгляд на дело, или, выражаясь любимым словечком их же собственного издателя, такое «умоначертание», которое помогало им не только побеждать технические трудности чтения и разумения древних летописей и актов, но даже понимать и ценить столь обветшалое и отсталое нравственное и политическое мирозерцание, какое светится сквозь неуклюжие и неразборчивые строки этих незанимательных для тогдашнего философского ума и сердца произведений отжившего суеверия и произвола. Эти археологические Плюшкины были не простые любители-собиратели от

скуки или по дурной привычке, а набожные поклонники отечественной старины; собирание древнего письменного тряпья и металлического хлама было для них не развлечением от нечего делать, а делом пиетета, нравственно-патриотического влечения, одним из способов служения человечеству, как тогда любили говорить. Среди пыльной ветоши, уцелевшей от родной старины наперекор времени и на зло тогдашним абстрактным инженерам будущего, для наших наивных и конкретных любителей старины не было вещей нужных и ненужных, памятников более важных и менее важных: всякая древняя русская рукопись, всякая древняя монета, найденная в пределах России, еще прежде, чем они успевали ее прочесть и обследовать, самим своим видом, каждая по-своему, вещала им о родной старине, была наглядным и осязательным выражением ее духа. На их благоговейный археофильский взгляд эти ветхие хартии и свитки в своих таинственных складках хранили то, что выветрилось из легкомысленных современных умов и сердец,—добрые обычаи старины, «отцов наших почтенные нравы», черты самобытного национального характера. Это не могильные памятники с печальными надписями об угасшей жизни; это молчаливые сторожа, оставленные при народном сокровище на время иноземного нашествия и ждущие возврата хозяина—русского национального самосознания. Наши любители, кажется, и на самих себя начинали смотреть тоже как на сторожей, приставленных оберегать собираемые ими памятники до появления историографа, который бы по ним достойно воссоздал историю Отечества. Не считая себя призванными к такому делу, они относились довольно платонически к вещам, которыми они так дорожили. Внимательно рассматривая скопидомно собираемые ими рукописи, «извлекая из-под спуда кроющиеся в них и свету неизвестные древности нашей отрывки», они обогащали свои исторические познания и при этом на каждом шагу встречали любопытные новости, иногда делали и капитальные открытия, от которых затуманились бы глаза у современного специалиста. находка Мусиным-Пушкиным *Слова о полку Игореве*, изданного им в 1800 г., была блестящим завершением патриотических усилий наших антиквариев-любителей XVIII в. Но это были сдержанные открыватели, не спешившие выставлять напоказ свои архивные Америки; они вообще мало и осторожно издавали, особенно под своими именами, еще меньше печатали ученых исследований, довольствуясь комментариями издаваемых памятников. Это не уменьшает огром-

ной услуги, оказанной ими русской историографии: они сберегли много драгоценных памятников нашей старины, возбуждали интерес к ней в равнодушном к предметам подобного рода обществе, и, каким бы досужим бездельем ни казались еще многим в этом обществе их археологические хлопоты, они своим влиятельным положением в свете ободряли более робких и не так благоприятно поставленных работников. Вспомнить о них — значит пожалеть, что их уж нет.

Такое отношение к памятникам старины не могло не оказать действия на направление и задачи исторического их изучения, говоря точнее, это отношение само устанавливалось теми же задачами, какие ставили себе патриоты-любители при этом изучении. Отечественная история не была для них только предметом научной любознательности; они искали в ней ответов на живые практические запросы и нужды текущей жизни, надеялись найти в ней исполнение того, чего, по их мнению, недоставало современному русскому обществу. Таким образом, их любопытство вполне органическим стимулом входило в состав цельного общего взгляда, какой к концу XVIII в. установился в тесном кругу русских образованных людей на русскую историю, на задачи и приемы изучения русского прошедшего и на отношение этого прошедшего к современному положению вещей.

Обдуманное и своеобразное выражение этого взгляда находим в сочинениях Болтина. Он сам принадлежал к числу описанных любителей и был одним из наиболее видных по уму и образованию людей в их кругу. Довольно трудно рассказать, каким процессом мысли и изучения выработался у него этот взгляд. У него заметно еще меньше писательского нетерпения, чем у других подобных ему любителей того времени. Он не был охотником выставлять свои ученые занятия напоказ, предпочитая вести их втихомолку, хотя и любил вместе с другими провозглашать, что извлечь из-под спуда неизвестные свету остатки русской древности — значит «услужить отечеству». До преклонных лет он, по-видимому, все еще считал себя учеником, все готовился. Некоторые вскрывшиеся потом следы этой подготовки показывают, как он тяжело вооружался. Объездив чуть не всю Россию, везде ко всему прислушиваясь и присматриваясь, изучая нравы, обычаи, костюмы, говоры, промыслы и общественные отношения, он в то же время, «чрез многие лета в отечественной истории упражняясь», делал выписки из русских летописей, грамот и других сочинений, составлял

общий географический словарь России, изучал язык памятников древнерусской письменности и начал составлять толковый славяно-русский словарь. Вместе со светскими людьми модного французского воспитания он усердно читал наиболее популярных писателей новой французской литературы: Бэйля, Вольтера, Монтескье, Мерсье, Рейналя, Руссо и других — и в то же время изучал более старых и даже средневековых западных историков и публицистов: Лорьера, Конринга, Шопена, Буше, Клеманжи, Бомануара, не исключая и писавших по-латыни Бодена с его *Методом* и Потгизера (*De conditione et statu servorum apud Germanos*). По усвоенной смолоду привычке делать выписки из читаемой книги, рукописи, документа Болтин накопил себе путем разнообразного и усидчивого многолетнего чтения огромный запас бумажного материала; после него осталось до ста связок разных его рукописей, которые куплены были Екатериной II. В числе этих бумаг оказался даже сделанный Болтиным и собственноручно перебеленный перевод французской энциклопедии. Что цельного могло выработаться из такого разнообразного изучения и какое научное или практическое употребление надеялся Болтин сделать из своего запаса цитат, переводов, заметок, записок, житейских наблюдений, исторических анекдотов? Он вел эти работы для себя, «для собственного моего удовольствия», по его признанию, руководясь своею личною любознательностью и не ставя себе никакой определенной учено-литературной цели. Но он был слишком умен, рассудителен и практичен, притом до самой смерти слишком занят по службе, чтобы стать бесцельным кабинетным мешком книжной всякой всячины, уличным коробейником своего настольного любимца Бэйлева словаря или праздным салонным разносчиком пикантных идей французских энциклопедистов. Эти разносторонние изучения и наблюдения должны были объединяться какою-нибудь более серьезною целью или по крайней мере разумным побуждением, которое и вскрылось случайно. Когда Болтину неожиданно для него самого пришлось мобилизовать для литературной полемики разнообразные исторические, географические, этнографические и другие познания, они у него оказались в готовности и обдуманно и искусно направлены были к одной цели, к возможно многостороннему и глубокому уяснению памятников и смысла отечественной старины и ее связи с настоящим состоянием России. Стало быть, эти сведения заготавливались и обрабатывались с тою же целью, хотя при этом и не имелось в виду, что какой-

нибудь иностранец Леклерк заставит взяться за перо и привести весь заготовленный арсенал в боевое печатное движение. В Болтине по его характеру и «умоначертанию» при той обстановке, в какой он вращался, и без иностранца Леклерка могла родиться потребность в историческом изучении, направленном к такой цели. В самом русском обществе, как и в русской литературе того времени, стоял такой хаос исторических, политических, моралистических и разных других суждений, увлечений и недоразумений, от которого у размышляющего и восприимчивого человека могла закружиться голова и заколебаться почва под ногами, и у рассудительного патриота само собою рождалось желание собственными усилиями приобрести твердую точку опоры среди этого вавилонского столпотворения и отдать себе отчет в том, что творится вокруг, откуда все это пошло и как все это привести в порядок. Нравственно-патриотическая потребность приобрести возможную устойчивость, говоря его словами, «в защищении правды и отечества» от кривых или спутанных толков, раздававшихся вокруг, заставила Болтина приняться за разностороннее историческое изучение «для собственного удовольствия», не помышляя об ученом авторитете. Он хотел освоиться с прошедшим и настоящим России, с прошедшим и настоящим Западной Европы; как военный человек, он считал необходимым для усиления своей боевой готовности привести себя в состояние становиться фронтом на все четыре стороны, но главный его фронт был обращен в сторону отечественной старины, наименее укрепленную и подвергавшуюся наиболее отважным нападкам со стороны «напоенных сенским воздухом гг. наших полуфранцузов», как выразился Н. И. Новиков. На этой оборонительной линии Болтин хотел приобрести полную самостоятельность, черпать научные средства из самых источников и не боялся неопрятной работы их очистки, собирал и сличал летописи, проверял и восстанавливал тексты, толковал темные слова и обороты древнего языка. При сходстве интересов и понятий он сблизился с Мусиным-Пушкиным, «крайним древностей наших любителем», как он его называл, и засиживался в богатой рукописной библиотеке своего приятеля, торопливо просматривая надписи и почерк рукописей. Скрытая грусть звучит в его словах, когда он за три года до своей смерти писал, полемизируя с кн. Щербатовым, что не имел еще времени прочесть все эти заманчивые редкости, обещающие много важных открытий, как бы предчувствуя, что он уже не успеет это сделать¹.

Болтин пользовался авторитетом глубокого знатока русской истории среди людей, его знавших и интересовавшихся этим предметом. К нему обращались за указаниями, спрашивали о его мнениях; сама императрица пользовалась его содействием в своих занятиях русскою историей и даже отдавала на его суровый суд то, что она, по ее выражению, «марала по истории» (*que je griffonnais sur l'histoire*). Но ему было уже 50 лет, а в русской литературе еще не появлялось прямых следов, накопленных его многолетними трудами исторических знаний. Вероятно, эти знания вместе с ним и умерли бы, если бы с 1783 г. не начала издаваться в Париже под пышным заглавием *История древней и новой России* некоего Леклерка. Не случилось ничего особенного: французский врач по профессии и русский педагог, даже почетный член русской Академии наук, по игре случая, по авантюре, чувствительный поэт и аферист, немножко Дон-Кихот и немножко Хлестаков, Леклерк перехватил наскоро несколько известий у своего соотечественника Левека и несколько у русских своих корреспондентов, в том числе у кн. Щербатова, и, сказав, как умел, сообщенное ему и им прочитанное, смастерил из всего этого многотомную книгу, в которой обещал изложить всестороннюю историю России, т. е. дал читателю кучу «всякой всячины», как выразился Болтин. Между прочим, новый историк наговорил немало обидных вещей для русского национального самолюбия и наделал много новых ошибок, которых не успели еще сделать другие историки России. Все это было в порядке вещей: к иностранным щипкам национального самолюбия давно уже привыкло русское общество, а в сфере новых ошибок за иностранными повествователями о России и тогда признавалось, как признается теперь, право на бесконечные новизны и открытия. Это право еще до Леклерка было подтверждено Вольтером, который на запрос, зачем он в своей книжке о Петре Великом искажил доставленные ему из России материалы, отвечал, что он не привык слепо списывать со всего, что ему присылают, что у него есть свой взгляд. Однако ворчливый старик Болтин, читая «лжи и клеветы» Леклерка на Россию, вскипятился не хуже набожного старообрядца, у которого в моленной накурили табаком, и он вознегодовал не столько на французского курильщика, сколько на нечестивый смрад, им напущенный. Он принялся писать критические примечания и писал их для себя, для удовлетворения своего возмущенного чувства, не помышляя об их издании; но, говорят, кн. Потемкин и другие приятели критика

уговорили его приготовить разбор книги Леклерка к печати, а императрица в 1788 г. на свой счет издала этот труд в двух томах. Один из корреспондентов Леклерка, кн. Щербатов, сам автор обширной истории России, почувствовал себя задетым критикой Болтина и возражал. Болтин отвечал, и загорелась полемика, следствием которой были новые два тома критических примечаний Болтина на первые томы истории кн. Щербатова.

Остается поблагодарить «дерзкого клеветника и сущего вралю», как не совсем учтиво величает сердитый генерал-майор своего противника: свою легкомысленную болтовней заносный историограф заставил туземного знатока выйти из его любительского молчания и выступить с готовым цельным и стройным взглядом на прошедшее и настоящее России, т. е. с такою новостью, которая едва ли не впервые появлялась в нашей литературе с выходом толстых книг Болтина в четвертую долю листа. Но этому взгляду по самому характеру своего труда критик не мог придать цельного изложения, высказывал его по частям, осколками, когда разбираемая книга давала к тому повод. Только собирая и склеивая эти разбросанные в разных местах осколки, можно восстановить цельность и стройность исторических воззрений Болтина, впрочем со значительными недомолвками и пробелами, которые можно восполнить только догадками.

Этот взгляд имел самую тесную связь с ходом просвещения в России XVIII в. и, рассматриваемый отдельно от него, покажется совершенно неожиданным. В самом деле, человек, имевший европейское образование, черпавший знания и идеи из тех же источников, которыми питались тогдашние русские вольтерьянцы, этот самый человек высказывал воззрения, очень близкие ко взглядам его противника кн. Щербатова, только без сентиментальности последнего. Болтин нередко выступает одним из тогдашних стародумов допетровского закала, своего рода боковым предком славянофильства—и это со своим любимым словом Бэйля в руках!

Такие кажущиеся несообразности в явлениях русского просвещения XVIII в. происходили оттого, что русский просвещенный человек того века при видимой своей педагогической простоте и элементарности был очень сложным умственным и нравственным составом, в который входили разные культурные элементы, притом в разнообразных сочетаниях, иногда очень досуже и замысловато придуманных. Прежде всего над этим составом много поработало законодательство, применяя его то к

текущим практическим, и притом материальным, нуждам государства, то к отвлеченным воззрениям законодателей, руководившихся лишь снисходительным вниманием к потребностям общества, а иногда вступавшим даже в открытую полемику с его понятиями и вкусами. Достаточно припомнить превосходный в своем роде *Устав шляхетного сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества 1766 г.* с сопровождающими его педагогическими трактатами, чтобы видеть, каким сложным санитарно-морально-дидактическим процессом надеялись тогдашние руководители воспитания «вкоренить в нежные сердца добронравие и любовь к трудам, словом, новым воспитанием новое бытие нам даровать и новый род подданных произвести». С своей стороны и русское общество приложило старание, чтобы еще более осложнить состав русского просвещения, вводя в воспитание юношества если не прямо антилегальные, то внелегальные и большею частью решительно антипедагогические элементы и мотивы, например знакомя 12—13-летних недоростков с пикантными произведениями тогдашней французской литературы. Благодаря этому участию общества в воспитании своего юношества предписанные педагогические программы иногда получали такое практическое исполнение и приводили к таким наглядным результатам, к таким нравственным и умственным формациям, каких и не предвидел законодатель, и он уж конечно не начертал бы такой программы, если бы их предвидел. Законодательству не привыкать терпеть такие неудачи. Известно, какое трудное и великое дело — составить удачный закон. «Не так легко писать законы, как для больных рецепты», — ядовито замечает Болтин в одном месте Леклерку, коля ему глаза его ремеслом. Но двусторонняя рецептура русского просвещения XVIII в. не прошла легко и бесследно. Трудно объяснить, как это случилось, но можно заметить, что это просвещение начало плескаться в противоположные стороны, подобно беспорядочно взболтанной воде в мелком сосуде. В русском просвещенном обществе все заметнее выступали резкие крайности, несговорчивые контрасты, вытесняя переходные, уживчивые и житейски удобные комбинации; происходила своего рода поляризация просвещения. Взгляды обращались в противоположные стороны, потому что, как выразился один русский писатель начала XVII в. о своих современниках, каждый повертывался спиной к другому и одни смотрели на Восток, а другие — на Запад. Одни, познав просвещение, ничего уже не хотели знать,

кроме просвещенных стран, и отворачивались от своего Отечества, подобно сумароковскому петиметру, который и своего русского языка знать не хотел и жаловался, зачем он родился русским. Другие, наблюдая печальные плоды просвещения в современной действительности, отворачивались от нее и от самого просвещения и переселялись помыслами и чувствами в допетровскую старину, где искали добрых нравов и самобытных понятий и находили все это, находили и много такого, чего там не было, но чего искали. Русские полуфранцузы, ослепленные светом европейского просвещения, не видели уже ничего светлого в родной среде, и она в их глазах наполнялась непроглядною тьмой, а архирусские староверы мысли, насмотревшись на эти темные пятна современного просвещения, боязливо или брезгливо закрывали глаза и мысленно переносились в прошедшее; но свет бил и на их опущенные веки, и под его болезненным действием их исторические воспоминания превращались в фантастические миражи. Так и западное просвещение, и русская действительность с обеих сторон терпели напраслину и становились без вины виноваты: первое—в том, что им не умели пользоваться и, вместо того чтобы освещать темные предметы, слепили их собственные глаза, а вторая—в том, что в ней искали того, чего не находили, или находили то, чего не желали.

Зрелище странного движения представило бы русское просвещенное общество, если бы составилось только из чистых западников и восточников, повернувшихся спинами друг к другу, среди многого множества людей непросвещенных, но тоже кое о чем размышлявших,—это общество лебедя, шуки и рака. К счастью, приблизительно с половины века, с того времени, когда сверстники Болтина выходили из детства, а в это общество стали проникать или в нем самом пробивались новые течения, под влиянием которых оба господствовавшие в нем непримиримые типа просвещенных людей начали разлагаться и перерождаться, образуя новые культурные составы, между которыми стали возможны мирные встречи и обоюдные уступки. Прежде всего господство Бирона и немцев, нашествие «сатаны и аггелов его», по выражению елизаветинских церковных ораторов, вместе с внешними успехами России пробудили патриотическое одушевление, чувство народной гордости. Потом под накладные французские парики стали проникать новые заносные идеи, и их встречали там тем гостеприимнее, что они были землячки этих париков, приходили с тех же сенских берегов, на

которых еще до их прихода поселились сердцем их новые послушные адепты. С одной стороны, «молодые кошуны, ненавидящие свое Отечество», как их характеризовал потом Новиков, привыкшие пересмежать самые добродетели предков наших, под давлением патриотической возбужденности окружающих стали поджимать губы и внимательно присматриваться к столь неожиданно для них ободрившейся отечественной действительности, а новые просветительные идеи, упавшие на бригадирских Иванушек как новая повинность светского приличия, вообще приневоливали их серьезнее смотреть на вещи. Перед этим более серьезным взглядом все заметнее выступали пятна и в западном влиянии, и в проводившей его у нас реформе Петра, с которой западники вели бытие России и свое собственное. Скептическое отношение к Западной Европе овладевало даже такими людьми, которые по своему образованию не могли быть суеверными европеодами и сами много черпали из европейского культурного запаса для своего просвещения: подобно Фонвизину, они только и замечали в Европе, что там-то «во всем генерально хуже нашего», а там-то «весьма много свинства» и т. п. С своей стороны и идилички родной старины стали благосклоннее относиться к людям модного воспитания, замечая в них зачатки серьезного мышления; начали трезвее смотреть на отечественную старину и на Западную Европу, а что было всего важнее, пришли наконец к той простой, но всегда трудноусвояемой мысли, что великие предки не могли совершенно выродиться в негодных потомков, не оставив достойных продолжателей своего дела, что старина живет в современной действительности. Так обе стороны сделали взаимные уступки: одни поступились несколько своими западными идеалами, другие — своими противоевропейскими антипатиями и археологическими иллюзиями, а те и другие вместе — своим общим равнодушием к настоящему положению Отечества. Внимание к современной действительности, расширяясь и осложняясь новыми интересами и чувствами, постепенно выросло в любовь к Отечеству. Эта любовь и послужила почвой, на которой враждебные воззрения могли встретиться мирно и понять друг друга. На страницах тогдашних журналов разыгрывались любопытные полемики и высказывались характерные признания. Так, в *Зрителе* 1792 г. западник из Орла, отвечая на упреки патриотов в наклонности унижать отечественное, пишет: «Вы душевно привязаны к своему отечеству, и я тоже. Как же одна причина могла произвести разные действия? А вот почему: вы любите его, как любовницу, а

я—как друга». Когда противники заспорят о качестве своей привязанности к одному и тому же предмету, дело непременно кончится тем, что предмет общей привязанности сблизит и помирит соперников. Укоренившись на этой питательной почве, самые воззрения и настроения несколько переродились: если, с одной стороны, фетишистское поклонение Западной Европе стало сменяться почти-тельным отношением к западноевропейской науке, научною любознательностью, то и, с другой—чувство народной гордости переходило в чувство нравственной связи с родным народом, самопрославление сменялось стремлением к самопознанию. Эти перемены в воззрениях и настроениях не могли не оказать прямого действия и на ход, задачи и приемы исторического изучения, особенно изучения отечественной истории. Мысль *открыть свету* древность и славные дела российского народа, в чем видел задачу русской историографии Ломоносов, теперь соединилась с потребностью *уяснить себе самим* ход и смысл своего прошлого; потребность написать достойную историю своего народа осложнилась мыслью о необходимости прежде изучить ее основательно; наконец, нападки на русскую жизнь со стороны пробудили желание познакомиться для сравнения с историческою жизнью других стран.

Исторический взгляд Болтина вырос и воспитался на этой почве сближения и примирения враждовавших воззрений и настроений, и с этой стороны он сам по себе, помимо своих научных качеств, является выразительным признаком известного перелома в умах или известного уровня, до которого поднялось общественное сознание. Важно уже одно то, что это был *взгляд*, попытка составить себе ясное и отчетливое представление о целом предмете, которое, легко проникая в умственный оборот общества, незаметно направляло и исправляло ходячие мнения, будило общественную мысль, как несколько капель хорошего вина незаметно оживляют кровообращение.

Впрочем, мы поступили довольно произвольно, взявшись за определение особого *исторического* взгляда Болтина: такого *особого* взгляда у него не было. У него были убеждения и чувства религиозные, нравственные, политические, гражданские, в состав которых входили и известные исторические представления; но эти убеждения и чувства так органически срослись друг с другом при помощи единства своих оснований, а эти представления проходили через них такими неуловимыми нервными

нитями, что их трудно разнять и расщипать на отдельные волокна. Его цельное «умоначертание» построено было так просто и неуютно, что его неудобно разгородить на мелкие клетки, по которым можно было бы разместить его понятия и правила, одни по категориям чистого мышления, другие по соображениям житейской мудрости. Потому и исторический взгляд Болтина трудно выделить из общей связи его воззрений. Обсуждая современную действительность, он ни на минуту не забывал историн, как, объясняя историческое явление, он не выпускал из глаз своего времени. У него были свои мысли о прошедшем и настоящем России, как и свои чаяния о ее будущих судьбах. Но прошедшее и настоящее были для него только навязанные привычкой грамматические формы выражения непрерывного исторического процесса или оптические иллюзии, подобные впечатлению движущегося по небесному своду солнца.

Трудно припомнить русского исторического писателя, который бы яснее сознавал, что старина живет в современном, и живее чувствовал в старине корни современного. Иногда он совершенно врасплох захватывает мысль читателя на далекой древности и ставит ее прямо перед каким-либо выразительным явлением своего времени, освещающим эту древность. Оспаривая мнение кн. Щербатова, будто древние новгородцы вследствие своих торговых успехов и богатства привыкли к сластолюбию, Болтин утверждает, что торговля к сластолюбию не приучает, причем ссылается на пример торговых и воздержанных голландцев и тут же прибавляет: «Противное сему в самих себе обретаем, ни торговли, ни богатства не имея, в роскоши и сластолюбии всех богатейших народов превзошли». Тот же кн. Щербатов неловко рассказал о том, как Всеволод III, желая подкрепить против врагов своего приятеля и киевского посаженника Рюрика, потребовал у него себе несколько городов из его княжества. Вот отличный друг, возражает Болтин, и надежное средство к подкреплению: подобным образом ныне (писано в 1789—1790 гг.) прусский король предлагает Польше, видя ее изнеможение, чтобы она для умножения своих сил уступила ему Данциг и Торн. Этою цельностью взгляда объясняется калейдоскопическое разнообразие аргументации у Болтина; чего-чего только ни встретишь в его полемическом арсенале, начиная элементарною истиной исторической азбуки и кончая последним словом тогдашней политической и исторической литературы: рядом идут у него общий исторический закон и

наивный архаический обычай русского захолустья, трактат о причинах возвышения цен в России XVIII в., замечания о значении счастья и свободы и историческая справка о том, как понимают поцелуй у разных народов. Такая видимая хаотичность — обычный признак мирозерцаний, выработанных путем опыта и наблюдения на самом толоке жизни, а не в тишине закупоренного кабинета, где отвлеченным мышлением отливаются математические схемы, прозрачные и кристаллически правильные, как альпийские льды, но зато ломкие и холодные, как они же. У Болтина графическая размеренность воззрений заменялась живою подвижностью гибкого соображения; у него все было так слаженно и пригнано одно к другому, что его сложный научный прибор легко приводился в движение; житейское наблюдение влекло за собой ряд исторических соображений, из которых сами собой, без видимой нажимки, выпадали научный вывод или практическое правило.

Может быть, исторические суждения Болтина в свое время потому и не произвели заслуженного впечатления, что их нельзя было оторвать от всего склада его мыслей и убеждений, а тогда таких сложных и цельных умственных и нравственных складов не любили или не понимали в русском обществе. Здесь в тот век было немало сильных, даже слишком сильных и прямолинейных характеров, подобных однополчанину и приятелю Болтина кн. Потемкину, но было большою редкостью цельное мирозерцание. Вероятно, это происходило оттого, что сильные характеры создаются как-то природой или складом обстоятельств, а цельные мирозерцания — только внутренней личною работою человека над самим собой. Пародируя известную фразу Фигаро о графе Альмавиве, можно сказать, что в русском обществе XVIII в. умели родиться сильные люди, но не умели вырабатываться цельные умы. Всего труднее было в этом обществе, где давали тон «случайные» люди века, жившие день за день, мыслившие сами себя только минутными дождевыми пузырями, — всего труднее было вкоренить здесь мысль, что в истории нет ничего случайного и мир не творится вновь каждый день с восходом солнца, что эти постоянно лопавшиеся пузыри возникают и исчезают по точному смыслу законов векового исторического процесса и эти безродные знаменитости, выкидываемые капризом фортуны на поверхность жизни, могут, буде того пожелают, умирать без потомства, но не сумеют обойтись без предков. Зато как раз по умственной мерке и даже по вкусу тогдашнему

просвещенному русскому обществу приходился другой прием исторической методики Болтина. Это общество привыкло все русское мерить западноевропейской меркой и таким образом подготовилось к сравнительно-историческому взгляду на вещи, а такой взгляд был одним из принципов того «умоначертания», которого держались русские образованные люди болтинского образа мыслей. Только у них этот взгляд имел более сложное происхождение. Политические и исторические идеи просветительской литературы века в том составе, как они воспринимались просвещенными русскими людьми, поселяли в их сознании немало противоречий и недоразумений. Рационалистическая обработка и космополитическая тенденция этих идей располагали к таким отвлеченным построениям человеческого общежития, которые были столь же далеки от русской, как и от европейской, действительности, являлись не выражением или поправкой, а подчас радикальным отрицанием и горьким осуждением существующего исторически сложившегося порядка. В этих новых воззрениях явственно выступали две мысли: 1) о закономерности исторического процесса и 2) о возможности построить, точнее, перестроить жизнь человечества по началам разума. Охотно усваивали себе эти мысли, но считали их несовместимыми и затруднялись их примирением, потому что в исторической закономерности видели нечто фаталистическое, следовательно, неразумное, а вечные начала разума не всегда достаточно отличали от капризного прожектерства разумников. При более углубленном обсуждении предмета находили и внутреннее логическое согласие между этими видимо непримиримыми тезисами. Неразумная историческая действительность, если уж решено, что она неразумна, есть плод злоупотребления историческими силами, происходящего от непонимания их свойств и законов их действия, а может быть, и самая неразумность ее есть только наше недоразумение, подобное тому, как, не умея предостеречься от так называемых возмущений в физической природе, иногда с досадой считаем их отступлениями от физически закономерного или провиденциально направляемого порядка. Значит, неразумная действительность есть не более как плод нашего собственного неразумия или недоразумения, а разумная перестройка ее будет только восстановлением либо нормального закономерного действия исторических сил, либо правильного понимания действующего исторического порядка.

Боямся взвести напраслину на современных Болтину

русских мыслителей, утверждая, что они предвосхитили гегелианское понимание разумности существующего; но что живущие люди своим неразумием могут испортить существование себе и своим ближайшим потомкам, это по крайней мере у Болтина высказывается не раз явственно и даже настойчиво. Эта мысль возможна только при ясном представлении о нормальном и разумном ходе вещей, а космополитические теории и рационалистические приемы мышления, помощью которых составилось это представление, сведены были русскими мыслителями к тому окончательному итогу, что закономерное и разумное развитие общества есть развитие естественное, непринужденное, согласное с условиями климата и почвы, следовательно, самобытное, не подгоняемое и не искривляемое искусственно сторонними влияниями. Так западноевропейская мысль дала нашим патриотам-мыслителям оружие против излишеств западноевропейского влияния, а когда последнее пыталось встать за свою оспариваемую монополию, новые неучитываемые толчки, полученные от рассерженных завоевателей взбунтовавшейся русскою мыслью, помогли ей продвинуться еще на шаг вперед в своей мятежной диалектике и захватить новые опорные пункты, сделать дальнейшие выводы из похищенного украдкой у западноевропейской философии тезиса. В этой самобытности и беда ваша, возражали обиженные учителя, потому что вы самобытны, как варвары, непричастные общей жизни просвещенного мира: для вас самих и всего человечества было бы выгоднее, если бы вы в меньшей мере обладали этой доблестью. Это возражение вызвало со стороны атакуемых особую тактику самообороны, целое национально-оборонительное мышление, оставившее некоторые следы в тогдашней и последующей литературе. Диалектическая схема этой апологетики была довольно проста. Заезжие наблюдатели в литературе и гостинных, выписные гувернеры в учебных комнатах возражали: «Все у вас дурно, да ничего хорошего в России и не бывало, и вы только обезьяны, способные перенимать». Им отвечали: «А у вас во всем генерально хуже нашего, и мы больше люди, нежели вы». Так или почти так формулировалась сущность прений самими русскими полемистами. В наиболее наивной или запальчивой форме эта полемика очень походила на дипломатический обмен мыслей, бывающий между поссорившимися детьми, когда один маленький забияка угостит другого известным словом, на которое, по словам Гоголя, так щедр человек, а обиженный ответит ему: «Ты сам такой же».

В этой перебранке русских апологетов скрывался несомненный зародыш сравнительно-исторического метода. Они становились на любимую космополитическую точку зрения своих противников, замечали их логическую непоследовательность и размышляли: нас отлучают от человечества только за то, что мы не во всем похожи на западных европейцев, не отказывая в звании людей даже эскимосам, которые ни на что не похожи; стало быть, не умеют ни мыслить правильно, ни судить справедливо, «а если бы взяли на себя труд рассматривать вещи добросовестно и беспристрастно и сравнивать их философским взглядом с тем, что мы видим в остальном человеческом роде, то увидели бы, что русский народ стоит приблизительно в уровень с остальными народами Европы». Последние слова принадлежат автору *Антидота*, апологетического труда, направленного против соотечественника Леклерка и его товарища по ремеслу изделия напраслин на Россию. Этот безымянный автор (Екатерина II) вырабатывал свои историко-апологетические взгляды из одинакового материала с патриотами болтинского кружка и даже при их прямом содействии. Он упрекает своего ученого противника в том, что, ненавидя народ русский, он не рассматривает человека как жителя вселенной, везде одинакового, и чувствуется добрая капля яду в словах автора, когда он говорит, что иностранцы, не прощая русским желания оставаться самими собой, негодуют на то, что эти русские у себя дома смеют казаться им иностранцами. Космополитическая точка зрения помогла нашим мыслителям по-своему разбираться в исторических явлениях, столь тенденциозно запутываемых. «Люди везде люди,— писал Фонвизин из-за границы,— прямо умный и достойный человек везде редок». Значит, последний — местная редкость, а общечеловеческое — то, что обыкновенно и что везде встречается. Поэтому темные пятна, выступающие в жизни отдельных народов, русского, как и других, надобно поставить на счет общего несовершенства человеческой природы, а подвиги и доблести, как злаки, выращиваемые местными силами климата и почвы, должны быть причислены к качествам национального характера, ни у кого не заимствуемым и никем не повторяемым, имеющим свой корень во «врожденном свойстве душ российских». Стало быть, необходимо изучать местную отечественную историю, но непременно совместно с общею историей человечества, чтобы распознать, какие страсти и пороки свойственны нам как людям и какие доблести должны быть усвоены нами как русски-

ми. Такое развитие космополитической идеи можно признать довольно неожиданным и гибким оборотом русской патриотической диалектики прошлого века: космополитизм, обыкновенно враждебный местному, национальному, как чему-то зоологическому, был употреблен опорой и стимулом патриотического чувства и из историко-философского миросозерцания, из идеального общечеловеческого мерила превратился в простой методологический прием, стал чем-то вроде химической кислоты, употребляемой для очистки туземного металла от общечеловеческой примеси. В такой диалектике сказалось напряжение оборонительного отпора, вызванного усиленным натиском, какой во имя человечества делали тогда на самобытность русской жизни. В этом методологическом космополитизме не могло быть много того оптимизма, к какому были наклонны чистые космополиты. Один из последних, молодой «русский путешественник» по Западной Европе, ребром поставил совершенно обратную формулу космополитизма в своих путевых письмах, печатавшихся в последний год жизни Болтина, сказав: «Все народное ничто пред человеческим; главное дело быть людьми, а не славянами». Такой космополитизм, по признанию его проповедника, питался созерцанием природы как обширного сада, в котором зреет «божественность человечества». Если бы Болтин, согласно тогдашним учениям, видевший в природе прежде всего известное сочетание условий климата и почвы, влияющих на образование национальных характеров, встретил эту формулу и это признание Карамзина у своего приятеля Леклерка, может быть, он с своею обычною иронией записал бы в критических на него примечаниях: и мы — граждане мира, сыны человечества, поколику мир во зле лежит и поколику мы грешные люди. Болтину не пришлось встретиться с Карамзиным на учено-литературной арене. Но его друзья, патриоты-апологеты, дожили до печального торжества над своими противниками, увидев, как они после революции сидели и плакали на дымившемся еще пожарище своего космополито-оптимистического миросозерцания, и горше всех плакал Карамзин. Когда русскому путешественнику по Западной Европе привелось самому стать русским историком, он написал в предисловии к своему монументальному труду: «Истинный космополитизм есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все — граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с

отечеством; любим его, ибо любим себя». Признание абиссинского гражданства наравне с европейским со стороны настоящего русского историка, которого всю жизнь поджидал Болтин, вполне оправдало его патриотическую апологетику, и покойный генерал-майор, сошедший в могилу среди двусторонней борьбы с невежественными хулителями и с невнимательными почитателями русской истории, дождался наконец хотя посмертного права сказать: *ныне отпущаеши...*

Запальчивая полемика, какой подогревалась патриотическая апологетика Болтина, была наносным стимулом его критики, навязанным его задорными или самоуверенными противниками. Если снять этот налет, под ним окажутся здравые положения исторической науки, не лишенные новизны для тогдашней русской историографии. Во-первых, довольно последовательно было выведено из тогдашних философских взглядов, что национальная самобытность сама по себе не подлежит осуждению с разумной и общечеловеческой точки зрения как вещь, терпимая и даже поощряемая общим строем мировых сил, который не убивает особей, напротив, поддерживает их, приспособляя их к местным условиям, ибо мироздание построено на гармонии индивидуальностей, а не на однообразии безличностей. Возражая своему противнику, видевшему во всех отраслях древнерусского управления только зверство, политическое невежество и склонность русских грабить соседей, Болтин писал, что не следует приписывать одному народу пороков и страстей, общих всему человечеству в известные времена, на известных ступенях развития; но он не перегибал в противную сторону положения космополитов об отношении народного к общечеловеческому, как тогда делали в русских патриотических журналах и гостиних, не утверждал, что человечеству свойственны только пороки и страсти и лишь один русский национальный характер слагается только из добродетелей. Он не идеализировал ни древней, ни новой России, не говорил, что у нас все было хорошо, не отрицал недостатков русской жизни; он только не любил много говорить о них, с библейскою совестливостью страшился вскрыть срам матери своей. Зато при каждом злом указании западноевропейского оппонента на политический, социальный, домашний или религиозный недостаток России он приводил в движение весь запас своей огромной начитанности, собирал все средства своего остроумия, чтобы доказать, что на Западе было не лучше, если еще не хуже нашего, и доказывал это с жаром,

подчас поднимавшимся выше границ общепринятого приличия, с фактической изобразительностью, удручающей самое выносливое историческое воображение. Конечно, не надо забывать, что мы имеем дело не с кабинетным ученым, составляющим научную диссертацию, а с патристическим бойцом, отстаивавшим обижаемую чужаком родину. Но этой полемике нельзя отказать и кое в каком научном, именно методологическом значении: она приучала, обороняя свое, пристально всматриваться в чужое. В этом состоял второй основной научный результат исторической критики Болтина: освобождаясь от полемической горячки, его патристическая оборона русской жизни превращалась в спокойное сравнительное изучение русской истории, а такое изучение побуждало искать законов местной народной истории и тем приучало понимать закономерность общего исторического процесса.

Форма подстрочных критических примечаний, притом с постоянными полемическими отступлениями, мало помогала стройному выражению основных исторических взглядов критика и последовательному приложению его методики к явлениям русской истории. Дело специального изучения — собрать и свести в нечто цельное отдельные текстуальные толкования и фактические объяснения Болтина, которые сам Шлёцер признавал новыми и превосходными. Понимая Болтина, прежде всего припоминаешь условия, в которых стояло у нас историческое изучение сто лет назад, интересы, которые возбуждали историческую мысль, средства, какими она располагала, препятствия, с какими ей приходилось бороться. Только припомнив все это, поймешь, чего стоили Болтину иные выводы и соображения, которые крупными зернами золота блещут в беспорядочной массе критических справок, фактических подробностей и полемических излишеств. Всего ценнее в сочинениях Болтина самое отношение автора к делу, которому он посвящал свой досуг: он смотрел на него как на «служение отечеству», т. е. как на дело, которое следует делать серьезно, сосредоточенно. Такое значение сообщала в его глазах отечественной истории конечная цель ее, народное самопознание, которое достигается путем сложного и разборчивого изучения. Называя себя не более как трутнем в республике наук, поедающим чужие труды, Болтин не признавал себя настоящим историком, потому что предъявлял «истории, пишемой в настоящий просвещенный век» требования, которых удовлетворить не считал себя способным, и даже думал, что написать историю народа едва ли под силу одному

человеку при всех дарованиях, на то потребных. История не летопись: «не все то пристойно для истории, что прилично для летописи». Отсутствие полной хорошей истории России он объясняет не недостатком исторических материалов, «припасов», а тем, что нет «искусного художника, который бы умел те припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить и украсить». Что же пристойно для истории? Болтин отлично усвоил себе проведенное Вольтером в его знаменитом *Опыте о нравах* различие между преходящими, случайными явлениями, не укладывающимися в цепь исторических причин и следствий, и коренными, постоянными фактами истории, между «приключениями мимоходящими и обычаями». Понимая требования прагматизма не смешивать и не разрывать «союза времен и происшествий», следить за обстоятельствами, нужными «для исторической связи и объяснения последственных бытий, причин их и следствий», Болтин с особенным вниманием вникал в учреждения, законы, занятия, нравы, обычаи, понятия, знания, в бытовые мелочи, поговорки, восстанавливая таким образом ткань быта, как бы сказать физиологическую клетчатку, по которой шла жизнь народа. Ни у кого еще из русских исторических писателей этот новый порядок исторических фактов не выступал так отчетливо и настойчиво, и никто из них до Болтина, кажется, не подходил так близко к наиболее сокрытым пружинам народной жизни, не докапывался до таких глубоких ее течений. Привычка наблюдать явления этого порядка сообщила ему чутье последовательности исторического процесса. Оспаривая быструю перемену в нравах Руси, вдруг освободившейся от своего варварства с принятием христианства, Болтин возражает кн. Щербатову, что такая перемена была бы чудом несравненно большим, чем стон идола, которого, по летописи, св. Владимир повелел стащить в Днепр.

В этих явлениях, которыми обозначалось последовательное движение народной жизни, Болтин искал постепенного проявления народного «умоначертания», самобытного содержания национального характера. Это помогло ему найти «точку времени», которую можно было бы принять за начало нашей истории: таким начальным моментом должно быть время, с которого стало обнаруживаться это содержание. Наша история началась с зачатием нашего народа, а это случилось, когда встретились и породнились его родители, племена, от которых он произошел. Эта встреча совершилась с приходом Рюрика и руссов к новгородским славянам, что повело к слиянию

встретившихся пришельцев и туземцев, образовавших русский народ. «Следственно, Рюриково пришествие есть эпоха зачатия русского народа», который, может быть, нечто заимствовал в своем характере от родителей, но со временем заимствованное стало незаметно: «возмужало дитя, оказались новые склонности, особенный нрав, от обстоятельств и вещей его окружавших породившиеся». Соединившиеся славяне и руссы вобрали в себя много других племен, и так составилась цельный великий народ, «который нравы и свойства получил сообразные климату, правлению и воспитанию, под коими он жил».

Не столько важно такое начало истории, сколько то методологическое удобство, которое извлек из него Болтин. Показав, почему бесполезно «далее Рюрика возводить нашу историю и терять время в тщетных разысканиях», он погубил целый прием учености, процветавший некогда у нас и у других народов, которые старались отыскать себе праотцев среди детей и внуков Ноя, как бы боясь, «чтобы не назвал их кто незаконнорожденными», если они не запасутся библейскою генеалогией. Правда, и он мог обойтись без «тщетных разысканий» о неведомых народах, некогда населявших нашу страну; но он поступил с этим этнографическим столпотворением больше по-военному, чем по-ученому. Он разделил эти народы на 4 дивизии, на скифов—татар, гуннов—калмыков, сарматов—финнов и славян, и между ними распределил прочие племена сомнительного происхождения, литву, ятвягов и самих варягов поверстал в сарматы, киргизов зачислил в скифы, даже козар нашел возможным произвести в славяне. Только перед русскими он остановился было в раздумье, но потом и их откомандировал к кимврам, т. е. к тем же сарматам. Развивая мысль Ломоносова о смешанном племенном составе исторических народов, Болтин придавал научное значение не «первоначальной породе» их составных элементов, а новым образованиям, происходившим от их смешения и создавшим новые национальные типы, которые и являются настоящими деятелями в истории. Это дало Болтину смелость высказать своеобразную мысль, что хотя мы должны назвать своими праотцами и славян, смешавшихся с русскими, но все заимствованное от них «климат и время превратили в русское и едва ли осталась в жилах наших одна капля крови славянской», и это случилось не с одними славянами, но и со многими другими элементами, коих «имена и природы погрузились в название и природу русского народа», образовавшего из себя новую историческую

особь. Такая постановка дела отвязала мысль Болтина от генеалогических басен и этнографических гипотез и облегчила ему переход к изучению культурно-исторических фактов, скрытых в надежных памятниках. Возражая Леклерку, представлявшему русских IX и X вв. кочевниками и первобытными лесными дикарями, Болтин немногими крупными и выразительными чертами изобразил тогдашний уровень русской гражданственности в небольшой, но яркой картинке, которую пополнял в других местах своих сочинений и в которой доселе нечего поправить². Так, переступая через порог русской истории, Болтин знал, как и куда идти: хорошо выясненная точка отправления и верно намеченная цель с обеих сторон освещали ему путь в этой темной области знания. Полемизируя с своими противниками, он и прорепетировал с ними всю русскую историю, пересмотрел ее важнейшие факты в поперечном, как и в продольном, ее разрезе, останавливаясь на выдающихся эпохах или следя за отдельными учреждениями на всем пути их развития. Принятие христианства, политический порядок удельных веков, татарское иго, Грозный, Смутное время и царствование Михаила, главные моменты русского законодательства с их памятниками, судьбы русского дворянства с крепостным правом и другими слившимися с судьбой сословия учреждениями, условия экономического быта народа — все это проходит перед читателем в постоянно меняющейся панораме, освещаемой попеременно то формулой закона исторического процесса, то параллелью однородных явлений западноевропейской истории, то сопоставлением с современным автору состоянием России; и среди этих монографических изображений автор вслед за любопытными данными о населенности современной ему России в легком, но глубоко обдуманном сравнительно-историческом очерке, доказывая Леклерку, что обширность России не истощает ее сил, описывает образование и распространение Русского государства в связи с колонизацией страны и обрусением встречных инородцев³.

Вооружая современного читателя наблюдениями над действием исторических сил и над ходом жизни древней Руси, Болтин подводил его к XVIII в., к своему времени, и заставлял его сличать явления своего века как с этим действием, так и с этим развитием. В каком виде должен был представиться просвещенному читателю его век при таком сопоставлении? Под влиянием местных физических и исторических условий русский народ вышел довольно своеобразным и менее похожим на другие европейские

народы, чем похожи они друг на друга. Это естественно: «Государства европейские во многих чертах довольно сходны между собою; зная о половине Европы, можно судить о другой, применяясь к первой; но о России судить таким образом невозможно, понеже она ни в чем на них не похожа», хотя переживала одинаковые с ними затруднения и положения, имела сходные «поведения и деяния». Она нажила себе свои нравы и обычаи, «качества сердца и души», которые, может быть, не лучше, хоть и не хуже чужих, но свои и на чужие не похожи. Но все эти обычаи и нравы одинаково добры; но они помогли народу устроить общежитие, которое тоже если не лучше, то и не хуже, чем у других, а качество народных нравов и обычаев определяется их способностью соединять людей и устроить общежитие. В самобытных нравах и обычаях выражается и ими поддерживается духовная энергия народа, даже его физическая крепость, они сообщают ему нравственную физиономию. Но самобытность не обязывает к неподвижности, и энергия не есть инерция. Условия жизни русского народа изменялись, новые уничтожали или ослабляли действие старых; это и было причиною, «что нынешние наши нравы со нравами наших праотцев никакого сходства не имеют». Не должно изменять насильем «народные начала и образ их умствования; удобнее законы сообразить нравам, нежели нравы законам; последнего без насилия сделать не можно». Надобно очень хорошо знать сердце человеческое, чтобы при исправлении нравов не сделать лишнего, поражая пороки, не ослабить добродетелей. Словом, нравы должны не срезываться хирургически, как мозоли, а перерождаться физиологически, как обновляется вещество в живом организме. Вся эта столь известная теперь историческая физиология целиком прилагалась к жизни русского общества для проверки нормальности ее отправления. Древняя Русь выработала самобытные нравы и обычаи, полезные для общежития, но страдала недостатком просвещения. Следовало сохранить свои нравы и обычаи и заимствовать просвещение, знания и искусства. Поступили наоборот: частью по вине закона, частью по увлечениям общества, по принуждению или по легкомыслию заимствовали не столько чужое просвещение, сколько чужие нравы, притом дурные, забывая свои добрые с их нравственными опорами, любовью к отечеству, привязанностью к вере отцов. «Итак, мы старое позабыли, а нового не переняли и, став непохожими на себя, не сделали тем, чем быть желали».

Таково было последнее русское слово сравнительно-исторического изучения русского прошедшего в XVIII в., и никто не сказал этого слова лучше Болтина. Век русского просвещения был осужден во имя просвещения за то, что с помощью этого просвещения пытался стереть своеобразную физиономию народа и забыть свое прошлое. Но кто были эти мы, столь безнадежно осужденные? Это не могла быть современная Болтину Россия, которую он защищал с такою любовью, с таким знанием и искусством. Притом именно Болтиным впервые высказана у нас в литературно-ученой обработке мысль, что современность есть живой музей древностей, ходячая летопись прошедшего. Очевидно, это была та часть просвещенного русского общества, которая успела отрешиться от «народных начал и образа умствования их», созданных русскою историей. Итак, во имя разума и просвещения европейски образованный человек осудил своих точно так же образованных соотечественников за то, что они отрицали отечественную старину и оставшуюся ей верной современность как неразумную и непросвещенную. Как могло это случиться? Очень просто: эти соотечественники, скучая трудными источниками европейского просвещения и черной работой, какой оно добывалось из них, пили только его сладкие капли в виде последних слов просветительной литературы, в которых сказывалось ее презрение не только к русскому, но и ко всякому прошедшему, ее непонимание законов и сил не только русской, но и всякой истории. Болтин был слишком просвещенный человек, чтобы довольствоваться последними словами просвещения, и слишком умный человек, чтобы не вникнуть в его источники и приемы, которыми он и воспользовался для уяснения хода и смысла как родного, так и чужого прошедшего. Его правило было: «необходимо нужно, читая книги, а паче пишучи историю, понимать чтomое». Притом он черпал образование не из одних чуждых источников. Он отлично знал свое Отечество и по своему домашнему воспитанию, и по многообразным житейским наблюдениям, и по усидчивым документальным справкам. Двойным светом, туземным и заимствованным, он воспользовался не так, как тогда было в обычае на Руси — пользоваться тем и другим раздельно. Тогда одни употребляли только первый для того, чтобы не замечать второго, а другим второй помогал только презирать первый. Болтин воспользовался туземным просвещением, чтобы уметь правильно употреблять заимствованное, а заимствованным — чтобы лучше ценить туземное, и обо-

ими вместе — чтобы осветить родное прошлое сравнительно с европейским. Потому можно отвести ему особое место в русской историографии. И прежде, и после него были русские историки России, которые пытались взглянуть на нее европейским историческим взглядом. Болтин победил европейского историка России, который хотел посмотреть на нее тем же взглядом; победителю подобает звание русско-европейского историка, который и на историю Европы первый попытался взглянуть русским историческим взглядом.

Несмотря на успехи русской историографии после Болтина, его сочинения доселе не утратили интереса. По ним все легче видеть, как вопросы, давно возбужденные и не переставшие занимать нас, ставились и решались столет назад лучшими русскими мыслителями того времени. Этим сравнением наглядно вымеряется пространство, пройденное русскою мыслью. С умом, привыкшим размышлять о строении и жизни человеческих обществ, Болтин стал перед скудным запасом едва разобранных фактов нашей истории и перед необозримой грудой совсем не тронутых изучением исторических памятников. Своею трезвою, немного сухою мыслью, согретою теплым патристическим чувством и вооруженною небрежным, но острым словом, он пытался проследить по этим памятникам протекшую жизнь своего Отечества, сопоставляя ее на каждом шагу с жизнью остальной Европы, — он первый попытался это сделать, и не без успеха, стоившего ошибок и больших усилий. Он не идеализировал древней Руси, не думал воскресить старину, воротить вчерашний день, подобно кн. Щербатову и другим просвещенным староверам своего времени, но он считал долгом гражданина изучить родную старину, потому что это изучение вскрывает корни и уясняет смысл тех жизненных начал, которые составляют силу современности. Это внушило ему простые правила методики народного самопознания: наблюдайте других, чтобы лучше знать себя, помните, чем вы были, чтобы понять, чем вы стали, и, пока не всмотритесь в себя, не спешите походить на других. Поставленные Болтиным вопросы стали после него очередными задачами русской историографии, а высказанные им мысли незаметно проникли в общество и в литературу, оторвались от своего источника и безыменными каплями затерялись в общественном сознании. У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин первый сказал это.

Общество истории и древностей российских постановило в настоящем году почтить память И. Н. Болтина, со смерти которого прошло ровно сто лет. Обществу, посвящающему свои труды изучению памятников отечественной истории, есть за что помянуть теплым словом этого писателя-историка. В столетие, протекшее со дня смерти Болтина, историческое изучение России достигло значительных успехов, прошло две стадии, явственно обозначившиеся появлением двух капитальных творений по русской истории, созданных Карамзиным и Соловьевым. Труды Болтина не оставались безучастными в этом движении русской историографии; по крайней мере решительно можно сказать, что достигнутые ею успехи без этих трудов достигались бы с большими усилиями. В другом месте¹ я пытался объяснить исторические взгляды и приемы Болтина в связи с ходом просвещения и движением самосознания в русском обществе XVIII в. Теперь, исполняя желание Общества, я предложу его благосклонному вниманию попытку определить значение исторических трудов Болтина в ходе русской историографии.

Один из любителей отечественной истории, каких у нас немало было в прошедшем столетии, Болтин начал писать в последние годы своей 58-летней жизни. Но эти поздние литературные опыты были только завершением многолетних усидчивых занятий русской историей. Стро-

гий в понимании обязанностей историка и скромный в оценке своих личных учено-литературных средств, Болтин не считал себя настоящим историком и думал, что самое большее, что он призван сделать,—это собирание и предварительная обработка «припасов», материалов для отечественной истории. В реестре бумаг, оставшихся после Болтина и купленных Екатериной, не находим следов работы над каким-либо цельным историческим повествованием; но он считал себя достаточно вооруженным, чтобы предпринять критическую проверку чужого сочинения по русской истории или ученое издание древнего русского памятника с объяснениями.

Только в последние годы жизни Болтину представились случаи, побудившие его выступить в литературе историческим критиком и комментатором и обнаружить обширные и разнообразные исторические знания, накопленные многолетними усидчивыми трудами. В 1783 г. вышел в Париже *Histoire de la Russie ancienne et moderne* известного Леклерка. В 1786 г. у Болтина были уже готовы два объемистые тома критических *Примечаний* на пять томов этой *Истории*, напечатанных к тому году. Кн. М. М. Щербатов, который с 1770 г. начал издавать обширную *Историю российскую от древнейших времен*, почел себя задетым некоторыми замечаниями Болтина и в 1789 г. напечатал в свое оправдание Письмо к одному приятелю. Болтин в том же году издал свой *Ответ* на это письмо. Пространно отбив нападения противника и уверив его и публику, что в разборе книги Леклерка он отнюдь не подразумевал кн. Щербатова, генерал-майор Болтин в конце *Ответа* сам перешел в наступление и написал 19 возражений, направленных против самой *Истории* кн. Щербатова, прибавив в заключение, что все приведенное в разборе из этой истории суть только увеселительные ягоды и были собраны и приготовлены для публики в двух больших томах *Критических примечаний* на первые два тома *Истории* кн. Щербатова. Энергичский критик, невзирая на недуги возраста, начал эти примечания в том же 1789 г. и, по-видимому, успел кончить их еще до конца следующего, 1790 г., когда умер кн. Щербатов (12 декабря), как можно догадываться по тому, что у Болтина нет намека на это. Но публика прочитала новый труд уже по смерти автора, когда его приятель и товарищ по занятиям гр. А. И. Мусин-Пушкин издал его в 1793 и 1794 гг. Со своей стороны и кн. Щербатов не успокоился и, несмотря на зарок в письме к

приятелю не отвечать на новые возражения Болтина, прочитав его *Ответ*, не утерпел, подходя уже к своей могиле, собрался с силами и написал *Примечания на Ответ* Болтина, составившие целую книгу. И эта книга увидела свет только по смерти своего автора, уже в 1792 г., так что едва ли успел прочитать ее тот, против кого она была направлена, как сам кн. Щербатов, воюя с *Ответом* Болтина, не зная, какие два громовые тома готовил против него неутомимый его противник. Так учено-литературная борьба Болтина с кн. Щербатовым, представляющая во многих отношениях один из самых занимательных эпизодов в ходе русской историографии, была докончена типографским станком, когда оба борца уже сошли с арены и успели подать друг другу руки при загробной встрече.

Окончив полемику со вторым противником, Болтин перешел к более мирным научным работам. Он входил в состав тесного кружка «любителей отечественной истории», душой которого был упомянутый граф А. И. Мусин-Пушкин, «крайний древностей наших любитель», по выражению Болтина, составитель знаменитой по своему богатству и по своей несчастной судьбе рукописной библиотеки. В ученых сношениях с этим любительским кружком находилась сама Екатерина II, которая по смерти Болтина писала о нем и о Мусине-Пушкине, что они много занимались русской историей. Друзья копались в древних рукописях, как в золотоносной почве русской историографии, читали, комментировали, сужали любознательную императрицу справками, делали открытия, научную цену которых сами затруднялись определить, — словом, находились в положении геогностов, которые, прокопав первые мелкие шурфики, начинают чутать, какое обильное металлическое содержание найдут в более глубоких пластах дальнейшие изыскатели, которые до них докопаются. Екатерина, пользуясь научными услугами любителей, не оставалась безучастна в их успехах. По указу 11 августа 1791 г., исходатайствованному Мусиным-Пушкиным, синодальным обер-прокурором в св. Синод скоро прислано было много летописей и других рукописных памятников из монастырских архивов³...

Можно подивиться умственной бодрости больного старика, который в том же году, в котором вышла его *Русская Правда* и осенью которого он умер, удосужился исполнить еще одну критическую работу, в некоторых отношениях даже самую трудную из всех научных работ, им исполненных. Разумею разбор драмы Екатерины II из

жизни Рюрика. Благодаря Болтину судьба этой драмы стала любопытным эпизодом из истории русской литературы прошлого века, живо характеризующим как действующие в нем лица, так и общество, среди которого они действовали. Некоторые черты этого эпизода были потом не без юмора рассказаны самой Екатериной в письме к Гримму.

Трудясь над своими *Записками* по русской истории для русского юношества, она пришла к некоторым догадкам касательно Рюрика, поддерживаемым всего только немногими словами, какие обронил Нестор в своей летописи (*quelques mots lâchés par Nestor*), да одной страницей в *Истории Швеции* Далина. Она потому не решилась внести таких рискованных конъектур в настоящую историю, но ей вздумалось (*il me prit fantaisie*) найти им место в поэзии, построив из них историческую драму, образцом для которой послужил не кто другой, а прямо сам Шекспир, которого автор тогда читал в немецком переводе. Драма была написана и без имени автора напечатана в 1786 г. под заглавием *Подражание Шакеспиру, историческое представление из жизни Рюрика*. Никто не обратил внимания на анонимную пьесу, и Рюрик лет пять пролежал в книжных лавках мертворожденным или умирающим младенцем. В 1792 г. Болтин чрез Мусина-Пушкина поднес императрице в рукописи свой разбор истории кн. Щербатова. Екатерина, три года назад уже издавшая на свой счет примечания Болтина на историю Леклерка и пользовавшаяся его указаниями при чтении русских летописей, задумала реабилитировать свое погибшее творение, призвав на помощь опытного диагнозу знатока-критика, так как, по ее признанию, «она охотно готова была отдать на суровый суд Болтина то, что марала по истории». Когда раз Екатерина заговорила с Мусиным-Пушкиным о своем многострадальном Рюрике, сетуя на невнимание к нему, тот смешался: оказалось, что ни он, ни Болтин, к стыду обоих знатоков русской истории, не только не читали, даже и в глаза не видали драмы императрицы с ее историческими конъектурами. Но Болтин поправил дело, принялся объяснять драму, которая по его просьбе скоро была напечатана с его примечаниями и пошла в ход, была даже переведена по-немецки. Учено-художественное дитя ожило в критических руках опытной няньки. Екатерина не рассказывает, как произведена была сама операция, как Болтин исполнил ее намек или желание, выраженное Мусину-Пушкину. Чтобы видеть это, надобно взять в руки самые примечания Болтина. Дело было чистым

искушением для нашего критика: надобно было остаться правдивым, не становясь неприятным, хвалить без лести и усмешки и судить, не обличая и не огорчая,—словом, резать правду автору, помня хлеб-соль хозяйки.

Генерал-майор Болтин с искусством истинного тактика одержал победу над своим положением, явился беспристрастным судьей писательницы, не нарушив обязанностей кавалера к даме. Для этого он из критика превратился в комментатора и даже в педагога, объяснял, где нужно было исправить, и исправлял, что следовало зачеркнуть, учил, где нужно было обличать. Прежде всего подысканы были для драмы исторические источники, из коих иные едва ли подозревал и сам драматург, потом создания чистой фантазии были подбиты мягкой подкладкой сложных исторических справок и соображений или представлены вольно-поэтическими вымыслами, «прилично выдуманскими», слова и действия героев, не встретившие никакой опоры в исторических источниках, подперты доводами исторической логики, непредумышленные общие места развились в метко схваченные черты древнего быта или даже цельные исторические картины, нечаянно удачные обмолвки оказались результатом исторической эрудиции, а недоразумения или простые промахи либо явились смелыми гипотезами, во всяком случае возможными, хотя и могущими встретиться с гипотезами более вероятными, либо превратились в неясные намеки, которые и истолкованы в разборе с остроумной находчивостью и полным прибором ученой критики, как истолковывал Болтин темные места древних памятников в других своих сочинениях. Драма поставила древнему Новгороду целых трех посадников вместо одного надлежащего. *Всякому* известно, тонко поясняет комментатор, что в Новгороде было всегда по одному посаднику, и рядом ученых соображений приходит к выводу, что один был только *степенный*, действительный посадник, которого и надо разуметь под первым из выведенных в драме; но от него надо отличать посадников *старых*, бывших, какими, конечно, и были двое остальных и каких всегда могло быть и больше двоих, сколько угодно. В заключение всего в разборе подобраны места драмы, где Рюрик, Аскольд и другие ее лица высказывают любимые идеи времени об Отечестве, о власти, общественном порядке, вычитанные этими передовыми людьми IX в. из Наказа Екатерины по изданию 1767 г. Так Болтин, бережно приняв хилое дитя, оправил и оживил, спеленал его и, слегка потянув за нос, как это дельвали в старину повивальные бабушки с

новорожденными, показал его публике, причем, не скрывая имени матери, пожелавшей остаться неизвестной, сближением пьесы с Наказом невзначай приподнял перед читателем край прозрачного вуаля, ее покрывавшего. Его звали судить драму перед присяжными знатоками, но он, щадя материнское сердце и не кривя ученой совестью, предпочел растолковать смысл пьесы самому ее автору в присутствии публики. Автор, очевидно, хорошо знал критика, а критик еще лучше понимал автора, и оба остались отменно довольны друг другом, ибо изрядно обдумали, что делали. Немного месяцев, вероятнее недель, спустя умный критик закрыл глаза, а благородный автор купил оставшиеся после него ученые бумаги.

Я нарочно остановился на примечаниях Болтина к драме Екатерины. В этом небольшом труде, которому суждено было стать лебединой песней Болтина, может быть, именно потому с наибольшей наглядностью отразились особенности этого исторического критика, несмотря на то что в этом труде историческая критика идет об руку с литературой *courtoisie*. По такому специальному поводу, как драма из времен Рюрика, критик приводит в движение разнообразные исторические источники: и русские летописи, и скандинавскую Эдду, и песню Рагнара Лодброка, даже современные акты русского законодательства, толкует имена и термины древних памятников, обращается к явлениям других стран и времен — все это для того, чтобы глубже вникнуть в быт славяно-русского общества столь отдаленного века, в его нравы, понятия, учреждения. Это своего рода историческая программа, примерно продемонстрированная на частном случае, на отдельном факте, где автор обозначил и очередные задачи русской историографии, и способы их разрешения, и пределы, до которых можно было вести работу при наличных средствах.

Задачи, стоявшие на очереди, как их понимал Болтин, указывались ему современным положением русской историографии, и это положение создано было трудами ближайших его предшественников. Русская научная историография в лице начинателя своего, Татищева, непосредственно примыкает к древнерусскому летописанию, составляя органическое его продолжение. Не ставя далеких целей и не чертя широких планов, Татищев решил, что надобно начинать новое дело сначала, т. е. разыскать источники, собрать, разобрать и свести материал, прежде всего летописи, скромно прибавив к его тексту посильные пояснения в примечаниях. Он и составил такой свод, доселе не сходящий со стола занимающегося русской

историей. Но, стоя одной ногой в ряду древнерусских летописцев, он считал возможным ступить другой немного вперед, в область исторического исследования. Во введении и первой части труда он предпослал своему летописному своду научное определение истории, ее задач, средств и приемов, и длинный ряд ученых предварительных разысканий, направленных к тому, чтобы прояснить тот начальный момент нашей истории, с которого идет нить летописного повествования, чтобы это повествование не начиналось с пустого темного места. Таким образом, Татищев дал русской истории ученые рамки, заключил ее древнейший источник в методологическую оправу и [дал] первые попытки комментария в примечаниях⁴.

Что мог он сделать больше? По крайней мере он сделал то, что было нужно. Надобно припомнить отношение русского общества к отечественной истории при Татищеве, изображаемое частью самим Татищевым, чтобы видеть, что больше ничего нельзя было сделать. Тогда в русском обществе слышались самые смутные суждения об этом предмете. Один толковал, что у русских нет «историй древних» и поэтому им не по чему узнать свою древность. Другие поддакивали, но с прибавкой: да не было и «деяний» важных, потому не стоит изучать эту древность. Одни оправдывали свое незнание русской истории, презирая научную историографию, другие оправдывали неудовлетворительную наличную историографию, не находя ничего хорошего в самой русской истории, в самой отечественной старине. Наконец, третьи, желая устранить жалобы тех и других, принимались украшать эту старину или, по выражению Татищева, «баснями закрывать сущую правость сказания древних», но этим только оправдывали тех и других, поддерживая презрение первых и невежество вторых. Татищев, показывая свой свод, как бы говорил в ответ всем толкам: вот сущее правое сказание древних, не искаженное новейшим ученым баснословием,—слушаем прежде его—и в оправдание своих слов дал беспрепятственно говорить древнему летописцу, не перебивая его рассказа, а сам стал в стороне, в ряду слушателей, только порою делая в примечаниях заметки по поводу этого рассказа.

Ломоносов смелее взялся за дело. Он читал древние русские летописи и самого Татищева и нашел, что в русской старине есть и деяния важные, «разные дела и герои, греческим и римским подобные», но только не было у нас искусства, «каковым греческие и латинские писатели своих героев к полной славе предали вечности».

Так намечены были и дальнейшие задачи русской историографии, и даже частью ее метод: предстояло вскрыть в источниках достойное знания содержание русской истории и путем сравнительного изучения поставить его рядом с историей других народов. Его параллель русской и римской истории, «некоторое общее подобие в порядке деяний российских с римскими», важна не по своей научной ценности, а как первое наивное выражение научного приема, которым должна была с большим умением воспользоваться дальнейшая русская историография.

Сравнение однородных явлений неизбежно вело к общим выводам, к познанию законов истории, и достаточно припомнить рассуждение Ломоносова об образовании народов путем племенных смешений, его положение, что «народы от имен не начинаются, но имена народам даются», чтобы видеть, как полезен был для русской историографии этот прием даже в своем зачатке.

Кн. Щербатов хотел быть продолжателем Ломоносова⁵ в русской историографии. Он думал, что накопилось уже достаточно научных средств, чтобы изобразить «разные состояния, в которых было мое отечество, разные его перемены и знатные случившиеся в нем дела», т. е. изобразить в прагматической последовательности течение жизни народа. Он, кажется, первый ввел в нашей историографии прием разграничивать периоды истории обзорами внутреннего состояния страны или «рассмотрением о состоянии России, ее законов, обычаев и правлений». Но и личные и научные средства Щербатова далеко отставали от его смелой задачи и даже от его научных приемов. И он любит сравнивать русские явления с фактами всеобщей истории. Но это сравнение является у него не вспомогательным средством научного познания, а прикрытием его личного недостатка — незнания хода русской истории, недостаточного изучения ее явлений. Всеобщую историю он знал лучше русской; явления первой ему растолковывали другие историки; русских явлений он сам растолковывать себе не успел и, чтобы разглядеть их, поневоле брал готовый чужой светильник. Его исторические сравнения имели один источник с постоянными галлицизмами его изложения и напоминают русский разговорный язык великосветских наших людей Екатерининского времени, пересыпавшийся французскими словами вследствие неумения выразить известные понятия по-русски. Недостаточное изучение памятников отечественной истории, даже непонимание их языка сказываются у него в обильных и часто забавных недоразумениях, за которые ему так

больно досталось потом от Болтина: княжна Малфрида, одна из языческих жен Владимира, преобразилась у него в богатыря Малфреда храброго, насекомое *прузи*—в племя пруссов, *полковой стяг*—в сенной стог и т. п. без конца.

Таковы были научные опыты, унаследованные Болтиным от важнейших его предшественников. В этих опытах он мог найти много поучительных уроков и предостережений. Успехи, достигнутые предшественниками, избавляли его от необходимости начинать дело сначала; их ошибки указывали ему, чего не следовало повторять; его личный ум и образование давали ему средства угадать, что следовало делать дальше, в каком направлении продолжать дело. Сохранился небольшой документ, в котором вскрывается ход ученой подготовки Болтина как русского историка. Для современного магистранта русской истории очень назидательны некоторые особенности этой подготовки. Это—реестр рукописным бумагам Болтина, купленным Екатериною после его смерти за десять тысяч рублей. Всех бумаг показано в реестре 83 нумера, или связки. За исключением черновиков печатных сочинений Болтина, это все подготовительные работы по изучению истории всеобщей и русской и вспомогательных наук. Во-первых, видно, как Болтин изучал всеобщую историю. Он делал обширные выписки из Словаря Бейля, из энциклопедического французского лексикона, сопровождая их своими примечаниями, выписывал из сочинений Гиббона, Смита (по немецкой истории), Вольнея. Из печатных трудов Болтина знаем, что эти уцелевшие по смерти его выписки были лишь скудными остатками его обширных работ по изучению новой и даже средневековой литературы всеобщей истории. Далее следуют обширные выписки из разнообразных памятников русской истории, из летописей, разрядных книг, Уложения, Большого чертежа, Четьи-Миней, из бумаг Посольского приказа. Очень крупный отдел в реестре составляют бумаги, указывающие на работы Болтина по славяно-русской лексикографии. Болтин был членом Российской академии с самого ее открытия в 1783 г. и принимал очень деятельное участие в ее трудах по составлению академического словаря, так что в 1786 г. Академия увенчала его «труды и усердия» золотой медалью. В протоколах Академии за те годы отмечено, что Болтин сообщил Академии для словаря «великое число слов, выписанных из многих книг славянских, яко плод долговременных трудов своих», давал полезные советы и указания касательно плана и

состава словаря. Независимо от того он много работал над составлением своего особого «Толкового славяно-русского словаря». В реестре обозначено несколько связок тетрадей с материалами для этого обширного труда. Кроме того, в реестре показан «Географический и исторический словарь, объясняющий местности, в летописях упоминаемые, и слова, вышедшие из употребления». Отмечена в реестре еще какая-то «Роспись на российско-гражданский лексикон». Но самый видный отдел в реестре составляют описания семи наместничеств Русской империи. Митрополит Евгений в своем Словаре русских светских писателей сообщил известие, что Екатерина поручила Болтину составить историческое, географическое и статистическое описание Российской империи, для чего повелела собрать по всем губерниям нужные для того сведения, которые и были ему доставлены. Трудно сказать, были ли показанные в реестре описания простые сборники доставленных сведений или обработанные историко-статистические описания. В печатных трудах Болтина встречаем драгоценные статистические данные о рекрутских наборах, о монетном деле, о народонаселении России по областям и сословиям, почерпнутые из этих местных источников и из архивов разных центральных ведомств. Русская историография никогда не перестанет жалеть о том, что эти описания наместничеств погибли вместе со всеми другими бумагами Болтина и с самой библиотекой его приятеля гр. Мусина-Пушкина, которому они были показаны императрицей.

Без сомнения, реестр очень неполно отражает ход подготовительных исторических занятий Болтина. Но и по нему можно видеть план этих занятий, а из-за плана выступают задачи русской историографии, которые Болтин ставил на первую очередь. В своих работах он не выпускал из вида своих предшественников, хотел продолжать путь, ими начатый.

Особенно крепко держался он за своего любимого Татищева, труды которого он собирал и изучал с особенным вниманием. В его бумагах находилась какая-то «Роспись на первые пять книг Геродотовой истории», писанная рукою Татищева, выписки и примечания на Стоглав из *Истории* Татищева и три части его же «Российского исторического, географического, политического и гражданского лексикона», изданные по смерти Болтина графом Мусиным-Пушкиным. Болтин верно угадал, что нужно было делать после Татищева. Татищев старался собрать и свести основные источники русской

истории, прежде всего летописи. Болтин видел, что далее предстоит, во-первых, выучиться читать эти памятники, понимать язык их. Отсюда его заботы о толковом историческом и других словарях. И он достиг замечательного для его времени искусства в чтении и объяснении древнерусских памятников. Без его перевода и комментария *Русской Правды* доселе нельзя обойтись при изучении этого трудного документа. В поставленном Болтиным требовании—прежде чем воссоздать по памятникам цельную и стройную историю России, надобно уметь читать и понимать эти памятники—состоял первый важный шаг вперед, сделанный Болтиным после Татищева в научной постановке дела изучения русской истории.

Но Болтину принадлежала заслуга и второго, не менее важного шага. Сквозь тусклые и невнятные, часто отрывочные строки древних памятников предстояло разглядеть то, что составляет основное содержание, фон истории,—это сеть ежедневных людских отношений, из которых сплетается человеческое общежитие, историческая жизнь народов. В постановке этой задачи сказалось влияние современной ему европейской историографии, которая в критическом изучении ставила на первый план учреждения, обычаи, нравы, верования, понятия народов. Болтин первый начал у нас серьезное и систематическое изучение этих глубоких течений русской исторической жизни и доселе остается одним из лучших их знатоков. К явлениям этого порядка он и применил сравнительный прием изучения. Недостатки и ошибки учено-литературных противников помогли ему технически усовершенствовать этот прием. Защищая честь Отечества от напраслин иноземного историка России, он старался рассмотреть, лучше ли складывалась и шла жизнь других народов и от каких условий зависело ее превосходство, таким образом учился измерять сравнительно уровни развития народов. С другой стороны, толкуя противникам смысл не понятого ими древнего факта, учреждения, обычая или понятия, он показывал его отдаленные отрасли в современном складе жизни и призывал настоящее на помощь для объяснения прошедшего. Прошедшее живет в настоящем, и настоящее, следовательно, есть один из основных источников для изучения прошедшего. Мысль, что современность есть музей древностей, живая летопись прошедшего, впервые настойчиво была проведена Болтиным. Этим объясняется, почему Болтин отдавал так много времени и усилий изучению современного положения России. В своем *Ответе* кн. Щербатову он писал, что «деяния

исторические весьма тесно сопряжены с познанием той страны, в которой они происходили», т. е. с познанием ее настоящего положения. Таким образом, сравнительное историческое изучение, по Болтину, состоит в сравнении как однородных явлений в жизни разных народов, так и разновременных явлений в жизни одного и того же народа.

Таковы были наиболее крупные методологические заслуги, оказанные Болтиным русской историографии. Своими опытами он показал, что надо знать и как поступать, чтобы толково объяснить исторические тексты и исторические факты. Применяя выработанную методологическую технику к изучению русской истории, Болтин *истолковал много темных мест в древних наших памятниках*, еще больше объяснил *не понятых прежде явлений* нашей истории и восстановил ход развития целых *учреждений*, так что в конце XVIII в. стало возможно составить дельную стройную историю по крайней мере древней России. С помощью своих научных приемов и знаний Болтин сложил довольно цельный взгляд на ход всей русской истории и даже успел вывести из него некоторые заключения нравственного характера, пригодные для практического разрешения тревог, волновавших современное ему русское общество. Эти заключения все сводились к одному главному: конечная цель изучений отечественной истории должна заключаться в познании и укреплении нравственных начал русской жизни.

Я без меры утомил бы Ваше внимание изложением этого взгляда. Вместо того позвольте мне повторить последние строки суждения о Болтине, высказанного в напечатанной уже статье...

[Не ранее 4 марта 1898 г.]

I. КАРАМЗИН¹

К[арамзин] смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене. Он следит за речами и поступками героев пьесы, за развитием драматической интриги, ее завязкой и развязкой. У него каждое действующее лицо позирует, каждый факт стремится разыгаться в драмат[ическую] сцену. По временам является на сцену и народ; но он остается на заднем плане, у стены, отделяющей сцену от кулис, и является обыкновенно в роли *deus ex machina*² или в виде молчаливой либо бестолково галдящей толпы. Он выводится не как историческая среда, в которой действуют герои, а тоже в роли особого героя, многоголового действующего лица. Герои Карамзина действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды³ вокруг себя. Это — скорее воздушные тени, чем живые исторические лица. Они не представители народа, не выходят из него; это особые люди, живущие своей особой героической жизнью, сами себя рожают, убивают один другого и потом куда-то уходят, иногда сильно хлопнув картонной дверью. Они ведут драматическое движение, но сами не движутся,

¹ *Наверху*: Лелевель о Карамз[ине]: «Р[усская] стар[ина]», [18]78 г., авг[уст].

² *Букв.* «Бог из машины» (*лат.*). Неожиданно появляющаяся сила, благополучно разрешающая казавшееся безвыходным положение.

³ *Над строкой*: атмосф[еры].

не растут и не стареют, уходя со сцены такими же, какими пришли на нее: русские князья Южной Руси XI—XII вв. говорят, мыслят и чувствуют так же, как русские князья Северной Руси XIV и XV вв., т. е. как мыслит ист[орик]. Это люди разных хронологических периодов, но одинакового исторического возраста. Они говорят и делают, что заставляет их говорить и делать автор, п[отому] что они герои, а не потому что они герои, что говорят и делают это⁴. От времени до времени сцена действий у К[арамзина] пустеет: герои прячутся за кулисы, и зритель видит одни декорации, обстановку, быт, житейский порядок—это в так называемых внутренних обозрениях (число их). Но среди этого житейского порядка не видать живых людей, и не поймешь его отношения к только что ушедшим героям: не видно ни того, чтобы из их речей и поступков должен был сложиться именно такой порядок, ни того, чтобы их речи и поступки были внушены таким порядком. Таким образом, у К[арамзина] действующие лица действуют без исторической обстановки, а историческая обстановка является без действующих лиц. Потому действующие лица кажутся невозможными, а обстановка действия ненужной. Но, лишенные исторической обстановки, действующие лица у К[арамзина] окружены особой нравственной атмосферой: это—отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели. Речи и поступки действующих лиц у К[арамзина] внушаются этими понятиями и ими же измеряются; это своего рода лампочки, прикрытые от зрителя рампой и бросающие особый от общего освещения залы свет на сцену. Но К[арамзин] не заглядывает за исторические кулисы, не следит за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действия каких исторических сил складывается исторический процесс и как они действуют. Потому у него с целой страной совершаются неожиданные перевороты, похожие на мгновенную передвижку театральных декораций, вроде, например, его взгляда на ход дел в Русской земле до Ярослава I и после него, в удельное время, когда, по его словам, «государство, шагнув в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более 300 лет» ([т.] 2, [с.] 65). Зато нравственная правда выдерживается старательно: порок обыкновенно наказывается, по крайней мере всегда строго осуждается, страсть сама

⁴ Внизу сноски: Они не потому герои, что г[овор]ят и делают то, что заставляет... а потому г[овор]ят и делают это, что они—герои.

себя разрушает и т. п. Взгляд К[арамзина] на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за проявлениями нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях, за этими, как он говорит, «героями добродетели, сильными мышцею и душою, или за яркими чертами ума народного свойства, нравов, драгоценными своею древностию» [ib., с. 66]. Он не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы. Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое, но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой.

II. Н. М. КАРАМЗИН

Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм, республиканизм (33 гл.)—оставлены. Остался сентиментальным моралистом XVIII в. и приверженцем просвещения как лучшего пути к доброй нравственности, которая—основание государственного развития и благоустройства. Остались и особенности его духа, развитые его литературной деятельностью: впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность¹ без чутья² движения, процесса. Наблюдения и принесенные ими разочарования [превратили его] из либералиста в консерватора-патриота: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для граждан; насильственные потрясения гибельны» (гл. 28). Перемена во взгляде на реформу Петра. Впрочем, уцелел и еще один след влияния на него просветительной философии: историческая методика школы Руссо. Сочувствие к республиканскому правлению в «Марфе Посаднице»³—влечение чувства, не внушение

¹ Над строкой: воображение над мышлением.

² Над строкой: вдумчивости.

³ Над строкой: 1803 г.

ума: политические и патриот[ические] соображения склоняли к монархии, и притом к самодержавной. В той же повести слова кн. Холмского. В спорах о лучшем образе правления для России он стоял на одном положении: Ро[ссия] прежде всего д[олжна] быть великою, сильною и грозною в Европе, и только самодержавие может сделать ее таковою. Это убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, международным положением России, К[арамзин] превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие—коренное начало русского государственного *современного* порядка; следов[ательно], его развитие—основной факт русской исторической жизни, самая сильная тенденция всех ее условий.

Остатки старого мирозерцания и новые его элементы в «Истории государства Российского». Как она писалась (гл. 83 сл.). В 1815 г. готовы были 8 томов (до 1560 г.). Выход их в 1816—[18]17 гг.⁴ в Петербурге. Успех. Гл. 86. Впечатление—слова Пушкина*: ib.

Программа и метод: Пред[исловие], [с.] 23f. и 21m. Недостаток критики источников: краткий их перечень во введении.

1. Взгляд на ход русской истории. «Зап[иска] о древней и новой России». Происхождение и отношение к *Истории*: [с.] 2238 i. Москов[ские] князья: 2247 i. Петр I: 2249, 2254. Переход к реформам Александра: 2271. Люди, не учреждения важны: 2343. Екатерина [II]: 2265 сл.—Указ о экзаменах: 2297. Ошибка А[лександра] I: 2334, 2335 f. Заключение: 2348 f.

III. Н. М. КАРАМЗИН¹

Цель труда К[арамзина] морально-эстетическая: сделать из русской истории изящное назидание (Предисл[овие]) в образах и лицах. Поэтому у него события—картины, исторические деятели—либо образцы мудрости и добродетели, либо примеры обратного качества². Назидательная тенденция побуждает рисовать явления с поучительной стороны, а как источники не дают для того

⁴ Над строкой: нач[але] 1818 г.

¹ Наверху пометки синим карандашом: Писали на службе. К[арамзин]—писать не служа. Записка: [с.] 2240—49. Екат[ерина]: [т.] II, [с.] 62 и 65. Самодерж[авие]: [с.] 72. В верхнем углу синим карандашом: Карамзин.

² Над строкой: наоборот.

материала, то восполнять их психологической выразительностью. Восстановить психологию давно минувших деятелей—одна из важных задач исторического изучения. Но как К[арамзин] этого и не пытался сделать, то его психология—просто подсказывание историческому лицу своих собств[енных] чувств и мыслей: [с.] 2245 i. Ошибки—Собор 1613 г.: [с.] 2246—47 m. Научная задача не идет далее возможно точного воспроизведения хода отдел[ьных] событий в хронол[огическом] порядке и х[арактера] лиц и их действий; но связи причин и следствий, нити событий, последовательного движения народной жизни, того, что зовем *истор[ическим] процессом*, не видит читатель. Нет критики (источников, ни критики) фактов (вместо первой—обширные выписки в примечаниях), вместо второй—моральные сентенции или похвальные слова, как у *древнерусского летописца*. К[арамзин] не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках, что ему хотелось рассказать живописного и поучительного³. Не собирал, а выбирал факты, данные. Отсюда у него истор[ические] чудеса: нач[ало] 2 т. (Бестужев-Рюмин*, [с.] 24 m.).

Нет движений пред неподвижной мыслью.

Ищет в каждом лице и событии, насколько *осуществлялась* добродетель и справедливость, а не следит, как *вырабатывалась* та и другая. В сущности это одно и то же, но с разных точек зрения, измерение сверху и снизу: один—насколько поднялась над уровнем минуты, а другой—насколько не дошла до высшего, идеального. То же, что один говорит: 3 часа 40 м[инут], другой—4 без 20 мин[ут]. Но впечатление разное: один констатирует постепенный прогресс, другой утверждает вечную отсталость жизни. У первого—люди развиваются, у второго—они вечно несовершенны. Поэтому научная история оптимистична, а моралист-историк должен быть пессимистом. Научный историк изучает природу общежития⁴, моралист судит людей. Гл. 94 f.

Гл. 13 и 15.

В струю сентим[ентально]сти, которую повел Руссо. Эстетика, философия чувства, человечество: космополитизм К[арамзина]: [с.] 157, оптимизм: Гл. 29, 20. Революция выводила из ароматной сферы личного чувства и мечты в дей[ствительно]сть историческую: Гл. 26 i. *Мечты о будущем и идеализация прошлого*: Гл. 32. Отказ от

³ Над строкой: Ко[лялович]*, с. 171.

⁴ Над строкой: люд[ей].

оптим[изма]: [с.] 22 т. «Натаалья»*, [с.] 18. Истор[ический] метод просвет[ительной] философии.

Мысль о русской истории: Ко[ялович, с.] 154: 1) предмет искусства⁵; 2) аналогия к[а]к метод изучения; 3) мысль о нац[иональной] самобытности как стимул воображения («Натаалья». Ко[ялович, с.] 158); 4) мораль: Гл. 31. Отношение к революции и исторический консерватизм: Гл. 29 и 28. Перемена космополитического взгляда на Петра: Гл. 41.

Явления прошлого облекаются в терминологию современности: 2231, Бест[ужев-Рюмин, с.] 23 т.

Впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность без сути процесса, морализация явлений⁶.

Кн. Голицын—[с.] 247 f. из непонимания, а не ошибочного понимания.

Карамзин—у Руссо современные потребности, нужды современности вначале как факты истории. Колыбель человечества исторического наполнилась негативами современного положения.

Европ[ейское] влияние и впечатление; русские историографические предания.—Разочарование в будущем человечества повело к наклонности идеализировать местную старину. Литературное воспитание развило интерес к личной жизни на счет понимания быта масс. История государей российских.

Изучать историю, чтобы написать ее: мысль сосредоточивается на подборе фактов, не на их связи⁷.

⁵ Над строкой: живопись.

⁶ Далее: Программа К[арамзина]: Бест[ужев-Рюмин, с.] 20 i. Примеры понимания: [с.] 23 in., f. 24 m., 27 m.

Значение самодержавия: Бест[ужев-Рюмин, с.] 27 f. Зап[иска, с.] 2343, 2238.

Ход работы: Ко[ялович, с.] 168 f., 172 i.: выработка стиля.

Впечатление: Ко[ялович, с.] 172 m. Гл. 86.

Как писать историю: Письма [русского путешественника, с.] 157.

⁷ На обороте: Карамзин. Шлёцер.

М. П. ПОГОДИН

І. [РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. П. ПОГОДИНА «ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДО МОНГОЛЬСКОГО ИГА»]

[Не позже 15 июля 1872 г.]

ПОГОДИН¹

Книга, о которой мы намерены высказать несколько замечаний*, появилась в публике три-четыре месяца тому назад; но по отношению к русско-исторической литературе ее далеко нельзя назвать новостью текущего или прошедшего года². Мысль ее и первые литературные очертания относятся ко времени, когда еще не родилась бóльшая часть людей, которые теперь в состоянии читать ее. Люди, знакомые с движением русской историографии³, едва ли найдут что-нибудь новое и в содержании этой книги. Ученым материалом для нее послужили давно известные «Исследования, замечания и лекции о древней русской истории», первый том которых издан автором более⁴ 20 лет тому назад. Теперь эти отдельные этюды приведены в порядок⁵, подвергнуты по местам литературной переработке и снабжены некоторыми учеными приложениями. Новостью является только редакция книги. Первый том занят прагматическим изложением событий русской истории до нашествия монголов. Второму тому сам автор дал заглавие «Обозрение составных частей государства и отношений их между собою в продолжение

¹ Заглавие написано синим карандашом.

² Далее зачеркнуто: первые.

³ Далее зачеркнуто: также.

⁴ Далее зачеркнуто: лет.

⁵ Далее зачеркнуто: переработаны.

удельного периода». Это — подробное бытовое описание Руси, картина ее политической, экономической, домашней, церковной, умственной и нравственной жизни⁶ в продолжение двух столетий, с половины XI до половины XIII века⁷. Это описание⁸ заканчивается рассказом о нашествии монголов. В обширном третьем томе сосредоточен довольно разнообразный ученый аппарат. Первое отделение занято атласом историческим, географическим, археологическим с объяснительным к нему текстом. Здесь на 198 листах читатель найдет⁹ много географических карт, чертежей и снимков с старинных надписей¹⁰, икон, рукописей, зданий и других вещественных памятников русской домонгольской старины¹¹. В объяснительном списке рисунков, помещенном в конце¹² отделения, находим замечания, необходимые для изучения¹³ рисунка, и указания, откуда, из каких изданий заимствован каждый. Второе отделение на 120 страницах содержит в себе таблицы междоусобных войн и половецких набегов по годам и княжествам, родословные росписи князей и списки их по степеням и княжествам¹⁴, несколько географических и разных других списков и указателей. По словам самого автора¹⁵, он рано, как только¹⁶ начал специально изучать русскую историю, напал на счастливую мысль собирать все места из источников о всяком данном вопросе и на этом только основании приступать к его решению; мысль эта сделалась для него путеводной звездой при всех последовавших изысканиях. Этого метода, математического, как¹⁷ сам автор выражался некогда, или, лучше сказать, анатомического, он строго держался в своих «Исследованиях, замечаниях и лекциях», не покинул и теперь, перенесши его вполне во второй и третий томы своей «Древней русской истории»¹⁸: оба они обильно снабжены систематическими выписками, рисун-

⁶ Далее густо зачеркнуто одно слово.

⁷ Далее зачеркнуто: тип.

⁸ Далее зачеркнуто: заверш[ается].

⁹ Далее зачеркнуто: снимки с ст[аринных].

¹⁰ Далее зачеркнуто: вещей.

¹¹ Далее зачеркнуто: Второе отделение содержит.

¹² Далее зачеркнуто: тома.

¹³ Далее густо зачеркнуто одно слово.

¹⁴ Далее зачеркнуто: геогра[фических].

¹⁵ Далее зачеркнуто: он р[ано].

¹⁶ Далее густо зачеркнуты три слова, затем зачеркнуто: стал серьезно изучать русское.

¹⁷ Далее зачеркнуто: он.

¹⁸ Далее зачеркнуто три слова.

ками, списками и указателями, которые составляют черновую работу исследователя, столь утомительную и столь необходимую для точного воспроизведения из-под пепла угасших горений исторической жизни.

Но если¹⁹ новая книга по своему ученому содержанию не может быть названа новостью для читающей публики, то в самой этой публике, среди которой²⁰ книга является, она должна встретить²¹ большую новость. Если бы мы могли представить себе читателя, который ничего не знает о маститом авторе, кроме его последней книги,—хотя довольно трудно предположить такого читателя,—то он, читая эту книгу, наверное, затруднился бы составить²² определенное понятие об авторе. Зная о нем гораздо больше, все-таки очень часто останавливаешься перед его словами, как перед неожиданностью, для объяснения которой²³ нужно прибегать к историческому анализу или воспоминаниям. Мысли, чувства, задачи и приемы исследования, даже самое изложение,—все это иному современному читателю покажется совершенно новым именно потому, что все это очень старо, что он совсем не привык к этому или, лучше сказать, уже успел давно от этого отвыкнуть²⁴. Читая сочинение, с трудом сосредоточиваешь свои мысли на изучаемом в нем времени нашего прошедшего, ибо с не меньшим интересом влечет к себе другая сторона книги, которой не имел в виду автор. Она, эта книга, воссоздающая давно минувшие века нашей истории по уцелевшим памятникам, чуть не на каждой странице сама превращается в исторический документ старины недавней, еще близкой к нам, последние лучи которой еще догорают на изменившемся горизонте,—и невольно забываешь об этих Игорях и Мстиславах и переносишь мысль на 30-е и 40-е годы текущего столетия, на предметы, направление и склад мыслей тогдашних русских людей. Разнообразное, смешанное впечатление остается в душе читателя, который не помнит себя в эти десятилетия: в иных строках слышатся ему отдаленные отголоски какой-то хорошей песни, которая когда-то²⁵ слушалась с любовью, но давно забылась, а иногда—да простит нам это сравнение автор, которого мы глубоко

¹⁹ Позднее абзац зачеркнул карандашом.

²⁰ Далее зачеркнуто: она.

²¹ Далее зачеркнуто: представлять для нас.

²² Далее зачеркнуто: об.

²³ Далее зачеркнуто: требуется исторический анализ.

²⁴ Далее зачеркнуто: разнообразное смешанное впечатление производит на него труд автора.

²⁵ Далее зачеркнуто: заслушивались.

уважаем,—иногда вдруг вспомнится старый фамильный портрет с непривычным для нашего взгляда костюмом, с необычайным воротничком и многократно обмотанным вокруг²⁶ него саженым галстуком²⁷. Вот почему чувствуешь²⁸ некоторую неловкость, пытаясь отдать отчет о рассматриваемой книге, оценить ученые суждения автора. Имя его, за которым лежит долгая и небесплодная ученая работа, допускает только серьезное и искреннее отношение к нему; но при этом видишь, что невозможно²⁹ сойтись на одинаковой с ним почве, что он стоит совсем в другой сфере сознания, не скажу, в высшей или низшей, но просто в другой, подходит к явлениям не с той стороны и не с тою меркой, с какими подходят в наше время. Спорить и считаться с ним неудобно, ибо он считает еще на ассигнации, а вчерашнего дня не ждут.

К концу третьего тома³⁰ автор приложил небольшую и также не представляющую много нового, но интересную статью—послесловие. Здесь рассказана история изданного им теперь ученого труда. Лучшие воспоминания нашего литературного прошлого более чем за полстолетие являются здесь в близкой или отдаленной связи с развитием автора и его ученых работ, с прямым или косвенным влиянием на них³¹. «С детских лет,—пишет он,—русская история была любимым моим чтением». Вышедший «из крепостного крестьянства», он еще в гимназии, около 1814 года³², пристрастился к сочинениям Карамзина, в конце гимназического курса ожидал с нетерпением появления его истории, воображая себе Карамзина пишущим на облаках, а внизу народ русский с поднятыми вверх руками, ожидающий окончания истории, и с восторгом читал и перечитывал первые 8 томов «Истории государства Российского», вышедшие в 1818 г. В университете умом автора овладел³³ другой знаменитый делец по русской историографии, Шлёцер, и его исследования стали для юноши «занимательнее всех романов». Он «напитывался духом его критики» и под его «наитием» делал первые свои ученые опыты, объясняя некоторые

²⁶ Далее зачеркнуто: шеи.

²⁷ Над строкой написано карандашом: целым куском материи.

²⁸ Далее зачеркнуто: какую.

²⁹ Далее зачеркнуто: сойти и сжать.

³⁰ Далее зачеркнуто: масти[тый].

³¹ Далее зачеркнуто: почтенный историограф, вышедший из крепостного [крестьянства].

³² Далее зачеркнуто: зачитывался, пристрастился к сочинениям Кар[амзина].

³³ Далее зачеркнуто: Шлёцер.

места летописи; по поручению гр. Румянцева перевел исследования Эверса и Добровского и в 1825 г. написал против первого диссертацию о норманском происхождении Руси, посвященную Карамзину. За несколько месяцев до смерти своей Карамзин, приняв с одобрением автора и его книгу, благословил его на продолжение исторических трудов. Потом в продолжение почти 20 лет М[ихаил] П[етрович] преподавал русскую историю в университете и «должен был пройти ее взад и вперед несколько раз», много писал, воевал с Каченовским и его скептической школой, в 1827—1830 гг. при участии Пушкина издавал «Московский вестник». Тогда уже родилась в нем мысль писать историю. Прежде всего он начал думать о языке, которым должно писать ее³⁴. Он старался подслушать звуки³⁵ этого языка у великих мастеров³⁶, тогда действовавших или являвшихся, у Жуковского в переведенной им «Орлеанской деве», у Пушкина в «Борисе Годунове», который даже увлек автора на несколько лет к историко-драматическому творчеству, у Гоголя в его первых повестях и комедиях. Под влиянием этих образов развивалась в нем мысль, что история должна быть одинаково понятна для грамотного крестьянина, светской дамы, молодого гимназиста и безукоризненна относительно критики перед судом строгого ученого. Между тем продолжались исследования о норманском периоде, составившие потом три тома «Исследований, замечаний и лекций». После некоторого³⁷ перерыва в ученых занятиях автор около 1846 г. обратился к удельному периоду. Изучение его замедлялось³⁸ «Москвитянином», который³⁹ под редакцией автора «один стоял за древнюю русскую историю до Петра, за народные начала»⁴⁰. По несколько часов в день, по сознанию автора, отнимали у истории и другие посторонние занятия: Крымская война, польский вопрос, борьба с мнением Гедеонова, направленным против норманского происхождения Руси, славянские отношения, составление биографии Карамзина в двух томах⁴¹. И к удельному периоду автор прилагал свой точный метод изучения, стараясь, чтобы в повествовании его не было ни одной

³⁴ Далее зачеркнуто: историю.

³⁵ Далее зачеркнуто: его.

³⁶ Далее зачеркнуто: в переведенной Жуков[ским].

³⁷ Далее зачеркнуто: ученого.

³⁸ Далее зачеркнуто: изданием.

³⁹ Далее зачеркнуто: издавал автор.

⁴⁰ Далее зачеркнуто: Историческое изучение, по сознанию автора, терпело ущерб и от других сторонних занятий.

⁴¹ Далее зачеркнуто: Поэтому история двигалась медленно.

строки без прочного фундамента в исследованиях, собирая все места из источников «о главных словах, составляющих, так сказать, задачу истории» и⁴² не желая оставить без освещения ни одной стороны в древней жизни наших предков. По всему этому история двигалась медленно, хотя⁴³ подготовительные, черновые работы по удельному периоду составили четыре дальнейших тома «Исследований, замечаний и лекций». Время текло, и вот, заключает автор, «через 45 лет после рассуждения о происхождении Руси кончил я „Древнюю русскую историю до монгольского ига“».

Вся эта биография изданного теперь сочинения рассказана в послесловии искренно и задушевно. Она открывает в книге одну очень любопытную и очень серьезную сторону. Автор вышел из крестьянства, с которым соединяется представление о здоровой, непорочной народной силе, и попал в очень благоприятные для развития⁴⁴ обстоятельства. Он не имел недостатка во внешних образовательных возбуждениях. Судя по литературным представлениям русского общества 20-х и 30-х годов, когда г. Погодин начал свою деятельность, то было время сильного духовного возбуждения, нашедшего таких могучих выразителей. Тогда много думалось и читалось, много писалось хорошего, чего не пишут и не умеют писать теперь. То, что называется духом автора или книги, родилось⁴⁵ и сложилось в нашем маститом историографе в ту пору, под ее влияниями⁴⁶. С того времени общество переменялось, вместе с ним и русская литература многому научилась и многое забыла, что⁴⁷ забыть полезно. В продолжение 45 лет можно хорошо изучить, выносить, обдумать и передумать первые 4 века нашей истории — четыре, а не десять. Могли помочь в этом и другие исследователи, младшие товарищи по работе, с благодарностью упоминаемые и не упоминаемые автором в послесловии. Г[осподин] Погодин не из тех ветеранов, много бившихся в свое время, которые с пренебрежением посматривают на затеи и думы молодых солдат⁴⁸. Он привык вносить в изучение прошедшего вопросы, какие возбуждало то время. Но он сохранил чуткость и воспри-

⁴² Далее зачеркнуто: не отставать.

⁴³ Далее зачеркнуто: предварительные.

⁴⁴ Далее зачеркнуто: внимания.

⁴⁵ Далее зачеркнуто: у авт[ора].

⁴⁶ Далее зачеркнуто: того времени.

⁴⁷ Далее зачеркнуто: прежде.

⁴⁸ Далее зачеркнуто: последующих поколений.

имчивость к вопросам, какие занимают⁴⁹ новое, не его поколение. Он чувствовал и признавал эти новые требования, приготавливая свою книгу к изданию. В самой науке, говорит он, со времени Карамзина «в общих понятиях о ней произошли существенные перемены: иное пренебреженное выдвинуто вперед, а уважаемое понизилось в цене. Наконец, время, в которое живем, научило нас многому и предложило вопросы, прежде неслыханные...». Соединение в историографии⁵⁰ впечатлений и требований двух⁵¹ эпох общественного развития может только расширить его кругозор, сообщить многосторонность его историческому изучению и взгляду.

Редкая книга писалась так долго, с такой любовью и при таких благоприятных условиях. Свойства пера г. Погодина⁵², известные по прежним его трудам, сохранились и в новой книге: искусство рассказа, по местам лаконическая рельефность описания. Поход Аскольда и Дира на Византию в первом томе, нашествие монголов на Русь во втором и некоторые другие места можно смело⁵³ причислить к лучшим⁵⁴ рассказам нашей повествовательной историографии. Но в описании древнерусского быта⁵⁵, наполняющем второй том, читатель узнает, что⁵⁶ сказано о той или другой бытовой стороне у летописца или в другом источнике, и редко найдет то, что должен сказать о ней историк. Впрочем, не судя о том, чего нет у автора, ограничимся тем, что дает его книга. Г[осподин] Погодин принадлежит к числу литературных и ученых имен, о которых можно и даже должно говорить прямо и откровенно⁵⁷. Возьмем один пример, чтобы видеть ученые отношения автора к предметам исследования и к нашей исторической литературе.

Самый важный основной факт нашей истории первых двух веков состоит в том, что в стране, усвоившей себе название Руси, явилась сосредоточивающая власть, завязался государственный союз. Рассказав события до смерти Ярослава, г. Погодин останавливается на этом факте. На многих страницах он пытается проследить постепен-

⁴⁹ Далее зачеркнуто: подняло тог[да].

⁵⁰ Далее зачеркнуто: требован[ий].

⁵¹ Далее зачеркнуто: последова[тельных].

⁵² Далее зачеркнуто: знакомые.

⁵³ Далее зачеркнуто: назват[ь].

⁵⁴ Далее зачеркнуто: историческим.

⁵⁵ Далее зачеркнуто: котор[ый].

⁵⁶ Далее зачеркнуто: говорят.

⁵⁷ Далее зачеркнуто: Одно из важнейших явлений нашей истории, завязавшихся в описываемое автором время, это бесспорно.

ную формацию государства. Но чрезвычайно трудно уловить из его слов процесс этой формации. Государственный зародыш он представляет в образе семени, которое бродячие князья, его принесшие, бросают из одного края в другой и подвергают произволу ветров. Оттого в рассуждении⁵⁸ автора больше метафор, чем научных выводов. Здесь Новгород является старшим сыном России, родившимся, однако ж, прежде матери (с. 73). Древляне и новгородцы платят дань Святославу, и он, однако ж, не владеет ими (с. 76 и 77). Владимир раздал 12-ти сыновьям части своих владений. Эти части составили «12 особливых владений, княжеств», каждый сын княжил так в своем городе, как отец в Киеве, считая его своею собственностью, и, однако ж, все они были под владычеством отца, платили ему урочную дань (с. 78 и 79). Определяя ход⁵⁹ двухстолетней государственной формации, автор пишет: «Все племена и города находились в подданстве у одного князя, а потом одного рода, были одного происхождения, говорили одним языком, хотя и разными наречиями, исповедовали одну веру»⁶⁰. Но на следующих страницах он строго различает до смерти Ярослава части населения норманского и славянского происхождения; меря, весь, мурома также⁶¹ были не одного происхождения с славянами; точно так же и язык слышался двоякий: северный, норманский, и славянский, к⁶² этому можно прибавить и третий — финский; наконец, во втором томе (с. 543—545) он сам рассказывает, что обращение в христианство ростовской мери, муромы, вятичей и Вологды совершилось в конце XI и в XII в., т. е. после⁶³ Ярослава.

По признанию самого автора в послесловии, научная разработка русской истории⁶⁴ подвинулась значительно с тех пор, как автор стал заниматься ее изучением; самое время, в которое живем, научило нас многому, а автор привык изучать так, чтобы в его изложении не было ни одной строчки без прочного фундамента в исследованиях, чтобы никакие Шлёцеры не имели права к нему придирается, уличать в непоследовательности. Сверстники и младшие сотрудники г. Погодина по специальности пора-

⁵⁸ Слово написано над зачеркнутым: исследовании.

⁵⁹ Слово написано над зачеркнутым: результат.

⁶⁰ Далее зачеркнуто: но немного ниже (стр. 8).

⁶¹ Далее зачеркнуто: не принадлеж[али].

⁶² Далее зачеркнуто: котор[ому].

⁶³ Далее зачеркнуто: первого периода.

⁶⁴ Далее зачеркнуто: едва до.

богаты над⁶⁵ начальной нашей историей и разъяснили многое⁶⁶. Исследуя образование государства, автор теперь не говорит уже, как прежде, что основатели его норманны, прибыв в славянскую землю, ославянивались потом в течение шести веков, т. е. до XV в. сохраняли черты⁶⁷ своей национальности. Теперь он утверждает, что «по всей справедливости можно назвать норманским» тот период нашей истории, который оканчивается княжением Ярослава, т. е. первые два века, когда князья наши сохраняли чистый норманский характер и норманны составляли господствующ[ую], главную часть насел[ения] городов, воен[ное] сосл[овие]⁶⁸ (с. 72—81). Но на другой (с. 73) странице он же пишет, что норманское начало, явившись в Новгороде при Рюрике, *вскоре* подверглось⁶⁹ влиянию древнего славянского, блеснуло и⁷⁰ угасло⁷¹. Трудно рельефнее изобразить в двух-трех словах слабость влияния и быстроту исчезновения⁷² норман[ского] начала. Это, однако ж, не мешает автору в 3-м месте (с. 81 и сл.) утверждать, как утвержд[ал] он 20—30 лет, что Перун и Волос—норманские боги, что поэтические предания об Олеге, Игоре, Ольге, Святославе, записанные летописцем, и даже песни о Владимировых богатырях, доселе не умолкнувшие в народе,—норманские саги, что Русская Правда—норманский кодекс, что слова, как *вервь*, *вира*, *гость*, *смерд*, *дума*, *ряд*,—остатки норманского языка; хотя несколько раз историки, филологи и юристы доказывали противное⁷³, автор не удостаивает их даже опровержения, даже простой цитаты.

Автор⁷⁴ подходит к рассматриваемому факту, к формированию государства, с третьей стороны, сравнивает начало его с началом государств Западной Европы (с. 85—94). Он идет смело навстречу этому вопросу, столь же трудному, сколько широкому; он, очевидно, долго думал над ним, работал над его решением и выработал если не окончательную развязку узла, то по крайней мере некоторые выводы или готовые выражения. С помощью Тьерри он

⁶⁵ Далее зачеркнуто: разъяснением.

⁶⁶ Далее зачеркнуто: Их выводы заслуживают если не принятия, то.

⁶⁷ Слово написано над зачеркнутым: остатки.

⁶⁸ Слово написано над зачеркнутым: но везде вводили норманские порядки.

⁶⁹ Далее зачеркнуто: действию.

⁷⁰ Далее зачеркнуто: исчезло.

⁷¹ Далее зачеркнуто: быстрота его исчезновения изображена очень рельефно.

⁷² Далее зачеркнуто: этого.

⁷³ Далее зачеркнуто: стр. 81 и след.

⁷⁴ Далее зачеркнуто: рассматр[ивает].

вывел и теперь повторяет положение, что история наша и история Запада различаются в самом начале, в самой колыбели, и⁷⁵ отсюда вытекает противоположность всех последующих явлений. Сущность этого различия можно выразить в немногих словах: на Западе общество основалось на завоевании, у нас — на призвании князей; там в основании государства лежит ненависть, у нас — любовь. И против этого было много и много писано и говорено в свое время, и все это не отразилось и легким намеком в новом труде маститого историографа. Не будем повторять, в какой степени факт завоевания участвовал в создании *всех* государств Западной Европы. Автор говорит в послесловии, что путеводной звездой его при всех научных изысканиях служила счастливая мысль собирать все места из источников о всяком данном вопросе и на этом только основании приступать к его решению. Вопрос⁷⁶ о различии нашего государства от государств западных решен им решительно, без оговорок. Новгород призвал князей, г[ово]рит он и продолжает: «Это происшествие принадлежит одному Новгороду, и то ненадолго: после того как преемник Рюриков оставил Новгород, оно оторвалось, если можно так выразиться, от последующей истории; все дела пришли в первобытное положение, то есть новгородцы стали жить сами по себе и платить дань заморским варягам, как прежде (то есть по обязанности покоренных), и ушедшим варягам Руси, которым посчастливилось утвердиться в Киеве. Кроме сей дани, Новгород не соединен уже был никакими узами с Киевом и, следовательно, с текущею рекою русской истории» (с. 73). Предположим, здесь нет противоречия ни двойного, ни простого. Во всяком случае факт призвания, оторвавшийся в Новгороде от последующих событий, должен повториться в них на Юге, чтобы лечь в основание нашего государства. Итак, факт призвания оторвался от последующих событий. Об этих последних вот что говорит источник, в котором автор привык собирать все места для решения вопроса: смоленские кривичи не призывали Олега, поляне тоже, древляне были завоеваны несколько раз, северяне завоеваны, радимичи не звали князя, уличи и тивер[цы] завоеваны, вятичи завоеваны, мурома и меря завоеваны и т. д., и т. д. Остановившись на своем призвании, автор не хочет уже вспоминать ничего другого, не хочет поискать других⁷⁷ источников для последующих

⁷⁵ Далее зачеркнуто: это различие.

⁷⁶ Далее зачеркнуто: об отношении.

⁷⁷ Далее зачеркнуто: явле[ний].

явлений. Но это⁷⁸ пренебрежение иногда сурово мстит исследователю за⁷⁹ научную точность. Действие⁸⁰ завоеваний на Западе обнаружилось в резком юридическом неравенстве победителей и побежденных: по Салич[еской] Правде франк ценился перед законом вдвое дороже покоренного галла или римлянина. У нас, говорит автор, не было ни победы, ни покорения и не началось никакого различия в правах между пришельцами и туземцами. Потом он раскрывает Русскую Правду и читает, что за голову русина⁸¹ и словенина одинаковая пеня—40 гривен: «они, следов[ательно], имели одинакия права», ибо у нас в основание государства положена любовь, а не ненависть. Но в той же статье⁸²—все равно, когда она ни явилась, при Ярославе или детях его,—читаем, что голова княжеского мужа ценилась *вдвое* дороже головы простого русина или славянина. Отсюда следует, во-первых, что у нас из призвания и любви родилось юридическое неравенство, какое на З[ападе] вышло из завоевания и ненависти, совершенно одинаково⁸³, во-вторых, что это неравенство не имело в своем основании племенного различия побежденных и победителей. Первое—противоречивое положение автора о решительной противоположности гражданского⁸⁴ развития у нас и на Западе, а второе—мысли о его господствующем⁸⁵ положении норманского племени в нашем древнем обществе XI в.

Г[осподин] Погодин уверяет, что на Руси до смерти Ярослава все жители различались только занятиями, а в гражданском отношении были равны между собою (с. 89). А несколько лет спустя в статьях [Русской] Правды⁸⁶, приписываемых автором сыновьям Ярослава⁸⁷, личная безопасность смерда оберегается законом в 16 раз слабее жизни тиуна княжеского. Значит, призвание—фиктивный источник воображаемых явлений, а для явлений действительных следует искать иных объяснений, о которых автор и не подумал. Этот недостаток он старается

⁷⁸ Далее зачеркнуто: забывчивость.

⁷⁹ Далее зачеркнуто: историческ[ую].

⁸⁰ Слово написано над зачеркнутыми: факты.

⁸¹ Далее зачеркнуто: или.

⁸² Далее зачеркнуто: Правды читаем.

⁸³ Далее зачеркнуто: с западными, существовало в XI веке и в нашем обществе, незнакомом будто бы с завоеванием.

⁸⁴ Над строкой: общ[ественного].

⁸⁵ Далее зачеркнуто: норма[нского].

⁸⁶ Далее зачеркнуто: отнеси[тельно].

⁸⁷ Далее зачеркнуто: то смерд.

восполнить⁸⁸ особенной виртуозностью исторического анализа, сказав, что феодальная⁸⁹ Европа распадалась на многие мелкие государства, «а у нас было одно какое ни есть государство»; он надеется выразить это различие формулой: «Западное государство можно выразить дробью $\frac{10}{10}$, а наше — единицей». Но ведь $\frac{10}{10}=1$, и разность=0.

Можно было бы привести⁹⁰ из рассматриваемого трактата много других мыслей, которые начали уже забываться в нашей историографии, потому что⁹¹, говоря словами автора, «в самой науке, в общих понятиях о ней произошли существенные перемены и иное уважаемое прежде понизилось в цене». Но и на сказанном мы остановились не⁹² для восстановления исторических фактов, уже давно защищенных от г. Погодина другими, а только для того, чтобы дать читателю материал для характеристики⁹³ книги и ученого автора⁹⁴.

II. М. П. ПОГОДИН¹

[Конец 1890-х гг.]

О нем много и охотно говорили при его жизни, но с трудом и равнодушно вспоминают по смерти. В свое время о нем говорили не столько потому, что интересовались им, сколько потому, что он часто сам напоминал о себе. Теперь если изредка заговаривают о нем, то только потому, что не успели еще забыть его, а не потому, что хотят его поминать. Такое отношение к Погодину установилось не случайно, а имело свои основательные причины.

В свое время оч[ень] извест[ен]. О нем много говорили на разные лады. Это [объясняется] особен[ностями] его деят[ельно]сти. Она очень разнообразна: журналист², исторический исследователь, беллетрист, драматург, про-

⁸⁸ Далее зачеркнуто: не своей до некоторой.

⁸⁹ Над строкой: государство.

⁹⁰ Далее зачеркнуто: много подобных.

⁹¹ Далее зачеркнуто: как говор[ил].

⁹² Далее зачеркнуто: в интересе.

⁹³ Далее зачеркнуто: автора.

⁹⁴ Далее написано рукой неустановленного лица: конец.

¹ Вверху на полях: Не молебен и не панихида. Столетняя давность — не мертвое, а вечно-памятное лицо историческое. Недостатки поучительнее достоинств.

² Далее зачеркнуто: издатель монограф[ических] журналов, плодовитый писатель.

фессор всеобщ[ей] и русской истории³, публицист, коллекционер рукописей, книгопродавец, думский делец, светский человек—что угодно. Никогда не было в Москве круга, где бы его не знали.

Погодин был профессор из крестьян. В этом нет порока: можно только радоваться, что он не был у нас первым ученым такого происхождения, и надобно надеяться, что не будет последним. Но следует пожалеть о том, что, перестав быть крестьянином, профессор Погодин остался мужиковатым человеком, а это—порок не только для профессора, но и для крестьянина. Этот порок много повредил талантам, которыми Погодин одарен был далеко не скудно. Он обнаруживался в недостаточ[ной] опрятности кост[юма] и прически, выдержки, дисциплины, отделки мысли и слова⁴.

Ту же разностор[онно]сть и ту же оплошность принес и на свое главное поприще—русскую ист[орию]. Преподавал, исследовал, собирал, поэтизировал, полемизировал⁵. Много полезного, ценного: 1) собирание рукописей; 2) «Р[усская] история до монг[ольского] ига»; 3) [внес] общее оживление в русскую историографию.

П[огодин] был профессором истории. Среда или природа несомненно наделила его историческим чутьем; а это—драгоценный дар историка. Погодина как будто невольно тянуло к историч[еским] фактам, в которых чуялся научный вопрос, и он умел иногда угадывать путь, которым надо идти, чтобы найти ответ. Происхождение варягов, возникновение и образование Русского государства, порядок княжеского владения Русской землей после Ярослава I, различие в первонач[альных] условиях и складе исторической жизни между Россией и Западной Европой, происхождение поземельной собственности в России, развитие национально-политического значения Москвы, происхождение креп[остного] права, характер царя Иоанна Грозного, местничество⁶, значение преобразовательной деятельности Петра В[еликого]—все эти и другие подобные трудные и важные вопросы нашей истории были зорко подмечены и бойко поставлены Погодиным—и ни один не б[ыл] разрешен, даже не был как следует подготовлен к научному разрешению (а просто был

³ Далее зачеркнуто: поэт.

⁴ Фраза написана на полях.

⁵ Над строкой: Каталог 1846 [г.].

⁶ Далее зачеркнуто: первые преобразовательные шаги.

подержан в руках)⁷, несмотря иногда на хлопотливые ученые разыскания⁸.

Тонкое осязание помогало П[огодину] ощупывать⁹ узлы в нити нашей ист[орической] жизни, но он не умел¹⁰ их распутывать. Это неумение от одного недостатка, которым страдал Пог[один]. Его чутью недоставало научной обработки.

Но живость до излишества—суетливость, а она—к мелочной растрате крупных сил. Деятельность, неправильно направленная, парализует самое себя. Популярный профессор—без курса. Деятельный издатель—без публики. Публицист—без полит[ической] программы. Др[аматур]г и соперник Пушкина—без искры поэтич[еского] дара. Составитель огромной коллекции рукописей, не заглянувший хорошенько ни в одну из них.

Его ум вечно не ладил с темпераментом.

Вина Погодина в том, что он не позаботился обработать свое природное чутье в научное понимание, несомненно тлевший в нем огонек, порывисто вспыхивавший своенравными догадками, раздуть в ровный, урегулированный свет знаний. Для этого нужно было дисциплинировать чутье научным методом, который помог бы ему свести¹¹ случайные, разорванные догадки в стройную систему, в цельный взгляд. Такого взгляда не было у Погодина ни в 1832 г., когда он открывал свой университетский курс «Взглядом на русскую историю» и чертил «Очерк р[усской] истории», ни 40 лет спустя, когда за 4 года до смерти издавал свою «Историю России» до монголов. Своим чутьем он схватывал смысл отдельных явлений; но ни этот смысл, схваченный ощупью, не развивался в научное положение, ни отдельные явления не связывались в последовательное, стройное историческое течение, потому что одного чутья далеко не достаточно, чтобы уловить связь исторических явлений. Взамен прагматической мысли П[огодин] призывал на помощь к

⁷ На полях вставка: показан публике и брошен.—Ниже, Как именно.

⁸ Далее зачеркнуто: Это происходило довольно просто. Люди (над строкою: ученые), обладающие таким чутьем в необработанном виде, быстро и верно схватывают очертания предмета. Но беда, если они для оправдания впечатления (над строкой: перв[ичного] наблюд[ения]) задержат внимание на подробностях наблюдаемого и без терпел[ивого] изучения попытаются проникнуть в его сущность: тогда их мышление превращается в умствование и вместо того, чтобы объяснить дело, они начинают мудрить; их доказательства хуже того, что они доказывают.

⁹ Далее зачеркнуто: каждый узел.

¹⁰ Далее зачеркнуто: или не хватало охоты искать.

¹¹ Над зачеркнутыми: привел.

своему историческому чутью другой талант, которым он был наделен так же обильно и который также нуждается в обработке и дисциплине, чтобы стать полезным средством истор[ического] изучения¹². Это было его пылкое воображение. Там, где нужно было восстановить историческое движение, драму жизни, П[огодин] яркими красками, обыкновенно в преувеличенных размерах, рисовал картины, но картины чисто житейские, без теней и перспективы, потому что для теней и перспективы мало воображения, а нужно еще понимание положений и отношений. По вине таких приемов научный тезис у П[огодина] смахивал на догмат, требующий веры, но не дающий доказательств, а из совокупности таких тезисов, разумеется, выходила только догматика, но обращенная не к догматическим, а к историческим предметам, говоря прямее, выходила историческая мифология или риторика, где фантастические образы¹³ заменены призрачными обобщениями, а действительные факты—более или менее удачными оборотами речи, маскирующими их непонимание или даже их незнание. Что вышло?

III. М. П. ПОГОДИН

В курсе местнич[ества] счет Погод[ина]. Стр. 117—119, 190 и отношение *Табели* к местничеству—выправить и допол[нить]. О приращении Москвы. О Петре в оценку: [с.] 357 м., 32. Всемирное значение Петра: [с.] 358. Пленял воображение; возбуждал восторг, но сковывал историческую мысль (Ломоносов, Погодин). Сенковский о Малороссии: Барсуков, т.] VIII., [с.] 24. О типогра[фской] школе: *Досифей*, [с.] 130, школы: [с.] 33. Б[иблите]ка царевича Алексея: Забел[ин, с.] 120. Академич[еская] школа [18]68 г.: Барсук[ов], ч. 7.

Язык забегал вперед мысли, а мысль подталкивалась первыми впечатлениями.

У него было достаточно любознательности, но было бы лучше, если бы побольше пылливости и терпения и поменьше самодовольства.

Злоупотреблять талантом—истреблять его.

Непоседная, торопливая мысль, перегонявшая сама себя, не умевшая считать и рассчитывать своих шагов, постоянно делавшая перебой и потому сбивавшаяся, *при-
выкшая прыгать—не шагать*. Механическая сшивка по-

¹² Далее зачеркнуто: имело свое.

¹³ Далее зачеркнуто: или словесные фигуры.

ложительных и отрицательных качеств. Перемена мнения о Грозном: 261.

Более описательный¹, чем объяснительный, прием. Отрывки [с.] 344 f. Любовь толкаться в народе: *ibid.*, [с.] 353. Дух[овное] образование только для России: *ib.*, [с.] 354. Трепет за самобытностью: [с.] 350 m. Летать мысль устает: [с.] 336. Реформа—мон[ольское] иго [с.] 351 m. Собств[енные] свои стихи: [с.] 359 i.

Восприимчивость над замыслом брата верх.

Значение русской истории для европ[ейского] мыслителя: [с.] 439.

Язык церковный и чужой и не свой: [с.] 349 и 439. Не было рабства: [с.] 440 i. Один процесс, цели и задачи—а в чем разница: [с.] 439—440. Никакого сходства не остается по исключению. Писал многое, не подумав—авось оправдаться: заговорил о другой *форме*, а вывел другие *начала*.

Отношение к Западу: [с.] 443—4. Изысканность даже в конспекте: [с.] 32 f. и *pàssim*.

Искры с треском, который гасит огонь, их производший. Читая его яркие цветные исторические картины, без теней и перспективы, вспоминаешь присловье эпическое: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Оригинальный, своеобразный русский ум—в московского чудака себе на уме.

Его надо помнить если не как учителя², то как урок; не как образец, которому надо подражать, но как предостережение, чего не следует повторять. Талант сам по себе не большая заслуга, даже вовсе не заслуга, дающая право на уважение и признат[ельную] память людей. Это—дар божий, и как всякий дар, возлагающий на получателя страшн[ую] ответственность, обязанность быть благодарным дародавцу, но вовсе не дающий права быть самодовольным или притязательным. Это дар сырой и тяжелый, который надо обработать напряж[енными], часто мучительными усилиями и оправдать полезными для человечества плодами, соответственными его качеству и размерам. Этот дар—часто тяжелая ноша, под которой носитель может изнемочь, если у него нет опоры в руках, нет соразмерной нравственной силы в сердце. Искра божия, имеющая[ся] в душе талантл[ивого] человека, при неумении раздуть ее только может сжечь его самого, не дав миру и настолько света, чтобы озарить темный уголок

¹ Над строкой: изобразительный [с.] 344 f.

² На полях синим карандашом: *fin*.

больного бедняка или бедной матери, укачивающей ночью своего непок[орного] ребенка.

Двоедушие и влияние: Барс[уков, с.] 111—112.

Да и идея Погодина (стр. 358) не так далеко от Герцена: Барс[уков, с.] 130 т.

Дурная, неблагоприятная привычка или склонность враждовать с людьми, воюя с их научными идеями, как будто научная идея, даже ошибочная, неудачная, есть порок или преступление, а не просто ошибка мысли или неудача.

Та же мужиковатость в неопрятности его отношений житейских.

Чутье без научного понимания.

Воображение и картина вм[есто] методического изучения.

Не кабинетный усидчивый исследователь, а открыватель, ученый³-публицист⁴, уже граничивший с фельетон[истом], профессор-журналист, славянофил-панславист, историк-драматург; руки чесались на все—не аудитория, а общество внимало бы не студентам, а министрам и царям уроки, из наблюдателя в деятели, из мыслителя—направитель, хотел быть вождем партии славянофилов, иное подсказал, другое за ними повторил, но из мирозерцания кафтана и шаровар не вывел. «Матрена».

Во всем этом признаки силы и энергии.

Но сила—от недостатка обработки и выдержки в грубый⁵ крик, энергия от разбросанности—в суетливую возню, не умеющую справиться со своими затеями. Это потому, что П[огодин] силу свою преувеличивал, энергию переигрывал; плохо знал свои внутр[енние] средства и их несоответствие⁶ ни его темпераменту, ни его самомнению. Он искал в себе⁷ больше, чем сколько там было⁸, и находил меньше⁹ того, что обещал¹⁰. Он свою силу измерял собственно впечатлительностью, энергию—возбуждаемостью, и так как измеряемое было меньше своей мерки, то он последнюю¹¹ принял за первое—

³ Далее зачеркнуто: пропагандист.

⁴ Далее зачеркнуто: предприниматель.

⁵ Над строкой: резкий.

⁶ Над строкой: как свою наружность, влюбляясь.

⁷ Над строкой: в своем запасе.

⁸ Над строкой: притязательность.

⁹ Над строкой: бессилие.

¹⁰ Далее одно слово густо зачеркнуто.

¹¹ Над строкой: мерку за измеряемое.

обыкновенная ошибка людей в положении и с характером Погодина: сами собой поднявшись над своим скромным состоянием, они легко теряют скромность и стараются стать¹² выше самих себя.

Люблю его бойкое перо, из-под которого так часто блещет ум и талант. Но он недостаточно серьезно ценил все эти дары и недостаточно сознавал свою ответственность за них в их употреблении.

С какой впечатлительностью относился к своим и чужим открытиям: [с.] 171, 189, 174 f.

Сношения с провинцией: гл. 33.

¹² *Над строкой*: т. е. мнить себя.

ПАМЯТИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

(умер 4 октября 1855 г.)

Полвека прошло, как закрылась могила Грановского. От него пошло университетское предание, которое чувствует, которое носит в себе всякий русский образованный человек. Все мы более или менее — ученики Грановского и преклоняемся перед его чистою памятью, ибо Грановский, не другой кто, создал для последующих поколений русской науки идеальный первообраз профессора. Едва он успел закрыть глаза, а Соловьев, Дмитриев, Бабст, Кавелин, Чичерин уже благоговейно приникают к памяти человека, с которым расходились в иных научных взглядах, в складе ума и характера. Их соединяла с Грановским идея, которая в свое время и привлекала студентов в его аудиторию¹.

Грановский преподавал науку о прошедшем, а слушатели выносили из его лекций веру в свое будущее, ту веру, которая светила им путеводной звездой среди самых беспросветных ночей нашей жизни. Лекции Грановского о Греции и Риме, о феодальном средневековье воспитывали деятельную любовь к русскому Отечеству, ту энтузиастическую жажду работы на его благо, ту крепость общественного духа, которая помогла лучшим русским людям минувшего полувека пронести на своих плечах сквозь вековые препятствия все тягости преобразовательной эпохи. История, сохраняя в чтении Грановского свой строгий характер науки, становилась учительницей жизни. Это Грановский научил свою аудиторию ценить научное зна-

ние как общественную силу. С его времени, с его публичных лекций Московский университет стал средоточием лучших чаяний и помыслов для образованного русского общества. Грановский завязал ту внутреннюю духовную связь между Московским университетом и обществом, которая крепка доселе и для обоих стала старозаветной традицией. *Наш университет, наш Грановский*—эти слова стали привычными выражениями в Москве с того времени. Эта связь в многотысячном лице московского студенчества тонкими нитями расходилась далеко-далеко от Москвы во все стороны. В эпоху общего нравственного колебания и общественного уныния Грановский, вещая правду и свободу, стоял на своем месте твердо и прямо. Имя его стало лозунгом, символом общественного возрождения, совершаемого переработкой слова науки в дело жизни.

Таково предание, сложившееся о Грановском в продолжение пятидесяти лет со дня его смерти. Можно было бы думать, что мысль Грановского, привыкшая работать над великими мировыми делами и деятелями, неохотно обращалась к отечественной истории, к ее невзрачным или печальным явлениям, о которых повествуют тощие страницы его летописей. Но русская история стояла вокруг Грановского со всеми своими тяжелыми условиями, над которыми поработали века. От этой истории, точнее, от действительности, ею созданной, невозможно было укрыться в академическую келью: она вторгалась в каждое независимое личное существование со своими грубыми требованиями. Да и натура Грановского была не такова, чтобы он мог стать ученым-отшельником. Он рано почувствовал, что только упорной борьбой можно пронести сквозь толщу тогдашней жизни общественные начала, которым он решил служить. Он искал вокруг себя, и прежде всего в своей аудитории, свежих сил, которые можно было бы подготовить к делу. В 1845 г., предупреждая задуманную студентами оврацию, Грановский, тогда 32-летний преподаватель, сказал в аудитории своим слушателям, что он и они принадлежат к молодому поколению, в руках которого жизнь и будущее Отечества, что им предстоит долгое служение «нашей великой России», преобразованной Петром, идущей вперед и с одинаковым презрением относящейся и к клевете иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей Запада, и к «старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются перед кумиром, созданным их

праздным воображением». «Побережем себя на великое служение»,—сказал в заключение Грановский³. В этих словах выразился его взгляд на свое профессорское дело, а в этом взгляде сказалось глубокое понимание окружающих условий, в которых жило русское общество. Нужно было действовать не только на мысль, но и на *настроение* и готовить деятелей для будущего. Грановский и смотрел на свою аудиторию как на школу гражданского воспитания. Художественная обработка изложения, мягкий пафос профессора помогали слушателю переноситься в область общественно-исторических идей, которые в будущем в деятелях, выраставших из слушателей, уже сами приложатся к действительности и облагоделят ее. Грановский не проводил своих идей как запретного товара среди поразительной наивности правительства, видевшего конституционную прокламацию в альманахе, и среди пугливого общества, чужавшего запах революции в трескучем письме Погодина. Лояльно—прямо, возвышенно и художественно—он воспитывал в слушателях на своих исторических построениях, на уроках, даваемых ходом истории, идею долга и ответственности перед обществом. И этим Грановский шевелил смутную тревогу в людях николаевского режима. Его долго не пускали в деканы, чтобы затруднить ему общение со студентами и влияние на строй преподавания, ославили чуть не тайным революционером, а после его всколыхнувших московское общество публичных курсов позаботились, чтобы в Москве забыли, что такое публичные университетские лекции. Но самую идею профессорской деятельности Грановского все более цепенеющие казенные руки уловить и задушить были бессильны.

Жизненная драма Грановского навеивает глубокую грусть. Грановский верил и надеялся, верил в свое дело и надеялся на его успех. Веру он мужественно сберег до конца, но успех становился все безнадежнее, особенно после 1848 г., хотя в личности Грановского соединялись свойства, способные в⁴ другом порядке⁴ обеспечить ему торжество. Он обладал в высшей степени силой нравственного обаяния, тайна которого скрывалась во всем его духовном складе. Это был оптимист в лучшем смысле слова. Не игнорируя зла, он во всем и во всех искал добра, в каждом явлении умел находить положительную сторону; в его широком взгляде на жизнь и историю смягчались слишком односторонние или резкие направления. Так отзывались о нем люди, хорошо его знавшие, без различия личного к нему отношения. Отрицание было

совсем не свойственно его ясному и стройному уму. Но, примирительный по природе, он не был уступчив в принципах. Мягкость отношений соединялась у него с твердостью характера; никого не вызывая на бой, он никому не хотел сдаваться. Между тем вокруг себя он видел только нетерпимость или духовную апатию. Под гнетом господствовавшего порядка люди озлоблялись или теряли нравственное и общественное понимание. Известен невольный идейный разрыв Грановского с ближайшими друзьями, известно и то, как он утратил веру в их эмигрантскую деятельность. Еще более известны ужасные слова его про славянофилов: «Эти люди противны мне, как гробы; от них пахнет мертвечиной; ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда; оппозиция их бесплодна, потому что основана на одном отрицании всего, что сделано у нас в полтора столетия новейшей истории». Но, разорвав с обеими оппозициями в обществе, он не стал менее подозрителен для правительства, и там не могли ничего усвоить из того, за что он стоял. Он изверился, наконец, и в будущем. Заступаясь за Петра, он написал Герцену полные уныния слова: «Надобно носить в себе много веры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь надежду на будущность самого сильного и крепкого из славянских племен; наши матросы и солдаты славно умирают в Крыму, но жить здесь никто не умеет». Но Грановский умел сохранить эту веру и любовь, остался рыцарем, как его называли, благороднейшим крестоносцем, шедшим беззаветно к своей обетованной цели, без надежды на победу, но и без страха перед поражением. Весть о падении Севастополя заставила его плакать. Всего за несколько недель до смерти, уже больной, он писал: «Будь я здоров, я ушел бы в милицию, без желания победы России, но с желанием умереть за нее; душа наболела за это время; здесь все порядочные люди поникли головами». И однако, он не опускал рук⁵. В последнем письме он жалуется на несвоевременность своей болезни, через двое суток покончившей его жизнь: у него много спешной работы; ему, как декану, надо много сделать для факультета, для улучшения преподавания; он задумал с Кудрявцевым журнал *Исторический сборник*, надеясь, что «эластическое слово *исторический* дало бы издателям возможность касаться самых жизненных вопросов», уговаривает Кавелина стряхнуть лень и снова взяться за дело... Грановский не разбивал своих скрижалей.

В 1855 г. Грановскому случилось увидеть портрет

Петра Великого, писанный с мертвого, вероятно, тотчас после кончины преобразователя. «Мне кажется,—писал Грановский,—я был бы в состоянии по целым часам стоять перед этой картиной; я охотно отдал бы за нее любимые книги мои». Его поразило выражение бледного лица на фоне красной подушки. «Верхняя часть божественно прекрасного лица запечатлена величавым спокойствием: мысли нет более, но выражение ее осталось. Такой красоты я не видал никогда. Но жизнь еще как будто не застыла в нижней части лица. Уста сжаты гневом и скорбью; они как будто дрожат. Целый вечер смотрел я на это изображение человека, который дал нам право на историю и едва ли не один заявил наше историческое призвание».

Теперь, спустя 50 лет по смерти Грановского, можно еще представить себе скорбный облик, с каким он ушел из жизни, подобный посмертному облику любимого им Петра; можно представить его в сонме таких же обликов, таких же теней гнева и скорби: Кавелин, думавший, что с освобождением крестьян все в России изменится к лучшему, С. М. Соловьев, веривший, что восстающий от времени до времени русский богатырь вынесет Россию на своих плечах, Чичерин, в 1860-х годах предпочитавший «честное самодержавие несостоятельному представительству», а 30 лет спустя принужденный печатать за границей свои последние и заветные мысли, и много, много других, менее видных людей⁶. Все это были люди меры и порядка, надеявшиеся на улучшение действительности, и все они были обмануты в своих надеждах. Каждый независимый русский общественный деятель таит в себе хотя малую крупину Петра Великого, своего духовного родоначальника, и каждый уходит с той же печатью гнева и скорби на сомкнутых устах.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

(умер 4 октября 1879 г.)

С. М. Соловьев родился 5 мая 1820 г. в Москве¹. Отец его, протоиерей Михаил Васильевич, был законоучителем в Московском коммерческом училище. Первоначальное образование Сергей Михайлович получил дома и только уже на 14-м году поступил в I Московскую гимназию прямо в третий класс. Окончив гимназический курс в 1838 г. с отличным успехом (имя его осталось на золотой доске I гимназии), он перешел в Московский университет на первое отделение философского факультета, как тогда назывался историко-филологический факультет. Из гимназии он вынес основательное знание древних классических языков, и им посвящен был первый литературный опыт, явившийся в печати с именем Соловьева: это была произнесенная им на гимназическом акте при выпуске речь «О значении древних классических языков при изучении языка отечественного». Изучение древних языков продолжалось и в университете, где в то время сильно действовал на умы слушателей своими блестящими и полными новизны лекциями о древней истории профессор римской словесности Д. Л. Крюков. По рассказу самого Соловьева, Крюков даже предлагал ему специально готовиться под его руководством к занятию кафедры римской словесности. Но Соловьев уже решил выбор ученой специальности, посвятив себя изучению истории, преимущественно отечественной. В это же время, когда Соловьев был на втором курсе (1839 г.), начал свою столь памятную

в истории Московского университета ученую деятельность только что вернувшийся из-за границы преподаватель всеобщей истории Т. Н. Грановский. Вместе со многими товарищами Соловьев подчинился обаятельному действию сильного таланта; впоследствии исторические занятия сблизили его с Грановским, Соловьев стал потом его ближайшим товарищем и до конца его жизни остался связан с ним самой тесной дружбой.

В студенческие годы Соловьева русскую историю преподавал в Московском университете известный М. П. Погодин. Тогда уже близилась к концу его профессорская деятельность, прекратившаяся неожиданно для него самого в 1844 г., когда он по некоторым причинам покинул службу в университете в надежде вернуться туда года через два — и уже не возвращался. Погодин заметил даровитого студента, прилежно и с успехом занимавшегося изучением отечественной истории. Задумав оставить университет на время, Погодин года за два до своей отставки, предупредив совет об этом намерении, указал ему в числе других кандидатов для замещения своей кафедры (Григорьева и Бычкова) и на студента Соловьева, бывшего тогда на последнем курсе.

Тотчас по окончании университетского курса новому кандидату 1-го отделения философского факультета представился случай побывать за границей и там довершить свое историческое образование. Он отправился туда с семейством графа А. Г. Строганова, которому рекомендовал молодого кандидата тогдашний попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов. Соловьев пробыл за границей два года (1842—1844). Проездом он посещал Берлинский университет, бывал, между прочим, в аудитории Неандера; в Праге познакомился и много беседовал об истории славянства и России с Шафариком и другими чешскими учеными. Но главным местом его заграничных занятий был Париж. Здесь он много читал и много слушал, посещая усердно лекции Ампера, Кинэ, Ленормана, Мишле, Рауль-Рошетта, Ж. Симона, Ф. Шаля, также Фр. Араго и Мицкевича. К изучению истории России он старался подготовить себя основательным знакомством с историей всеобщей, особенно с теми ее явлениями, которые имеют прямую или косвенную связь с фактами нашего прошедшего. Впрочем, и на чужой стороне не прекращались занятия отечественной историей: в Париже Соловьев если не писал, то обдумал и подготовил свою магистерскую диссертацию, которую представил факультету вскоре по возвращении в Москву, в начале

1845 г., выдержав перед тем экзамен на степень магистра русской истории.

Возвратившись из-за границы, Соловьев чрезвычайно быстро прошел ряд испытаний, обязательных для ученого, ищущего профессуры, хотя эти испытания в то время были несравненно сложнее и труднее, чем стали теперь: так, публичной защите диссертации в то время предшествовал диспут в закрытом заседании факультета, чем приобреталось право и на словесный экзамен, и на публичную защиту диссертации. Выдержав магистерский экзамен в начале 1845 г., он дважды напечатал и в октябре того же года защитил магистерскую диссертацию *«Об отношениях Новгорода к великим князьям»*. Через год факультету была уже представлена им докторская диссертация *«История отношений между русскими князьями Рюрикова дома»*—объемистая книга в 700 страниц. Такая скорость тем удивительнее, что она не отразилась заметно на качестве учебной работы и что, в то время как писалась эта книга, автору ее пришлось работать над другим делом, самым трудным в ученой жизни профессора—в июле 1845 г. по предложению попечителя он был избран в преподаватели русской истории в Московском университете, читать свой первый курс в университете,—а после защиты магистерской диссертации утвержден был на кафедре русской истории, впрочем только в звании исправляющего должность адъюнкта, хотя уже имел степень магистра. Определение совета Московского университета, дозволявшее печатать представленную Соловьевым на степень доктора диссертацию, состоялось 18 декабря 1846 г.; в июне следующего года диссертация была защищена, а в промежутке 27-летний магистр русской истории успел сдать экзамен на степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики—экзамен, на котором ему предложено было 11 вопросов из этих наук, а также из древней и новой географии. В три года со времени возвращения из-за границы—два экзамена и две диссертации с четырьмя диспутами, не считая первого курса русской истории, читанного студентам в 1845/46 академическом году, не считая и ряда статей, написанных в то же время: русские ученые редко поднимались по лестнице ученых степеней так быстро и с таким успехом. Уже в те годы Соловьев в совершенстве обладал тем умением беречь время, которое дало ему возможность сделать так много впоследствии.

Обе диссертации создали автору громкую известность не только в тесном кругу ученых, но и во всем читающем

обществе. Первое его исследование, выпущенное в свет в ограниченном количестве экземпляров, разошлось так быстро и так настойчиво спрашивалось публикой, что в 1846 г. автор принужден был с некоторыми пополнениями перепечатать его в «*Чтениях Общества истории и древностей российских*». По свидетельству одного тогдашнего московского литератора-наблюдателя, первую диссертацию Соловьева «все литературные партии встретили самым решительным одобрением без различия мнений»². Вторую диссертацию встретили с таким же, если не с большим сочувствием, которое сказалось и на диспуте (9 июня 1847 г.), и в печати. «Диспут блестящий!» — так начал упомянутый наблюдатель свой отчет о нем. «Несмотря на летнее время, — продолжает он, — когда Москва пустеет, большая университетская аудитория была полна; кроме профессоров и студентов было много лиц сторонних; некоторые посетители и посетительницы не задумались для ученого торжества приехать с дач; публика живо заинтересовалась и следила с участием за диалектикой и доводами говоривших», а говорили, возражая Соловьеву, Грановский, Бодянский, Кавелин и студент Клеванов. Незадолго до диспута ученый из другого литературного лагеря, враждебного тому, к которому примкнул Соловьев, известный И. Д. Беляев в «*Московском городском листке*» поместил о его книге небольшую, но бойкую статейку, подобные которой ему редко удавалось писать потом: здесь рецензент называл труд Соловьева «книгой, по своему превосходному содержанию долженствующей быть настольною у каждого занимающегося русскою историей», книгой, которую «можно прочесть с удовольствием десять раз и больше»; строгая логическая последовательность в выводах, по признанию критика, царит над всем сочинением; выводы и факты являются в книге чем-то неразрывным, родным друг другу; иногда даже дивишься, прибавляет Беляев, отчего прежние историки не замечали того, что так естественно и просто открыл Соловьев³.

Успех обеих диссертаций, не устаревших и доселе, объясняется не одним талантом автора, но и его серьезной подготовкой: в этих первых ученых опытах своих начинавший историк выступил уже с обдуманними историческими понятиями, с определенным взглядом на задачи и приемы исторического изучения. Этот взгляд определился с помощью раннего и близкого знакомства Соловьева с современным состоянием исторической науки на Западе; знакомство это началось еще на студенческой скамье в Москве, и потом ему преимущественно посвящены были

двухлетние заграничные занятия. В *«Москвитяине»* в 1843 г. напечатана была чрезвычайно живая, с юношеским одушевлением написанная статья о Парижском университете, под которой стоит пометка: «Прага Чешская, 23 июня 1843 г.». С большим увлечением, которое сообщается и читателю, передает здесь московский слушатель французских профессоров впечатления, накопившиеся в нем в продолжение академического года, когда он усердно посещал Сорбонну. Это ряд метких характеристик преподавателей, которых он слушал в Париже, с остроумными замечаниями о характере и манерах французского университетского преподавания. Мишле, например, выдержками из его лекций очерчен во весь рост с его отвращением к системе, с внешней беспорядочностью и болтливостью изложения и с блестящей, ловко заостренной и иногда очень меткой отдельной фразой. Но Соловьев не увлекался восторженной импровизацией французских профессоров; отдавая должное внешним качествам их преподавания, он хорошо видит его внутренние недостатки, превращающие университетскую лекцию в публичную ораторскую речь. Очевидно, не под влиянием этих более ораторских, чем ученых, чтений складывался взгляд Соловьева на задачи и приемы научного исторического исследования. Притом курсы, слушанные им в Париже, по крайней мере те, о которых он отдает отчет в своей пражской статье, и по содержанию своему были слишком далеки от того порядка исторических явлений, на котором он потом останавливал преимущественное внимание в своих исследованиях, а в краткой автобиографической статье, составленной им для *«Словаря профессоров Московского университета»* (1855), он сам заметил, что за границей «он продолжал исторические занятия, разрабатывая преимущественно те предметы, которые имели ближайшее отношение к его главному предмету — отечественной истории»⁴. В Париже он слушал в 1842—1843 гг. чтения С.-Марка Жирардена о французской драме, Ф. Шаля — по истории немецкой литературы, Кинэ — по истории древней немецкой, итальянской и испанской литературы, Ампера — о французской литературе XVII в., Россье С.-Илера — о состоянии Италии до основания Рима, филолога Патэна — о комедиях Теренция, Ж. Симона — о философии, Ленормана, преемника Гизо по кафедре новой истории, — о Евангелии и христианстве, наконец, Мишле, курс которого, называвшийся философией истории, по-видимому, мало соответствовал своему названию. Разнообразие этих курсов свидетельствует о

широкой любознательности молодого кандидата, посвятившего себя изучению отечественной истории, но его исторические взгляды вырабатывались больше путем обширного чтения, чем под влиянием заграничной университетской кафедры. В то время изучена была Соловьевым большая часть важнейших произведений западноевропейской исторической литературы, многочисленные выписки из которых он хранил в своих бумагах. Из всех представителей европейской историографии XIX в. никого не ставил он так высоко, как Гизо, а из исторических произведений прошлого столетия великое научное значение придавал он философии истории Вико (*Scienza nuova*). Эти имена бросают некоторый свет на источник и характер общих исторических воззрений, которые легли в основание трудов Соловьева по русской истории.

С начала нынешнего века европейская историческая литература стала заметно принимать иное направление, какое лишь изредка появлялось в ней прежде отдельными робкими попытками без взаимной связи и последовательного развития. Философски, а priori построенные схемы в истории стали терять прежнюю цену, как еще раньше потеряли ее разные историко-дидактические построения судеб человечества. Исторический опыт, тяжелые и быстрые перемены, часто совершенно непредвиденные, какие были испытаны европейскими обществами с конца прошедшего столетия, привели к мысли, что в истории помимо той пищи, какую она доставляет философскому и эстетическому созерцанию, есть еще сторона, более важная для изучения и более нужная для практических потребностей настоящего и будущего,—это природа и действие сил и условий, участвующих в построении человеческих обществ. Историческая мысль стала внимательнее всматриваться в то, что можно назвать механизмом человеческого общежития. В этом наблюдении она пошла двумя путями, направляемая различными впечатлениями, какие вынесены были из недавнего опыта. Этот опыт состоял из ряда потрясений, совершившихся и в политической жизни обществ и вызванных борьбою и сменой разных государственных порядков, и, чтобы найти причины столь великих и неожиданных крушений, одни наблюдатели обратились к рассмотрению политической конструкции, кладки разных обществ и изучению процесса, каким они складывались. Но один и тот же политический порядок имел неодинаковую судьбу в разных местах, приводил к различным последствиям; порядок, по видимому наиболее разумно проектированный и обеща-

ший прочно обеспечить человеческое благополучие, на иной почве не принимался, портился, разрушал спокойствие и благосостояние целого общества и уступал место другому, казавшемуся худшим, как будто в деле политических учреждений кладка, технически лучшая, может быть негодной на иной исторической почве. И потому другие наблюдатели сосредоточивали свое внимание на свойствах этой почвы и того материала, который из нее извлекался для построения общества. Так задача исторического исследования раздвоилась: для одних предметом его сделались преимущественно генезис и развитие политических форм и социальных отношений, политика и право, для других — рост национальных преданий и обычаев, дух и быт народа. Это раздвоение по существу своему не давало повода к антагонизму обоих направлений в исторической науке: оно, собственно, было не более как простым разделением труда в работе над одним и тем же предметом; однако ж это разделение иногда принималось за различие самых воззрений, принципов и вызывало борьбу.

Соловьев присоединился к первой из этих школ, если можно так назвать указанные направления, господствовавшие в исторической литературе. Преемство политических форм, происхождение и развитие сословного расчленения общества и т. п. — таковы были предметы, на которых он прежде и больше всего сосредоточил свое внимание, как только принялся за самостоятельную обработку отечественной истории по окончании приготовительных занятий. С таким взглядом на задачи исторического изучения возвратился он в 1844 г. из-за границы, и присутствие программы, построенной на таком взгляде, заметно уже в содержании первого университетского курса, читанного им в 1845/46 академическом году. В подробном «Отчете о состоянии и действиях Московского университета» за этот год читаем, что исправляющий должность адъюнкта магистр Соловьев преподавал по собственным запискам русскую историю студентам 3-го курса 1-го отделения философского факультета и 2-го курса юридического по 4 часа в неделю, предполагая довести свой курс до новейших времен: «Преподаватель особенно обращает внимание своих слушателей на родовой быт, господствовавший в древней Руси, и постепенный переход его в быт государственный; равно обращает особенное внимание на отношение между Русью московской и Русью литовской и на *историю сословий*»⁵. Сверх того, студентам 4-го курса философского факультета он преподавал по 2 часа в

неделю *специальный курс*, предметом которого была «история междоусобиц». В отчетах ближайших следующих лет находим указания только на содержание этих специальных курсов: в 1846—1847 гг. читана была история царствования трех первых государей из дома Романовых, в 1847—1848 гг.—история Петра Великого и т. д. Но уже из отчета за первый год преподавательской деятельности Соловьева достаточно видны содержание и характер его другого курса, который студенты слушали прежде специального: это был общий обзор истории России, столь памятный всем его слушавшим, который останавливался там, откуда профессор в следующем году предполагал вести более подробное его продолжение. Так уже в первые годы Соловьев установил тот порядок преподавания, которого он долго держался потом: начав специальное изложение с эпохи, на которой прервалась «История государства Российского» Карамзина, Соловьев с каждым годом понемногу подвигался все дальше вперед, но студент специально знакомился с доставшейся ему эпохой, уже подготовленный к тому общим курсом русской истории с древнейших времен. Содержанием этого курса была именно смена политических форм с объяснением исторических обстоятельств, при которых одна из них зарождалась, падала и переходила в другую, и с указанием перемен, какие при господстве той или другой из них происходили в составе общества и во взаимных отношениях его частей. С течением времени фактические подробности в этом курсе сглаживались все более, так что он превратился наконец в непрерывную цепь обобщений, в историко-философскую формулу политического и социального развития России.

Тот же самый взгляд на задачи исторического изучения проходит и по обеим диссертациям Соловьева, и последовательное проведение в них этого взгляда было главной причиной сильного впечатления, какое они произвели на читающее общество. Такое генетическое изучение форм и отношений государственного и общественного быта России было тогда если не совершенной новостью в нашей историографии, то во всяком случае явлением, к которому еще не привыкли, которому предшествовали слабые попытки в этом роде. А в обеих первых книгах Соловьева, даже в их заглавиях, как в устном изложении с университетской кафедры, так потом в «Истории России», на первом плане именно *отношения*. В диссертации об отношениях Новгорода к князьям сделана попытка объяснить социальное происхождение и первоначальное

устройство русского города древнейшего времени; здесь же впервые высказана была мысль, которой потом историк дал такую важную роль в ходе политической истории России,—мысль о политическом значении новых городов, возникших в Северной Руси XII в., среди которых сложилось понятие об отдельной княжеской собственности, об *уделе*, сменившее прежний порядок владельческих отношений между князьями, основанный на понятии об общности, нераздельности владения. Задачей исследования было изучение «характера новгородского народовластия», решение вопроса: «Был ли Новгород республикою, в которой развивался особый быт, не имевший ничего общего с бытом других городов русских, отделился ли он своим бытом при Ярославе I или отделился от новой Руси вместе со старой и потом, оставшись один представителем последней, не мог удержать старины и преклонился перед городами юными?»

Тот же взгляд во второй диссертации приложен к кругу явлений нашей политической истории, еще более широкому. В нашей исторической литературе это был первый опыт, имевший целью вывести из одного начала и изобразить в виде непрерывного, последовательного процесса ряд форм политического быта, сменившихся в России с половины IX до конца XVI в. Восстанавливая этот процесс, Соловьев высказался решительно против искусственного деления нашей истории, против названий одного периода удельным, другого монгольским, дающих неверное понятие о характере времени или разрывающих естественную связь событий, «естественное развитие общества из самого себя». Книга об отношениях русских князей Рюрикова дома по основной своей мысли имеет тесную внутреннюю связь с исследованием о новгородских отношениях, развивает положения, намеченные в последнем. В этой книге получил окончательную обработку факт, который обозначен был Соловьевым как главное содержание его первого университетского курса,—факт постепенного перехода родовых отношений, служивших первоначальным основанием порядка княжеского владения, в отношения государственные. Посредствующим моментом, через который совершился этот переход от одного порядка к другому, служило понятие о княжестве как об отдельной собственности князя, понятие, происхождение которого объяснено было автором в исследовании о Новгороде и которое, на его взгляд, возникло из отношений, установившихся между новыми городами Северной Руси и князем. Что вызвало государственные

отношения, спрашивает исследователь, и что дало им торжество над родовыми? Ответом на этот вопрос служит такой ряд исторических соображений: по распадении Ярославова княжеского рода на семьи, часто одна другой враждебные, семья северных князей не развивается в род, как это было на Юге, где обособлявшиеся княжеские семьи стремились опять развиться в роды с прежними родовыми отношениями; на Севере первоначальная княжеская семья, отделившись от южных, в дальнейшем развитии своем распадается на такие же отдельные семьи, которые не смыкаются в родовое целое, между которыми не повторяются прежние родовые отношения; это потому, что нет условия, при котором только они и могли повториться, «нет более понятия об общности, нераздельности владения»; отсюда «постоянное разделение и постоянная борьба между княжествами», что «дает сильнейшему возможность подчинить себе слабейшие; эта возможность основывается на понятии об отдельной собственности, которая исключала родовое единство; понятие же об отдельной собственности явилось на Севере вследствие преобладания там городов новых, которые, получив свое бытие от князя, были его собственностью». Таким образом, родовой быт, господствовавший в древней Руси, является началом, из которого последовательно развился ее политический порядок, и самый этот быт как исходная точка развития древнерусских политических форм исследован историком более в явлениях политического порядка, чем в явлениях гражданского общежития, в кругу частных гражданских понятий и отношений.

Со времени возвращения своего из-за границы Соловьев удивительно много пишет: в одно время с обеими диссертациями и вслед за ними составлен был им ряд значительных по объему статей не только по русской, но и по всеобщей истории. В 1846 и 1847 гг., когда писалась и печаталась книга об отношениях князей, напечатаны были в разных периодических изданиях исследования о нравах и обычаях в древней Руси от времен Ярослава I до нашествия монголов, о состоянии духовенства в России до половины XIII в., о местничестве, о Мстиславе Храбром, о Данииле, князе галицком; сверх того, изложена была русская летопись для первоначального чтения и составлены два очерка по всеобщей истории — «*Рим*» и «*Варварь*»⁶. В 1848 г. приготовлены были к печати две обширные статьи, из которых одна содержала в себе обзор событий русской истории от кончины царя Феодора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых,

другая — очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу. Исследования, обзоры, очерки, критики и рецензии идут непрерывным рядом до 1851 г., продолжаютс я и далее, вливаясь потом из разных повременных изданий, подобно притокам большой реки, в *«Историю России с древнейших времен»*. Следует также припомнить, что к 1850 г. у Соловьева был уже готов на кафедре цельный общий курс древней русской истории и специально изложена была история XVII и начала XVIII в.

Такой усиленной ученой деятельностью приготавливался Соловьев к труду, который стал главным делом его жизни и навсегда связал его имя с успехами русской исторической науки и русского общественного сознания. Важнейшие источники древней русской истории были уже им изучены, важнейшие ее явления обдуманы и приведены во взаимную связь, когда 30-летний историк, по достижении профессорского звания (в июле 1850 г. утвержден был ординарным профессором), предпринял, как он сам замечает в своей упомянутой выше автобиографической записке, «труд написать полную отечественную историю с древнейших времен до настоящего». В августе 1851 г. вышел первый том этой *«Истории»*, и потом в продолжение 27 лет каждый следующий том с неизменной точностью являлся через год после предшествующего.

Появление этого капитального труда многими встречено было с некоторым недоверием: многим еще казалось слишком смелым писать историю России после Карамзина. Но знаменитая книга Карамзина, прочитанная столь многими, воспитавшая в обществе нашем столь живой интерес к собственному прошедшему, была отражением умственного состояния этого общества, которое уже было отжито им до половины XIX в.; она не отвечала на исторические вопросы, которые успели выступить в нашем общественном сознании со смерти знаменитого историографа, не отвечала требованиям, с какими стали обращаться к историографии. Около половины нашего века в истории искали уже не одних «удовольствий для сердца и разума», не пищи для воображения, не «созерцания многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность», но искали и других, более сухих и прозаических указаний. Присутствие этой потребности в нашей литературе за много лет до выхода первого тома *«Истории России»* Соловьева, между прочим, доказывается появлением исторического труда, отличающегося мыслью и талантом, но составлен-

ного слишком торопливо и без достаточной подготовки,— «Истории русского народа» Полевого.

Пока историческая критика разберется в огромном труде Соловьева и оценит его научные результаты, обновим еще раз в памяти то, что было нами в нем читано в продолжение столь многих лет, те основные мысли, в которых выразился взгляд историка на ход нашей истории и которые надолго останутся точкой отправления и опоры для дальнейшего изучения русского прошедшего. Этот взгляд, обнимая собою девять веков жизни русского народа, проходит чрез длинный ряд томов «Истории» цельной связующей их нитью, которая, о чем никогда не перестанет жалеть русская историческая наука, прерывается на последней четверти прошлого столетия, оставляя нас без последнего слова, без окончательного суждения историка, которое не только осветило бы смысл и значение этого века в нашей истории, но и бросило бы луч исторического света на времена, еще более к нам близкие.

Когда Соловьев начинал писать первый том своей «Истории России», процесс русской исторической жизни, как он понимал его, уже представлялся ему вполне ясно, и оставалось только изложить его подробности. Взгляд на этот процесс определился и установился в первых трудах историка, который остался верен ему и впоследствии. В предисловии к первому тому этот взгляд тот же, каким находим его и 13 лет спустя, когда повествователь, дошедши до конца XVII в., на минуту остановился, чтобы оглянуться на оставшееся позади его время. Согласно с задачей исторического изучения, рано им усвоенной, он поставил главной целью своего труда воспроизвести последовательный рост политической и социальной жизни России. «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин— вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда». Преемство именно политических и общественных форм, в какие облекалась жизнь русского народа, несколько раз изложено было историком и в главном труде, и в отдельных опытах. Так, в одной статье 1857 г. это преемство изображено кратко, в виде схемы, отмечающей только самые крупные явления, главные моменты исторического процесса⁷.

На нашей равнине до Рюрика живет несколько редко

разбросанных народцев, славянских и финских. Они живут особыми, замкнутыми, самостоятельными родами. В некоторых племенах на Севере эти роды были приведены к единству под одну общую власть сначала силою, были покорены пришлыми варягами. По изгнании последних родовая особенность высказалась в усобицах, «встал род на род». Тогда обращаются к недавно испытанному средству—уже добровольно призывают общую власть. Пользуясь соединенными силами призвавших племен, князья подчиняют себе все остальные. Вместо племен по соединении их являются волости, каждая со своим князем, но эти князья все—члены одного нераздельного рода, и эта нераздельность поддерживает единство земли во время государственного младенчества. Потом волости соединяются в государство, их князья исчезают, является единовластие. По окончании медленного вследствие громадности страны процесса государственного объединения Русское государство получает возможность войти в систему европейских государств с сильным влиянием.

В *«Истории России»* эта историческая формула раскрывается в таких приблизительно чертах.

Некогда какой-то враг вытеснил славян, именно наших предков, с Дуная, погнав их на девственный северо-восток, из лучшей страны в худшую. Так история-мачеха заставляла их населить страну, где природа является мачехою для человека, тогда как немцы шли в обратном направлении, на юго-запад, из худших стран в лучшие, в области Римской империи, где природа для человека—мать и где притом была уже цивилизация. В этом причина различия всей истории этих двух племен—братьев по происхождению. Наши славяне со своими родами, с их князьками разбросались, затерялись на великой Русской равнине, в поселках по Днестру, Днепру, Оке и т. д. Их городки—огороженные села. Из соседней степи налетят кочевники—городки падали, и степной хищник запрягал славянских женщин в свою телегу. Промчится буря, и все тихо по-прежнему; от хищников остается одна пословица: «Изгибоша аки Обри»; силы не возбуждаются постоянным присутствием врага, как у германцев в соседстве с римлянами. Но и для наших славян пробил час исторической жизни. На Днепре показываются лодки: плывет из Новгорода русский князь с дружиной. «Платите нам дань»,—говорят они в каждом встречном селении. Дело не новое: несут меха, чтобы сбыть гостей поскорее. Но гости не уходят, усаживаются в Киеве, рубят городки, ходят по рекам и речкам за данью. Люди уходят из сел, покидая

своих родовых князьков, селятся около городков, где есть льгота и защита, можно много заработать, уходят с князем в поход на Царьград, вступают в дружину, где жить хорошо: от всех почет и всего вволю. Племенное деление исчезает: население делится на сословия—на княжих *мужей*, полных людей, и на полулюдей, *мужишков*, последние—на городских промышленников и на сельчан; земля делится не на племенные области, а на княжения, называющиеся по именам главных городов, правительственных средоточий.

Так изменился быт населения под влиянием правительственного начала, но и последнее подпало влиянию туземного быта. В населении равнины господствовал родовой быт: по смерти Ярослава до конца XII в. и между князьями действуют родовые отношения, на них основан порядок владения землей, которую князья считают нераздельным достоянием всего своего рода, отсюда сильное, непрерывное движение, передвижка князей из волости в волость по старшинству, борьба, споры, убоицы. Но эта беспорядочная беготня князей по волостям не давала последним обособляться, волею-неволею вовлекала их в общую жизнь, создавала общие всем им интересы, укореняла в них сознание своей взаимности, нераздельности всей земли и, таким образом, положила прочное основание государственному и народному единству. Отдельные племена с призванием князей приведены были в связь, преимущественно внешнюю; благодаря родовым княжеским отношениям со смерти Ярослава является впервые русский народ. Теми же отношениями определился и склад общества. Увлеченная вихрем княжеского движения дружина не приобрела самостоятельного положения ни в качестве оседлых землевладельцев по областям, как феодалное дворянство на Западе, ни в качестве наследственных областных правителей, как польское вельможество; оставаясь бродячим военным братством с правом служить какому захочет князю, она не привыкла действовать дружно; каждый руководился личными, а не сословными интересами. Но при подвижности князей и их дружин получают значение главные города областей со своими вечами: они—сила постоянная—пользуются ослаблением князей от убоиц; область смотрит, что скажут, как решат на вече в ее старшем городе, и привыкает руководиться этим решением. Так подле власти князя является власть городского веча, но та же подвижность князей мешала точно определить отношения обеих властей друг к другу. Бродячие князья, не думающие ни о

чем прочном, постоянном, бродячие дружины, городские вече с первоначальными формами народных собраний без всяких определений, без крепких форм, способных упрочить местное самоуправление, и, наконец, высшее духовенство во главе с митрополитом-греком, чужим человеком, без языка перед народом и влияния — таковы созданные или поддержанные родовыми княжескими отношениями элементы русского общества XI и XII вв.

Как же вышло это общество из такого жидкого, колеблющегося состояния?

Пользуясь неурядицей, кочевники стали одолевать Русь в своем напоре из степи. Это заставило часть жителей юго-западной Украины выселиться в страны более спокойные, дальше на северо-восток, в область Верхней Волги. Но здесь уже хозяйничает князь; поселенцы садятся на его земле, в его городах, получают от него льготы, всем ему обязаны, от него во всем зависят. Из этой зависимости развивается здесь сильная княжеская власть, какой не было на юго-западе, и вместе с ней — оседлость князя, привязанность к своему княжеству, а отсюда — понятие *о моем*, о княжестве как собственности князя. Так на Севере со времени Андрея Боголюбского являются основания нового политического порядка. Понятие об отдельной собственности развивает в князьях стремление увеличить свое княжество на счет других, прекращается передвижка князей из волости в волость, родовые отношения рушатся, происшедшее отсюда разъединение князей помогает одному из них, сильнейшему, подчинить других. Таким является князь московский: он присоединяет к своим владениям чужие и низводит своих ближайших родственников, удельных князей, в положение подданных, отнимая у них одно право за другим. Так совершается переход родовых отношений между князьями в государственные: Русская земля на севере собирается, и образуется Московское государство.

Но эти политические успехи достигнуты были не без больших национальных и нравственных потерь. Юго-Западная Русь, обессиленная с отливом исторической жизни на северо-восток, вконец разоренная татарами, отделяется от Северо-Восточной, подчиняется Литве, а через нее Польше и долго тратит свои силы в бесплодной для своего народного развития борьбе за народность. С другой стороны, русский человек, одинокий, заброшенный в мир варваров, затерянный в северо-восточных пустынях, забытый своими и забывший о своих по отдаленности, вышел из общения с европейско-христианскими народами,

в каком находился, живя на юго-западе, и целые века двигался все далее в пустыни востока, живя в отчуждении от западных собратий. Отсюда слабость материального, общественного и духовного развития. Общественные силы растут туго. Двор московского князя в XIV и XV вв. наполняется знатными пришельцами с разных сторон. Но это боярство живет еще преданиями отжившей старины, привычками вольных дружин XII в., держится за свое право перехода, когда переходить стало уже не к кому. Запоздалые притязания ведут к борьбе, которая при Грозном принимает кровавый характер и кончается не в пользу знати. И город на севере не удерживает прежнего значения. Ростов Великий падает, побежденный новыми княжескими городами, тотчас по смерти Андрея Боголюбского и не поднимается более. Падает потом и Новгород Великий, вследствие прилива богатств неестественно вздувшийся в государство, но представлявший собою библейскую статую с золотою головой и глиняными ногами: низшие слои общества были против своекорыстной знати немногих правивших делами города фамилий и помогли их гибели. При неразвитости торговли и промышленности в земледельческом государстве города его бедны и слабы, в них не прививается даже самоуправление, какое пытался дать им Грозный. При слабости других сил одна великокняжеская власть развивается на просторе; при разбросанности населения, недостатке сознания общих интересов раздробленные части общества стягиваются сильною правительственною централизацией, как разбитый член стягивается хирургической повязкой. Новые тяжести, вызванные внешним положением объединившегося государства, постоянною борьбой на востоке, юге и западе, мешают подняться общественным силам. Сословия закрепляются: служилое — обязательною военною службой, городское и сельское — тяглом; для обеспечения дохода казны и служилого помещика горожане прикрепляются к городам, крестьяне — к земле. Те и другие бегут от закрепления, куда можно, более всего на Дон, в степь, в казаки. Когда государство начинает сжимать вольное казачество, последнее опрокидывается на государство; в начале XVII в., по пресечении старой династии, оно вмешивается в Смуту, начатую людьми, питавшими старинные притязания, и потрясшую государство в самом основании; неоднократно поднималось и потом, в XVII и XVIII вв. Но государство устояло. При первых трех царях новой династии оно готовится вступить в общую жизнь с Западною Европой, занять место среди

европейских держав. Начинаются важнейшие преобразования, под влиянием которых воспитывается Петр; он доканчивает начатое, решает нерешенное. Усвоение европейской цивилизации, имевшее при Петре материальные цели, во второй половине XVIII в. рождает потребность в духовном, нравственном просвещении.

Таков ряд мыслей, на основе которых развивался рассказ историка. Большая часть их была новостью, когда их впервые высказывал Соловьев, и стала теперь достоянием нашего общественного сознания.

В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли. В истории нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьева. Поминать ее не перестанет наш университет, с которым она была связана в продолжение 40 лет. Соловьев был питомцем этого университета, 34 года преподавал в нем, 6 лет стоял во главе его как ректор, наконец, в его аудитории получил первую обработку главный труд жизни Соловьева. Еще в 1843 г. в статье о Парижском университете он писал о заключении русским обществом «святого союза» с русским университетом «для дружного, братского прохождения своего великого поприща». *«История России»*, ставшая крупным фактом в развитии нашего общественного сознания, служит новою связью, скрепляющею этот союз, и оба союзника не забудут последнего урока, какой сам собою вытекает из исторического процесса, изображенного Соловьевым. Обзор этого процесса он закончил словами: «Наконец в наше время просвещение принесло необходимый плод: познание вообще привело к самопознанию», а самопознание, прибавил бы он, если бы довел свой рассказ до нашего времени, должно привести к *самодеятельности*.

С. М. СОЛОВЬЕВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Сегодня 16-я годовщина смерти С. М. Соловьева. Многие ли из нас, здесь присутствующих, помнят его как преподавателя? По крайней мере далеко не все. Преподавание принадлежит к разряду деятельности, силу которых чувствуют только те, на кого обращены они, кто непосредственно испытывает на себе их действие; стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатление от урока учителя или лекции профессора. В преподавательстве много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести. Писатель весь переходит в свою книгу, композитор — в свои ноты, и в них оба остаются вечно живыми. Раскройте книгу, разверните ноты, и, кто умеет читать то и другое, перед тем воскреснут их творцы. Учитель — что проповедник: можно слово в слово записать проповедь, даже урок; читатель прочтет записанное, но проповеди и урока не услышит.

Но и в преподавании даже очень много значит наблюдение, предание, даже подражание. Всегда ли знаем мы, преподаватели, свои средства, их сравнительную силу и то, как, где и когда ими пользоваться? В преподавательстве есть своя техника, и даже очень сложная. Понятное дело: преподавателю прежде всего нужно внимание класса или аудитории, а в классе и аудитории сидят существа, мысль которых не ходит, а летает и поддается только добровольно. В преподавании самое важное и трудное дело — заставить себя слушать, поймать эту непоседливую

птицу — юношеское внимание. С удивлением вспоминаешь, как и чем умели возбуждать и задерживать это внимание иные преподаватели. П. М. Леонтьев совсем не был мастер говорить. Живо помню его приподнятую над кафедрой правую с вилкообразно вытянутыми пальцами руку, которая постоянно надобилась в подмогу медленно двигавшемуся, усиленно искавшему слов, как будто усталому языку, точно она подпирала тяжелый воз, готовый скатиться под гору. Но бывало, напряженно следишь за развертывавшейся постепенно тканью его ясной, спокойной, неторопливой мысли, и вместе с ударом звонка предмет лекции, какое-нибудь римское учреждение, вызывался в сознании скульптурной отчетливостью очертаний. Казалось, сам бы сейчас повторил всю эту лекцию о предмете, о котором за 40 минут до звонка не имел понятия. Известно, как тяжело слушать чтение написанной лекции. Но когда Ф. И. Буслаев вступал торопливым шагом на кафедру и, развернув сложенные, как складывают прошения, листы, исписанные крупными и кривыми строками, начинал читать своим громким, как бы нападающим голосом о скандинавской Эдде или какой-нибудь русской легенде, сопровождая чтение ударами о кафедру правой руки с зажатым в ней карандашом, битком набитая *большая словесная*, час назад только что вскочившая с холодных постелей где-нибудь на Козихе или Бронной (Буслаев читал рано по утрам первокурсникам трех факультетов), эта аудитория едва замечала, как пролетали 40 урочных минут. Не бесполезно знать, какими средствами достигаются такие преподавательские результаты и какими приемами, каким процессом складывается ученическое впечатление. В этом отношении воспоминание об учителе может пригодиться и тому, кто не был его учеником.

Я сел на студенческую скамью в Московском университете в пору не скажу упадка — об этом грешно и подумать, — а в пору кратковременного затишья исторического преподавания. Я не застал ни Грановского, ни Кудрявцева. Единственным преподавателем всеобщей истории был С. В. Ешевский. В. И. Герье находился еще за границей, и мне пришлось слушать его уже по окончании курса. Ешевский был превосходный, строгий, но уже угасавший профессор; мы его и похоронили весной 1865 г. при выходе нашего курса из университета. Он читал нам курсы по древней и средней истории с продолжительными перерывами по болезни, а последний год, когда стояла на очереди новая история, не читал совсем. Мы его очень

любили, немного побаивались и с глубокой скорбью шли за его гробом. Сколько помнится, Соловьев читал на третьем курсе общий обзор истории древней Руси, на четвертом — более подробный курс русской истории XVIII в. В 1863 г., когда я начал его слушать, это был цветущий 42-летний человек. Не помню теперь, почему мне не пришлось послушать его ни разу до третьего курса; кажется, потому, что его лекции совпадали с лекциями Ф. И. Буслаева или Г. А. Иванова, которых мы не пропускали. На третьем курсе студент уже перестает блуждать по аудиториям с бездонным вниманием и вечно раскрытым ртом, вбирающим все, что ни попадется ему питательного по пути. Он уже становится несколько разборчив во впечатлениях и знаниях, начинает понимать удовольствие «свое суждение иметь» и даже покритиковать профессора. По аудиториям, театрам, заседаниям ученых обществ он уже довольно набрался впечатлений; пружина восприимчивости от усиленного нажима несколько поослабла и погнулась, и, пользуясь этим, из-под нее все с большим напряжением выступает прижатая дотоле другая сила — потребность разобраться в воспринятом, задержать и усвоить набегающие впечатления, пропитать их собственным духом — словом, он начинает чувствовать себя хозяином своего я и в состоянии уже ухватить себя за свои собственные усы.

В момент этого перелома начали мы слушать Соловьева. Обыкновенно мы уже смиренно сидели по местам, когда торжественной, немного раскачивающейся походкой, с откинутым назад корпусом вступала в *словесную* *внизу* высокая и полная фигура в золотых очках, с необильными белокурыми волосами и крупными пухлыми чертами лица без бороды и усов, которые выросли после. С закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед, не спеша, низким регистром своего немного жирного баритона начинал он говорить свою лекцию и в продолжение 40 минут редко поднимал тон. Он именно *говорил*, а не *читал*, и говорил отрывисто, точно резал свою мысль тонкими удобоприемлемыми ломтиками, и его было легко записывать, так что я, по поручению курса составлявший его лекции, как борзописец, мог записывать его чтения слово в слово без всяких стенографических приспособлений. Сначала нас смущали эти вечно закрытые глаза на кафедре, и мы даже не верили своему наблюдению, подозревая в этих опущенных ресницах только особую манеру смотреть; но много после на мой вопрос об этом он признался, что действительно никогда не видел студента в своей аудитории.

При отрывистом произношении речь Соловьева не была отрывиста по своему складу, текла ровно и плавно, пространными периодами с придаточными предложениями, обильными эпитетами и пояснительными синонимами. В ней не было фраз: казалось, лектор говорил первыми словами, ему попадавшимися. Но нельзя сказать, чтобы он говорил совсем просто: в его импровизации постоянно слышалась ораторская струнка; тон речи всегда был несколько приподнят. Эта речь не имела металлического, стального блеска, отличавшего, например, изложение Гизо, которого Соловьев глубоко почитал как профессора. Чтение Соловьева не трогало и не пленяло, не било ни на чувства, ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете. Вслушиваясь в это, как бы сказать, говорящее размышление, мы старались ухватиться за нить развиваемых перед нами мыслей и не замечали слов. Я бы назвал такое изложение прозрачным. Оттого, вероятно, и слушалось так легко: лекция Соловьева далеко не была для нас развлечением, но мы выходили из его аудитории без чувства утомления.

Легкое дело — тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжелое дело, у кого это не делается как-то само собой, как бы физиологически. Слово — что походка: иной ступает всей своей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на цыпочках, а под ним пол дрожит. У Соловьева легкость речи происходила от ясности мысли, умевшей находить себе подходящее выражение в слове. Гармония мысли и слова — это очень важный и даже нередко роковой вопрос для нашего брата преподавателя. Мы иногда портим свое дело нежеланием подумать, как надо сказать в данном случае, корень многих тяжких неудач наших — в неуменье высказать свою мысль, одеть ее как следует. Иногда бедненькую и худенькую мысль мы облечем в такую пышную форму, что она путается и теряется в ненужных складках собственной оболочки и до нее трудно добраться, а иногда здоровую, свежую мысль выразим так, что она вянет и блекнет в нашем выражении, как цветок, попавший под тяжелую жесткую подошву. Во всем, где слово служит посредником между людьми, а в преподавании особенно, неудобно как переговорить, так и недоговорить. У Соловьева слово было всегда по росту мысли, потому что в выражении своих мыслей он следовал поговорке: сорок раз примерь и один раз отрежь. Голос, тон и склад речи,

манера чтения — вся совокупность его преподавательских средств и приемов давала понять, что все, что говорилось, было тщательно и давно продумано, взвешено и измерено, отвесно от всего лишнего, что обыкновенно пристаёт к зреющей мысли, и получило свою настоящую форму, окончательную отделку. Вот почему его мысль чистым и полновесным зерном падала в умы слушателей.

Гармония мысли и слова! Как легко произнести эти складные слова и как трудно провести их в преподавании! Думаю, что возможность этого находится за пределами преподавательской техники, нашей дидактики и методики, и требует чего-то большего, чего-то такого, что требуется всякому человеку, а не преподавателю только. Студенты, как известно, обладают особым чутьем профессорской подготовки: они очень быстро угадывают, излагает ли им преподаватель продуманные и проверенные знания, хорошо выдержанные и устоявшиеся воззрения или только вчерашние приобретения своего ума, сырые мысли, если можно так выразиться. Слушая Соловьева, мы смутно чувствовали, что с нами беседует человек, много и очень много знающий и подумавший обо всем, о чем следует знать и подумать человеку, и все свои передуманные знания сложивший в стройный порядок, в цельное мирозерцание, чувствовали, что до нас доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена над самим собой этим человеком и которую должно рано или поздно исполнить над собой каждому из нас, если он хочет стать настоящим человеком. Этим особенно и усиливалось впечатление лекций Соловьева: его слова представлялись нам яркими строками на освещенном изнутри фонаре. Оно и понятно: студенту старших семестров уже виднеется жизненный путь, на который ему придется вступить по окончании учебных годов, и он уже без студенческой беззаботности и самоуверенности начинает раздумывать, как-то вступит он на этот скользкий путь и какой походкой пойдет по нему. В этом раздумье он уже с деловым, не праздным любопытством и с молчаливым уважением присматривается и прислушивается к тем из старших, которые идут по этому пути твердыми прямыми шагами, с твердым и ясным взглядом на людей и на вещи. После, став ближе к Соловьеву и начав готовиться к профессуре под его руководством, я получил некоторую возможность следить за непрерывной, строго размеренной и разнообразной работой неутомимого ума, и я понял, как вырабатывается и во что обходится эта гармония мысли и слова. Чего

только он не знал, не читал, чем не интересовался и о чем не думал! Он внимательно и с удивительной экономией досуга следил за иностранной литературой по географии, по всему кругу наук исторических и политических, как и за текущими международными отношениями. Прочитать дельную книжку какого-нибудь французского, немецкого или английского путешественника по Индии или Центральной Африке было для него наслаждением, которым он спешил поделиться с близкими людьми. Я уже не говорю о русской литературе, о русских делах и отношениях. Помню, я посетил его незадолго до смерти, когда приговор жизни был уже произнесен и исход болезни определен. С третьего слова он спросил меня: «А что новенького в литературе по нашей части? Давно ничего не читал».—Я встречал немного таких образованных и деятельных умов, а судьба нередко и незаслуженно дарила меня счастьем встречаться с образованными и мыслящими людьми.

Я не решаюсь сказать, входила ли русская история центральной составной частью в состав этого цельного и широкого мирозерцания. Я не решаюсь на это потому, что знаю, как много места занимали в выработке этого мирозерцания общие вопросы религии и науки. Я могу только утверждать, что на русскую историю он положил всего больше своего научного труда. Но я не говорю об его *«Истории России»*, о нем как об ученом: это вопрос русской историографии, одна из страниц истории русского просвещения, и таких страниц, на которых с отрадой будет всегда останавливаться и раздумывать мыслящий русский человек. Вы позволили мне занять теперь ваше благосклонное внимание беседой о профессорском преподавании Соловьева, об его университетском курсе русской истории. Вместе с другими учениками Соловьева я часто докучал ему просьбой издать этот курс в какой-либо из тех редакций, в каких он излагал его из году в год с университетской кафедры; и я до сих пор не могу понять, почему он не сделал этого, даже неохотно вел разговор об этом. С ним вообще трудно было завести речь об его сочинениях; сам он был до несправедливости скромного о них мнения, и отзываться о них с похвалой в его присутствии значило сделать ему неприятность. Ему и говорили об издании курса только как о его профессорской обязанности, даже прибегали к такому изысканному соображению, что его курс вовсе и не принадлежит ему одному, не есть его личное дело, что это беседа профессора со студентами, следовательно, совместная работа прс-

фессора и его аудитории. Он называл это плохим софизмом, не стоящим и пяточка, и прекращал разговор об этом. Прибавлю в пояснение, что Соловьев очень любил остроты и при всяком удачном словце, при нем сказанном, шарил у себя в кармане со словами: «Ах, жаль, пяточка не случилось!» Конечно, превосходная первая глава XIII тома его *«Истории»*, содержащая в себе общий обзор хода древней русской истории, вместе со статьями общего характера, напечатанными в посмертном издании некоторых сочинений С. М. Соловьева, каковы *«Начало Русской земли»*, *«Древняя Россия»*, *«Исторические письма»* и др., дают некоторую возможность читателю представить себе содержание и даже характер этого общего курса. В этих статьях есть все, что проводилось и развивалось в курсе; но для читателя останутся неуловимы концепция содержания и впечатление изложения, а в преподавании это — главное, если не все. Соловьев давал слушателю удивительно цельный, стройный нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов взгляд на ход русской истории, а известно, какое наслаждение для молодого ума, начинающего научное изучение, — чувствовать себя в обладании цельным взглядом на научный предмет. В курсе Соловьева эта концепция и это впечатление были тесно связаны с одним приемом, которым легко злоупотребить, но который в умелом преподавании оказывает могущественное образовательное влияние на слушателя. Обобщая факты, Соловьев вводил в их изложение осторожной мозаикой общие исторические идеи, их объяснявшие. Он не давал слушателю ни одного крупного факта, не озарив его светом этих идей. Слушатель чувствовал ежеминутно, что поток изображаемой перед ним жизни катится по руслу исторической логики; ни одно явление не смущало его мысли своей неожиданностью или случайностью. В его глазах историческая жизнь не только двигалась, но и размышляла, сама оправдывала свое движение. Благодаря этому курс Соловьева, излагая факты местной истории, оказывал на нас сильное методологическое влияние, будил и складывал историческое мышление: мы сознавали, что не только узнаем новое, но и понимаем узнаваемое, и вместе учились, как надо понимать, что узнаем. Ученическая мысль наша не только пробуждалась, но и формировалась, не чувствуя на себе гнета учительского авторитета: думалось, как будто мы сами додумались до всего того, что нам осторожно подсказывалось.

Эти общие идеи, которыми перевивались факты рус-

ской истории, могут показаться элементарными; но их необходимо продумать на университетской скамье, и только тогда они становятся такими элементарными. С двух сторон Соловьев освещал излагаемые им исторические факты: одну из них можно назвать прагматической, другую — моралистической. Настойчиво говорил и повторял он, где нужно, о связи явлений, о последовательности исторического развития, об общих его законах, о том, что называл он необычным словом — *историчностью*. Вы думаете, легкое дело — растолковать сидящему на школьной скамье понятие об основах людского общежития, об историческом процессе, о закономерности исторической жизни! Я встречал взрослых и по-своему умных людей, которым никак не удавалось усвоить себе самую идею исторического процесса. У Соловьева сравнения, аналогия жизни народов с жизнью отдельного человека, отвлеченные аргументы и, наконец, его столь известная и любимая фраза *естественно и необходимо*, повторявшаяся при всяком случае, как припев, — все врезывало в сознание слушателя эту идею исторической закономерности. С другой стороны, — да не покажется нам это странным — Соловьев был историк-моралист: он видел в явлениях людской жизни руку исторической Немезиды, или, приближаясь к языку древнерусского летописца, *знамение правды божией*. Я не вижу в этом научного греха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственною стороною, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия. Соловьев был историк-моралист в том простом смысле, что не исключал из сферы своих наблюдений мотивов и явлений нравственной жизни. Кто из слушателей Соловьева не запомнил на всю жизнь этих нравственных комментариев, что «общество» может существовать только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему, что уже первоначальное, естественное общество человеческое, семейство, основано на жертве, ибо отец и мать перестают жить для самих себя, что общество тем крепче, чем яснее между его членами сознание, что основа общества есть «жертва», что «европейское качество всегда торжествовало над азиатским количеством» и что это качество состоит в «перевесе сил нравственных над материальными», что величие древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в

положение лучшее посредством просвещения. Все это, повторяю, довольно элементарно, но все это должно быть продумано на студенческой скамье и только на ней может быть продумано как следует.

В детстве, помню, где-то я видел старинные колонны, обвитые вьющимся растением. Свежая жизнь бежала по холодному мрамору старины и так стройно обвивала его, что мне казалось, будто эти вьющиеся побеги растут из самого мрамора. Когда я вслушивался, как Соловьев перевивал факты нашей истории общими историческими идеями, своею прагматикой и моралистикой, мне не раз вспоминались эти старые колонны с обвивающими их побегами вьющегося растения, и мне думалось, что эти идеи органически вырастали из объясняемых ими фактов.

Вот что счел я небесполезным в день памяти Соловьева припомнить об его университетском преподавательстве. Сколько знаю, Соловьев никогда не был учителем среднеучебного заведения; он везде, где преподавал, был профессором. Но его университетский курс помогает уяснить отношение гимназического преподавания истории к университетскому. Мы знаем разницу между тем и другим; но у того и другого есть и точка соприкосновения. Неудобно профессорствовать, читать лекцию в *классе*; неудобно и сказывать урок в *аудитории*: в первом случае гимназист преждевременно забегает в настроение студента, во втором студент огорчается своим невольным возвращением в положение гимназиста. Учитель истории рассказывает ученикам, что *было*; профессор рассуждает со студентами, что это былое *значило*. Но Соловьев так *рассуждал* со студентами о былом, что они живо представляли себе, как это происходило; желательно, чтобы учитель так *рассказывал* о былом, чтобы ученикам хотелось *рассуждать* о том, что оно значило. Выражу так это отношение, не умея выразить его удачнее.

ПАМЯТИ С. М. СОЛОВЬЕВА

(умер 4 октября 1879 г.)

Двадцать пять лет прошло со дня кончины С. М. Соловьева. Смерть застала историка за XXIX томом его *«Истории России с древнейших времен»* и прервала его тридцатилетний труд на полуфразе.

Когда стало известно, что работа, столько лет привлекавшая к себе внимание образованного русского общества, остановилась навсегда, что замерла энергия, ее двигавшая, первым побуждением было воздать должное покойному ученому, оценить, что сделал он своим многолетним трудом для науки, для изучения русской истории, для национального самопознания. Время строго проверяет чувства и суждения. Двадцать пять лет — достаточно продолжительный срок для проверки. Пишущий эти строки, которому досталась ответственная честь стать преемником С. М. Соловьева по кафедре, под первым впечатлением понесенной утраты написал несколько внушенных чувством ученика строк о характере почившего историка и значении его труда. Перечитав написанное четверть века спустя, автор не нашел преувеличения, к какому обыкновенно располагает еще не закрытая могила. Скорее напротив: черты кажутся бледными и неполными, взгляд недостаточно широким. Этим впечатлением оправдывается решимость предложить вниманию читателя этот спешный коротенький очерк, анонимно помещенный в давно прерванном издании. По нему можно отчасти судить, как значение этих 29 томов *«Истории России»* уяснялось и

росло по смерти историка, разрушая опасения и его собственные предсказания, что громадная книга будет скоро снята со стола и забыта.

I

...Биография и историческая критика спокойно и на досуге опишут его жизнь и характер, изобразят ход и значение его учено-литературной деятельности, его образ мыслей и убеждения, его взгляд на исторические судьбы России. Под не остывшим еще впечатлением тяжелой утраты попытаемся припомнить хотя только наружные, самые поверхностные черты его как ученого.

Соловьев рано стал и до конца жизни остался ученым. Он умер, не дожив до конца своего 60-го года; но имя его уже 34 года известно в русской ученой литературе. Его деятельность в эти 34 года была разделена между архивами, университетской аудиторией и письменным столом его кабинета. Он удивительно много и правильно работал и на успехи русской исторической науки имел влияние, которое пока трудно еще оценить достаточно. С 1845 г., когда появилось его первое исследование по русской истории, и до последней строки, им написанной незадолго до смерти, он работал в одном направлении, которое прямо или косвенно отразилось на ходе всей русской исторической литературы. В движении русской историографии это время можно смело обозначить именем Соловьева: живущие ныне писатели, вместе с ним наиболее поработавшие над историей своего Отечества, охотно согласятся с этим. Вооружившись приемами и задачами, выработанными исторической наукой первой половины нашего века, он первый пересмотрел всю массу исторического материала, оставшегося от жизни русского народа с половины IX до последней четверти XVIII в., связав одной мыслью разорванные лоскуты исторических памятников, и вынес на свет всю наличность уцелевших фактов нашей истории.

Есть и будут десятки трудолюбивых исследователей русского прошедшего, которые останавливаются и будут останавливаться на том или другом факте дольше Соловьева, изучают и будут изучать то или другое явление подробнее, чем изучал он; но каждый из них, чтобы идти прямо и твердо в своей работе, должен начинать с того, чем кончил Соловьев свою речь о том же, и он, как маяк, еще долго будет служить первым указателем пути даже для тех, кто далеко разойдется с ним в своих последних

выводах. В 1851 г. вышел первый том его *«Истории России»*, и с тех пор каждый год читатель получал новый том в урочное время с точностью, которой не могла победить даже предсмертная болезнь автора: умирая, он сдал XXIX том в типографию почти законченным; перо выпало из руки недалеко от предполагаемого конца книги—описания казни Пугачева. Никогда прежде в продолжение почти трех десятилетий в нашу историческую литературу не вливалось так последовательно, такой непрерывной струей столько свежих знаний. После продолжительного и трудного пути повествователь подходил уже к порогу нашего века; жизнь одного поколения отделяла его от времени наших отцов, когда оборвалась нить его повести и его жизни. Он напоминает своей деятельностью нашего древнего колонизатора, который, отыскав протоптанную тропу по опушке дремучего леса, первый отважился продолжить ее в не пройденную никем глубь и упал, когда уже стал показываться просвет с другой стороны чащи.

Сам историк очень спокойно смотрел на значение труда, которому он отдал 30 лучших лет своей жизни. Задолго до смерти он высказывал уверенность, что в недалеком будущем напишут историю России лучше его; за собой он удерживал только заслугу первой тяжелой расчистки пути, первой обработки сырого материала. Но по многим причинам 29 томов его *«Истории»* не скоро последуют в могилу за своим автором. Даже при успешном ходе русской исторической критики в нашем ученом обороте надолго удержится значительный запас исторических фактов и положений в том самом виде, как их впервые обработал и высказал Соловьев: исследователи долго будут их черпать прямо из его книги, прежде чем успеют проверить их сами по первым источникам. Еще важнее то, что Соловьев вместе с огромным количеством прочно поставленных фактов внес в нашу историческую литературу очень мало ученых предположений. Трезвый взгляд редко позволял ему переступать рубеж, за которым начинается широкое поле гаданий, столь удобное для игры ученого воображения. При недостатке твердых оснований Соловьев скорее готов был обойти вопрос, подвергаясь упрекам критики, чем решить его какой-либо остроумной догадкой, которая поселила бы самодовольную уверенность, что вопрос покончен, или легла бы лишним камнем на пути для других исследователей. Вот почему от такой продолжительной и быстрой работы над неопрытым, неочищенным материалом у Соловьева оста-

лось так мало *ученого сора*. Найдут разные недостатки в его огромном труде; но нельзя упрекнуть его в одном, от которого всего труднее освободиться историку: никто меньше Соловьева не злоупотреблял доверием читателя во имя авторитета знатока.

Это был ученый со строгой, хорошо воспитанной мыслью. Черствой правды действительности он не смягчал в угоду патологическим наклонностям времени. Навстречу фельетонным вкусам читателя он выходил с живым, но серьезным, подчас жестким рассказом, в котором сухой, хорошо обдуманный факт не приносился в жертву хорошо рассказанному анекдоту. Это создало ему известность *сухого* историка. Как относился он к публике, для которой писал, так же точно относился он и к народу, историю которого писал. Русский до мозга костей, он никогда не закрывал глаз, чтобы не видеть темных сторон в прошедшем и настоящем русского народа. Живее многих и многих патриотов чувствовал он великие силы родного народа, крепче многих верил в его будущее; но он не творил из него кумира. Как нельзя больше был он чужд того грубого пренебрежения к народу, какое часто скрывается под неумеренным и ненужным воспеванием его доблестей или под высокомерным и равнодушным снисхождением к его недостаткам. Он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему, и считал его слишком взрослым, чтобы под видом народной истории сказывать ему детские сказки о народном богатырстве.

Истории Соловьев не ронял до памфлета. Он умел рассматривать исторические явления данного места и времени независимо от временных и местных увлечений и пристрастий. Его научный исторический кругозор не ограничивался известными градусами географической широты и долготы. Изучая крупные и мелкие явления истории одного народа, он не терял из вида общих законов, правящих жизнью человечества, коренных оснований, на которых строятся людские общества. Мыслитель скрывался в нем за повествователем; его рассказ развивался на историко-философской основе, без которой история становится забавой праздного любопытства. Оттого исторические явления стоят у него на своих местах, освещены естественным, а не искусственным светом; оттого в его рассказе есть внутренняя гармония, историческая логика, заставляющая забывать о внешней беллетристической стройности изложения.

Широта исторического взгляда была отражением широты его исторического образования. В области русской

истории трудно быть специалистом более Соловьева. Не много будет после него ученых, которым удастся так последовательно и полно изучить источники нашей истории. Но Соловьев не закапывался в свою специальность. В этом отношении он — поучительный образец, особенно для занимающихся отечественной историей, между которыми часто проявляется склонность уединяться в своей цеховой келье. Первый мастер своего дела, Соловьев хранил в себе хорошие свойства ученых старого времени, когда научные специальности еще не расходились между собою так далеко, как разошлись они теперь. Образцовые произведения исторической и политической литературы Европы со времени Геродота и до наших дней он изучал в подлинниках и знал превосходно. Библейские книги были ему знакомы, как древние русские летописи. Знатоки поражались внимательностью, с какой он следил за текущей иностранной литературой по истории, географии, этнографии и другим смежным отраслям знания; для них остается неразрешимой загадкой, где находил время для этого человек, с такой педантической точностью исполнявший свои служебные обязанности, постоянно писавший в периодических изданиях и ежегодно издававший новый том *«Истории России»*. В минуты отдыха он особенно охотно говорил о какой-нибудь замечательной литературной новости, иностранной или русской, часто очень далекой от предмета его текущих специальных занятий. Феноменально счастливая память помогала этой безудстанной работе. Казалось, эта память не умела забывать, как мысль, которой она служила, не умела уставать. Наблюдатель, изучив свойства его таланта, образ его мыслей, круг его интересов, наконец с недоумением останавливался перед самым устройством его ума: оно поражало его, как редкий ученый механизм, способный работать одинаково спокойно и правильно бесконечное число часов, перерабатывая самый разнообразный материал. Он знал тайну искусства удвоить время и восстанавливать силы простой переменой занятий. Ни годы, ни житейские тревоги, ни физический недуг не могли ослабить живости его умственных интересов. Прошедшим летом, прикованный болезнью к креслу, он не мог оторваться от только что изданной переписки Погодина со славянскими учеными и знакомым, пришедшим навестить больного и напрасно усиливавшимся сдерживать его участие в разговоре, передавал свои воспоминания о Шафарике и народно-литературном движении среди чехов сороковых годов с живостью недавнего впечатления, хотя прошло

уже 37 лет с тех пор, как он был в Праге. Вслед за тем показал он только что полученный выпуск географического труда Реклю, где помещен рисунок старинного деревянного храма в Норвегии, близко напоминающего своей архитектурой московский храм Василия Блаженного, готов был без конца рассуждать о происхождении и значении этого сходства. Недели за три до смерти голосом, которого уже не хватало на окончания слов, он еще спрашивал посетителя: не вышло ли чего новенького по нашей части? Интерес знания еще живо горел, когда гасла физическая жизнь.

Эта энергия умственных интересов поддерживалась единственно нравственной бодростью и не знала тех искусственных возбуждений, которые приходят со стороны на помощь писателю. Соловьев никогда не заблуждался насчет количества читателей своей книги; он даже преувеличивал равнодушие к ней публики. Говоря об увеличивающемся спросе на книгу, о необходимости новых изданий разных ее томов, он объяснял это исключительно заглавием своего труда и размножением казенных и общественных библиотек, которым надобно же иметь на полках *«Историю России с древнейших времен»*. Но он принадлежал к числу людей, готовых проповедовать в пустыне. Для Соловьева книга его была задачей жизни, а для таких людей задача жизни имеет значение иноческого обета.

Его нравственный характер очень поучителен. Готовый поступиться многим в своей теории родовых княжеских отношений на Руси ввиду достаточных оснований, Соловьев не допускал сделок в нравственных отношениях; осторожный в решении научных вопросов, он был решителен в вопросах нравственных, потому что основные правила, которыми он руководился при решении этих последних вопросов, имели в его сознании значение не теории, а простой математической аксиомы. Это был один из тех характеров, которые вырубаются из цельного камня; они долго стоят прямо и твердо и обыкновенно падают вдруг, подточенные не столько временем, сколько непогодой.

II

Все это бледно, неполно, поверхностно. Сказать это теперь — значит сказать слишком мало. К двадцать пятой годовщине смерти историка стало ясно и общепризнано многое, что лишь смутно предчувствовалось или чаялось

при гробе. Большое компактное издание «Истории» в шести полновесных книгах, начатое в 1893 г., стало быстро расходиться, и три года спустя, когда явился подробный указатель к этим книгам, первые три книги вышли уже вторым изданием. Труд жил, продолжал свою работу и по смерти автора. К нему обращался образованный читатель, желавший расширить, упорядочить и освежить идеями и конкретными впечатлениями свои познания по русской истории. Работой над неисчерпаемым запасом данных, почерпнутых из первых, часто нетронутых источников, фактов, обдуманно подобранных и прагматически истолкованных, начинало пробу своей мысли уже не одно поколение молодых ученых, приступавших к научному изучению нашего прошлого. Целый ряд специальных исследований, посвященных ученой разработке отдельных фактов, эпизодов, учреждений, источников нашей истории, шел от положений, изложенных в «Истории России», в ней искал первых руководительных указаний и ею же проверял свои выводы и открытия, даже когда частично пополнял и поправлял ее. В популярных изложениях русской истории нередко сквозят материал, фон, мысли и краски, данные тем же произведением. Широкие обобщения и сопоставления, стереотипные положения о естественности и необходимости исторических явлений, о закономерности в истории, параллели между личной, индивидуальной и массовой народной жизнью — такие общие исторические идеи, которыми Соловьев любил, как световыми полосками, прокладывать в своем изложении фон исторической жизни, оказывали формирующее действие на мышление русского читателя, еще не отвыкшего мешать историю с анекдотом, мирили его с мыслью, что и в истории есть своя таблица умножения, свое непререкаемое *дважды два*, без которого немислимо никакое историческое мышление, невозможно даже никакое людское общежитие.

Все это было признано и ценилось еще при жизни историка. Теперь, отдаленные от него таким пространством времени, можем ввести в его оценку еще один мотив: к признанию того, что им сделано для русской истории, можно присоединить сожаление о том, что преждевременная смерть помешала ему сделать. В минуту смерти речь об этом могла показаться неуместной жалобой; через 25 лет такое сожаление — спокойно грустное воспоминание о научной потере, которая для русской историографии осталась доселе невознагражденной.

Эта утрата ближайшим образом касалась русской

истории XVIII в. В *«Истории России»* этот век впервые вскрывался во всей полноте своего не тронутого наукой содержания и в непрерывной, тщательно выясненной преемственной связи с его *девятью* предшественниками. Уже три четверти столетия были пройдены историком, пером и словом которого более 30 лет возбуждалось и поддерживалось внимание русского читающего общества и учащегося юношества к своему прошлому. Тогда уже привыкли думать: еще несколько лет, еще немного усилий неутомимого труда, и этот век, русский XVIII век, столь важный в судьбах нашего Отечества, исполненный столь громких дел, вызвавший столько шумных и разноречивых толков своими грехами и успехами, наконец предстанет перед читателем в цельном научном изображении.

В XIII томе *«Истории России»*, где изложены царствование Федора Алексеевича и следовавшая за смертью этого царя московская Смута 1682 г., автор поставил рядом с общим заглавием своего труда другое, частное, повторенное и в дальнейших пяти томах до смерти Петра Великого: *«История России в эпоху преобразования»*. Большую половину XII тома занимает предпосланная царствованию Федора вводная глава, в которой за общим обзором хода древней русской истории следует превосходное изображение состояния России перед эпохой преобразования. Таким образом, на 1676 г., когда началось царствование Федора, сам историк провел раздельную черту между древней и новой Россией. Этот XIII том появился в 1863 г. Семнадцать лет писал Соловьев новую русскую историю. Быстро развившаяся болезнь остановила работу, которая по возрасту автора могла бы продолжаться еще немало лет. Неоконченный XXIX том, изданный по смерти историка в 1879 г., доводит обзор внешней политики до 1774 г., когда был заключен мир с Турцией в Кучук-Кайнарджи, а в описании внутреннего состояния России прерывается на делах 1772 г., перед самым мятежом Пугачева, казнь которого (в январе 1775 г.) предположено было закончить этот том. Соловьев признавался, что не рассчитывает вести свой труд дальше царствования Екатерины II. Рассказ о нем начат в XXV томе. Если первые 12 лет деятельности этой императрицы потребовали пяти томов, то на остальные 22 года необходимо было не менее шести. И если бы плану историка суждено было осуществиться, читатель получил бы громадный исторический труд в 35 томах, из коих 23 были бы посвящены изображению всех 120 лет нашей новой истории, с последней четверти XVII до последних лет XVIII в. Так *«Исто-*

рия *России*», по замыслу автора,—собственно история новой России, подготовляемой к преобразованию, преобразуемой и преобразованной, и первые 12 томов труда—только пространное введение в это обширное повествование о петровской реформе.

Дело биографии—рассказать о редко удающемся совмещении в одном лице качеств, которым удивлялись в Соловьеве, такой научной подготовки, широты исторического взгляда, любви и способности к непрерывной умственной работе, умения беречь время, силы воли, наконец, такого запаса физических сил, личных условий, встреча которых сделала возможным создание *«Истории России»*. Оглядываясь на этот труд на расстоянии 25 лет от минуты, навсегда его прервавшей, невольно останавливаешься мыслью на его отношении к своему времени, спрашиваешь себя, что он давал своему времени и что воспринимал от него. Это довольно сложный вопрос, относящийся к истории нашего общества, просвещения, нашего общественного самосознания. Было бы опрометчиво входить в разбор такого вопроса в воспоминании *по случаю*, но позволительно сделать некоторые сопоставления.

Первые томы *«Истории России»* появлялись в то время, когда в русском литературном мире, не в литературе и не в обществе, а именно в кругу людей, близко стоявших к литературе, но в ней вполне не высказывавшихся, боролись два взгляда на наш XVIII век, собственно на петровскую реформу, наполнявшую его собой и своими разносторонними последствиями. Это очень известные взгляды сороковых и пятидесятих годов прошлого столетия. Люди, смотревшие одним из этих взглядов, видели в реформе Петра пробуждение России, поднятой на ноги толчком могучей руки преобразователя, который, призвав на помощь средства западно-европейской цивилизации, вывел Россию из ее векового культурного застоя и бессильного одиночества и заставил развивать свои мощные, но дремавшие силы в общечеловеческой жизни, в прямом общении с образованным европейским миром. Другие находили, что в последовательном и самобытном движении нашей народной жизни реформа Петра произвела насильственный перерыв, сбивший ее с прямой исторической дороги в чужую сторону, убивший зачатки ее самобытного развития чуждыми формами и началами, навязанными ей гениальным капризом. Смотря на дело с противоположных точек зрения, пользуясь для наглядного выражения своих взглядов образами, взятыми из

различных порядков явлений, обе стороны сходились в одном основном положении: обе признавали, что реформа Петра была глубоким переворотом в нашей жизни, изменившим русское общество сверху донизу, до самых его корней и основ; только одна сторона считала этот переворот великой заслугой Петра перед человечеством, а другая — великим несчастьем для России.

Читающее русское общество относилось к борьбе обеих сторон не безучастно, но довольно эклектично, выбирая из боровшихся мнений, что кому нравилось, охотно слушало речи одних о самобытном развитии скрытых сил народного духа, одобряло и суждения других о приобщении к жизни культурного человечества. Притом новое время наступало, принося новые потребности и заботы, поворачивая прошедшее другими сторонами, с которых не смотрели на него ветераны обоих лагерей, возбуждая вопросы, не входившие в программу старого спора о древней и новой России. Начиналась генеральная переверстка мнений и интересов, предвиделся общий пересмотр застоявшихся отношений. Среди деловых людей крепла мысль, что все равно, пошла ли русская жизнь с начала XVIII в. прямой или кривой дорогой, что это вопрос академический; существенно важно лишь то, что полтора столетия спустя она шла очень вяло, нуждалась в обновлении и поощрении. Умы стали практичнее относиться к вопросу о месторождении форм и начал жизни; многие становились на ту точку зрения, что, пусть известные формы и начала и не совсем самородны по происхождению, лишь бы они вызвали к действию дремлющие или опустившиеся народные силы, помогли справедливо развязать запутавшиеся узлы общественных отношений. Во всяком случае можно безобидно сказать, что в начале шестидесятых годов прошлого столетия в нашем обществе не существовало прочно установившегося, господствующего взгляда на ход и значение нашей истории в последние полтора века. В это время, в пору сильнейшего общественного возбуждения и самых напряженных ожиданий, в самый разгар величайших реформ, когда-либо испытанных одним поколением, в год издания Положения о земских учреждениях и Судебных уставов 20 ноября, Соловьев издал XIV том своей *«Истории России»*, в котором начал рассказ о царствовании Петра после падения царевны Софьи и описал первые годы XVIII в.

Казалось, редко работа историка так совпадала с текущими делами его времени, так прямо шла навстречу нуждам и запросам современников. Соловьеву пришлось

описывать один из крутых и глубоких переломов русской жизни в те именно годы, когда русское общество переживало другой такой же перелом, даже еще более крутой и глубокий во многих отношениях. И однако, то время нельзя признать особенно благоприятным для развития в обществе интереса к отечественной истории. Общий подъем настроения, конечно, давал историку много сильных возбуждений, много наблюдений, пригодных для исторического изучения, а начавшаяся многосторонняя перестройка быта располагала к историческим справкам, задавала вопросы, усиленно побуждавшие искать указаний в опыте прошедшего. Это сказалось в сильном оживлении русской исторической литературы, в появлении ряда монографий, имевших прямую связь с текущими вопросами, с готовившимися или совершавшимися переменами в положении крестьян, в судеустройстве и местном управлении. Но самому обществу было, по-видимому, не до опытов прошедшего: внимание всех было слишком поглощено важностью настоящего и надеждами на ближайшее будущее. При первых успехах преобразовательного движения в обществе возобладало немного благодушное настроение, покоившееся на уверенности, что дело решено бесповоротно и пойдет само собой, лишь бы не мешали его естественному ходу, силе вещей. При таком настроении не любят оглядываться. Чего можно искать в темном прошедшем, когда в приближавшейся дали виднелось такое светлое будущее? При виде желанного берега охотнее считают, сколько узлов осталось сделать, чем сколько сделано. Оптимизм так же мало расположен к историческому размышлению, как и фатализм.

И дела пошли своим естественным ходом: порывы сменялись колебаниями, уверенность уступала место унынию. Стороннему наблюдателю Россия представлялась большим кораблем, который несется на всех парусах, но без карт и компаса. От появления случайностей, недостаточно предусмотренных, от преемственной смены подъемов и понижений духа в общественном сознании наконец отложилось одно несколько выяснившееся историческое представление, что русская жизнь безвозвратно сошла со своих прежних основ и пробует стать на новые. Тогда русская история опять разделилась на две неравные половины: дореформенную и реформированную, как прежде делилась она на допетровскую и петровскую, или древнюю и новую. Решив, что Россия сошла со старых основ своей жизни, в обществе по этому решению настроили свое историческое мышление. Так явилась

новая опора для равнодушия к отечественному прошлому. Еще недавно думали: зачем оглядываться назад, когда впереди так много дела и так светло? Теперь стали думать: чему может научить нас наше прошлое, когда мы порвали с ним всякие связи, когда наша жизнь бесповоротно перешла на новые основы?

Но при этом был допущен один немаловажный недостаток. Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу. Эту встречную работу прошлого замечали, негодовали на нее, но ее недостаточно строго учитывали, считали только временным неудобством или следствием несовершенства человеческой природы. Скорбели, видя, как исполнительные органы, подобно старым дьякам московских приказов, клавшим в долгий ящик указы самого царя Алексея Михайловича, замедляли исполнение или изменяли смысл и направление актов верховной власти, внушенных доверием к разуму и нравственному чувству народа. Негодовали на консервативную пугливость людей, которые в неосторожной вспышке незрелой политической мысли или в мужественном презрении противозаконных, но обычных околичностей видели подкоп под вековые основы государственного порядка и испуганно обращались по принадлежности со стереотипным предостережением, *caveant consules*, а это значило в переводе, чтобы опасность была предотвращена соответственным испугу градусом восточной долготы. Образованные и состоятельные классы, обязанные показать своим поведением, как следует переходить со старых основ жизни на новые, выставляли из своей среды деятелей, являвшихся в уголовных отделениях новообразованных окружных судов печально-убедительными показателями уровня, на каком покоились их нравы. При таких примерах слишком взыскательное отношение к тому, как только что вышедшие на волю крестьяне понимали и практиковали дарованное им сословное самоуправление, было бы общественной несправедливостью.

При своей замкнутой жизни и строго размеренной работе Соловьев внимательно и чутко следил за важными событиями того тревожного времени, волнуясь и негодуя на все, что мешало успехам преобразовательного движения. В журнальных статьях он по временам отзывался на текущие вопросы, занимавшие русское общество. Достаточно вспомнить хотя бы его «*Исторические письма*» 1858 г., начинающиеся указанием на то, как много жизнь требует от науки, как много объяснений требует

настоящее от прошедшего. Здесь же он высказал и свой взгляд на отношение науки к жизни. «Жизнь,—писал он,—имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни; но польза от этого решения для жизни будет только тогда, когда, во-первых, жизнь не будет торопить науку решить дело как можно скорее, ибо у науки сборы долги, и беда, если она ускорит эти сборы, и, во-вторых, когда жизнь не будет навязывать науке решение вопроса, заранее уже составленное вследствие господства того или другого взгляда; жизнь своими движениями и требованиями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нее».

Все знали, что историк—сторонник одного из указанных выше взглядов, что он даже один из самых убежденных и сильных его защитников в нашей исторической литературе. Но с каждым дальнейшим томом читателю становилось все яснее, что изображение реформы делается не под исключительным углом зрения, какой установлен был взглядом его стороны, что, не изменяя основным ее воззрениям, он значительно преломляет их, исправляя и углубляя привычные суждения. В пяти томах, посвященных собственно деятельности Петра, и потом во всех дальнейших читатель встречает полное изображение реформы с многообразными последствиями и связями, какие соединяли с ней все явления нашей внешней и внутренней жизни как при самом преобразователе, так и при его преемниках и преемницах до последней четверти того века,—и все это на основании изучения обширнейшего, большею частью нетронутого исторического материала, изучения, какого не предпринимал еще ни один русский ученый до Соловьева. Историк остался верен благоговейному удивлению перед деяниями Петра, который в его повествовании вырастает в величавый, колоссальный образ, во всю свою историческую величину. Но история не превращалась в эпос: самый процесс реформы при Петре и после него описан удивительно просто, или, как говорится, объективно, со всеми колебаниями и ошибками, с намеренными и нечаянными отклонениями в сторону и с тревожными, как бы инстинктивными поворотами на прежний путь. Читатель, переживший реформы императора Александра II, мог по книге Соловьева с большим для себя назиданием наблюдать, во что обходился, каких усилий и жертв стоил Петру каждый успех в общем улучшении народной жизни, как при каждом шаге могучего двигателя старина силилась отбросить его назад, как,

по печально удачному выражению Посошкова, «наш монарх на гору сам-десять тянет, а под горы миллионы тянут»,—короче, сколько условности, метафоры в наших словах, когда мы, из своей обобщающей дали оглядываясь на прошлое, говорим о переходах народной жизни со старых основ на новые.

Но самое сильное и поучительное впечатление, какое выносил из книги читатель, заключалось во взгляде на происхождение реформы, на ее отношение к древней Руси. «Никогда,—писал историк в заключительной оценке деятельности Петра,—ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом в первую четверть XVIII века». «История ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования, сопровождавшегося такими великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории». И рядом с этим читаем суждение о реформе Петра как о перевороте, необходимо вытекавшем со всеми своими последствиями из условий предшествовавшего положения русского народа, что деятельность Петра была подготовлена всей предшествовавшей историей, необходимо из нее вытекала, требовалась народом. Итак, ни личного произвола, ни насильственного, хотя бы творческого перерыва в естественном движении народной жизни, ничего чудесного не понадобилось для научного объяснения единственного в своем роде исторического дела, совершенного «величайшим из исторических деятелей», как назвал Соловьев Петра I: достаточно было простой мысли, что народная жизнь никогда не порывает со своим прошедшим, что такой разрыв—только новая метафора.

В повествовании о времени, следовавшем за смертью Петра, по мере того как оскудевал запас подготовительных трудов в русской исторической литературе и историк оставался один перед громадным сырым материалом, перед мемуарами, журналами Сената, бумагами Государственного совета, делами польскими, шведскими, турецкими, австрийскими и т. д., «История России» все более переходила к летописному, погодному порядку изложения, изредка прерываемому главами о внутреннем состоянии России с очерками просвещения за известный ряд лет. Но мысль о реформе как связующая основа в ткани проходит в повествовании из года в год, из тома в том. Читая эти 11 томов, иногда как будто забываешь, что постепенно удаляешься от времени Петра. Меняются лица и обстановка, а преобразователь как будто продолжает

жить, наблюдает за своими преемниками и преемницами, одобряет или порицает их деятельность: так живо чувствуется действие его идей и начинаний либо непонимание тех и других в мерах и намерениях его продолжателей и так часто напоминает об этом сам историк, для которого реформа Петра — неизменный критерий при оценке всех развивающихся из нее или после нее явлений.

Так читатель приближается к концу третьей четверти века, и тут прерывается рассказ, покидая его накануне пугачевщины, перед эпохой усиленной внутренней деятельности правительства, перед обществом, которому этот мятеж впервые так ярко и так грозно осветил его положение. Но было бы в высшей степени желательно, чтобы именно эту эпоху, конец века, изобразил историк, описавший его начало и продолжение. То было время житейской проверки того, чем жило русское общество дотоле; тогда и в самом обществе появляются первые попытки спокойно, без вражды и без обожания взглянуть на дело Петра. С наступлением нового века возникнут такие внутренние потребности, придут такие сторонние влияния, которые поставят правительству и обществу задачи, не стоявшие перед Петром. Но до той поры дела бежали, еще движимые толчком, полученным от Петра. Оставалось подвести итоги, подсчитать результаты и объяснить неожиданности. Один из питомцев Петра выразился о преобразователе: «На что в России ни взгляни, все его началом имеет, и, что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут». Но к исходу века откуда-то почерпались дела, не сродные сему источнику. Петр ограничил пытку, и если сражение при Лесной, где преобразованная русская армия в 1708 г. впервые победила шведов, не имея численного превосходства, было, говоря словами Петра, «первой солдатской пробой» его дела, то распространение телесных наказаний на привилегированные сословия три четверти века спустя после указа о пытке можно признать последней законодательной пробой того же дела, только с другой стороны. Одна из любопытнейших частей нашей истории — судьба петровских преобразований после преобразователя — осталась недосказанной в книге Соловьева. Долгим трудом воспроизведенное, глубоко продуманное историческое строение силлогизма русской жизни в продолжение столетия роковым образом перервалось перед моментом, которого читатель давно ждал с напряженным вниманием, — перед завершительным *итак*. Этот перерыв оставил, и, может быть, надолго, в научной полутьме наш XVIII век. Вот

чего жаль, и вот в чем потеря. Никто ближе Соловьева не стоял к источникам истории этого века, никто глубже его не проникал в наиболее сокрытые ее течения; ничье суждение не помогло бы больше успешному разрешению трудных вопросов, какие она ставит. Об историческом труде Карамзина Соловьев писал, что остановка его на Смутном времени, отсутствие подробной истории XVII в., этого моста между древней и новой Россией, надолго должны были способствовать распространению мнения, что новая русская история есть следствие произвольного уклонения от прежнего правильного пути. Соловьев перекинул этот мост, восстановил историческую связь между древней и новой Россией, разрушил предрассудок о произвольном уклонении; но и у него остался недостроенным путь между началом и концом XVIII в. Отсюда ряд недоумений. Век, начавшийся усиленными правительственными заботами о народном просвещении, заведением русской книгопечатни за границей, завершился закрытием частных типографий в самой России. Правнук преобразователя, впервые заговорившего об *Отечестве* в высоком народно-нравственном, а не в узком местническом смысле этого слова, о служении Отечеству как о долге всех и каждого, запретил употребление самого этого слова. Если никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом в первой четверти XVIII в., то редко когда идея исторической закономерности подвергалась такому искушению, как в последней его четверти.

Повторю: в двадцать пятую годовщину смерти Соловьева, вспоминая, что сделала эта трудовая жизнь для русского исторического сознания, сожалеешь невольно о том, что смерть помешала ей сделать.

Ф. И. БУСЛАЕВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Что сделал Буслаев для изучения русской истории? Задав себе этот вопрос, я прежде всего вспомнил свои студенческие годы. Я уверен, так поступит каждый ученик Буслаева, когда спросит себя, что сделал он для *его* отрасли знания, для избранной им науки, если она входила в обширную область научного ведения, в пределах которой трудился Буслаев.

И я думаю, что это — не даром. Теперь в этой обширной области у нас трудится много работников и большею частью благодаря Буслаеву. Складывается значительная литература предмета. Первые, элементарные сведения по этому предмету, сообщаемые профессором и даже гимназическим учителем, суть только наиболее признанные в этой литературе положения науки. В этом случае профессор и учитель — только ученые посредники между литературой и аудиторией или классом.

Тридцать пять лет назад, когда я начал в Московском университете слушать Буслаева, положение дела было совсем иное. Большая часть того, что он повторял в аудитории из печатного, была недавно напечатана им же самим. Многое, что он сообщал своей аудитории, студент узнавал раньше читателя. Буслаев был не посредник между своей аудиторией и литературой своего предмета, а первый поставщик той и другой. Ученикам его часто приходилось первым усвоить его идеи, новые факты, приемы их изучения и потом проводить их в преподава-

нии, частной беседе, даже в литературе. Но всякий ученик Буслаева по роду своих дальнейших занятий может с достаточной полнотой и глубиной оценить его как ученого, взвесить его значение в той науке, которой посвящена была его ученая деятельность. Но в личных воспоминаниях каждого о том, как он учился у Буслаева, могут найтись черты, впечатления и замечания, которые пригодятся для изображения того, как усвоались и распространялись ученые взгляды Буслаева, как они отражались в преподавании и литературе,—словом, может оказаться пригодный материал хотя не для истории самой науки, то по крайней мере для истории русского просвещения.

С такими именно мыслями и обратился я к своим студенческим воспоминаниям, чтобы отдать себе отчет в значении Буслаева для изучения русской истории. Я вступил в Московский университет и стал слушать Буслаева в тот самый 1861 год, когда появились два тома его *Исторических очерков* русской народной словесности и искусства; в этом издании были собраны и приведены в некоторую систему исследования и характеристики, рассеянные в разных изданиях, с исправлениями и пополнениями. Не только специалист, но и простой образованный читатель мог по 34 «главам», точнее, монографиям этого обширного издания в связанном подборе следить за развитием основной мысли и метода исследователя. Но этим изданием далеко не завершилась ученая деятельность исследователя, а только очерчивался круг явлений, избранных им для изучения, намечалась программа и выяснялись задачи дальнейших работ. Когда я стал слушателем Буслаева, его ученая деятельность шла полным ходом. И после издания *Очерков* аудитория продолжала для него стоять впереди публики. Многие исследования, появлявшиеся потом в печати, составлялись из курсов, читанных им в университете. Будущая ученая биография Буслаева, конечно, выяснит связь его профессорской и авторской деятельности, восстановив отношение его печатных исследований к его университетским курсам; это отношение — вообще очень любопытное дело как для определения влияния университетского преподавания на нашу научную литературу, так и для истории русского просвещения, и биография профессора, так долго преподававшего и так много писавшего, как Буслаев, может пролить яркий свет на эту всеми живо чувствуемую и признаваемую, но еще далеко не выясненную связь университета с литературой.

Впрочем, как бы много ни писал профессор по своей

науке, он не может перелить в свои сочинения всего своего преподавательского влияния. Воображаемая публика, от которой писатель отделен типографией и книжной лавкой, никогда не заменит аудитории, живьем присутствующей прямо перед глазами преподавателя и возбуждающей его своим немым, но выразительным вниманием. Потому перу остаются недоступны многие средства действия, какими обладает живое слово. С кафедры идут дидактические и методологические впечатления, которые уносятся слушателями и которых печатный станок никогда не передает читателю. Но и эти неуловимые впечатления не пропадают бесследно в общем движении науки...¹ И прежде всего мы обязаны Буслаеву тем, что он растолковал нам значение языка как исторического источника. Теперь это значение так понятно и общеизвестно; но тогда оно усваивалось с некоторым трудом и не мной одним. Живо помню впечатление, произведенное на меня чтением статьи «Эпическая поэзия». Это было в 1860 или 1861 г.² Заглавие вызвало во мне привычные школьные представления об эпосе, «Магабхарате», «Илиаде», «Одиссее», о русских богатырских былинах. Читаю и нахожу нечто совсем другое³. Вместо героических подвигов и мифических приключений я прочитал в статье лексикографический разбор, вскрывший в простейших русских словах вроде *думать*, *говорить*, *делать* сложную сеть первичных житейских впечатлений, воспринятых человеком, и основных народных представлений о божестве, мире и человеке, какие отложились от этих впечатлений.

С течением времени, слушая Буслаева в аудитории и на квартире, читая сочинения его собственные и чужие, какие он нам указывал, вдумываясь в дело, мы постепенно входили в круг идей, внушавших совсем непривычное представление о содержании, границах и приемах изучения той отрасли знания, которую называют историей словесности.

В моей памяти, как и в студенческих заметках, уцелели следы того диалектического процесса, какой задавал Буслаев нашему мышлению и которым мы усваивали столь новые для нас воззрения. Может быть, вспомнить эти усилия студенческой мысли не будет лишним не для самой науки, конечно, а для истории университетского образования и для биографии Буслаева.

Первое и главное произведение народной словесности есть самое *слово*, язык народа. Слово — не случайная комбинация звуков, не условный знак для выражения мысли, а творческое дело народного духа, плод его

поэтического творчества⁴. Это — художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром. В первых своих очертаниях этот образ заключился в корне слова. По мере накопления опыта и наблюдения, по мере осложнения впечатлений и отношений и первичный образ разрастается в *верование*, в идею божественной силы, незримо присутствующей в видимом мире, потом в миф, в представление о видимом, ощутительном проявлении этой незримой силы, в закон или житейское правило, устанавливаемое этим верованием и представлением, наконец, в обычай и предание, создаваемые верованиями, мифами и законами путем их передачи из поколения в поколение. Вместе с тем по мере развития понятий и отношений корни слов обрастали этимологическими и фонетическими новообразованиями; система грамматических форм, первичное коренное значение слова последовательно изменялось и разветвлялось, давая от себя сложную систему производных, складывалась синонимическая и омонимическая лексика, выражавшая оттенки и соотношение впечатлений и явлений и т. д. Так язык рос вместе с народной жизнью, и его история есть летопись этой жизни, и летопись художественная, своего рода эпопея, в поэтических образах отразившая народные верования, понятия, убеждения, обычаи и права в темную эпоху их зарождения.

Все это теперь кажется так просто и элементарно. Но, усвоенные вовремя, эти элементарные сведения о строении языка и его отношении к жизни народа оказали нам потом неоценимую услугу. Не многим ученикам Буслаева пришлось по выходе из университета заниматься специально историей русского языка и литературы: из нашего выпуска 1865 г., если не ошибаюсь, никто не избрал этой специальности. Но многим из нас пришлось после иметь дело со старыми текстами, с памятниками древней письменности, и, сидя за ними, мы с благодарностью вспоминали и вспоминаем доселе уроки и советы Буслаева. Уча нас строению языка и его связи с народным бытом, он учил нас читать древние памятники, разбирать значение, какое имели слова на языке известного времени, сопоставлять изучаемый памятник с другими одновременными и посредством этого разбора и сопоставления приводить его в связь со всем складом жизни и мысли того времени.

Я не берусь говорить, что сделал он, собственно, для изучения словесности. Упомяну об этом только по связи с другою заслугой, оказанною им изучению русской истории. В изучении русской словесности он поставил новые

задачи и принял новый метод. Главным предметом его внимания была народность, и отрасль знания, на которой он сосредоточивал свои работы, он сам называл сравнительным изучением народности, этой новой наукой XIX в., по его выражению. Перемена, внесенная этою новою наукой в направление изучения словесности, состояла в том, что научный интерес от отдельных памятников личного творчества перенесен был на народную массу. Он подробно изложил эту перемену в начале своей монографии *Сравнительное изучение народного быта и поэзии*. «В прежнее время...—пишет он здесь,—главнейшие предметы для этой науки—язык, религия, начатки семейного и общественного быта, народная поэзия и обычное право. Все эти предметы должны быть изучаемы сравнительно. Необходимость такого изучения вытекает из открывающегося все явственнее факта первобытного сродства индоевропейской семьи народов и даже народов всего земного шара, т. е. сродства общечеловеческого⁵. Сравнительная грамматика и сравнительная мифология языков индоевропейских, по его словам, привели к тем результатам... Материалы для такого изучения заключаются в разнообразных формах словесного творчества народа: краткие изречения, заговоры, пословицы, поговорки, клятвы, загадки, приметы, песни, сказки и пр.—все эти разрозненные члены эпического предания, в которых выражалось народное мирозерцание, в которых сказывалась народная душа и которых поэтому можно назвать источниками науки народной психологии. Но не одна устная словесность народа дает такие материалы: самородное творчество народа разорванными отзвуками западало и в письменную словесность. Восстановить связь между устной народной и письменною словесностью было задачей и заслугой Буслаева. В его ученом плане история литературы получала новый, научный склад и характер: из критико-библиографического обзора отдельных памятников письменности без внутренней связи, являвшихся более или менее удачными, но всегда случайными проявлениями личного творчества, история словесности превращалась в изображение течений литературного творчества с указанием их народных источников, картину стройного и последовательного развития народного духа и быта, насколько тот и другой отразился в памятниках устной и письменной словесности, и не только словесности, но и искусства. Для восстановления этой связи устной словесности с письменной Буслаев предпринял неутомимое и широкое изучение обильного рукописного запаса, какой

накопился в наших древлехранилищах, частных и общественных, и какой он сам мог найти на рынке старых книг и рукописей.

Это был другой общий источник как для истории русской словесности, так и для русской истории, и в изучение этого обильного и мало тронутого источника Буслаев внес большое оживление, даже, можно сказать, новое направление, благотворно отразившееся на успехах русской историографии вообще. Древнерусская письменность, почти исключительно духовная, церковная по своему содержанию, рассматривалась прежде как выражение нового христианского порядка жизни, какой строился на старой языческой почве русского народа. Этот порядок должен был стать на языческой почве, подавив в ней все корни и поросли языческой старины. Но предполагалось, что эта христианская письменность по положению письменного дела в Древней Руси питала мысль и чувство только высших классов общества и, слабо действуя на простонародье, на эту старую языческую почву, ничего и от нее не заимствовала, была от нее изолирована. Она представлялась течением, шедшим поверх общенародной жизни, освещавшим ее, но за нее не зацеплявшимся. Из этой письменности опускалась на народную жизнь освежительная, но скоро высыхавшая роса, а по временам падали грозные обличения, но самый этот быт своими отношениями, повериями и чувствами не поднимался до высоты порядка, какой проводился в этой письменности. Так, например, в житиях русских святых история литературы черпала преимущественно образчики благочестия отдельных древнерусских людей. В этой-то письменности, в чуде жития, в набожной легенде, в миниатюре, которою украшались поля рукописей, даже в ином назидательном сказании, Буслаев стал находить мотивы и образы чисто народного происхождения, как в пословице, загадке и т. п. Многие главы первого тома его *Исторических очерков* и весь второй том, носящий заглавие «*Древнерусская народная литература и искусство*», посвящены изысканию этих народных мотивов и образов в древнерусской литературе. Можно сказать, что это — ряд монографий, дающих частичные ответы, прямые или косвенные, на один общий вопрос о влиянии народных поверий, мифов, понятий и обычаев на древнерусскую письменность. Оказалось, что течение, шедшее поверх старой русской жизни, не было совсем с ней разобщено, питалось и ее испарениями.

Так восстановлена была связь древнерусской письмен-

ности с ее туземными народными источниками. В содействии этому делу состояла несомненная научная заслуга Буслаева, частью испытанная мною на самом себе. Я помню, как оживился интерес к древнерусской рукописной литературе, и я раскрывал древнерусскую рукопись с нетерпеливой надеждой найти в ней свежие следы древнерусского народного быта и мышления. Изучение древнерусской письменности оживилось потому, что расширилось и углубилось. В ней стали искать отражение не одних только идеалов, норм пришлого порядка, который водворялся на Руси и часто терпел неудачи, но и той среды, которая его медленно и не всегда понятливо воспринимала. Таким образом, по этой письменности стали изучать совместную работу новых культурных влияний и старых туземных сил, которые перерабатывались теми влияниями в культурные средства. Разумеется, и изучение письменности тем самым осложнилось, сделалось труднее: ее стало необходимо изучать в неразрывной связи и с народным бытом и мышлением.

Его эстетическая и патриотическая антипатия к искусственной литературе во имя самородной народной словесности не помешала его ученому беспристрастию помирить противниц и соединить их в единый цельный неисчерпаемый источник истории русской народной жизни — мысли и художественной фантазии...

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

I. «РУССКАЯ ИСТОРИЯ»
К. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА
(СПб., 1872, [т.] I)

[1872 г.]

Эту книгу следует поставить во главе обзора как попытку удовлетворить одной настоятельной литературной потребности русского общества и вместе как первый опыт свести результаты научных работ по русской истории, совершенных в последние десятилетия. В русской литературе теперь совсем нет книги, которая в умеренном объеме и в достаточно обработанной литературной форме представляла бы весь ход исторической жизни Руси и могла бы образованному читателю дать основательное, хотя не специальное знакомство с родным прошедшим. Прежде были опыты в таком роде, но они давно уже устарели и остались далеко позади настоящей разработки отечественной истории. С другой стороны, в русской исторической литературе накопилось¹ множество мелких исследований о частных вопросах; но нужно быть историком по ремеслу, чтобы иметь охоту и возможность собрать все эти исследования и привести в порядок их результаты. Эту двойную цель имел в виду автор, профессор университета в Петербурге, издавая первый из трех больших томов, в которых он предположил изобразить ход развития Руси до смерти имп. Александра I. В этом первом томе изложение доведено до половины XV в. Редкая книга у нас ожидалась с большим нетерпением и редкая забывалась так скоро, как, по всей вероятности,

¹ Далее зачеркнуто: есть.

забудется эта, если и остальные томы ее будут составлены подобно первому. На это есть много причин. Во-первых, автор вовсе не обладает литературным искусством, нужным для такой книги, или слишком мало о нем позаботился; изложение его не везде правильно, всюду мало обработано и шероховато, лишено живости и ясности, больше напоминает составленную наскоро журнальную статью, чем внимательно обработанное для публики ученое сочинение; поэтому книга трудно читается и скоро утомляет. Потом, сознавая, может быть, свой литературный недостаток, автор так сжал и высушил изложение событий, что иные из них гораздо подробнее и занимательнее рассказываются в наших школьных учебниках. Этим он лишил читателя обильного и удобного материала, какой дает историческое повествование для изучения людей и понятий прошедшего. Вследствие того же «Русская история» нашего автора превратилась в ряд культурных описаний России по периодам. Это изменение задачи увеличило для автора трудность ее исполнения, не открыв ему новых научных или литературных средств. «Русская история» с внутренней, культурной стороны разработана еще меньше, чем со стороны прагматического изложения событий, а недостатки пера и мысли автора особенно заметны в анализе и обобщении внутренних явлений жизни. Предисловие указывает цель книги — изложить результаты, какие добыла доселе русская историческая наука в изучении отечественного прошедшего. Автор заслуживает всякой похвалы за тщательность, с какою он в длинном библиографическом введении и в многочисленных подстрочных примечаниях старался собрать отдельные, даже мелкие исследования и печатные материалы по русской истории. Это лучшая и самая полезная часть книги. Но в изложении истории каждый отдел наполнен таким пестрым набором бытовых черт и различных ученых мнений, из которого читателю очень трудно извлечь стройное и цельное представление. Авторский взгляд сортирует и освещает нагромождаемые черты, ограничиваясь по местам частными замечаниями и догадками. Автор оправдывает такой прием состоянием нашей исторической науки, при котором профессор «редко может быть вполне уверенным, что его мнение самое верное; лучший выход в этом случае изложение не догматическое, а критическое». Этим он вводит читателя в лабиринт разнообразных мнений, высказанных в исторической литературе. Но необходимо указать читателю дорогу в этом лабиринте, а из критических замечаний

автора, по крайней мере в первом вышедшем томе, видно, что он много читал, но недостаточно сам штудировал исторические факты и поэтому очень часто оставляет читателя без² самостоятельного и твердого вывода. В наших исторических источниках сохранилось несколько известий о характере и пределах естественных родовых союзов, в каких жили славянские племена, составившие Русское государство. Вместо внимательного разбора этих известий наш историк берет из Юстиниановских институций юридические определения античного рода, ищет их следы в наших исторических памятниках и, разумеется не нашедши их, склоняется к заключению, что наши предки жили семейными общинами. Во всем трактате, и особенно в этом заключении, слышится ответ без решения вопроса, и, кажется, именно потому автор и избрал такой ответ, что он давал ему возможность обойтись без решения.

Семейная община как характеристика доисторического быта — это риторическая фигура, отвечающая и *да* и *нет* на вопрос о родовом союзе. Можно указать другой пример недостатка собственной работы автора над основными явлениями нашей истории. Образованию государства, средоточием которого стала Москва, предшествовал продолжительный период, характеризующийся своеобразными и любопытными для сравнительной истории общественными отношениями, когда Россия, делимая и переделываемая между князьями Рюрикова рода, не составляла государства с единой установившейся верховной властью, но не была и агрегатом отдельных, взаимно чуждых и независимых государств. Среди разнообразных попыток объяснить происхождение и смысл этого периода наиболее тверд и признан взгляд професс[ора] Соловьева, объясняющего явления этого времени господством родовых отношений между князьями — потомками Рюрика. Русская земля считалась³ родовой собственностью князей, которые владели ею сообща, занимая отдельные княжества по очереди, определявшейся степенью старшинства каждого князя, если посторонние влияния не нарушали этого порядка. Рядом с этим взглядом стоит мнение г. Костомарова, что Русь того времени есть племенная федерация, что ее распадение на княжества соответствует племенному делению русских славян и в нем имеет свой источник. Рассмотрев эти взгляды, г. Бестужев-Рюмин говорит, что он не доволен ни одним из них

² Далее зачеркнуто: те [...].

³ Над зачеркнутым: была.

и надеется дальнейшим изложением показать, что пестрота событий этого времени объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодействием многих начал. Следует очень сжатый очерк событий с половины XI до половины XIII в., в котором невозможно уловить никакого определенного объяснения явлений времени, не говоря уже о взаимодействии многих начал. Но всего нагляднее слабость выдержки ученых мнений автора выступает в его оценке влияния монголов на Русь. В XIII в. Россия была завоевана этими азиатскими кочевниками и потом более двух веков признавала над собою их владычество. Разумеется, на русской жизни должны были остаться некоторые следы этого владычества. Но наша литература склонна злоупотреблять ими, сваливая на татар многие явления, вышедшие органически из внутренних условий русской жизни. Так, очень нередко утверждают, что русское понятие о царской власти есть копия с татарского представления о хане. В одном месте наш новый историк пишет: «Мнение о происхождении⁴ понятия о царской власти от татар надо, кажется, вполне отвергнуть». В другом месте, рассматривая развитие представления о государе как верховном собственнике земли, автор замечает: «Ко всем этим причинам образования понятия о верховном собственнике земли могло присоединиться и влияние татарского понятия о том, что вся земля принадлежит хану: свергнув иго, князья могли бы перенести на себя эту верховную власть хана». Несогласие автора с самым собою объясняется тем, что в первом месте он пользовался мнениями одних ученых, а во втором — других⁵.

II. «РУССКАЯ ИСТОРИЯ»
К. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА
(СПб., 1872. [т.] I)

[Около 1872 г.]

Появившаяся еще в 1870 г. публикация о печатании «Русской истории» г. Бестужева-Рюмина в двух больших томах распространила слух, что известный профессор предпринял труд написать отечественную историю для образованной русской публики. Вышедший¹ первый том обещанного труда не вполне оправдал этот слух. «Цель

⁴ Два предыдущих слова повторены дважды.

⁵ Далее полтора листа оставлены чистыми.

¹ Далее зачеркнуто: спе[циальный].

этой книги,—говорит автор в предисловии,—представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг истощенных, доступных в настоящее время ученой деятельности». Почтенный историк прибавляет, что его попытка «будет не без пользы для приступающих к самостоятельному изучению истории [русской] и не желающих *jurare in verba magistri*²». Значит, читатель имеет перед собой не популярное изложение отечественной истории, а руководство для будущего специалиста, желающего посвятить себя ее изучению. Это показывает только, что литература чувствует потребность в том и другом изложении отечественной истории, если уже нельзя соединить их в одном труде, и что имя профессора считается достаточным ручательством в удовлетворительном выполнении обеих задач. При виде вышедшего первого тома «Русской истории» бесполезно рассуждать, в чем чувствуется более нужды, в курсе ли, популярно изложенном, или в руководстве, наполовину учебном и наполовину ученом, снабженном необходимым для начинающего специалиста ученым аппаратом.

В продолжение работы книга автора разрослась и вместо обещанных двух томов составит три. Состав ее и приемы изложения, как замечает сам историк в предисловии, определились, между прочим, и взглядом на историю, изложенным во введении к труду. Передадим в немногих словах наиболее выдающиеся черты этого взгляда. «История есть повествование о достопамятных событиях—учили нас в гимназии; история есть народное самосознание—учили нас в университете». Из этих несходных определений автор склоняется, разумеется, к тому, которое он слышал в университете. Выходя из этого определения, он³ полагает задачу истории во всестороннем изучении прошлой жизни человечества. Такая задача не позволяет историку пренебрегать ни так называемыми неисторическими народами, ни так называемыми доисторическими периодами в истории народов. Только вся совокупность исторических явлений может открыть тающуюся в них мысль. Вместо разделения народов на исторические и неисторические, придуманного немцами, автор признает более научной правды за теорией г. Данилевского («Россия и Европа»), по которой прогресс состо-

² Слепо доверять авторитетам (лат.).

³ Далее зачеркнуто: во.

ит в смене культурных типов: каждый тип выражает человечество с одной стороны и потому развитие человечества совершается не в преемственной передаче цивилизации, а во внесении новых сторон. Впрочем, автор не разделяет страсти «ученых систематиков», которые, подобно мифологическому Прокрусту, стараются все однообразить, подводить под известную мерку: автор видит в этой страсти потворство ученой лени. Не отказываясь от научных обобщений, он думает, что «не следует запираться в свои обобщения, не следует считать их на век нерушимыми, а надобно помнить, что они более или менее удобная остановка для мысли, теряющейся в многообразии фактов». Выходя из того же широкого взгляда, автор не позволяет себе преувеличивать значение лица в истории. «Присматриваясь внимательнее к каждой личности (исторической), нельзя не видеть, как много ее деятельность обусловлена состоянием общества, среди которого она действует, и соединением разных обстоятельств, при которых она действует. Значение личности состоит в том, чтобы уметь воспользоваться обстоятельствами, подчинить их своей цели и устранить те, которые могут быть вредны для этой цели». При таком взгляде на значение лица в историческом изучении выступает на первый план общество. «Его-то изучение,—говорит автор,—и должно составить серьезный предмет науки, называемой историей». Целостный образ народной жизни⁴, созданный из разнообразия явлений, должен составить задачу историка. Начав с строгого и беспристрастного изучения фактов, относящихся к разным сторонам жизни, наука путем изучения этих сторон в их взаимодействии может возвыситься к представлению целостности и единства народной жизни. Вот ее идеал.

Таковы исторические воззрения автора. Они могут служить лучшим критерием при оценке его труда. История есть народное самосознание, т. е. она прежде всего есть наука, ведущая к народному самосознанию, как медицина есть если не самое здоровье, то по крайней мере наука, помогающая быть здоровым. Остается показать, как эти общие воззрения приложены к той специальной задаче, которую поставил себе автор, и как они проведены в плане и приемах труда. Задумав дать руководство начинающим самостоятельное изучение русской истории, автор старался раскрыть перед читателем всю мастерскую исторического изучения, исторической крити-

⁴ Далее зачеркнуто: как выражается автор.

ки. С этой целью он предпослал изложению истории обширный очерк источников для ее изучения, памятников литературных, юридических, вещественных, с обзором состояния, в каком находится у нас их научная разработка. Этот очерк вместе с изложением понятия автора об истории и исторической критике составил введение к труду, занимающее 246 страниц, т. е. треть первого тома. Может быть, он вызовет упреки с противоположных точек зрения: одни найдут его слишком обширным сравнительно с объемом всей книги; другие, напротив, скажут, что он слишком краток, что в нем автор выражается очень сжато, часто ограничивается общими рассуждениями о том или другом разряде исторических источников или сухим перечнем изданий, статей и имен исследователей. Мы заметим на подобные упреки, что такой критико-библиографический очерк появляется в нашей историографии впервые; обличая в составителе обширную начитанность и внимательность к делу, он, несмотря на сжатость своих указаний и приговоров, может послужить отличным руководством при изучении источников и научной литературы русской истории.

Изложение истории открывается в первом томе описанием расселения, религии⁵, семейного и общественного быта славян, преимущественно русских, и их соседей — инородцев до образования Русского государства и потом обнимает первые три периода русской истории, которые автор характеризует названиями варяжского, удельного и татарского. Значит, ученый рассказ доведен до половины XV в., до княжения Ивана III. История Новгорода и Пскова до этого времени изображена в отдельной (VI) главе. Все эти периоды автор описывает по одинаковой в главных чертах программе, размещая факты под однообразными рубриками. Обыкновенно он начинает изложением и разбором взглядов ученых на смысл и характер периода или явления⁶, которое стоит в нем на первом плане. Затем следует так называемая внешняя история, рассказ о событиях. Этому отделу отведено самое тесное пространство, иногда не достигающее размеров учебника для средних заведений: например, в главе о варяжском периоде⁷ изложению событий до смерти Ярослава I уделено 11 страниц из 57. Другая особенность этого отдела в первом и втором периоде у г. Бестужева-Рюмина та, что

⁵ Далее зачеркнуто: быта.

⁶ Далее зачеркнуто: в котором выражается сущность последнего.

⁷ Далее зачеркнуто: излож[ению].

события не сгруппированы около одного центра, судьбы великокняжеского стола, как у Карамзина и Соловьева, а изложены отдельно по княжествам. Сжимая изложение событий, автор хотел очистить возможно больше места для всестороннего изображения состояния общества, внутренней жизни народа в известный период. Описывая это состояние, автор в известном порядке, одинаковом для каждого периода, выводит перед читателем одну за другой различные стороны внутренней народной жизни, обозначаемые рубриками: князь, вече, сословия, управления, суд, церковь, литература, материальная обстановка общества. В обильных примечаниях, сопровождающих описание каждой стороны или разбор какого-нибудь научного вопроса, указываются не только первые источники, но и ученые сочинения, касающиеся того же предмета⁸.

Из этого видно, что труд г. Бестужева-Рюмина по

⁸ *Далее зачеркнуто:* Из этого видно, что труд г. Бестужева-Рюмина по своему плану представляет опыт культурной истории России в широком смысле: задача благородная и обещающая автору внимание со стороны образованного общества, идущая навстречу его литературным потребностям и вкусам, но вместе с тем обширная и трудная, которая может быть выполнена различным образом. Литературы, богатые несравненно более нашей, представляют не особенно много опытов подобного рода и еще менее — удачных. Развивая во введении свой взгляд на историю, автор высказывается против «ученых-систематиков», за органическое развитие жизни, «которая не терпит единообразия и никогда не может развиваться по схоластической теме, требующей неперменного наполнения рубрик в составленных ученых таблицах». «Развитие жизни, — продолжает автор, — состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину». Сравнение это может быть неточно уже потому, что в разные эпохи выдвигаются разные колеса: то выступает на первый план религиозная жизнь, то умственная, то юридическая, то совершается процесс питания... Но в известный момент своей деятельности народная жизнь напоминает собою машину» (*Далее зачеркнуто:* питания). В этих словах указано средство помирить ученого-систематика с органическим развитием жизни. Это средство — органический взгляд на развитие (*Далее зачеркнуто:* жизни) народной жизни. Он погрешит против такого взгляда, если во все периоды будет одинаково наполнять одни и те же рубрики в своих ученых таблицах, стремясь к всесторонности, будет освещать одинаковым светом различные стороны жизни: картина не будет соответствовать действительности, в которой нет такого всестороннего развития, и потому явится произведением (*Далее зачеркнуто:* худож[ественной]) литературы художественной, а не научной. Свободный от этого стремления, автор не обратился бы ни к чертам быта других славян, ни к известиям отечественных источников более позднего времени, чтобы наполнить картину быта славян русских до образования государства. Если в известную эпоху действуют не все колеса исторической машины, то историку нет никакой надобности в своем воспроизведении вводить в действие и те, которые в то время покоились, ибо он должен руководиться органическим, а не механическим взглядом на ход исторической жизни. Встретить, на[при-мер] (*Здесь текст обрывается*).

своему плану представляет опыт культурной истории России в широком смысле — задача благородная и обещающая автору внимание со стороны образованного общества, идущая навстречу его литературным потребностям и вкусам, но вместе с тем обширная и трудная, которая может быть выполнена различным образом. Литературы, богатые несравненно больше нашей, представляют — особенно много опытов подобного рода и еще меньше — удачных. Чтобы взять на себя подобную задачу с надеждой на успешное выполнение, писатель должен совмещать в себе много условий. Глубокое знание исторических источников — не самое главное и не самое трудное между ними. История культуры не есть лишь история комфорта, житейских удобств: она должна обнять действие всех сил, работавших над развитием известного времени или народа. Эти силы везде одни и те же: природа, государство, общество, личность и т. д. Но бесконечно разнообразны их взаимные сочетания и изменения, производимые этими сочетаниями в деятельности каждой. Формы быта только отсадок работы этих культурных сил: надобно, чтобы под первыми историк культуры вскрыл действие и взаимные отношения последних. Для такой работы мало учености и таланта: ей должна предшествовать в исторической литературе известная подготовка. Множество мелких, но важных вопросов должно быть решено прежде, чем историк может приступить к полной картине народного развития. Талант, подобный Гизо или Тьерри, остановился бы перед мыслью взяться за историю русской культуры даже при настоящем состоянии нашей исторической литературы. Причины этого не в богатстве элементов русского развития и не в напряжении их действия. Совсем нет; может быть, трудно найти в Европе страну, отличающуюся меньшей сложностью и большей вялостью развития. Но скудный запас культурных сил является у нас в таких сочетаниях и с такими особенностями, которые, может быть, доселе нигде не повторились в Европе. Этим отчасти объясняется и состояние русской исторической литературы. Нельзя сказать, чтобы она страдала бедностью книг и статей; но сравнительно немногие из них писаны с ясным сознанием научных требований и потребностей. Видимая простота нашей истории вместе с скудостью общедоступных источников соблазняли наших писателей, а слабость критики поощряла их смелость. Очень часто писатель, набегом, подобно крымцу старых времен,

⁹ Далее зачеркнуто: *намного*.

налетевший на русскую историческую жизнь, с трех слов уже судит и рядит в ней; едва принявшись за изучение факта, спешит составить теорию, особенно если дело касается так называемой истории народа. Отсюда у нас любят больше кольнуть исторический вопрос, чем решить его, обследовав тщательно. Отсюда же в нашей историографии больше взглядов, чем научно обработанных фактов, более док[т]рин, чем дисциплины. Эта часть литературы даст больше материала для характеристики современного ей развития русского общества, чем указаний для изучения нашего прошедшего. Привыкнув читать у западных историков о сложных общественных отношениях, о борьбе лиц, партий, идей, у нас любят обращаться к отечественной истории с мыслью найти нечто подобное и не замечают, что здесь господствуют первичные¹⁰ исторические процессы, совершается работа более стихийных, чем социальных, сил, борются скорее инстинкты, чем идеи. Отсюда столь обычные в нашей историографии преувеличения и неосновательные поверхностные аналогии. Не говорим о другой части нашей исторической литературы, о сочинениях, писанных без всякой мысли, в которых можно найти более или менее тщательную компиляцию известий, но нет фактов и выводов: это скорее письменность, чем литература. Таким образом, писателю, принимающему на себя труд написать историю русского развития, недостает того, что на железнодорожном языке называется питательными ветвями: в массе написанного до него он найдет немного трудов, которыми можно воспользоваться с доверием, и, строя свое здание, он слишком часто принужден будет сам лепить и обжигать кирпичи.

Легко понять, что в таком труде окажутся неизбежные недостатки, в которых трудно будет винить автора. Они не отнимут у последнего заслуги первого опыта, особенно если историк метким взглядом взглянет на своеобразные отношения культурных факторов в нашей [истории] и собственными приговорительными исследованиями восполнит часть научных пробелов, доселе остающихся в нашей историографии. Вот почему, думаем, читающая публика не может не отнестись с признательностью к новому обширному сочинению г. Бестужева-Рюмина, хотя оно писано не совсем для нее. Сопоставив изложенный план труда с мыслями самого автора о задачах исторического изложения, можно видеть, насколько его книга пострада-

¹⁰ Далее зачеркнуто: проце[ссы].

ла от указанного состояния научной русской исторической литературы. Развивая во введении свой взгляд на историю, автор высказывается против «ученых-систематиков», за органическое развитие жизни, «которая не терпит единообразия и никогда не может развиваться по схоластической теме, требующей неперемennого наполнения рубрик в составленных ученых таблицах». «Развитие жизни,—продолжает автор,—состоит именно в том, что одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину. Сравнение это может быть неточно уже потому, что в разные эпохи выдвигаются разные колеса: то выступает на первый план религиозная жизнь, то умственная, то юридическая, то совершается процесс питания... Но в известный момент своей деятельности народная жизнь напоминает собою машину». В этих словах указано средство помирить ученого-систематика с органическим развитием жизни. Это средство—органический взгляд на развитие народной жизни. Он погрешит против такого взгляда, если во все периоды будет одинаково наполнять одни и те же¹¹ рубрики в своих таблицах, стремясь к всесторонности, будет освещать одинаковым светом различные стороны жизни: картина не будет соответствовать действительности, в которой нет такого всестороннего развития, и потому явится произведением более художественным, чем научным. Свободный от этого стремления, автор в описании быта славян русских до образования государства не перемешал бы черт быта других славян с известиями отечественных источников более позднего времени. Если в известную эпоху действуют не все колеса исторической машины, то историку нет никакой надобности в своем воспроизведении двигать и те, которые в то время покоились, ибо он должен смотреть органическим, а не механическим взглядом на ход исторической жизни. Встретить, например, в описании варяжского периода у почтенного историка пространное рассуждение о политическом, юридическом и литературном влиянии на Русь христианства и пришедшей с ним византийской цивилизации довольно неожиданно, ибо по крайней мере половина того, что автор выводит из этого влияния, стала действовать и обнаруживаться позднее времени, называемого им варяжским. Так как в жизни народа очень часто известная историческая стихия развивается и действует на счет других, то историк несколько не погрешит против органического взгляда и требования многосторонности, если эту

¹¹ Далее зачеркнуто: таблицы.

стихию выставит на первый план и подвергнет наиболее внимательному изучению: надобно, чтобы¹² в его изображении читатель наглядно видел преобладающее действие этой силы. Тем более это научное требование обязательно для историка России, где запас культурных сил никогда не был разнообразен¹³ и действие их всегда было довольно односторонне. Во введении, говоря о недостатках исторического изложения, в котором преобладает то элемент юридический, то изображение природных условий, то, наконец, дается незаконный перевес умственному развитию, автор прибавляет: «Если же нет ни того, ни другого, ни третьего, то история обращается в выставку, где предметы разнородные разложены по разным ящикам с привешенными к ним ярлыками». Это последнее бывает именно тогда, когда историк, не следя за взаимным отношением культурных сил в разные периоды народной жизни, все эти силы изображает одинаково, не различая господствующих от служебных. Надобно желать, чтобы книга почтенного историка в своем дальнейшем развитии убереглась от этой опасности.

В заключение два слова об ученых приемах г. Бестужева-Рюмина. В предисловии он говорит о них: «Сочинитель убежден, что профессор должен держаться того или другого мнения; но при настоящем состоянии нашей науки он редко может быть вполне уверенным, что его мнение — самое верное. Лучший выход в этом случае — изложение не догматическое, а критическое. Тогда перед слушателями или читателями будет не одностороннее мнение того или другого лица, а все разнообразие мнений, развивающееся в литературе». Хотя есть примеры того, что мнение одного лица иногда многостороннее всего разнообразия мнений, развивающегося в литературе, но правило, выраженное автором, при известных условиях может иметь свои выгоды, тем более что он сам держится его везде точно. Он редко выступает с своими взглядами и конечными выводами, ограничиваясь обыкновенно сопоставлением фактов и иногда частными замечаниями и догадками. Местами его изложение превращается в мозаичский подбор известий из источников и объяснений из ученых трудов. Значит, единственным прямым освещением, какое книга кладет на излагаемые факты, служат в ней или мнения других ученых, или, в случае несостоятельности последних, такое сопоставление фактов, из

¹² Далее зачеркнуто: читатель.

¹³ Над зачеркнутым: сложен.

которого читателю легко было бы вывести более верное заключение. Последнее было бы согласно и с целью автора «дать читателю поболее материалов и указаний для образования собственного суждения и приговора». Мнение самого историка, обязательное во всяком случае, выскажется при этом если не прямо, то в разборе чужих мнений или в известном подборе¹⁴ фактов. Возьмем два примера, чтобы видеть, как автор пользуется усвоенными им приемами. Характеризуя время от смерти Ярослава до нашествия татар названием периода «удельного», он разбирает ученые взгляды на этот период, существующие в нашей исторической литературе. Главные из них, развитые наиболее научно, принадлежат гг. Соловьеву и Костомарову: первый объясняет явления этого времени родовыми княжескими отношениями, второй — господством федеративного начала в Древней Руси. Дело критики — рассмотреть¹⁵, удовлетворительно ли автор разбирает и опровергает теории того и другого ученого. Для нас важен вывод, к которому приходит автор (с. 162): «Из всего сказанного ясно, что мы не довольны ни одною из теорий, взявшихся объяснять государственный быт Древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнения, что одного движущего начала не было и что пестрота событий объясняется *очень хорошо* переплетающимся взаимодействием многих начал, как, по верному замечанию одного из величайших историков XIX в., Гизо, и бывает всегда в создающихся обществах. Надеемся, что дальнейшее изложение оправдывает эту мысль». Далее следует у автора очень сжатый очерк событий в Киевском и других княжествах, среди которых мелькают уже известные силы, действовавшие в тогдашнем обществе: городские веча, княжеские счеты, личные стремления князей, вмешательство кочевников и т. д. И г. Соловьев, и г. Костомаров, каждый с своей точки зрения, указывают этим силам определенное место в своих теориях, определенное значение в государственном состоянии тогдашней Руси; какое место указывает им г. Бестужев-Рюмин¹⁶, недовольный взглядами обоих ученых, как взаимодействие¹⁷ многих начал объясняет явления того времени, это остается неизвестным читателю при самом внимательном чтении дальнейшего изложения у автора. Кто прежде разделял взгляд г. Соловьева или г. Костома-

¹⁴ Далее зачеркнуто: фактов и освеще[ние].

¹⁵ Далее зачеркнуто: как ав[тор].

¹⁶ Далее зачеркнуто: каких отверг.

¹⁷ Далее зачеркнуто: этих.

рова, тот и по прочтении книги г. Бестужева-Рюмина останется при своем авторитете; кто не принимал мнения ни того, ни другого, тот не найдет, что принять у третьего¹⁸.

Изложенные замечания сделаны с целью предварительного внешнего ознакомления читателя с новым трудом почтенного профессора¹⁹. Не предупреждая приговора научной критики, можно, однако ж, и здесь указать на очевидную заслугу, какую автор окажет исполнением начатого труда нашей историографии. Эта заслуга определяется положением последней. По своей программе и объему «Русская история» г. Бестужева-Рюмина отчасти восполнит пробел, который давно существует в русской исторической литературе: в ней до сих пор нет труда, который мог бы служить посредствующим звеном между монографиями и таким огромным произведением, как «История России» г. Соловьева, с одной стороны, и учебником русской истории—с другой²⁰. Как попытка восполнить этот пробел и попытка, сделанная ученым, от которого русско-историческая наука вправе ждать очень многого²¹, «Русская история» г. Бестужева-Рюмина вполне заслуживает внимательного и подробного критического разбора, к которому мы надеемся обратиться со временем²².

¹⁸ Далее зачеркнуто синим карандашом: Другой пример. Оценивая влияние татар на Русь, автор также не соглашается вполне ни с г. Соловьевым, ни с г. Костомаровым, считая их мнения крайностями, и (Далее зачеркнуто: отвергает) при этом добавляет (Далее зачеркнуто: о третьем взгляде): «Мнение же о происхождении понятия о царской власти от татар надо, кажется, вполне отвергнуть (с. 279)». В другом месте, объясняя появление поместий, согласно с мнением г. Градовского, развитием мысли о государе как верховном собственнике земли, г. Бестужев-Рюмин замечает (с. 448): «Ко всем этим причинам образования понятия о верховном собственнике земли могло присоединиться и влияние татарского понятия о том, что вся земля принадлежит хану; свергнув его, князья могли перенести на себя эту верховную власть хана». Хотя вслед за тем автор не соглашается приписать этому предположению Неволлина первостепенное значение, однако очевидно, что он не думает в этом месте вполне отвергнуть влияние татар на образование у нас понятия о царской власти.

¹⁹ Далее зачеркнуто: Заслуга и значение этого труда очевидны.

²⁰ Далее зачеркнуто: Этим пробелом отчасти объясняется и неудовлетворительность учебников русской истории, господствующих в наших школах.

²¹ Далее зачеркнуто: впереди.

²² Далее полтора листа оставлены чистыми.

III. К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

[некролог]

[1897 г.]

2 января текущего года мы лишились К. Н. Бестужева-Рюмина, 21 год состоявшего членом нашего Общества. Имя покойного принадлежит русской историографии, в летописях которой историческая критика отведет его ученым трудам подобающее почетное место. Мы теперь под не свеявшимся еще впечатлением понесенной потери почтим его память благодарным товарищеским воспоминанием.

Старших из здесь присутствующих я прошу перенестись воспоминаниями лет за 40 назад, к концу 50-х годов.

Я принадлежу по возрасту к поколению тех из вас, милостивые государи, чье историческое мышление пробуждалось в то время, делая первые усилия в познании родного прошлого. Едва одолев учебники истории всеобщей и русской, мы тогда усиленно читали *«Четыре характеристики»* Грановского в изданном Кудрявцевым в 1856 г. собрании его сочинений, Костомарова *«Богдана Хмельницкого»* и *«Бунт Стеньки Разина»* в вышедших тогда уже (1859) вторых изданиях, первые тома *«Истории»* Соловьева, его же *«Исторические письма»* и статьи Кудрявцева. Кавелина, Буслаева, Чичерина и др. в *«Русском вестнике»*, *«Отечественных записках»*, *«Современнике»*. Припомним также, что за этим чтением нас гораздо сильнее удерживало возбужденное общим движением любопытство юношеского ума, чем юношески незрелое понимание читаемого. Мы смутно чувствовали, что и в русской историографии веет новым духом, который проникал тогда во все отношения, в самые сокровенные углы русской жизни.

Теперь, спустя 40 лет, много перечитав и передумав, быв свидетелями широкого и разностороннего развития русской историографии, мы можем оглянуться на то далекое время с чувством некоторого самодовольства: наше тогдашнее смутное чутье нас не обманывало; мы знаем теперь, что русское историческое изучение переживало тогда глубокий перелом, успевший уже обнаружиться внушительными признаками. Археографическая комиссия обнародовала уже свои первые капитальные серии русских исторических источников, летописей и актов и в 1859 г. выпускала VII том *«Дополнений к Акт[ам] историческим»*. В подмогу ей начали действовать Виленская и

Киевская комиссия для разбора древних актов. Предпринято было немало других изданий памятников отечественной старины. Накоплялся значительный запас печатного архивного материала, и вместе с тем все более выяснялось, что в тысячу раз богатейший материал таится в рукописных книгохранилищах и архивах, ожидая работников. Сколько нового открыло тогда одно «*Описание*» Горского и Невоструева, начавшее выходить с 1856 г.! С другой стороны, на смену старым собирателям памятников народного творчества и быта — Максимовичу, Сахарову, Снегиреву, Терещенку — выступил ряд их деятельных продолжателей: Бессонов, Рыбников, Даль, Шеин, а в 1860 г. Общество любителей росс[ийской] словесности постановило издать песни, собранные П. Киреевским. Много свежих или уже испытанных ученых сил с редкой энергией и превосходной подготовкой принимались за обработку этого нового сырого и разнообразного материала, изданного и неизданного: Буслаев, Афанасьев, Забелин, Победоносцев, Кавелин, Чичерин, Дмитриев, Тихонов, Пыпин и много-много других; в 1857 г. вышел первый том «*Истории русской церкви*» Макария — и среди всех этих разнообразных, трудолюбивых и талантливых работ спокойным, мерным шагом, своей особой дорогой, по возможности никого не задевая, но и не выпуская из вида чужих трудов, выходила с 1851 г. «*История России с древнейших времен*» Соловьева, своими неизменными из года в год октябрьскими томами обозначая движение русской исторической науки, как часовая стрелка указывает на циферблате движение времени. Очевидно было, что течение русской историографии страшно дробилось, разбивалось на необозримо разносторонние специальные русла и возникал вопрос, как следить за этим все увеличивавшимся разветвлением русско-исторической изыскательности, чтобы не потерять нити общего направления русской исторической мысли.

В этот момент в «*Московском обозрении*» 1859 г. появилась без подписи автора обширная статья «*Современное состояние русской истории, как науки*». Я был тогда еще слишком юн, далек от Москвы и от ученого мира и лишь много лет спустя узнал, что эта статья Бестужева-Рюмина, а узнал это из приобретенного мною еще в студенческие годы экземпляра «*Московского обозрения*», на котором было написано: «*Воспитаннику 3-го спец. класса Феодору Строкину на память от издателя*». Под статьей рукой внимательного читателя, сделавшего в книге на полях много заметок, карандашом подписано:

Бестужев. Бестужев-Рюмин участвовал в издании «Московского обозрения». Около того же времени¹ он преподавал историю в московских корпусах: не он ли сделал эту надпись, даря книгу со своей статьей одному из старших своих учеников? Я не знаю, какое впечатление произвела эта статья на своих читателей при своем появлении. Перечитывая ее теперь, видим, что она написана бойко и живо и обличает в авторе человека, много читавшего, который при случае кстати припомнит и издания Сахарова, и различие между поэзией и историей по Аристотелю, и Геро-де-Сешеля, требовавшего себе из библиотеки законов Миноса для составления Французской конституции 1793 г., и сделает надлежащую выдержку из Маколея, Грановского, Юлиана Шмита. Главное содержание статьи — критический разбор первых восьми томов «Истории» Соловьева. Но чтобы быть вполне справедливым к своему учителю, которого он слушал в Московском университете, критик обзорева, как понимали историю и как пользовались источниками предшественники Соловьева, писавшие полную историю России: кн. Щербатов, Карамзин и Полевой, потом говорит о состоянии разработки источников в эпоху появления «Истории» Соловьева и всему этому предпосылает изложение современных требований от историка как выразителя народного самопознания. Требования очень суровы и трудно выполнимы — это те сложные, возвышенные, словом, идеальные требования, какие со слов великих мастеров историографии или глядя на их мастерские произведения любят предъявлять молодые читатели и начинающие ученые, но над которыми добродушно покачивают головой искушенные опытом и трудом обыкновенные историки (см. с. 3 и сл.). Соловьев, разумеется, не вполне удовлетворительно выдержал вооруженную такими требованиями критику своего ученика, хотя последний и отнесся к нему с большим почтением (с. 130).

Но эта большая статья гораздо важнее была для самого автора, чем для Соловьева и других современных русских историков, столь же строго им разобранных. Я думаю, что этот первый большой опыт Б[естужева]-Рюмина по русской истории окончательно сложил его взгляд на научное дело и на задачи его собственной научной деятельности. Он, 30-летний ученый, в этой первой серьезной пробе своего ученого пера, обзорева движение русской историографии, продумал в последова-

¹ Далее зачеркнуто: Б[естужев]-Рюмин.

тельном порядке основные факты нашей истории, пересмотрел ее источники с Карамзиным, Соловьевым и Кавелиным в руках, воочию убедился, как осторожно и обдуманно надобно ими пользоваться, на образцах поучился технике исторической работы. Его критические уроки, сказанные учителям, несомненно, гораздо более научили самого критика, чем их.

Этим определялось дальнейшее направление его ученых работ. Отправляясь от основательного изучения состояния, в каком он застал русскую историографию при своем вступлении на ученое поприще, он потом всю жизнь оставался зорким наблюдателем ее движения. Я даже не умею назвать, кто бы с большим вниманием следил за русской исторической литературой нашего времени. Призванный через несколько лет преподавать русскую историю в С.-Петербургском университете, он, сколько мне известно, и в свои курсы вводил вместе с обзором русских исторических источников обзор новейшей русской историографии. Всякий начинающий дельный исследователь по русской истории был им тотчас замечаем и встречал в нем внимательного и доброжелательного ценителя. Помню, видаясь с ним в давние редкие приезды его в Москву, бывало, едва успеваешь отвечать на его нетерпеливые вопросы, кто чем занимается в Москве из молодых ученых по русской истории, что кто задумывает писать, не найдено ли чего нового в рукописях в московских архивах. Сам он не брался за большие специальные работы по неизданным архивным или рукописным источникам. Правда, он оставил крупный след в разработке русских исторических источников: в 1868 г. вышла его известная диссертация: «О составе русских летописей до конца XIV в.». Этим трудом он укрепил в нашей исторической литературе прием изучения, который при умелом обращении с ним приносит плодотворные результаты,— это тонкий критический разбор составных частей памятника и их часто трудноуловимого происхождения. Я назвал бы этот прием, как он был выработан Б[естужевым]-Рюминым на изучении древнейших летописных сводов,— *химическим анализом* исторического источника.

В общем движении русской историографии он шел до конца своей особой дорогой, избрал себе здесь свое специальное дело, и это дело прямо отвечало на вопрос, поставленный широким развитием русского исторического изучения: он следил за все осложнявшимся движением русской исторической литературы, сводил, подсчитывал ее научные итоги, наблюдал ее общее направление и по

временам отмечал в ней сомнительные или неосторожные уклонения. Плодом этих многочисленных наблюдений и изучений и была его «Русская история», первый том которой вышел в 1872 г. Он сам объясняет задачу этого труда в первых строках предисловья: «Цель этой книги — представить результаты, добытые русскою историческою наукою в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности»². Кто из занимающихся русской историей переносит эту своеобразную книгу с письменного стола на полку! Она ежеминутно надобится, как путеводитель при обзоре осматриваемого города. Ее своеобразность в том, что в ней настоящий текст в нижней половине ее страниц, в этих неистощимо обильных цитатах и примечаниях, а верхняя половина — только прагматический фон или фактическая канва, по которой тщательной и удивительно терпеливой рукой выведены лучшие усилия и успехи русского труда и ума по изучению родного прошлого. Нисколько не умаляя и не преувеличивая этого труда, можно сказать, что это не только русская история, но и история работы русской мысли над русской историей. Сам автор хотел дать в своей книге руководство или, лучше, пособие приступающим к самостоятельному изучению русской истории. Собирая, сопоставляя и разбирая мнения, высказанные в литературе, он не выставляет на первый план своих, а высказывает их только кстати как научную возможность или робкий призыв ученой братии к содействию, проверке и поправке. Книга составила постепенно из университетских чтений, в которых профессор, по его признанию, всегда давал много места оценке источников и пособий и критическому изложению высказываемых в науке мнений.

² Цитата написана на полях рукой Б. В. Ключевского.

И. Е. ЗАБЕЛИН

І. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. Е. ЗАБЕЛИНА «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» (М., 1876, ч. 1)

[1876 г.]

Стремление¹ выпукло, наглядно изобразить явление с внешней стороны, но не объяснить его медленным анализом² известий. Факты взяты на чувство и воображение. Больше вглядывался, чем вдумывался.

Поэтому явления оторваны от места и времени. Вскользь замечается о 9 и 10 вв., но излагаются процессы первобытные, имевшие место в нелетописное время. Сам путает: то доисторическое время, то 9 и 10 вв. Действительно, картина не клеится с фактами 9 и 10 вв., как не по ним нарисованная. Вышла какая-то схема исторического развития, музыкальная фантазия, построенная на тему: как должно было быть, где сохранились только самые общие мотивы описываемой жизни. Картину м[ожно] перенести куда угодно, приложить к какому угодно городу. Ее даже нечего и опровергать, пот[ому] что автор ничего в ней не доказывает, а только излагает свои исторические откровения.

Но есть некоторые очевидные несообразности.

1) Общество Киевской Руси в 9 в. не первая форма русского общества и составила из обломков разрушенного строя. Прежние союзы. Куда же отнести те явления, какие рисует автор,—к 6 или 9 в.?

2) Забывает, что строй, являющийся в полов[ине] IX

¹ Над строкой: Содержание главы.

² Далее зачеркнуто: фактов.

[в.], сложился на юге под чуждым, хазарским игом. Поднепр[овские] города обязаны этому своим промышленным развитием, открытыми им торговыми путями, как после по Волге. Варяги то же сделали для Новгорода.

3) В росте большого города у З[абелина] два противоречащих себе взаимно момента: его строго волостные окрестные поселки, родовые, содержат его, как свою защиту, подчинены ему и потом все-таки он их покоряет, зачем-то опять облагает данью.

NB: Набег 865 г., как у герулов в III в., облегчался тем, что тогда нижний Днепр еще вполне в руках сброда, господствовавшего в Киеве. Ср. Дитмара с Мих. у Калачова, [с.] 69. Последний очень ясно указывает, как образовалось казачество. Ср. еще Антоновича о городских казаках XV—XVI вв. по Днепру.

NB: Местничество за столом Атиллы, [с.] 354 m. и f. 361. Славяне составляли союз еще до Атиллы, а в 9 в. первичные процессы.

382. Наречие бастарнов у Тацита [...]³.

II. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И. Е. ЗАБЕЛИНА «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» (М., 1879, ч. 2)

Вторая часть¹ обширного труда г. Забелина, которой несколько заждались читающая публика, отличается теми же достоинствами и недостатками, с которыми читатель хорошо познакомился по первой части. Здесь та же плавность, так сказать, тягучесть изложения, иногда переходящая в приятную² *causerie*³ как будто с целью облегчить напряжение читателя, та же изобразительность описаний, которая сообщает такую привлекательность географическому очерку России в первой части, наконец, та же теплота чувства любви к отечеству, согревающая холодный и утомительный разбор этнографических и

³ Далее в рукописи отдельные конспективные записи 1-й и 2-й частей книги И. Е. Забелина «История русской народной жизни», среди которых следующий текст: Мысли идут без плана и нужды, по мере нарождения, как несутся облака; нет ни последоват[ельного] рассказа, ни системат[ической] критики, и выходит одна старческая болтовня [...]

¹ Над строкой: Мнения З[абелина] не выдерживают критики даже сами по себе, не только по отношению к источникам. Узкоистор[ическое] мировоззрение, мало истор[ических] вопросов.

² Над строкой: простое.

³ Легкая беседа (фр.). Далее приписка: и вторющую всем известные вещи (69, 71), но и дающую отдохнуть.

полуисторических преданий и известий. Но с другой стороны, несколько излишняя подвижность воображения при постройке догадок и гипотез⁴, имеющих так мало оснований, что иногда⁵ уловимым остается только одно: «мне так нравится», неохота вдумываться в свою собственную⁶ мысль, проверить ее с недоверием, как чужую, прежде чем остановиться на ней, равнодушно к строгому порядку и точному, рельефному выражению⁷ размышлений, вследствие того недостаток формулирования⁸, последовательности, отчетливости в исследованиях и⁹ некоторая¹⁰, как бы сказать, раскидистость, от чего¹¹ происходят повторения и непривычка оглядываться на вышенаписанное, так что¹² там иногда на след[ующих]¹³ страницах отвергается то, что утверждается на других. Автору ничего не стоит признать киевским сохранившееся в визант[ийской] хронике предание, что имя россов идет от имени Росса, когда-то освободившего их от каких-то завоевателей, хотя у него никаких туземных¹⁴ доказательств на такое местное происхождение предания. Или на одной странице автор говорит, что Геродот не имел понятия о Балт[ийских] вендах, не знал, кто живет на дальнейшем севере от Скифии, а на следующей уверяет, что Геродот знал об этом, но, быть может, из купеч[еских] видов смолчал. Признание на с. 31¹⁵.

Наконец, и вторая часть носит на себе¹⁶ резкие следы того же настроения автора, которое так много повредило впечатлению¹⁷ первого тома¹⁸. Автор не просто исследует и очищает истину, истор[ические] факты, а все с кем-то борется; в одной руке он держит заступ исследователя-рудокопа, а из другой не выпускает ни на минуту шпаги¹⁹

⁴ *Далее зачеркнуто:* часто.

⁵ *Далее зачеркнуто:* осязательным.

⁶ *Над строкой:* первую намернувшуюся.

⁷ *Далее зачеркнуто:* отдельных.

⁸ *Над строкой:* дисциплины мысли.

⁹ *На полях:* наклонность заходить в область филологии, где не дома.

¹⁰ *Далее зачеркнуто:* какая.

¹¹ *Над строкой:* в связи с этим.

¹² *Далее зачеркнуто:* порой.

¹³ *Над строкой:* одних.

¹⁴ *Далее зачеркнуто:* местных.

¹⁵ *На полях:* Объяснение Новгорода, его происхождения, Петербургом? (47). Но противоп.— норманист.

¹⁶ *Далее зачеркнуто:* такие же.

¹⁷ *На полях приписка:* обе части не столько ученая экскурсия в отдаленную старину нашей истории, сколько воинственный поход против кого-то, очень близко живущего.

¹⁸ *Далее зачеркнуто:* первой части.

¹⁹ *Над строкой:* рапиры.

полемики. К сожалению, присутствие последнего орудия мешает у автора действию первого, сообщает тревожный, раздражительный, чтобы не сказать задорный, вызывающий тон его рассказу и должно показаться читателю тем более необъяснимым, что враги автора обыкновенно²⁰ остаются под покрывалом, являются в туманном виде каких-то «исследователей-патриотов», должно быть не русских, каких-то «наших академиков» (автор — не академик) и т. п. Люди, знакомые с почтенной кастой варягоисследователей, конечно, догадаются, кто эти туманные фигуры²¹, неприятные нашему автору. Но книга его, судя по характеру изложения, по обилию мест общих, отсутствию обычных в ученых специальных работах приемов изысканий, предназначается для широкого употребления, и человек из публики, а не цеховой специалист, увлеченный сочувствием к автору, видя, какие усилия делает автор для борьбы с его неведомыми²² врагами, может подумать, что это — опасные чудовища, подкапывающиеся под доброе имя и величие р[усского] народа, а не²³ скромные ученые, подобные автору и без злого умысла, не без пользы потрудившиеся над изучением русской старины и вовсе не заслуживающие казни²⁴ за свои ученые ошибки²⁵, б[ольшую] часть которых наш автор еще не²⁶ опроверг. Г[осподину] З[абели]ну почему-то кажется, что русский народ мистифицирован и запуган иностранцами, по их внушениям ценит себя ниже действительной стоимости. Он хочет правдивым²⁷ изображением деяний предков ободрить соотечественников, внушить им уважение к себе, взирать с доверием на свое будущее. Все это в высшей степени хорошо и поучительно, но все хорошо в свое время и на своем месте, и только та картина историч[еской] жизни художественна²⁸, которая поучает самими лицами и позами, а не подписями²⁹ живописца.

²⁰ Над строкой: б[ольшей] частью.

²¹ Далее зачеркнуто: враждебные.

²² Над строкой: прикрываемыми.

²³ Далее зачеркнуто: такие же.

²⁴ На полях: исправить. Далее зачеркнуто: за то, что.

²⁵ Над строкой: заблуждения.

²⁶ Далее зачеркнуто: доказал. Затем зачеркнуто одно неразборчивое слово.

²⁷ Над зачеркнутым: истинным.

²⁸ Над строкой: истинно назидател[ьна].

²⁹ Над строкой: сентим[ентальными] или облич[ительными]. Над строкой зачеркнуто: назидательными.

Для определения степени доверия, какую можно иметь к теории г. Забелина, стоит только воспроизвести процесс создания последней. Это и не особенно трудно, потому что г. Забелин, при всем своем таланте, действительный размер которого нет нужды отвергать³⁰, все-таки не настолько художник или не настолько досужий человек, чтобы спрятать нитки и закрасить швы своей работы.

Требуется доказать, что варяги-русь, призванные новгородцами, были венды³¹, славяне с Балтийского поморья. С этим решением автор вступает в дебри разнохарактерных и разновременных известий и преданий, им собранных и подобранных. Имя варягов происходит от слова *варяги*—предваряги; след[овательно], это передовые славяне, дальше восточных ушедшие на Запад; значит, это славяне балтийские, с Поморья Вислы—Одры, венеты-лютичи. Русь есть Ругия (остр[ов] Рюген). Но этот звук является и в топографии устьев Немана. Которая же Русь возникла древнее? Конечно, западная Поморская; это ничего, что³² велетов указывает в Неманском углу уже Птоломей во II в., велеты-лютичи Одры, где и Ругия, упоминается впервые в VIII в. Угол Поморья на Запад от Вислы в XII—XIII [вв.] именовался Славой, Славной и т. п.; здесь же доселе есть городок Славин. В Северной Руси на пространстве от Немана до Белоозера автор ищет и находит множество названий, прямо похожих или только намекающих на эти имена. Он без труда набирает большое количество таких названий, пот[ому] что у него не только Мстиславль, даже Богослов, даже Стайки—все это происходит от Славна, от славян. После того становится доказанным³³, что Новгородский край заселили славяне с Поморья, они же варяги. Так первые затруднения были побеждены, и на этом можно было бы остановиться. Но г. Забелин был так добр, что признал нашего древнейшего летописца правдивым, а правдивый летописец говорит, что новгородцы сперва прогнали варягов, а потом уже призвали из них князей. Естественно, догадыв[ается] Заб[елин], что призваны были другие варяги, не те, которых прогнали. Кого же прогнали и кого призвали? Изгнанные не названы летописцем³⁴, но призванных он зовет варягами-русью. Ясно, что это ругенцы-

³⁰ *Над строкой:* который нет нужды отвергать, если только привести его в истинн[ый] размер.

³¹ *Далее зачеркнуто:* поморские.

³² *Далее зачеркнуто:* о лютичах.

³³ *Над строкой:* почему новгородцы удержали Слов.

³⁴ *Над строкой:* особым именем.

велеты. Автор справился по книгам и нашел, что велеты жестоко враждовали с оботритами. Итак, изгнаны были оботриты. Но вот затруднение: стало быть, оботриты были в новгородском населении более древним слоем, чем велеты Одро-Вислянского Поморья. К чему же служит длинный и трудолюбивый перечень местных названий в России, напоминающих Словну и Словин именно этого Поморья? Присутствие³⁵ таких названий у оботритов не указано. Переставить имена, назвать изгнанных велетами, а призванных — оботритами мешает летописец: он называет призванных Русью, а на Поморье, «кроме острова Руги, другой значительной области с подобным именем не существует»³⁶.

Итак, изгнаны б[ыли] оботриты, а призваны, вероятно, велеты; но, значит, велеты еще раньше оботритов были владыками нашей страны и оставили память о себе в местных названиях. Итак, велеты дважды владычествовали в Новгороде. Это тем вероятнее, что по тем же книгам оботриты в нач[але] IX в. слабели на Западе, служили Карлу В[еликому] и немцам, за что терпели завоевания от датчан. Итак, призваны, несомненно, велеты-русь, но какие? Были велеты-русь Одро-Вислянского Поморья, ругенцы, были велеты-русь Неманского Поморья³⁷. Автору очень хотелось бы остановиться на последних: они ближе к Новгороду и своим появлением в Новгороде наглядно показали бы постепенное шествие славянской колонизации с западного края Поморья до Новгорода, да и звук «русь» на Немане и в Пруссии, который есть Поросье, явственнее, чем в Ругии. Но здесь опять мешает правдивый летописец, который прямо указывает жительство призванной руси на западном краю Поморья, возле датчан и англоу. Было бы лучше, легче, если бы летописец не говорил этого, хотя бы и знал, да смолчал; автор откровенно признается, что «если бы не это показание летописи, довольно отчетливое и ясное, то можно было бы с большою вероятностью предполагать, что призванная русь жила в устьях Немана». Как же быть? — С острова ли Рюгена, решает автор, была призвана русь или с устья Немана. — «Это все равно», лишь бы не из Швеции, хотя в обоих этих «равных» случаях³⁸

³⁵ Над строкой: Спр[авиться] в его карте.

³⁶ Внизу листа: 2-е — за 50 [лет] до 862 [г.]. 3) Изгнаны вагры, а Летопись из вагров князей почему же. 4) С незапамятных времен Русь, а Летопись с 862 г., пусть даже с конца 8-го в[ека].

³⁷ Далее зачеркнуто: вероятнее было бы.

³⁸ Далее зачеркнуто: варяги.

призв[анные] варяги-русь оказывается не вполне соответствующей своему имени³⁹, потому что велеты—какие же они варяги, передовые, переварившие всех, как и оботриты, бывшие дальше их к з[ападу],—были, не в пример, варяжистее их? Итак, новая помеха со стороны правдивого летописца устранена и призваны велеты-ругенцы, ругане, руги, русци, русь. Тут, кстати, г. Павинский подсказывает автору в своем исследовании*, что, как нарочно, с 839 г.—почти целое столетие—в западных хрониках ни слова не упоминается о велетах; ясно⁴⁰, что они ушли на восток⁴¹, их дружины были отвлечены призыванием в нашу страну. Здесь бы⁴² следовало остановиться исследователю, так как все, что требовалось доказать, доказано если не прямыми свидетельствами источников и вероятными и последов[ательными] выводами из них, то по крайней мере всерешающим аргументом: это все равно. Но автор идет дальше: он сообщает в подкрепление сказанного, что с IX в. немцы стали горячо и дружно выбивать балт[ийских] славян с их родных земель, именно с Эльбы⁴³. Это обстоятельство автор признает «едва ли не самую главную причину постоянного выселения славяно-варяжских дружин на наш кремнистый, но гостеприимный Север». Но эти выбиваемые немцами славяне были оботриты: их за 20 почти лет до призвания наших варягов завоевал король Людовик, и г. Забелин прибавляет, что это событие «несомненно заставило всех желавших свободы искать убежища где-ниб[удь] за морем и вернее всего в далеких странах нашего Севера». Что же выходит из всего этого? Несколько выше автор «с большою вероятностью» предполагал⁴⁴, что из Новгорода изгнаны были оботриты, а теперь несомненно заставляет тех же оботритов в то же самое время выселяться на наш Север. Итак, в одно время теснимые оботриты, враждебные велетам, переселяются на наш Север и изгоняются оттуда, а на их место призываются велеты, враждебные оботритам. Как примирить два противоположных течения—об этом ничего не находим у автора, не находим и даже его всесокруш[ающего] «все равно».

Оставалось предположить, что в промежуток 844—

³⁹ Над строкой: стойкое противоречие.

⁴⁰ Над зачеркнутым: и вот значит.

⁴¹ Далее зачеркнуто: в нашу страну.

⁴² Далее зачеркнуто: хорошо.

⁴³ Далее зачеркнуто: след[овательно], эти выбиваемые были теснимые к морю славяне.

⁴⁴ Далее зачеркнуто: не находил оснований отвергать.

862 гг. изгнанники оботриты не только нашли приют в Новгороде, но и успели утвердить там свое владычество⁴⁵ — наложили дань на гостеприимных хозяев, что именно в это время оботриты и сменили господствовавших там дотоле велетов. Но г. Забелин⁴⁶ уже раньше отрезал себе путь отступления в эту сторону, неосторожно заметив, что вагры-оботриты еще «в конце VIII и начале IX в. господствовали над многими, даже отдаленными слав[янскими] народами, *стало быть*, вообще господствовали по Балт[ийскому] слав[янскому] побережью, а потому *должны были* господствовать и на Ильменском Севере». Был, впрочем, и еще выход — предположить, что хотя оботриты и были изгнаны из Новгорода, даже не без содействия враждебных им велетов, однако⁴⁷ это не мешало новгородцам давать приют другим оботритам, гонимым из родины немцами, пот[ому] что «наш пустынный, но гостеприимный Север» обладал способностью мирить врагов, особенно ссорившихся братьев; но этим выходом автор почему-то не воспользовался⁴⁸.

Так строилась теория г. Забелина. Мы вовсе не принадел[ежим] к людям, которые, говоря словами автора⁴⁹, «одержимы немецкими мнениями о норманстве Руси». Мы, напротив, готовы приветствовать патриотическую попытку г. Забелина вывести наших первых князей из славянской земли, тем более что и до З[абелина] мысль о Балт[ийском] Поморье приходила некоторым на ум даже независимо от какого-либо патриот[ического] побуждения. Но мы не⁵⁰ верим, чтобы⁵¹ скачки от «может быть» к «должно быть»⁵² и к «большей вероятности», а от⁵³ вероятности к «несомненности», чтобы эта игра в слова и предположения могла стать основной прочной, долговечной научной теорией и чтобы живое понимание вещей и ист[орических] отношений, в котором автор⁵⁴ отказывает своим противникам, значило не иное что, как⁵⁵ охоту тасовать наскоро собр[анные] ист[орические] известия и

⁴⁵ *Далее зачеркнуто:* достигли там.

⁴⁶ *Далее зачеркнуто:* неосторожно.

⁴⁷ *Далее зачеркнуто:* однако других оботритов.

⁴⁸ *Далее позднейшая приписка:* Может быть, стремился предположить.

⁴⁹ *Далее зачеркнуто:* вовсе.

⁵⁰ *Далее зачеркнуто:* думаем.

⁵¹ *Далее зачеркнуто:* переход.

⁵² *Далее зачеркнуто:* и боль[ше] очень вероятно.

⁵³ *Далее зачеркнуто:* последней.

⁵⁴ *Далее зачеркнуто:* очевидно, решит[ельно].

⁵⁵ *Далее зачеркнуто:* искусство или.

выпытывать из них то, о чем они не г[ово]рят и чего не знают.

Д. И. ИЛОВАЙСКИЙ и И. Е. ЗАБЕЛИН

И[ловайский] — ученый-грызун, З[абелин] — ученый¹-*speculātor*², один берет зубами, другой — глазом. Один грызет и жует этнографич[еские] и геогр[афические] термины, другой мерит и рисует формы, дистанции, углы и линии. Мышь или жвачное, птица. Один различает только плотность, другой — только формы и поверхности; один все берет снизу, другой — только сверху; оттого один только разлагает³, не зная, что такое разлагаемое, другой только берет все в целом, не зная, из чего состоит оно. Один родился жующим стариком, другой умрет сосущим младенцем. Один — тихий, тенорный рассказчик, другой — бриозный⁴, описатель шумный; один немного скучен, другой немного тяжел, и оба — не наука, хотя оба патриота: лес и степь, болото и поток.

Н. И. КОСТОМАРОВ

Его много и с увлечением читали, пока он писал; но можно опасаться, что его слишком строго будут критиковать с той минуты, как он перестал писать. Но по характеру своему К[остомаров] не мог жить и не писать... Благодаря тому учено-литературная судьба его сложилась наименее благоприятно как для его авторской деятельности, так и для правильной критической его оценки. Его только много хвалили, когда ему нужны были поправки; его будут порицать, когда уроки и указания критики уже ничего не поправят в том, что написал он.

Русская история была для него музеем, наполненным коллекцией редких или обыкновенных предметов. Он равнодушно проходил мимо последних и останавливался перед первыми, долго внимательно любовался ими. Через несколько времени читающая публика получала прекрасную монографию в одном или двух томах и прочитывала ее с наслаждением, отнимавшим всякую охоту спрашивать, как и из каких материалов построена эта¹ привлекательная повесть. Так накоплялся ряд исторических обра-

¹ Далее зачеркнуто: *contempl[ātor]* — наблюдатель (лат.).

² Высматриватель (лат.).

³ Далее зачеркнуто: другой.

⁴ Бриозный — от *brioso* (итал.) — с блеском, живо.

¹ Над зачеркнутым: столь.

зов, оторванных от исторического прошедшего и связавшихся неразрывно с их автором. Мы говорим: это костомаровский Иван Грозный, костомаровский Богдан Хмельницкий, костомаровский Стенька Разин, как говорили: это Иван Грозный Антокольского, это Петр В[еликий] Ге и т. п. Мы говорим: пусть патентованные архивариусы лепят из архивной пыли настоящих Грозных, Богданов, Разиных — эти трудолюбивые, но мертвые слепки² будут украшать археологические музеи, но нам нужны живые образы, и такие образы дает нам К[остомаров]. Все, что было драматичного в нашей истории, особенно в истории нашей юго-западной окраины, все это рассказано К[остомаровым], и рассказано с непосредственным мастерством рассказчика³, испытывающего глубокое удовольствие от своего собствен[ного] рассказа.

² *Над зачеркнутым*: может быть.

³ *Над зачеркнутым*: подходящего.

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

1861—[18]93 [гг.]¹

[Не ранее 3 декабря 1902 г.]

Русская история в составе умственных интересов образованного русского общества не занимает особенно видного² места. Интерес к ней посредственный, живой, но сдержанный, ближе к недоумению, чем к равнодушию. Такое отношение объясняется с обеих сторон, со стороны как историков, так и самого общества, даже с некоторых других сторон, не зависящих ни от историков, ни от общества³.

Людям надобится прошедшее, когда они уяснят себе связь и характер текущих явлений и начнут спрашивать, откуда эти явления пошли и к чему могут привести. Когда, например, в обществе почувствуется, что обычный ход дел, составляющих ежедневное содержание жизни, начинает колебаться и расстраиваться, обнаруживать противоречия и создавать затруднения, каких прежде не ощущали, это значит, что условия жизни начинают приходить в новые сцепления, наступает перемена, складывается новое положение. Тогда рождается потребность овладеть ходом дел, возникших как-то нечаянно, самопроизвольно, «в силу вещей», как принято выражаться о явлениях, возникающих без участия чьей-либо сознательной воли. Чтобы освободить свою жизнь от такого

¹ Название написано синим карандашом.

² Два слова написаны над зачеркнутым: господствующего.

³ Далее зачеркнуто: До настоящей минуты обществу не до прошедшего.

стихийного характера и дать разумное направление складывающейся новой комбинации отношений, люди стараются выяснить цель, к которой ее желательно было бы направить, а эта цель обыкновенно составляется из совокупности интересов, господствующих в данную минуту. Эта естественная потребность в целесообразности и обращает умы к прошедшему, где ищут и исторического оправдания этим интересам, и практических указаний на средства к достижению желаемой цели. В усилении исторической любознательности всегда можно видеть признак пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом положении, создавшемся помимо его или при слабом его участии, и это пробуждение в свою очередь свидетельствует, что новое положение уже достаточно упрочилось и раскрылось, чтобы дать почувствовать свои последствия. Общественное сознание тем и отличается от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено восходить к искомым причинам от данных последствий.

Последние четыре десятилетия минувшего века нельзя признать особенно благоприятным временем для правильного и деятельного развития в нашем обществе склонности к историческому размышлению, особенно об отечественном прошлом. Во все это время обществу было не до прошлого: общее внимание было слишком поглощено важностью настоящего и надеждами на ближайшее будущее. Это не значит, что положение, создавшееся реформами, являлось неожиданно⁴, независимо от общественно-го сознания. Напротив, оно давно ожидалось и требовалось мыслящим обществом как вполне⁵ созревшая народная потребность, даже как историческая необходимость, и значительно запоздало явиться. Чувство этой просрочки давало реформам несколько ускоренный, торопливый ход, неудобства которого не могли не отразиться на их успехе. Но реформы предпринимались по обдуманному плану, строились на началах, признанных наилучшими, обсуждались в учреждениях, в печати и в обществе, соображались с наличными условиями. Правда, проекты реформ страдали иногда недостатком точных и полных исторических справок. Но готовых исторических указаний, практически пригодных⁶, преобразователи не находили ни в общественном сознании, ни в исторической литературе, а сами они

⁴ Далее зачеркнуто: [неожиданно]стью.

⁵ Написано синим карандашом над зачеркнутым: давно.

⁶ Далее зачеркнуто: для.

не могли же стать и историками-исследователями. Затруднение состояло не в самих реформах, а во взгляде общества на их возможные последствия. Здесь допущена была некоторая благодушная непредусмотрительность, создавшая два момента, одинаково не благопр[иятных] для исторического сознания. Вначале господствовало убеждение, что начинания, истекающие из столь благих намерений и благонадежных соображений, сами собой, естественно принесут плоды, соответствующие своим источникам. Дела и дали идти своим естественным ходом, а сами стали не терпеть [...] ⁷ ливо ждать предположенных плодов, желая только, чтобы не мешали естественному течению дел, той же «силе вещей». Это был первый антиисторический момент в общественном сознании, возбужденном реформами. Чего могли искать в темном прошедшем, когда в близкой дали виднелось светлое будущее? В виду желанного берега охотнее считают, сколько узлов осталось сделать, чем сколько сделано. Что может историческое изучение изменить или предотвратить в судьбе, предрешенной бесповоротно? Оптимизм так же мало расположен к историческому размышлению, как и фатализм.

И дела пошли своим естественным ходом...

Стороннему наблюдателю Россия представлялась большим кораблем, который несется на всех парусах, но без карт и компаса.

Так из преобразовательных последствий, недостаточно предусмотренных и направленных, сложилось положение, с которым чувствовали себя не в силах справиться. От всех этих *порывов, колебаний* из стороны в сторону, преемственных подъемов и понижений народного духа и общественного сознании отложилось, кажется, только одно несколько выяснившееся историческое представление — что русская жизнь сошла с своих прежних основ и пробует стать на новые. Русская история опять разделилась на две неравные половины периода, дореформенную и реформированную, как прежде делилась на допетровскую и петровскую или древнюю и новую, как они еще назывались. Это представление было вторым антиисторическим моментом общественного сознания, вышедшим из одного источника с первым — из невнимания к исторической закономерности и к наличности исторически нажи-

⁷ На этом рукопись обрывается. Внизу приписка: *Дворянские и админист[ративные] тревоги. Продолжение печатается по другой рукописи (см. комментарий).*

тых сил⁸. Повторяя, что реформированная Россия сошла со старых основ своей жизни, не хотели припомнить, что в исторической жизни таких чудес механич[еских] перемещений не бывает. Это была простая неудачная метафора, взятая из порядка понятий, совсем не соответствующего историческому процессу,—одна из тех метафор, с помощью которых люди заставляют себя думать, что они поняли непонятное. Ничего особенного не случилось с Россией в царствование имп. Александра II: случилось то, что бывало со всяким историческим народом, что бывает со всяким человеком, не успевшим умереть в детстве,—обнаружилась *работа времени*, наступил переход из возраста в возраст, из подопечных лет в совершеннолетие, подошел призывный год. В истории каждого исторического народа бывал период, когда правительство, по какому бы шаблону оно ни было сформировано, думало и действовало за управляемое им общество, опекало его, предписывало ему образ мыслей, чувств и верований, правила благоповедения. Потом, когда пробивал урочный час, правительство, чуткое к движению времени, присматривавшееся, как ползет *историческая стрелка*, понемногу ослабляло бразды правления и, не выпуская их из рук, нечувствительными манипуляциями⁹ правящего ума приучало¹⁰ народ своими зрелыми глазами¹¹ отыскивать свою историческую дорогу. Особенностью русского совершеннолетия было разве только то, что оно наступило немного поздно, что русский народ слишком долго засиделся сиднем в своем детстве, что, впрочем, случилось и с одним из его богатырей, что он освободился от крепостного права, когда его старшие европейские братья успели забыть, что оно у них когда-либо существовало, и *очистили свой быт*, свои нравы от всяких следов его. Имп. Александр II совершил великую, но запоздалую реформу России: в величии реформы—великая историческая заслуга¹² и[мперато]ра; в запоздалости реформы—великое историческое затруднение русского народа.

Но общество решило, что Россия сошла с старых основ своей жизни, и по этому решению настроило свое историческое мышление. Отсюда родился ряд практических недоразумений. Одно из них состояло в *новом оправдании* своего равнодушия к отечественному прошло-

⁸ На полях: повторить и первый яснее.

⁹ Над строкой: приемами.

¹⁰ Над строкой: политической тактики.

¹¹ На полях знак вопроса.

¹² На полях: дела.

му. Еще недавно думали: зачем оглядываться назад, в темную даль за спиной, когда впереди такое светлое и обеспеченное будущее? Теперь стали думать: чему может научить нас наше прошлое, когда мы¹³ порвали с ним всякие связи, когда наша жизнь бесповоротно перешла на новые основы? Такая диалектика была очень логична, но недостаточно благоразумна, потому что противоречила исторической закономерности, которая не любит противоречия и наказывает за него. Исторический закон — строгий дядька незрелых народов и бывает даже их палачом, когда их глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к *историческому самозабвению*¹⁴. А потом, в этом самодовольном равнодушии к истории был допущен один немаловажный исторический недостаток. Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу. Старая русская приказная рутина сказывалась в том, что важнейшие акты Верховной воли, внушенные доверием к здравому смыслу и нравственному чувству народа, изменялись в своем смысле или (искажались) в исполнении подозрительными дополнительными распоряжениями исполнительных органов. Разве не та же старинная полицейская пугливость обличала сама себя склонностью в неосторожной вспышке незрелой русской политической мысли видеть подкоп под вековые основы русского государственного строя и карать ее соответственным испугу градусом восточной долготы? И общество не всегда оказывалось на высоте положения, создавшегося реформами. Высшие классы, образованные и состоятельные, обязанные показать своим примером, как следует переходить со старых основ жизни на новые, дали в уголовном отделении окружных судов ряд публичных представлений, нежелательно ярко обозначивших нравственный уровень, на котором покоились их нравы¹⁵. А что сделали крестьяне из дарованного им сословного управления, всем известно. Отвращение к труду, воспитанное крепостным правом в дворянстве и крестьянстве, надобно поставить в ряду важнейших факторов нашей новейшей истории. *Торжеством этой* настойчивой работы старины над новой жизнью было внесение в нравственный состав нашего общежития нового элемента — недовольства, и притом неискреннего¹⁶ недовольства, в

¹³ *Далее зачеркнуто:* бесповоротно.

¹⁴ *Далее зачеркнуто:* самоубийству.

¹⁵ *Вписано на нижнем поле:* Щедрин.

¹⁶ *Над зачеркнутым:* лукавого.

котором недовольный винил в своем настроении всех, кого угодно, кроме самого себя, сваливал грех уныния с больной головы на здоровую. Прежняя общественная апатия уступила место общему ропоту, вялая покорность судьбе сменилась злоязычным отрицанием существующего порядка без проблеска мысли о каком-либо новом.

Истинная подкладка этого недовольства очевидна: это общий упадок благосостояния при частных искусственных исключениях. Недовольство обострялось чувством бессилия поправить положение, *в создании которого все участвовали и все умывали руки*. При таком настроении не могло образоваться живой связи между русской историографией и общественным сознанием. Общество недоумевало, с чем или зачем обращаться к своему прошлому, не ставило историческому исследователю внятных запросов, а исследователь не догадывался, на что ему отвечать, когда его ни о чем не спрашивали. Историография шла особняком, руководствуясь своими собственными академическими соображениями, состоянием материала, очередью научных вопросов, указаниями иностранной исторической литературы¹⁷.

Такое отношение, по-видимому, приходит к концу; по крайней мере желательно, чтобы оно возможно скорее изменилось. Противоречия положения настолько выяснились, затруднения, из него вытекающие, чувствуются так больно, что само собою рождается желание дать делам какое-либо менее случайное направление. В общественном сознании, если не ошибаемся, все настойчивее пробивается мысль, что предоставлять дела так называемому естественному их ходу — значит отдавать их во власть дурных или неразумных сил, что *историческая закономерность состоит не в отсутствии сознательности*, не в стихийности жизни. Пробуждение этой мысли — признак потребности овладеть положением, создавшимся плохо предусмотренной и урегулированной борьбой неуравновешенных сил. Руководящим мотивом этой потребности должно быть¹⁸ убеждение, что мы вовсе не на другом берегу, лишенном всякой материковой связи с покинутым, что мы идем своей старой исторической дорогой, несем с собой средства, выработанные вековым народным трудом, недостатки, воспитанные в нас былыми народными несчастьями, задачи, поставленные нам условиями нашего прошлого. Если мыслящий русский человек, разделяя такой поворот общественного сознания, обратится к теку-

¹⁷ Абзац очерчен на полях синим карандашом.

¹⁸ Над строкой: статья.

щей русской историографии, он найдет ее приблизительно в таком состоянии, если его представить в самых общих очертаниях.

Усиленное внимание обращено на исторические источники, преимущественно неизданные и необследованные. Столичные и провинциальные учреждения с Академией наук во главе, ученые комиссии и общества собирают, приводят в порядок и издают вещественные и письменные памятники старины¹⁹. Губернские архивные комиссии²⁰ ведут детальную работу над разнообразными местными материалами, образуя своими изданиями особый и уже значительный отдел в составе русской исторической литературы. В то же время ряд исследователей, в большинстве молодых людей, пробует свои силы в обработке нетронутого материала центральных архивов и один за другим издает или готовит монографии, освещающие те или другие факты из истории управления, общественного строя или народного хозяйства. В эту работу все сильнее вовлекается и история Западной России, пополняясь обильными и любопытными данными, выносимыми из архивов в Москве, Вильне, Киеве. Если мысль и труд исследователя все чаще обращается к явлениям нашей истории последних столетий, то, с другой стороны, продолжается в разных местах нашего Отечества, преимущественно в Южной России, давно начатая и поддерживаемая археологическими съездами разработка ископаемых памятников глубокой, долетописной старины. Захватив уже значительные районы изыскания, достигнув замечательных успехов в развитии техники приемов, эта трудная отрасль русского исторического изучения все более выясняет те таинственные связи и влияния, под действие которых становились предки русского народа, когда усаживались в пределах Восточно-Европейской равнины.

За этой сложной и разносторонней работой русской исторической мысли трудно уследить образованному человеку, по своему общественному положению не принимающему в ней непосредственного участия. Ближе касаются его попытки свести накопившийся запас материалов и частичных трудов в нечто цельное, воспроизвести наше прошлое в виде стройного исторического процесса, в котором выступали бы перед читателем как причины, его

¹⁹ Далее зачеркнуто: так, император[ское] Русское историческое общество недавно издало уже 112-й том своего монументального *Сборника*, образуя целую все растущую библиотеку документов по русской истории XVIII и XIX вв.

²⁰ На полях: с Киев[ской] и Вил[енской].

двигавшие, так и результаты, от него отлагавшиеся. В этом отношении наше читающее общество оценило *«Очерки по истории русской культуры»* г. Милюкова, представившего в нескольких цельных параллельных обзорах ход развития русской жизни с разных сторон: экономической, государственной, социальной и духовно-нравственной. Составить цельное и отчетливое представление о всем ходе нашей исторической жизни тем труднее читателю, что в нашей литературе, если не считать учебных руководств, доселе нет обстоятельного прагматического изложения событий русской истории, доведенного хотя бы до половины минувшего столетия. Покойный С. М. Соловьев не думал продолжать свою *«Историю России»* далее конца XVIII в., и смерть прервала ее на эпохе Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г. Г[осподин] Иловайский три года назад в IV томе своей *«Истории»*²¹ не спеша подошел к концу царствования Михаила [Федоровича] и недавно известил о скором выходе в свет V тома.

Работа русской историографии идет ровным ходом и в довольно миролюбивом духе. Былые богатырские битвы западников с славянофилами затихли и вместе с своими богатырями отошли в область героической эпопеи русской историографии²². Постепенно растворяясь новыми влияниями и взаимными уступками, оба направления сближались и привыкали друг к другу, теряли сектантскую исключительность и, ассимилируясь, жизненной частью своего состава входили в общее сознание, даже становились общим местом, а что было в них специфического, неуступчивого и неразстворимого, то пыталось кристаллизироваться в новые сочетания воззрений и гипотез под названиями государственников и народников или как еще они в свое время назывались. Самый варяжский вопрос, имевший некоторое соприкосновение с обоими этими направлениями и так долго служивший пробным камнем историко-критической мысли для пришлых и туземных историков, вспыхивая по временам случайными столкновениями и чуть не осложнившись вопросом болгаро-гуннским, кажется, убедился, что ему не выйти из области уравниний с тремя неизвестными, и утратил надежду и охоту сложиться в убежденную и научно формулированную²³ теорию. Новых направлений с принципиальными разногласиями не заметно; слышны только споры методологического или экзегетического характера.

²¹ *На полях*: в прим. с Бестуж[евым-Рюминым].

²² *На полях*: Забелин.

²³ *Над строкой*: обоснов[анную].

ЮБИЛЕЙ О[БЩЕСТВА] И[СТОРИИ] И Д[РЕВНОСТЕЙ] Р[ОССИЙСКИХ]

[1904 г.]

18 марта 1804 г. в Московском университете собрался под председательством ректора университета Х. А. Чеботарева кружок ученых людей из 4-х профессоров и двух сторонних лиц, одним из которых был Н. М. Карамзин, незадолго до того получивший звание историографа. Так открылись действия учено-исторического общества, возникшего при Московском университете, старейшего из существующих теперь в Москве ученых и литературных обществ. На первом же заседании¹ общество усвоило себе название «Общества истории и древностей российских» и установило свою задачу — критическое издание русских летописей.

Общество возникало при Московском университете, образуя его органическую часть «в недрах его», как тогда выражались о новом учреждении, и в тесной связи с исторической аудиторией университета. Все первые члены общества были избраны «общим собранием профессоров Московского университета», действительные — из среды этих² профессоров, в большинстве преподаватели истории, почетные — из сторонних лиц, «мужей просвещенных и сведущих в отечественной древней истории». Первым председателем Общества был избран ректор университета, первым секретарем Общества — секретарь университетского Совета.

Ближайший повод к образованию Общества шел издалека, от бывшего некогда русским академиком, теперь доживавшего свой век профессором Геттингенского университета А. Л. Шлёцера, знаменитого исследователя русской Начальной летописи. Добиваясь русского ордена за изданные в 1802 г. первые части исследования о Несторе, Шлёцер в письме к гр. Н. П. Румянцеву высказал пожелание видеть полное издание древних русских летописей, а министр народного просвещения гр. Завадовский в начале 1804 г. доложил государю, что Шлёцер выразил готовность соучаствовать с русскими учеными в

¹ На полях знак вопроса.

² На полях: самих.

таком издании. Государь повелел для этого дела составить особое общество при одном из русских «ученых сословий», т. е. выс[ших] учебн[ых] учреждений. Московскому университету и было предложено образовать такое общество.

Так основалось при Московском университете целое ученое Общество³, ограничившее свою первоначальную задачу специальным делом критического издания русских летописей, а потом расширившее свои занятия на всю область источников русской истории. Было бы, однако, исторической неточностью, даже несправедливостью подумать, что единственно стороннему внушению Московский университет обязан заслугой, какую он оказал русской науке, образовав под своим кровом Общество истории и древностей российских. Геттингенская идея о коллективной разработке русской истории нашла, и именно в Москве, восприимчивую среду, достаточно подготовленную к ее усвоению. Я не решусь занимать внимание присутствующих изложением истории нашего Общества⁴: читателям, интересующимся его деятельностью, скоро будет предложен исторический ее обзор⁵ за пережитое Обществом столетие. Но да будет мне позволено обратить Ваше внимание на возникновение и развитие мысли о разработке отечественной истории соединенными усилиями нескольких лиц или особого учреждения. Может быть, при этом удастся отметить какую-либо не лишенную значения черту из истории нашего самосознания⁶.

Мысль о коллективной разработке нашей истории возникла задолго до Шлёцера и до учреждения Общества истории и древностей российских. В этом отношении особенно выдается у нас XVI век: это была эпоха оживленного летописания, силившегося собрать свои средства и выбраться на новую дорогу. Тогда составлялись обширные летописные своды с подробными оглавлениями, генеалогическими таблицами русских и литовских государей, с географическими росписями и другими приспособлениями, как будто намекавшими на пробуждение потребности в научной обработке истории. В летописном повествовании становятся заметны проблески исторической критики; в него пытаются внести методический план, даже провести

³ На полях: собрат[ство].

⁴ Далее зачеркнуто: внимание.

⁵ На полях: Забелин.

⁶ На полях знак вопроса.

в нем известную политическую идею. «Степенная книга царского родословия», пытаясь изобразить успехи верховной власти в России, располагает свое бытописание по генеалогической схеме, по «степеням» или «граням», династическим поколениям и именно в прямой нисходящей линии согласно с порядком преемства власти, о котором так настойчиво заботились московские великие князья. Предпринимается обширный летописный свод, начинающийся легендой о венчании Владимира Мономаха венцом византийского императора и выражением отважной мысли, что покой православного Востока должен держаться на совместном господстве, «на общей власти» греческого царства и великороссийского «самодержавства», говоря проще, на плечах одной Москвы, когда она почувствовала себя, после падения Византии, единственной в мире блюстительницей и защитницей православия. В этих смелых порывах едва пробуждавшейся исторической мысли можно заметить московский правительственный почин и неясные следы какой-то собирательной историографической работы. По крайней мере уцелело неясное свидетельство, позволяющее думать, что один из самых деятельных дипломатов царя Иоанна Грозного в лучшую пору его царствования, Алексей Адашев, руководил какой-то работой над «летописцем лет новых», по всей вероятности над так называемой «Царственной книгой», дошедшей до нас летописью царствования Иоанна.

В нашей истории я не знаю другой эпохи, которая произвела бы на русское общество такое сильное и притом двойственное действие, как Смутное время самозванцев. Русское общество вышло из того потрясения разоренным и просветленным, со страшной болью пережитых страданий и с обильным запасом новых опытов и мыслей. Недаром послы Земского собора в 1613 г., моля Михаила Федоровича принять царство, говорили, что теперь люди Московского государства «наказались все», т. е. научились многому. И историческая письменность тогда сделала у нас большой шаг вперед: народные бедствия помогли ей перейти от летописанья к историографии. Что делать: не раз замечено, что историческая мысль успешно растет из политых кровью развалин. Келарь Авраамий Палицын в своем «Сказании об осаде Троицкого Сергиева монастыря» так глубоко вдумывается в причины Смуты, что современный историк немного может прибавить к его умным соображениям. Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике», обозревая пережитое им страшное время, начиная с опричнины, удивительно чутко

понимает связь и последовательность, внутреннюю логику исторических явлений. Это — настоящие историки-мыслители⁷.

Но Авраамий Палицын и Иван Тимофеев были люди старого поколения. Смута многому их научила; но не она их воспитала. В их воспоминаниях и размышлениях еще чувствуется умственный подъем времен митрополита Макария и лучших лет Грозного. Но Смута сделала и другое свое дело: дальнейшее поколение понесло на себе тяжелые следствия погрома, пережитого отцами. Я не знаю, сказался ли этот упадок в чем-нибудь так явственно, как в нескольких архивных документах⁸, из которых узнаем, как пытались писать русскую историю в царствование Алексея Михайловича. Здесь мы встречаемся с учреждением, которое по сродству задач, не по устройству, можно назвать ранним предшественником нашего Общества.

Указом 3 ноября 1657 г. царь Алексей М[ихайлови]ч повелел учредить особое присутственное место, *Записной приказ*, а в нем сидеть дьяку Кудрявцеву и «записывать степени и грани царственные с великого государя царя Федора Ивановича», т. е. продолжать Степенную книгу, прерывающуюся на царствовании Иоанна Грозного. Начальник нового приказа должен был вести это дело с помощью двух старших и шести младших подьячих, которым на жалованье и на все канцелярские расходы ассигновано было 100 рублей, около 1700 р. на наши деньги, а для письма велено царем выдать из Посольского приказа 50 стоп бумаги. Эта, как бы сказать, историографическая комиссия устроилась трудно и далеко не по царскому указу. Ей отведено было помещение в тесной и гнилой «избенке», где притом рядом с историографами сидели арестанты со сторожившими их стрельцами. Младшие подьячие совсем не были назначены, а в выдаче бумаги Посольский приказ решительно отказал. С большими хлопотами сопряжены были поиски источников. Царь указал Кудрявцеву брать книги из приказов и «где он, дьяк, сведает». Тот обращался в один, в другой приказ, но получал ответ, что никаких книг, кроме приказных дел, нет, хотя после там оказались очень пригодные для дела рукописи и документы. Более года Кудрявцев наводил справки о надобных ему рукописях у частных лиц. Проведал он о «Временнике» дьяка Тимофеева. Один москвич сказал ему, что этой книги надобно

⁷ Далее четверть листа оставлена чистой.

⁸ На полях: недавно обнар[уженных].

искать у кн. Воротынского, а по догадке другого — скорее в доме кн. Львова. Кудрявцев ходил к кн. Воротынскому, который сказал, что были у него рукописи, да их у него взял дядя. В конце 1658 г. сам царь обратил внимание своего историографа на важное хранилище исторических памятников, на патриаршую библиотеку. Она была тогда по случаю удаления патриарха Никона в Воскресенский монастырь запечатана печатями кн. Трубецкого и Стрешнева. Кудрявцев достал опись этого книгохранилища и по ней отметил надобные ему рукописи. Царь указал взять эти книги у Стрешнева в Записной приказ. Но либо Стрешнева не оказывалось в Москве, либо Кудрявцеву не удавалось добиться доклада у кн. Трубецкого, и царское повеление опять осталось неисполненным. Между тем Кудрявцев изучал собранные летописи, хронографы и другие памятники, слышал кое-что даже о польской хронике Стрыйковского, составлял план своего труда и сообразил, что ему необходимы выписки из архивов разных приказов о делах военных, политических и церковных, которые должны найти место в его Степенной. По распоряжению царя он и обратился в подлежащие приказы. Только Патриарший приказ ответил, что с требуемыми сведениями о патриархах, митрополитах и епископах с царствования Феодора Ивановича в том приказе «записки не сыскано». Другие приказы, несмотря на настойчивые доклады Кудрявцева, не дали и такого ответа, а начальник одного из них потом откровенно признался, что ему со всеми своими подьячими требуемой выписки и в 10 лет не сделать. Сдавая свою должность в начале 1659 г., Кудрявцев не оставлял почти никаких ощутительных плодов своих 16-месячных историографических усилий, «по ся места в Записном приказе государеву делу и начала не учинено нисколько», как выразился его преемник. В приказе даже не оказалось старой Степенной книги, которую ему поручено было продолжать, и там не знали, чем она оканчивалась и с чего начинать ее продолжение. Но и второй дяк ничего не сделал, хотя и подал добрую мысль собрать в Записной приказ степенные и летописные книги из архиерейских домов и монастырей. Очевидно, в тогдашней Москве к такому делу еще ничего не успели приладить, не были готовы ни умы, ни документы.

Неудачный опыт не погасил мысли составить русскую историю посредством особого правительственного учреждения. Перенесемся в другую эпоху, к первым годам царствования императрицы Елизаветы. При Академии

наук усердно трудился над русской историей приезжий ученый Герард Фридрих Миллер. Он почти 10 лет ездил по городам Сибири, разбирая тамошние архивы, проехал более 30 тыс. верст и в 1743 г. привез в Петербург необъятную массу списанных там документов. Через год он предложил учредить при Академии наук «Исторический департамент для сочинения истории и географии Российской империи» с особой должностью историографа во главе и с двумя при нем адъюнктами. Это — не только ученое, но и учебное учреждение: при нем состоят 1 переводчик и 2 переписчика, но в качестве студентов, а не подъячих, обучаются языкам и наукам, готовясь со временем стать адъюнктами. Департамент этот должен быть в Москве, и на содержание его отпускается 3½ тыс. рубл[ей], около 30 тыс. на наши деньги, значит, в 17—18 [раз] больше содержания Записного приказа; зато насколько же он и совершеннее последнего как по научным задачам, так и по организации! Но предложение Миллера не было принято Академией.

Время импер[атрицы] Екатерины II значительно изменило форму и выяснило задачи коллективной историографии. Тогда усиленно проявлялась склонность составлять вольные общества с целями экономическими, учебно-воспитательными, филантропическими, особенно учено-литературными. Все более крепла мысль, что не всем общественным потребностям в состоянии удовлетворить правительственные учреждения и для них вспомогательными средствами⁹, а иногда и заместителями могут служить добровольные союзы частных лиц, одушевляемых одинаковыми стремлениями. Возникло Вольное экономическое общество «к поощрению в России земледелия и домостроительства»; возникали или предполагались в Петербурге и Москве и другие общества с различными целями. С этим направлением умов можно связать любопытную попытку самой императрицы создать и для исторических работ переходную форму от правительственного учреждения к частному обществу¹⁰. Указом 4 декабря 1783 г. она повелела назначить под начальством и наблюдением гр. А. П. Шувалова несколько, именно до 10, человек, которые совокупными трудами составили бы полезные записки о древней истории, преимущественно же касающиеся России, делая краткие выписки из древних русских летописей и иноземных писателей по изве-

⁹ На полях: подспорьем; заменой.

¹⁰ На полях: служ[ебные] должн[ости].

стному довольно своеобразному плану. Эти ученые составляют «собрание»; но их избирает Шувалов, предпочитая при выборе «прилежность и точность остроумию», и представляет императрице. Между членами этого собрания должно быть три или четыре человека, не обремененных другими должностями или достаточно досужих, чтобы трудиться над этим поручаемым им делом, получая за этот труд особое вознаграждение. Собрание будет состоять под высочайшим покровительством. «Начальствующий» над ним распределяет труд между членами, наблюдает за успешным его течением, исправляет ошибки, собирает всех членов по своему усмотрению и представляет императрице труды собрания, которые с ее дозволения печатаются в вольной типографии на счет Кабинета. Отпускаемые из Кабинета на расходы по собранию суммы (на первое время 1000 р[ублей]) расходуются по распоряжению начальствующего. Этот начальствующий не то директор миллеровского исторического департамента¹¹, не то председатель ученого исторического общества.

Общественное оживление, о котором я сейчас упомянул, с особенной силой проявлялось тогда в Москве, и средоточием его был именно Московский университет. При нем в 1771 г. возникло *Вольное российское собрание*. В 1782 г. кружок Новикова и Шварца образовал *Дружеское ученое общество*, в состав которого входило вместе с Шварцем еще несколько профессоров Московского университета. Движение захватило и учащуюся молодежь. Шварц устроил *Собрание университетских питомцев*; питомцы университетского Благородного пансиона также стали собираться для чтений и собеседований. По закрытии Дружеского ученого общества и Вольного российского собрания основано было при университете в 1789 г. *Собрание любителей российской учености*. И в этом деле Москва смотрела на Запад. В предисловии к уставу Собрания любителей российской учености Московский университет писал: «Сколь много споспешествуют распространению наук ученые общества, открытые в европейских державах при университетах, свидетельствуют в том ощутительно многоразличные труды их, которые преимущественно просвещенный век наш возвысили». Московские общества не были специально исторические; но в 6 частях трудов Вольного российского собрания

¹¹ На полях знак вопроса и: Деп[артамент] р[усской] ист[орин].

помещено много исторических памятников и исследований, между прочим того же Миллера.

Так намечались состав и задачи учено-исторического общества. В указе императрицы Екатерины II просвечивает мысль, что предварительную работу историографии, собирание и первоначальную обработку исторического материала, должно вести дружным совместным трудом многих по определенному плану. Московские общества, сейчас упомянутые, обнаружили зародившиеся стремления частных и должностных лиц соединять свои силы для просветительного дела, сосредоточиваясь вокруг университета, образуя при нем частные вспомогательные учреждения. Не будучи специально-историческими, названные московские общества¹² имели тесную связь с Обществом истории и древностей российских. Чеботарев, Страхов¹³ и другие ранние члены этого Общества¹⁴ входили прежде в состав Вольного российского собрания и Дружеского ученого общества и принесли с собой направление и взгляды новиковского кружка. Чеботарев, кроме того, работал над русскими летописями, делал из них выписки¹⁵, составлял исторические карты для комиссии гр. А. Шувалова.

Мы вправе сказать поэтому, что Московское общество истории и древностей российских возникло вполне исторически, выросло из просветительных потребностей и усилий, давно¹⁶ проявлявшихся в различных формах. Люди, помышлявшие об изучении родного прошлого, профессиональные ученые и простые любители, давно пробовали соединенными силами начать собирание и обработку памятников старины. При содействии Миллера, кн. Щербатова и других Новиков¹⁷ вел издание своей «*Российской вивлиофики*». Составляя свои записки касательно росс[ийской] истории, имп[ератрица] Екатерина пользовалась материалами, какие доставляли ей московские профессора Чеботарев и Барсов, а также указаниями «любителей отечественной истории» гр. Мусина-Пушкина и генерал-майора Болтина. Случайно составлявшимся любительским кружкам и дружеским сотрудничествам недоставало только постоянной формы устройства¹⁸ и прочного

¹² На полях: родствен[ные] с возникш[ими] после них.

¹³ На полях: Страхов?

¹⁴ На полях: большинство.

¹⁵ На полях знак вопроса.

¹⁶ На полях: не раз.

¹⁷ На полях: у Неустр[оева] спр[авиться]*.

¹⁸ На полях: объединяющ[ей] организ[ации].

пункта прикрепления. В Обществе истории и древностей российских при Московском университете найдены были и эта форма, и этот пункт прикрепления. Предложение Шлёцера русским ученым осуществилось потому, что встретилось с давно зревшей среди них мыслью. В идее этого Общества заключался и ответ на вопрос, затронутый Карамзиным, начинавшим тогда работать над своей *«Историей государства Российского»*. По поводу основания нашего Общества он писал, что 10 обществ не сделают того, что сделает один человек, совершенно посвятивший себя ист[орическим] предметам.

Совершенно справедливо, как справедливо и то, что один ученый человек, поддерживаемый трудами многих ученых обществ, делает вдесятеро больше ученого, работающего одиноко. Опыт самого Карамзина, как и опыт его предшественников, пытавшихся написать полную русскую историю, достаточно выяснил соотношение единоличной и коллективной работы над историей. Мону-ментальный труд Карамзина создавался при живом, им самим признанном сотрудничестве Малиновского, Калайдовича и других членов нашего Общества, доставлявших историографу материалы из Московского архива Министерства иностранных дел, где они служили. Обработанное историческое произведение требует единства мысли, цельности состава, выдержанности приемов и направления и потому может быть только делом единоличного творчества; необходимые сложные подготовительные работы идут скорее в руках многих сотрудников. Стройное здание строится одним архитектором, но со многими работниками.

Как исполняло Общество свою задачу в прожитые им сто лет? Нам, живым его членам, которым выпало на долю начать сегодня второе столетие его существования, трудно отвечать на этот вопрос. Наше дело не судить наших покойных предшественников, а достойно продолжать их работу, не присвояя себе их заслуг и оставаясь верными их добрым заветам.

Если не поскучаете, я сделаю сухой перечень повременных изданий Общества, в которых главным образом выражалась его деятельность. С 1815 г. оно вело в разное время пять таких изданий: *«Записки и труды»*, *«Русские достопамятности»*, *«Русский исторический сборник»*, *«Временник»* и *«Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских»*, издающиеся доселе. Во всех этих изданиях напечатана 251 книга, а в этих книгах помещено около 3300 статей, цельных памятников литера-

туры и права, разных материалов и специальных исследований по истории русского и других славянских народов. В первые годы, согласно с первоначальной¹⁹ задачей Общества, внимание его было обращено почти исключительно на критическое издание Начальной летописи. Впоследствии оно издало целый ряд отдельных летописей; но для полного систематического издания этих памятников и это дело перешло к учрежденной в 1834 г. при Министерстве народного просвещения Археографической комиссии, которой предстояло издать многочисленные исторические памятники, собранные шестилетней археографической экспедицией (1829—1834 гг.) в библиотеках и архивах Северо-Восточной и Средней России. Но как мысль о такой экспедиции, так и самый взгляд на состав древнерусских летописей, положенный в основу предпринятого Археографической комиссией Полного собрания русских летописей, выработаны были в среде нашего Общества тем самым П. М. Строевым, его членом, который был и начальником Археографической экспедиции. С течением времени деятельность Общества изменила свое направление, точнее, осложнялась, постепенно расширяя свою сферу, вместе с ростом своих сил и средств, захватывая все новые отрасли исторического ведения. В первом повременном издании преобладал элемент древностей. «Исторический сборник» под редакцией М. П. Погодина, не покидая археологической почвы, обращал усиленное внимание на первый, так названный Погодиным *скандинавский* период нашей истории. В «Русских достопамятностях» редактор Калайдович печатал преимущественно древние памятники литературы и права; «Временник» под редакцией И. Д. Беляева широко тронул архивный материал по истории Московского государства. Наконец, «Чтения», совместив в вышедших доселе 208 полновесных книгах все прежние направления деятельности Общества, расширили ее изучением истории славянской и малорусской, а также длинным рядом переводов иноземных сказаний о России и таким образом, по выражению И. Е. Забелина, стали широкой и полноводной рекой, вобравшей в себя все прежние потоки, какими текла издательская деятельность Общества.

Добрые заветы предшественников должны одушевлять их продолжателей! Наше Общество не лишено этих возбуждений, не скудно добрыми заветами, идущими издалека, от начинателей того дела, над которым мы

¹⁹ *На полях*: основной.

работаем. В них надобно искать идеи, смысла этого дела; там же почерпаем мы внушения, возбуждающие и укрепляющие наши силы на достойное его продолжение. Я припоминаю одну раннюю эпоху в истории нашего Общества, очень знаменательную в этом отношении. Она начинается 1811 г., восьмым годом существования Общества, когда был утвержден его устав. Один из наиболее деятельных членов Общества, вступивший в состав его в 1823 г., П. М. Строев, писал о той эпохе, что «в то время какой-то энтузиазм одушевил и членов, и людей сторонних», и, быть может, его разделяли все просвещенные москвичи. Члены Общества трудились с любовью, без[воз]мездно вели его издания отчетливо и скоро или помещали в них свои сочинения. «Светское общество, публика под именем благодетелей вносила изрядные суммы денег, огромное число книг, целые свои библиотеки. Такое одушевленное начало, особенная деятельность, трудолюбие и бескорыстие деятелей обещали успехи самые блистательные». Погром 1812 г. приостановил это оживленное движение. Но с 1815 г., когда возобновились заседания Общества и началось издание его трудов, насильственно подавленное оживление стало понемногу восстанавливаться. Тогда жизнь нашего Общества пришла в тесное соприкосновение с движением, очень памятным для русской исторической науки. Душой этого движения был человек, имя которого блесит одной из самых светлых точек в тусклом прошлом нашего просвещения. То был гр. Н. П. Румянцев. Сын екатерининского героя, министр коммерции и потом государственный канцлер Александра I после Тильзитского мира, проводник политики французского союза, образованный русский вельможа, воспитанный в духе просветительных космополитических идей XVIII в., гр. Н. П. Румянцев на склоне жизни стал горячим поклонником национальной русской старины и неутомимым собирателем ее памятников, за что в 1817 г. был избран в почетные члены Общества истории и древностей российских. Не он один попадал в такой своеобразный и запутанный узел условий: русское просвещение шло тогда вообще перекрестными путями. Из водоворота острых междунар[одных] отношений наполеон[овской] эпохи он укрылся в обитель археологии и палеографии. В подчиненн[ом] ему Моско[вском] архиве М[инистерства] ин[остранных] д[ел] он поддержал и усилил ученую деят[ельно]сть, внесенную туда историогр[афом] Миллер[ом]. Здесь он собрал вокруг себя кружок лиц, силы которых умел объединить и направить

к одной цели. То были управляющие и служащие архива. Все это крупные имена в летописях русской историограф[ии], и все они значатся в списках Общ[ества] и[стории] и др[евностей] р[оссийских]. Установилась самая тесная связь между Общ[еством] и арх[ивом]. Арх[ив] служил им золотон[осным] рудником, который они раскапывали, Общество — совещат[ельным] кабинетом. Рум[янцев] поддерживал их, снаряжал из них ученые экспедиции, тратил сотни тыс[яч] на ученые предприятия и издания, заряжал их той страстью, которую сам называл «алчностью к отеч[ественным] древностям».

Мы не поймем тогдашнего русского археолога-любителя, т. е. не поймем большинства тогдашних членов нашего Общества, не войдем в их настроение, если не разберем разнообразных нитей, из которых сплеталась любовь тогдашнего образованного русского человека к отечественной истории и древностям.

Гр[аф] Н. П. Румянцев принадлежал к любопытному типу любителей отечественных древностей, появившемуся при Екатерине II, действовавшему при Александре I, и при этом сам неумоимо собирал и собрал коллекцию рукописей, составляющую лучшую часть рукописных сокровищ Рум[янцевского] музея, в которой он сам видел свое настоящее богатство: «Я только тогда и кажусь...» Прибавьте к этому его почтит[ельное] отношение к своим сотрудникам, которые были подчинены ему по службе. Культ разума, в котором он был воспитан, превратился у него в почитание чужого ума, учености и таланта.

Все это — явления, важные для истории не только Общ[ества] и[стории] и др[евностей], но и всего русского общества, его просвещения. Может быть, не будет лишним вспомнить их происхождение...²⁰

²⁰ Отточие В. О. Ключевского.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. К РАЗДЕЛУ «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ»

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОТДЕЛОВ

1891, сент[ября] 12¹

Новость требований. Чтобы лучше исполнить, надобно понять точнее. Указания на характер его в программе: *главные источники и пособия; краткий конспект занятий*. Отсюда цель требования—вызвать *самостоятельную работу над ист[орическими]* вопросами. Этот опыт—образец для дальнейшего изучения предмета при его преподавании². Работа двумя путями, какими изучается наука: изучением источников и усвоением сделанного по научной их разработке. Сперва—по второму. По смыслу требования и свойству его цели в этом спец[иальном] изучении важны не столько его научные результаты, сколько ход и приемы самой работы: для этого и требуется *краткий конспект занятий*, а не самого отдела по его содержанию³. Условия учащегося не позволяют полноты изучения, а дидактическая цель работы требует правильного и серьезного ее ведения. Этим определяются характер отделов и их выбор.

1. Отделы—не обширные периоды времени, а эпохи или моменты⁴, настолько важные, чтобы возбудить научный интерес и задать серьезную работу мысли, но не настолько сложные⁵, чтобы понимание их было невозможно при стесненном срочном изучении.

2. Источники не слишком трудные для изучения и доступные и пособия—наиболее капитальные произведения исторической

¹ На верхнем поле: Нев[олин?] из-за массы порчи не видит порядка.

² Над строкой: и пр.

³ Далее стерто: пособия.

⁴ Над строкой: течения (однородн[ые] явл[ения]); под строкой: периоды или части их.

⁵ Далее зачеркнуто: и темные.

литературы. Трудный сам по себе и малоразработанный или малодоступный источник требует от начинающего много лишней работы, а пособия мелочные или неудачные, мало помогая пониманию дела, не возбуждают достаточного интереса и не дадут хороших образчиков успешной ученой работы. А цель научного⁶ чтения предмета — изучение реаль[ого] исторического содержания, усвоение лучших приемов ученой работы, приобретение навыка к методическому научному мышлению. Точение ножа не всяким камнем⁷. Отсюда для начинающих особенная польза знакомства с лучшими произведениями по изучаемым отраслям знания. Общее правило для универс[итетского] чтения. Прелесть понимания.

Затруднительность выбора отделов нашей истории. Причины: 1) недостаток для пробного изучения хорошо отработанных и распространенных в печати источников; 2) скудость учено-исторической литературы⁸. Трудно выбрать в нашей истории эпохи или моменты⁹, при изучении которых можно было бы совместить¹⁰ требуемые удобства: либо нет удобных источников, либо достаточно¹¹ ценных и поучительных ученых монографий, либо ни того, ни другого. После Смуты изучающий сам ищет предмета¹² для занятий, соображась с своими научными наклонностями и учебными средствами¹³. В руководство при выборе нескольких примерных отделов, с указанием важнейших источников для изучения каждого, пособий и научного интереса.

1. *Русская земля в XII в.* по Ипатьевскому¹⁴ списку летописи преимущественно. Качество основного источника. Пособия, их удобства, объем, ученые достоинства. Методологический интерес отдела¹⁵. Вопрос в основах государственного порядка, устан[овленного] по Ярослав[аву] I и существовавшего на Руси в XII в. Как на него отвечает источник? Не видны пружины и как они сложены, а видно движение жизни, силы. Как его разрешают исследователи?

Разнообразие и односторонность взглядов: от того, что внимание или на одну из действовавших сил, или на одну из существовавших основ. Карамзин, Погодин, Соловьев и Кавелин, Неволин, Сергеевич, Костомаров. Отношение изучающего к борьбе ученой мысли с трудным и сложным историческим явлением¹⁶: знакомство с техникой исторического исследования, навык вникать в смысл источника, разбир[ать] и групп[ировать] данные, соображать условия исторической жизни.

⁶ Над зачеркнутым: ученого.

⁷ Фраза написана над строкой.

⁸ Над строкой: по мн[огим] удобн[ым] отделам.

⁹ Над строкой: течения.

¹⁰ Над строкой: запастись.

¹¹ Над строкой: недостает.

¹² Над строкой: благоволит искать и выбирать.

¹³ Над строкой: Заявление преподавателю.

¹⁴ Над строкой: по летописям.

¹⁵ Слово написано над зачеркнутым: предмета.

¹⁶ Над строкой: пол. порядок.

2. *История Новгорода Великого* (политическое устройство и экономический быт) преимущественно по древнейшей новгородской летописи и договорам с князьями. Основные источники. Учебные пособия: Костомаров, Соловьев, Беляев, Никитский, Бережков. Господствующий интерес историко-политический: своеобразность государственного склада, выработанного вольным городом. Две политические силы древнерусской жизни: *хозяин*¹⁷ и *сход*, вече.

3. *Борьба Московского государства с Польско-Литовским за политическое единство Русской земли* в княжение Иоанна III и Василия. Основной источник и летописи. Учебные пособия. Научный интерес: рост и первое проявление национальной идеи в политической жизни народа.

4. *Устроение государственного и церковного порядка в царствование И[оанна] Грозного*; управления внутрен[ней] и внешней обороны [частью]. Судебник и Стоглав. Удобство их изучения. Дополнительные источники—грамоты уставные, губные, откупные и т. п. Гербер[штейн], Флетчер. Несложные и нетрудные, даже скудные пособия. Исторический интерес: дружное совместное действие государства и церкви; любопытные¹⁸ формы действия—соборы, земские и сословные учреждения¹⁹.

5. *Литовская Русь при*²⁰ *Ягеллонах*. Сигизмунд I и Сигизмунд II Август. Люблинский сейм 1569 г. и выработка Литовского Статута. Привилей. Л[итовская] Метрика. Литвин Михалон. Интерес трех памятников этих. Общие и специальные сочинения по этому отделу. *Тема*: свои и наносные элементы.

6. *Смутное время в Московском государстве*. Обилие источников туземных и иностранных. Выбор. Авр. Палицын. Новый Летописец. Хроника Буссова и сочинение Маржерета²¹. VIII том «Истории» Соловьева. Научный интерес эпохи²².

7. *Московское государство перед эпохой преобразования*. Ряд явлений в царствование Михаила и Алексея, указывавших на начавшуюся перестройку государства под иноземным влиянием, на *подготовку реформ Петра*²³.

8. *Законодательная деятельность имп. Екатерины II*. Наказ Екатерины. Губернские учреждения 1775 г. Жалованные сословные грамоты²⁴.

Сосредоточение домашних занятий по русской истории на избранном отделе. Зачетные рефераты. Зачетное сочинение, тема, характер²⁵. Завершение занятий—краткий конспект (состав и назначение)²⁶.

¹⁷ *Над строкой*: государь.

¹⁸ *Над строкой*: в первых.

¹⁹ *Над строкой*: органы.

²⁰ *Далее*: (последних). *Над строкой*: преимущ[ественно] первых.

²¹ *Над строкой*: и Моск.

²² *Далее чистыми оставлены несколько строк.*

²³ *Далее чистыми оставлены несколько строк.*

²⁴ *Далее чистыми оставлены несколько строк.*

²⁵ *Над строкой*: диссертация.

²⁶ *Над строкой*: порядок и итоги изучения.

Темы: Русский князь XII в. Отн[ошения] областей Московского государства к Москве и между собою в Смутное время.

«ИСТОЧНИКИ (КУРС 1894 г.)

1. Задачи и виды исторической критики. Вспомогательные науки.

2. Главные виды источников. Порядок их появления в русской письменности. Бытописание (1-й вид). Византийские хронографы как источники и образцы древнерусского бытописания.

3. Двойное значение византийских хронографов для русского бытописания: 1) образцы его, 2) источники.

Древнерусское *бытописание* как древнейший и основной источник русской истории. Его отличие от позднейшей *историографии*. Последняя—наука, первое—поучение. Историография стремится познать совершившееся, бытописание—воспользоваться его познанием. Познание прошлого—ближайшая и главная цель для историографии, а для бытописания—только средство достигнуть цели. Историограф, изучая прошедшее, *предполагает возможность* разнообразного практического приложения этого изучения к нуждам человеческого общежития; бытописатель в этом изучении *признает потребность* только в нравственном его применении. Историография—самобытная отрасль знания, имеющая свой особый предмет—зарождение, рост и склад человеческого общежития; бытописание по задаче, какую оно себе ставило, есть только пособие нравоучения, которое в явлениях человеческого общежития ищет поучительных примеров и уроков нравственного совершенствования людей. Историограф видит в прошедшем работу разнообразных исторических сил, движущих человеческое общежитие, а в этом движении—непрерывную цепь причин и следствий; бытописатель в явлениях человеческого общежития следит пути промысла божия, руководящего человеком в его борьбе со злым началом, дьяволом. Поэтому основой метода историографии служит *прагматизм*, основой метода бытописания—*провиденциализм*.

Главные виды бытописания: 1) *летописание*—изложение событий, совершившихся в отечестве летописателя (отечественная история); 2) *хронография*—изложение событий мировых (всеобщая история); 3) *агиография*—повествование о священных лицах и событиях, память о которых церковь вводит в круг своего богослужения, в свои святцы; 4) простое (эпизодическое) *повествование*—это *повести* и *сказания*, эпизодически излагающие отдельные события, не имевшие такого священного, богослужебного значения. Свои приемы изложения и свои взгляды на предмет у каждого вида. Сравнительное значение каждого отдела для изучения русской истории».

* * *

«Три рода исторических фактов: *случаи, события, бытовые данные*.

Пределы и предметы *археологии* указываются кругом вещественных памятников старины. Это — памятники быта, житейской обстановки, прежде всего обстановки домашней, жилища, одежда, мебель, посуда — утварь, потом памятники быта общественного и государственного, общественные здания, монеты, гербы, печати (памятники письменности), остатки жилых мест древних, развалины городов, орудия труда — инструменты и машины и т. п. Все эти памятники рассматриваются прежде всего как вещи, служившие потребностям людей, их употреблявших, следовательно, вскрывающие их понятия, вкусы, отношения, склад жизни и мысли. Но они отличаются неодинаковой степенью отделки, красоты и приспособленности к житейским потребностям и с этой стороны рассматриваются как памятники искусства. Но есть вещи, которые питали собственно эстетическое чувство независимо от других житейских потребностей человека: статуи, картины, музыкальные инструменты (сюда и древние ноты). Это — произведения *искусства* в собственном смысле. Все эти памятники — предмет археологии. Но изучение некоторых из них требует особых специальных знаний, технической подготовки, и потому некоторые отрасли археологического изучения обособились в отдельные науки, образующие особые части археологии. Они и называются обыкновенно *вспомогательными науками* истории, хотя и всякая наука, всякая область человеческого познания имеет значение вспомогательной науки истории, потому что с той или другой стороны объясняет условия и ход человеческой жизни. Так, памятники письменности как памятники вещественные независимо от содержания — предмет *палеографии* (азбука пермская). И здесь разветвление: в числе памятников письменности особенно важны акты, грамоты. Это предмет *дипломатики*. Значение печатей — *сфрагистика*. Способы времясчисления — *хронологии* (с пасхалией и календарем). *Нумизматика* — монеты и медали, древнерусские клады. *Геральдика*. *Историческая география*: остатки и распределение жилых мест, населенность, расселение, расположение жилищ в населенном месте, следы укреплений, ход расселения и характер частной и общественной жизни.

Виды и приемы исторической критики.

Приемы изучения всех вещественных памятников — *критика археологическая*. Критика литературная. Она отличается от исторической в собственном смысле. Собственный предмет исторической критики — повествовательные памятники устного или записанного слова. Памятники письменности как предмет археологии; их внешний вид. Предмет исторической критики в них — содержание. Но прежде чем дойти до его содержания, надобно изучить его как памятник вещественный. Это изучение решает частью вопросы палеографические и частью дипломатические.

Историк дает исторический *материал*; критика перерабатывает его и извлекает исторические *факты* (слухи, впечатления, догадки).

Два главных разряда исторических источников: остатки жизни и деятельности людей известного времени (памятники) и наблюдения современников (воспоминания).

I. *Памятники*: 1) вещи; 2) произведения слова: а) акты, деловые документы; б) произведения мысли, словесности, чувства, воображения, выраженные в словесном или письменном (словесность вся).

II. *Воспоминания*, которые в письменном или устном слове передают явления и события времени (летописи, записки, отдельные сказания о событиях или лицах, повествовательные письма, песни, пословицы, изречения, предания).

Но исторический материал, заключенный в источнике, не дается сразу. Историк не становится перед историческим фактом прямо, как только возьмет в руки памятник старины или взглянет на него. Чтобы исчерпать исторический источник надлежащим образом, его нужно понять и разобрать, отделить в нем нужное от ненужного. Для этого требуется предварительная его разработка и расчистка, изучение и истолкование памятника. По разнообразию источников и приемы такой подготовительной их обработки очень разнообразны. Каждый род памятников требует особых приемов и средств изучения, особых знаний и приспособлений. Из этой потребности выработались особые доктрины или умения, составляющие круг так называемых *вспомогательных наук истории*. Совокупность средств и приемов этого подготовительного изучения источников и составляет содержание *исторической критики*. Историческая критика — это, собственно, не особая вспомогательная наука истории, а скорее общая методика предварительной обработки исторических источников.

Область исторической критики определяется кругом этих *вспомогательных наук*. <...>

* * *

«Порядок появления источников того и другого рода.

Во весь первый период нашей истории церковь возбуждала и питала в русском обществе историческое размышление о совершившихся событиях и вместе с тем давала туземным грамотеям образцы исторического рассказа. Потому основные письменные исторические источники того периода можно назвать церковными по содержанию или по крайней мере по их происхождению. Летописи — самый обильный источник, и именно в этот период летописное дело у нас достигает совершенства, какое оказалось не под силу летописцам дальнейшего времени. Летопись тех веков повествует далеко не об одних явлениях церковной жизни; но взгляд, которым она смотрит на все исторические явления, по существу своему церковно-исторический. Рядом с летописями как их эпизодическое дополнение и пояснение выступает и

видное место занимает литература агиографическая, жития и сказания о лицах и событиях, которым русское христианское общество придавало священное значение. Таковы древние жития князя Владимира и преподобного Феодосия, сказания о крещении Русской земли, об убиении св. князей Бориса и Глеба, об основании Печерского монастыря, о его подвижниках XI и XII вв. и т. п. От этого периода дошло до нас несколько памятников законодательства или кодификации, Русская Правда и ряд уставов, определяющих положение церкви в государстве. Но эти памятники, по самому существу своих установлений принадлежащие к области государства, были внушены церковью, т. е. духовенством, или черпали свои правила из церковных источников. Даже сказание об ослеплении князя Василька, лишенное церковного содержания, близко к церковной среде по своему литературному происхождению, написано священником. Среди этих памятников церковного характера или церковного происхождения неожиданным исключением является в самом конце периода «Слово о полку Игореве», на котором не заметно следов ни такого характера, ни такого происхождения, [наоборот, прослеживаются] даже прямые отзвуки мотивов языческих воззрений и быта.

Итак, источники первого периода стоят высоко по своему литературному достоинству, но довольно однообразны по происхождению и содержанию. С XIII—XIV вв. они падают с этого литературного уровня, но становятся разнообразнее. Прежние виды не иссякают, только получают другое направление. Церковный интерес теряет господство в письменности, уступая место государственному. Исторический взгляд в литературных источниках понемногу секуляризуется.

Перелом в направлении исторической мысли и исторических источников. Рядом с литературными открываются и расширяются нелитературные, памятники деловые, канцелярские. Летопись туземная и хронограф русской редакции. Законодательство о государстве и церкви в первые века и церковное законодательство государственного происхождения XV и XVI вв. *Стоглав и Судебники.* Этот рост государственного интереса, изменяя направление мысли, обнаруживается в постепенном размножении памятников, в которых отражалась непосредственная деятельность государства, разных его органов. Увеличивается количество и разнообразятся формы памятников дипломатических, административных, юридических, народнохозяйственных; складывающийся новый государственный и общественный порядок обрисовывается с различных сторон, выступает по архивным документам в мелких подробностях ежедневной жизни; и в XVII в. две попытки: 1) в Уложении изобразить его строй, план в горизонтальном разрезе, в основах; 2) в сочинении Котошихина встречаем смелую попытку изобразить его в цельной картине в действии, на ходу».

II. К РАЗДЕЛУ «ИСТОРИОГРАФИЯ»

«КИЕВСКИЙ СИНОПСИС» [И. ГИЗЕЛЯ].
 «ЯДРО РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»
 [А. И. МАНКИЕВА] (ФРАГМЕНТ)

[Октябрь 1891 г.]

...Преимущества «Ядра» пред «Синописом». Подобно последнему, «Ядро» — внешняя история, рассказ о происшествиях, преимущественно о деяниях князей и царей, и почти не касается ни государственных учреждений, ни нравственной и церковной жизни (об унии в З[ападной] Руси и не упомянуто).

Но 1. оно ближе подходит к русским историческим источникам, пользуется сверх летописей разрядными и родословными, а в описании Смутного времени, особенно обстоятельно изложенного, заметно знакомство с Авр. Палицыным и хронографом XVII в. ([с.] 223 и 272).

2. Прагматическая обработка материала более умела и тщательна. Ход событий изображен полнее, стройнее и соразмернее, введена в очерк и история Северной Руси, пренебреженной «Синописом», даже поставлена на первом плане; только Смутному времени по свойству источников отведено слишком много места (более 100 страниц из 384). Труд разделен на семь книг и в основе этого деления заметна попытка установить периоды русской истории: I — древнейшие времена; II — Русь Киевская от Рюрика до Всеволода III; III — Русь Владимира — Московская под татарским игом; IV — Русь Московская независимая под властью дома Калиты; V и VI — Смутное время; VII — Русь под властью дома Романовых.

Рассказ ведется по главнейшим княжениям, сменявшимся на «начальственных престолах», киевском, владимирском и московском, и потом по царствованиям; таких княжений и царствований, имеющих значение исторических эпох, — от Рюрика до Петра I — у автора 30 (для брата Петрова — Иоанна особая цифра). Автор очень редко входит в разбор исторических причин и следствий, но излагает события в порядке, помогающем заметить их взаимную связь, и по местам сводит их в обобщенные очерки.

3. Образованность и научные стремления автора обнаруживаются в попытках привести ход русской истории в синхронистическую связь по крайней мере с важнейшими событиями всеобщей истории, хотя эти вставки остаются большею частью без всякой внутренней органической связи с ходом русской жизни (кроме отмеченных выше рассказы о Тамерлане и Баязете, [с.] 141, Гутенберге, [с.] 151, взятии Константинополя турками и значении этого события («из сего источника все зла выплыли») для христианства, [с.] 154, открытия Америки, [с.] 174, об английской революции, [с.] 359, выдержка).

4. Изложение не особенно обработанное, но простое и ясное, вообще довольно сжатое, по местам меткое и не лишнее

остроумия (правители российские паче мечами своими по неприятельским головам и шеям писали грамоты), [с.] 18; ср. съезды о мире, [с.] 342f; хороший рассказ о мести Ольги, [с.] 36 и *Смуте*.

5. Наконец, «*Ядро*» частью и исторический источник по некоторым мелким, но любопытным известиям, не встречающимся в наиболее доступных памятниках и заимствованным из предания или источников письменных, бывших у автора ([с.] 333i, 322 — о *вотчинах Пожарского, о богатстве Делагарди*, [с.] 319, 369—70, 375, 168 — *Болвановка*, [с.] 127 — начало княжения Даниила 1275). Свечи из Новгорода в Швеции, [с.] 296 и обращение к своему времени.

ВРЕМЯ ПЕТРА I

История московского д[ьяка] Грибоедова и Киевский Синопис — первые опыты систем[атического] изложения русской истории. Отзыв Соловьева* о них ([т.] 13, [с.] 185): «Первый младенческий несвязный лепет русской историографии на Севере и Юге». Strongly возбужденная у нас историческая мысль в XVII в. долго не находила надлежащей формы выражения, высказываясь случайно в записках о современных событиях, как у старых летописцев. Нужно было по готовым образцам показать ей задачи исторического знания и приемы исторического изложения. Первый известный опыт такой методологии к *Исторической книге*, которую повелел составить царь Федор Алексеевич, просвещенный ученик Симеона Полоцкого. Крайне неправильный и невразумительный язык, носящий признаки учености автора, который цитует и «крайнейшего философа Аристотеля, и дивного Платона, и премудрого еллинского историка Фукидида, и самого славного Кикерона». Предисловие сохранилось в рукописи, принадлежавшей окольн[ичему] Алексею Тим[офеевичу] Лихачеву, известному любимцу царя Федора, бывшему при царе Алексее учителем одного из его сыновей (Соловьев, [т.] 13, [с.] 249). Автор кто-нибудь из переводчиков Посольского приказа из ученого кружка, составленного в Москве южно-русскими и греческими учителями, к которому принадлежал и сам Лихачев. Предисловие на неуклюжем, книжно-ломаном изысканном языке, которым писали в этом кругу. — Показав пользу истории ссылками на Цицерона, Фукидида, Полибия и собственными соображениями, автор отвечает на вопрос, «что есть история и как подобает быти истории и историку», т. е. каковы их задачи и приемы. Он приводит из Кратила Платонова объяснение слова «история» от *истаме* и *русь*, «се есть от задержания течения», или от *исторо* (*ιστορέω*) и *зрю* и *смотрю*, «понеже смотрит яко в зеркале вещи и дела мира сего». А историю определяют мудрые, что есть живописание. Далее излагает суждения разных греческих и латинских писателей о классификации исторических данных и о тех требованиях, которым должен удовлетворить исторический повествователь, между прочим о требовании прагматической связи явлений (39).

В заключение трактата о задачах и приемах исторического изложения автор замечает, что он написал об этом кратко только для образца, потому что «прежде всего славенским языком никто о том не писал». Объясняя побуждения, заставившие царя Федора заказать *Историческую книгу*, автор излагает программу заказанного труда, потребность, которой он должен удовлетворить, и всенародную пользу, какую он принесет. Задуман был очень широкий план: «Изю всех историков древних и новых... выбрать и свести в одной исторической книге, по обычаю историографов, все известия посольския и воинския». Все народы, какие есть на свете, имеют написанные разными историками и напечатанные истории своих государств; только у русского народа нет такой общей печатной истории. А она очень нужна: «ничем иным сице не украшаются и не воспоминаются предки и народы, яко разумными и истинными историями»; притом народ российский исстари наиболее склонен был к воинским делам и оружием, нежели к *свободным учениям*, и лишен был учения исторического; есть у него разные свои повести и летописцы, но они написаны неудовлетворительно, «не по обычаю историческому», и притом не согласны друг с другом. А всенародная польза... (42).

Итак, задуманная обширная история России входила в общий план народного образования, о котором помышлял царь Федор, желавший украсить свой народ «добродетелями, учениями и искусствами», и должна была восполнить ощутительный пробел в этом образовании, удовлетворяя в то же время потребности «многих любознательных ученых людей разных народов». План не был осуществлен: дов[ольно] хаотический сбор материалов для истории России, нахватанных откуда ни попало — из хроник компилятивных польских XVI в. Кромера и Стрыйковского, Степенной [книги], летописей русских, отдельных сказаний, хронографов о взятии Царьграда и пр. Коял[ович,* с.] 96; Бест[ужев-Рюмин*, с.] 184. Знает Грибоедова и *Синописис*; но критики источников незаметно: сказание о происхождении Славян и Москвы от Мосоха, сына Иафетова. Выписки из летописей о Москве — попытки восполнить пробел Синописиса о Северной Руси (Соловьев, [т.] 13, [с.] 184). Знакомство с западноевропейскими образцами исторического изложения при Петре. Заботы о распространении политических и исторических знаний, которые помогли бы понять смысл его деятельности. Заботы Петра о переводах. Пек[арский*, т.] 1, [с.] 211, 255. Оживление переводной литературы в нач. XVIII в. Г. Гроция о законах брани и мира. Иоанна Слейдана о четырех великих монархиях. Их общее направление. Пек[арский, т.] 1, [с.] 256. — Течение европейской истории.

Книга *Историография (Царство славян)* Мавро Орбини (1722 г.), перев[од] Саввы Рагузинского (Пек[арский, т.] 1, [с.] 253). Характер — ib. [с.] 331.

Сокращение *Annales ecclesiastici* Барония — 1601 г. «Деяния церк[овныя] и гражданския» — 1719. Пек[арский, т.] 1, [с.] 327. Переведено еще в XVII в. *Предисловие*. *Theatrum historicum*

Стратемана. Перев[едено] Г. Бужинским 1724 г. *Посвящение и предисловие*—ib., [с.] 329, 330.

Пробуждение историко-филос[офского] мышления в Европе XVII ст. Г. Гроций и Гоббес. Происхождение обществ, строй и элементы жизни государств, причины возвышения и упадка их—исторический процесс. Пуффендорф в Гейдельберге *De statu reipublicae germanicae liber unus* 1667. *Введение в историю замечательнейших государств соврем[енной] Европы* (Вв[едение] в историю европ[ейскую] чрез С. Пуф[фендор]фа. Пбрг., 1718 и 1724*). Пек[арский, с.] 325. Пропуск переводчика, [с.] 326.

Язык переводов как условие успеха их среди читателей. «Высоких слов славенских класть не надобеть, но Посольского приказу употреби слова». Соловьев, [т.] 16, [с.] 318.

Забота о сохранении исторических памятников: указ 20 декабря 1720 г. Пек[арский, т.] 1, [с.] 318. Заказ справщику Поликарпову в 1708 г. и 16 ф[евраля] 1722. «Его царское в[еличест]во желает ведать российского государства историю, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано. Выбирать из русских летописцев и в согласие приводить прилежно». Соловьев, [т.] 16, [с.] 316. Краткий Летописец, сокращение Степенной [до Иоанна IV] в канцелярии гр. Головкина 1719 г.—Ibid. Заказ обер-прок[урора] Сената Скорнякову-Писареву. Пек[арский, т.] 1, [с.] 319 (в 1722 г.).

* * *

Гоббс и Гроций смотрели на государство с точки зрения юрид[ической] эстетики: первобытное состояние свободы, перманентное вооруженное восстание каждого против всех без вмешательства казаков и полиции, общественный договор на всенародном митинге и всенародное поднесение народной свободы к стопам одного лица или целой династии с резолюцией: «Приидите княжить и владеть нами». Как все это складно и закономерно—красиво! Моралисты посмотрели на государство со стороны политической этики: они давали ему не полицейское, а нравственное значение. Отправляясь от одинакового тезиса с общежительной школой, что общежитие возникло из коренной потребности человеческой природы, из стремления к самосохранению, моралисты вели свою мысль другим логическим путем, усиленно разрабатывали другие элементы общежития¹.

* * *

После происхождения и плана Истории Тат[ище]ва*.

Отношение политической мысли к историческим, действительным государственным порядкам на З[ападе] и у нас.—Там политическая мысль носилась поверх явлений действительности, чтобы дать им разумную основу, независимую от случайных

¹ Далее шесть строк оставлены чистыми.

исторических условий.—Разнообразие теорий из одного начала—потребности общежития: абсолютизм Гоббса—из начала права, моралистическое государство Пуффендорфа—из начала обязанности, личная свобода индивидуалиста Локка—из сочетания обоих начал.—Разнообразие политическ[их] порядков создается одинаковым юридическим средством—общественным *договором*.

Какое отношение у нас?—Публицисты, которых Татищев приемлет и каких нет, но которые читались и одобрялись в обществе ([Татищев, т.] 1, [с.] 527).—Татищев против и деспотизма, и конституцион[ной] свободы: он за монархию, руководящую своим собственным законом, ограничивающую себя своею собственною доброю волею. Это—построение не юридическое, а чисто нравственное, пуффендорфо-вольфианское.—Значит, в то время как на 3[ападе] политическая мысль силилась, игнорируя историю, действовать, из свойств человеческой природы по указаниям разума построить схему разумного государственного общежития, с которой сообразовались бы в своем самоперестроении существующие государства, у нас из этих теорий делали одни стенобитное орудие для разрушения существующего государственного здания, другие—подпорки для его поддержания. Там политическая мысль направлялась к уяснению и усовершенствованию действительности; у нас ею пользовались для разрушения или поддержания существующего порядка. Там политический рационализм не без связи с современной политической борьбой рождался из него (Гоббес и Стюарты, Локк и конституционное движение). У нас его призывали, чтобы подготавливать такую борьбу. Так было не в татищевское только время.

При таком отношении что могло быть усвоено у нас из учений политического рационализма?—Важность XLV главы I книги 2 части Истории: «О древнем правительстве русском и других в пример». Конспект учения моралистической школы о происхождении и формах общества и государства и взгляд с этой точки зрения на эволюцию русской государственной власти от «в[еликого] кн. Рюрика I» до восстановления самодержавия при воцарении императрицы Анны в 1730 г.—опыт смелый и по своей конструкции единственный в нашей историографии.

ОПЫТ НОВОЙ ИСТОРИИ.
СОЛ[овьев *, т.] 26, [с.] 294.

[1890-е годы]

*Содержание речи Миллера**. Коял[ович *, с.] 110: три главные тезиса: колонизация финской земли славянами, тождество варягов с скандинавами, Руси с варягами. Возражения и их общий источник. Галах[ов, * с.] 344 f. Отзыв академиков. Пек[арский *, с.] 360. Возражения Ломоносова. Сол[овьев, т.] 23, [с.] 332. Острóта о Байере. Коял[ович, с.] 312. Отзыв Тредьяковского, ib. 111. Пародия Шумахера. Пек[арский, с.] 57. Гонения. Признание Тредьяковского. Калач[ов *, с.] 47.

Дальнейшие труды М[иллера] по русской истории. Издание «Ежемес[ячных] Соч[инений]» с 1755 г. Статья М[иллера] о летописи Нестора. Сол[овьев, с.] 335. Пек[арский, т.] 1, [с.] 365. Прекращение журнала [в] 1765 г. С 1765 г. главный надзиратель Московского Воспитат[ельного] дома, [с.] 390. Пек[арский]. В 1766 году начальн[ик] Московского архива Иностранной коллегии, [с.] 394; покупка для архива б[иблиоте]ки за 20 т[ысяч], 1780 г. [Миллер умер в] 1783 г. «Опис[ание] Сибир[ского] царства», 1750 г. 1 ч. в русском переводе. «Опыт новейшей истории России» с 1761 г. В «Ежем[есячных] Соч[инениях]» история труда. Пек[арский, т.] 1, [с.] 380. Отзыв Ломоносова.

Ломоносов. Многообразие занятий. Культ Петра и отношение России к Запад[ной] Европе по взгляду Лом[оносо]ва. Сол[овьев, т.] 23, [с.] 319. Галах[ов, с.] 349. Отношение Л[омоносо]ва к академикам-немцам. Заказ русской истории Л[омоносо]ву. Сол[овьев, т.] 23, [с.] 323. Ход изучения. «Древн[яя] Российская история» до 1054 г. Кончена в 1763 г., изд. в 1766 г.; продолжение до 1454 г. пропало. «Краткий Росс[ийский] летописец», изд. 1760. Бест[ужев-Рюмин*], т.] 1, [с.] 211.

В историческом труде Ломоносова настроение образованного русского общества времен Ел[изаве]ты. Нац[иональное] направление в политике внешней и внутренней; Россия живет для себя и все должна делать русскими руками. В этом сказалось сознание народной силы, а творец ее—Петр, отец им[ператри]цы. Потому стремление к народной самобытности еще соединено с культом преобразователя. Слова Ломоносова о Петре в Похвальном слове 1755 г. Еще не заводили речи об отношении деятельности Петра к предшествующему времени, древней России не ссорили с новой. Л[омоносо]в в Оде на рождение в. кн. Павла П[етрови]ча представляет нововведения Петра завершением дел и планов его деда и отца: что они задумывали, «все то Бог Петру судил». Сол[овьев, т.] 23, [с.] 322. Патриотический подъем народного духа нуждался в историческом оправдании; отсюда мысль исторического труда Л[омоносо]ва—«открыть свету древность рос[сийского] народа и славные дела наших государей». С[оловьев] у Калач[ова, кн.] II, [ч.] I*, [с.] 41. При таком понимании задачи отечественного историографа понятны и приемы исторического изложения у Л[омоносо]ва, и самая решимость его писать историю Отечества. Эта история должна была показать, что национальная гордость русских—не каприз живущего поколения, не имеющая основания в прошедшем, что военные и другие успехи России не случайность, созданная неразумным стечением обстоятельств. Потому отечественная история должна быть повестью об отечественных героях, которых она должна «в полной славе предать вечности», историография—искусство. Таков взгляд на историю в предисловии Л[омоносо]ва. Чувствовалась потребность напи-

¹ Сноска Ключевского: Галах[ов, с.] 345. Реглам[ент] Акад[емии] н[аук], 1747.

сать историю своего народа, но еще недостаточно понимали, что ее надобно изучать.

При таком художественном взгляде на историю исторический материал был для Л[омоносова] тем же, чем служит художнику вещество, из которого он лепит статую или вырезывает: это материал для изобразительного повествовательного пера, а не предмет для исторического размышления. Характерная заметка в отчете о занятиях русской историей в 1753 г.: приводил в порядок выписки из латин[ских] и греч[еских] писателей, группируя их «под статьи числами», и читал академические летописи без выписок, чтобы общее понятие иметь пространно о действиях российских». Кал[ачов, с.] 42. Не вдумываясь медленным, последовательным изучением в *смысл отдельных явлений*, в *ход* самой жизни, он думал, что быстрое курсорное чтение летописей поможет ему вдруг, мгновенным вдохновением схватить общую картину этой жизни, чутьем угадать ее дух. Это прием оратора или поэта, не ученого. Повествование Л[омоносова] — ораторский пересказ летописи, украшенное сказание, в котором автор вымыслы собственной фантазии или свои психологические соображения смело ставит в ряд данных летописи как настоящие факты, пополняя ими летописный рассказ. Л[омоносов] не понимает того, чего он не изучал. При встрече с отдельными явлениями, требовавшими только ума и размышления, с вопросами, разрешаемыми простой сообразительностью, Л[омоносов] высказывал остроумные и блестящие догадки. Мысль о смешанном племенном составе исторических народов², о том, что история народа начинается раньше его исторического имени: «Народы от имен не начинаются, но имена народам даются»³. Волохи — римляне. Ставаны Птолемея — Славяне по свойству греч[еского] выговора. Алазоны — Славяне — хвастуны, самохвалы, *славящиеся*⁴. Скифы — по старому греческому произношению со словом Чудь весьма согласно и, без сомнения, от Славян взято, а не от греческого. С[оловьев] у Кал[ачова, с.] 43 сл. Ср[авни] с филологическими сближениями Тредьяковского, ib., 49. Но где требовалось цельное и связанное изучение всего хода русской истории, чего недоставало Л[омоносову], там он механически связывал явления заимствованной со стороны готовой схемой, набрасывая ее на ход русской жизни. У него русская история представляет некоторое подобие в порядке явлений с римской. С[оловьев] у Кал[ачова, с.] 43. Тенденциозные догадки. Рюрик из Пруссии, Пруссy — Славяне⁵, Варяги — Русь — Славяне.

Л[омоносов], певец Елизаветы, был историком в духе ее времени, эпохи и национального одушевления, и патриотического увлечения собственной славой, соединенного с щекотливым чувством «чести цветущего всегда и ныне росс[ийского] народа»

² Над строкой: 82.

³ Над строкой: 88.

⁴ Над строкой: 94.

⁵ Над строкой: Рюрик[ик] — Вар[яго]-Русы, след[овательно].

(Тредьяк[овский]). Два способа обработки истории, обозначившиеся в царствование Елиз[аве]ты в первый период русской историографии: *монографическо-критический и панографическо-прагматический*. Ученые немцы-академики, как Миллер, собирали исторические материалы и, держа их в портфелях, обрабатывали по ним специальные вопросы, малодоступные большой публике. Русские *любители*, как Татищев и Ломоносов, пытались изобразить последовательно весь ход русской жизни в общедоступном изложении и тем подействовать на историческое самосознание всего русского общества.

Время Екатерины⁶

Успехи образования и знания, распространение просветительных идей. Неплюев. Перемена во взглядах на задачи историографии и приемы исторического изучения. Писание истории сменилось предварительным изучением и пониманием ее; украшенное повествование происшествий или откровение свету славных дел предков сменилось потребностью уяснить себе самим ход своего прошлого, патр[иотическое] самопрославление — национальным самопознанием. Господствовавшее прежде направление видоизменилось; возникли новые.

Национальный источник движения, разрешившегося июньским переворотом 1762 г. Патриотическое настроение Елизаветинского времени не погасло и при Ек[атерине] II. Но диплом[атический] патриотизм народной гордости — в нравственный патриотизм *любви к отечеству*. Согласно с тем, отечеств[енная] история — из эпопеи народных героев в панораму народных доблестей, «добродетелей».

При углублении мысли в предмет взгляды, соприкасавшиеся и сливавшиеся в одно⁷ настроение, кристаллизовались, обособлялись в особые, даже враждебные направления. *Научный* интерес времени: истоки течений, вскрывшихся в русской исторической литературе доживаемого столетия. Различные точки зрения в изучении отеч[ественной] истории. Воззрения или направл[ения] умов.

1. Историческое изучение национального характера, врожденных, т. е. исторически сложившихся, свойств народа. Народно-воспитательная тенденция направления — одобрение и поощрение умов и талантов. Полемические приемы — против скептиков, указывавших на отсталость России от З[ападной] Европы. Этот скептицизм тогдашних западников мешал им быть историками: нет еще у России истории, прошедшего исторического, а только будущее; у России не могло быть истории; *статистика* воспоминаний и запас надежд. *Люборусы*. Полемика в «Зрите-ле»*. *Русолюбие*.

2. Недовольство реформой Петра и причины: 1) наплыв иноземцев, нашествие сатаны и аггелов его (Галах[ов, с.] 345); 2)

⁶ Наверху листа: Перелом — Неплюев.

⁷ Далее зачеркнуто: направление.

привычка к подражанию, утрата самобытности национальной; 3) материалистический и насильственный характер реформы. Зап[иски княгини Дашковой, с.] 48. Ряд умозаключений. Заслуживает ли избранный образец подражания — *скептическое отношение к Западу*. Письма Фон-Визина (Гал[ахов, с.] 544). Сожаление об утрате нац[иональной] самобытности и материалистич[еское] направление реформированной жизни естественно поворачивало мысль от современной жизни к древней Руси, где не было иноземных влияний и господствовали самобытные строгие нравы, воспитанные церковным направлением жизни. Идеализация старины — *историческое стародушество*. Стар[одушество] в истории. Записки Дашковой в 1780 г., [с.] 172.

3. Примирительное сравнительно-апологетическое направление в изучении отеч[ественной] истории из дипломатического патриотизма елизаветинского царствования. Предисловие к Зап[искам] касательно российской истории Ек[атерины] II. Мысль: не все у нас было хорошо, но не хуже, чем у других. Космополит[ическая] основа. «Антидот».

Труды по русской истории, вызванные этими направлениями.

Собрание и издание памятников. Интерес к отечественной истории вызван и поддерживался в XVIII в.: 1) административной потребностью в исторической справке (Татищев), 2) раздражением щекотливого национального самолюбия, стремившегося из самообороны сделать отечественную историю опорой национальной гордости, похвальным историческим словом российскому народу (Ломоносов).

Историко-патриотическая любознательность при Ек[атерине] II осложнилась прилипавшими с З[апада] новыми политическими и историческими идеями. Особенность их — шли из отвлеченного разума⁸, рационалист[ического] космопол[итического] мышления: это были философские построения, столь же далекие от европейской, как и от русской, действительности, не выражение, а чисто отрицание существующего, исторически сложившегося порядка. Две основные исторические идеи в этом новом мирозерцании: 1) мысль о закономерности исторического процесса; 2) мысль о возможности построить, точнее, перестроить жизнь человечества по началам разума. Видимая несовместимость этих идей и их внутреннее логическое согласие. Неразумная историческая действительность — плод злоупотребления историческими силами от непонимания их свойства и законов их действия, подобный возмущениям в физической природе: разумная перестройка общества — не более как восстановление правильного, закономерного действия исторических сил.

Русские мыслители-публицисты извлекли из этих идей одно ясное и твердое представление: закономерное и разумное развитие общества — это развитие естественное, непринужденное, самобытное, не подгоняемое искусственно чуждыми влияниями. Так западноевропейская мысль давала нашим патриотам-мыслителям оружие против западноевропейского влияния. При

⁸ Над строкой: Не из ист[орического] изуч[ения].

помощи такого вывода установились *три точки зрения на русскую жизнь и ее прошлое*, обозначившиеся⁹ во время Екатерины: русские *апологеты*, русские исторические *стародумы* и, наконец, *люборусы*. Их воззрения¹⁰ представляют некоторую прогрессию взгляда, направленного в одну сторону. Род человеческий везде имел одинаковые страсти, желания, намерения, и если в нашем прошлом были свои темные пятна, то жизнь и других народов имела свои — так говорили одни, вторя Екатерине. Другие продолжали¹¹: довольно¹² мы искусственно гнулились на чужой лад; пора начать жить естественно и самобытно, думать своим умом, вырабатывать свой национальный характер¹³. Он уж есть, говорили третьи¹⁴, уж начал складываться, только в прошлом, а потом затерт чуждыми влияниями, закрыт привозной маской; чтобы открыть его и очистить от наносной пыли, надо изучать настоящее и прошлое своего народа. Так желаемый идеал превратился в чаемый, но затерянный факт, мотив народного¹⁵ самосохранения стал просто задачей историко-критического исследования.

Понятно, какое значение должны были при такой точке зрения получить памятники отечественной старины. Эти пыльные хартии и свитки в своих таинственных складках хранят то, что выветрилось из легкомысленных умов и сердец, — черты самобытного национального русского быта и характера. Это не могильные памятники с печальными надписями об угасшей жизни; это молчаливые сторожа, оставленные при народном сокровище на время иноземного нашествия и ждущие возврата хозяина. Прибегая к таким изысканно-чувствительным выражениям, я не знаю, как иначе познакомить вас с любопытным типом любителя отечественных древностей, появившимся во времена Екатерины, действовавшим при Александре I и вымиравшим при Николае I. В моей молодости об них уже не говорили; но чем больше¹⁶ занимался я предметом, который имею честь вам преподавать, тем ближе приходилось мне знакомиться с их деятельностью, и — простите мне это старческое признание — тем больше я любил их. Впрочем, наверное, каждому из вас приходится бывать в Московском п[убличном] Румянцевском музее; следовательно, все вы пользуетесь плодами научной любознательности одного из этих любителей отечественной старины и ревнителей отечественн[ого] просвещения. Вспомнить их — значит пожелать, что уж нет их.

И Татищев и Миллер собирали древние рукописи — они это делали с определенной целью: золотонскатель-первый видел в этом средство для удовлетворения государственной

⁹ *Над строкой:* Обозначав[шие] воззрения.

¹⁰ *Над строкой:* Эти точки.

¹¹ *Над строкой:* с люборус[ов].

¹² *Над строкой:* напрасно.

¹³ *Над строкой:* на его ист[орических] основах.

¹⁴ *Над строкой:* со стародум[ов].

¹⁵ *Над строкой:* национ[ального].

¹⁶ *Над строкой:* Я знал некоторых.

потребности, второй — материал для ученой работы по профессии, по долгу службы. Антикварию-любители без определенной специальной цели, ученой или литературной, — не простые любители, а *набожные поклонники* отечественной старины. Собирающие — не спорт, а дело пиетета, нравственно-патриотического влечения. Не было вещей нужных и ненужных, более важных и менее важных: всякая древняя русская рукопись, всякая древняя русская монета, прежде чем они успевали ее прочесть или обследовать¹⁷, самым своим видом каждая по-своему вещала им о родной старине, была наглядным и обязательным выражением ее духа. Сами мало издавали, еще меньше печатали исследований об этих памятниках, но они оказали огромную услугу историографии, возбуждая и двигая ее силы, поддерживая в обществе интерес к ее трудам. Собранные ими коллекции — драгоценное ученое пособие для изучения прошлого России; из этих хранилищ черпали исследователи и черпают доселе. Вспомнить...

Как образец такого антикварского дилетантизма А. И. Мусин-Пушкин. Род[ился в] 1744 г., в один год с Н. И. Новиковым. Воспитание дома и в артиллерийском училище; служба офицером артиллерии и адъютантом при гр. Гр. Орлове. Трудно объяснить, чем и как воспитывалась в нем подобная любовь к отечественной старине и рвение к ее изучению, уж конечно не тогдашней школой. Преподавание в кадетских корпусах и других военных училищах. Может быть, патриотическое возбуждение Елизаветинского времени. У М[усина]-П[ушкина] «с самых юных лет желание найти сокрытые источники российских древностей». Занятие изящными искусствами; путешествие в Германию, Францию, Италию (1772 г.). Путевые впечатления и загранич[ные] музеи не ослабили страсти домашней, ни служебные занятия, ни мода по возвращении (церемониймейстер при дворе, обер-прокурор св. Синода в 1791—1794 гг., президент Академии художеств с 1794 г.). Рукописи и книги Крекшина¹⁸ в лавке Сопикова. Лаврентьевский список. Комиссионеры по старинным городам. Приношения от владельцев древностей, от самой Ек[атерины]. Агенты из духовенства. Указ 11 августа 1791 г. о собрании Синодом летописей и других памятников. Жизнь в Москве с 1799 г.; собрание в московском доме на Разгуляе. Болтин в его б[иблиоте]ке. Открытие «Слова о полку Игореве» и издание в 1800 г. — завершение патриотических усилий антиквариев XVIII в. Судьба собрания. Умер 1 февраля 1817 г.

Российская историческая б[иблиоте]ка. Гал[ахов]. История, [с.] 537 и др. издания. Солов[ьев]. «Шлёцер»*, [с.] 527.

Обзор трудов по русской истории. Полемическая¹⁹ апологетика русской жизни и ее превращение в сравнительное изучение русской истории.

Издание летописей и других памятников при Екатерине II.

¹⁷ *Над строкой:* служ[ила] им священ[ным].

¹⁸ *Над строкой:* Бест[ужев-Рюмин, с.] 60.

¹⁹ *Над строкой:* Патриотическая.

Предложение Миллера издать летописи в Академии до 1761 г. Тауберт — адъюнкт Академии, и его распоряжение издать Летопись по Кенигсб[ергскому] списку XVI в.: Библиотека Российской истории, ч. I, 1767 («История Ак[адемии] наук» Пекарского, [т.] 1, [с.] 656). Предпосланы: Житие преп[одобного] Нестора и Предисловие с рассуждением о важности и необходимости знать российскую историю, с очерком западноевропейской историографии за последние три века (португальской, испанской, французской, немецкой, английской, шведской и пр.) и трактатом о способах разработки русской истории, где, между прочим, изложен план занятия русской историей, представленный в 1765 г. недавно вступившим в Академию немецким ученым Шлёцером. Потому, может быть, Шлёцер и приписывал себе это предисловие. Но Новиков считал его автором самого Тауберта. Издание поручено академ[ическому] канцеляристу Баркову с инструкцией Тауберта: изменять или подновлять орфографию, опускать места, не заключающие в себе ничего исторического, например проповеди, непонятные места, и объяснять, старые, неупотребительные слова заменять новыми *ex ingenio*. При помощи таких правил издание вышло малопригодным для научного употребления. Выдержка из предисловия: народно-воспитательная цель издания.

Труды Миллера. Путеш[ествие] по Сиб[ири] 1733—1743 гг. 31,362 версты. И[стория] Ак[адемии] н[аук, т.] 1, [с.] 332.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ *Вопрос о древней и новой России*

[Около 1866 г.]

¹ 1. Постановка. 2. Происх[ожде]ние и значение. 3. Способы решения.

¹ 1. Постановку и способ решения этого вопроса в исторической русской литературе XVIII в. всего удобнее изучить по двум запискам: *О повреждении нравов* кн. Щербатова* и *Мысли о России* неизвестного автора*.

Основная мысль сочинения кн. Щербатова (1786—[17]89 гг.) высказана в краткой и яркой картине порчи русских нравов, чем начинается записка: «Мы подлинно в людкости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов». Автор хочет открыть причины порчи, а потом показать самую ее историю² (с. 3). Главным источником этой порчи он признает жажду удовольствий, что он называет «сладостолбием». Показать, как эта жажда постепенно портила русские сердца,—такова главная цель автора ([с.] 5).

Для контраста повествованию о порче нравов предпослано

¹⁻¹ Текст вписан карандашом.

² Над строкой карандашом: ее ход.

идиллическое изображение простоты допетровского быта при московском царском дворе и в частных домах: это — светлый фон, на который автор кладет затем свои мрачные краски. Особенно резко проведены некоторые черты древнерусского быта, как-то: тесная связь между родственниками, почтительность младших родичей к старшим, «почтение к родам», к породе даже со стороны самовластных государей, вообще «твердость в сердцах», домашняя и общественная дисциплинированность понятий и отношений ([с.] 13)³.

Началом порчи была «нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром В[еликим]», как выражается автор, т. е. необходимая, но слишком радикально и широко введенная реформа Петра. От такой перемены «пороки зачали вкрадываться в души наши» в каждое царствование с часу на час все более, так что история правлений стала историей пороков ([с.] 16).

Петр В[еликий] вводил не только науки, искусства, ремесла, технику военную, правительственную и торгово-промышленную, заимствуя все это у иноземцев, но и старался водворить в России людскость, общительность и великолепие, какие видел на Западе, чтобы смягчить древние русские нравы, казавшиеся ему грубыми, ввел новое платье, завел собрания, свободное обращение полов и т. п. Возникли новые интересы, чувства, начали ценить красоту и знать ее силу, любить украшения, роскошь; понимать удовольствие нравиться и т. д. ([с.] 17). Все это стоило денег, усиливало мотовство, разоряло, заставляло искать милостей у властных и сильных. «Так грубость нравов уменьшалась, — говорит Щ[ербатов], — но оставленное ею место наполнилось лестью и самством (эгоизм, себялюбие), а отсюда произошли раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочие зла» ([с.] 23). С другой стороны, отмена местничества, хотя вредного для государства, но не замененного никаким правом для родовитой знати, разрушила фамильную солидарность родичей, истребила мысли благородной гордости в дворянах, «ибо стали не роды почтенны, а чины, заслуги и выслуги»; к тому же новый порядок службы, заведенный Петром, ставил в рядах армии дворянина простым солдатом наряду с его холопом, который, дослужившись до офицерства, даже бивал его палкой. Все это делало человека робким, одиноким, без опоры и защиты, беспомощным перед сильным. Наконец, похвально старание Петра истребить суеверие в народе, бритье бород, преследование ложных чудес и ханжества. Но худо, что всему этому не предшествовало просвещение народа, а потому, отнимая суеверие у непросвещенного народа, Петр отнимал и самую веру. «Уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к богу и св[ятому] его закону, и нравы за недостатком другого просвещения, кроме веры, потеряв сию опору, стали приходить в разврат» ([с.] 27—29).

Я нарочно подробнее изложил суждения кн. Щербатова о

³ Над строкой карандашом: [с.] 5—16.

реформе Петра: в них особенно ясно выражается историческое мышление автора. Дальнейшее изложение в этом отношении не так важно для нас: это печальная повесть о пороках, накопившихся в высшем русском обществе с каждым царствованием и к концу века составивших сложный покаянный требник, которым мог бы пользоваться русский священник при исповеди русского человека из высшего общества. В этой повести обильно рассеяны любопытные бытовые подробности, воспоминания, характерные анекдоты о людях и отношениях, что придает записке значение ценного исторического источника. Автор помнил время с царствования Петра II и сам называет себя «очевидным свидетелем» того, что совершалось и как жили при дворе и в высшем обществе с царствования Елизаветы до 1777 г. ([с.] 59 и 86). Можно отметить наблюдение Щербатова, что рассадником пороков после Петра В[еликого] был двор, от которого «они разлились и на другие состояния людей», именно с царствования Елизаветы ([с.] 78—79). Укажу еще мимоходом на суждение Щ[ербатова] о Екатерине II. Страницы о ней в записке Щербатова — самое мрачное и жестокое, что можно прочитать о Екатерине. Во всей ее деятельности он видит одно руководившее ей побуждение — «славолюбие», тщеславие. Политику ее, и внешнюю и внутреннюю, при всем ее внешнем блеске, он осуждает, как бесплодную или вредную для России. Ее торжество над Польшей только усилило русских врагов; ее губернские учреждения и сословные жалованные грамоты только умножили ябеду и усилили общее отягощение народа; ее воспитательные и учебные заведения оказались бесплодными ([с.] 90—92). Своим характером, обращением с людьми, своим образом мыслей и действий она довершила общую порчу нравов в России, своим вольнодумством разрушив последнюю опору совести и добродетели — религию ([с.] 94).

Все это любопытно, как суждение современника. Но для нас всего важнее то, как объясняет Щ[ербатов] начало порчи, т. е. его взгляд на реформу Петра. Мы видим, что он наблюдал и размышлял, вдумывался во внутреннюю связь явлений, понимал психологию нравов, строение общежития. Он заметил в реформе Петра черты, которые дали нравам неправильное направление. Назвав реформу «нужной, но излишней», он один из первых, если не первый, попытался отделить в ней необходимое от излишнего, т. е. ненужного или преждевременного. Из его рассуждения выходит, что, вводя науки, ремесла, военную и промышленную технику Зап[адной] Европы, можно было повредить борьбой со старыми русскими грубыми нравами, чтобы не заменить их цивилизованными пороками, что, исправляя религиозную жизнь народа, надобно было сперва просветить народ, а потом уже искоренять суеверия крутыми указами о бритье бород и ложных чудесах, чтобы заменить суеверие верой, а не безверием.

Итак, по мнению кн. Щ[ербатова], ошибкой реформы было слишком широкое ее действие, простиравшееся на такие стороны жизни, которые в изменении не нуждались или даже не могут

быть изменяемы по чужим образцам. Надобно заметить такую постановку вопроса людьми, доживавшими XVIII век: речь шла уже не о том, нужно ли было вообще заимствовать чужое, а о том, правильно ли и обдуманно ли оно было заимствуемо, в меру ли действительной потребности и полезности. Такая постановка вопроса была важным успехом русской исторической мысли.

Так же ставил вопрос и противник Щербатова Болтин. Он не против самой реформы, а только против ее излишней широты и радикализма: «Неумеренное исправление причиною было разрушения многих царств; исправляя обычаи и нравы, надобно иметь великое познание человеческого сердца, чтоб не сделать при сем случае лишнего». Человек состоит из пороков и добродетелей. Надобно тщательно взвешивать вред обычаев и пользу, ожидаемую от его уничтожения, и, если вес окажется равным, лучше оставить вещи так, как они были (Л[еклерк *, т.] 2, [с.] 355). Б[олтин] понимает физиологию общежития и с этой точки зрения судит о мерах Петра. Обычаи безвредные и безразличные в нравственном отношении не стоит уничтожать или запрещать, и вообще насильственное изменение понятий и обычаев не безопасно: «Не должно вводить насилем перемен в народных началах и образе устроения их, а оставлять времени их произвести» (Л[еклерк, т.] 2, [с.] 350), — замечает он, говоря о бритье бород. «Какой вред приносили государству бороды? Никакой. Какую пользу принесло обритие их? Никакой же; но принуждение к тому великий вред причинило. Когда характер мой хорош, что кому нужды до того, что лицо у меня мохнато, что платье на мне длинно, что, знаменуя себя крестом, не так персты складываю, как другие?» (Л[еклерк, т.] 2, [с.] 363). Так с помощью общих соображений о свойствах человеческой природы и о законах⁴ людского общежития старались выработать прочные основания для оценки реформы Петра (Ср.: Л[еклерк, т.] 2, [с.] 251 и 211)⁵.

2⁶. Вопрос о древней и новой России, как его ставили люди второй половины прошлого века, был только новой фазой в развитии старого и более общего вопроса об отношении России к Западной Европе. Этот общий вопрос, как известно, был возбужден людьми XVII в., как только началось у нас западное влияние. По характеру господствовавшего у нас тогда мирозерцания этот вопрос перенесли на религиозную почву и превратили его в шумный спор о религиозной опасности или безвредности общения с католическим и лютеранским, вообще еретическим Западом. То была неправильная постановка дела: западное влияние тогда не касалось религиозной жизни, а должно было удовлетворять нуждам государства, несло к нам не всю культуру Западной Европы, а только плоды ее технического знания, нужные для внешней обороны государства и для обогащения народа. Следствием неправильной постановки вопроса было

⁴ Исправлено карандашом из: и законов.

⁵ Примечание приписано карандашом.

⁶ Цифра написана карандашом.

неправильное его решение, сказавшееся в разделении русского церковного общества. Реформа Петра изменила дело; вопрос о западном влиянии преобразился в оценку преобразовательной деятельности Петра, в суждение о том, что он сделал с Россией и как относится преобразованная им Россия к прежней дореформенной. Староверы XVII в. говорили: западное влияние вредно, потому что есть дело папы римского, «дяди антихристов», уготовляющего путь в православную Россию своему племяннику. Стародумы XVIII в. говорили: западное влияние полезно в пределах русских потребностей; но Петр, расширяя его, переступил эти пределы и вместе с полезным и необходимым заимствовал много лишнего и вредного, привил интересы, вкусы и привычки, которые испортили наши нравы, извратили понятия, сделали нас непохожими на себя. Этим подсказывалось сопоставление испорченной по-зап[адно]евр[опей]ски новой Р[оссии] с древней, чуждавшейся Зап[адной] Европы⁷. Значит, вопрос был перенесен с религиозной почвы на *нравственную*. Для уяснения дела скажу наперед, что наш век дал вопросу еще новую, третью постановку. Дело не в реформе Петра и даже не в антихристе, а в общих законах исторического развития. Нам пришлось жить общей жизнью с Западной Европой; общение с ней — факт исторической необходимости; ее культура есть высшая форма человеческого развития; быть культурным человеком или народом — значит усвоить культуру Западной Европы. Положим, все это так. Но нужно ли при этом культивируемому не западноевропейскому народу усвоить самые формы западноевропейского культурного общежития и для этого повторять все процессы и переломы политические, социальные, умственные и нравственные, какие пережила и переживает Западная Европа, вырабатывая свою культуру? Жить общей жизнью значит ли жить одной жизнью?⁸ Вот в чем вопрос, на который одни отвечают *да*, другие — *нет*. Как видите, дело пересаживается на новую почву. Как назвать ее? Очевидно, речь идет об историческом процессе, об общих условиях исторического⁹ развития, о законах исторического движения, а¹⁰ изучение этих законов, науку о свойствах и условиях действия исторических сил, строящих и движущих людское общежитие, мы уговорились называть *социологией*¹¹. Итак, вопрос о нашем отношении к Западной Европе в наш век перенесен с почвы нравственной на *социологическую* или, если угодно, *философско-историческую*.

Сам по себе вопрос о нашем отношении к Западной Европе и в этой, третьей, постановке не имеет ни научного, ни практического интереса, как не имел его и в прежней. Решение его ничего не уяснило и не уяснит нам в историческом процессе, не внесет в историческую науку нового тезиса. С другой стороны, наше

⁷ Фраза вписана карандашом на нижнем поле.

⁸ Над строкой карандашом: репетиров[ать] чужую.

⁹ Над строкой карандашом: человек[еского].

¹⁰ Далее зачеркнуто: исторического.

¹¹ Над строкой карандашом: научного прагмат[изма].

отношение к Зап[адной] Европе установится, независимо от нашего решения вопроса о нем, силой условий, действующих помимо наших соображений и даже без нашего ведома. Однако этот вопрос, праздный сам по себе, по своему содержанию и цели, не был бесплодным по своим следствиям или действию: он не направлял нашего отношения к Западной Европе, но будил нашу мысль, поддерживал охоту к историческому размышлению, оттачивал наше сознание и, таким образом, имел воспитательное или образовательное значение. Он был своего рода гимнастикой для наших умов: в жизни не придется лазить и кувыряться по гимнастическим веревкам, но мускульная выправка, здесь получаемая, очень понадобится в тысяче житейских случаев. Наше отношение к Западной Европе определится не качеством соображений, какие мы внесем в вопрос об этом отношении, а количеством культурных средств, какие мы внесем в самое отношение, степенью нашего самосознания и самообладания, и не нашего только, но и западноевропейского, что уже несколько от нас не зависит, но чем мы можем воспользоваться или не воспользоваться, а это, как и самая степень нашего самосознания и самообладания, будет зависеть от нашей привычки обдумывать какие-либо вопросы, задаваемые жизнью¹², от общего¹³ запаса пережитого и передуманного нами¹⁴. След[овательно], в вопросе об отношении к Зап[адной] Европе важно не то, как мы решим его, а то, что мы его решали. Отношение установится, как мы *сумеем*, а не как решим или пожелаем это сделать, и — кто знает? — может быть, мы сумеем это сделать даже лучше, чем желали. Положим, мы решим подражать Западной Европе. А что, если дела пойдут так, что там решат подражать нам? Что тогда станем мы делать с нашим решением? Ведь бывали же случаи, что у поселявшихся среди нас иностранцев мы перенимали то, что они сами бросали, меняя на наше: француженка зимой надевала основательную русскую шаль в то время, когда русские дамы начинали щеголять в легкомысленных французских шляпках, вызывая заслуженный смех в своих догадливых подражательницах.

3. Сущность вопроса в тогдашней постановке: реформа принесла что-то лишнее, не дав нужного. Это нравы, обычаи, понятия вместо материальных средств и научных знаний.

Как решали вопрос тогда:

1. Княгиня *Дашкова* в 1780 г. (Зап[иски]*, с. 172—[174]). Богданович и Закон (Сол[овьев]*, т. 1, с. 331).

2. Кн. *Щербатов*—(см. с. 95—96) с идеальной картиной древней Руси ([с.] 5—16); *справедливая и добродетельная верховная власть, основанная на точном законе управления*, строго сословный склад общества, умеренный образ жизни и общее благоденствие (тетр[адь] 3, с. 97).

¹² Далее зачеркнуто: вообще.

¹³ Слово вписано над строкой карандашом.

¹⁴ Слово вписано над строкой карандашом.

3. Болтин Л[еклерк, т.] II, [с.] 252 сл. закономерность жизни исторической, логика развития.

*Древняя и новая Россия*¹⁵
[Первая половина 1890-х годов]

Условия влияния высших культур на низшие (размеры влияния и способы усвоения).

Состав цивилизации: 1) элементы общечеловеческие и 2) местные, национальные.

Элементы 1-го рода в их причинной связи и исторической последовательности: 1) знания (наука); 2) мастерства (искусство, техника, прикладные знания); 3) житейские удобства, результаты тех и других.

Элементы 2-го рода, вырабатывающиеся на основе первых, но специально приуроченные к местным и временным условиям, нуждам и потребностям: 1) склад общежития политического и частного (законы, учреждения, экономические и юридические отношения, нравы, обычаи); 2) национальные привычки (домашняя обстановка, пища, одежда¹⁶, ежедневный обиход); 3) народный темперамент или характер (способ мышления и чувствования и манера выражать то и другое) как результат склада общежития и национальных привычек.

Первого рода элементы—общее достояние человечества, потому что создаются общими свойствами и потребностями человеческой природы, хотя и облекаются в местные национальные формы; вторые—исключительная принадлежность создавшего их народа, недоступная и ненужная для других.

Схема в простейшем виде: что один человек может заимствовать у другого¹⁷ (знания, умения, удобства и правила жизни, внешние манеры)¹⁸ и что заимствовать невозможно или ненужно (походка, покроя платья, вкусы, привычки, чувства, способности, жесты, гримасы—физиономия).

Но и общечеловеческие, т. е. общепользные и общедоступные, элементы заимствуются неодинаково. Обыкновенно низшие культуры заимствуют эти общечеловеческие элементы высших в порядке, обратном их причинной связи и исторической последовательности, начиная с наиболее доступных и непосредственно нужных, т. е. идя от следствий к причинам, от плодов к корням, от житейских удобств к мастерствам, от них к знаниям. Самый способ заимствования становится труднее на каждой стадии: удобства можно просто *взять* или *купить* (зеркало, шведских спичек коробку), мастерства надобно *перенять* механ[ическим] навыком (выучиться делать зеркала и спички), знания необходимо *усвоить* самостоятельным мышлением и изучением. В первом случае человека может заменить автомат, обезьяна, во

¹⁵ На полях: Учителям образец.

¹⁶ Над строкой: цвета.

¹⁷ Над строкой: у препод[авате]ля. Каждый человек—культура, индивид.

¹⁸ Над строкой: даже, пожалуй, если удобства—они.

втором — машина, в третьем он сам должен заменить своего учителя.

Три неправильности в способе усвоения западной цивилизации русским обществом:

1. Общецеловеческие элементы этой цивилизации усваивались не только в порядке обратном их причинной связи и исторической последовательности, но и с напряжением и успехом, обратно пропорциональным трудности и важности этих элементов: сперва (и успешнее всего) *удобства*, потом (и с меньшим успехом) — *мастерства*, после всего (и с наименьшей охотой и удачей) — *знания*.

2. Вместе с общецеловеческими элементами усваивались и местные национальные, и притом в разное время усиленнее заимствовались различные элементы: в XVII в. и при Петре — преимущественно технические средства и удобства; после Петра и до конца XVIII в. — преимущественно увеселения, украшения, обычаи светского общежития, нравы, вкусы, чувства; в XIX в. — понятия, знания, законы, учреждения, убеждения.

3. Пытались распределить труд усвоения различных элементов цивилизации между разными слоями русского общества. Именно высшие слои, наиболее зажиточные и досужие, брали на свою долю преимущественно плоды просвещения; последние, наиболее подготовленные для потребления результаты цивилизации, предоставляя корни и основы ее другим, менее состоятельным и более занятым классам. Ученые-разночинцы и дворяне-вольтерьянцы второй половины XVIII в. Заботы Екатерины о создании 3-го чина как проводника науки и склонность высшего дворянства к *философии* и искусству. Цвет общества хотел стать только потребителем плодов цивилизации, с тем чтобы другие были только ее производителями. Неохота вольтерьянцев со многими тысячами крепостных душ заниматься психологией и *аллеи вздохов*¹⁹ в их парках. Вершина общества хотела сделать своей специальной образовательной задачей потребление, эстетику образования, предоставив средним классам труд, технику просвещения. «Нам — гостиняя²⁰ цивилизации, вам — кухня»²¹, — говорил просвещенный дворянин XVIII в. ученому-разночинцу, даже дворовому (*Зап[иски] Дашк[овой]*, с.) 174).

Из этих неправильностей родились два неудобства, ощутительно сказывавшиеся в ходе нашей духовной жизни в прошлом и истекающем столетии.

1. Заимствуемая цивилизация оставалась у нас без домашних источников питания, не получала самостоятельной обработки, не выходила из тесного общественного круга, имевшего средства выписывать или вывозить ее из-за границы, и, с одной стороны, поддерживала нашу зависимость от Западной Европы, заставляя нас обновлять заимствуемый культурный запас все новыми и новыми привозами, не делая в него своих вкладов, а с другой —

¹⁹ *Над строкой*: и уеди[ненных] размышл[ений].

²⁰ *Над строкой*: столов[ая].

²¹ *Над строкой*: мастерская.

питая духовное бездействие, приучая искать готового без собственного труда, т. е. жить чужим умом. Это все — следствия первой и третьей неправильности, и этим надолго установилось наше неправильное отношение к западноевропейской цивилизации.

2. Вторая из указанных неправильностей произвела перерыв в ходе духовной жизни русского общества или разрыв между древней и новой Россией, как у нас было принято выражаться. Усвоив механически и безрасчетливо чужой быт и чужой духовный обиход, одни просто бросали свой быт и обиход, как тяжелый завет темной родной старины, не развивая и не улучшая его в меру новых потребностей и новых образовательных средств, а другие, не решившись на такой перелом, с такой же враждой отнеслись ко всему заимствуемому и еще крепче уцепились за отживавшую старину, тоже не обновляя и не улучшая ее, со староверческой косностью поддерживая ее ветшавшие обычаи и предания. Так два соседние века поссорились и из древней и новой России вышли не два смежные периода нашей истории, а два враждебные склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения. Старое получило значение не устарелого, а национального, самобытного, *русского*, а новое — значение иноземного, *чужого*, немецкого, но не лучшего, усовершенствованного.

Болтин и Щербатов. Др[евняя] и Новая Россия

Любовь исторических писателей того времени к аналогиям. От особенностей их положения и свойства их спец[иальных] задач: стали перед трудными явл[ениями] и часто сокрытыми пружинами общежития и не только себе уяснить, но и от других защитить их. Учреждения, обычаи, нравы, понятия, чувства и т. п. Отсюда необходимость разносторонних сопоставлений, историч[еских] аналогий, которые дают тенденц[иозный] вид, *субъект[ивную]* окраску их суждениям и взглядам (соврем[енные] идеи и старина).

При сопоставлении соврем[енных] идей и явлений с древними постепенно сложился взгляд на ход нашей истории. Последний плод русской историографии Екате[рининского] времени и вместе [с тем] всего XVIII нашего века. На нем двойственная задача: изучение прошедшего в связи с явлениями настоящего — вопрос об отношении древней России к новой; искание апологетического материала в идеализации отеч[ественной] старины. Сходство взгляда у оппонентов и влияние поставленного вопроса на обществ[енное] сознание и дальнейшую русскую историографию.

Как этот взгляд у Болтина на (Лекл[ерк, т.] 2, [с.] 252, 369) значение *старых* обычаев (ib., I, 75?).

Цельное и резкое изложение того же взгляда у кн. Щербатова (*О поврежд[ении] нравов*. Лондон, 1858). Начало. План.

Летопись пороков. Взгляд на Петра I: нравственные жертвы военно-политических и культурных успехов ([с.] 29—30). Взгляд на царствование Екатерины II ([с.] 79 i); решительное осуждение ([с.] 92 и сл.). Политич[еская] тенденция в идеале будущего государя ([с.] 95). Навык к размышлению историческому; морал[ьная] и политическая тенденция.

Сравнение Щ[ербатова] и Б[олтина]. Один живет в древне-р[усской] старине, ее идеалами и порядками; другой ищет и находит в ней осуществление вечных общечел[овеческих] идеалов. Один обличает современность во имя старины, другой защищает «старину» от современников²² во имя разума и правды. Один, изучая современность, осуждает ее во имя старины; другой, защищая старину от своих современников, изучает ее. Один светом старины освещает современные пороки, другой светом современных идей стремится осветить старину.

Внимание одного на новом, его качестве; другой — на старом, покинутом. ...Без нужды бросать свое и заимствовать ненужное (*«Мысли о России»*, 23 и 26, 6 п., 7 п., 11, 19 п., 112 п и 114 и сл. Общие идеи).

ВВЕДЕНИЕ В КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 2-й ПОЛОВИНЫ XIX в.

[Около 1902 г.]

Русская история не занимает особенно видного места в ряду умственных интересов русского образованного общества. Интерес к ней посредственный, живой, но сдержанный, ближе к недоумению, чем к равнодушию; источник его в естественном любопытстве ко всему родному, отечественному, между прочим и к отечественной истории, но без отчетливой мысли, на что бы еще она могла понадобиться. Такое отношение объясняется различными причинами, заключающимися частью в характере¹ русской истории, частью в состоянии русского общества, а также в некоторых общих условиях, не зависящих ни от русской истории, ни от русского общества.

Здесь прежде всего имеет значение интеллектуальное расстояние, какое лежит между научно-историческим знанием и общественным сознанием. Чтобы проникнуть в общественное сознание и в нем укрепиться, научно-историческая идея должна встретиться с умственными или практическими потребностями общества, найти себе место в ряду средств, к которым оно обращается² для разрешения занимающих умы вопросов или ставших на очередь житейских задач. Такая встреча возможна при двух условиях: если идея получила разработку, приспособленную к обычным способам усвоения идей общественным

²² Исправлено из: современность.

¹ На полях карандашом: самой.

² Над зачеркнутым: нуждается.

сознанием, и если само общество подготовлено к историческому размышлению как практически полезному средству общежития. Но оба эти условия³ не всегда бывают налицо, и второе нередко отсутствует даже при наличии первого. Мысль об истории как руководительнице жизни высказана очень давно и довольно распространена; но она чаще появляется в обороте мнений как хорошая сентенция, чем применяется в житейском обиходе как испытанное правило. Наиболее привычные способы обращения к истории за практическими указаниями скорее укрепляют сомнение в ее пользе, чем научают правильно ею пользоваться: так, в спорах оба противника нередко с успехом подбирают примеры из истории для оправдания тенденций⁴, непримиримых не только друг с другом, но и с здравым рассудком. Благодаря тому эта отрасль знания больше служит средством для пополнения или исправления общего мирозерцания отдельных мыслящих умов, чем руководством для практического устройства общественной жизни.

Но бывают моменты, когда в обществе обнаруживается усиленная склонность к историческим справкам, пробуждается интерес к прошедшему более серьезный, чем обычное любопытство к делам минувших дней. Тогда люди, сиюсь уяснить себе связь и характер текущих явлений своей жизни, начинают спрашивать, откуда эти явления пошли и к чему могут привести. Когда, например, в обществе почувствуется, что привычный ход дел, составляющих ежедневное содержание жизни, начинает колебаться и расстраиваться, обнаруживать в себе противоречия и создавать затруднения, каких прежде не ощущали,—это значит, что условия жизни начали приходить в новые сцепления, наступил перелом, стало складываться новое положение. Тогда рождается потребность овладеть ходом дел, получивших неудобное направление как-то нечаянно и самопроизвольно, «в силу вещей», как принято выражаться о явлениях, возникающих без участия чьей-либо сознательной воли. Чтобы освободить свою жизнь от такого стихийного характера и дать разумное направление складывающейся новой комбинации отношений, люди стараются выяснить цель, к которой эту комбинацию желательно было бы направить, а эта цель обыкновенно составляется из совокупности интересов, господствующих в данную минуту. Логическая потребность в целесообразности и обращает умы к прошедшему, где ищут и исторического оправдания всплывшим наверх интересам, и практических указаний на средства к достижению наметенной цели. Люди нередко и нечувствительно сбиваются с прямого пути, недостаточно часто оглядываясь назад; но они начинают усиленно оглядываться назад, чтобы вернуться к потерянному направлению, когда другие признаки, обыкновенно неудобства кривого пути, не дадут им почувствовать, что они сбились с прямого. В усилении исторической любознательности всегда можно видеть симптом пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом

³ Над зачеркнутым: средства.

⁴ Над зачеркнутым: самых.

положении, создавшемся помимо его или при слабом его участии, а это пробуждение в свою очередь свидетельствует, что новое положение уже достаточно упрочилось и раскрылось, чтобы дать почувствовать свой характер и свои последствия. Общественное сознание тем и отличается от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных⁵ причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено от данных последствий восходить к искомому причинам.

⁵ *На полях карандашом: выяснившихся.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В седьмом томе Сочинений В. О. Ключевского завершается публикация специальных курсов ученого, начатая в шестом томе настоящего издания, где были помещены «Методология русской истории», «Терминология русской истории» и «История сословий в России». Теперь печатаются курсы «Источники русской истории» и лекции по историографии, а также разнообразные материалы к ним: законченные статьи (чаще всего «портреты» историков или отзывы на их труды), наброски, варианты, отдельные характеристики и тому подобный материал, как всегда у Ключевского, яркий, образный, острый.

В отличие от специальных курсов по методологии, терминологии и истории сословий, которые, как правило, читались один раз, лекции по источникам и историографии повторялись Ключевским многократно, начиная с 1888 и до 1907/08 учебного года. Но (также в отличие от первых трех вышеназванных специальных курсов) ни лекции по источникам, ни лекции по историографии не были литографированы. Это не означает, однако, что Ключевский недостаточно высоко ценил их и не хотел литографировать — в таком случае он не читал бы эти курсы из года в год. От Ключевского здесь ничего не зависело: эти курсы стали, так сказать, жертвами реакционного университетского устава 1884 г., вследствие которого новыми университетскими правилами студенческие литографии были запрещены. Успели литографировать лишь те лекции Ключевского на семинарных занятиях по «Русской Правде» и «Псковской Правде», которые он проводил по этим памятникам с 1880 г. до введения в действие злополучного устава. О типографском же издании специальных курсов тогда не могло быть и речи — Ключевский начал готовить к печати общий «Курс русской истории» и был поглощен этой

работой. Однако, как известно, завершить ее он не успел: Ключевский умер 12 мая 1911 г.; пятая часть «Курса» была издана посмертно в 1921 г.

В. О. Ключевский всегда придавал исключительно важное значение знанию источников и научной литературы, изучение которых сопряжено со значительными трудностями и требует определенных профессиональных навыков. Исторический материал, заключенный в источнике, говорил он, сразу не дается. «Историк не становится перед историческим фактом прямо, как только возьмет в руки памятник старины или взглянет на него. Чтобы исчерпать исторический источник надлежащим образом, его нужно понять и разобрать, отделить в нем нужное от ненужного. Для этого требуется предварительная его разработка и расчистка, изучение и истолкование памятника» (С. 406¹). Поэтому, прежде чем воссоздавать по источникам ход русской истории, нужно научиться правильно читать и понимать исторические памятники. Ключевский и делился своим опытом работы над источником, умением исчерпывать его до конца.

Напомним, что сам Ключевский начинал научный путь с углубленного исследования источников. Уже в студенческие годы он сидел в архиве рядом со своим учителем С. М. Соловьевым и погружался в «безбрежное море архивного материала», изучая первоисточники — русские и иностранные. Его студенческая работа и магистерская диссертация были фундаментальными историкovedческими трудами (речь идет о книгах «Сказания иностранцев о Московском государстве» и «Древнерусские жития святых как исторический источник»). Да и все последующие труды ученого и курсы базировались на огромном круге источников. Ключевского всегда отличал тонкий анализ источников и образная форма изложения.

С осени 1880 г. Ключевский впервые приступил к чтению лекций в Московском университете по своей программе (в 1879/80 учебном году он продолжал курс, начатый С. М. Соловьевым, по смерти которого занял кафедру русской истории). Ключевский сразу же, параллельно с основным курсом, стал проводить со студентами семинарские занятия по изучению отдельных памятников Древней Руси. Чаще всего то были «Русская Правда» и «Псковская Судная грамота» («Псковская Правда»), а также Судебник 1550 г. и сочинение Г. К. Котошихина.

Студенты любили специальные курсы своего профессора не меньше «Курса русской истории». Ю. В. Готье, к примеру, писал, что в его студенческое время «мы все, подобно другим поколениям, предшествовавшим нам и сменившим нас, жадно слушали его общий курс и увлекались его специальными лекциями об источниках русской истории»; В. И. Пичета, вспоминая лекции Ключевского по историографии, назвал их в

¹ Здесь и далее ссылки на настоящий том сочинений В. О. Ключевского даются в скобках с указанием страниц без дополнительных объяснений.

высшей степени оригинальным и интересным курсом².

Лекции по источникам и по историографии были в преподавании Ключевского взаимосвязаны и поначалу читались им вместе, как и все специальные курсы Ключевского, на III и IV курсах. В Приложении публикуется вступительная лекция к такому единому курсу под названием «Специальное изучение отделов» (имелось в виду изучение отделов русской истории). Целью его было «*вызвать самостоятельную работу над ист[орическими] вопросами*». Эта работа, говорил он, достигается «двумя путями, какими изучается наука: изучением источников и усвоением сделанного по научной их разработке» (С. 401). Так как в аудитории нельзя достичь «полноты изучения», справедливо замечал Ключевский, то он рекомендовал студентам понять и усвоить «ход и приемы самой работы», познакомиться с техникой исторического исследования, приобрести «навык вникать в смысл источника, разбир[ать] и групп[ировать] данные, соотнобразять условия исторической жизни». Для учебных целей он предлагал выбирать не слишком трудные источники (трудный или малодоступный источник «требует от начинающего много лишней работы»), а из трудов историков выбирать «наиболее капитальные произведения исторической литературы» («мелочные» или неудачные пособия мало помогают «пониманию дела, не возбуждают достаточного интереса и не дадут хороших образцов *успешной* ученой работы»). Ключевский стремился вызвать у студентов ощущение «прелести понимания» (С. 401, 402).

Седьмой том настоящего издания состоит из двух разделов — «Источниковедение», «Историография» — и Приложения. Первым публикуется курс, который автор называл, как то было принято в науке его времени, «Источники русской истории» (лекциями по источниковедению подобные курсы стали называться значительно позже).

История преподавания источниковедения в высших учебных заведениях России дооктябрьского периода все еще остается недостаточно изученной. В силу этой неизученности в науку вошло и утвердилось неточное представление о начале такого преподавания, которое со времени обнаружения в архиве и последующего издания в 1959 г. курса Ключевского по источникам стало связываться с его именем³. Между тем в исторической литературе неоднократно утверждался факт влияния на источниковедческие представления Ключевского К. Н. Бестуже-

² Готье Ю. В. В. О. Ключевский как руководитель начинающих ученых // Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 177; Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете (1897—1901) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 585.

³ Тихомиров М. Н. Послесловие // Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М., 1959. С. 469; Булыгин И. А., Пушкарёв Л. Н. Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. С. 599; Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970; Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 289, 292, 293.

ва-Рюмина. В частности, отмечалось, что Ключевский основывался на специальных трудах Бестужева-Рюмина («О составе русских летописей», «Русская история» и некоторые статьи), что история древнерусского летописания излагалась Ключевским по работам Бестужева-Рюмина, что приводимая Ключевским схема этапов летописания соответствовала исследованиям Бестужева-Рюмина, влияние которого сказалось и на выводах Ключевского в его анализе «Повести временных лет», и т. д.⁴ Однако при этом не принималось в расчет существование специальных курсов самого Бестужева-Рюмина, чьи лекции в свое время были литографированы, да и сам он в предисловии к «Русской истории» указывал, что «всегда давал в своих университетских чтениях — из которых постепенно сложилась эта книга — много места оценке источников и пособий и критическому изложению высказываемых в науке взглядов»⁵. В концентрированном виде это нашло отражение в известном Введении Бестужева-Рюмина к первому тому «Русской истории», где значительное место отведено теме «Историческая критика», классифицированы и охарактеризованы источники по видам.

Но и Бестужев-Рюмин не был первым, кто читал подобные лекции. Не будем определять первенство в данной области — это должно стать темой специального изучения. Скажем только, что учитель обоих историков⁶ С. М. Соловьев уделял в своем преподавании большое внимание историческим источникам. Читали лекции по русским источникам и другие историки, например Н. И. Костомаров, И. В. Лашнюков, Н. А. Иванов. Ключевский же создал стройный и законченный курс.

Курс Ключевского «Источники русской истории» 1891 г. сохранился в студенческой записи, начиная лишь со второй лекции. Можно только сожалеть, что до нас не дошла первая лекция от того года. По отдельным авторским наброскам за ряд лет видно, что в первой лекции ставились некоторые вопросы теории источниковедения, такие, как определения источника и исторической критики; существующие виды и приемы исторической критики и три ее основные задачи (реставрация и интерпретация древнего текста, определение точки зрения автора, истолкование внутреннего смысла исторического факта); говорилось о зависимости задач и приемов исторической критики от свойств источников и состояния их разработки, о разрядах источников, о важности разработки вспомогательных исторических дисциплин.

Большое значение придавал Ключевский общей методике источниковедческого анализа. Он рассматривал особенности каждого вида русских источников и указывал на те трудности, с которыми встречаются исследователи при их изучении. Историк специально останавливался и на сложностях, связанных с осо-

⁴ Александров В. А., Зимин А. А. Комментарии // Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 375; Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед. С. 154, 157, 160, 163, и др.

⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. I. СПб., 1972. С. 1.

⁶ К. Н. Бестужев-Рюмин слушал лекции С. М. Соловьева в 1840-х годах, Ключевский — в 1860-х.

бенностями древнерусской лексики, видя одну из трудностей письменных источников в мудрствовании «старинных, особенно средневековых, читателей, которые позволяли себе исправлять древний текст, где его плохо понимали, сокращали или дополняли, где находили это нужным» (С. 10).

Последующие лекции посвящены рассмотрению отдельных видов источников. Значительное место в них уделено летописям. Ключевский сознательно сосредоточивал внимание на древнерусских памятниках как наиболее трудных для понимания. Остальные же литературные памятники, считал он, «не представляют трудностей, и предварительное знакомство с ними можно получить из любого курса истории русской литературы» (С. 77).

Специалисты считают наиболее ценными те страницы лекций Ключевского, которые непосредственно связаны с вопросами, относившимися к сфере его личных исследований. Такова, к примеру, лекция III: «Акты.—Трудности их изучения <...>», где особое внимание обращалось на акты, связанные с кабальным холопством, которому, как известно, Ключевский посвятил отдельную работу «Подушная подать и отмена холопства в России» (1886 г.). Важны соображения Ключевского о методике изучения древнерусских актов. Он рекомендовал учитывать «авторский угол зрения», т. е. выявлять цели, которые ставил перед собой составитель того или иного документа. Не ограничиваясь изучением юридической формы актов (к чему обычно сводились труды историков XIX в., занимавшихся актовыми материалами), Ключевский утверждал необходимость вскрывать их конкретно-историческое содержание, показывая, что юридическая форма в силу своей архаичности не всегда правильно передает живую действительность.

Почти три лекции (VII—IX) Ключевский отвел хронографам—историческим сочинениям, излагавшим события всемирной истории.

Бесспорно, ценными являются замечания Ключевского—глубокого знатока агиографии—об отдельных видах древнерусских церковных сборников. Свои взгляды на жития святых Ключевский обобщил и сжато изложил в X и XI лекциях. Курс заканчивался краткой характеристикой источников XVI в.

При характеристике источников XVII в. и более позднего времени Ключевский переходил постепенно к историографической подаче материалов, а впоследствии исторические произведения XVII—начала XVIII в. стали целиком предметом его лекций по историографии. Как можно судить по наброскам Ключевского о «варяжском вопросе», «Историографии с царствования И[оанна] Грозного», «Историографии Смутного времени» и по некоторым иным материалам, Ключевский стал рассматривать Начальную летопись и другие летописные своды не только как исторические источники, но и как исторические произведения, т. е. с позиций историографии. Касался Ключевский в лекциях «Источники русской истории» и вопросов издания и изучения памятников, деятельности П. М. Строева, Я. И. Бередникова, археографических экспедиций и комиссий. Это тоже, строго

говоря, историографическая проблематика; это — история источниковедения, т. е. часть истории исторической науки.

К курсу «Источники русской истории» примыкают две работы Ключевского о важнейших юридических памятниках Древней Руси — «Русской Правде» и «Псковской Правде». Обе они представляют собой запись бесед Ключевского со студентами семинара. В отчете о деятельности историко-филологического факультета Московского университета за 1880/81 учебный год говорилось: «Во втором полугодии в русском историческом семинарии, находившемся под руководством доцента В. О. Ключевского, прочитаны были «Русская Правда» и «Псковская Судная грамота». Целью этого чтения было познакомить слушателей с языком памятников древнерусского права и с историей судебных и других учреждений Древней Руси. Кроме чтения и объяснения названных памятников участники семинария давали ответы на заданные вопросы, касавшиеся происхождения и содержания того и другого прочитанного памятника»⁷.

Содержание семинарских занятий помимо вступительной части составляют переводы памятников и комментарии к ним. Более подробно взгляды на «Русскую Правду» Ключевский изложил в первом томе «Курса русской истории», где поставил вопросы о связи «Русской Правды» с русской действительностью XI—XIII вв. Перевод и комментарии Ключевского основывались как на пристальном изучении текста памятников, так и на обширной научной литературе, новинки которой сразу же им учитывались, использовались в лекциях и тем самым популяризовались. Делая переводы древних памятников в учебных целях, Ключевский несколько упрощал и приглаживал древнерусскую речь, а цитаты из источников приводил, по его выражению, «в легком пересказе» (что делал он и в лекциях), но смысл источника передавал точно. Конечно, отдельные его толкования в какой-то степени устарели, но в целом перевод и замечания крупнейшего знатока древнерусской письменности представляют большой научный интерес.

Завершает раздел «Источниковедение» отзыв Ключевского на труд С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник», где содержатся интереснейшие наблюдения Ключевского и об историографии того периода.

В настоящем издании в наиболее полном объеме собраны воедино разновременно опубликованные (а также печатающиеся впервые) работы Ключевского в области отечественной историографии. Они по возможности расположены в хронологической последовательности, в соответствии с их проблематикой. Несмотря на то что эти материалы дошли до нас не целиком и нередко неокончены, они в совокупности дают возможность уловить творческий замысел автора, понять главные идеи,

⁷ Краткий отчет о состоянии Университета за 1880 г. М., 1881. С. 17.

положенные им в основу курса по русской историографии, насладиться сочностью языка великого историка.

Приступая к самостоятельной педагогической деятельности в начале 1870-х годов, Ключевский делился со своей аудиторией размышлениями о месте лекций по истории исторической науки в общем процессе преподавания. Он отмечал, что в старинных руководствах по какой угодно науке обычно помещался параграф «о пользе науки»: «Теперь он забыт вместе с многими другими схоластическими украшениями учебников; вместо него обыкновенно ставят другой — *историю науки*. Я думаю напротив, что в изложении русской истории этому последнему параграфу лучшее место в самом конце курса. Успехи русской историографии — это успехи русского народного самосознания. Это самосознание — результат дум о родном прошлом. Рассказав былое народа, всего лучше закончить рассказ изложением существующих в обществе, в литературе дум о нем. Я так и хочу сделать, если мне удастся довести задуманный курс до конца»⁸. Так он и сделал — именно лекции по русской историографии и завершили его серию специальных курсов, но удалось это осуществить только в конце 1880-х — начале 1890-х годов.

Раздел «Историография» открывают представляющие большой интерес и имеющие принципиальное значение четыре наброска Ключевского по «варяжскому вопросу». В середине XIX в., в связи с подготовкой к празднованию тысячелетия Руси, с новой силой вспыхнул старый, шедший почти два столетия, ожесточенный спор о происхождении Русского государства. В годы деятельности Ключевского норманская теория была уже основательно подорвана, тем не менее она удерживалась в науке, продолжая считаться одной из главных проблем в истории Древней Руси. И Ключевский в своих лекциях оставался на позициях норманистов, не решаясь открыто высказать свое истинное мнение, в чем он и признавался в приватном письме к коллеге и приятелю В. И. Герье: «<...> замечания на новые теории о начале Руси я изготавил *про себя* и едва ли решусь показать их людям <...>»⁹. Усилия, потраченные на разрешение этой проблемы, Ключевский считал научно бесплодными, называя их «нескладицей», праздною игрою в гипотезы и даже явлением патологии. Он отказывался видеть в решении «варяжского вопроса» ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни. Свою позицию Ключевский называл «ученым целомудрием» и «ученой дисциплиной», которая основывалась на том правиле, что «не следует сбивать с толку других, уверяя их в том, в чем не убежден сам, и не следует убеждаться в том, что не имеет достаточных оснований». И далее читаем: «Мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с

⁸ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (далее: ОРФ ИИ), ф. 4, оп. 1, д. 1, л. 18.

⁹ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 154. Письмо от 18 августа 1876 г.

ней, как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол как ненужный, но требуемый приличием обряд <...> Потом мы рассказывали, как будто и нет спора, о варягах с братией» (С. 144).

Не без иронии, метко и остро Ключевский характеризовал автора «Начальной летописи» — ученого книжника XII в., первого решительного норманиста, выступившего с теорией, которая покрывала «скандал пиратской узурпации <...> политической программой народного договора с князем» в угоду новой власти, а также историков XVIII и XIX вв., которые «выступают с таким шумом и такими мужеств[енными] физиономиями, как будто они вверх дном ставят все основные факты, которыми открывается наша история» (С. 146, 138).

Начиная создавать свой историографический курс, Ключевский не сразу отошел от общепринятых тогда в науке представлений о начале разработки русской истории, которое, как считалось, было положено трудами немецких историков XVIII в. Но уже в 1891/92 учебном году он говорил о русской историографии середины XVI в. Хотя тогда Ключевский и подчеркивал разницу между летописанием и историографией, но ставил уже вопрос и о «точках соприкосновения», о трудностях перехода от летописи к историографии, об историческом мышлении писателей начала XVII в. Затем в 1895 г. он дописал ряд параграфов, где пытался установить границы между летописанием и историографией. Зачатки русской историографии он видел теперь в летописных сводах XIII и XVI вв. Этот взгляд на начало русской историографии был новым шагом вперед в области изучения истории отечественной исторической науки.

Первыми попытками систематического изложения хода русской истории Ключевский считал «Историю о царях» дьяка Ф. Грибоедова и «Синописис» Иннокентия Гизеля. Он подчеркивал, что «Синописис» является собственно историей киевского самодержавия и в нем наблюдается некоторое пренебрежение к истории Северной Руси. Первым методологическим опытом Ключевский признал Предисловие к «Исторической книге», которая должна была быть написана по приказу царя Федора Алексеевича. Основную цель этой работы он видел в попытке автора восполнить пробелы «Синописиса».

Дополняет эти материалы речь Ключевского к столетию Общества истории и древностей российских (ОИДР), где читатель найдет любопытный экскурс не только в историю Общества, но и в его предысторию. Ключевский, подчеркивавший самостоятельность развития исторических знаний в России, высказал мнение о том, что первое объединение историков возникло не в начале XIX в. по инициативе Шлёцера (имеется в виду ОИДР). Подобная мысль, считал он, зародилась и зрела на Руси давно: следы «какой-то собирательной историографической работы» обнаруживаются в XVI в., когда составлялись обширные летописные своды с подробными оглавлениями, генеалогическими таблицами и т. п. Ключевский допускал возможность

того, что Алексей Адашев руководил какой-то работой над «летописцем лет новых», по всей вероятности, над так называемой «Царственной книгой». Следующий опыт создания учреждения, которое Ключевский «по сродству задач» называл ранним предшественником ОИДР, он относил к 1657 г., когда дьяку Т. Кудрявцеву велено было при Записном приказе продолжить работу над Степенной книгой, для чего предписывалось создание «историографической комиссии» в составе двух старших и шести младших подьячих во главе с дьяком Кудрявцевым. Далее Ключевский разбирал ряд нереализованных предложений, высказанных в XVIII в., а также указы Екатерины II, где «просвечивает мысль» о том, что предварительную работу «должно вести дружным совместным трудом многих по определенному плану», так же как «стройное здание строится одним архитектором, но со многими работниками» (С. 391, 392, 396, 397).

В историографических работах Ключевского ощущается стремление проследить самостоятельное развитие исторических знаний с древнейших времен (с летописания) до своего времени. Как в общем «Курсе русской истории» Ключевский показывал, что преобразования Петра I были подготовлены русской действительностью еще в XVII в., так и в курсе по историографии он подчеркивал единую линию развития и связь исторических знаний Древней Руси и послепетровской России. При рассмотрении исторических работ Ключевский отмечал критические приемы, начиная с Тверской, затем Никоновской летописей, доводя до «Синописа» И. Гизеля, который в свою очередь он связывал с «Ядром Российской истории» А. И. Манкиева. Продолжал он эту линию, рассматривая труды В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, И. Н. Болтина и т. д. Примерно по тем же работам Ключевский просматривал появление, а затем и укрепление прагматического способа изложения, опять доводя анализ до «Синописа» и «Ядра». Таким образом, Ключевский показывал естественное развитие этих черт в русской историографии, не объясняя их только привнесением со стороны в русскую науку в XVIII в. Тем самым он противостоял устоявшемуся мнению о том, что развитие историографии, а также критическое отношение к источникам в России началось лишь с XVIII в. благодаря немецким ученым.

Отличительная особенность историографических работ Ключевского — постановка и решение некоторых теоретических вопросов в сочетании с яркими очерками об отдельных ученых. Так, Ключевский выделял проблему западного влияния, связывая возникновение его с именем И. А. Хворостинина. Большое место в анализе Ключевского занимает проблема воздействия переломных эпох на развитие исторических знаний («бедствия гораздо больше, чем книги и лекции, обучили людей истории». С. 156) и тесно связанные с этим вопросы периодизации и выявления направлений в русской историографии.

Ключевскому принадлежит один из первых опытов теоретической разработки проблем периодизации русской исторической

науки. Единого обобщенного критерия или суммы обоснований для выделения в равной степени всех периодов в отечественной историографии у него не было; подход его к проблеме был гибок. Чаще всего Ключевский периодизировал по крупным общеисторическим событиям, оказавшим влияние на развитие исторической мысли, для более древнего времени — по видам исторических работ (летописи, мемуары, переписка, записки современников, попытки систематического изложения истории), применительно главным образом к XVIII в. — по важнейшим царствованиям, а также по наиболее значительным трудам историков (например, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина или С. М. Соловьева).

В истории науки Ключевский выделял эпохи спокойные, когда жизнь представляется естественной, простой и неизменной, и бурные, когда ломаются привычные устои и представления. Эти-то последние и способствуют, по Ключевскому, возникновению исторического мышления, потому что под их влиянием возникает желание размышлять о происхождении и составе общественного порядка, задуматься над смыслом и причинами недавно минувшего. Связывая развитие исторических знаний с историей страны, Ключевский делил русскую историографию на четыре крупных периода, каждый из которых в свою очередь делился на более мелкие этапы. Первый, наиболее длительный по времени период — «Допетровский» — он подразделял еще на четыре: «господство летописи», «переход от летописи к историографии», «историография Смутного времени» и «первые опыты систематического изложения русской истории».

Второй крупный период в русской историографии Ключевский называл «Петровским», относя к нему весь XVIII в., а внутри подразделяя его на три: «Время Петра I», «Елизаветинский» и «Екатерининский» периоды.

Исходным рубежом следующего, «Дореформенного» периода он считал последствия Великой французской революции и войны Наполеона, ибо эти события «дали сильный толчок и русской историографии; под их влиянием воспиталась и историческая мысль Карамзина». Приверженец идей XVIII в., «близкий свидетель ужасов революции» Карамзин, писал он, «пережив политическое крушение своих любимых идей», потерял веру «в их внутреннюю логическую доброкачественность» и из философа-либерала превратился в консервативного противника реформ, недостаточно подготовленных историей (С. 156, 157). В этом периоде кроме трудов Карамзина Ключевский оттенял еще 30—40-е годы XIX в., как время обострения борьбы между славянофилами и западниками.

Годами окончания Крымской войны и отменой крепостного права Ключевский начинал последний, четвертый «Пореформенный» период.

В тесной связи с проблемами периодизации Ключевский разрабатывал и проблему направлений в исторической науке, которые стали, считал он, возникать в XVIII в. В первом периоде — «Время Петра I» — он не видел различных направле-

ний, хотя и отмечал три вида отношений русского общества к родной истории. Одни полагали, что у русских нет «истории древних»; другие считали, что в прошлом не было важных «деяний», потому и не стоит изучать историю; третьи баснями закрывали «сущую правоту сказания древних», оправдывая тем самым и тех и других, «поддерживая презрение первых и невежество вторых» (С. 268). Вместе с тем Ключевский подчеркивал патриотическое стремление русских историков к изучению прошлого и официальный характер занятий историей немецких ученых. Но зарождение различных, и даже враждебных, направлений он относил к следующему, «Елизаветинскому» периоду.

Ключевский выявил три признака, дающих возможность определить историографические направления. Это — задачи исследования; приемы и методы изучения; подход к историческому источнику. Исходя из перечисленных признаков, Ключевский для «Елизаветинского» периода выявил два направления, одно из которых он назвал «монографическо-критическим», а другое — «панографическо-прагматическим». Словом «монографическое» Ключевский подчеркивал стремление таких историков, как Г.-З. Байер и Г.-Ф. Миллер, а позднее и А.-Л. Шлёцер, изучать специальные, узконаучные вопросы, не доступные широкой публике. Определением «критическое» он подчеркивал то, что иноземные ученые в основном занимались критическим изучением источников. Пользуясь терминологией Шлёцера, Ключевский говорил, что историками этого направления было поставлено на очередь дело «низшей критики слов». Ключевский неоднократно отмечал официальное, казенное отношение немецких ученых к русским источникам — «по долгу службы», «по штатной должности с окладом» и т. п.

Ко второму, «панографическо-прагматическому» направлению Ключевский относил русских историков, не ограничивавшихся изучением узких, частных проблем, а стремившихся обрисовать последовательно и полно весь ход русской истории в более простой, доступной для разных слоев общества форме. Они пытались, писал Ключевский, создать «панораму героической доблести» русского народа. Отсюда в названии направления слово «панографическое». Историки этого направления старались также почерпнуть из русской истории полезные сведения, необходимые для практической деятельности государства. Отсюда вторая часть составного названия — «прагматическое». У таких историков, как В. Н. Татищев, А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин, критика источников была фактической, реальной, а не библиографической, не технически филологической: это была «высшая критика дел».

При характеристике следующего, «Екатерининского» периода Ключевский подчеркивал связь данного периода с предшествующей эпохой, указывая на дальнейшее развитие наметившихся ранее историографических направлений. Для этого времени он отмечал в историографии три направления: «люборусы» (или «русолобие»); «стародумы» (или «историческое стародумство») и «сравнительно-апологетическое». Упомянул Ключевский еще од-

но течение — «скептицизм западников», представители которого по своим убеждениям не могли быть историками, однако их взгляды способствовали развитию исторической мысли, так как заставляли историков выступать против них.

При рассмотрении развития русской исторической науки в XIX в. Ключевский для обозначения историографических направлений пользовался теми названиями и понятиями, которые возникали в общественной практике — «скептическая школа», «славянофилы», «западники», «юридическая школа» и т. п.

При изложении Ключевским конкретного материала вырисовывались довольно стройная структура и определенная последовательность в распределении материала. Прежде всего он давал общую картину эпохи, затем суммарную характеристику исторических трудов периода. Ключевский обычно старался показать связь работ данного времени с историческими работами предшествующего периода и вместе с тем подчеркивал их новые черты. Далее Ключевский переходил к рассмотрению конкретных, наиболее важных с его точки зрения исторических сочинений. Он обращал внимание на форму произведения, на его художественные достоинства и недостатки, на источниковую основу работ.

Помимо лекций Ключевский проводил и семинарские занятия, на которых давал студентам для курсовых работ отдельные историографические темы. Мы не располагаем полными данными об их проблематике — удалось установить только несколько из них: «Авраамий Палицын как историк Смутного времени», «С[ильвестр] Медведев и Лихуды как представители двух направлений русского просвещения в конце XVII в.», «Феофан Прокопович», «Суждение В. Н. Татищева о недостатках и нуждах русского просвещения, образ[ованно]сти», «Взгляд русского писателя первой половины XVIII века на просвещение и на его нужды и средства в России (по «Разговору о пользе наук» Татищева...)».

Статьи и очерки ученого о своих коллегам — глубокие, меткие, образные, порой хлесткие — знакомят с жизнью и деятельностью ряда русских историков, вскрывают любопытные черты развития русской исторической мысли XVI—XIX вв. Свойственные Ключевскому ирония и самоирония, образно-эмоциональное восприятие, юмор и сарказм пронизывают его работы, будь то теоретические рассуждения или повествование об историках, куда нередко вплетались личные впечатления и воспоминания автора. В результате перед читателем предстает ищущая, спорящая, движущаяся — одним словом, живая история исторической науки.

* * *

В седьмом томе настоящего издания тексты В. О. Ключевского воспроизводятся по шестому, седьмому и восьмому томам его Сочинений (М., 1959), подготовленных и прокомментированных В. А. Александровым, А. А. Зиминым и в историографической части Р. А. Киреевой. Используются также публикации в

сборнике «История и историки. Историографический ежегодник 1972» (М., 1973) и в книге «В. О. Ключевский. Неопубликованные произведения» (М., 1983), составителями и комментаторами которых были А. А. Зимин и Р. А. Киреева. Несколько новых текстов помещены в Приложении: «Специальное изучение отделов», ««Киевский Синописис» [И. Гизеля], «Ядро Российской истории» [А. И. Манкиева]» (фрагмент), «Время Петра I» и «Опыт новой истории».

Историографические и источниковедческие взгляды В. О. Ключевского пристально изучались советскими историками, чему посвящены не только специальные статьи, но и книги¹⁰.

Публикуемый специальный курс Ключевского «Источники русской истории» относится к 1891 г. Но так как первая лекция указанного года не сохранилась, то этот курс в 1959 г. (Т. VI) печатался со второй лекции, а в комментарии приводились разновременные наброски к несохранившейся лекции. Однако поскольку вводная лекция несет большую смысловую нагрузку и содержит в себе рассуждения Ключевского, относящиеся ко всему курсу, а не только к конкретному виду источника (что составляет содержание последующих лекций), то в настоящем издании сочтено возможным начать курс «Источники русской истории» фрагментом первой лекции 1888 г. с соответствующими оговорками, а в Приложении дать остальные три наброска и оставить в комментарии к II лекции набросок «Исторические повести и сказания», помеченный 12 февраля 1891 г. (этот фрагмент вполне может быть отнесен и к историографическим лекциям).

Рукопись курса «Источники русской истории» хранится в ОРФ ИИ (ф. 4, оп. 1, д. 88, л. 1—124). Первый ее лист написан Ключевским карандашом, начало второго — чернилами. Таким образом, до слов (включительно): «<...> и этот запас не был принят в состав литературной речи» — автограф Ключевского. Остальной текст представляет собой студенческую запись с карандашной правкой Ключевского. (Почерк студента напоминает почерк, которым записаны лекции ученого по историографии). В тексте имеются указания на источники, использованные при комментировании.

Курс Ключевского по источникам был тесно связан с его занятиями в семинарах по изучению «Русской Правды» и «Псковской Судной грамоты» («Псковская Правда», как называл ее Ключевский). Студенческие записи этих занятий были литографированы: 1) «Русская Правда». С. 1—14 (введение, объяснение непонятных терминов в первых 49 статьях) и С. 1—17 (перевод 49 статей); 2) «Псковская Правда». С. 1—22 (введение, перевод 47 статей и объяснение непонятных терминов в них). Оба текста часто помещались как приложение к литографиям других курсов Ключевского, например к лекциям по русской

¹⁰ Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. С. 283—295.

истории 1883 г., к курсу методологии и терминологии русской истории 1884/85 учебного года.

Для придания единообразия структуре курса комментарии Ключевского помещены постатейно (после перевода отдельных статей). Из черновых материалов, хранящихся в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 78 (выписки из «Русской Правды» и других источников, перевод статей, заметки), д. 79 («Русская Правда». Лекции, наброски, заметки), взят перевод и комментарий к ряду статей «Русской Правды» и «Псковской Судной грамоты», которые в литографиях отсутствуют.

В указанных делах ОРФ ИИ содержатся разнообразные материалы, касающиеся изучения Ключевским в 1876—1902 гг. древнерусских законов. Здесь находятся выписки из «Русской Правды», «Псковской Правды», «Эклоги», «Прохирона», заметки о договорах Руси с греками, рукопись сообщения Ключевского «Объяснение статей о «резах» в «Русской Правде», заметки о сельском населении и общине, о правонаследовании, о денежном счете в Древней Руси, написанные по материалам «Русской Правды»; помещен перевод статей 51—55, 57, 97, 105, 112 «Пространной Правды» (по изданию Калачова), который отсутствует в литографиях. Хранится здесь и конспект лекций Ключевского о «Русской Правде» и «Псковской Правде» (ок. 1885 г., 17 листов малого формата), который дает возможность корректировать литографическую запись лекций. Некоторые заметки о «Русской Правде» (60—80-х годов XIX в.) находятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее: ОР ГБЛ), ф. 131, п. 15, д. 16.

В фондах Ключевского нет цельной рукописи по русской историографии, но общий объем его работ в этой области достаточно велик. Наиболее ранние из них относятся к концу 1870-х годов, наиболее поздние — к началу 1900-х. Центральное место среди них занимают девять лекций по русской историографии с середины XVIII в. в студенческой записи 1892 г. Непосредственно к этому курсу относятся многочисленные собственноручные записи Ключевского, сделанные им в связи с подготовкой к лекциям, и другие его материалы разных лет, которые хронологически значительно расширяют названный курс.

Оригинал рукописи девяти лекций хранится в ОР ГБЛ (ф. 131, п. 12, д. 1, л. 1—138). Данная часть курса записана в трех небольших сшитых от руки тетрадях. Текст содержит тщательную правку Ключевского — он уточнял отдельные слова и выражения, заменял одни абзацы другими, нередко вписывал целые страницы нового текста. Наиболее обширные вставки посвящены историкам Миллеру, Болтину, Шлёцеру и некоторым теоретическим вопросам: например, заключение о Болтине (С. 215—216), текст о методе и тенденции в исторической науке (С. 214—215), выводы к IX лекции (С. 473) и др.

Студенческая запись представляет собой часть историографического курса Ключевского 1891/92 учебного года — она относится только ко второй половине учебного года (с 23 января по

26 марта 1892 г.). За это время было записано девять лекций, в которых изложено развитие истории исторической науки, начиная с характеристики исторических трудов Байера, Миллера и Ломоносова и кончая характеристикой работ Шлёцера. Лекция от 23 января имеет двойной номер: 1(12); следовательно, до того было прочитано 11 лекций. В архиве ученого сохранилась его записка (но тоже неполная), где он по числам отмечал прочитанные лекции с 12 сентября 1891 по 12 марта 1892 г. Эти материалы дополняются рукописями Ключевского того же времени. Все это помогает восстановить проблематику лекций 1891/92 учебного года. Курс начинался с вводной лекции, затем шла тема «История Курбского в связи с перепиской» (в имеющихся рукописях Ключевского несколько иное название: «Обзор историографии с царствования И[оанна] Грозного»). Затем он рассматривал Степенную книгу и хронографы. Следующие три лекции отводились «Памятникам Смутного времени». Потом шла лекция «Кн. Куракин. «Синописис». Грибоедов. Манкиев». Далее Ключевский переходил к характеристике периода царствования Петра I. (Возможно, либо этой, либо предшествующей теме были отведены две лекции.) В следующей лекции Ключевский рассматривал труды В. Н. Татищева. Далее, очевидно, шла лекция с характеристикой «Елизаветинского» периода, а уже затем идут девять лекций в записи студента (к ним относятся наброски Ключевского «Опыт новой истории», «Древняя и новая России» (см. Приложение), а также об отдельных историках: Байере, Болтине, Шлёцере, Новикове и др.). Студенческая запись заканчивается 26 марта 1892 г. Но резонно предположить, что Ключевский хотя бы в апреле продолжал вести занятия, тем более что в его архиве есть наброски о Карамзине и других историках XIX в. и варианты вводной лекции «Русская историография 1861—93 гг.» (правда, более позднего времени написания — после 1902 г.).

Комплекс материалов, относящихся к 1891/92 учебному году, самый полный. Он, очевидно, лежал в основе последующих лекций Ключевского по русской историографии. Но и он не был окончательным. Ученый продолжал над ним упорно работать. В 1895 г., например, им сделано существенное дополнение к началу курса. Ключевский написал новый текст под названием «Историография Смутного времени», который затем посредством разбивки текста на параграфы и путем точных значков соединил с текстом «Обзора историографии с царствования И[оанна] Грозного». В итоге получилось 10 параграфов, за исключением ненаписанного восьмого. Таким образом, параграфы 1, 3, 6 и 7 были написаны в 1891 г., а параграфы 2, 4, 5, 9 и 10 — в 1895 г. В настоящем издании этот текст публикуется в последней редакции Ключевского с сохранением обоих авторских названий.

Непосредственно к этому сводному тексту относятся «Конспект лекций курса историографии о Палицыне, Хворостинине» (от 10 октября 1891 г.) и, возможно, недатированная рукопись «И. Тимофеев, кн. Хворостинин и А. Палицын».

О том же хронологическом углублении курса свидетельствуют и наброски по «варяжскому вопросу». Ключевский дважды подходил к изучению этой проблемы в историографическом плане. В 70-х годах XIX в. он рассматривал решение «варяжского вопроса» в трудах некоторых историков XIX в. — М. П. Погодина, Д. И. Иловайского, И. Е. Забелина, С. А. Гедеонова, В. Г. Васильевского и др. Позднее, в 90-х годах, он написал еще два наброска, где сосредоточивал внимание на истории возникновения в исторической науке «варяжского вопроса» и на определении его значения в русской историографии. И здесь же он разбирал «Начальную летопись», указывая на тенденциозность ее автора.

История исторической науки XIX в. представлена у Ключевского достаточно полно, но не в едином лекционном изложении, а главным образом в виде как законченных, так и фрагментарных статей об отдельных историках. Вместе с тем там есть и обобщенные характеристики развития исторической науки на определенные отрезки времени. Так, например, в статье о Болтине говорится об особенностях историографии XVIII в., а в статье о Бестужеве-Рюмине — о состоянии исторической науки в 1860—1870-х годах и т. д. Представляют значительный интерес два варианта «Введения в курс лекций по русской историографии 2-й половины XIX в.», один из которых печатается в основном корпусе издания, другой — в Приложении.

Обычно в опубликованных работах Ключевский опускал научно-справочный аппарат, так как не любил загромождать изложение слишком обширными подстрочными примечаниями. Поэтому в его печатных трудах крайне редко можно встретить ссылки на источники и литературу. Однако в рабочих записях и в собственных экземплярах лекций он самым тщательным образом отмечал все виды использованных материалов. Эти пометы, так же как вставки, отсылки, исправления и зачеркивания Ключевского, воспроизведены в данном томе. Таким образом, составителями «открыт» научный аппарат ученого, что позволяет судить о круге его источников и методе работы.

Некоторые рукописи Ключевского имеют сложную систему отсылок, помет и указаний на источники, литературу и собственные труды. Места вставок и переносов текста отмечались им условными значками, подчеркиваниями и отчеркиваниями на полях чернилами или различными карандашами — простым, красным, синим. Так как цвет карандаша нес определенную смысловую нагрузку, то во всех подобных случаях указывается цвет и способы написания пометы. Если подчеркивания и пометы не оговариваются, то это означает, что они написаны тем же карандашом или чернилами, что и основной текст. Начало и конец вставок автора отмечены в тексте одинаковыми цифрами, а в примечаниях — через тире (например, ³⁻⁵). В ряде случаев Ключевский пользовался условными обозначениями и сокращениями, которые удалось расшифровать. В тех случаях, когда в рукописи особенно много помет, они приведены в подстрочных примечаниях, в остальных — помещаются в комментариях.

Без оговорок воспроизводятся: отточия, подчеркивания Ключевского (в настоящем издании даны курсивом), дополнения или исправления, сделанные им над строкой или на полях в случаях их полного согласования с основным текстом, и авторские изменения порядка слов в предложении в последнем варианте. Пояснения и отточия составителей даются в квадратных скобках; звездочкой в черновых рукописях Ключевского отмечены раскрытые сокращения исторической литературы. Раскрыты также сокращения общеупотребительных слов: гдрь — государь; гдство — государство; губ. — губерния, губернский; В. — Великий; д. быть, д. б. — должно быть; ист., истор. — исторический; кк — как; крый — который; летоп. — летопись; м. быть — может быть; напр. — например; научн. — научный; полит. — политический; Р. — Россия; р. — русский; См. вр. — Смутное время; соч., сочин. — сочинение; экон. — экономический; эт. — это.

Во многих рукописях историка встречаются первые буквы латинских слов, означающих: i. (initium) — начало, m. (medium) — середина, f. (finis) — конец, t. (totum) — все, ib. (ibidem) — там же, id. (idem) — он же.

В настоящем издании использованы комментарии и примечания более ранних публикаций. Впервые публикуемые тексты, помещенные в Приложении, подготовлены к изданию Р. А. Киреевой. В работе по комментированию текста седьмого тома принимала участие В. Г. Зимина. Ею же составлен именной указатель.

К РАЗДЕЛУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Курс В. О. Ключевского «Источники русской истории» 1891 г. из-за отсутствия вступительной лекции открывается фрагментом 1-й лекции, прочитанной Ключевским осенью 1888 г. Два других наброска к вводным лекциям публикуются в Приложении. Все эти материалы воспроизводятся по кн.: *Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М., 1959. С. 5—87, 474—481.* Оригинал лекций II—XII (1891 г.) хранится в Отделе рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (далее: ОРФ ИИ), ф. 4, оп. 1, д. 88, л. 1—124. Первый лист написан Ключевским карандашом, начало второго — чернилами. Остальной текст — студенческая запись с карандашной правкой Ключевского.

¹ Фрагмент Лекции 1-й 1888 г. впервые был опубликован в кн.: *Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. С. 474—477.* Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 87, л. 1—6. Автограф. Карандаш. Чернила.

² «Пустити на Вороп». Летопись по Ипатскому списку (далее: Ипатьевская летопись). СПб., 1871. С. 210; *Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873. С. 107.*

³ «По Троицкому списку: «Аже оубиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо брату чадо, ли братни сынови»». Текст Русской Правды... Изд. Н. Калачов (далее: Русская Правда). СПб., 1889. С. 5.

⁴ «А которой человек оу человека знает свое што изгибшее, а тому молвит то слово: купил есми на торгу, а тогожь есми не знаю, оу кого купил: ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился; а не поставит его, а сам не оукрал, ни пословицы не было будеть, ино тот, не доискался». Новгородская и Псковская Судные грамоты. Сост. А. Б. Гинцбург (далее: Новгородская и Псковская Судные грамоты). СПб., 1888. С. 16.

⁵ «По Мурзакевичу — дурная молва». Псковская Судная грамота. Объяснительный словарь. Одесса, 1847. С. 4.

⁶ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 3. СПб., 1841. С. 88; «Сравнить» *Карамзин Н. М. История государства Россий-*

ского (далее: *Карамзин*). Изд. Эйнерлинга, Кн. II. Т. V. СПб., 1842, прим. 16 (стб. 9).

⁷ «А которой кочетник заложит весну, или исполовник оу государя, ино ему заплатит и весна своему государю, как оу другой частей доставалоса на томоже исаде». Новгородская и Псковская Судные грамоты. С. 16.

⁸ «И поидоша полци половецстии, аки борове, и не бе презрити их». Ипатьевская летопись. С. 184; Волыньско-Галицкая летопись. Изд. А. С. Петрушевич. Литературный сборник, издаваемый Галицкorusскою матицею (далее: Волыньско-Галицкая летопись). Львов, 1870. С. 116.

⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку (далее: Лаврентьевская летопись). СПб., 1872. С. 239.

¹⁰ *Иловайский Д.* История России. Ч. 2. М., 1880. С. 67.

¹¹ «По смерти же Володимере, оставшю у Сырчана единому гудью же, Ореви посла и во Обезы, река...». Волыньско-Галицкая летопись. С. 21.

¹² ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 285.

¹³ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Т. II. СПб., 1830. № 1070. «О справе после умерших поместий их за детьми, внучатами и правнучатами, заверстанными и неверстанными». Сравни: Акты Археографической экспедиции (далее: ААЭ). Т. I. СПб., 1836. № 225.

¹⁴ Далее в оригинале полтора листа были оставлены В. О. Ключевским чистыми.

¹⁵ ПСЗ. Т. V. № 2789.

¹⁶ Там же. Т. VIII. № 5717. «Всемилоостивейше повелели, впредь с сего нашего указа как поместья, так и вотчины именовать равно одно недвижимое имение вотчина».

¹⁷ ПСЗ. Т. VI. № 3908.

¹⁸ «6 частей, 2-е изд., 1801 г. [Доведено] до 1276 года».

¹⁹ Далее следовал текст, зачеркнутый автором: «Тот не знает первой половины царствования Грозного, кто не читал этой летописи».

²⁰ «Синод об издании летописей в 1734 г.» *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 35, 36; *Пекарский Петр.* История Академии наук в Петербурге... Т. I. СПб., 1870. С. LXVII.

²¹ «Общество истории и древностей российских». 1804 г.; «Комиссия печатания государственных грамот и договоров». *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева (далее: *Барсуков*). СПб., 1878. С. 18.

²² Зачеркнуто автором. «Известный поклонник Н. М. Карамзина». *Барсуков.* С. 42, 43, 46—49.

²³ Далее следовал текст, зачеркнутый автором: «И теперь нет оснований пренебрегать этим изданием, хотя «Софийский свод» издан и Археографической комиссией».

²⁴ *Барсуков.* С. 160—163.

²⁵ «10 тыс. р. ежегодно от Академии наук». *Барсуков.* С. 170.

²⁶ *Барсуков.* С. 200—203.

²⁷ Там же. С. 312.

²⁸ Летописец Переяславля-Суздальского. Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 9. М., 1851, II. Материалы. С. 84.

- ²⁹ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 128.
- ³⁰ Там же. С. 49.
- ³¹ [Далее был издан] «Летописный сборник Авраамки» (ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889).
- ³² ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 142.
- ³³ Там же. С. 463.
- ³⁴ «Отец последнего князя тверского, Михаила Борисовича, сбежавшего в 1485 г. в Литву».
- ³⁵ «Т. е. Александра Михайловича, правнука Александра Невского и брата Дмитрия Грозные очи».
- ³⁶ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 237.
- ³⁷ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 3 изд. Т. 4. М., 1863. С. 367.
- ³⁸ «Другая—мифология». *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. Т. I. СПб., 1872. С. 11.
- ³⁹ *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси (далее: *Терновский*). Вып. 1. Киев, 1875. С. 13.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 170.
- ⁴¹ Лаврентьевская летопись. С. 148.
- ⁴² «Займствования в Начальной летописи». *Терновский*. С. 24, 111.
- ⁴³ «Перевод и списки. Единственный источник для русских хронографов с 942 г. Перевод на болгарский язык в первой половине XIV в.». *Терновский*. С. 118—121.
- ⁴⁴ «Заключение хроники». *Терновский*. С. 121.
- ⁴⁵ «Кормчая—«сия Зонара» 1262 г. Перевод сербский 1344 г. Исправитель Григорий в Хиландарском монастыре 1408 г. *Паралипоменон* Зонары (список XV в.). Крещение руссов и помощь св. Владимира императору Василию II Болгаробойце». *Терновский*. С. 136—141.
- ⁴⁶ *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции (далее: *Попов*. Обзор). Вып. 1. М., 1866. С. 3—4.
- ⁴⁷ *Попов*. Обзор. Вып. 1. С. 97; Вып. 2. М., 1869. С. 70.
- ⁴⁸ Там же. Вып. 2. С. 71.
- ⁴⁹ «Степенная книга. Главные источники—Манассия». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 124.
- ⁵⁰ «Главы книги, глаголемая Гранограф, еже есть Летописец». (Первая редакция.) В этой редакции отсутствуют займствования из польских хроник и космографий.
- ⁵¹ «Продолжение до конца 7-й тысячи, [т. е. до] 1492 г.».
- ⁵² «Сия убо вся благочестивая царствия Греческое, васаньское и арбаназское и инии мнози, грех ради наших, божиим попущением безбожнии Турци поплениша и в запущение положиша и покориша под свою власть. Наша же Российская земля божиею милостью и молитвою пресвятыя богородицы и всех святых чудотворцев растет и младаест и возвышается. Еи же, Христе милостивии, даждь расти и младети и разширятся до скончания века. Достоит убо zde корабль разума управити ко пристанищу безмолвия и словес весла свесити. И всяк прочитая сия полезнымь да ревнует». *Попов*. Обзор. Вып. 1. С. 213, 214.
- ⁵³ *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 6.

- ⁵⁴ Там же. С. 21.
- ⁵⁵ «Именно летописными отрывками по ПСРЛ. Т. 6 [СПб., 1853 г.]. С. 170—177. Хронограф, гл. 207». *Попов*. Обзор. Вып. 1. С. 213. «Порядок изложения». *Попов*. Обзор. Вып. 1. С. 122—139, 164—174, 200 и след.
- ⁵⁶ *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 76.
- ⁵⁷ Там же. С. 87.
- ⁵⁸ «По мнению J. A. Zaluskiego. По другим—первое издание в 1524 или в 1550 или в 1554 г.». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 88, 89.
- ⁵⁹ «В архиве [Ивана] Грозного был уже перевод [хроники Бельского]». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 95.
- ⁶⁰ «Развитие сказаний в 3-й редакции». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 116, 205.
- ⁶¹ «Хроника Стрыйковского». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 203—205.
- ⁶² *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 117; *Попов* А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (далее: Изборник). М., 1869. С. 183.
- ⁶³ «Девять [попыток]». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 230.
- ⁶⁴ См. Русские достопамятности. Ч. 1. М., 1815. XII. С. 170.
- ⁶⁵ «Из хронографа 1512 г.».
- ⁶⁶ *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 235; Изборник. С. 283.
- ⁶⁷ Изборник. С. 290, 291.
- ⁶⁸ Там же. С. 315.
- ⁶⁹ «Постоянно сбивается на стихотворный лад. Ополчение Ляпунова. Впечатлителен—сетование о разорении Москвы. Описание весны. Лирическое обращение к царю Борису». Изборник. С. 293, 297, 307, 308. «Платонов. Новые приемы характеристики». [Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 203 и след.].
- ⁷⁰ «Периоды всемирной истории из хронографа 2-й редакции». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 236—239.
- ⁷¹ «Развитие легендарного начала русской истории по 2-й и 3-й редакции хронографа и до Миханла. Прибавка Пахомия по 1650 г.». *Попов*. Обзор. Вып. 2. С. 241, 242.
- ⁷² *Ключевский В. О.* Рукописная библиотека В. М. Ундольского // Православное обозрение. № 5. 1870 (далее: Библиотека Ундольского). С. 890.
- ⁷³ Библиотека Ундольского. С. 891.
- ⁷⁴ Там же. С. 892.
- ⁷⁵ «Перелом в русской агнографии».
- ⁷⁶ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник (далее: *Ключевский. Жития*). М., 1871. С. 9, 12, 223 и след.
- ⁷⁷ Ф. А. Ч. (*Филарет, архиепископ Черниговский*). Русские святые, чтимые всю церковь или местно (далее: *Филарет*), апрель. Чернигов, 1862. С. 49—56.
- ⁷⁸ «Около половины XV в. Город Колязин из монастырской слободы». *Филарет*, март. Чернигов, 1862. С. 101—108; *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. II. СПб., 1865. С. 451.
- ⁷⁹ Прение Даниила, митрополита Московского и всеа Руси с старцем Васьяном / Предисл. О. Бодянского // Чтения в Обществе истории и

древностей российских. № 9. М., 1847. IV. Смесь. С. 11.

⁸⁰ *Ключевский*. Жития. С. 228.

⁸¹ «Влияние этого перелома на движение древнерусской агиографии. Количество житий второй половины XVI в.».

⁸² «Древнейшее произведение русской литературы — служба святым Борису и Глебу Иоанна I (1008—1035 гг.). Слово пресв. Иларнона (в 1051 г. поставлен митрополитом). *Иаков, инок*. Сказание о Печерском монастыре (в Повести временных лет, под 1051, 1074, 1091 гг.)». *Макарий*. История русской церкви (далее: *Макарий*). 2 изд. Т. I. СПб., 1868. С. 90, 102, 117, 118, 123; Т. II. С. 106—108.

⁸³ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 196.

⁸⁴ *Ключевский*. Жития. С. 358, 359.

⁸⁵ «Комела, Нурма, Авнега и т. д.».

⁸⁶ *Ключевский*. Жития. С. 438.

⁸⁷ Там же. С. 76, 362, 366.

⁸⁸ «Биографические черты — житейские случайности. Единственный интерес, привязывавший внимание древнерусского общества к судьбам отдельной жизни». *Ключевский*. Жития. С. 366.

⁸⁹ «Исполнимость, добрый пример».

⁹⁰ *Ключевский*. Жития. С. 363, 364.

⁹¹ «Обычная тема предисловий — светильник не под спудом, или — тайну цареву должно хранить, дела же божия...»

⁹² *Ключевский*. Жития. С. 404, 405.

⁹³ Там же. С. 405—407.

⁹⁴ К данному тексту относится следующий набросок В. О. Ключевского, помеченный 12 февраля 1891 г.:

«*Исторические повести и сказания*. Литературно обработанный рассказ об отдельном историческом событии или лице. Ряд их [появляется] с самого начала русской письменности и теряется в XVII в. Разнообразие содержания, литературной обработки, взглядов и интересов: одни сухо излагают событие, другие, излагая, разбирают его, третьи вводят в рассказ участие поэтического творчества, приближаясь к произведениям народного эпоса. Все это затрудняет свести их в один цельный разряд исторических источников, найти в них однородный характер. Они являются случайными эпизодами древнерусской исторической письменности, разорванными отзвуками древнерусской исторической мысли. Каждая может быть предметом особого изучения и особой оценки. Представляют ли они какой-либо общий однородный интерес, который бы придавал всей их совокупности если не литературное, то историографическое единство? Такой интерес в них есть, и интерес очень важный, заставляющий забывать разнообразие их склада, литературной обработки, степени достоверности и все другие особенности.

Это интерес чисто методологический. Это может возбудить в вас недоумение, потому что вы только еще начинаете изучать историю. Но прошу прислушаться к тому, что я скажу.

Изучая летописи, мемуары, акты, законы, мы составляем себе представление о ходе жизни, о потоке явлений. Но мы не знаем, что думали об этих явлениях люди, их переживавшие и производившие, как на них самих действовало то, что они переживали и производили. Летописец и мемуарист иногда высказывает суждения о повествуемых явлениях; но то суждения отдельных лиц, индивидуальные, следовательно

но, одинокие субъективные суждения, интересные для характеристики повествователя, а не для понимания повествуемого. Не видим впечатления, какое производили явления на массы, на все общество. Казалось бы, на что могут пригодиться впечатления, исчезнувшие вместе с людьми, их пережившими? Они очень нужны для правильного воспроизведения минувшего. В изучении истории всего более затрудняет и мучит изучающего историческая перспектива, взаимное отношение явлений, их сравнительное значение. Руководясь личной оценкой, легко преувеличить или умалить явление, которое сам не пережил, и, таким образом, можно так осветить явления, что получится не картина прошедшего, а галлюцинационное отражение собственной фантазии изучающего, документально обоснованные призраки. Впечатления масс, переживавших явления, могут служить коррективом для впечатлительных историков. В эти давно минувшие времена, когда литературная производительность была не делом ремесленного производства, а выражением накопившихся впечатлений, предметом специального повествования становились обыкновенно лица и события, особенно сильно поразившие современников. Значит, в древних повестях и сказаниях отлились наиболее сильные исторические впечатления народа. В этом значение исторических повестей и сказаний. На народ с особенной силой действуют события, которые переламывают его жизнь, перебрасывают ее на новые колен. Поэтому повести и сказания — указатели поворотных моментов народной жизни, вехи исторического движения, фарватера» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 87, л. 13—14. Автограф. Карандаш).

РУССКАЯ ПРАВДА

Семинарский курс В. О. Ключевского о Русской Правде был литографирован и помещался как приложение к литографиям лекций Ключевского по русской истории (1883 г.), по методологии и терминологии русской истории (1884/85 учебный год). Впервые был опубликован в кн.: *Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М., 1959. С. 88—104.* В архиве Ключевского сохранились отдельные наброски и выписки из Русской Правды и других источников (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 78 и 79. Автограф. Карандаш, Чернила).

К публикуемому тексту Русской Правды относится следующий доклад Ключевского о резах:

«Цель моего сообщения — обратить внимание изучающих древности русского права и нумизматику на те статьи Пространной Русской Правды, в которых закон говорит о *резе* или процентах с отданного в рост капитала. Этих статей четыре (Русская Правда. С. 11, 12. Ст. 46—49). Две из них содержат постановления, действовавшие до великого княжения Владимира Мономаха; две другие говорят о том, как эти постановления были дополнены и изменены при великом князе Владимире Мономахе.

Смысл первой из этих статей очень прост и ясен: отличая отдачу капитала в рост от других видов временной передачи имущества, от простого займа, [от] передачи на хранение и т. д., закон говорит, что заимодавец, отдавая свой капитал в рост, обязан иметь при этом свидетелей, которые в случае надобности могли бы подтвердить на суде

не только действительность заключения займа, но и условия, на которых он заключен. «Кто дает куны в рез, мед в настав или жито в присоп, то ставить ему послухов; как он рядился, так ему и брать рост». Вторая половина следующей статьи дополняет и поясняет это общее постановление, говоря, что, если сумма долга не превышает трех гривен, присутствие свидетелей при заключении займа необязательно для кредитора, которому в случае затруднения при взыскании достаточно принести роту (присягу); если же сумма долга выше трех гривен, то отсутствие свидетелей лишало займодавца права искать свой капитал судебным порядком; судья встречал иск словами, смысл которых, применяясь к наивной драматической форме и вариантам этого места статьи, можно передать так: «простись со своим капиталом,—сам виноват, что так раздобрился, спроста поверил без свидетелей». (*«Промиловался еси...»*; в других списках — *«провиновался еси, оже еси не ставил послухов»*).

Но первая половина этой второй статьи, как и две следующие за нею и содержащие в себе постановления Мономаха о резе, принадлежит к числу самых темных мест Русской Правды. Исследователи, стараясь разрешить по этим статьям вопрос о кредите и процентах в древней Руси времен Правды, обыкновенно сосредоточивают свое внимание на последней короткой статье, которая гласит, что если кто берет проценты по 10 кун с гривны на год, то такого роста брать не воспрещается, *«того не отпматати»*; они надеются найти в числовых данных этой статьи прямое указание на размер роста, допускаемый если не первоначальным, то позднейшим законодательством Мономаховского времени. Но они почти отступаются от двух предшествующих статей или пытаются объяснить их с помощью последней краткой статьи о 10-кунном резе на гривну. Прочтем их:

«А месячный рез, оже за мало (дней.— В. К.), то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадут ему куны в треть, а месячный рез погрнунти».

После Святополка великий князь Владимир Мономах с дружиной, с тысяцкими и другими «мужами» в Берестове обсудил и постановил новое определение о резе:

«оуоставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему взяти исто; паки ли возметь три резы, то уста ему не взяти»

(Русская Правда. С. 11, 12. Ст. 47 и 48).

Толкуя первую из прочитанных статей, Карамзин пишет: *«Месячные росты берутся единственно за малое время; а кто останется должным целый год, платит уже третные, а не месячные»*. Передав так содержание статьи, он замечает о месячных и третных ростах: *«Мы не знаем, в чем состояли те и другие, основанные на всеобщем обыкновении тогдашнего времени; но ясно, что первые были гораздо тягостнее и что законодатель хотел облегчить судьбу должников»*. Объясняя смысл постановления Мономаха, он говорит, что в силу этого закона «займодавец, взяв три раза с одного должника так называемые третные росты, лишается уже истинных своих денег или капитала: ибо как ни велики были тогдашние годовые росты (40%, по мнению автора.— В. К.), но месячные и третные еще превышали их» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1816. С. 57, 143).

Эверс в своей книге о древнейшем русском праве (1826 г.) перевел текст Правды по-немецки. Платонов в своем переводе этой книги на русский язык переложил и Правду, руководствуясь Эверсовым переводом. Здесь выражение памятника — *дадут ему куны в треть* — передано словами: «займодавец берет третные росты». [Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. И. Платонова. СПб., 1835. С. 390.]

С тех пор такое толкование статьи о месячном резе утвердилось в нашей исторической литературе. Если исследователь касался этой статьи, он ограничивался замечанием, что по Русской Правде различаются резы трех родов: *месячный* в краткосрочном займе, *третьей* в ссуде не дальше года и *годовой* при долге многолетнем. Но что значил третной рост, это оставалось без объяснения. (Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. 1860. С. 184.)

Если не ошибаюсь, в позднейшей исторической литературе только г. Аристов пытался точнее определить значение этого третного роста. В своей очень дельной книге о промышленности древней Руси, где он трудолюбиво собрал обильный запас известий об экономическом быте Руси до XV в., он останавливается и на статьях Русской Правды о резе. (Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866. С. 214 и след.) Говоря о росте месячном и третном по статье, действовавшей до времени Мономаха, он сначала также отказывается объяснить, что такое третной рост, замечая: «...как велики были эти проценты, из древних постановлений не видно». Но вслед за тем, выписав постановления Мономаха, он прибавляет, что ими объясняются и древние постановления о процентах. Исходной точкой объяснения у него становится именно та последняя статья, которая говорит о 10 кунах с гривны, как допускаемом законом годовом проценте. Один рез законный, по его мнению, равнялся 20 процентам, так как он полагает в гривне 50 кун, а не 25, как думал Карамзин. Два реза дозволено было брать в треть, т. е. за *мало дней*, поясняет он в скобках, хотя, по статье домономаховского времени, рост в треть прямо противопоставляется росту месячному за *мало дней*, т. е. процентам при краткосрочном займе. «Два реза,— продолжает толкователь,— конечно, были вдвое больше одного, что составит 20 кун на гривну, или 40 процентов в треть. Три реза или 60 процентов в год, если куны взяты были на треть (? — В. К.), считались уже незаконными, лихою; поэтому законодательство предписывает не возвращать такому резоимцу самого капитала, данного в ссуду из процентов». Таким образом, оказывается, что толкователь пытался объяснить собственно первую статью Мономаха второй его статьей, а не обеими статьями этого князя древние постановления о росте, если разумеет под этими последними статьи, действовавшие до Мономаховых узаконений. Третной рост остался необъясненным и у г. Аристова. В изданных сочинениях я не помню другой попытки объяснить этот третной рост. («Треть года» по Калачову. С. 85.) Но сколько мне известно, специалисты по истории русского права иногда высказывают мнение, что в словах Правды *дадут ему куны в треть*, разумеется, годовой процент, равняющийся трети отданного в рост капитала, т. е. $33\frac{1}{3}$ процента. Прежде всего кажется странным способ выражения в тексте закона; законодатель, вероятно, избегнул бы в изложении закона деления на три, тем более что в подразделениях гривны на мелкие составные

единицы не замечаем кратных этого числа: гривна кун, как известно, делилась на 20 ногат и 50 резан. Надобно думать, что, если бы законодатель разумел процент в треть капитала, он выразился бы более понятным, употребительным в древнерусском счете образом, например сказал бы: *гривну на 3 гривны* и т. п. Притом и самый процент невероятен: нигде в древнерусских актах о долговых обязательствах не находим такого роста.

Не вхожу в подробный разбор этого объяснения и того, какое предложено в книге г. Аристова, хотя против них можно высказать много возражений. Такой разбор будет излишним, если все, что есть неясного в объясняемых статьях, устранится тем толкованием, какое я буду иметь честь сейчас предложить.

Неясность этих статей происходит главным образом оттого, что мы не понимаем термина *треть* в выражении: *дадут ему куны в треть*. Я думаю, что это место статьи надобно перевести так: «Месячный рост по уговору брать, если заем сделан на мало дней, на непродолжительное время; если же капитал залежится до того же года, до той же години или того же числа следующего года, то займодавцу взять с своего капитала рост *в третий*, т. е. на два третий, или 50 процентов». На это можно представить два доказательства: одно — *филологическое*, основанное на древнерусской терминологии долговых обязательств, другое — *историческое*, состоящее в прямом указании документа.

В дополнительном указе к Судебнику 1550 г., состоявшемся в 1558 г., говорится об обычном, законом признаваемом, росте [в] 20 процентов. Как этот процент выражен в акте? *Как идет — на пять шестой*. В заемных кабалах XVI в. должник точно так же выражает свое обязательство — платить 20 процентов словами: *а рост мне давати по розчету, как идет в людех*, или *как в людех водится, на пять шестой*. Применяясь к языку Русской Правды, можно сказать, что это значило дать куны *в шест*, как и выражение Правды можно передать языком XVI в. так: а рост мне давати, как идет в людех, на два третий, т. е. один рубль роста на каждые два рубля капитала.

В некоторых списках Правды рассматриваемое выражение так и читается: *дадут ему куны в трети*, т. е. в третий.

Второе доказательство. В некоторых списках Правды за домономаховской статьей о месячном резе следует длинный ряд статей, в которых высчитывается, сколько в 12 лет получится приплода от известного количества скота и пчел, также прибыли от разного хлеба, ржи, полбы, ячменя, овса: на 2 пуга сеяной ржи — 16 кадей = 64 чети в поле, в трех 96 десятин, немолоченой ржи 40 копен, немолоченой полбы 15 копен, овса молоченого 21 половник = 42 четвертям, ячменя молоченого 6 половников, сена 5 стогов, 2 работницы; скота — 22 овцы, 22 козы, 6 свиней, 2 лошади и т. д. Пшеницы нет. Легко заметить, что расчет прибыли от хлеба на один год делается на том же основании, какое указано в рассматриваемой статье о месячном резе, по одному на два, и даже выражается в форме, одинаковой с выражением, каким пользуется эта статья. «А ржи немолоченые 40 копен, а на ту рожь прибылька на одно лето 20 копен»; «а немолоченое жито метано *на две копны третья*, молоченое жито метано *на два половника третий*» (Русская Правда, Ст. 59 и 63).

Такое объяснение слова *треть* устраняет, по моему мнению, все

неясное в рассматриваемых статьях о третнем резе. Закон не ставит нормы месячного процента, если капитал отдан в рост на срок менее года. Но если долг не будет уплачен в продолжение 12 месяцев, закон ограничивает рост, позволяет брать не более 50 процентов. Мономах не отменил этого постановления, действовавшего до его вступления на киевский стол; но он определил точнее в интересе должника, сколько раз можно взимать по 50 процентов с капитала, отданного в долг на короткий срок и не возвращенного раньше года. Сколько бы времени должник ни держал взятого капитала, заимодавец может взять с него по 50 процентов только два раза; если он забрал всего 150 процентов, он уже лишился права требовать самого капитала. Вот что значит выражение: *установили до третияго резу*.

Если знатоки древнерусских юридических памятников найдут изложенное толкование заслуживающим доверия, можно будет объяснить и последнюю статью о годовом росте по 10 кун на гривну с большей уверенностью и основательностью, чем это делалось доселе. Но толкование этой статьи невозможно без предварительного и мелочного разбора высказанных в нашей литературе мнений о древнерусской монетной системе» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 79, л. 2—6. Автограф. Чернила с карандашной правкой).

[Сообщение В. О. Ключевского «О резе Русской Правды» было сделано 13 декабря 1878 г. на заседании Московского археологического общества. Краткое изложение сообщения В. О. Ключевского имеется в протоколе данного заседания. См. Древности // Труды Московского археологического общества. Т. 9. Вып. 1. М., 1881. IV. С. 10, 11].

* * *

«Договоры с греками и Русская Правда (1887 г.).»

Два ряда вопросов при изучении этих памятников русского права:

1) вопросы предварительные, возникающие при первом приступе к изучению этих памятников, открывающие путь к пониманию их, 2) вопросы, касающиеся прямо самого содержания памятников. Вопросы первого рода — критический разбор текста памятников и уцелевших в нем следов их происхождения и источников; вопросы второго рода сводятся к историческому изучению отразившихся в них юридических понятий и установлений, т. е. движения права в известный период.

Выбор и постановка тех и других вопросов указываются характером памятников, их *отношением к русскому праву*. Это не памятники русского законодательства. Договоры — международные трактаты, определявшие исключительные юридические отношения, какие вызывались враждебными столкновениями и торговыми связями русских с греками в X в. Русская Правда — памятник не русского законодательства, а русской кодификации. Законодательная власть древней Руси не издавала Русской Правды в том составе, точнее, ни в одном из тех разнообразных составов, в каких она дошла до нас. В нее, несомненно, занесены законодательные постановления русских князей XI и XII вв.; еще больше в ней формулировано юридических обычаев, которые сложились еще раньше этих княжеских законов и которыми русское судопроизводство продолжало руководствоваться при этих князьях-законодателях. Но подбор и самая формулировка и княжеских постановлений, и юридических обычаев принадлежат русским правоведам, которые делали это не

по поручению законодательной власти, а по собственным побуждениям и соображениям. Русская Правда — результат нескольких одновременных попыток свести и изложить общепринятые правила русского судопроизводства, насколько они были надобны и обязательны для церковных судей в суде по нецерковным делам. Князья позволяли в судах руководствоваться этим сводом, насколько он был согласен с действовавшим и признанным ими правом, позволяли руководствоваться им как судебным пособием, а не как обязательным законодательным кодексом. Происхождением памятников определено их отношение к древнерусскому праву. Это не вполне чистые отражения последнего: во всех них оно отражалось под известным углом преломления, потому что проходило в каждом сквозь чуждую ему среду. В договорах это преломление даже двойное, потому что русское право проходило чрез две преломлявшие его среды — византийскую и скандинавскую. Присутствие такой же преломлявшей среды заметно и в Русской Правде. Ее составители имели свои специальные судебные цели и свои особые юридические понятия, не вполне сходящиеся с духом и основаниями действовавшего русского права. Они старались схватить с современной судебной практики и формулировать процессуальные приемы¹ и юридические нормы, но 1) старались схватить их не во всей их полноте, а лишь насколько они были нужны им для их специальных судебных целей, 2) формулировать их лишь с такой степенью точности, какая допускалась их особыми юридическими понятиями.

Такое отношение памятников к древнерусскому праву, при всем несходстве их происхождения, сообщает им *тесную взаимную историческую связь*, а эта связь придает интерес² их изучению. Мы не знаем древнерусского права в его первобытном виде, не измененном ни древнейшими сторонними влияниями, ни позднейшими внутренними юридическими переворотами. В первый момент, когда оно становится доступно наблюдению, на нем уже заметны следы и этих влияний, и этих переворотов. Чуждые влияния шли с двух сторон — скандинавской и византийской. Сравнительное изучение древнейших памятников русского права доселе не вскрыло точно ни скандинавской, ни византийской примеси. Однако можно обозначить некоторые границы того и другого влияния. Во-первых, они действовали в разное время: скандинавское началось раньше византийского и едва ли не прекратилось, когда началось последнее, т. е. к концу X в. Во-вторых, то и другое влияние проникло различными путями. Скандинавское право приносилось на Русь людьми и проводилось примерами; византийское приносилось преимущественно книгами и проводилось учреждениями. Варяги издавна, с начала IX в., может быть, составляли значительный слой населения в русских городах. В тяжбах друг с другом они, вероятно, судились своим судом (личный принцип подсудности), в столкновениях с туземцами пользовались некоторыми льготами, уступками со стороны туземного права, следы которых вы еще застанете в Русской Правде. При тесном общении пришельцев с туземцами и при этих льготах скандинавские юридические обычаи тем легче прививались к русскому праву, что близко сходились с ним как по духу, так и в отдельных институтах. Потому скандинавские юридические обычаи незаметно входили в обыч-

¹ Слово написано над: правила.

² Над строкой: одинак[овый].

ное русское право, сливаясь с ним при помощи химического сродства и одинакового удельного веса, не столько изменяя, сколько пополняя его. Оттого так трудно разделить эти родственные юридические элементы. Византийское юридическое влияние действовало иначе. Греки не селились на Руси значительными массами. Со времени принятия христианства Русью они приходили сюда преимущественно по церковным делам. Но они не входили в состав туземного общества, а становились поверх его как наставники душ и устроители религиозно-нравственного порядка. В качестве таких наставников и устроителей они приносили с собой писанные правила и кодексы, правилами, которыми руководствовалась византийская церковь, кодексы, которые были изданы византийскими императорами. Как властные и авторитетные люди, они распространяли те и другие в русском обществе изустными наставлениями и переводами, прямыми личными распоряжениями и через посредство местной государственной власти. Русские церковные пастыри, действовавшие рядом с греческими или их замещавшие, руководились теми же правилами и кодексами. Подобно своим проводникам, церковным учреждениям, новое право, приходившее из общества с высшей культурой, пришло не в уровень с туземным, а поверх его, не сливалось с ним, а образовало особый высший юридический слой, который постепенно разлагал первобытное русское право и вытеснял его сначала из юридического сознания туземного общества, а потом и из туземной судебной практики. Вот почему византийскую примесь гораздо легче выделить в древних памятниках русского права, чем скандинавскую. Этой примесью окрашивалось не столько обычное, сколько законодательное право. Самые ранние следы влияния византийских церковных правил и императорских кодексов на русское уголовное и гражданское право сохранила Русская Правда. Договоры Руси с греками X в. показывают, что это церковно-византийское юридическое влияние было подготовлено тесным торговым общением их, начавшимся задолго до крещения Руси при кн. Владимире. Правда, это подготовительное влияние действовало не при одинаковых условиях, не в одинаковой степени и не в одном направлении с сменившим его церковным. В договорах византийское право выступало лишь с теми своими нормами, какие были нужны для поддержания и упорядочения торговых отношений Руси к грекам. В Русской Правде византийское право призывалось для устройства юридического порядка в возможном согласии с нравственно-религиозными заботами церкви. В договорах византийское право действовало только на один слой русского населения, непосредственно участвовавший в торговле с греками. Русская Правда проводила новые юридические понятия и нормы во все классы туземного населения» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 79, л. 39—41об. Автограф. Карандаш).

ПСКОВСКАЯ ПРАВДА

Семинарский курс Ключевского о Псковской Правде, так же как и о Русской Правде, был литографирован и помещался как приложение к литографиям других курсов Ключевского. Впервые был опубликован в кн.: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. VI. М., 1959. С. 105—128. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 79, л. 14—30. Автограф. Карандаш.

¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7. СПб., 1893. С. 187 и след.

² Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 220—224.

³ Русская Историческая библиотека (далее: РИБ). Т. 6. СПб., 1908. С. 729.

⁴ Псковская Судная грамота. Предисловие Н. Мурзакевича (далее: Мурзакевич. Псковская Правда). Одесса, 1847. С. VII—VIII.

⁵ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 186.

⁶ «Как происходили приписки и какого содержания. «Епископ суздальский Дионисий во Пскове 1382 г.». Макарий. История русской церкви. Т. 4. СПб., 1866. С. 73; «Поучаа (во Пскове) закону божию и утверждаа правоверную веру». ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 93. «Послание во Псковской Снетогорский монастырь». РИБ. Т. 6. № 24. На место церковной кодификации становилось княжеское законодательство. Грамота митрополита Киприана 1395 г. Пскову: «Приписал к грамоте князя великого Александрове, по чему ходити, как ли судити, или кого как казнити, да вписал и проклятье, кто иметь не по тому, ходити: ино то Денисий владыка не свое дело делал». Если великий князь Александр списал грамоту — «по чему ходити», «в том волен всякий царь в своем царстве» — всякие дела управливает и грамоте записывает, так и князь Александр, списав такову грамоту, на христианское добро, волен в том. «А Денисий владыка вплеся не во свое дело, да списал неподобную грамоту... А вы... ходите по своей пошине, и по старине суды судите; а кого виноватого пожалуете ли, волни есте, показните ли противу какое вины, волни же есте». Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 10.

⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846. № 38; Новгородская и Псковская Судные грамоты. Предисловие А. Б. Гинцбурга (далее: Гинцбург). СПб., 1888. С. 11.

⁸ Мурзакевич. Псковская Правда. С. 1.

⁹ Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия // Записки Археологического общества. Т. XII. Вып. 2. СПб., 1858. С. 533; Русская Правда. С. 10; ПСРЛ. Т. 4. С. 199, 231.

¹⁰ [Сравни] Русская Правда. С. 3. Ст. 27; С. 4. Ст. 33, 34, 40; С. 10. Ст. 38. Немецкое донесение рижскому городскому совету 1331 г. Немцы [предлагали заплатить] истцу 80 руб., посаднику 10, наместнику 5, тысяцкий отказался. Вече потребовало 2500 руб. [в том числе] 1000 руб. Новгороду и 20 руб. новгородским сановникам. [Ключевский В. О. Боярская дума. М., 1882. С. 549]. В Псковской Правде княжая продажа [равнялась] 20% с небольшим от всей пени ($7\frac{1}{3} \times 12 = 264/3 = 88$ деньгам, 20% равнялось 17,6 деньгам). Ср. Русскую Правду, I, ст. 41; П., ст. 8. 1475 г. Наместник великого князя Ярослав Васильевич «нача... суд держати не по псковской старине, на ссылку вдвое езды имати, и по пригородом его наместником княжая продажа имати обоя, тако же и денги наместничи». Псков отрядил с грамотами двух посадников к великому князю. Великий князь, заглянув в грамоты, сказал: «то грамоты не самых князей великих». В 1476 г. великий князь велел князю Ярославу «денгу наместничю освободили, и езды вдвое, и продажи по пригородом наместником имати княжая». Это суд по засыльным грамотам, а не по своим старинам, как его, великого князя прародители держали свою отчину Псков». ПСРЛ. Т. 4. С. 250, 251, 253.

¹¹ Исправиться — «да исправиться рече молитва моя». *Востоков А. Х.* Словарь церковно-славянского языка (далее: *Востоков*). Т. 1. СПб., 1858. С. 162; «А не будет исправы, ини возмут по целованью» — Собрание государственных грамот и договоров (далее: СГГД). 1813. № 28. С. 47.

¹² В 1467 г. по просьбе псковичей великий князь послал во Псков наместником кн. Федора Юрьевича Шуйского, которому «посадники псковские и Псков ему на всех 12 пригородах даша наместников держати, и судови судити его наместником, на которых ни буди, а из веков княжии наместники не бывали, колко ни есть князей бывало во Пскове на столу, а наместники княжии были толко на 7 пригородах». ПСРЛ. Т. 4. С. 231.

¹³ Сборник XV века: «елико бо кто хотел бы орудовати к царю, то мил оя дееть (молит.— В. К.) от менших слуг и до великих, кто бы обестил его». *Востоков*. Т. 2. СПб., 1861. С. 29 [*Устрялов Ф.* Исследование Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855].

¹⁴ *Костомаров Н.* Севернорусские народоправства. Т. 2. СПб., 1886. С. 13; Статья 9 Судебника 1497 г. не есть повторение, а развитие и переделка этой статьи Правды: там и другие преступления, о которых не говорит последняя. Притом в Москве могли не понять слова *кромский* и переправить на храмский, форму неупотребительную. Кромский тать противопологается посадскому [*Мурзакевич*. Псковская Правда. С. 2]. Перевет в смысле заговора, тайных сношений с неприятелем. ПСРЛ. Т. 3. С. 60; Т. 4. С. 233; «Убийство по Правде не наказывалось смертью». Псковская Правда. С. 21. Ст. 96. [*Востоков*. Т. 2. С. 118.]

¹⁵ *Востоков*. Т. 2. С. 126, 134. Кроме [употреблялось] только с родительным падежом. *Устрялов*. С. 124. Должно читать: «как храмско-му татю».

¹⁶ Извод — ров, канал. *Востоков*. Т. 1. С. 148; Акты юридические (далее: АЮ). СПб., 1838. № 2.

¹⁷ «Из Яренской выкупной 1547 г. (АЮ. № 134) видно, что выкупной называлась не запись, утверждающая за прежним владельцем право выкупить отчужденную им землю (выкупок), а крепость на владение выкупленной уже землей (второй владелец дал на выкуп родственнику первого)».

¹⁸ «Покрута» — каравай хлеба, покрутарь — хлебопек. Сблюдение — в южнославянских канонических памятниках не имеет значения юридического термина, просто *tírhōis Servatio*, в Сербской кормчей XVI в. поклад, покладежь *παράθήκη depositum*; поклажай — кладовая, хранилище в Печерском Патерики. *Востоков*. Т. 2. С. 68, 70, 195. «Ларь» — см. *Мурзакевич*. Псковская Правда. Объяснительный словарь. С. 3.

¹⁹ Все недоразумение толкователей произошло от мысли, будто статьи 16—17 предполагают странный случай отдачи на хранение по приезде из чужой земли, а не при отъезде туда.

²⁰ Уложение. Гл. XIV. С. 3, 4 и 8.

²¹ Русская Правда. С. 38. Ст. 115.

²² *Востоков*. Т. 1. С. 159. Очевидно, статья понимает не разбойническое нападение с целью грабежа и не драку на пиру, в гостях, а более частный случай — драку из-за расчета за обед или ночлег на постоялом дворе, сопровождавшуюся насилием со стороны хозяина с целью вынудить спорную плату у постояльца. На это указывает описываемая в

статье обстановка дела: обед, ночевка, возможность единственного свидетеля, иночая, однако не подвергшегося насилию, и требование явки о насилие сторонним людям. Если истец не мог представить и одного свидетеля, иск не принимался судом. Но и единственный свидетель допускался, только когда он являлся послухом, послушным пособником истца, принимал дело его на себя, хотя бы и не был потерпевшей стороной. Это служило ручательством для суда в том, что действительно было совершено насилие, если притом была своевременно сделана явка: предполагалось, что не всякий согласится быть лжесвидетелем, когда ему предстояло принять на одного себя все последствия ложного обвинения. По повознице—это не исковой, а поклепный порядок. Различие между ними то, что первый состоял в рассмотрении доказательств, подкрепляющих вчиненный уже иск, а второй—в представлении истцом достаточных оснований к принятию судом самого иска, по принятии же иска доказательства на суде не рассматривались обычным состязательным порядком, а дело решалось судом божим, крестоцелованием или полем. Такое решение представлялось стороне ответчика, как и в Русской Правде; разница в том, что в Русской Правде он ставил известное количество послухов, которые за него присягали, а по Псковской Судной грамоте, истец ставил послуха, с которым состязался сам ответчик. Согласно с этим читается: «имет сочить бою», а не искать. «Сочити»—доносить, *indicare*; «кто сочит на ны»—кто доносит на нас (в Хождении св. Иоанна Богослова 1419 г.). «Сок»—доносчик; «сока не бе»—*хатђуорос оућ ђу* (*Востоков*. Т. 2. С. 181, 183). «Просопа»—плата за иск, за розыск преступника («помочное» Русской Правды), в Судебнике короля Казимира 1468 г. (*Владимирский-Буданов* М. Ф. Христоматия по истории русского права (далее: *Владимирский-Буданов*). Вып. II. Ярославль, 1873. С. 41). Вызов ответчика, повозница—в таких поклепных делах главный момент для суда; остальное от него не зависело, решалось без его прямого участия. Потому суд и взвешивал достаточность оснований для вызова.

²³ Суд, разбирательство начиналось с того момента, когда истец представлял послуха, ответственного свидетеля, т. е. ссылка истца на послуха делалась до суда и служила поводом к нему. Ответчик, которого вызывали уже после начала дела, мог назвать своего свидетеля уже на суде, во время самого разбирательства. Если принять вставку Мурзакевича, нет основания предполагать, что при встречном иске, т. е. при обоюдной ссылке сторон на послухов, суд делал выбор, сравнительную оценку послухов обеих сторон, а не предоставлял им решать дело поединком обоих свидетелей, как бывало в московском судопроизводстве того и позднейшего времени. Мысль статьи та, что и ссылка с суда допускается при встречном иске.

^{24—24} [В черновике вместо данного текста следовало:] «Псковский суд не должен видеть в этом ничего странного (сомнительного)».

^{25—25} [Текст исправлен по черновику В. О. Ключевского.]

²⁶ *Энгельман И.* Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855.

²⁷ «Дело принимается судом в том виде, как его представляет запирающийся должник, и, так как оно решается порядком, какой указывает Правда для решения спорных исков о хранении, судом божим по выбору истца, можно думать, что истец в данном случае

поставлен в положение хранителя — ответчика, т. е. должник, отвергая долг, признает, однако, заклад своей вещью, отданной истцу без займа. В обоих случаях выбор средства решения спора предоставляется стороной, которая не нуждалась в предполагаемой сделке и которой оказано доверие. Но в обеспечение ответчика-должника иск без присяги — вызов на поединок, заставлявший и правого отказываться от иска».

²⁸ «На труп у кун не имати» — это следствие влияния церкви, которая, преследуя судебные поединки, лишала на 18 лет причастия победителя, который убивал своего противника, тогда как боец, победа которого не имела такого исхода, лишался таинства только на 5 лет». РИБ. Т. 6. С. 285, 862.

²⁹ «Очевидно, псковский закон не признавал обязательных многолетних наймов на домашнюю работу, у Владимирского-Буданова бессмыслица» (*Владимирский-Буданов*. Вып. I. Ярославль, 1872. С. 155, прим. 97).

³⁰ «Заложить» — бросить, отложить в сторону. РИБ. Т. 6. Стб. 726.

³¹ *Владимирский-Буданов*. Вып. I. С. 157, прим. 103.

³² ПСРЛ. Т. 3. С. 88; СГГД. Ч. I. С. 48. № 28; *Мурзакевич*. Псковская Правда. Объяснительный словарь. С. 4; *Владимирский-Буданов*. Вып. I. С. 157, 158, прим. 107.

³³ «Сравни о волостях Новгорода». ААЭ. Т. 1. № 92; *Владимирский-Буданов*. Вып. I. С. 158.

³⁴ «Дворить — дворянскую приставную службу нести? Дворьба — servitium. *Востоков*. Т. 1. С. 98. «Позовка и дворянин» — (сравнить). *Гинцбург*. С. 32. Ст. 41».

³⁵ «Посудити» — judicare. *Востоков*. Т. 2. С. 83.

³⁶ «Сравни статьи 58, 68».

ОТЗЫВ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ С. Ф. ПЛАТОНОВА «ДРЕВНЕРУССКИЕ СКАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ XVII в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»

Отзыв В. О. Ключевского об исследовании С. Ф. Платонова впервые был опубликован в кн.: Отчет о 31-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890. С. 55—66 и отд. СПб., 1890. С. 1—14. Перепечатан в кн.: *Ключевский В. О.* Отзывы и ответы. Третий сборник статей. М., 1914. С. 388—404; *Он же*. Сочинения. Т. VII. М., 1959. С. 439—453.

¹ *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник (далее: *Платонов*. Сказания и повести). СПб., 1888. С. V, 289 и след.

² *Платонов*. Сказания и повести. С. 59, 60.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же. С. 124, 230.

⁶ Там же. С. IV.

⁷ Там же. С. V.

⁸ Там же. С. 183—191, 208—216, 232—239.

⁹ Там же. С. 181.

¹⁰ Там же. С. 65—77.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² Там же. С. 247, 253, 262, 264, 268, 269.

¹³ Там же. С. 246, прим. 2; Русская летопись по Никонову списку (далее: Никоновская летопись). Ч. VIII. СПб., 1792.

¹⁴ Платонов. Сказания и повести. С. 270.

¹⁵ Там же. С. 274—314.

¹⁶ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869. С. 173; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов (далее: Попов. Изборник). М., 1869. С. 257.

¹⁷ Платонов. Сказания и повести. С. 332.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 267.

¹⁹ Попов. Изборник. С. 437.

²⁰ «Сравнить Иное сказание» — Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 16. 1853; Материалы. С. 42, 51.

²¹ Платонов. Сказания и повести. С. 338—342.

²² Никоновская летопись. Ч. VIII. С. 117—118.

К РАЗДЕЛУ ИСТОРИОГРАФИЯ

НАБРОСКИ ПО ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ

I.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 113—118. Оригинал хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее: ОР ГБЛ), ф. 131, п. 1, д. 9, л. 18—21об. Автограф. Чернила. Датируется по упоминанию I-го тома «Истории России» (М., 1876) и «Разыскания о начале Руси» (М., 1876) Д. И. Иловайского.

II.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 118—120. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 9, л. 22—23об. Автограф. Чернила.

* *После диссертации Погодина.* — Имеется в виду магистерская диссертация М. П. Погодина «О происхождении Руси» (М., 1825).

* *Известный турнир Костомарова и Погодина.* — Имеется в виду публичный диспут 19 марта 1860 г. между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным в связи с подготовкой к юбилею 1000-летия образования Русского государства.

* *Отрывки исследования о варягах, изданные г. Геденовым.* — Имеется в виду работа С. Геденова «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» (Зап. Академии наук. 1862—1863. Т. I—III).

* *Появились сочинения Щеглова, Иловайского, Ламбина, Васильевского, Куника, новые статьи Погодина и, наконец, книга Забелина.* — Имеются в виду следующие работы: *Щеглов Д. Ф.* Кто были варяги-русь, то есть, что мы такое? Разбор мнения г. Костомарова о жмудском происхождении первых князей // Отечественные записки. 1860. № 7/8; *Он же.* Несколько дополнительных данных, касающихся жмудской теории // Северная пчела. 1860. № 288; *Он же.* Заключение к жмудской теории // Там же. 1861. № 128; *Он же.* Когда и как началось Русское государство? (Отрывки из исследований о варяжском вопросе С. Геденова) // Библиотека для чтения. 1862. № 7; *Он же.* Первые страницы русской истории: Опыт проверки важнейших исследований касательно

начала Русского государства // Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1876. № 4—6; о работах Д. И. Иловайского см. выше; *Ламбин Н. П.* О слепоте Якуна и его златотканой луде // ЖМНП. 1858. Ч. ХСVIII; *Он же.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. 1874, июнь—август; *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // ЖМНП. 1874. Ч. 176; 1875. Ч. 177, 178; *Он же.* О варяго-руссах (Ответ Д. И. Иловайскому) // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3; *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. V. 1—2. St.-Pb., 1844—1845; *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. Кн. 1—2. М., 1846—1867; *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. Т. 1. М., 1876.

III. *Значение варяжского вопроса.*—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 120—123. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 11, л. 50—53об. Автограф. Карандаш. Датируется условно—видимо, набросок писался в связи с подготовкой к лекциям по русской историографии.

* *Начало статьи Байера.*—Вероятно, имеется в виду работа Г.-З. Байера «О варягах» («De varagis»), начало которой Ключевский цитировал в «Лекциях по русской историографии»: «Исстари русами владели варяги; потом их прогнали, Гостомысл начал править государством. Но вследствие неурядиц он дал совет призвать тех же варягов, и был призван Рюрик с братьями». См.: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 8. С. 397.

IV. *Варяги—Русь.*—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 123. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 1, д. 11, л. 54. Автограф. Карандаш. Датируется условно на том же основании, что и набросок III.

* *В житиях Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.*—Речь идет о работах: *Васильевский В. Г.* Житие Георгия Амастридского (Ч. 195—196. ЖМНП. 1878.); *Он же.* Житие св. Стефана Сурожского (Ч. 263. ЖМНП. 1889.), которые высоко оценил Ключевский в «Курсе русской истории». См.: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. I. М., 1987. С. 145, 158—159.

* *Гаркави.*—Имеется в виду кн.: *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; *Он же.* Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871.

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ С ЦАРСТВОВАНИЯ И[ОАННА] ГРОЗНОГО. ИСТОРИОГРАФИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Эти тексты впервые были опубликованы в кн.: История и историки. Историографический ежегодник 1972. М., 1973. С. 311—322. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, л. 6—11, 22—29 об. Автограф. Карандаш.

* *П. С. Л.*—Полное собрание русских летописей.

* *Курс.*—Речь идет о «Курсе русской истории» В. О. Ключевского.

* *Устр[ялов]*.—Имеется в виду: *Устрялов Н. Г.* Сказания кн. Курбского. Ч. I—II. СПб., 1883.

* *Плат[онов]*.—Имеется в виду кн.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. Отзыв Ключевского об этом исследовании см. С. 122—135 настоящего издания.

* *Изб[орник]*.—Имеется в виду кн.: *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ КУРСА ИСТОРИОГРАФИИ О ПАЛИЦЫНЕ, ХВОРОСТИНИНЕ

Впервые опубликован в кн.: История и историки. Историографический ежегодник 1971. С. 323—325. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, л. 11об.—13об. Автограф. Карандаш.

* *Забелин*.—Имеется в виду кн.: *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. М., 1883.

* *Котош[ихин]*.—Речь идет о сочинении Г. К. Котошихина «О России в царствование царя Алексея Михайловича».

* *Знамен[ский]*.—Имеется в виду кн.: *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси в XVI—XVII вв. Казань, 1865.

И. ТИМОФЕЕВ, КН. ХВОРОСТИНИН И А. ПАЛИЦЫН

Набросок впервые опубликован в кн.: История и историки. Историографический ежегодник 1972. С. 326—336. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, л. 33—39об. Автограф. Карандаш.

* *Ист[орическая] Б[иблиотека. Т.] XIII*.—Имеется в виду кн.: Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб., 1891 («Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени»).

* *К «Смене»*.—Речь идет о статье: *Ключевский В. О.* Смена. Боярство и дворянство // Русская мысль. 1899. № 1. С. 200—221 и отд. оттиск.

В. Н. ТАТИЩЕВ

Возможно, что публикуемые наброски о В. Н. Татищеве представляют собой черновики к речи Ключевского о Татищеве, произнесенной им 19 апреля 1886 г. на заседании Общества истории и древностей российских (Чтения ОИДР. 1886. Кн. IV. С. 4—5 протоколов), и материалы к историографической лекции, прочитанной им 16 декабря 1891 г. (подробнее см.: *Киреева Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. С. 35—38).

I. *Татищев*.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 124. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 62—62об. Автограф. Чернила (кроме названия, написанного карандашом).

II. *Татищев*.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 126—127. Оригинал хранится в ОР

ГБЛ, ф. 131, п. 12, л. 64—65. Автограф. Чернила (кроме названия, написанного карандашом).

III. *Татищев*.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения*. С. 125—126. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 68об.—69об. Автограф. Карандаш.

* *«Разговор»*.—Имеется в виду работа: *Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Чтения ОИДР. 1887. Кн. 1.*

IV. *В. Н. Татищев (1686—1750)*.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения*. С. 128—129. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 70—71 об. Автограф. Карандаш.

* Далее в рукописи В. О. Ключевского краткий конспект под названием «Татищев (Соловьев)». См.: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения*. С. 129.

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Впервые опубликованы в кн.: *Ключевский В. О. Сочинения*. Т. VIII. М., 1959. С. 396—452. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 1 (три сшитые тетради на 76 л.). Рукопись представляет собой студенческую запись, которая впоследствии проверялась В. О. Ключевским. Названия разделов лекций частично сохранились в тексте лекций, частично добавляются при публикации.

¹ «Доклад Блюментроста 22 янв. 1724. *Пекарский П.* История императорской Академии наук (далее: *Пекарский*). Т. 1. СПб., 1870. С. XXX; Первое торж. заседание 27 дек. 1725 (там же. С. XXXVII)».

² *Пекарский*. Т. 1. С. 184.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен (далее: *Соловьев*). Т. 20. М., 1870. С. 239—240.

⁴ См. *Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae* (далее: *Comm.*). Т. IV. Р. 275—311. Русский перевод—СПб., 1767, под заглавием «О варягах».

⁵ *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен (далее: *Татищев*). Кн. 1. Ч. 2. М., 1769. С. 393.

⁶ [Далее зачеркнуто:] «Борьба эта начинается уже в царствование Елизаветы Петровны».

⁷ *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 418.

⁸ *Пекарский*. Т. 1. С. 319.

⁹ *Comm.* Т. IV. Р. 275. [В русском переводе: «От начала руссы, или россияны владетелей варягов имели. Выгнавши ж оных, Гостомысл от славянского поколения, правил владением, и ради междусобных мятежей ослабевшим, и от силы варягов устесненным. По его совету россияне владетельский дом от варягов опять возвратили, то-есть: Рурика и братьев». *Байер Г.-З.* О варягах. СПб., 1767. С. 1.]

¹⁰ «Происхождение сказки от ошибочной догадки Викентия Кадлубка (XIII в.), смешавшего Люблин с Юлином городом (Юлий Цезарь и сестра его Юлия за Лешком—*Lestico Stomachum haec movere possunt, cum viscerum omnium doloribus, donec illatum cruda ejecta fuerint.* *Comm.* Т. IV. Р. 277».

¹¹ *Comm.* Т. IV. Р. 280; *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 410 и след.

¹² *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 397.

¹³ «Напр. Comm. T. IV. P. 285, о Святославе, сканд. *sven* видит Σφευδωσλάβος».

¹⁴ О значении этого слова см.: Comm. T. IV. P. 295; *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 409.

¹⁵ *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 410.

¹⁶ Comm. T. IV. P. 297; *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 411.

¹⁷ «Тогда это не было бесчестным ремеслом».

¹⁸ Comm. T. IV. P. 301 и 304; *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 413 и 418.

¹⁹ Выписка: Comm. T. IV. P. 303—304; *Татищев*. Кн. 1. Ч. 2. С. 418.

²⁰ «Главные статьи Байера в Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae. T. I—IX. СПб., 1726—1739. Смори подробнее у П. Пекарского: История Академии. Т. 1. С. 180—196».

²¹ «О Миллере у Пекарского. История Академии. Т. 1. С. 308—430. О нем же статья С. М. Соловьева в «Современнике» 1854. Т. 47 (№ 10. С. 115—150)».

²² Sammlung russischer Geschichte. St.-Pb., 1732—1765.

²³ «Летопись Феодосия». *Пекарский*. Т. 1. С. 319.

²⁴ [На полях:] «Акты, собранные Миллером в сибирских архивах, до сих пор печатаются в Дополнениях к актам историческим».

²⁵ *Пекарский*. Т. 1. С. 338.

²⁶ «Фишер академик, 1697—1771, по материалам Миллера состав[ил] Sibirische Geschichte. Spb., 1768. 2 Bd. Русский перевод СПб., 1774».

²⁷ [Последние три фразы были позднее зачеркнуты Ключевским.]

²⁸ «*Пекарский*. Т. 1. С. 359 и 405. Шумахер о Миллере: «громкий голос и присутствие духа, очень близкие к нахальству».

²⁹ *Пекарский*. Т. 1. С. I.XVII.

³⁰ Там же. С. 343. «Это было в 1746 г.».

³¹ Там же. С. 360.

³² *Соловьев*. Т. 23. СПб., 1873. С. 331.

³³ *Пекарский*. Т. 1. С. 361 и 380.

³⁴ Там же. С. 361.

³⁵ [Далее зачеркнуто:] «Сказал мало нового, он изложил только взгляды и доказательства Байера».

³⁶ *Коялович М. О*. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям (далее: *Коялович*). СПб., 1884. С. 109—110.

³⁷ [Далее зачеркнуто:] «возражения со стороны академиков».

³⁸ *Соловьев*. Т. 23. С. 330—331.

³⁹ *Коялович*. С. 110.

⁴⁰ «Лаврентьевская летопись. С. 19; ср. С. 28. «И от тех Варяг прозвася Руская земля, новгородци, ти суть людье новгородци от рода варяжска, прежде бо беша словени». Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1. СПб., 1767. С. 15. «И от тех варягов находников прозвашася Русь, и оттоле словет Руская земля, иже суть новгородстии людие и до нынешняго дне. Преже бо нарицахусь словене, а ныне Русь от тех варяг прозвашася; сице бо Варяги звахуса Русью»».

⁴¹ *Коялович*. С. 111.

⁴² *Соловьев*. Т. 23. С. 332.

⁴³ Ср. *Пекарский*. Т. 1. С. 380.

⁴⁴ Там же. С. 57.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». С 1758 г. изменяется название журнала: «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» (далее: Сочинения и переводы). Т. 1—20. СПб., 1755—1764, продолжение их: Новые ежемесячные сочинения, издавались Академией с 1786 по 1796 г.»

⁴⁷ Пекарский. Т. 1. С. 409.

⁴⁸ Там же. С. 380.

⁴⁹ «Опыт новейшей истории о России. Сочинения и переводы, СПб., 1761, январь. С. 3—63; февраль. С. 99—154; март. С. 195—244».

⁵⁰ «Миллер первым познакомил Западную Европу с историей России посредством своей Sammlung russischer Geschichte. 9 Bd. Он издал также много памятников и сочинений русских ученых: Историю российскую В. Н. Татищева 4 т. М., 1768—84; Судебник царя Иоанна, [изд.] Татищева. М., 1768; Степенную книгу. 2 Ч. М., 1771—75; Географический лексикон Российского государства... Ф. Полунина. М., 1773; Письма Петра Великого, писанные к... Б. П. Шереметеву. М., 1774; Описание земли Камчатки С. П. Крашенинникова. Т. 1—2. СПб., 1755».

⁵¹ «Ломоносов предпринял вторую попытку полного и связного изложения русской истории. Эта попытка была смелее татищевской, но гораздо неудачнее.

Одна из самых бурных и поучительных русских жизней XVIII в. Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. СПб., 1863 (далее: Галахов). С. 359. Побег в Москву и ученье в Славяно-греко-латинской академии (1729—1734). Вызов в академическую гимназию (1736). Ломоносов в Марбурге (1736—39). Занятия металлургией, увлечение и побег в Голландию. Возврат в отечество (1741). Адъюнкт и профессор химии и экспериментальной физики (с 1745 г.).

Академическая жизнь Ломоносова слагалась из двух главных дел: из непрерывной и непримиримой войны с немцами в Академии и из разнообразных и неутомимых учено-литературных работ. Опыт Ломоносова по русской истории тесно связан и с этой борьбой, и с этими работами.

Война с немцами-академиками испортила много крови Ломоносову; зато и он иногда доводил своих противников до отчаяния. Едва ли справедливо искать причины этой вражды только в личных несочувствиях Ломоносова или в его раздражительном ученом высокомерии, вообще в его упрямом, неуживчивом характере, «мужиковатом» нраве, какой приписывали ему его друзья и товарищи. Истинным источником вражды было патриотическое негодование, какое возбуждалось в Ломоносове отношением академических немцев к делу просвещения в России. Петербургская академия наук была тогда немецкой ученой колонией на Васильевском острове и на содержании русского народа. Немцы в ней хозяйничали и находили, что иначе и быть не могло и не должно. Они присвоили себе монополию научного знания в России и считали себя апостолами русского просвещения, убежденные, что русские сами без них, немцев, не способны вырабатывать научное знание и только от них могут воспринять просвещение, как соску от няньки. Они делали большую честь России, что получали от ее правительства свои оклады по контракту и производили ученые работы, которые оставались никому

не известными в России, кроме академической канцелярии. Ломоносов смотрел на их деятельность несколько иначе, по-своему. Он думал, что они только эксплуатируют свою ученую фирму, а не служат успехам русского просвещения, «употребляют дело божие для своих пристрастий, не заботясь о приращении наук в России», что, монополизировав науку в своих руках, они мешали ее распространению среди русских, довели академические университет и гимназию до такого состояния, что первый «ниже образа университетского не имел, а из гимназии в семь лет ни один школьник в достойные студенты не доучился». Такое отношение немцев-академиков к русскому народу и просвещению до глубины души возмущало Ломоносова как учения недобросовестность и как обида России. Наемных просветителей ее он иначе не называл, как неприятелями наук российских, гонителями русского просвещения, успехи которого, по его словам, были ему всего в жизни дороже, и бороться с этими гонителями он считал своим священным долгом перед всемогущим промыслом, так богато его одарившим. «За общую пользу,—писал он в 1761 г.,—а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю... Я к сему себя посвятил, чтоб до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь 20 лет; стоял за них смолода, на старость не покину». Мнение немцев о научной неспособности и беспомощности русских оскорбляло его как личная обида. Как смеют они думать так, когда перед ними стоит живая улика их неправды—он, Ломоносов, которого они же сами и их заграничные авторитеты признали первоклассным ученым «с замечательным умом и отличным пред прочими дарованием»! А он—русский человек, и только. Так честь отечества для Ломоносова слилась с чувством собственного достоинства его. Без излишней скромности называя себя украшением Академии, он ценил в себе не профессора химии Ломоносова, а русского ученого (*Соловьев*. Т. 23. С. 326); он хотел, чтоб по нему, его способностям судили о русских людях, а не считали его исключительным явлением; указывая на свои учено-литературные заслуги, он мог сказать: вот что в состоянии сделать русский человек, когда ему дадут средства и не будут мешать. Потому его заветной мечтой было составить русскую Академию наук исключительно из русских ученых. В похвальном слове Елизаветы читаем такое обращение императрицы к русскому юношеству: «Обучайтесь прилежно; я видеть Российскую академию из сынов российских состоящую желаю» (*Соловьев*. Т. 23. С. 319). Незадолго до смерти он подавал президенту Академии графу Разумовскому записку (1764) «о невыписывании из-за моря в Академию иностранных профессоров, о научении и произведении природных россиян, посылая их в иностранные университеты».

⁵² *Соловьев*. Т. 23. С. 332.

⁵³ [Абзац был позднее зачеркнут Ключевским.]

⁵⁴ *Соловьев*. Т. 23. С. 323—324.

⁵⁵ [Далее идет текст:] «Шувалов торопил его. Ломоносову жалко было покидать свои занятия», [со слова «Ломоносову» зачеркнуто].

⁵⁶ *Соловьев*. Т. 23. С. 324.

⁵⁷ «Вступление в историю. С. 79. Взгляд на дело. *Соловьев С. М.* Писатели русской истории XVIII в. Архив историко-юридических сведений. Изд. Н. Калачов (далее: *Соловьев*. Писатели русской истории).

Кн. II. половина I. М., 1855. Отд. III. С. 41—42».

⁵⁸ *Бестужев-Рюмин К.* Русская история (далее: *Бестужев-Рюмин*). Т. I. СПб., 1872. С. 211.

⁵⁹ *Соловьев*. Т. 23. С. 319; *Галахов*. Т. 1. С. 349.

⁶⁰ *Соловьев*. Писатели русской истории. С. 42.

⁶¹ Там же. С. 43.

⁶² Там же. С. 45.

⁶³ *Галахов*. Т. 1. С. 424—425.

⁶⁴ «Изданы по-английски в 1840 г., по-немецки — в 1857 г. и по-французски — в 1860 г. Из них подробные извлечения Д. И. Иловайского в «Отечественных записках». Т. СХХVI и СХХVII. СПб., 1859».

⁶⁵ «О нем см. К. Ф. Калайдовича в Записках и трудах общества истории и древностей российских. Ч. II. Отд. II. М., 1824. С. 3—48».

⁶⁶ [Далее зачеркнуто:] «автором его мог быть Щербатов».

⁶⁷ *Бестужев-Рюмин*. Т. I. С. 214, прим. 26. *Соловьев С. М.* Август Людвиг Шлёцер (далее: *Соловьев*. Шлёцер) // *Русский вестник*. М., 1856. Т. II. С. 527.

⁶⁸ Древняя российская вивлиофика. Т. 1—10. СПб., 1773—75; 2 изд. Т. 1—20. М., 1788—91.

⁶⁹ Перевод Антидота // Осмнадцатый век. Исторический сборник. Кн. 4. М., 1869. С. 225—463.

⁷⁰ «Письмо к Мордвинову 1790 г.». См.: *Оболенский М. А.* Сенак де Мельян, французский эмигрант XVIII в. и его отношения к России // *Русский архив*. М., 1866. Кн. 3. Стб. 425—429. Русский перевод указанного письма Екатерины к А. С. Мордвинову от 4 октября 1790 г. см.: *Сочинения Екатерины II*. Изд. А. Смирдина. Т. 3. СПб., 1850. С. 413—418; «Указ 4 декабря 1783 г.». Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI. СПб., 1830. № 15890. С. 1066—1067.

⁷¹ [Слова: «и даже боярам» позднее заключены Ключевским в скобки.]

⁷² О нем см.: *Соловьев*. Писатели русской истории. С. 49—63. [См. также]: Московское обозрение. 1859. Кн. I; [*Бестужев-Рюмин К. Н.*] Современное состояние русской истории, как науки. С. 11—18.

⁷³ [Далее зачеркнуто:] «И что закон Петра именно направлен к тому, чтобы вызвать к жизни эти знатные роды, т. е. произвести доблестных предков».

⁷⁴ [*Щербатов М.* История Российская от древнейших времен... Т. I—VII. СПб., 1770—1791.]

⁷⁵ «Характеристика Соловьева. См.: *Соловьев*. Писатели русской истории. С. 51».

⁷⁶ «Предисловие — источники. Введение — вывод 87».

⁷⁷ [Далее зачеркнуто:] «Человек трезвый и рационалист, он не охотник производить исследования, которые не могут привести ни к чему более, как к гипотезе». [На полях приписка]: «Введение — задача».

⁷⁸ [Далее зачеркнуто:] «Древнейшие известия о славянах он излагает с чужих слов: эти гипотезы его, делового человека, занимают очень мало». [На полях]: «Образчик его сравнительно исторического прагматизма. *Соловьев*. [Писатели русской истории]. С. 51».

⁷⁹ О нем: *Соловьев*. Писатели русской истории. С. 63—73.

⁸⁰ [Далее зачеркнуто:] «совершенно как древнерусские недоросли делались новиками».

⁸¹ [Фраза написана над зачеркнутым:] «Мирозозерцание Бейля стало мирозозерцанием (Болтина)».

⁸² [Далее зачеркнуто:] «поставить в безвыходное положение Леклерка».

⁸³ *Histoire de la Russie ancienne et moderne*, 6 vols. 1783—1794.

⁸⁴ [Далее зачеркнуто:] «Еще страннее смелость, с которою он решился перевести 1-ю «Песнь Петриады» Ломоносова».

⁸⁵ [Далее зачеркнуто:] «Это способствовало популярности сочинений Болтина».

⁸⁶ [Далее зачеркнуто:] «он открывает темы нашей жизни».

⁸⁷ [Ниже следующее заключение VI лекции — позднейшая приписка Ключевского.]

⁸⁸ «В Лондоне. См. в Чтениях в Обществе истории и древностей российских (далее: Чтение ОИДР). 1860. Кн. 1. Отд. II. Исправно издано в «Русской старине». СПб., 1870. Т. II. С. 13—56, 99—116».

⁸⁹ [Далее зачеркнуто:] «Во-первых, они недостаточно еще ценили значение критики источников, во-вторых, они занимались этой критикой тайком и мало публиковали их за отсутствием публики».

⁹⁰ [На полях две приписки:] «Для них, как професс[иональных] ученых, важнее метод, чем...»; «Они и поставили на очередь дело низшей критики *слов*».

⁹¹ «О нем» см.: *Пекарский*. Т. 1. С. 671—689.

⁹² «Sur l'origine, et les changements des loci russiennes. Spb., 1766, тогда же русский перевод под заглавием: «Слово о начале и переменах российских законов».

⁹³ «О нем см. С. М. Соловьева в Русском вестнике. Т. II. М., 1856. С. 489—533, и Т. VIII. Кн. 2. М., 1857. С. 431—480; еще у Г. Головачева в Отечественных записках. СПб., 1844. Т. XXXV. Отд. II. С. 39—66; August Ludwig von Schlözer öffentliches und Privatleben beschrieben von dessen ältesten Sohne Christian von Schlözer. 1828».

⁹⁴ [Над строкой:] «миссией». На полях: *Соловьев*. С. 492: «божественное призвание», «божие дело».

⁹⁵ [На полях:] «Линней и студенты».

⁹⁶ *Соловьев*. Шлёцер. С. 497—498.

⁹⁷ [Далее зачеркнуто:] «Все это, разумеется, раздражало Шлёцера».

⁹⁸ [Далее зачеркнуто:] «Таким образом, Шлёцер, как он сам признается, в течение полугода не получил ни одной ценной рукописи».

⁹⁹ [Далее зачеркнуто:] «Разумеется, еще не прочитав ни строчки в них, он смотрел на них уже с презрением».

¹⁰⁰ *Соловьев*. Шлёцер. С. 500—501.

¹⁰¹ Там же. С. 501—502.

¹⁰² Там же. С. 506.

¹⁰³ Там же. С. 510.

¹⁰⁴ [Далее зачеркнуто:] «В Лавре, где жил и умер Селлий и удалось Шлёцеру достать».

¹⁰⁵ *Соловьев*. Шлёцер. С. 512.

¹⁰⁶ «Академия X линии».

¹⁰⁷ *Соловьев*. Шлёцер. С. 514.

¹⁰⁸ [Далее зачеркнуто:] «Составил по русской истории маленькое руководство».

¹⁰⁹ *Соловьев*. Шлёцер. С. 518.

¹¹⁰ [Далее зачеркнуто:] «план очень широкий, обнимавший изучение памятников, древностей, языка и проч.».

¹¹¹ Соловьев. Шлёцер. С. 518.

¹¹² Там же. С. 520.

¹¹³ Там же. С. 520—521.

¹¹⁴ Там же. С. 521.

¹¹⁵ [Далее приписка:] «Суд по Ломоносову и Шлёцеру».

¹¹⁶ Соловьев. Шлёцер. С. 523—524.

¹¹⁷ Там же. С. 531.

¹¹⁸ «Nestor. Russische Annalen. 5. Bd. 1—4. 1802—1805. Рус. перевод Д. И. Языкова в 3 ч. СПб., 1809—19».

¹¹⁹ [Далее приписка:] «Отзыв о ней см. Шлёцер А. Л. Нестор. Ч. 1. СПб., 1809; введение. С. 173; о Болтине. С. 380. Происхождение труда в связи с упадком русской историографии после Байера; введение. С. 173 и след.».

¹²⁰ «Высшая критика дел».

¹²¹ Шлёцер А. Л. Нестор. Ч. 1. С. 395—396. «Сводный и коренной тексты». С. XVII и XVIII, 410—414.

¹²² Там же. С. IX.

¹²³ «Критика текста», там же. С. 315 § 2.

¹²⁴ «Выводы: Три вопроса критики. Шлёцер. Нестор. Ч. 1. С. 395—397. Решен и то не вполне первый—текстуальный пересмотр, сличение списков и даны правила для издания *сводного* текста (С. 410—412). Вторая половина задачи—по сводному восстановить подлинный текст очищенного Нестора—не исполнена, но также даны указания, как это сделать. Необходимы предосторожности и поправки».

1. «Настоящие подлинники XIII [в.], настоящий древний, неспорченный Нестор (С. 413). *Коренной текст*. Правила его восстановления (С. 414): а) из нескольких разночтений выборка *настоящего*, подлинного чтения; б) *пропуски*, с) *вставки*. Общие правила, как отличать подлинные места от неподлинных (С. 415). Но его собственные оговорки против правила—чем *старее*, тем *лучше* XIII и XIV; настоящее чтение в дурном списке и пропуски в древних [Русская летопись по Никонову списку. Ч. I. СПб., 1767, ср.: Шлёцер. Нестор. Ч. 1. С. 357—358].—Возможно ли найти или восстановить подлинного Нестора? *Что такое Начальная летопись по сохранившимся спискам?* Не единоличное, а коллективное дело многих сводчиков XII и XIII вв., даже более поздних. Как оно велось? Замечание Шлёцера о совсем «особенной критике» для русских летописей XVI в. и общее правило для нее из взгляда на древнерусского переписчика (С. XVI и 415).

Переписчик и сводчик. Приемы первого: пропуски, сокращения и подновления. Приемы второго: механическое сведение источников подлинными их словами и толкование от *писания*, текстами и примерами, безопасными вставками. Ни *переделок*, ни *подделок*, а фактические сокращения или нравоучительные компилятивные толкования. Появление позднейших сокращенных *редакций* и *летописей—хронографов*».

3) «Правила высшей критики (С. 418 и след.)».

И. Н. БОЛТИН

(умер 6 октября 1792 г.)

Статья впервые опубликована в журнале «Русская мысль». 1892. № 11. С. 107—130, переиздана во втором сборнике статей: *Ключевский В. О. Очерки и речи*. М., 1913. С. 163—198; *Он же. Курс русской истории*. Ч. V. М., 1937. С. 456—488; *Он же. Сочинения*. Т. VIII. М., 1959. С. 133—163. В архиве В. О. Ключевского сохранились вырезка из журнала с небольшой авторской правкой и наброски статьи (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 151).

¹ Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том *Истории князя Щербатова*. СПб., 1793. С. 251, 252.

² Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным (далее: *Болтин*). Т. I. 1788. С. 76.

³ *Болтин*. Т. II. 1788. С. 141 (и след.).

ПАМЯТИ И. Н. БОЛТИНА

Речь В. О. Ключевского была прочитана 21 декабря 1892 г. на заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете (см.: *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. М., 1894. Кн. 1, IV. Смесь. Протоколы заседаний Общества. С. 31). Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О. Сочинения*. Т. VIII. М., 1959. С. 164—176. В архиве В. О. Ключевского сохранились черновые материалы и автограф речи (ОР ГБЛ, ф. Ключевского, п. 13, д. 10, 11).

¹ [См. статью В. О. Ключевского «И. Н. Болтин», публикуемую в данном томе].

² Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя *Российской истории*. СПб., 1793. С. 158.

³ [Далее страница с четвертью оставлены чистыми].

⁴ [На полях рукописи—зачеркнутая вставка автора]: «Изучая эту опись, чувствуешь себя в положении человека, приглашенного описывать только что распечатанный кабинет скоропостижно умершего ученого».

⁵ [Над этим словом в автографе написано]: «Татищев».

Н. М. КАРАМЗИН

Отрывки датируются условно по почтовому штемпелю конверта, на обороте которого написан один из них.

I. *Карамзин*.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения*. М., 1983. С. 133—134. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 79—80об. Автограф. Карандаш.

II. *Н. М. Карамзин*.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения*. С. 134—135. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 77—77об. Автограф. Карандаш.

* *слова Пушкина*.—Возможно, Ключевский имеет в виду эпиграмму А. С. Пушкина на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина:

«В его «Истории» изящность,
простота
Доказывают нам, без всякого
пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута»

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1961. С. 341).

III. Карамзин.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 135—137. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 75об.—76. Автограф. Карандаш.

* *Бестужев-Рюмин*.—Имеется в виду кн.: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Т. 1, 2. СПб., 1872.

* *Ко[лович]*.—Имеется в виду кн.: *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

* «*Наталья*».—Речь идет о повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь».

М. П. ПОГОДИН

I. [Рецензия на книгу М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига»].—Впервые опубликована в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 138—148. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 182, л. 1—2об. Автограф. Чернила. Датируется по письму В. О. Ключевского к В. И. Герье от 15 июля 1872 г., в котором излагается история написания этой рецензии. См.: *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 147.

* Книга, о которой мы намерены высказать несколько замечаний.—Имеется в виду кн.: *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. I—III. М., 1871.

II. М. П. Погодин.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 148—150. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 5—6. Автограф. Карандаш. Датируется условно.

III. М. П. Погодин.—Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. С. 150—152. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 3—4. Автограф. Карандаш. Датируется условно. Название подчеркнуто синим карандашом.

ПАМЯТИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

(умер 4 октября 1855 г.)

Статья впервые напечатана в газете «Русские ведомости». 1905. № 263. 8 окт. Переиздана в кн.: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. VIII. М., 1959. С. 390—395. Наброски статьи хранятся в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 171.

¹ [В рукописи имеются варианты начала статьи]: «Что, какая идея, какое воспоминание привело нас к этой могиле, закрывшейся полвека

назад? Та же идея, какая влекла наших отцов и ваших дедов в аудиторию Грановского». «50-й день памяти Грановского невольно вызывает рой светлых воспоминаний о том времени, когда сквозь молчаливую мглу русской ежедневной жизни...

В каждом поборнике русского просвещения и русской общественной самодеятельности таится большая или меньшая доля Петра Великого, потому что все такие борцы суть духовные потомки преобразователя. Он действовал, ожидая их; они продолжали его дело, благоговей перед ним.

Мертвые головы Петра I, бюст Грановского с трупа, Чичерин и его последний разговор со мной — предчувствие последствий японской войны и Трубецкой — наша новая история — род теней — юдоль печали и воздыханий».

² [В рукописи имеются варианты и наброски, относящиеся к данному тексту]: «Вы, господа, можете еще увидеть стариков, которые, попав в Москву из уездного захолустья, набожно крестятся, проезжая мимо полукруглого здания на углу Моховой и Никитской. Были годы, когда в Московском университете, вещая правду и свободу, он один стоял в Московском университете прямо и твердо, как стоит этот обелиск над его могилой. Имя Грановского стало символом, лозунгом общественного возрождения, совершаемого превращением слова науки в дело жизни. Вот идея, отлившаяся в преподавательской и литературной деятельности Грановского; она стала для нас его заветом и его пророчеством; «слово плоть бысть».

Так изображает Грановского добродушное предание, складывавшееся до нас. Это идиллия счастливого профессора, покоившегося на лаврах студенческого обожания, как бы сказал про такое положение красноречивый товарищ Грановского по службе профессор русской словесности Шевырев. Не мог укрыться от живой действительности в своей академической келье.

Аудитория, где воспринял и передумал свои лучшие мысли. [Его] имя встретило и провожало меня в университете; оно еще звучало во всех аудиториях».

³ [В рукописи к данному тексту относится вариант:] «Побережем себя,—сказал в заключение Грановский,—на великое служение». Из этих слов видно, что Грановский искал и в русской истории моментов, которые бы могли поддержать его веру в успех его дела. Конечно, прежде всего его мысль остановилась на реформе Петра. За нее ухватился Грановский как за опору. Свое отношение к преобразователю он выразил незадолго до смерти. Шла Восточная война, которая безжалостно обнажила порядок, прикрытый николаевским фасадом. Эмигрировавший Герцен с тоски по родине начал славянофильствовать на чужбине и что-то написал против Петра. Это возмутило Грановского, и он в письме к Герцену 1854 г. горько упрекал, зачем он бросил камень в преобразователя. «Пожил бы ты здесь, и ты бы сказал другое». Такое отношение к Петру, как и все, во что вживалась мысль Грановского, выразилось у него в обычной изящной и глубоко грустной форме. Годом смерти Грановского была столетняя годовщина Московского университета, который был ему обязан таким подъемом своего нравственного и общественного значения».

⁴⁻⁴ [В рукописи к данному тексту имеется вариант]: «в другое время».

⁵ [В рукописи к данному тексту имеется вариант]: «Никитенко был незаурядный профессор и писатель, но, очарованный талантами и чувствами Грановского, он позволил себе написать о нем в своем дневнике, что «он вполне очеловечен наукою». Стало быть, без науки... Щадя память Никитенко, не хочется договаривать. Грановский разошелся с Герценом; поборники русской старины, «ветхого призрака», ославили его чуть не безбожником и революционером. Наверху ему оказывали благоволение, внимательно выслушивали его, порой давали поручения по части народного образования; но ласковая улыбка сопровождалась косым, подозрительным взглядом. А какие люди стояли наверху, об этом достаточно припомнить горькое письмо Кавелина, писанное месяца четыре спустя по смерти Грановского. Его в ужас приводит мысль, что скоро вымрут последние александровцы, воспитанные в духе первых лет царствования Александра I. «Побывайте на кухне, где...» [См. Письмо К. Д. Кавелина к М. П. Погодину от 17 марта 1856 г. // *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. Кн. 14. СПб., 1900. С. 211—214]. С такими людьми невозможно было примирение. И в душе Грановского сменялась борьба уныния и бодрости. Он то хотел жить и работать, то собирался поступить в ополчение, не для того, чтобы сражаться, а чтобы умереть».

⁶ [В рукописи к данному тексту относится вариант]: «Сколько разбитых надежд! Лучшим венком, которым могло бы украсить русское общество память славнейшего из профессоров русских, было бы лишнее просвет, лишние вспышки убеждения в необходимости неотступной идейной борьбы за пределами надежды и успеха!»

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

Некролог «С. М. Соловьев (умер 4 октября 1879 г.)» издан впервые в кн.: «Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1880». М., 1880. С. 51—73. Переиздан в кн.: *Ключевский В. Очерки и речи*. Второй сборник статей. М., 1913. С. 1—23; *Он же. Сочинения*. Т. VII. М., 1959. С. 126—144.

¹ Дополнением к данной статье является отрывок о взглядах С. М. Соловьева, сохранившийся в архиве В. О. Ключевского:

«Влияния, воспитывавшие мысль С[оловьева]: одни давали ему исторический метод, другие — схемы исторического процесса, третьи — ставили задачи.

1. Из западной историографии своего времени он вынес идею развития, закономерности исторического процесса, но он видел, как эта идея там разрабатывалась на сменявшихся политических формах и складах, и неосторожно стал на ту точку зрения, что только эти политические формы и склады подлежат закономерному развитию. Б[естужев]. Об[озрение. С.] 31. [Вероятно, имеется в виду работа: *Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории, как науки* // *Московское обозрение*. Кн. I. М., 1859.]

2. Изучение русской историографии. Как изучал: брал книгу и игнорировал автора, разбираал мнения, взгляды, встреченные в книге, и не хотел знать, когда, при каких обстоятельствах и под какими влияниями они высказаны; они были высказаны, и больше ничего не

нужно знать. Вывод изучения: прежние историки уловили отдельные моменты, переломы развития, но не поняли связи моментов, закономерности всего процесса, были наблюдателями, монографистами, но не стали прагматиками (мысль написать цельную историю).

3. Скептическая школа. Ее сущность: настоящее слишком плохо, чтобы допустить возможность столько хорошего в прошедшем, значит, все хорошее в прошедшем подделано плохим настоящим. Комическая логика: хорошее [талант] может подражаться плохим [бездарностью], и эта поддельная бездарность выше, даровитее бездарного подлинника. Но как бездарность может подражать таланту, недоумеваю. Но школа Каченовского поселила отвращение к исторической критике. Отсюда прием Соловьева — брать данное из источника и в нетронутом, сыром виде вносить в текст прагматической истории» (ОР ГБЛ, ф. Ключевского, п. 12, д. 2).

Далее публикуется основная часть статьи В. О. Ключевского «Двадцатипятилетие *Истории России* С. М. Соловьева», опубликованной без подписи в журнале «Древняя и новая Россия». Т. 1. № 1. 1877. С. 107—113.

«Имя С. Соловьева уже более 30 лет связано с развитием исторической науки. Первое исследование его (магистерская диссертация) — «Об отношениях Новгорода к великим князьям», вышедшее в 1845 г., обратило на него общее внимание людей, следивших за движением отечественной историографии, и в следующем году было перепечатано. В 1847 г. Соловьев издал вторую диссертацию — «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», которая давно стала библиографической редкостью. В 1851 г. вышел первый том «Истории России с древнейших времен», и с тех пор каждый следующий год приносил по одному тому. Теперь рассказ историка доведен до первых лет царствования Екатерины Великой. Большая часть томов «Истории» переиздана: первый том выдержал пятое издание.

С первых своих исследований С. М. Соловьев стал указателем известного направления в литературе русской истории, которое посредством книги или лекции готовило значительный круг людей не только к пониманию, но и к ученой обработке отечественной истории.

С. М. Соловьев сам не раз определял это направление, высказывая свой взгляд на задачи историка: указывать «естественную связь событий, естественное развитие из самого себя», следить «за непосредственным преемством форм», «не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин» — такова, по мнению его, обязанность историка; историк может считать эту обязанность исполненной, если явления в его рассказе следуют одно за другим и одно из другого *естественно и необходимо*.

Когда вышел первый том книги С. М. Соловьева, такой взгляд не был новостью в нашей исторической литературе. И прежде было несколько попыток построить историческое повествование на этом прагматическом методе, и его успели даже низвести на степень простого искусства так сцеплять события, чтобы одно являлось причиной или следствием другого. Книга С. М. Соловьева резко отделилась от этого искусственного прагматизма. Устанавливая внутреннюю, живую, а не механическую связь между историческими явлениями, С. М. Соловьев достиг двух результатов, благодаря которым его книга не будет забыта

при дальнейшем движении русской исторической науки.

В ряду писателей, предпринимавших труд написать историю России, С. М. Соловьева можно назвать первым, который с успехом попытался взглянуть на явления нашей истории просто и трезво. Такой взгляд, нелегкий везде, для русского историка, может быть, труднее, чем для кого-либо другого. В первой половине нынешнего столетия можно назвать только двух русских писателей, бравшихся за такой труд и оказавших заметное действие на сознание читающего общества приемами обработки и талантом изложения: это были Карамзин и Полевой. Но ни тому, ни другому не удалось стать на такую прямую и трезвую точку зрения. Первый, руководясь эстетическими и моралистическими задачами историка, останавливался преимущественно на явлениях, поражающих чувство или воображение, и часто не знал, как оценить и куда девать факты, в которых оказывались самые сильные биения пульса народной жизни. Много читавший и изучавший, Карамзин обо многом недостаточно размышлял. Полевой пытался восполнить пробел, оставленный Карамзиным в литературе русской истории. Усвоив восприимчивой мыслью приемы и направление западной историографии того времени, он решился пересмотреть прошлое русского народа «прагматическим, философским» взглядом. Но его живой, даровитой мысли недоставало ни ученой выдержки, ни знакомства с русским историческим материалом. Он слишком быстро обобщал и решал. В двух явлениях, русском и западноевропейском, найти что-нибудь сходное для него было достаточно, чтобы признать их одинаковыми и одно назвать именем другого. Оттого основные факты нашего прошедшего являлись у него в парадной, но чужой, заимствованной одежде. Поднявшись на своем философском взгляде на высоту, откуда открывалось перед ним «позорище деяний всемирной истории», со смелой задачей связать прошедшее России со всемирно-историческими событиями как причину или следствие последних, Полевой схватывал только внешние, так сказать, геометрические, очертания русской жизни, но типические внутренние черты места и времени ускользали от его плохо вооруженного глаза. Совсем иначе обращался с материалом С. М. Соловьев. Он подходил к историческому факту прямо и близко, всматривался в него пристально, старался уловить в нем именно местные и временные особенности и потом точно воспроизвести его действительный образ. Прежде чем подвергнуть отдельное явление анализу и обобщению, он бережно переносил его из летописи или акта на страницы своего рассказа, как археолог переносит выкопанный обломок в свою витрину. Отсюда его привычка рассказывать словами источника, его нелюбовь к заученной исторической терминологии и искусственному делению периодов, чем иногда прикрывалось недостаточное понимание смысла и связи событий: он первый восстал против этих *норманнских, удельных и монгольских* периодов, потому что эти термины описывают время только с внешней стороны, но не захватывают главного русла русской жизни в те века.

Эти приемы не остались без влияния на нашу историческую литературу: писатели, которые по книге С. М. Соловьева учились так обращаться с фактами, не забудут, кто научил их этому, даже если разойдутся с ним в понимании основных фактов нашей истории.

Приложение лучших приемов к обработке нашей истории — успех сам по себе технический — соединен в труде С. М. Соловьева с другой

заслугой, которая выходит за пределы ученой техники и касается реального содержания науки. С. М. Соловьева не раз упрекали в том, что в нарисованной им картине нашего прошедшего везде на первом плане поставлены *внешние политические* явления, а факты *внутренней народной жизни* — экономической, умственной и нравственной — оставлены в тени, как будто историк считал их менее важными, пренебрегал ими. Но в самом начале своего труда, на первой странице его, он предупредил читателя, что считает обязанностью историка «не разделять начал, а рассматривать их во взаимодействии». Научное понимание прошлого России ничего не потеряло в книге С. М. Соловьева от того, что автор, обращаясь к историческим фактам, часто забывал, как размещены они в ученой табели о рангах, и дорожил каждой чертой, в которой сказывалась жизнь. Книга его в нашей литературе — первая попытка найти в событиях и формах государственной жизни России отражение работы ее внутренних исторических сил и по этим наружным явлениям проникнуть в самые сокровенные движения народной жизни. Таким образом, следя «за непосредственным преемством» политических форм, в которые облекалась жизнь русского народа на пространстве девяти столетий, С. М. Соловьев успел подметить и изобразить несколько решительных, поворотных эпох, когда изменялось не одно государственное право, преобразовывались не одни политические формы, но и течение всей народной жизни переломлялось и принимало иное направление.

Читатели книги С. М. Соловьева без труда припомнят эти эпохи, которые поставлены в нашей литературе С. М. Соловьевым как основные факты русской истории, как главные моменты исторической жизни русского народа.

В трех столетиях, следовавших за смертью Ярослава, Карамзин видел только падение России, разрушение государства, созданного первыми князьями; он отказывался найти исторический смысл в столь продолжительном периоде, наполненном княжескими усобицами, которые называл «бессмысленными». В порядке княжеского владения Русской землей, какой установился после Ярослава, Полевой находил уже «особую систему феодальных русских государств»; эту *систему уделов*, «обладаемых членами одного семейства под властью старшего в роде», он характеризовал названием *феодализма семейного*. Полевой смутно чувствовал значение этого периода, говоря, что он «был необходим для развития жизненных сил по всем землям русским, сил, сосредоточивавшихся до смерти Ярослава только в Киеве и Новгороде». Всматриваясь в княжеские отношения, как их изобразил С. М. Соловьев после внимательного изучения, не находим в них существенных черт порядка, который обыкновенно называют феодализмом; зато позади княжеских усобиц при видимом разделении Руси на княжеские волости в рассказе С. М. Соловьева впервые открываем незамеченный до него ряд условий, вызванных к действию или поддержанных князьями, условий, которые завязывают и скрепляют «общий интерес, сознание о земском единстве» русских волостей.

Прежде, рассказывая о событиях XII в., повествователи чувствовали, что со времени Андрея Боголюбского на Руси совершается какая-то важная внутренняя перемена. Суздальская земля как-то вдруг выступает с неожиданной силой, налагает тяжелую руку на Киевскую Русь, и в

этой земле с тех пор земская жизнь начинает складываться в порядок, непохожий на прежний киевский склад. Не зная, как назвать и чем объяснить эту перемену, характеризовать ее перенесением столицы из Киева во Владимир или какой-нибудь другой, столь же внешней чертой. С. М. Соловьев точно описал перелом, совершившийся тогда в русской жизни, обозначил появление «отдельной княжеской собственности», вотчины или удела, сменившего прежний порядок общего княжеского владения, и указал, где следует искать источник нового порядка — в колонизации Суздальской земли XII и XIII вв. и в тех новых отношениях, какие она установила здесь между князем и населением.

Быстрый рост Московского княжества в XIV и XV вв. был загадкой для Карамзина, и он называл чудом превращение ничтожного удельного городка в средоточие государства Российского. Он и писавшие после него склонны были объяснять счастливую судьбу Москвы личными качествами ее князей, Ивана Калиты и его преемников, и поддержкой, какую они умели находить в Орде. Проследив деятельность московских князей шаг за шагом, перебрав мелкие явления, которыми обозначались их успехи, С. М. Соловьев разглядел другие, более могущественные и менее случайные силы, работавшие над судьбой этого княжества: он отметил или описал ряд географических и экономических условий, создавших материальную силу Москвы еще прежде, чем она достигла политического, земского значения, и ряд обстоятельств, которые при тогдашнем положении других княжеств и при внешних отношениях Руси открыли московским князьям с их материальными средствами просторную дорогу к политическим успехам. Собрание Северной Руси Москвой является в рассказе С. М. Соловьева последовательным процессом, движущие пружины которого вскрыты настолько ясно, чтобы не подозревать в нем ничего необычайного.

В истории XV и XVI столетий С. М. Соловьев первый изобразил ярко появление и борьбу политических понятий и страстей, вызванных в высших классах московского общества территориальным расширением и внутренним устройством государства. Далее историку предстояли века, истинная история которых лежала похороненной в нетронутых массах архивного материала. Рассказывая его, С. М. Соловьев чутко выследил первые признаки начавшегося нового перелома русской народной жизни, который так резко и тревожно обнаружился при внуке первого царя новой династии. Рассказ С. М. Соловьева о России в XVII в. впервые осветил научным светом реформы Петра Великого. Издавна у нас сложилась привычка судить об этих реформах, как судит публицист о законодательном проекте, открытым для поправок. Преобразовательные меры Петра взвешивали и ценили преимущественно по их практическим последствиям, более предполагаемым, чем действительным; к ним обращались с разными требованиями, нравственными и другими, и так как последствия выходили очень разнообразными, а требования часто совершенно капризными, то суждение о деле Петра было низведено на почву вкуса или чувства, превратилось в простую хвалу или порицание. В книге С. М. Соловьева преобразовательная деятельность Петра впервые является не делом личного произвола, не исторической невозможностью, а историческим фактом, корни которого таились в глубине народной жизни. Нарисованная историком картина экономического, социального и нравственного расстройств Московской Руси перед

эпохой преобразования вскрыла эти корни и показала, чем внушены, как определялись основные стремления преобразователя и даже как воспитаны были самые приемы преобразования».

² Московский городской листок. 1847. № 130.

³ Там же. 1847. № 102, 103.

⁴ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. Ч. II. С. 434.

⁵ Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1845/46 академический и 1846 гражданский годы. С. 10.

⁶ «Не перечисляем многочисленных критических и библиографических статей, появившихся с 1842 г. в «Москвитяине» и в других изданиях; о них см. в списке сочинений С. М. Соловьева, составленном Н. А. Поповым. Исторические очерки «Рим» и «Варвары» упомянуты самим автором как приготовленные к печати в университетском отчете за 1845/46 г.».

⁷ Соловьев С. М. Шлёцер и антиисторическое направление // Русский вестник. Т. VIII. М., 1857, апрель. Кн. 2. С. 431—480.

С. М. СОЛОВЬЕВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Воспоминания В. О. Ключевского о С. М. Соловьеве читаны 4 октября 1895 г. на заседании Исторического общества при Московском университете в годовщину смерти С. М. Соловьева и Т. Н. Грановского. Впервые изданы в кн.: Издания исторического общества при Московском университете. М., 1896. С. 184—194; переизданы во втором сборнике статей: *Ключевский В. О. Очерки и речи.* М., 1913. С. 24—35; *Он же. Сочинения.* Т. VIII. М., 1959. С. 253—262; Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 351—359. В архиве Ключевского сохранился наборный экземпляр статьи (ОР ГБЛ, ф. 131, п. 13, д. 15).

ПАМЯТИ С. М. СОЛОВЬЕВА

(умер 4 октября 1879 г.)

Статья впервые напечатана в журнале «Научное слово». 1904. Кн. 8. С. 117—132; переиздана во втором сборнике статей: *Ключевский В. О. Очерки и речи.* М., 1913. С. 35—36; *Он же. Сочинения.* Т. VIII. С. 351—367. В архиве Ключевского сохранилась наборная рукопись (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 168). Раздел первый данной статьи представляет собой перепечатку некролога на смерть С. М. Соловьева, опубликованного В. О. Ключевским без подписи в «Критическом обозрении». 1879. № 20. С. 37—40.

Ф. И. БУСЛАЕВ

КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Речь, посвященная памяти Ф. И. Буслаева, была произнесена В. О. Ключевским 27 сентября 1897 г. в Обществе истории и древностей российских (см. Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1898. Кн. 2, IV. Смесь. Протоколы заседаний Общества. С. 53); Черно-

вой автограф речи хранится в ОРФ ИИ, ф. 7, оп. 1, д. 159. Там же находятся нижеследующие наброски статьи, помеченные 8 января 1898 г.

«Словесность искусственная», «верстовые столбы», на произведениях ее печать личного творчества, личной силы. Блестящие капризы индивидуальности. Случайности, яркие мимолетные метеоры. Их связь с народной жизнью по их художественному действию на народную мысль и чувство, не по генетической связи с ними.

Известны были, собирались и записывались памятники безыскусственной народной словесности: былины, духовные стихи, песни, сказки, пословицы, приметы, загадки, заговоры и т. п. Но все это какой-то балласт, с которым не знали, что делать: 1) как понимать это, 2) какая связь всего этого с искусственной литературой. Отводили особый отдел в начале обзоров истории литературы, описывали *виды* или формы и, не вникая в содержание, бросали, чтобы не вспоминать в обзоре настоящих литературных произведений. Народная словесность рассматривалась как простонародное, устное, т. е. безграмотное, словесное творчество невежества и суеверия или детский лепет народного духа при самом снисходительном отношении.

Ключ к пониманию значения и исторического взаимоотношения обеих словесностей — в росте народного слова, в истории языка. Слово растет вместе с духом и жизнью народа, отражая в себе его наблюдения, впечатления, верования, чувства, понятия, обычаи, общественные отношения, даже приемы мышления и стремления, воззрения и наклонности, складывающиеся в народе под влиянием этих наблюдений, впечатлений, отношений, как их осадок, — словом, грамматика и лексика народного языка — это древнейшие летописи народной жизни, предшествовавшие летописям его исторических деяний, да с появлением этих летописей не перестававшие отмечать движения народной жизни, оставшиеся неуловимыми для них.

Такая связь языка с жизнью народа вскрывалась в таком порядке изучения.

1. В первобытных значениях корней открывались первоначальные наблюдения и впечатления от явлений природы и человеческой жизни.

2. В образовании производных слов синонимов — [развитие] понятий о предметах, складывавшееся из наблюдений и впечатлений, соотношений, какие устанавливались между предметами по этим понятиям.

3. В различных значениях одного и того же слова вскрывалось движение народной наблюдательности и мысли, расширение и осложнение первичных понятий и представлений, отражение чувств и умозаключений, отлагавшихся от этой работы (семасиология языка — логика и эстетика народного творчества).

4. Переходя от образования слов к строению речи, обычным первобытным ее оборотам, описывались первобытные простейшие формы народной поэзии, разговорки, пословицы, притчи, мифы, загадки, заклинания, приметы и т. п. В них отразились первые попытки народа построить из отдельных понятий и сопоставлений цельное мирозерцание, представление о том, как мир божий стоит и как мир людской стоять должен, а также первые навыки народного мышления и морализирования (народная космогония и мифологическая этика).

Изложенные моменты — «эпическая поэзия» в истории словесности,

отразившая первобытный склад народной психологии. Эти первые параллельные моменты роста народного слова и духа у Буслаева являлись основными мотивами и в дальнейших более сложных формах словесного творчества народной мысли и фантазии, отразивших более поздние формации народного быта, в песнях, сказках и разнообразных видах искусственной письменной словесности.

Так рост языка приводился в органическую связь с развитием народного быта, а письменная литература — в генетическую зависимость от устной народной словесности. У грамматики открывалась бытовая основа, у произведений личного гения отыскивалась безличная и безымянная народная генеалогия... История литературы получала совсем другой научный склад и характер: из критико-библиографического обзора отдельных памятников письменности без внутренней связи, без указания народных источников литературного творчества она...¹ в картину народного духа и быта, насколько она в памятниках устной и письменной словесности и искусства».

В архиве Ключевского сохранился его студенческий конспект курса Ф. И. Буслаева по древнерусской литературе 1862/63 учебного года (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 120, л. 4—20об. Автограф. Чернила).

¹ [Далее полторы страницы оставлены чистыми, после чего идет заметка:] «/.../ Недостаточно подумал об этом. Потому отмечу лишь то, что испытал на первых шагах по пути изучения русской истории /.../»

² [Буслаев Ф. И. Эпическая поэзия // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Русская народная поэзия. Т. I. СПб., 1861. С. 1—77].

³ [Далее следовала заметка]: «Статья вводила в круг понятий, внушавших совсем непривычные представления о содержании, границах и приемах изучения той отрасли знания, которую мы называли историей словесности».

⁴ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. С. 355.

⁵ [Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1872. № 10. С. 653—654].

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

I. «Русская история» К. Бестужева-Рюмина. [Т.] I. СПб., 1872.— Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 153—155. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 181, л. 1—4. Автограф. Чернила. На л. 1, служащем обложкой, написано карандашом: «Б[естужев]-Рюмин».

II. «Русская история» К. Бестужева-Рюмина. [Т.] I. СПб., 1872.— Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. С. 156—164. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 181, л. 5—9. Автограф. Чернила.

III. К. Н. Бестужев-Рюмин. [Некролог].— Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. С. 164—168. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 14, д. 6, л. 2—6. Автограф.

¹ Далее почти целый лист оставлен чистым.

Карандаш. Датируется по году смерти Бестужева-Рюмина. Текст предназначен Ключевским для выступления в Обществе истории и древностей российских. Существует копия, снятая Я. Л. Барсковым (ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 6).

И. Е. ЗАБЕЛИН

I. Рецензия на книгу И. Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен». Ч. I. М., 1876.—Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 170—171. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 21, д. 2, л. 50об. Автограф. Карандаш. Датируется условно по выходу 1-й части книги. Далее в деле на л. 51 и сл. отдельные отрывочные фразы. В студенческой тетради Ключевского 1860-х гг. среди конспектов, выписок из источников, библиографических заметок находятся «Заметки об образовании и устройстве древней Москвы (Домашний быт русских царей И. Забелина. 1862)» — ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 120, л. 57—58.

II. Рецензия на книгу И. Е. Забелина «История русской жизни с древнейших времен». Ч. 2. М., 1879.—Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. С. 171—177. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 47—49. Датируется условно по выходу 2-й части книги. Автограф. Чернила, карандашная правка.

* г. Павинский... в своем исследовании.—Имеется в виду кн.: Павинский А. И. Полабские славяне. Историческое исследование. СПб., 1871.

Д. И. ИЛОВАЙСКИЙ И И. Е. ЗАБЕЛИН

Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 177. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 7. Автограф. Карандаш.

Н. И. КОСТОМАРОВ

Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 177—178. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 61. Автограф. Карандаш.

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

1861—[18]93 гг.

Впервые опубликовано в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 180—186. Оригинал хранится: до слов «Делам и дали идти своим естественным ходом, а сами стали нетерпе[ливо]» — ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, л. 10б.—2, а со слов «[нетер]пеливо ждать

предположенных плодов» — ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 42—45об. Автограф. Карандаш.

Основанием датировки служит текст бланка, на обороте которого написан первый лист рукописи: «Leipzig Königsstr. 3. Dec. 1902», а также упоминание Ключевского о том, что три года назад вышел IV том «Истории России» Д. И. Иловайского, где изложение доведено до царствования Михаила (1-й выпуск названного труда Иловайского вышел в 1894 г., 2-й выпуск — в 1899 г.).

Впоследствии рукопись была частично использована Ключевским в его статье «Памяти С. М. Соловьева» (1904 г.). См.: *Ключевский В. О. Сочинения*. Т. 8.

На обложке рукописи зачеркнуто: «Самоковасов высказывает ли свои собственные мнения, на основании собств[енных] исследований, или только чужие? Общую оценку можно ли основать на спорных подробностях? Разве на решении вопроса о происхождении служилой кабалы можно основать суждение о достоинстве профессора истории русского права? Оценка профессора [состоит] из следующих вопросов: 1) эрудиция, 2) цельный взгляд на предмет, 3) испытанные, надежные приемы изучения, 4) дидактическое умение. Отдайте должное обоим, но покажите, что это величины несоизмерные (гражданское право дает верх Дьяконову). Рудокоп и палеонтолог. Есть ли у Сам[оквасова] такой же подбор отзывов о Филиппове? 24 дек[абря] Самокв[асов] оценивает Дьяк[онова] меркой своих недоразумений».

Среди рукописей Ключевского есть еще один вариант введения к курсу лекций по русской историографии 2-й половины XIX в., который публикуется в приложении.

ЮБИЛЕЙ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ

Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения*. М., 1983. С. 187—196. Оригинал хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 169, л. 1—12об. Автограф. Карандаш. Датируется по году юбилея. На л. 1, служащем обложкой, карандашом: «Юбилей Чт[ений] ОИДР». На л. 14 на отдельном маленьком листике следующий текст: «Корабли не строятся 2—3 ударами топора: про то знает всем изв[естная] пословица. Хотели сразу писать историю».

Как народная жизнь создается народным [союзом—?], так и история этой жизни разрабатыв[ается]¹ учеными союзами, и как народная жизнь в сознании народа отливается в народную песнь, так и работы ученых истор[ических] союзов отпечатыв[аются]² в единоличном произведении Карамзина и Соловьева».

* у *Неустр[оева]* спр[авиться].— Речь идет о книге: *Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных*. СПб., 1874.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. К РАЗДЕЛУ «ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ»

Специальное изучение отделов

Публикуется впервые по оригиналу, который хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, л. 4—5об. Автограф. Карандаш.

¹ *Над зачеркнутым:* создается.

² *Над строкой:* отливается.

Источники (курс 1894 г.)

Фрагменты к первой лекции курса «Источники русской истории» впервые были опубликованы в кн.: *Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М., 1959. С. 477—481.* Оригиналы хранятся в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 29—29об., 11—12об.; ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 87, л. 28—29. Автограф. Карандаш.

II. К РАЗДЕЛУ «ИСТОРИОГРАФИЯ»

Киевский Синописис [И. Гизеля].

Ядро Российской истории [А. И. Манкиева] (фрагмент)

Датируется на основании записи Ключевского о том, что по данной теме им была прочитана лекция 31 октября 1891 г. Полностью рукопись представляет собой краткие конспекты Ключевского «Синописиса» Иннокентия Гизеля и «Ядра Российской истории» А. И. Манкиева, а также сравнительную характеристику этих памятников, которая впервые публикуется в настоящем издании. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

Время Петра I

Публикуется впервые по оригиналу, который хранится в ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 91, д. 16—19. Автограф. Карандаш.

* *Отзыв Соловьева.*—Речь идет о труде С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

* *Коял[ович].*—Имеется в виду кн.: *Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.*

* *Бест[ужев-Рюмин].*—Имеется в виду кн.: *Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. I. СПб., 1872.*

* *Пек[арский].*—Имеется в виду кн.: *Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.*

* ...через *С. Пуф[фендор]фа Пбрг. 1718 и 1724.*—Речь идет о кн.: *Пуффендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718; Он же. О должности человека и гражданина. СПб., 1724.*

* ...плана *Истории Тат[ище]ва*.—Имеется в виду кн.: *Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен...* Кн. I. Ч. 1—2. М., 1768—1769.

Опыт новой истории

Публикуется впервые по оригиналу, который хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 105—111. Автограф. Карандаш.

* *Сол[овьев]*.—Здесь и далее речь идет о труде С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

* *Содержание речи Миллера*.—Имеется в виду речь Г.-Ф. Миллера «О происхождении народа и имени российского».

* *Коял[ович]*.—Имеется в виду кн.: *Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям*. СПб., 1884.

* *Галах[ов]*.—Имеется в виду кн.: *Галахов А. История русской словесности, древней и новой*. Т. I. СПб., 1863.

* *Пек[арский]*.—Имеется в виду кн.: *Пекарский П. П. История императорской Академии наук*. Т. I. СПб., 1870.

* *Калач[ов]*.—Имеется в виду издание «Архив историко-юридических сведений». Изд. Н. Калачов. Кн. II, пол. I. М., 1855, отд. III, где была напечатана работа С. М. Соловьева «Писатели русской истории XVIII века».

* *Бест[ужев-Рюмин]*.—Имеется в виду кн.: *Бестужев-Рюмин К. Н. История России*. Т. I. СПб., 1872.

* *С[оловьев] у Калач[ова, кн.] II, [ч.] I*.—Речь идет о работе С. М. Соловьева «Писатели русской истории XVIII века» (см. выше). Полемика в «Зрителе» — об этом см. лекцию III курса В. О. Ключевского по русской историографии (с. 199—200 настоящего издания).

* *Солов[ьев] «Шлёцер»*.—Речь идет о работе: *Соловьев С. М. Шлёцер и антиисторическое направление* // *Русский вестник*. 1857. Т. VIII.

Древняя и новая Россия

Все три наброска впервые были опубликованы в кн.: *Ключевский В. О. Неопубликованные произведения*. М., 1983. С. 355—364. Оригиналы хранятся в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 3, л. 5—11об., 13, 1—3об., 12—12об. Автограф. Чернила. Карандаш.

* *О повреждении нравов кн. Щербатова*.—Имеется в виду записка: *Щербатов М. М. О повреждении нравов в России*. Лондон, 1858.

* *«Мысли о России» неизвестного автора* — опубликованы: *Вестник Европы*. 1807. Т. 31.

* *Л[еклерк]*.—Имеется в виду кн.: *Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя Россия господина Леклерка*. Т. I—II. [СПб.,] 1788.

* *Княгиня Дашкова в 1780 г. (Записки)*.—Имеется в виду кн.: *Записки княгини Е. Р. Дашковой*. Лондон, 1859.

* *Богданович и Закон. Сол[овьев]*.—Имеется в виду упоминание С. М. Соловьева в «Истории России с древнейших времен» (Т. 26. М., 1876. С. 331) о том, что Богданович в 1761 г. опубликовал «стихотворение «Закон», направленное против — закона!».

ВВЕДЕНИЕ В КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 2-й ПОЛОВИНЫ XIX в.

Впервые опубликовано в кн.: *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 364—366. Оригинал хранится в ОР ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2, л. 40—41. Автограф. Чернила.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авраамий Палицын *см.* Палицын
 Авраамий
 Авраамий Смоленский, св. 67
 Авраамка, летописец 450
 Адам Селлий, монах, датчанин 226, 472
 Адашев Алексей Федорович, окольничий 391, 439
 Александр, кн. *см.* Александр Михайлович, вел. кн. тверской
 Александр I, имп. 164, 182, 229, 277, 352, 399, 400, 417, 477
 Александр II, имп. 341, 384
 Александр Македонский 51
 Александр Михайлович, сын Михаила Ярославича, вел. кн. тверской 101, 102, 450
 Александр Ошевенский, св. 73
 Александр Тверской *см.* Александр Михайлович, вел. кн. тверской
 Александр Ярославич Невский, кн. 67, 85, 101, 102, 450
 Александров В. А. 434, 442
 Алексей, митрополит 64
 Алексей, царевич, сын Петра I 294
 Алексей Комнин, визант. имп. 46
 Алексей Михайлович, царь 220, 313, 340, 392, 403, 409, 466
 Амартол *см.* Георгий Амартол
 Алкивиад, афин. полит. деятель и полководец 230
 Ампер Ж. Ж. А., фр. историк литературы 304, 307
 Андрей Первозванный, апостол 191
 Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. 31, 209, 317, 318, 480
 Анна Ивановна (Иоанновна), имп. 21, 191, 412
 Антокольский М. М. 380
 Антонович В. Б. 372
 Араго Д. Ф. Ж., фр. ученый и полит. деятель 304
 Аристов Н. Я. 455, 456
 Аристотель, др.-греч. философ 368, 409
 Аскольд, кн. 45, 266, 286
 Аттила, предвод. гуннов 372
 Афанасьев А. Н. 367
 Бабст И. К. 298
 Байер Г. З., историк и филолог,

- член Петерб. Академии наук
6, 144—148, 182, 185—187,
190, 192, 232, 412, 441, 445,
465, 467, 468, 473
- Барков И. С., переводчик и поэт
419
- Бароний Цезарь, ит. историк
церкви 410
- Барсков Я. Л. 485
- Барсов А. А. 204—206, 396
- Барсов Е. В. 55, 78, 134
- Барсов Н. П. 448
- Барсуков Н. П. 294, 296, 449,
460, 477
- Батый, золотоордынский хан 68
- Башилов Семен, издатель и пере-
водчик 229
- Баязид (Баязет), тур. султан
408
- Бейль (Бэйль) Пьер, фр. публи-
цист и философ 182, 210, 240,
243, 270, 472
- Беллармин (Беллярмин) Роберт,
ит. богослов 210
- Бельский Богдан Яковлевич,
дворянин 168, 169
- Бельский Мартин (Марцин),
польск. хронист 51, 52, 451
- Беляев И. Д. 306, 398, 403
- Бередников Я. И. 27—31, 435
- Бережков М. Н. 403
- Беринг В. И., мореплаватель 188
- Бессонов П. А. 367
- Бестужев-Рюмин К. Н. 278, 279,
352—370, 410, 413, 418, 433,
434, 446, 450, 471, 475, 477, 484,
485, 487, 488
- Бирон Э. И., граф, фаворит имп.
Анны Ивановны 200, 245
- Блюментрост (Блументрост) Л. Л.,
первый президент Петерб.
Академии наук 185, 187,
467
- Богдан Хмельницкий см. Хмель-
ницкий Богдан
- Богданович И. Ф., поэт 424, 489
- Богишич В. В., серб. ученый,
историк права 89
- Боден Жан, фр. историк 210, 240
- Бодянский О. М. 306, 451
- Болеслав Семовитович, кн. мазо-
вецкий 12
- Болотников Иван Исаевич, пред-
вод. крест. восстания 166
- Болтин И. Н., гос. деятель и
историк 204—206, 209—215,
217—221, 234, 235, 239—245,
247—251, 253—258, 260—267,
270—273, 396, 418, 422, 425,
427, 428, 439—441, 444—446,
472—474, 488
- Бомануар Ф. де Реми, фр.
юрист, один из первых теоре-
тиков права 240
- Борис Александрович, кн. твер-
ской 35, 36
- Борис Владимирович, кн. ростов-
ский 63, 66, 407, 452
- Борис Данилович, кн., сын кн.
московского Даниила Алек-
сандровича 32
- Борис Федорович Годунов, царь
56, 59, 134, 160, 163, 168—
170, 172—177, 284, 451
- Бужинский Гавриил, церк. де-
ятель, писатель и переводчик
411
- Булыгин И. А. 433
- Бурье, фр.-гувернер при детях
К. Г. Разумовского 227
- Буслаев Ф. И. 321, 322, 345—351,
366, 367, 482, 484
- Буссов Конрад, нем. хронист 403
- Буше Жан, фр. историк и бого-
слов 240
- Бычков А. Ф. 304
- Бюшинг Антон Фридрих, нем.
ученый, проф. Геттингенско-
го ун-та 224
- Вадим, новгородец 37
- Вирлаам Важский, св. 74

- Варлаам Хутынский, св. 67
 Василий, инок, автор «Жития» 65
 Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский 102
 Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 64, 68, 74
 Василий III Иванович, вел. кн. московский 38, 134, 403
 Василий Иванович Шуйский, царь 125, 135, 163, 166, 167, 170—174, 176
 Василий Кожя см. Кожя В. А.
 Василий I Македонянин, визант. имп. 85
 Василий II Болгаробойца, визант. имп. 450
 Васильевский В. Г. 143, 446, 464, 465
 Василько Ростиславич, кн. теребовльский 35, 407
 Вассиан Косой (Василий Иванович Патрикеев, кн.), публицист 64, 65, 75, 451
 Велес (Волос), языч. божество 288
 Вельямис, симбирский мурза 20
 Вико Джамбаттиста, ит. философ 308
 Вителлий, рим. имп. 41
 Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховской 97
 Владимир Василькович, кн. волинский 12
 Владимир Всеволодович Мономах. кн. 13, 26, 97, 145, 391, 408, 449, 453—455, 457
 Владимир Святославич Святой, кн. 37, 63, 67, 78, 137, 270, 287, 407, 450, 459
 Владимирский-Буданов М. Ф. 462, 463
 Владислав, польск. королевич 167, 172
 Волос см. Велес
 Вольней Константин, фр. ученый и писатель, ориенталист 270
 Вольтер Ф. М. А. 195, 210, 211, 240, 242, 256
 Вольф Христиан, нем. философ 182
 Воронцов М. С., кн. 100
 Воротынский Иван Алексеевич, дворецкий царя Алексея Михайловича 393
 Воротынский Михаил Иванович, кн., воевода московский 169
 Востоков А. Х. 461—463
 Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. владимирский 31, 248, 408
 Всеволод Ярославич, кн., сын Ярослава Мудрого 87
 Галахов А. Д. 412, 413, 415, 416, 418, 469, 471, 488
 Гаркави А. Я. 148, 465
 Ге Н. Н. 380
 Гедеонов С. А. 142—143, 148, 284, 446, 464
 Георгий Амартол, визант. хронист 40, 42—45, 48—50, 233
 Георгий Амастридский, св. 148, 465
 Георгий Кедрин, визант. хронист 147
 Герберштейн Сигизмунд, герм. дипломат 186, 403
 Гермоген, патриарх московский 163, 167, 172—174
 Геро де-Сешель Мари Жан, деятель Вел. фр. революции 368
 Геродот, др.-греч. историк 333, 373
 Герцен А. И. 296, 301, 476, 477
 Герье В. И. 321, 437, 475
 Гиббон Эдуард, англ. историк 270

- Гизель Иннокентий, историк, деятель укр. культуры 408, 438, 439, 443, 487
 Гизо Франсуа, фр. историк 307, 308, 323, 360, 364
 Гинцбург А. Б. 448, 460, 463
 Глеб Владимирович, кн. муромский 63, 66, 407, 452
 Глюк Эрнест, пастор 188
 Гмелин Самуэль Готлиб, путешественник, натуралист 188
 Гоббс (Гоббес) Томас, англ. философ 411, 412
 Гоголь Н. В. 251, 284
 Годунов *см.* Борис Федорович Годунов
 Голиков И. И. 198
 Голицын, кн. 279
 Голицын Д. А., кн. 193
 Головачев Г. 472
 Головкин Г. И., граф, гос. деятель 213, 411
 Голубцов А. П. 163
 Гомер, легендарн. др.-греч. поэт 225
 Горский А. В. 367
 Гостомысл, легендарн. предвод. новгородск. словен 52, 145, 186, 465, 467
 Готье Ю. В. 432, 433
 Градовский А. Д. 365
 Грановский Т. Н. 298—302, 304, 306, 321, 366, 368, 475—477, 482
 Грибоедов Федор Иоакимович, дьяк, писатель 409, 410, 438, 445
 Григорий, писец 450
 Григорий Назианзин (Григорий Богослов), церк. деятель 92
 Григорий (Гришка) Отрепьев *см.* Лжедмитрий I
 Григорьев В. В. 304
 Гримм Фридрих, писатель и дипломат, корреспондент Екатерины II 265
 Гроций Гуго, голл. юрист 410, 411
 Гутенберг Иоганн, нем. изобретатель книгопечатания 408
 Далин Олаф, швед. историк и поэт 265
 Даль В. И. 367
 Даниил, митрополит 64, 451
 Даниил Александрович, кн. московский, сын Александра Невского 409
 Даниил Романович, кн. галицкий 312
 Данилевский Н. Я. 356
 Даниловичи, княжеская ветвь 125
 Дашкова Екатерина Романовна, княгиня, президент Российской Академии 200, 416, 424, 426, 488
 Делагарди Якоб, граф, швед. полководец и гос. деятель 170, 409
 Дендро Дени, фр. философ и писатель 206
 Дмитрий, царевич, сын Ивана IV 59, 123, 168
 Дмитрий Александрович, кн., сын Александра Невского 85
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 35, 97
 Дмитрий Михайлович Грозные Очи, вел. кн. тверской 450
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. 64, 77
 Диндорф Людвиг, нем. ученый, издатель 41
 Дионисий, епископ суздальский 460
 Лир, кн. 45, 286
 Дитмар *см.* Титмар Мерзебургский
 Дмитриев Ф. М. 298, 367
 Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич, граф 218

- Добровский Йозеф, чеш. ученый, один из основателей славяноведения 284
- Дон-Кихот, лит. персонаж 242
- Досифей, митрополит 294
- Душан см. Стефан Душан
- Дьяконов М. А. 486
- Екатерина I Алексеевна, имп. 185, 188
- Екатерина II Алексеевна, имп. 25, 178, 193, 196, 198, 199, 201, 203—208, 211, 219, 220, 225, 229, 235, 236, 240, 252, 263—267, 270, 271, 277, 336, 394, 396, 400, 415—418, 421, 426, 428, 439, 471, 478
- Елизавета Петровна, имп. 189, 191, 196—199, 203, 211, 393, 413—415, 421, 467, 470
- Елифаний Премудрый, церк. писатель 67, 74
- Ефрем Новоторжский, св. 76
- Ефросинья (Офросинья) Онаньи́на дочь, жена Иева Ерофеева сына 17
- Ешевский С. В. 321
- Жуковский В. А. 284
- Забелин И. Е. 143, 148, 162, 163, 294, 367, 371—379, 388, 390, 398, 446, 464—466, 485
- Завадовский Петр Васильевич, гос. деятель 389
- Залуский Иосиф Андрей, польск. ученый, церк. и гос. деятель 451
- Зимин А. А. 434, 442, 443
- Зими́на В. Г. 447
- Знаменский П. В. 163, 466
- Зонара см. Иоанн Зонара
- Иаков, монах 67, 452
- Иафет, библия. 410
- Иван I Данилович Калита, вел. кн. московский 36, 102, 158, 408, 481
- Иван (Иоанн) III Васильевич, вел. кн. московский 26, 35, 38, 77, 102, 180, 207, 221, 229, 358, 403
- Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный, царь 26, 53—56, 59, 65, 125, 134, 149, 153, 160—162, 167, 168, 177, 258, 292, 295, 318, 380, 391, 392, 403, 411, 435, 445, 449, 451, 469
- Иван (Иоанн) V Алексеевич, царь, брат Петра I 408
- Иван Афанасьевич Немир, новгородский посадник 77
- Иван Иванович, царевич, сын Ивана Грозного 168
- Иван Дукс см. Хворостинин И. А.
- Иван Иевлев, сын Иева Ерофеева сына 17
- Иван Коляга см. Коляга Иван
- Иван Михайлович, кн. тверской 35, 36
- Иван Чудинович, боярин черниговский 97
- Иванов Г. А. 322
- Иванов Н. А. 434
- Игорь, вел. кн. киевский 45, 55, 142, 288
- Иев Ерофеев сын, новгородец 17
- Изяслав Ярославич, кн., сын Ярослава Мудрого 87, 88
- Иларион, митрополит 67, 452
- Иловайский Д. И. 137, 139, 141—143, 379, 388, 446, 449, 464, 465, 471, 485, 486
- Иоанн I, митрополит 452
- Иоанн Богослов, библия. 462
- Иоанн Златоуст, визант. церк. деятель 61
- Иоанн Зонара, визант. хронист 40, 46, 48, 50, 450

- Иоанн Малала, визант. летописец 40—42, 48
 Иоанн Слейдан *см.* Слейдан Иоганн
 Иов, патриарх 131
 Иона, митрополит 65
 Ире Юхан, швед. лингвист 224
 Исидор, митрополит новгородский 126, 161, 167

 Кавеллин К. Д. 298, 301, 302, 306, 366, 367, 402, 477
 Кадлубек (Кадлубка) Винцентий (Викентий), польск. хронист 467
 Казимир IV Ягеллончик, вел. кн. литовский, король польск. 103, 462
 Калайдович К. Ф. 397, 398, 471
 Калачов Н. В. 372, 412—414, 444, 448, 455, 470, 488
 Калита *см.* Иван Калита
 Кантемир А. Д. 183
 Карамзин Н. М. 54, 149, 156, 157, 196, 205, 208, 210, 221, 230, 234, 253, 262, 274—279, 283, 284, 286, 310, 313, 344, 359, 368, 389, 397, 402, 440, 448, 449, 454, 475, 479—481, 486
 Карл Великий, франкский король, затем имп. 376
 аль-Катиб *см.* ал Якуби
 Катон Марк Порций Младший, полит. деятель Древн. Рима 9
 Катырев-Ростовский Иван Михайлович, кн. 57, 129, 161
 Катырев-Ростовский Михаил Петрович, кн. 56, 57
 Кауниц Венцель Антон, австр. гос. деятель и дипломат 200
 Каченовский М. Т. 28, 30, 220, 284, 478
 Кедрин *см.* Георгий Кедрин
 Кий, легендарн. основатель Киева 181
 Кинэ Эдгар, фр. историк 304, 307
 Киприан, митрополит 67, 460
 Киреева Р. А. 431—447, 466
 Киреевский П. В. 367
 Клеванов Александр С. 306
 Клеманжи Матье Никола, фр. богослов 240
 Климент, архиепископ новгородский 85
 Климент Охридский, болгар. писатель и просветитель 141
 Ключевский Борис В., сын В. О. Ключевского 370
 Кожа Василий Ананьин сын, землевладелец Кашинского уезда 64
 Козлов Иван Иванович, генерал-рекетмейстер 229
 Колачник (Калачник) Федор, обличитель самозванца 176
 Коляга Иван, землевладелец Кашинского уезда 64
 Конрад (Кондрат) Семовитович, кн. мазовецкий 12
 Конрад Ликостен *см.* Ликосфен
 Конрад
 Конринг Герман, нем. ученый, основатель истории герм. права 240
 Константин, кн. *см.* Константин Дмитриевич, кн.
 Константин (Коснячко), боярин киевский, тысяцкий 87
 Константин Дмитриевич, кн., брат вел. кн. московского Василия Дмитриевича 101, 102
 Константин Манассия, визант. хронист 40, 45, 48—50, 450
 Кончака, сестра золотоордынского хана Узбека, жена московского кн. Юрия Даниловича 32, 33
 Коснячко *см.* Константин
 Костомаров Н. И. 142, 354, 364—366, 379, 380, 402, 403, 434, 461, 464, 486

- Котошихин Г. К. 82, 163, 170, 407, 432, 467
 Коялович М. О. 278, 279, 410, 412, 449, 468, 475, 487, 488
 Крашенинников С. П., исследователь Камчатки 469
 Крекшин П. Н., автор записок о Петре I 189, 203, 235, 418
 Крижанич Юрий, писатель 168
 Кромер Марцин, польск. хронист 410
 Крюков Д. Л. 303
 Ксения, дочь Бориса Годунова 56, 168, 170
 Кубасов Сергей Иевлевич, предполагаемый составитель одного из хронографов XVII в. 54—57
 Кудрявцев Тимофей, дьяк 392, 393, 439
 Кудрявцев П. Н. 301, 321, 366
 Куник А. А. (Kunik Ernst Eduard) 143, 464, 465
 Куракин Борис Иванович, кн. 441
 Курбский Андрей Михайлович, кн. 66, 153, 447, 466
 Ламбин Н. П. 143, 464, 465
 Ланге Н. И. 455
 Лашнюков И. В. 434
 Левек Пьер Шарль, фр. историк 242
 Лейбниц Г. В., нем. философ 182
 Леклерк Н. Г., автор записок о России 205, 211—213, 241—244, 252, 253, 258, 263, 265, 422, 425, 427, 472, 474, 488
 Лелевель Иоахим, польск. историк и общ. деятель 274
 Ленорман Шарль, фр. историк и археолог 304, 307
 Леонтьев П. М. 321
 Лжедмитрий I (Отрепьев Григорий, Расстрига), самозванец 55, 56, 59, 163, 166, 167, 169, 170, 176
 Ливий Тит, др.-рим. историк 195
 Ликосфен (Ликостен) Конрад 52
 Линней Карл, швед. естествоиспытатель 472
 Лисовский, польск. полковник 135
 Литвин Михалон см. Михалон Литвин 403
 Лихачев Алексей Тимофеевич, окольничий 409
 Лихуды И. и С., братья греки, деятели просвещения 442
 Локк Джон, англ. философ 179, 412
 Ломоносов М. В. 189—197, 199, 201, 213, 226, 228, 247, 257, 268, 269, 276, 294, 412—416, 439, 445, 469, 470, 472, 473
 Лорьер Е. Я. де, фр. правовед 240
 Львов Алексей Михайлович, кн., боярин 393
 Людовик Немецкий, король Вост. Франкского королевства 377
 Ляпунов Прокопий Петрович, глава ополчения 451
 Мавро Орбини см. Орбини Мавро
 Макарий (Булгаков М. П.), митрополит, историк церкви 367, 452, 460
 Макарий, митрополит московский, писатель 63, 66, 392
 Макарий Желтоводский, св. 135
 Макарий Колязинский (Калязинский) 62, 64, 75
 Маколей Томас Бабингтон, англ. историк 368
 Максимович М. А. 367
 Малиновский А. Ф. 397
 Малфрида, жена кн. Владимира Святославича 270

- Мамонов *см.* Дмитриев-Мамонов А. М.
- Манассия *см.* Константин Манассия
- Манкиев Алексей Ильич, дипломат и историк 408, 439, 443, 445, 487
- Маржерет Жак, фр. ландскнехт 403
- Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I 170
- Маркевич А. И. 132
- Мартин Бельский *см.* Бельский Мартин
- Матвей *см.* Макарий Колязинский
- Мерсье Луи Себастьян, фр. писатель 211, 240
- Миллер Герард Фридрих 6, 144, 146, 185, 187—194, 207, 221, 222, 224—226, 233, 235, 236, 394, 396, 399, 412, 413, 415, 417, 419, 441, 444, 468, 469, 488
- Милоков П. Н. 388
- Минин Кузьма Захарович, глава ополчения 162, 466
- Минос, легендарн. царь Кноса, по преданию первый законодатель на Крите 368
- Мирослав, боярин киевский, дружинник Владимира Мономаха 97
- Мисаил, иеромонах, писец 57
- Михаил III, визант. имп. 43—45
- Михаил Александрович, кн. тверской 15, 35
- Михаил Александрович, кн. черниговский 207
- Михаил Борисович, кн. тверской 450
- Михаил Клопский, св. 77
- Михаил Федорович Романов, царь 52, 55, 56, 58, 123, 126, 127, 133, 161, 163, 167, 168, 172, 180, 208, 258, 388, 391, 403, 451, 486
- Михаил Ярославич, кн. тверской 32
- Михалон Литвин, мемуарист 403
- Михаэлис Иоанн Давид, ориенталист, профессор Геттингенского университета 223, 224, 228, 233
- Мицкевич Адам, польск. поэт; в 1840—1844 гг. читал лекции в Париже 304
- Мишле Жюль, фр. историк 304, 307
- Моммзен Теодор, нем. историк 9
- Монтескье Ш. Л., фр. философ, просветитель 218, 240
- Мордвинов А. С., корреспондент Екатерины II 471
- Мосох, сын Иофета, библ. 410
- Мотягин Матвей Васильевич, новгородский помещик 17
- Мстислав Владимирович, вел. кн. киевский 10
- Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. смоленский и новгородский 312
- Мурзакевич Н. Н. 101, 102, 104, 107, 111, 118, 450, 460—463
- Мусин-Пушкин А. И. 201, 203, 204, 206, 221, 231, 236—238, 241, 263—265, 271, 396, 418, 441
- Нажир, боярин киевский, дружинник Владимира Мономаха 97
- Наполеон I 156, 440
- Неандер Август, нем. историк церкви 304
- Неволин К. А. 365, 402
- Невоструев К. И. 367
- Немезида, богиня возмездия в греч. мифологии 327
- Неплюев Иван Иванович, гос. деятель и дипломат 198, 415

- Нестор, монах Киево-Печерского монастыря, др.-рус. историк и публицист, летописец 66, 67, 180, 181, 204, 230—234, 265, 389, 413, 473, 475
- Неустроев А. Н. 396, 486
- Нечкина М. В. 433, 443
- Никита Пафлагонский (Пафлагон), визант. ученый 148
- Никита Переяславский, св. 168
- Никитенко А. В. 477
- Никитский А. И. 403, 460
- Никифор, боярин киевский, тысяцкий 87
- Никифор III Вотаниат, визант. имп. 45, 50
- Николай I, имп. 417
- Никон, патриарх московский 34, 393
- Новиков Н. И. 201, 203, 204, 226, 241, 246, 395, 396, 418, 419, 445
- Ной, библ. 257
- Ньютон Исаак 179
- Оболенские, князья 207
- Оболенский М. А. 31, 147, 471
- Олеарий Адам, нем. ученый и путешественник 82
- Олег, кн. киевский 141, 142, 288
- Олег Святославич, кн. черниговский 97
- Ольга, княгиня 63, 288, 409
- Ольгерд, вел. кн. литовский 63
- Орбини Мавро, долматинский историк, родоначальник югославянской истор. науки 410
- Орев см. Ор (Орь)
- Орлов Григорий Григорьевич, граф 203, 418
- Остерман Андрей Иванович, граф, гос. деятель, дипломат 185
- Ор (Орь), песенник 13
- Павел I Петрович, вел. кн., затем имп. 413
- Павиньский (Павинский) Адольф И., польск. историк 377, 485
- Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря 129, 134, 161, 162, 166, 168, 173—177, 391, 392, 403, 408, 442, 445, 466
- Патрикеевы, князья 64
- Патэн А. Ж. Г., фр. филолог 307
- Пауз Иоанн Вернер, педагог, переводчик 186, 188
- Пахомий, архиепископ астраханский 54, 57, 451
- Пахомий Серб, по прозвищу Логофет, писатель 62, 68, 69
- Пекарский П. П. 410—413, 419, 449, 467—469, 472, 487, 488
- Перенег, боярин, тысяцкий 87
- Перун, языч. божество 288
- Петр I Великий 25, 145, 178, 182—184, 188, 195—198, 200—203, 207, 208, 212, 213, 218—220, 235, 242, 246, 276, 277, 279, 284, 292, 294, 299, 301, 302, 310, 319, 336—338, 341—343, 380, 403, 408, 410, 413, 415, 420—423, 426, 428, 439, 440, 443, 445, 469, 476, 481, 487
- Петр II Алексеевич 421
- Петр, митрополит 63, 67, 69, 71
- Петрушевич А. С. 449
- Пичета В. И. 432, 433
- Плавильщиков П. А. 199, 200
- Платон, др.-греч. философ 409
- Платонов И. 455
- Платонов С. Ф. 122—135, 161—163, 436, 451, 463, 464, 466
- Плюшкин, лит. персонаж 237
- Победоносцев К. П. 367
- Погодин М. П. 137, 140, 142, 143, 280—297, 300, 304, 333, 398, 402, 446, 460, 464, 465, 475, 477

- Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., глава ополчения 162, 409, 466
- Полибий, др.-греч. историк 409
- Полевой Н. А. 314, 368, 479, 480
- Полунин Ф. А. 469
- Попов А. Н. 47, 50, 54, 55, 58, 127, 130, 134, 182, 450, 451, 464, 466
- Попов Нил А. 482
- Поповский Н. Н. 204
- Порфирий, преосвященный 45
- Посошков И. Т. 342
- Потгицер (Потгизер) Иоахим, средневек. историк права 210, 240
- Потемкин Григорий Александрович, кн., гос. и воен. деятель 210, 242, 249
- Прозоровский Д. И. 460
- Прокопий, тысяцкий белгородский 97
- Прокопий Кесарийский, визант. историк 191
- Прокопович Феофан, гос. и церк. деятель, публицист 185, 226, 442
- Прокофий Иевлев, сын Ерофея сына 17
- Прохор, епископ ростовский 67
- Птолемей (Птоломей) Клавдий, др.-греч. географ 375, 414
- Пугачев Емельян Иванович, предвод. Крестьянской войны 331, 336
- Пуфендорф (Пуффендорф) Самуэль, нем. правовед и историк 411, 412, 487
- Пушкарев Л. Н. 433
- Пушкин А. С. 277, 284, 293, 474, 475
- Пыпин А. Н. 367
- Рагнар Лодброк, легендарн. др.-сканд. герой 267
- Рагузинский-Владиславич Савва Лукич, гос. деятель и дипломат 410
- Разин Степан Тимофеевич, предвод. Крестьянской войны 380
- Разумовский Кирилл Григорьевич, граф, президент Петерб. Академии наук 189, 211, 227, 470
- Ратибор, тысяцкий киевский 97
- Рауль-Рошетт Дезире, фр. археолог 304
- Рейналь Гийом Томас Франсуа, фр. историк и социолог 240
- Реклю Жан Элизе, фр. географ, социолог 334
- Рогнеда, полоцкая княгиня 37
- Роман Мстиславич, кн. галицко-волынский 13
- Романов Федор Никитич *см.* Филарет
- Романовы, бояр. род, затем царская и императорская династия 161, 174, 175, 310, 313, 408
- Россье С.-Илер, фр. историк античности 307
- Ростислав Мстиславич, кн. смоленский 89, 90
- Ртищев Федор Михайлович, окольничий 168
- Румянцев Николай Петрович, граф, гос. деятель, дипломат 284, 389, 399, 400
- Руссо Ж. Ж., фр. писатель и философ 240, 276, 278, 279
- Рыбников П. Н. 367
- Рюрик, кн. 37, 52, 137, 146, 165, 186, 197, 198, 256, 257, 265—267, 288, 314, 408, 412, 414, 465, 467
- Савва Крыпецкий, св. 62, 65
- Савва Рагузинский *см.* Рагузинский Владиславич С. Л.
- Салтыков-Щедрин М. Е. 385

- Самоковасов Д. Я. 486
 Сахаров И. П. 367, 368
 Святополк Владимирович Окаянный, кн., сын Владимира Святославича 85—97, 454
 Святослав Игоревич, кн. 287, 288, 468
 Святослав Ярославич, кн., сын Ярослава Мудрого 87
 Селлий *см.* Адам Селлий
 Семенов Тянь-Шанский П. П. 451
 Сенак де Мельян, фр. эмигрант XVIII в. 471
 Сенковский О. И. 294
 Сен-Марк Жирарден, фр. историк литературы 307
 Сергеевич В. И. 402
 Сергей Радонежский, св., церк. и полит. деятель 67, 74
 Сигизмунд I Старый, вел. кн. литовский и король польск. 403
 Сигизмунд II Август, вел. кн. литовский и король польск. 403
 Сигизмунд III Ваза, король польск., вел. кн. литовский 124, 162, 173
 Сильвестр Выдубицкий, игумен, писатель и церк. деятель 145, 181
 Сильвестр Медведев, священник, полит. деятель и писатель 442
 Симеон Полоцкий, поэт, ученый 409
 Симон Жюль Франсуа, фр. публицист и философ 304, 307
 Синеус, легендарн. кн. 187
 Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, кн. 59, 172
 Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич 411
 Слейдан Иоганн, нем. историограф 410
 Смирдин А., издатель 471
 Смит, историк 270
 Снегирев И. М. 367
 Снорри Стурлусон (Снорро Стурлезон), исланд. поэт-скальд 147
 Соловьев Михаил Васильевич, протоиерей, отец С. М. Соловьева 303
 Соловьев С. М. 148, 174, 182, 183, 210, 214, 230, 262, 298, 302—344, 354, 359, 364—368, 388, 402, 403, 409—414, 418, 424, 434, 440, 450, 467, 468, 470—473, 477—482, 486—489
 Сопиков В. С. 203, 418
 Софья Алексеевна, царица 338
 Станислав, тысяцкий переяславский 97
 Степан (Стенька) Разин *см.* Разин Степан
 Стефан Баторий, король польск. 125
 Стефан Душан, король Сербии 89
 Стефан Пермский, св., миссионер-просветитель в землях коми 67
 Стефан Сурожский, св. 148, 465
 Страбон, др.-греч. географ и историк 191
 Стратеман Вильгельм, протестант. епископ 411
 Страхов Петр Иванович 396
 Стрешнев Семен Лукьянович 393
 Строганов Александр Григорьевич, граф 304
 Строганов Сергей Григорьевич, граф, гос. деятель 304
 Строев П. М. 26—29, 398, 399, 435, 449
 Строкин Федор, воспитанник 367
 Стрыйковский Матвей, польск. хронист 393, 410, 451
 Стюарты, королев. династия в Шотландии и в Англии 179, 412

- Тамерлан *см.* Тимур
 Татищев В. Н. 30, 131, 166, 178—184, 194, 195, 221, 226, 235, 236, 267, 271, 272, 411, 412, 415—417, 439, 441, 442, 445, 466—469, 474, 488
 Тауберт И. И. 226, 227, 229, 419
 Тацит Публий Корнелий, рим. историк 372
 Теплов Григорий Николаевич, гос. деятель и писатель 229
 Терентий, протопоп Моск. Благовещенского собора 124
 Терентий Кудатов, старец 109
 Теренций Публий, рим. комедиограф 307
 Терещенко А. В. 367
 Тимендорф 45
 Терновский Ф. А. 450
 Тимофеев Иван, дьяк, полит. деятель и писатель 126, 128, 129, 133, 161, 163, 166—173, 175, 391, 445, 466
 Тимур (Тамерлан), полководец 408
 Титмар (Дитмар) Мерзебургский, епископ, нем. хронист 372
 Тихменев З., воевода 135
 Тихомиров М. Н. 433
 Тихонравов Н. С. 367
 Тредьяковский Вас. Кириллович 189—191, 194, 197, 412, 415
 Трубецкой А. Н., кн. 393
 Трубецкой Сергей Николаевич, философ, публицист, общ. деятель 476
 Тургенев Петр, дворянин, обличитель самозванца 176
 Тьерри Огюстен, фр. историк 288, 360
 Узбек, хан золотоордынский 32
 Ундольский В. М. 451
 Устрялов Н. Г. 107, 153, 466
 Устрялов Ф. 461
 Федор Алексеевич, царь 336, 409, 410, 438
 Федор Борисович Годунов, сын Бориса Годунова 173
 Федор (Феодор) Иванович (Иоаннович), царь 56, 167—169, 172, 174, 214, 392, 393
 Федор Юрьевич Шуйский *см.* Шуйский Федор Юрьевич
 Феодора, жена визант. имп. Феодила 43
 Феодорит, архиепископ рязанский 173
 Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерского монастыря 63, 66, 67, 145, 407, 468
 Феофан Прокопович *см.* Прокопович Феофан
 Феофил, визант. имп. 43
 Филарет, архиепископ Черниговский 451
 Филарет (Федор Никитич Романов), патриарх московский 125, 161, 167, 173
 Филиппов А. Н. 486
 Фишер И. Э. 468
 Флетчер Джильс, англ. дипломат 403
 Фонвизин (Фон-Визин) Д. И. 200, 246, 252, 416
 Фотий, патриарх константинопольский 45, 148
 Фукидид, др.-греч. историк 409
 Фюстель де Куланж Ньюма Дени, фр. историк 217
 Хворостинин Иван Андреевич, кн. 126, 129, 161—163, 166, 172—174, 439, 445, 466
 Хлестаков, лит. персонаж 242
 Хмельницкий Богдан Михайлович, гетман, рук. нар. освобод. войны 380
 Ходота, предводитель вятичей 13

- Холмский Даниил Дмитриевич, кн. 277
- Хордадбе (Ибн-Хордадбех), араб. хронист 148
- Цезарь Гай Юлий, рим. гос. и полит. деятель 200
- Цицерон Марк Туллий, рим. полит. деятель 9, 200, 409
- Чеботарев Харитон Андреевич 389, 396
- Чингисхан, основатель и вел. хан Монг. империи 230
- Чичерин Б. Н. 298, 302, 366, 367, 476
- Чумаченко Э. Г. 433, 434, 443
- Шаль В. Э. Ф., фр. ученый и писатель 304, 307
- Шапп д'Отерош, фр. астроном, автор путешествия в Россию 206, 211
- Шафарик Павел Йозеф, деятель словац. и чеш. нац. движения, ученый, славист 304, 333
- Шаховской Григорий Петрович, кн. 129
- Шаховской Семен Иванович, кн., гос. и полит. деятель, писатель 163
- Шварц И. Г. 395
- Шевкал см. Щелкан
- Шевырев С. П. 476
- Шейн П. В. 367
- Шекспир У. 265
- Шереметев Б. П. 469
- Шимон, тысяцкий 147
- Ширинский-Шихматов П. А., кн., гос. деятель 28
- Шлёцер А. Л. 221—234, 255, 279, 283, 287, 389, 390, 397, 418, 419, 438, 441, 444, 445, 471—473, 482, 488
- Шмидт (Шмит) Юлиан, нем. историк литературы и критик 368
- Шопен Рене, фр. юрист 240
- Штрубе де Пирмонт Фридрих Генрих 221, 222
- Шувалов А. П., граф 394—396
- Шувалов И. И., граф, гос. деятель 194, 195, 470
- Шуйский см. Василий Иванович Шуйский
- Шуйский Федор Юрьевич, кн., наместник в Пскове 461
- Шумахер Иоганн Даниил 187, 192, 412, 468
- Щеглов Д. Ф. 143, 464
- Щедрин см. Салтыков-Щедрин М. Е.
- Щелкаловы, окольничие из дьяков 169
- Щелкан (Шевкал), татарский наместник в Твери 36
- Щербатов М. М. 26, 204, 205, 207—210, 213, 216, 218—221, 241—243, 248, 256, 261, 263—265, 269, 272, 368, 396, 419—422, 424, 427, 428, 471, 474, 488
- Эверс И. Ф. Г. 284, 455
- Эйлер Леонард, член Петерб. Академии наук 187
- Эйнерлинг И. Ф., издатель 451
- Энгельман И. 106, 113, 462
- Юлиан Шмит см. Шмидт Юлиан
- Юрий Владимирович Долгорукий, кн. 209
- Юрий Данилович, кн. московский 32, 33
- Юрий Дмитриевич, кн., сын Дмитрия Донского 64
- Юстиниан, визант. имп. 40, 41, 190
- Ягеллоны, династия польск. королей и вел. кн. литовских
- Языков Д. И. 473
- ал Якуби (аль Катиб, аль Йаку-

би), араб. историк и географ 148	195, 209, 275, 286—288, 290, 292, 311, 312, 316, 358, 364, 402, 480
Якун, кн. варяжский 465	
Ярослав Васильевич, кн., наместник в Новгороде 460	Ярослав Всеволодович, вел. кн. владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо 31
Ярослав Владимирович, кн. псковский 108	Ярослав Ярославич, кн. тверской, сын Ярослава Всеволодовича 101
Ярослав I Владимирович Мудрый, кн. 85—87, 90, 145, 147,	

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕКЦИЯ

I

(ФРАГМЕНТ)

Источники русской истории и степень их научной разработки. Понятие и виды исторической критики. Зависимость задач и приемов исторической критики от свойств исторических источников и состояние их разработки. Особые задачи русской исторической критики. Перспективы русских исторических источников.

5

ЛЕКЦИЯ

II

Особенности изучения русских источников. Трудность прочтения. Трудность лексики. Изучение летописей. Трудность их понимания. Задачи критики летописей.

10

ЛЕКЦИЯ

III

Акты. Трудности их изучения. Задачи критики источников.

16

ЛЕКЦИЯ

IV

Виды источников. Задача курса. Порядок обзора источников. Летописи. Начало их издания. Деятельность П. М. Строева.

22

ЛЕКЦИЯ

V

Археографическая экспедиция. Археографическая комиссия. План издания летописей. Начало издания Полного собрания русских летописей. Я. И. Бередников. Новгородская IV летопись. Псковские летописи. Издание Московских летописных сводов.

27

ЛЕКЦИЯ

VI

Софийские летописи. Воскресенская летопись. Тверская летопись. Обзор московских летописей. Ход летописного дела.

34

ЛЕКЦИЯ

VII

Хронограф. Иоанн Малала. Георгий Амартол. Продолжатель Амартола. Константин Манассия. Иоанн Зонара.

40

ЛЕКЦИЯ

VIII

Русские хронографы. Элтинский и Римский летописец. Первая редакция хронографа. Вторая и третья редакции хронографа. Источники хронографа второй редакции.

46

ЛЕКЦИЯ

IX

Хронографы особого состава. Хронограф Сергея Кубасова. Хронограф Пахомия. Изменения в содержании русского хронографа. Древнерусский сборник. Пролог и Четьи-Миней. Торжественники. Житийники и Патерики. Сборники смешанного состава.

54

ЛЕКЦИЯ

X

Жития святых. Церковные соборы середины XVI в. Канонизация Макария Колязинского. Житие Саввы Крыпецкого. Состав житий. Первые опыты русской агиографии. Деятельность Пахомия. Развитие агиографии в XVI—XVII вв.

62

ЛЕКЦИЯ

XI

Литературная форма житий. Житие и церковное богослужение. Наизидательная задача житий. Отношение агиографа к своему труду. Взгляды агиографа. Житие и историческая биография. Литературный стиль жития. Упадок агиографии.

70

ЛЕКЦИЯ

XII

Заключение. Летописи. Акты. Судебник 1497 г. Источники XVI в. Десятни. Писцовые и переписные книги.

78

РУССКАЯ ПРАВДА

84

ПСКОВСКАЯ ПРАВДА

100

ОТЗЫВ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ С. Ф. ПЛАТОНОВА
«ДРЕВНЕРУССКИЕ СКАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ
О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ XVII в.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»

122

ИСТОРИОГРАФИЯ

НАБРОСКИ ПО ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ

136

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ С ЦАРСТВОВАНИЯ
ИОАННА ГРОЗНОГО.
ИСТОРИОГРАФИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

149

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ КУРСА ИСТОРИОГРАФИИ
О ПАЛИЦЫНЕ, ХВОРОСТИНИНЕ

162

И. ТИМОФЕЕВ, кн. ХВОРОСТИНИН И А. ПАЛИЦЫН

166

В. Н. ТАТИЩЕВ

178

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ЛЕКЦИЯ

I

Г. З. Байер. Его трактат о варягах.
Г. Ф. Миллер. Сибирская экспедиция. Речь «О происхождении народа и имени
российского»

185

ЛЕКЦИЯ

II

Г. Ф. Миллер и варяжский вопрос. Возра-
жения Академии. Доводы М. В. Ломоносова. Дальнейшая деятельность Миллера.
В. К. Тредьяковский. М. В. Ломоносов

190

ЛЕКЦИЯ

III

Исторические труды М. В. Ломоносова. Исторические взгляды М. В. Ломоносова. Направления в историографии в середине XVIII в. Скептицизм западников. Любопусы. Стародумы. Сравнительно-апологетическое направление

196

ЛЕКЦИЯ

IV

Новые идеи. А. И. Мусин-Пушкин. Издания Н. И. Новикова

201

ЛЕКЦИЯ

V

Направления в историографии во второй половине XVIII в. Записки по русской истории Екатерины II. М. М. Щербатов. Теория историко-политической миссии дворянства. Исторические труды М. М. Щербатова. Дидактическая заметка о внутренних состояниях. И. Н. Болтин. Подготовка русско-историческая. Леклерк

205

ЛЕКЦИЯ

VI

Примечания И. Н. Болтина на книгу Леклерка. Взгляд И. Н. Болтина. Социальные явления. Исторические приемы И. Н. Болтина. Метод и тенденция. Метод И. Н. Болтина. Заключение о И. Н. Болтине

211

ЛЕКЦИЯ

VII

Историографические приемы во второй половине XVIII в. Вопрос о древней и новой России. Записка князя М. М. Щербатова. «Мысли о России»

216

ЛЕКЦИЯ

VIII

Критика исторических памятников. Штрубе де Пирмонт. А. Л. Шлёцер. Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлёцер. Изучение русских летописей...

221

ЛЕКЦИЯ

IX

А. Л. Шлёцер и Академия наук. Труды А. Л. Шлёцера. Приемы исторической критики. «Нестор». Заключение о А. Л. Шлёцере

227

И. Н. БОЛТИН

234

ПАМЯТИ И. Н. БОЛТИНА

262

Н. М. КАРАМЗИН

274

М. П. ПОГОДИН

280

ПАМЯТИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

298

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

303

С. М. СОЛОВЬЕВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

320

ПАМЯТИ С. М. СОЛОВЬЕВА

329

Ф. И. БУСЛАЕВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

345

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

352

И. Е. ЗАБЕЛИН

371

Д. И. ИЛОВАЙСКИЙ И И. Е. ЗАБЕЛИН

379

Н. И. КОСТОМАРОВ

379

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1861—1893 гг.

381

ЮБИЛЕЙ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ
И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ

389

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. К разделу «Источники русской истории»
401

II. К разделу «Историография»
408

ПОСЛЕСЛОВИЕ
431

КОММЕНТАРИИ
448

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
490

Ключевский В. О.

К52 Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение) / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. составили Р. А. Киреева, В. А. Александров и В. Г. Зими́на.—М.: Мысль, 1989.—508, [1] с.

ISBN 5-244-00072-1

ISBN 5-244-00413-1

В седьмом томе продолжается публикация специальных курсов В. О. Ключевского. Здесь печатается курс «Источники русской истории», источниковедческие семинары по «Русской Правде» и «Псковской Правде». В историографическом разделе помещены лекции по русской историографии XVIII в., а также материалы по истории исторической науки, начиная с так называемого варяжского вопроса и кончая обзором историографии 1861—1893 гг. В книгу входят очерки В. О. Ключевского о крупных историках России: В. Н. Татищеве, И. Н. Болтине, Н. М. Карамзине, М. П. Погодине, Т. Н. Грановском, С. М. Соловьеве, К. Н. Бестужеве-Рюмине, И. Е. Забелине, Н. И. Костомарове и др.

К 0503020000-017 Подписное
004(01)-89

ББК 63.3(2)

Василий Осипович
КЛЮЧЕВСКИЙ
СОЧИНЕНИЯ В ДЕВЯТИ ТОМАХ
ТОМ VII
СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ

Редакторы
Л. В. РОГОВА
Л. П. ЖЕЛОБАНОВА

Оформление художника
В. А. КОРОЛЬКОВА

Художественный редактор
Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ

Технический редактор
Е. А. МОЛОДОВА

Корректор
Т. М. ШПИЛЕНКО

ИБ № 4000

Сдано в набор 05.05.89.
Подписано в печать 19.09.89.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
типограф. № 1. Гарнитура «Таймс».
Высокая печать. Усл. печатных
листов 26,88. Усл. кр.-отт. 27,3. Учётно-
издательских листов 31,94. Тираж
250 000 экз. Заказ № 2148.
Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский
проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ор-
дена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая типография»
Государственного комитета СССР по
печати. 113054, Москва, Валуевская, 28.